

АПРѢЛЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

(Продолженіе см. на стран. 11.)

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ПЯТЫЙ АКТЪ.

(Разсказъ).

Тьма, прорѣзанная огнями, лежитъ надъ городомъ чернымъ пологомъ; но благовѣстъ уже всколыхнулъ ее и разбудилъ тишину.

Кой-гдѣ проснулись люди. На чердакахъ, въ подвалахъ замелькали свѣтлыя точки, и фонарщикъ протащилъ по панели свою длинную лѣстницу, которая никакъ не хочетъ улечься спокойно на утомленномъ плечѣ.

Мало-по-малу гаснутъ ряды тусклыхъ созвѣздій газа,—электричество потухло все сразу,—фонарщикъ идетъ дальше, оставляя за собою нѣмые коридоры улицъ съ залегшей въ нихъ предразсвѣтной тьмою.

Гдѣ-то далеко гудятъ гудки, раздается первый свистокъ парохода, возлѣ рынковъ загремѣли телѣги, сонныя дѣти развозятъ молоко въ телѣжкахъ, телеграфистъ съ пустой сумкой идетъ въ свою контору. Пьяный валяется на углу панели, другой такой-же пьяный въ цилиндрѣ проносится на рысакѣ и резиновыхъ шинахъ.

Едва розовѣетъ небо. Стекла въ окнахъ отливаютъ перламутромъ; но туманъ еще прилипъ къ скользкимъ стѣнамъ, еще смотрятъ онѣ хмуро, ожидая солнца.

Огни на чердакахъ и въ подвалахъ погасли, люди уже вышли оттуда. Не отдохнувшіе отъ вчерашняго труда, они уже отправились сегодня снова на работу. Вездѣ мелькаютъ ихъ спѣшащія группы.

У церквей—толпы нищихъ; посреди пустынныхъ улицъ—дворники, вышедшіе подметать мусоръ. Они бранятъ извозчиковъ, которые уснули возлѣ запертыхъ подъѣздовъ.

Но вотъ дворники умолкаютъ, сторонятся къ панели: мимо быстро проѣзжаетъ карета, за ней другая. Стекла въ обѣихъ подняты, лица, глядящія оттуда, строго блѣдны, и розовая заря горитъ ярче на лезвіѣ обнаженной шашки жандарма.

Издали блеститъ полноводная рѣка, окованная гранитомъ. Борьба зари съ ночною тьмою во всей красотѣ на ея широкихъ даляхъ. Весь берегъ еще во власти тумана, и только сверкаетъ острый шпиль крѣпости, какъ золоченый мечъ въ рукѣ невидимаго великана.

Морской вѣтеръ встревожилъ рѣку. Сердито прыгая, несутся волны вспять, въ городъ, волнуя тихіе каналы, а невысокіе острые гребни ихъ уже порозовѣли отъ привѣтствія солнца.

Подъ рѣзкую пѣсню башенныхъ курантовъ, кареты съ мягкаго торца въѣзжаютъ на камни моста, и камни, нѣмые дотолѣ, начинаютъ кричать о чемъ-то, къ кому-то взываютъ.

Люди съ саблями на-голо не понимаютъ того, о чемъ кричатъ камни; но на широкой панели щеголеватаго моста есть кто-то. Тамъ стоитъ тонкая дѣвичья фигура, и каждый крикъ бездушнаго камня отзывается больнымъ ударомъ въ ея сердцѣ.

Быстро пронеслись кареты; на мгновеніе скрестились взоры дѣвушки и сидящаго тамъ человѣка; но этого мгновенія было достаточно, чтобы измѣнить навсегда все теченіе ея жизни.

Стукъ колесъ уже едва доносится; замолчали камни, разорвался дымчатый пологъ тумана, полнеба горитъ въ снопахъ острыхъ лучей солнца, гудки со всѣхъ сторонъ поютъ свою призывную пѣсню, а поблѣднѣвшая дѣвушка все стоитъ, безсильно прислонившись къ широкому фонарному цоколю: въ каретѣ она увидѣла дядю Андрея, своего лучшаго друга.

Въ полуобморокѣ, она едва держится на ногахъ отъ волненія, въ то время, какъ ея бѣлая горностаевая муфта скользнула въ воду и плыветъ уже по рѣкѣ.

Нельзя понять издали, что это такое? Бѣленькое, хвостатенькое, тихонько колышется оно на оранжевыхъ волнахъ и, подгоняемое быстрыми толчками морского вѣтра, движется впередъ.

— Собака, что-ли?—думаетъ постовой городовой, стоящій у моста возлѣ крѣпости. Защищая рукой глаза отъ яркаго свѣта, онъ внимательно смотритъ на сверкающія волны, а таинственный предметъ уплываетъ все дальше.

Городовой бѣжитъ внизъ, къ казенной пристани, укрытой за послѣднимъ пролетомъ моста, и скоро оттуда выплываетъ служебная лодка. Вотъ подъѣхала лодка къ загадочной вещи, вотъ зацѣпили ее багромъ.

Ѣдутъ обратно городовой съ гребцомъ и смѣются: думали, что-нибудь живое, спасать собирались; а оказалось—просто муфта.

На берегу встрѣчаетъ ихъ уже цѣлая толпа. Рабочіе, мастеровые, поденщики остановились по пути, чтобы немного развлечься передъ началомъ долгаго трудового дня.

Лодка колышется гдѣ-то внизу у моста, съ берега ничего не видно.

— Чего нашелъ, родимый?—спрашиваетъ женщина, пытаясь заглянуть подальше въ холодную глубину пролета.

— Робенка,—смѣясь, отвѣчаетъ лодочникъ.

— Робенка? Робенка нашли... Слышь, утопъ, сердечный,—раздается вокругъ.

— Можетъ, мать, подлая, утопила...

— А большой робеночекъ-то?

— Цѣлыхъ два,—шутитъ мужикъ.

— Двое? Нешто двоихъ утопила, окаянная? О Господи!

— Расходись!—раздается снизу команда городового.

Мужикъ, продолжая смѣяться, заворачиваетъ муфту въ полу своего кафтана и вноситъ ее въ сторожку.

Куранты на башнѣ повторяютъ свою привычную пѣсню и бьютъ часы.

Въ сторожкѣ муфта подвергнута тщательному осмотру. Она, по модному, большая, бѣлая съ черными хвостиками, обшита кружевами. Кружева сейчасъ, какъ тряпки; слипшійся мѣхъ похожъ на облѣзлаго котенка; внутри, за шелковой подкладкой, прощупывается что-то твердое. Нашли маленькое отдѣленіе, закрытое мудреной застежкой, гдѣ еще почти сухо. Тамъ—портмонэ съ нѣсколькими золотыми, письмо въ конвертѣ съ адресомъ и свѣжеотпечатанный листокъ, пахнущій краской, испещренный корректурными іероглифами.

Приблизивши головы къ бумагѣ, городовой съ мужикомъ читаютъ листокъ: „Товарищи солдаты"...

Послѣ первыхъ-же словъ обѣ головы отпрядываютъ одна отъ другой. Лицо представителя власти пріобрѣтаетъ оффиціальное выраженіе. Онъ глядитъ на изумленнаго мужика холодными, незрячими глазами, молча свертываетъ листокъ, кладетъ его въ свой карманъ, заворачиваетъ муфту въ какую-то грязную тряпку и направляется къ двери.

— Куда ты?—говоритъ съ сожалѣніемъ мужикъ,—дай почитать.

— Нельзя,—лаконически отвѣчаетъ городовой и выходитъ.

Группа любопытныхъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Несетъ, несетъ...—раздается замирающій шепотъ.

— Маленькое какое... господинъ городовой...

— Разойдись!—бросаетъ послѣдній и уходитъ.

Толпа мало-по-малу рѣдѣетъ.

Она разбредется по большому городу, разсыпется по подваламъ, по фабрикамъ, по заводамъ и мастерскимъ; она спрячется куда-то до вечерней зари, а потомъ снова выйдетъ откуда-то, еще разъ обманутая жизнью. Но этотъ день все-таки не похожъ на вчерашній, онъ отмѣченъ воспоминаніемъ: сегодня будутъ говорить о ребенкѣ, даже о двухъ ребятахъ, которыхъ злодѣйка-мать утопила въ рѣкѣ.

Солнце уже высоко. Оно высушило хмурыя стѣны, ярко играетъ на золотѣ церквей, всюду бросаетъ лучи и косыя тѣни. Крѣпчаетъ вѣтеръ.

Начинается столичный день.

Приказчики, пожимаясь и позѣвывая, снимаютъ желѣзныя ставни съ зеркальныхъ оконъ, скрипятъ засовы, визжатъ ржавыя петли. Засновали трамваи, забѣгали конки.

Около „казенокъ“ уже набрался хвостъ людей съ пустыми бутылками въ рукахъ. Соблюдается строгая очередь; въ толпѣ тихо, выходящіе не мѣшаютъ входящимъ. Пьютъ тутъ-же, гдѣ-нибудь подъ воротами, выбивая пробку ладонью, и снова становятся въ очередь, чтобы получить за бутылку деньги.

Возлѣ стоитъ городовой, наблюдая.

Въ бельэтажахъ еще спятъ; но надъ ними, на верхахъ, уже шторы подняты, форточки открыты. Учителя, чиновники уже готовы и торопливо читаютъ газеты, сидя за чаемъ.

Окрашенный радугой, вьется дымъ ихъ трубъ; но, подхваченный вѣтромъ, мечется надъ крышами, пропадая между сырыми стѣнами высокихъ домовъ, гдѣ разносчики уже затянули свою нескончаемую пѣсню.

Съѣстныя лавки полны прислугой; мальчики выходятъ оттуда съ громадными корзинами на головѣ, отъ которыхъ подгибаются ихъ дѣтскія ноги. Пробѣжала худенькая швейка; по мостовой тяжело ступаетъ точильщикъ со станкомъ на спинѣ, его обгоняетъ высокій трубочистъ. Онъ строенъ, легокъ и мрачному точильщику кажется, что онъ даже веселъ, благодаря своей легкости...

Группа оборванцевъ, окруженная городовыми, направляется въ соотвѣтствующую часть. Это—жатва сегодняшней ночи.

Ихъ согнали со всѣхъ концовъ столицы и, какъ бродягъ, отправятъ на родину по этапу, откуда они скоро вернутся обратно.

Между тѣмъ, городовой отнесъ муфту въ участокъ. Облако таинственности, однако, еще окружаетъ маленькую пристань; у моста и у дежурнаго судна все еще мѣняются группы.

Мало-по-малу создается легенда.

Уже другая волна людей выброшена въ этотъ часъ на улицу, ихъ сердца также ищутъ чудеснаго и жадно впитываютъ въ себя необычный разсказъ.

Останавливается зеленолицый чиновникъ съ портфелемъ подмышкой, учитель, гимназистъ, богомольная старушка, для которой гудитъ колоколъ этой маленькой церкви съ позолоченнымъ куполомъ.

— Убили человѣка, завязали въ одѣяло и бросили въ воду,—объясняетъ одинъ другому.

Со сладкой жутью, съ сознаніемъ полной безопасности въ данное мгновеніе, стоитъ любопытная толпа, глядя внизъ, гдѣ все такъ обыденно сейчасъ, гдѣ бѣгаютъ юркіе финляндскіе пароходики, гдѣ свистятъ, перекликаясь, неуклюжіе буксиры и тянутся барки съ дровами.

Наглядѣвшись, наслушавшись, расходятся... А въ канцеляріяхъ, въ магазинахъ, въ гимназіяхъ заговорятъ сегодня о трупѣ, изрѣзанномъ на куски, вплетутъ фантазію въ обыденное, и обыденное на мгновеніе засверкаетъ чѣмъ-то необычайнымъ и снова быстро потухнетъ.

Фантазію разрушаетъ дѣйствительность: изъ церкви выходитъ похоронная процессія, и толпа жадно устремляется къ новому зрѣлищу. Роскошный катафалкъ убранъ вѣнками, сверкаетъ кистями и электричествомъ; наверху пучки перьевъ, которыя безпощадно рветъ вѣтеръ. Впереди — цѣлая процессія священниковъ въ черныхъ ризахъ, надѣтыхъ поверхъ теплой рясы; хоръ поетъ такъ стройно, благоуханіе ладана такъ сладко напояетъ сырой воздухъ, что небольшая группа родныхъ какъ-то невольно пополняется толпой любопытныхъ, которую замыкаетъ хвостъ каретъ съ трауромъ на фонаряхъ.

— Кто умеръ?

Нищіе за каретами и тѣ, что ожидаютъ у воротъ кладбища, знаютъ покойника. Это богатый купецъ; на поминкахъ будутъ раздавать пироги съ горохомъ, съ капустой, и гдѣ-то далеко, совсѣмъ далеко отъ кладбища, блѣдныя подвальныя дѣти протянутъ жадныя ручонки за кусками, которые имъ принесутъ эти, идущіе за гробомъ.

И всѣ событія дня схватываетъ на лету талантливый репортеръ большой газеты.

Въ головѣ его уже готовъ отчетъ о похоронахъ, разсказъ объ арестѣ на Пряжкѣ, о вооруженномъ сопротивленіи и даже о муфтѣ. Онъ знаетъ и легенду о двухъ дѣтяхъ, бро-

шенныхъ въ воду злодѣйкой-матерью, о трупѣ, изрѣзанномъ на куски... Это вздоръ, конечно! Однако, таинственный фактъ остается необъяснимымъ: почему такая богатая муфта, очевидно, принадлежащая особѣ высшаго круга, дала у себя пріютъ корректурнымъ листамъ нелегальной прокламаціи? И зачѣмъ она была брошена въ воду?

Эти же вопросы волнуютъ служащихъ въ полицейской части, но здѣсь волненіе въ значительной мѣрѣ усложнилось: маленькое портмонэ (перламутръ съ серебромъ) заключало въ себѣ, кромѣ денегъ, еще и письмо въ конвертѣ, съ адресомъ: Лидіи Оскаровнѣ Орденъ-Бахъ.

Въ полицейской части знаютъ эту фамилію: тотъ великій, кто носитъ ее, недосягаемъ для личностей полицейскаго управленія. Въ десницѣ своей держитъ онъ громы міра, а шуйцей—низвергаетъ въ преисподнюю. Это тотъ, чье имя произносится лишь въ крайнихъ случаяхъ, тотъ, на кого никто не смѣетъ поднять ослѣпленные взоры... Но возможно-ли, чтобы таинственная муфта упала въ участокъ съ такого Олимпа?

Однако, въ городѣ только одна такая фамилія. Всѣ члены ея живутъ вмѣстѣ въ большомъ казенномъ домѣ, опоясанные радугой величія.

Затрудненіе и трепетъ, котораго въ полиціи еще не переживали!

Телефонъ трещитъ непрерывно, появляются все новыя и новыя лица, дверцы шкафа, въ которомъ прѣетъ горностаевая муфта, постоянно открыты,—посѣтители пожираютъ ее глазами... Время идетъ, загадка, какъ бы проясняясь, затемняется еще больше, трепетъ все нарастаетъ. Надо поскорѣе освободиться отъ опасной находки и препроводить ее въ надлежащее мѣсто, въ собственныя руки Антона Ивановича Гнотинскаго. Онъ все знаетъ!..

Муфта изъ участка переѣзжаетъ на Мойку. И, дѣйствительно, Антонъ Ивановичъ все знаетъ.

Да! Да! Лидія Оскаровна Орденъ-Бахъ существуетъ. Это, дѣйствительно, племянница самого барона. Это — дочь его брата, того, который уже вдовцомъ женился на милліонершѣ Крашенниковой. Лидія Оскаровна ея единственная дочь, теперь сирота и богачка... На ней баронъ хочетъ женить своего старшаго сына Ивана Августовича.

Но тогда... какъ быть?

Прокламація, очевидно, сейчасъ только набрана; на ней видны корректурныя помѣтки, и хотя онѣ испорчены водой, почеркъ можно разобрать отлично... Неужели она, его пле-

мянница, исправляла революціонное воззваніе къ солдатамъ?

Быть можетъ. Нынче всего можно ожидать... Надо достать ея почеркъ... И если это она... Такъ что-жъ? Теперь все такъ перемѣшалось въ жизни, что ничему не приходиться удивляться... Да и некогда удивляться, потому что надо ковать желѣзо, пока горячо. Для умнаго человѣка всякое событіе есть нить, изъ которой онъ долженъ прясть ткань собственнаго благополучія.

Антонъ Ивановичъ Гнотинскій думаетъ, что онъ и есть тотъ умный человѣкъ. Онъ рѣшаетъ держать крѣпко въ рукахъ эту нить... Сейчасъ онъ сидитъ въ кабинетѣ, почти ослѣпленный: вѣдь какія открываются перспективы! Можно быть вознесеннымъ въ мигъ... да... но также возможно быть въ мигъ и низринутымъ.

Вспомнилъ Антонъ Ивановичъ свою жену, которая постоянно въ немъ сомнѣвается... Теперь онъ даже пересталъ повѣрять ей свои широкія мечты, потому что въ самые сладкіе моменты воспареній, точно ледяной водой, обливала его ея скептическая улыбка. „Ты слишкомъ толстъ, Антоша, чтобы чего-нибудь добиться“—говорила она. И—что досаднѣе всего,—дѣйствительно, всѣ планы его оканчивались неудачами. Но теперь, теперь...

Сердце жадно бьется и замираетъ, какъ всегда, когда затѣвается большая игра. Теперь пропадетъ у него сонъ, аппетитъ, нервы обострятся до послѣдней степени... Главное, надо все обсудить и не торопиться. Сколько разъ проваливались блестящія дѣла изъ-за опрометчивой поспѣшности... Надо успокоиться и все холодно обдумать.

Прежде всего: достать ея почеркъ. Кто-то изъ агентовъ близокъ съ экономкой Орденъ-Баха? Дулѣба, кажется... Только онъ глупъ, напутаетъ, пожалуй...

Антонъ Ивановичъ снова волнуется, но, силой воли сдерживая волненіе, продолжаетъ „холодно обдумывать“.

И въ результатѣ къ одиннадцати часамъ утра у экономки, Амаліи Карловны, въ гостяхъ солидный субъектъ при часахъ и съ перстнями на пальцахъ.

Амалія Карловна такъ рада!

Уютная комнатка въ казенномъ домѣ, со стѣнами, толстыми, какъ въ крѣпости, и окномъ, глубокимъ, какъ бойница; ноги прохожихъ мелькаютъ передъ подоконникомъ; перегородка, выкрашенная въ сѣрое и раздѣляющая ее на двѣ половины, не доходитъ до сводчатаго потолка, и наверху, въ пустомъ пространствѣ, разносится гулкое эхо.

Гость кушаетъ кофе съ горячимъ калачемъ, Амалія Карловна спѣшитъ жаловаться на свою горькую участь.

— Я всегда у нея во всемъ виновата... Денегъ жалѣетъ... Скупые, какъ... какъ шкелеты, а всего требуютъ, всѣхъ корми на грошъ, а однихъ курьеровъ четверо...

Гость громко дуетъ въ стаканъ; но свободной рукой указываетъ на перегородку, гдѣ помѣщается камеръ-фрау.

— Нѣту... загоняли! Да и она то же скажетъ, всегда голодная... А сегодня у нихъ пріемный день, файфъ-клокъ, такъ ужъ съ разсвѣта гоняютъ. Денегъ нѣтъ, жалованьемъ только живы, а все принимаютъ.

— Племянница вѣдь богатая, — вставляетъ гость,—чай, пользуются.

— Сейчасъ пользуются, пока опека, а скоро ей выйдетъ совершеннолѣтіе, и тогда—тю-тю!

— Да вѣдь молодой-то оженится..

— Ну... это еще какъ будетъ.

— Развѣ? Чего ей фордыбачить-то? Вѣдь изъ себя не больно красива, худущая такая...

— Нѣтъ, это наша Татьяна тоща, дочка барона, а та—ничего, полненькая, румяная.

— Это, стало быть, та, что въ горностаяхъ ходитъ? На шеѣ воротникъ, а въ рукахъ муфта, этакая большая съ кружевомъ да хвостами?

— Она и есть племянница.

— Всегда живетъ у васъ?

— У насъ... Когда ѣздитъ къ дядѣ своему фабриканту Крашенникову, материну брату... Только больше у насъ, тамъ купцы, какая ей компанія, а здѣсь—самый пупъ... аристократія!

Молчаніе.

Гость со свистомъ допиваетъ кофе, переворачиваетъ стаканъ донышкомъ кверху и вытираетъ лобъ, который весь покрытъ каплями пота—не столько отъ принятаго угощенія, сколько отъ предстоящаго выполненія дипломатической задачи.

Субъектъ не знаетъ, какъ приступить къ ней, усиленно дышитъ, мнетъ платокъ и, наконецъ, говоритъ:

— Благодаримъ покорно...

— Спасибо вамъ, что вспомнили, — отвѣчаетъ, вздыхая, Амалія Карловна,—почаще жалуйте... Живемъ въ одиночествѣ, въ скукѣ, людей не видимъ. . Томительная жизнь!

Она намѣрена предаться сладости изліяній, но почти надъ самымъ ухомъ трещитъ электрическій звонокъ.

Она слегка вздрагиваетъ, оглядывается на указатель, который выкинулъ бѣленькій квадратикъ съ буквой „А“, и бросаетъ ему сухо: „Небось, подождешь“...

Но, все равно, настроеніе разрушено. Гость поднимается съ мѣста и говоритъ уже безъ всякой политики:

— У меня къ вамъ дѣльце есть, дорогая, такъ... порученіе отъ начальства... Прошу оказать содѣйствіе.

— Съ полнымъ удовольствіемъ, Антипъ Яковлевичъ.

Звонокъ трещитъ еще; но теперь никто на него не оглядывается, только разговоръ становится торопливѣй.

— Необходимо намъ писаніе руки дѣвицы вашей... Только взглянуть!

— Которой?

— Племянницы. Требуется для надобности...

— Почеркъ, значитъ?

— Именно, почеркъ. Это вамъ не затруднительно?

— О, нисколько! У ней пропасть написано... Вотъ сейчасъ, пойду узнаю, что отъ меня нужно, и принесу.

Звонокъ начинаетъ трещать непрерывно. Амалія Карловна медлитъ уже изъ чувства собственнаго достоинства; но, наконецъ, не спѣша, уходитъ.

Черезъ минуты двѣ, гость ныряетъ изъ подворотни на улицу, пряча въ боковой карманъ листокъ бумаги, исписанный крупнымъ, твердымъ почеркомъ, которому позавидовалъ бы любой писарь.

На улицахъ уже людно; вѣтеръ, превратившійся почти въ ураганъ, гудитъ между домами, какъ среди каменныхъ ущелій. Солнце высушило ночную сырость и закуталось въ густой туманъ, откуда смотритъ на людей злымъ, кровавымъ окомъ.

Въ скверахъ кружится пыль; но тамъ играютъ румяныя дѣти съ боннами, у которыхъ различіе типовъ сглажено одинаковымъ выраженіемъ безвыходной, подавляющей скуки.

По торцу проѣзжаютъ упитанные, свѣже-выбритые господа съ портфелями подъ мышкой, трещатъ звонки пролетающихъ трамваевъ, гудятъ рожки автомобилей. На широкой панели уже начинается давка. Тутъ и группы студентовъ, и учениковъ консерваторіи, и музыканты съ футлярами своихъ инструментовъ.

Сѣрая толпа однообразна и не краситъ собою сѣрыхъ улицъ съ сѣрыми домами. Не видно яркихъ пятенъ, не слышно громкаго смѣха... и сѣрая масса, наполняющая сѣрыя улицы подъ сѣрымъ небомъ,—такъ ясно иллюстрируетъ сѣрое содержаніе ея сѣрой жизни.

Молодежи въ различныхъ формахъ становится все больше. Она волнуется, обмѣнивается короткими фразами и спѣшитъ на островъ.

— Сегодня сходка, во что бы то ни стало!

— Ночью арестовали четверыхъ на Пряжкѣ. Было сопротивленіе.

— Здравствуй, — говоритъ одному изъ студентовъ его братъ музыкантъ со скрипкой подъ мышкой,—что новенькаго?

— Сходка... И ужъ на этотъ разъ...—отвѣчаетъ тотъ, пожимая ему руку.

— Сходка?—повторяетъ музыкантъ, идя рядомъ; но повторяетъ такъ равнодушно, что братъ сразу оскорбленъ и начинаетъ презирать.

Но вѣдь у музыкантовъ есть свои заботы: скоро концертъ въ пользу оркестра, концертъ экстренный, небывалый, потому что самъ великій Камератъ пріѣхалъ дирижировать. И вдругъ, скандалъ! Вчера, во время репетиціи онъ потерялъ брилліантъ изъ своего кольца.

Музыкантъ злорадно смѣется.

— Онъ всегда парадировалъ этимъ брилліантомъ! Сердца имъ зажигалъ...

— Брилліантъ?—презрительно повторяетъ студентъ.

У перекрестка братья разстаются. Студентъ спѣшитъ въ университетъ, презирая мелкіе интересы брата, а музыкантъ входитъ въ вестибюль театра, не откликнувшись сердцемъ на волненіе студента.

Его первый вопросъ въ вестибюлѣ обращенъ къ швейцару:

— Что, нашелся?

Швейцаръ улыбается.

— Нѣтъ, не нашелся,—отвѣчаетъ за него коллега, вторая скрипка, старикъ съ длинной сѣдой бородой, которую онъ во время игры подкладываетъ вмѣсто платка подъ деку.

Они идутъ вмѣстѣ въ исполнительскую и смѣются. Весь оркестръ доволенъ, что фатоватый Камератъ потерялъ августѣйшій подарокъ и будетъ завтра „самоотвергаться“ безъ брилліанта.

А швейцаръ выходитъ на улицу, глядитъ на кровавый глазъ солнца, прислушивается къ свисту урагана и вздыхаетъ.

Городовой, стоящій у высокаго электрическаго фонаря, посматриваетъ на каланчу, гдѣ развѣваются какіе-то флаги. Швейцаръ глядитъ туда-же.

— Поднимается вода?—говоритъ онъ.

— Поднимается... Гудитъ,—отвѣчаетъ городовой.

— Быть бѣдѣ... Зальетъ гавань!—вздыхаетъ швейцаръ и бросается къ подъѣзду, куда подкатила пролетка съ директоромъ.

„Зальетъ, какъ пить дастъ“...—думаетъ онъ, вѣшая пальто

и снова вздыхаетъ: въ гавани, почти у самаго моря, въ маленькой избушкѣ, живетъ его семейство.

Полдень.

Изъ-за крѣпостной стѣны вылетаетъ маленькій бѣлый клубочекъ дыма, который въ ту же секунду разорванъ вѣтромъ; тяжелый ударъ катится вслѣдъ за клубочкомъ, ударяетъ въ стѣны зданій за рѣкой и съ глухимъ отзвукомъ несется по улицамъ города.

Дрогнуло зеркальное окно на набережной, гдѣ еще спущена блѣдно-желтая штора съ затѣйливой вышивкой. Стекло звенитъ и будитъ молодую женщину, спящую за китайской ширмочкой подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ.

Некрасивая головка поднялась съ подушки, и узкая рука дотронулась до звонка.

Въ дверь тотчасъ же заглядываетъ туго затянутая камеристка съ крахмальными мотыльками въ гофрированныхъ волосахъ.

— Князь уѣхалъ?

— Только собираются.

— Попросите его на минутку.

Дама снова одна.

Она глядится въ ручное зеркало чудесной филигранной работы, кружевомъ платка вытираетъ зубы и блѣдныя десна, поправляетъ волосы. Они развились за ночь и падаютъ вокругъ лица некрасивыми желтыми прядями.

Слышны шаги.

Быстро ныряетъ зеркальце въ столикъ съ розовой доской, и дама, откинувшись на подушки, придаетъ серьезное выраженіе своему безцвѣтному лицу.

Князь входитъ румяный, свѣже-выбритый, выкупанный въ холодной водѣ, обтертый одеколономъ. Борода его расчесана волосокъ къ волоску, проборъ черезъ всю голову ровненько по серединѣ. Онъ пышетъ здоровьемъ, радостью бытія и кажется безконечно великодушнымъ, когда, наклоняясь, прикладываетъ свои выпуклые красныя губы къ желтоватому лбу супруги. Его станъ немного полонъ, но строенъ, а генеральскій мундиръ пахнетъ острыми англійскими духами.

— Ты опять опоздаешь, Томасъ,—говоритъ она, жадно вдыхая ароматъ духовъ и свѣже-вымытаго тѣла, въ то время какъ взоръ ея полонъ покорности, — ты никакъ не можешь привыкнуть къ тому, что дядя любитъ аккуратность.

— Но, petite chère, я уже выходилъ, когда ты меня позвала...

Генералъ снисходителенъ къ супругѣ. Молодецъ-молодцомъ, онъ не унизится до препирательствъ съ дамой, ибо онъ желаетъ навсегда сохранить свое хорошее расположеніе духа. Онъ слѣдитъ за нравственнымъ здоровьемъ своимъ такъ же строго, какъ и за физическимъ. Оттого на лицѣ его всегда спокойная улыбка, открытый, хотя и строгій взоръ.

Князь—избранникъ судьбы: ему еще далеко до пятидесяти лѣтъ, а онъ уже камергеръ и губернаторъ. Онъ любитъ свою губернію. Онъ желаетъ добра своей родинѣ.

Собственно, губернаторская философія князя сводится къ тому, чтобы въ его губерніи все было не хуже, чѣмъ въ другихъ; не хуже, но и не лучше... Тогда станутъ завидовать, подкапываться; а это такъ хлопотливо! Столицы онъ не любитъ, но ѣздить сюда надо. Эти поѣздки—точно постъ послѣ масленицы. Здѣсь всегда превалируетъ его губернаторша Джесси, племянница Орденъ-Баха. Здѣсь много ея родни, и, благодаря ей, онъ—бѣдный сирота въ случаѣ.

Да, князь старается ладить со всѣми. Но и такое равновѣсіе, завоеванное иногда съ большими, часто невидимыми усиліями, не всегда бываетъ устойчиво... Вотъ хотя бы въ данное время...

— Томасъ,—говоритъ Джесси,—послѣ пріема ты заѣдешь къ тетѣ Амаліи, вѣдь сегодня ея пріемный день, а ты знаешь, дядя очень слѣдитъ за этимъ... Да и тетя можетъ повредить... Слѣди, Томасъ, за собой! Въ такое время, какъ сейчасъ, даже дядя не все можетъ.

— Хорошо, Bibi, хотя... какъ разъ сегодня нѣсколько штукъ губернаторовъ рѣшили собраться у Донона.

— Но, милый, пусть всѣ другіе губернаторы и собираются у Донона, а ты долженъ быть сегодня на пріемѣ у тети Амаліи... Вѣдь, въ концѣ концовъ, я всего только племянница.

Князь смѣется, а Джесси удивлена: чему здѣсь смѣяться? Но онъ доволенъ, когда однообразіе его душевныхъ переживаній изрѣдка освѣжается струей юмора, и сейчасъ онъ констатируетъ, что это „только племянница“ достойно быть оттѣненнымъ ярче всего прочаго.

— Не понимаю, Томасъ,—начинаетъ Джесси, но князь наклоняется, цѣлуетъ ее еще разъ въ лобъ и эластической походкой идетъ къ двери.

— Да... пожалуйста, будь полюбезнѣе съ Ликой,—бросаетъ ему вслѣдъ супруга.

— О, конечно...

Онъ снова тихонько смѣется себѣ въ усы и выходитъ.

Просьба эта вполнѣ понятна: Лика, эта „особа купеческаго происхожденія“,—единокровная сестра Джесси. Но у

Джесси, чистѣйшей аристократки по отцу и по матери, нѣтъ денегъ. Когда она хочетъ получить кой-что отъ Лики, то не надѣется достигнуть этого своею любезностью и пользуется его даромъ очаровывать.

Князь называетъ такіе моменты „трагической коллизіей“ и часто сердитъ Джесси излишнимъ подчеркиваніемъ неудобнаго факта.

Но князь все-таки смѣется... Улыбаясь, сходитъ онъ съ лѣстницы, улыбаясь, подставляетъ высокія плечи лакею, который накидываетъ на нихъ шинель съ красной подкладкой, въ то время какъ внизу швейцаръ съ перевязью и въ галунахъ уже распахиваетъ парадную дверь.

Кучеръ усталъ сдерживать рысака. Онъ слегка отпускаетъ возжи, и узенькая эгоистка летитъ, едва касаясь мостовой резинами. Ураганъ свиститъ навстрѣчу, рветъ фуражку, распахиваетъ отвороты шинели,—а на сердцѣ у князя такъ радостно! Радостно помимо воли, не взирая на то, что въ министерствѣ предстоятъ непріятныя объясненія: у него въ губерніи сбѣжалъ политическій. Это можетъ переполнить чашу терпѣнія здѣсь, въ столицѣ. Да развѣ за всѣмъ углядишь?

Князь желаетъ сосредоточиться, приготовить объясненіе; но не можетъ. Здоровье, жизнерадостность бьютъ ключемъ и освѣщаютъ тѣни житейскія розовымъ свѣтомъ.

Пролетка несется, ураганъ свиститъ, князь привѣтливо откозыриваетъ направо и налѣво, раскланивается со знакомыми и благосклонно крестится каждый разъ, какъ замѣтитъ золотой куполъ церкви.

Черезъ нѣсколько минутъ пролетка уже у желтаго дома, занимаемаго дядей Орденъ-Бахомъ.

Губернаторъ привѣтливо здоровается со швейцаромъ; но швейцаръ докладываетъ, что ихъ высокопревосходительство уже отбыли въ министерство.

Князь слегка посвистываетъ... Ѣхать самому „на съѣденіе“, какъ опредѣляетъ онъ свой визитъ, вовсе ужъ не такъ весело.

Даже картина города начинаетъ будто мѣняться къ худшему. Ураганъ пронизываетъ, скучная линія сѣрыхъ зданій съ грязнымъ потокомъ сѣрой толпы на сѣрыхъ панеляхъ кажется однообразно-утомительной. Группа городовыхъ, которыхъ нагоняетъ пролетка, также не способствуетъ украшенію однотоннаго пейзажа. Князь уже вяло откозыриваетъ, но за то усерднѣе крестится: небрежный взмахъ справа налѣво замѣненъ настоящимъ православнымъ крестнымъ знаменіемъ.

Дальше пролетка догоняетъ отрядъ солдатъ въ боевомъ

вооруженіи. Опытный глазъ администратора замѣчаетъ въ ихъ лицахъ напряженіе, какого не бываетъ безъ причины. Пріостановивъ бѣгъ рысака, князь на ходу бросаетъ вопросъ околоточному. Да, чутье не обмануло, солдаты идутъ къ университету, тамъ бунтуютъ студенты.

Досада!

Въ столицѣ, значитъ, неблагополучно... Впрочемъ, неизвѣстно еще, быть можетъ,—сегодняшній бунтъ „самому" на руку, тогда пронесетъ! А если не на руку — бѣда! Будетъ злиться, цѣдить сквозь зубы и, нарочно не дослушивая, переспрашивать, будто дразня, всякое слово и обжигать лицо мелькающимъ, небрежнымъ взглядомъ. Отвратительная манера!

И, какъ на зло, опоздалъ поѣхать съ дядей!

Теперь придется одному выносить этотъ нарочито нетерпѣливый и нарочито сдержанный видъ... Изволь придумывать краткія фразы, полныя содержанія... Но если онъ не мастеръ чеканить слова?..

Князь съ каждой минутой становится озабоченнѣе. Онъ уже не разглядываетъ гуляющихъ дамъ, тѣмъ болѣе, что теперь и не встрѣтятся знакомые, такъ какъ люди ихъ общества въ это время за завтракомъ. Знаменія креста становятся все чаще и сотворяются все благоговѣйнѣе.

Но вдругъ улица преграждена необычайнымъ препятствіемъ: быстрымъ галопомъ несется казначейскій ящикъ, окруженный спереди, сзади, съ боковъ, казаками съ винтовками на перевѣсъ, конными городовыми, таинственными личностями на велосипедахъ. Всѣ на улицѣ оглядываются, сопровождая этотъ кортежъ насмѣшливыми улыбками.

Суверенныя чувства администратора оскорблены: можно ли говорить объ успокоеніи, когда приходится охранять желѣзный ящикъ съ деньгами такимъ эскортомъ? Если ему доведется когда-нибудь имѣть въ своихъ рукахъ должную полноту власти...

Но нить горделивыхъ размышленій сразу обрывается у министерскаго подъѣзда.

Вотъ угрюмыя сѣни, ряды вѣшалокъ между десятками высокихъ колоннъ, лѣстница, ведущая въ пріемную, и эта большая пустая комната, которую даже забыли омеблировать, гдѣ приходится проводить томительныя мгновенія.

У стѣнъ сидятъ люди въ мундирахъ и во фракахъ, въ звѣздахъ и безъ звѣздъ, дамы въ траурѣ и въ необычайно широкихъ яркихъ шляпахъ, тѣ назойливыя безтолковыя дамы, которыя составляютъ предметъ мученій и насмѣшекъ секретарей да адъютантовъ.

Но, слава Богу, нѣтъ знакомыхъ.

— Пожалуйте, просятъ,—черезъ четверть часа говоритъ курьеръ.

Спасибо, хоть ждать не заставилъ,—это даетъ увѣренность и нѣкоторое удовлетвореніе.

Двойныя двери открыты и снова закрываются.

Вотъ онъ, этотъ старикъ съ пробритымъ подбородкомъ и глазами, отливающими фосфорическимъ блескомъ. Взоръ его скользитъ, неуловимый; едва мелькнетъ, но обжигаетъ. Одна бровь у него выше другой. Всякому, кто сидитъ передъ нимъ на кожаномъ креслѣ съ высокой рѣзной спинкой, кажется, что эта поднятая бровь относится именно къ нему, и каждый тревожно стремится угадать, чѣмъ вызвано молчаливое неодобреніе сановника.

Князь знаетъ, какъ чувствительна его жесткая рука съ ревматическими узлами на пальцахъ, и пожимаетъ ее, едва прикасаясь своей ладонью.

— Добрый день, ваше сіятельство,—говоритъ хозяинъ, но не дожидается отвѣта: трескъ телефона заставляетъ соскользнуть мелькающій взоръ съ физіономіи посѣтителя. Телефонная трубка приложена къ пергаментному уху; лицо становится скучнымъ, сѣдыя брови дергаются на морщинистомъ лбу.

— Ну, конечно, если надо... Солдаты? Ну, безъ сомнѣнія, что за вопросъ! Если нужно, берите солдатъ... Вѣдь я приказалъ.

Князь по выраженію скучающаго лица понимаетъ, что университетскія волненія сейчасъ вовсе не кстати, и душу его охватываетъ какая-то сѣрая мгла безнадежности.

Но вотъ, трубка положена на мѣсто, и мелькающій, такой, повидимому, равнодушный взоръ обжигаетъ лицо гостя.

— А вѣдь сегодня утромъ изловили того бѣглеца... Знаете, котораго у васъ въ тюрьмѣ прозѣвали,—говоритъ хозяинъ ровнымъ голосомъ, хотя въ глазахъ его играютъ едва уловимые огоньки.

Князь приготовленъ былъ совсѣмъ къ иному... Онъ зналъ свои грѣхи и на нихъ имѣлъ отвѣты; но злой старикъ нанесъ ударъ совсѣмъ съ другой стороны... Гость, подавленный, на мгновеніе теряетъ самообладаніе: онъ вздрагиваетъ и внезапно всѣмъ корпусомъ откидывается на высокую рѣзную спинку стула.

Хозяинъ, довольный эффектомъ, глядитъ на свою жертву съ состраданіемъ, замаскированнымъ ровно на столько, чтобы можно было замѣтить и состраданіе это, и великодушное намѣреніе замаскировать его.

— Я очень радъ,—бормочетъ князь,—я не сомнѣвался, что преступникъ...

— Да, да... Вашъ дядюшка сейчасъ сообщилъ мнѣ это извѣстіе... Сегодня на Пряжкѣ... Какой-то Крашенниковъ пряталъ его и взятъ вмѣстѣ послѣ вооруженнаго сопротивленія.

Ужасное подозрѣніе пронизываетъ душу князя; но сейчасъ уже лицо его застыло и не выдаетъ волненія: вѣдь этотъ Крашенниковъ—дядя Лики, братъ ея матери... Неужели и это уже извѣстно мучителю?

— Радъ, что дѣло окончилось безъ особенныхъ осложненій,—продолжаетъ старикъ,—мнѣ надоѣли вѣчные доносы изъ вашей губерніи... Надо, ваше сіятельство, чтобы было поменьше доносовъ.

— Трудно достигнуть этого теперь...

Старикъ дѣлаетъ останавливающій жестъ рукой, протягивая впередъ ладонь съ распухшими пальцами.

— Я бросаю доносы подъ сукно, такъ какъ знаю, что доносчикъ пишетъ ихъ не изъ платонической любви къ истинѣ. Но если доносы подтверждаются фактами... а у васъ, ваше сіятельство, руки слишкомъ деликатны...

Подобіе улыбки еще болѣе смягчаетъ и безъ того мягкій упрекъ.

— Напримѣръ, судъ... Процессы затягиваются, приговоры иногда изумительно-мягки... Наконецъ, даже когда преступникъ приговоренъ... приговоръ задерживается исполненіемъ.

— Но съ этимъ выходили затрудненія: не находилось желающаго... никто изъ арестантовъ... гм... не хотѣлъ, гм...

— Однако, дѣло администраціи заблаговременно озаботиться. А затѣмъ, — онъ засмѣялся, — мнѣ это такъ весело читать! Васъ, ваше сіятельство, обвиняютъ въ юдофильствѣ.

— О, какъ это мнѣ надоѣло!—насильственная улыбка, все-таки, появилась на лицѣ князя въ отвѣтъ на смѣхъ сановника,—сколько непріятностей съ этими жидами! Ихъ поощрили такъ недавно, а теперь опять...

— Видите ли, князь, вѣянія не имѣютъ устойчивости хеопсовыхъ пирамидъ... Вѣянія—вѣютъ... и все, гм... летитъ по вѣтру...

Трескъ телефона согналъ съ пергаментнаго лица коварную усмѣшку.

— Что такое? Опять университетъ? Но вѣдь я уже сказалъ... Ахъ, Богъ мой, ну, нагайки предпочтительнѣе, конечно... Да, да, въ крайнемъ случаѣ! Не останавливайтесь, надо сдѣлать, что надо.

Трубка съ сердцемъ отброшена.

— Опять волненія,—замѣтилъ князь съ неопредѣленной интонаціей.

Хозяинъ высморкался.

— Побольше выбить пыли—чище въ квартирѣ,—бросилъ онъ небрежно.

А телефонъ опять трещалъ.

— Ахъ, Богъ мой... Ну, что такое? Новодненіе? Такъ что же я-то могу?

Трубка брошена.

— Вѣдь я не Борей и не Эолъ, къ которымъ только и надо сейчасъ обращаться съ мольбами.

Если-бы князь могъ увидѣть сейчасъ въ зеркалѣ свое лицо, онъ бы изумился тому выраженію рабскаго восторга, съ какимъ была встрѣчена эта острота; но зеркала вблизи не было, и князь навсегда остался искренно убѣжденнымъ, что въ разговорѣ съ начальствомъ сохранилъ вполнѣ чувство собственнаго достоинства.

— Да, гм... да...—пробормоталъ хозяинъ и внезапно всталъ; гость также мгновенно поднялся.

— Простите, не могу удѣлить вамъ столько времени, сколько бы хотѣлось,—сказалъ старикъ, подавая князю руку,—мой вамъ совѣтъ: побольше здравой политики... побольше...

Онъ нажалъ кнопку звонка и уже поворачивалъ свое холодное лицо на встрѣчу другому посѣтителю, которому князь уступилъ въ дверяхъ дорогу. Спускаясь по лѣстницѣ обычной эластической походкой, онъ думалъ съ холодной злостью:

— Здравая политика... Вотъ, угадай-ка, что такое здравая политика?.. Попробовалъ бы самъ поискать палача! Хорошо, что, благодаря полицеймейстеру, нашелся городовой... Бралъ сначала по 50 рублей съ шеи, а потомъ запросилъ уже сто... Да и того надо было скрывать и выпускать загримированнымъ: такъ онъ боялся черни... Послушалъ-бы самъ, когда прибѣгаютъ крикливыя жидовки передъ погромомъ... Придется гнать! А лучше проситься въ другую губернію, безъ жидовъ... Куда спокойнѣе...

Въ промежуткѣ князь вспомнилъ наказъ Джесси насчетъ визита къ тетушкѣ Орденъ-Бахъ; но былъ только часъ, время завтрака. Сборище губернаторовъ у Донона представлялось такъ соблазнительно, а у экономной баронессы всегда даютъ,—признаться потихоньку,—такую гадость...

Затѣмъ она вовсе и не „обожаетъ“ (князь иногда любитъ вульгарныя выраженія), чтобы у нея ѣли. Она великодушна и не требуетъ жертвъ сверхъ мѣры.

Наконецъ, замѣтивъ, какъ нерѣшительно двигаетъ его кучеръ возжами, онъ сказалъ:

— Къ Донону...

Рысакъ подхватилъ.

На улицахъ толпа порѣдѣла, всѣ разсыпались по кондитерскимъ и ресторанамъ.

Опустѣли садики, трамваи умѣрили свой бѣгъ, толкотня возлѣ конокъ прекратилась.

Жизнь на мгновеніе слегка замедляетъ свой бѣгъ, чтобы затѣмъ, послѣ отдыха, завертѣться еще быстрѣе.

У Доминика голодная толпа осаждаетъ уставленный яствами прилавокъ. Всѣ торопятся проглотить рюмку водки, захватить кулебяку.

Здѣсь сталкивается вездѣсущій репортеръ съ молодымъ драматургомъ.

Едва разжевывая и торопясь проглотить, репортеръ разсказываетъ пріятелю объ арестѣ на Пряжкѣ, о вооруженномъ сопротивленіи, о муфтѣ, плывшей по рѣкѣ и обращенной въ трупы младенцевъ... А затѣмъ готово разразиться наводненіе, уже—слышите?—палятъ изъ пушекъ. Университетъ окруженъ войскомъ, въ большой аудиторіи солдаты... Пахнетъ кровью!

Молодой драматургъ разсѣянъ, мало ѣстъ и почти не слушаетъ. Собесѣдникъ обидчиво умолкаетъ; но разсѣянность не покидаетъ блѣднаго лица молодого драматурга.

— Да что съ вами, Рачинскій?

Тотъ вздрагиваетъ, виновато улыбается, начинаетъ симулировать преувеличенный аппетитъ; однако, видно, что кусокъ не идетъ ему въ горло.

Тогда репортеръ, вспоминая что-то, со смѣхомъ откидывается на спинку стула.

— Батюшки, да вѣдь сегодня идетъ ваша пьеса!

Авторъ старается кивнуть головой какъ можно хладнокровнѣе, хотя отъ этихъ равнодушныхъ, слегка насмѣшливыхъ словъ, такъ нагло выдавшихъ тайну его тревогъ и безсонной ночи, сердце новичка замираетъ; но черезъ мгновеніе онъ овладѣваетъ собою, принимая личину полнѣйшей индифферентности.

— Да, сегодня,—вскользь бросаетъ онъ, едва справляясь съ кускомъ пирога, который не хочетъ никакъ проскользнуть черезъ горло.

Но репортеру не интересно вникать въ переживанія пріятеля, онъ полонъ всегда только собою. Онъ торопится, жуетъ, глотаетъ и, едва окончивъ, готовъ бѣжать: надо ѣхать въ Гавань, уже началось наводненіе, такъ какъ пушка стрѣляетъ по два раза подъ рядъ. Надо въ университетъ... Хорошо бы оттуда телефонировать; но полиція, конечно, телефонъ захватила...

По пути онъ роняетъ чужой стулъ, элегантно извиняется;

что-то вспомнивъ, снова подходитъ къ Рачинскому, доброжелательно улыбается и, тихонько хлопая въ ладоши, шепчетъ ему надъ головой:

— Автора! Автора!

Затѣмъ киваетъ нѣсколько разъ и быстро уходитъ, лавируя въ толпѣ у прилавка.

Авторъ, наконецъ, одинъ. Онъ такъ радъ освободиться! Нарочно вышелъ онъ пораньше на улицу, чтобы наединѣ прослушать музыку чувствъ, которыми полна его душа.

Рачинскому уже далеко за тридцать. Онъ жилъ, ожидая жизни, но жизнь протекала мимо. Казалось иногда, что, наконецъ, онъ очутился въ самой глубинѣ ея потока, гдѣ подхватитъ его широкая волна; но всегда выходило такъ, что потокъ тихонько приносилъ его въ безопасную пристань, такую удобную для наблюденій. Онъ не жилъ, а только перелистывалъ страницы чужихъ жизней. Силою вещей, онъ началъ воплощать переживанія своихъ ближнихъ и этимъ путемъ подошелъ къ жизни, которая отъ него ускользала.

Но теперь и онъ, наконецъ, живетъ! Съ изысканной радостью эстета онъ наблюдаетъ бурю, поднявшуюся въ его душѣ. Сегодня предстоятъ интересныя эмоціи, теперь-то ужъ не обманетъ его судьба! Эмоціи будутъ!.. Какого сорта—это другое дѣло. Ждетъ ли его успѣхъ? Пораженіе? Какъ отвѣтитъ душа его на то и другое?

Ему кажется, что онъ сумѣетъ стать выше вульгарныхъ волненій... и онъ смѣется надъ собой за то, что ему такъ кажется: вѣдь въ глубинѣ души онъ жаждетъ рукоплесканій и заранѣе преклоняется предъ судомъ публики... этой невѣжественной, нелѣпой, полной неожиданныхъ капризовъ толпы, которая будетъ судить его сегодня.

Охъ, поскорѣе бы прошелъ этотъ вѣтряный багровый день, съ его ураганомъ, студенческими волненіями, наводненіемъ!

А пушки стрѣляютъ все чаще! Это единственное средство, которымъ борются въ столицѣ противъ наводненій.

Рачинскій выходитъ отъ Доминика, слышитъ выстрѣлы и презрительно пожимаетъ плечами: по примѣру дикарей, прогонявшихъ затменіе неистовымъ шумомъ, столичныя власти устрашаютъ море пальбою... И дѣйствительно, въ концѣ концовъ, устрашенное море всегда отступало...

Авторъ доволенъ, что мысли отвлеклись на время отъ пьесы; но вотъ взглядъ его падаетъ на циферблатъ высокой

думской колокольни... Боже мой, какъ рано! Сколько еще придется ходить и ждать до вечера!

Еще только два часа!

Маленькіе часы буль въ будуарѣ баронессы Орденъ-Бахъ также отсчитываютъ тоненькимъ голосомъ: разъ! два!

Сегодня файфъ-о-клокъ, и все уже готово къ пріему.

Два курьера, одѣтыхъ лакеями, съ перчатками, еще засунутыми за борта бѣлыхъ жилетовъ, уже приготовили открытый буфетъ и наполняютъ жардиньерки свѣжими цвѣтами; изъ кондитерской принесли тортъ и кэки; горничная въ плоеномъ чепцѣ пульверизируетъ переднюю духами. Но обычное оживленіе омрачено тучей безпокойства, неожиданно нависшей надъ домомъ.

Miss Meryland, маленькая хромоногая шотландка, бѣгаетъ со стклянками въ рукахъ изъ будуара баронессы въ буфетную, гдѣ находится аптечка. Баронесса не завтракала и лежитъ все время у себя на кушеткѣ.

На колѣняхъ у нея записная книжка, гдѣ отмѣчены торжественные дни родственниковъ и знакомыхъ, которые достойны этой чести. Ежедневно длинный списокъ просматривался, иногда пополнялся новымъ лицомъ; иногда надъ чьимъ-нибудь именемъ ставился крестъ, означавшій, что кто-то навсегда выбылъ изъ жизни и уже никогда не будетъ обрадованъ поздравительной телеграммой...

Сегодня день серебряной свадьбы тетушки Эмиліи фонъ-Бранденбургъ, и баронессѣ было такъ весело составлять телеграмму, въ которой родственное чувство счастливо сочеталось съ разсчетливымъ немногословіемъ.

Но въ эту минуту курьеръ подалъ ей на серебряномъ подносѣ нѣчто завернутое въ бѣлую мокрую бумагу.

Удивляясь, баронесса велѣла развернуть, взглянула на муфту и почему-то встревожилась; однако, запретила себѣ волноваться: надо кончить одно дѣло и тогда уже заняться разслѣдованіемъ другого. Но телеграмма къ тетушкѣ фонъ-Бранденбургъ уже не удавалась.

Пришла Таха, осмотрѣла муфту, прочла прокламацію, сразу поняла все. Баронесса окончательно разстроилась и начала плакать.

Таха,—для чужихъ Татьяна Августовна,—одѣваясь у мамочки къ пріему гостей, старалась ее утѣшить.

— Стоитъ волноваться изъ-за этой гадкой Лики! Вѣдь слезами не исправишь ее; а если мамочка будетъ плакать, замѣтятъ гости, и папочкины враги будутъ радоваться.

— Ты еще дитя, Таха, ты не понимаешь,—говоритъ по-нѣмецки баронесса,—вѣдь ея дядя—этотъ Крашенниковъ, и онъ скрывалъ преступника... Не даромъ я всегда была противъ того, чтобы она по цѣлымъ недѣлямъ гостила у этого купца! Но эти русскіе чуждаются порядочнаго общества, они льнутъ всегда къ себѣ подобнымъ... Вотъ, если папочкины враги узнаютъ про Крашенникова... а потомъ еще про эту ужасную муфту...

Баронесса съ ненавистью взглядываетъ на муфту, которая лежитъ на зеркальномъ столикѣ туалета, грязная, источающая влажный запахъ промокшаго мѣха, затуманивающая чистое стекло.

Предательская корректура развернута... Конечно, почеркъ Лики! И подумать только, въ ихъ домѣ! Это возмутительная неблагодарность, это настоящее предательство! Вѣдь воспитывали ее, какъ собственную дочь... Развѣ она не понимаетъ, что́ грозитъ папочкѣ, если все откроется... Но, впрочемъ, чего ждать отъ русской! Эти дикари не имѣютъ чувства чести, свойственной благороднымъ расамъ Европы...

Такъ отзываться о русскихъ баронесса рѣшается только при дѣтяхъ: баронъ запрещаетъ ей открыто выражать свое руссофобство, требуетъ, чтобы при постороннихъ въ домѣ говорили по-русски и даже изъ педагогически политическихъ видовъ единственную дочь свою окрестилъ Татьяной.

— Вотъ, теперь пусть полюбуется! Многочисленно развѣтвленіе баронскаго дома Орденъ-Бахъ, и никогда никто изъ членовъ его не произвелъ еще скандала; но стоило затесаться къ нимъ одной русской—и что вышло!

— Она еще не вернулась?

— Нѣтъ. Я спрашивала послѣ завтрака. Заходила, но сейчасъ-же опять ушла.

— Догадалась! Это ужасно... Должно быть, уже всѣ чиновники знаютъ...

— А все-таки плакать не надо...

Таха причесывается у зеркала.

Она очень миленькая: узенькая, высокая, съ острыми локотками, тоненькими пальцами, съ острымъ носикомъ и подбородкомъ. Разрѣзъ глазъ ея неправиленъ, приподнятые внѣшніе углы ихъ и брови напоминаютъ китаянку, красныя губы великолѣпно противорѣчатъ бѣлизнѣ зубовъ. Таха похожа на яркую, жизнерадостную ящерицу, скользящую по горячимъ камнямъ на солнечномъ припекѣ. Она гордится этимъ. Иногда, въ припадкѣ шаловливаго кокетства, поднимаетъ обѣ руки съ растопыренными пальцами къ лицу, а

головку склоняетъ на бокъ, подражая изгибу ящерицы. Это къ ней идетъ, выходитъ граціозно и moderne.

За Тахой неизмѣнно слѣдуетъ по пятамъ такса Тимъ. Таха откровенно признается, что Тимъ ей дороже всего на свѣтѣ. Говорится это при всѣхъ, только не при папочкѣ, такъ какъ папочка всегда серьезенъ и терпѣть не можетъ пустословія.

Сегодня Таха, изъ сочувствія къ мамочкѣ, одѣвается у нея въ будуарѣ. Она стоитъ сейчасъ передъ трехстворчатымъ трюмо, застегивая аграфъ платья въ греческомъ стилѣ. Ея тоненькая шейка обнажена, острые локотки мелькаютъ изъ-подъ трехугольныхъ лоскутьевъ, замѣняющихъ рукава; а Тимъ въ это время тянетъ ее за воздушную юбку или трется о подолъ длинными ушами.

Но мамочка находитъ, что ей мало сочувствуютъ: Ванно—старшій сынъ—уѣхалъ на автомобилѣ, а папочка въ департаментѣ; надо справляться самой съ такой бѣдой и въ то-же время готовиться къ пріему гостей.

Баронесса—особа ярко выраженнаго германскаго типа, какая-то сѣрая блондинка съ зеленоватымъ отливомъ волосъ, съ блѣдными голубыми глазами; черты лица строго правильны, хотя почему-то кажутся некрасивыми. Она вѣчно чѣмъ-то обижена, ей всегда кажется, что въ русской столицѣ лифляндскихъ бароновъ отказываются признать истинными аристократами, и хотя она до глубины души презираетъ русскихъ, но не можетъ не обижаться... Ихъ затираютъ, обходятъ приглашеніями, визиты имъ дѣлаютъ послѣ всѣхъ; а ужъ на маленькіе пріемы едва добьешься разъ въ сезонъ!

Теперь, когда узнаютъ про этотъ семейный скандалъ, ихъ многочисленные враги сумѣютъ имъ воспользоваться, и значеніе Орденъ-Баховъ въ свѣтѣ упадетъ еще ниже.

Таха привыкла къ этимъ ламентаціямъ и равнодушно поправляетъ у зеркала ленту, расшитую жемчугомъ, которая продернута въ ея пышныхъ волосахъ.

— Князь Серпуховскій дѣлаетъ визиты... Со мной онъ недавно сидѣлъ за обѣдомъ, а у насъ до сихъ поръ еще не былъ... Да, насъ не хотятъ знать.

— Ахъ, мамочка, вѣдь онъ только недѣлю какъ пріѣхалъ!

Таха бросаетъ эти крохи утѣшенія, критически оглядывая себя со всѣхъ сторонъ: остается довольна, дѣлаетъ сама себѣ въ зеркало „жестъ ящерицы“, цѣлуетъ мамочку и выпархиваетъ изъ будуара.

— Узнай, можетъ быть, она вернулась,—говоритъ мамочка, присыпая пудрой покраснѣвшія вѣки.

Нѣтъ, Лика до сихъ поръ не вернулась.

Если-бы баронесса Орденъ-Бахъ захотѣла проѣхаться сейчасъ по Университетской набережной, которая, несмотря на бушующій ураганъ, запружена народомъ, то посреди толпы она могла бы увидѣть знакомый силуэтъ Лики, хотя та и стояла тамъ подъ густой вуалью.

Толпа сгруппировалась въ нѣсколькихъ пунктахъ: у манежа, передъ угловымъ крыльцомъ и передъ воротами,— тамъ, гдѣ больше всего видно полиціи. Но они очень осторожны, эти любопытные зѣваки. Группы ихъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, разсыпаясь по сторонамъ, какъ только образуется большое скопленіе. Конные жандармы, гарцующіе передъ зданіемъ, подстерегаютъ малѣйшую оплошность зѣвакъ и тотчасъ-же на нихъ насѣдаютъ. Тогда раздаются крики, ругательства, люди разсыпаются по мостовой, чтобы черезъ минуту снова сгрудиться.

За рѣшеткой собраны солдаты.

Въ окнахъ манежа видны головы, высовываются оттуда кулаки, мелькаютъ руки съ кусками бѣлаго хлѣба. Слышна брань, смѣхъ, обрывки революціонныхъ пѣсенъ.

Изрѣдка широкая пасть манежа открывается; оттуда выходятъ группы молодежи, возбужденной, насмѣшливо-озлобленной, и шагаютъ куда-то, окруженные городовыми.

Иногда надъ головами толпы, на поднятыхъ рукахъ плывутъ корзины, наполненныя провизіей. У дверей крикъ и споры, которые стихаютъ, когда корзины, наконецъ, доставляются по назначенію.

Вѣтеръ гудитъ съ удвоенной силой; волны, гонимыя съ моря, прихлынули къ высотѣ рѣшетки и грозятъ выступить изъ береговъ; но вой бури не смущаетъ любопытныхъ. Они все прибываютъ, жадно вбирая въ себя волнующіе слухи. Въ аудиторіяхъ войска; студентовъ разгоняли нагайками; грозятъ стрѣлять... Сейчасъ переписываютъ всѣхъ, которые сопротивлялись; иныхъ выпускаютъ, но больше арестуютъ. Раненые валяются безъ помощи...

Изъ дверей университета группами выходятъ студенты. Толпа жадно устремляется къ нимъ; но подъ напоромъ лошадей и казаковъ, пускающихъ въ дѣло нагайки, разсыпается.

Опять воздухъ наполненъ криками, проклятіями. Женщина плачетъ, разглядывая свое пальто, которое лопнуло отъ удара нагайки. Другая утѣшаетъ ее и грозитъ кулакомъ въ сторону казаковъ; но обѣ спѣшатъ, какъ можно скорѣе, подальше къ мосту. Уже видны окровавленныя лица, пробитыя шляпы.

Наконецъ, изъ воротъ университета выходитъ длинная

сѣрая колонна солдатъ и мѣрнымъ шагомъ направляется къ мосту. По бокамъ колонны шагаютъ офицеры, лица которыхъ дышатъ усталостью и озлобленіемъ. За ними гарцуютъ казаки, разметывая по пути любопытныхъ.

Очевидно, на сегодня дѣло кончено. Толпа понемногу рѣдѣетъ.

Лика, одѣтая нарядно, даже шикарно, съ лицомъ подъ густой вуалью, старается затеряться въ толпѣ. Она съ безпокойствомъ разглядываетъ выходящихъ студентовъ, ей такъ нужно видѣть одного изъ нихъ...

Въ перспективѣ узкаго двора, стиснутаго двумя стѣнами, появляется извозчикъ съ какими-то сѣдоками. Сторожъ открываетъ рѣшетчатыя ворота, извозчикъ выѣзжаетъ на улицу. Въ пролеткѣ два студента. Окровавленная голова одного лежитъ безсильно на плечѣ товарища, руки котораго залиты кровью.

Въ толпѣ волненіе.

Маленькая группа отдѣлилась отъ панели, побѣжала за извозчикомъ и кричала:

— Шапки долой! Долой шапки!

Раздаются свистки.

Казаки заворачиваютъ обратно и выжидательно останавливаются у моста.

Взводъ городовыхъ внезапно выстраивается изъ-подъ воротъ и окружаетъ извозчика вмѣстѣ съ кричащими пѣшеходами. Одинъ изъ городовыхъ беретъ подъ уздцы лошадь и поворачиваетъ обратно.

Раненый въ обморокѣ; товарищи протестуютъ, поддерживая его рукой; въ толпѣ снова крики, проклятія; но все напрасно. Извозчика, сѣдоковъ, небольшую группу протестантовъ ведутъ въ участокъ.

Толпа расходится.

Жизнь въ городѣ идетъ своимъ порядкомъ. Экипажи съ нарядными женщинами катятся по набережной; ландо, кареты, автомобили спѣшатъ на острова, окруженные бушующей водой; сады полны нянекъ, боннъ, кормилицъ съ разодѣтыми дѣтьми; магазины переполнены покупателями, мелькаютъ усталыя дѣти съ ранцами за плечами. Они жадно вдыхаютъ свѣжій воздухъ моря, который принесъ имъ издалека вѣтеръ, и отдаютъ ему свое отравленное дыханіе.

Городъ кипитъ, живетъ полной жизнью, равнодушный къ тому варварству, которое совершается въ его нѣдрахъ.

Вдругъ Лика поспѣшно поворачиваетъ въ узкій переулокъ, гдѣ увидала знакомую фигуру. Это бродитъ Рачин-

скій, начинающій авторъ, пьеса котораго идетъ сегодня въ первый разъ.

Лика догнала его и окликнула:

— Илья Адреичъ!

— Лида! Это вы? Здравствуйте! Откуда? — воскликнулъ тотъ, разглядѣвъ черезъ плотную вуаль знакомыя черты.

— Идите дальше... надо поговорить,—бросаетъ Лика, не останавливаясь.

Повинуясь правиламъ конспираціи, онъ пропускаетъ ее впередъ съ едва замѣтной улыбкой.

А на углу въ переулкѣ появляется въ это время еще одинъ субъектъ самаго невиннаго образа: это только восьмилѣтній мальчикъ. Онъ фланируетъ по противоположной сторонѣ улицы до того беззаботно, что не можетъ возбудить подозрѣній у самыхъ осторожныхъ людей.

Быстро прошла Лика переулокъ и очутилась передъ маленькимъ скверомъ. Онъ сдавленъ со всѣхъ сторонъ домами, вѣтеръ теряетъ здѣсь силу урагана; народу мало: нѣсколько боннъ съ дѣтьми да какой-то пьяный на скамейкѣ.

Рядомъ съ пьянымъ присѣлъ маленькій восьмилѣтній мальчикъ со школьной сумочкой, повидимому, наполненной учебниками.

— Сядемъ, — говоритъ Лика, — я рада, что нашла хоть васъ.

Это „хоть“ заставляетъ Рачинскаго улыбнуться.

Когда-то, не очень давно, они были большіе пріятели. Онъ, пожалуй, даже переступилъ границу дружбы, мечтая о большемъ. Но подоспѣли дни свободъ, грани были сняты, взаимоотношенія переплелись, спутались... Она отодвинулась влѣво, онъ отошелъ вправо. Въ пылу борьбы, она даже обозвала его „кадетомъ“... Послѣ этого рѣшила больше не встрѣчаться, ибо не могъ же онъ простить ей такое оскорбленіе.

Прошелъ цѣлый годъ. Рачинскій окончательно порвалъ съ партіей, Лика отдалась ей всецѣло.

Сегодня они встрѣтились послѣ долгой разлуки.

— Вышла такая нелѣпость, — торопливо говорила Лика, стремясь поскорѣе облегчить свое бремя,—не придумаю, что теперь дѣлать! Вы знаете, что Андрей бѣжалъ изъ тюрьмы, и что дядя его пряталъ?

Да, Рачинскій слышалъ это.

— Ночью его арестовали вмѣстѣ съ дядей. Я не знала... И вотъ, безсмысленная случайность...

Она стиснула руки.

— Я возвращалась изъ типографіи съ корректурой... вдругъ вижу—карета... тамъ дядя и Андрей... Это было не-

ожиданно... И дядя улыбнулся.. Онъ побоялся кивнуть, онъ только улыбнулся... на прощанье.... Ихъ везли въ крѣпость... Я не могла владѣть собой, голова закружилась, я оперлась о перила... У меня была муфта... она упала въ воду.

Она бѣшено тискаетъ свои руки.

— Я не прощу себѣ этого никогда! Такой по-зоръ... слабость.. Впрочемъ, не объ этомъ рѣчь... Да я и не особенно безпокоилась. Конечно, я ушла... Но я забыла, что тамъ письмо съ моимъ адресомъ.

Рачинскій смотритъ на ея круглое лицо съ матовой кожей, на большіе сѣрые глаза съ рѣзко очерченными вѣками, напоминающими изваянія старинной итальянской скульптуры, и начинаетъ понимать, какъ серьезно ея дѣло.

— Я вернулась въ типографію сдѣлать другую корректуру. Провозилась тамъ... Потомъ пріѣхала домой, а горничная говоритъ мнѣ, что принесли изъ полиціи муфту... а потомъ, что тетенька чего-то плачетъ... Боже! Я вдругъ вспомнила про письмо... Надо было сейчасъ же предупредить.. Ѣду къ Семену—въ окнѣ сигналъ, войти нельзя. Въ конспиративной всѣ шторы спущены, значитъ, никого нѣтъ... Ѣду къ Андрееву; говорятъ—на сходкѣ... Пошла къ университету... Видѣла, какъ отправили въ участокъ раненаго Андреева.

Она остановилась, глубоко вздохнула и, точно очнувшись отъ кошмара, оглянулась. Сейчасъ только ея возбужденные нервы начали успокаиваться, и явленія окружающей жизни приняли видъ реальной дѣйствительности, а не какого-то фантастическаго миража. Только сейчасъ она вполнѣ сознала, что сидитъ въ скверѣ, что вокругъ гуляютъ бонны съ дѣтьми; а тамъ, дальше, на скамьѣ валяется пьяный и рядомъ съ нимъ маленькій мальчикъ, который смотритъ на нее большими любопытными глазами.

— Слава Богу, мнѣ теперь легче... Такъ ужасно молчать... Ахъ, жалко дядю!.. Что теперь дѣлать?

Рачинскій слушалъ ея разсказъ, какъ что-то далекое, когда-то близкое, а теперь такое чуждое... Онъ не заражался ея волненіемъ, и ему было жалко этой потерянной возможности сильныхъ эмоцій.

Все-таки онъ хотѣлъ бы принять участіе, помочь, утѣшить; но ничего не могъ придумать, такъ какъ сердце его оставалось холоднымъ, и только сказалъ:

— Не представляю себѣ, какъ это приняли у барона... Какая тамъ сейчасъ кутерьма! Отпереться нельзя!

— Нѣтъ никакой возможности. Моимъ почеркомъ исправлена вся корректура. Да развѣ этого стараго волка можно надуть? Не знаю, какъ быть: возвращаться мнѣ, или исчезнуть?

Рачинскій задумчивъ.

Вотъ какъ кончается это сильное драматическое положеніе! Въ скрытомъ видѣ оно тянется уже почти три года. Онъ помнитъ эту румяную дѣвушку съ восьмнадцати лѣтъ, когда она только что была принята въ партію. Какую силу воли нужно было имѣть, чтобы жить въ станѣ враговъ, въ самой львиной пещерѣ, притворяться днемъ и ночью, разыгрывая легкомысленную свѣтскую дѣвицу. Какъ это утомляло ее иногда! Она тяготилась ужасно, но смотрѣла на это, какъ на миссію, потому что была необычайно полезна именно въ такомъ положеніи. Сколько арестовъ она предупредила! Преданная дѣлу до дна души, она даже забывала опасность, которой подвергалась, вся поглощенная интересами партіи. Положеніе осложнялось матримоніальными поползновеніями кузена Ванно. Какъ она комично разсказывала про его ухаживанія!

И вотъ, наступаетъ пятый актъ драмы, та развязка, которая ему всегда представлялась неизбѣжной. Что же, идти ей въ львиную пасть или бѣжать? Это вопросъ всей жизни.

— Если я убѣгу, тогда деньги пропадутъ?—спрашивала Лика въ раздумьи,—а деньги такъ нужны! Вѣдь черезъ полгода я совершеннолѣтняя и получу такую массу денегъ... И вдругъ такая нелѣпость! Еще полгода потерпѣть, и я бы ушла, а теперь... А съ другой стороны, не знаю, получу ли я что-нибудь, вернувшись? А вдругъ, тоже конфискуютъ, воспользовавшись случаемъ? Вѣдь бароны бѣдны, и мои купеческіе капиталы ихъ очень приманиваютъ. Надо разсчитать, какъ выгоднѣе вести себя для партіи?

— Неужели вы отдадите все свое состояніе? — спросилъ Рачинскій, любуясь цѣльностью ея настроенія.—Развѣ не манитъ васъ власть, соединенная съ капиталомъ?

— Такая власть не соблазняетъ меня,—отвѣчала Лика небрежно,—есть высшая власть, власть идей... Идейно властвовать — это, дѣйствительно, цѣнно... Я буду горда, если заслужу такой скипетръ.

Онъ усмѣхнулся.

— О чемъ вы?—спросила она.

— Нѣтъ, ничего... То, что я подумалъ сейчасъ, такъ некстати... даже будетъ неделикатно, если я скажу...

Она посмотрѣла на него и также улыбнулась.

— Вы думаете? Но я не настолько слаба, чтобы бояться возраженій. Напротивъ, возраженіе, даже насмѣшка, заставляетъ меня только еще сильнѣе сознать свою правоту.

— Да мнѣ, просто, завидно стало свѣжести вашихъ чувствъ... Впрочемъ, въ ваши года и я также съ благоговѣ-

ніемъ произносилъ слова „партія“, „идея“... Это была самая благодатная пора моей жизни.

— А теперь? Вы не вѣрите въ то, что мы служимъ великому дѣлу? Что правда съ нами?

— Правда? Какая правда? Правда партіи? Но какой именно? Широко развернулась жизнь, открылись туманныя дали, и много правдъ засіяло вокругъ... Которой надо служить, отгадай-ка!

— Я знаю только одну и ей служу, — отвѣчала она сухо.

— Которой служите?—спросилъ онъ съ доброй улыбкой,—эсеровской? Эсдековской? Анархистской?

— Это все пути къ правдѣ, а не сама правда.

— Пусть такъ. Пути... Когда-то, въ дни моей молодости, лестно было идти этими путями! Туда шли только герои, имъ не мѣшала уличная толпа. Шли только избранники, и оттого тамъ все было священно... Сейчасъ-же... много могилъ, а живыхъ избранниковъ осталось мало... Тогда, дѣйствительно, царила власть идеи, которой служили мученики, герои... А теперь? Толпа наполнила священное мѣсто гомономъ рынка... въ лучшемъ случаѣ, пути загромождены ремесленниками, а въ худшемъ... Раньше я зналъ, что всякій, кого я тамъ встрѣчу—свой; а теперь? Я не знаю, кто они? Откуда? Что для нихъ свято? Есть-ли у нихъ своя вѣра? Я вижу только, что толпа эта шумитъ, да толчется... Не знаю даже, способна ли она подчиниться сильной волѣ, пойти за пророкомъ?

Лика смотрѣла на него суровыми сѣрыми глазами. Верхняя губа ея съ рѣзкимъ изломомъ все плотнѣе нажимала нижнюю; это портило ея круглое лицо съ густыми пепельными волосами, придавая ему выраженіе неумолимой жестокости.

— Зачѣмъ ей пророкъ?—отвѣчала она, поднимая брошенную перчатку,—и хорошо, что революціонное дѣло ушло изъ рукъ аристократовъ духа. Толпа груба, слѣпа; но идетъ къ цѣли инстинктомъ, безсознательно. Революція разольется по всей землѣ и оплодотворитъ ее.

Она говорила догматично и ударила нѣсколько разъ ладонью по скамейкѣ.

— Революція ушла изъ храмовъ, гдѣ совершали жертвоприношенія, на улицу, гдѣ прольется кровь.

— Малая горсть спартанцевъ Леонида сумѣла съ большей пользой пролить кровь, чѣмъ скопище Пугачева.

— Вы забываете, что эти скопища несутъ на себѣ все бремя жизни.

— Большей частью они стараются сбросить его на чужія плечи... Не ихъ вина, если имъ это рѣдко удается.

— Нѣтъ! Они только хотятъ распредѣлить тяжесть ровнѣе.

Онъ засмѣялся.

— Демократизмъ въ васъ еще кипитъ, а у меня онъ уже давно испарился. И въ этой нашей переоцѣнкѣ цѣнностей я вижу зарю восходящаго аристократизма. Тѣмъ самымъ, что толпа нахлынула туда, гдѣ раньше священнодѣйствовали избранники, она заставила этихъ послѣднихъ отодвинуться, самоопредѣлиться. Раньше, въ пылу битвы, это было невозможно.

— Надо-же придумать какое-нибудь оправданіе отступничеству!—сказала Лика, и ея глаза загорѣлись злобой.

— Они не отступили... Они только начинаютъ слѣдующую страницу исторіи, а это не дѣло толпы съ ея шумомъ.

— Желаю имъ успѣха! Я—простой чернорабочій. Мнѣ некогда думать о будущихъ страницахъ исторіи, когда моя кровь льется сейчасъ, вотъ на эти камни! Работа насъ гонитъ и не даетъ оглянуться.

Маленькій скромный мальчикъ съ ранцемъ за спиною услыхалъ слово „чернорабочій" и съ изумленіемъ поглядѣлъ на барышню, которая была такъ хорошо одѣта и въ то же время назвала себя чернорабочей.

Пытаясь разрѣшить свое недоумѣніе, мальчикъ оглянулся на выступъ дома за угломъ, гдѣ стоялъ „дяденька", руководившій его поведеніемъ. „Дяденька" находился, по прежнему, на своемъ мѣстѣ, и мальчикъ, вскочивъ со скамейки, торопливо подошелъ къ нему.

— Іона Петровичъ, а что я вамъ скажу...—началъ онъ.

— Дуракъ, цыцъ!—шепотомъ остановилъ его старшой,—чего орешь на всю улицу? Подойди потихоньку, коли что надо...

Мальчикъ сконфузился, сообразивъ свою оплошность.

— Ну, чего тебѣ? Ступай, гляди... Какъ пойдутъ куда, не спускай глазу... все иди за ними.

Мальчикъ солидно идетъ обратно и снова занимаетъ легкомысленно покинутое мѣсто.

Разговаривающіе не обращаютъ на него вниманія, они увлечены бесѣдой.

— Если-бы не сегодняшняя исторія, я была бы въ театрѣ и смотрѣла вашу пьесу,—говоритъ Лика,—но теперь... теперь мнѣ самой приходится играть. Сегодня мой первый настоящій дебютъ... И мнѣ кажется, что я все таки обязана вернуться.

Лика задумывается. Брови ея образуютъ прямую линію, глаза темнѣютъ, верхняя губа острымъ клиномъ давитъ на нижнюю. Отъ нея вѣетъ холодомъ стальной, несокрушимой рѣшимости.

Онъ чувствуетъ себя неловко, потому что не знаетъ такихъ словъ, которыя могли бы поддержать ее; но она и не ожидаетъ, не нуждается въ нихъ. Ей надо было поговорить съ кѣмъ-нибудь откровенно. Силъ чужихъ занимать ей ни у кого не нужно. Она чувствуетъ, какъ онѣ прибываютъ, и увѣрена, что въ необходимую минуту у нея будетъ ихъ достаточно.

— Есть одинъ козырь, который все побьетъ,—говоритъ она, какъ бы продолжая нить своихъ размышленій,—это Ванно... Онъ пустой малый, но ему нужны деньги; а я самая богатая невѣста, какая только есть у него на примѣтѣ. Я поманю его, пусть женится на мнѣ.

Рачинскій поднялъ на нее испуганные глаза.

— Васъ это шокируетъ?

— Ужасаетъ!—воскликнулъ онъ.—Вы знаете, когда-то я любилъ васъ немножко, потомъ это прошло... Но зародышъ чувства, которому не суждено было вырасти, оставилъ слѣдъ. Меня оскорбили ваши слова... Впрочемъ, я имъ не вѣрю! Выйти замужъ за этого шшюта, за развратника...

— А если это нужно для дѣла?

— Все равно! Это невозможно! Дѣла, требующія подобныхъ жертвъ, должны быть прокляты! И вы, вы сознательно „ради партіи“ соедините свою судьбу съ какимъ-то вырожденцемъ, будете имѣть отъ него идіотовъ-дѣтей...

— Я? Дѣтей?—воскликнула Лика, вскакивая въ негодованіи со скамейки,—да вы съ ума сошли! Онъ будетъ знать! Онъ получитъ отступное и оставитъ меня! Мнѣ надо, во что бы ни стало, получить деньги, если ихъ нельзя получить иначе...

Съ церковной колокольни загудѣлъ первый ударъ благовѣста къ вечернѣ. Богомольныя старушки потянулись къ церкви, на паперти столпилась группа нищихъ.

— Неужели четыре часа!—воскликнула Лика.—Сейчасъ удобно вернуться, никто не увидитъ: разгаръ пріема... Въ гостиной — тетушка, окруженная дамами... За аркой, у столика со сластями, Таха разливаетъ шоколадъ. И, конечно, всѣ въ ужасѣ, всѣ говорятъ обо мнѣ.

Нѣтъ, сейчасъ не говорили о Ликѣ въ домѣ Орденъ-Бахъ. Напротивъ, отъ гостей тщательно скрывали поступокъ неблагодарной русской племянницы, и только возлѣ Тахи по-

зволяли себѣ тихонько обсуждать этотъ интересный эпизодъ.

Таха, дѣйствительно, разливала шоколадъ, но только для молодежи. Старшихъ угощала Монечка, дальняя родственница изъ бѣдныхъ, несшая на себѣ всѣ тяготы пріемовъ.

Таха суетилась у зеркальнаго столика съ поднятыми двустворчатыми половинками, уставленнаго фруктами и сластями. На большомъ блюдѣ возлѣ нея стояла бѣлая сахарная изба, гдѣ продолговатые бисквиты изображали собою бревна, а узкія полоски жженыхъ леденцовъ—соломенную крышу. У входа въ сахарную дверь на розовой ленточкѣ была привязана маленькая фарфоровая такса, похожая на Тима.

Настоящій Тимъ сидѣлъ здѣсь же на низенькомъ пуфѣ и отчаянно лаялъ всякій разъ, когда кто-либо изъ гостей протягивалъ руку его хозяйкѣ.

Гости получали у Тахи шеколадъ, а отъ курьеровъ, одѣтыхъ лакеями,—чай или кофе; но всякій обязанъ былъ самъ доставать изъ дверей сахарной избы маренги съ битыми сливками. Неловкіе пачкали себя и скатерть, что сопровождалось укоризнами и взрывами смѣха.

Впрочемъ, когда Таха среди чужихъ, вокругъ нея всегда смѣются.

Ее окружаютъ кавалеры, такъ какъ она не поклонница женскаго общества. Barbe Горяинова—единственная подруга Тахи; да и она, въ сущности, содержится только ради контраста, какъ откровенно поясняетъ хозяйка.

Barbe — полная, круглолицая, „русская Варвара“ съ губами сердечкомъ и огромными брилліантами въ ушахъ. Она предана Тахѣ, благоговѣетъ предъ ея умомъ и, при томъ, очень щедра; а это цѣнно, такъ какъ родители „русской Варвары“ милліонеры.

Кромѣ Barbe, вокругъ зеркальнаго столика собрались только кавалеры.

Здѣсь „морганатическій принцъ“, какъ его называютъ, князь съ корованнымъ родствомъ. Это—мечта честолюбивой Тахи, предѣлъ земныхъ желаній.

Князь худъ и строенъ, мундиръ на немъ сидитъ съ изысканнымъ шикомъ. Онъ чувствуетъ себя слегка неловко, но старается держаться по-товарищески, что, благодаря врожденному изяществу манеръ, никого не оскорбляетъ.

Здѣсь же красавецъ-скрипачъ Искія. За-глаза его называютъ „Ицекъ“; но соглашаются принимать за итальянца, потому что онъ недавно игралъ при дворѣ и, дѣйствительно, настоящій виртуозъ.

Тутъ-же неизмѣнный другъ Тахи — секретарь посольства Тимофей Николаевичъ, которому она повѣряетъ свои тайны. Онъ знаетъ даже такой интимный секретъ, что не будь на свѣтѣ „морганатическаго принца“ и будь у него, Тимофея Николаевича, побольше денегъ,—Таха вышла бы за него замужъ.

Затѣмъ сидѣли еще личности, которыя всегда только молчатъ да смѣются, когда слѣдуетъ; и еще такія, которыя только „дышатъ“... Но и этимъ Таха расточала улыбки, потому что они, при всей своей ничтожности, создаютъ общественное мнѣніе.

Бесѣда шла оживленная, такъ какъ, по выдумкѣ Тахи, всякій обязанъ былъ разсказать самый страшный моментъ своей жизни.

Была очередь принца.

Путаясь и сбиваясь, но сохраняя при этомъ обычное изящество манеръ, князь разсказалъ, какъ его недавно, по ошибкѣ, чуть не назначили присутствовать при казни двухъ политическихъ.

Таха недовольна разсказомъ; находитъ, что принцъ недостаточно демониченъ. То, что онъ разсказалъ, прѣсно, какъ сухая булка, и пахнетъ старинной добродѣтелью. Настоящій человѣкъ долженъ быть выше всякихъ предразсудковъ, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону.

Очередь за нею.

Послѣ хорошенькой гримасы, долженствующей изобразить застѣнчивое смущеніе, она начинаетъ.

— Самая ужасная минута моей жизни была зимой на придворномъ балу. Я вошла съ папочкой и Ванно— и вдругъ!.. Ни одного знакомаго кавалера! Папочка, конечно, сейчасъ же заговорилъ съ кѣмъ-то, а я... О Боже мой, какой позоръ переживала я, проходя съ Ванно это безконечное количество гостиныхъ! И хоть бы одна душа знакомая!.. Всѣ забыли о своихъ обязанностяхъ относительно дамъ и ломились къ буфетамъ...

Всѣ смѣялись, а „русская Варвара“ больше всѣхъ. Она даже не завидуетъ успѣху очаровательной подруги, такъ какъ дорости до подражанія Тахѣ представляется ей неосуществимой мечтой.

Таха довольна эффектомъ; но не показываетъ этого, терпѣливо ожидая, пока вокругъ перестанутъ смѣяться.

— И это вовсе не смѣшно, господа, — продолжаетъ она, сохраняя убѣжденную серьезность, — дѣвица, гуляющая на балу со старшимъ братомъ, это—явленіе трагическое... Ея репутація падаетъ ниже, чѣмъ репутація потерянной женщины.

Послѣдняя фраза произносится пониженнымъ тономъ, изъ опасенія, чтобы старшіе, тамъ въ углу, не услыхали того, что имъ не слѣдуетъ слышать.

— Что можетъ быть позорнѣе гулять со старшимъ братомъ!—продолжаетъ Таха.

— Гулять съ младшимъ, напримѣръ, съ кадетомъ!—вставляетъ Ванно, который только что появился въ гостиной.

— Какъ я ненавидѣла мужчинъ въ это время!—продолжаетъ Таха, подавая брату чашку шоколада.—Этихъ отвратительныхъ обжоръ, которые набрасываются, какъ звѣри, на даровую ѣду! Я была близка къ обмороку, я собиралась уѣзжать, какъ вдругъ, — о, счастье! вижу Тимоѳея Николаевича! О, райское видѣнье! Я схватила руку Тимоѳея Николаевича, я была спасена! И послѣ этого, въ честь его, мой Люлю былъ переименованъ въ Тима.

Всѣ очень довольны.

Ванно, катавшійся на автомобилѣ брата Barbe — Андрея Ивановича—здоровается съ гостями. Андрей Ивановичъ изъ числа гостей „дышащихъ"; Barbe, которая и сама всегда только „дышитъ", стѣсняется, видя неуклюжую фигуру брата; но общество ему прощаетъ. У Андрея Ивановича два автомобиля, которые всегда предоставлены въ полное распоряженіе молодежи.

— Чудный у него auto! — восхищается Ванно, еще весь подъ впечатлѣніемъ горячаго спорта,—ахъ, какъ мы мчались! Впереди насъ летѣлъ голубь, мы нагнали его и почти ударили нашимъ стекломъ... Онъ бился крылышками, старался отлетѣть и не могъ.

— А какъ испугались двое священниковъ! — сказалъ Андрей Ивановичъ, мужественно преодолѣвая свое смущеніе.

— Два толстыхъ попа ѣхали на извозчикѣ, — перебилъ его Ванно,—они страшно перетрусили! Видятъ: мчится на нихъ чудовище, кричатъ, машутъ руками, рукава рясы развѣваются, а мы смѣемся и не сворачиваемъ... Чуть не на ходу попы выскочили, подобрали полы и ругались на разныхъ сторонахъ панели... У самаго ихъ носа мы повернули; они кричатъ городовому; а городовой дѣлаетъ намъ подъ козырекъ. Они и замолчали...

— Тише, религія уважается въ этомъ домѣ,—остановила брата Таха, глядя въ сторону, гдѣ разговаривали старшіе; но молодежи тамъ никто не слушалъ.

Баронесса, прямая, какъ доска, сидѣла въ креслѣ, не прикасаясь къ его спинкѣ, и говорила о своемъ разрушенномъ замкѣ. Среди старшихъ это былъ любимый сюжетъ для разговоровъ на файвъ-о-клокѣ. Показывался небольшой

изящный альбомъ съ фотографіями замковъ, которые были разрушены въ Прибалтійскомъ краѣ.

— Отъ замка остались однѣ трубы, да стѣны,—говорила баронесса гостьѣ, сидѣвшей около нея на диванѣ, — но это не все... не весь ужасъ.

Гостья, вдова убитаго сановника, вся въ траурѣ, пріѣхала хлопотать о пенсіи. Она находится подъ покровительствомъ барона и, на это время, составляетъ постоянную компанію баронессѣ, которая всегда рада имѣть въ домѣ кліентовъ. Это даетъ престижъ фамиліи...

Гостья сочувствуетъ по мѣрѣ силъ; но силы ея израсходованы на собственный счетъ; она находитъ, что горе баронессы еще не очень большое горе; однако, выражаетъ на лицѣ своемъ сильнѣйшее негодованіе.

— Они срубили липу! Липу, которой нѣсколько сотъ лѣтъ! Огромную липу, которую не могли обхватить три человѣка... Отъ старости она раскололась, и ее сковали желѣзными обручами... Въ дѣтствѣ я тамъ всегда учила свои уроки.

Гостья совсѣмъ разочарована, находя, что изъ-за какой-то липы и вовсе нельзя расходовать своего сочувствія; но лицо ея выражаетъ неподдѣльную скорбь, и она крѣпко жметъ холодную руку хозяйки.

— Мамочка очень часто фехтуетъ нашимъ разрушеннымъ замкомъ,—тихонько сказала Таха своимъ друзьямъ,—а если сказать правду, прескверный былъ домишко, и я рада, что мы не должны больше проводить лѣто въ этомъ курятникѣ.

— Не очень радуйся,—замѣтилъ Ванно,—благодаря энергіи кузины Лики, можетъ быть, придется жить и во флигелѣ управляющаго... Кажется, мамочка проявляетъ склонность тамъ „укрыть свои опозоренныя сѣдины“.

Отъ старшихъ гостей „трагедія съ муфтой“ была еще скрыта; но младшихъ Таха посвятила въ событіе дня подъ глубочайшимъ секретомъ.

— Я все еще отказываюсь вѣрить, — замѣтилъ принцъ, слегка краснѣя, какъ всегда, когда онъ начиналъ говорить,—быть можетъ, это недоразумѣніе... Особа высшаго круга...

— Отчего-же?—возразила Таха:—у всякаго свой паѳосъ въ жизни... Пусть она броситъ бомбу, тогда станетъ еще выраженнѣе, я преклонюсь передъ нею.

— Я брошу десять шимозъ, если это подниметъ мои шансы,—сказалъ Тимоѳей Николаевичъ, комически прикладывая руку къ сердцу.

— Не надо столько героизма, — замѣтилъ Ванно, — получи дядюшкино наслѣдство и обойдешься безъ шимозы.

— О, мнѣ мало богатства его дядюшки,—мечтательно отвѣчала Таха и втайнѣ порадовалась, замѣтивъ, какъ „завялъ Тимъ" послѣ этого равнодушія. Сегодня она особенно самоувѣрена, такъ какъ греческій костюмъ съ открытой шеей и руками, весьма смѣлаго покроя, къ ней очень идетъ.

— Мнѣ разсказывали,—опять преодолѣвая свою робость, начинаетъ Андрей Ивановичъ,—что бомбы бываютъ въ пять рублей, въ двадцать пять и въ сто... Самые дешевые, это—еврейскія бомбы. Ихъ дѣлаютъ на заказъ въ Шкловѣ...

Никто не смѣется.

Андрей Ивановичъ, краснѣя, смотритъ вверхъ, на старинную хрустальную люстру, въ которой торчатъ электрическія свѣчи.

Краснѣетъ за брата и „русская Варвара"... Ужъ хоть бы не выскакивалъ! Разскажи это же самое Ванно—всѣ полегли бы отъ хохота; а съ этимъ Андрюшей выходитъ только срамъ...

Но Таха великодушна. Она даритъ улыбкой смущеннаго разсказчика и говоритъ:

— О, конечно, Лика броситъ самую дорогую... Право, я уважаю ея героизмъ столько же, сколько и ея богатство. По мнѣ, всякій бѣднякъ долженъ быть героемъ. Почему бы каждому нищему не придушить хоть одного богача? Тогда произошла бы желанная соціальная нивеллировка.

— Глубокая идея!—восторгается Тимъ.

На лицѣ Андрея Ивановича появляется напряженная улыбка, Barbe смотритъ на своего идола испуганными круглыми глазами.

— А эти босоногіе мальчишки на улицѣ? Почему они не бьютъ стеколъ, не обливаютъ платья кислотой? Да мало ли что еще можно дѣлать! Будь я мальчишкой—о-о!..

Пауза и вздохъ, а затѣмъ:

— Нѣтъ, люди еще вѣрятъ, что они—братья!

Принцъ вдругъ захохоталъ рѣзко, визгливо, что такъ противорѣчило всему изяществу его особы. Никогда не слыхалъ онъ ничего подобнаго! И еще отъ такой тоненькой, воздушной дѣвушки... Его, пугая, притягивалъ демонизмъ Тахи.

— А потомъ?—спросилъ онъ, также неожиданно прерывая свой смѣхъ.

— А потомъ? Я бы выросла и занялась экспропріаціями... Былъ бы чудный ужасъ въ моей жизни...

— А потомъ?—съ неожиданнымъ упрямствомъ добивался принцъ.

Таха сіяла. Ея глаза источали снопы лучей, красныя губы рдѣли на узенькомъ блѣдномъ лицѣ.

— Потомъ? Потомъ папочка бы меня повѣсилъ,—наивно поднимая брови, закончила Таха.

Эпизодъ вышелъ художественный, всѣ остались довольны.

Небрежно принимая комплименты, Таха замѣтила входящаго дядю Томаса и, въ качествѣ привѣтствія, сдѣлала ему свой „жестъ ящерицы“.

Князя любили здѣсь и молодые, и старые, онъ со всѣми умѣлъ быть въ ладахъ, смѣшилъ, разсказывалъ анекдоты, безъ лицепріятія цѣловалъ ручки дамамъ.

Даже Монечка, бѣдная родственница, руку которой гости цѣловали послѣ нѣкотораго колебанія, даже эта тайно-озлобленная Монечка должна была констатировать въ глубинѣ своей уязвленной души, что губернаторъ съ нелицемѣрной готовностью прикладывался къ ея трудящейся десницѣ.

Уже въ дверяхъ князь увидалъ возлѣ тетушки свою Джесси, завитую и подрумяненную, которая даже издали дарила его кислой улыбкой укоряющаго всепрощенія.

— Ты все-таки... отзавтракалъ?—сказала она, когда князь, поздоровавшись со всѣми, подсѣлъ къ баронессѣ.

И она вздохнула, но такъ тихо, чтобы вздохъ этотъ поразилъ раскаяніемъ только одну преступную душу мужа.

— Нельзя, chérie, дѣла... вѣдь цѣлая компанія сидѣла, не я одинъ.

— Еще бы,—пронеслось, какъ дуновеніе.

— Полдюжины однихъ губернаторовъ, три вица, да товарищъ,—съ шутливой важностью говорилъ Томасъ, и баронесса, любившая его, сказала:

— Оставь, Джесси, нельзя же пренебрегать связями.

Наконецъ, и около тетушки начали смѣяться: это князь принялся разсказывать свѣжіе анекдоты.

Баронесса рада посмѣяться; но въ то же время она слѣдитъ за молодежью, которая замолчала и прислушивается...

Баронесса грозитъ Томасу. Послѣдній умолкаетъ, переглядываясь съ Тахой. Таха смѣется: она знаетъ, что всѣ анекдоты будутъ разсказаны и ей.

— Дядя Томъ, идите къ намъ громить домъ Тима,—позвала она изъ-за арки князя,—у насъ есть тайна.

И Томасъ съ одинаковой готовностью пилъ шоколадъ, ломая послѣднія бревна сахарнаго домика, плававшія въ наводненіи рыжихъ растаявшихъ сливокъ.

Здѣсь ему тихонько, вкратцѣ, передали „исторію муфты“.

— Папа еще не знаетъ, а кузина Лика съ утра исчезла,—прибавилъ Ванно.

Ванно кажется, что онъ больше всѣхъ можетъ пострадать въ этомъ дѣлѣ.

До сихъ поръ на пути его жизни не встрѣчалось никакихъ терній. Онъ благополучно покончилъ съ правовѣдѣніемъ, послѣ чего ему удалось пристроиться къ важному лицу и попасть съ нимъ во время войны въ дѣйствующую армію. Тамъ онъ чудеснымъ образомъ получилъ Георгія, безъ малѣйшаго вреда для своего здоровья. Родители нашли, что съ такимъ отличіемъ невыгодно переходить на штатскую службу, и теперь Ванно щеголяетъ въ новенькомъ военномъ мундирѣ съ блестящими эполетами.

При томъ Ванно неоспоримый красавецъ. У него правильно мертвенныя черты лица, точно посыпанная пепломъ классическая маска, неподвижные темные глаза, черные, крѣпко напомаженные волосы, лежащіе на лбу симметричными, рѣзкими зигзагами. На лицо его невольно хотѣлось посмотрѣть еще разъ, точно оно хранило какую-то тайну, быть можетъ, даже какую-нибудь грязную тайну... Ванно считалъ себя неотразимымъ, онъ не сомнѣвался, что побѣдитъ кузину Лику, богатство которой его окончательно устраивало,—и вдругъ!

— Помимо всего остального,—продолжалъ онъ, думая о себѣ,—она вѣдь опозорила весь нашъ домъ.

— А Монечка и miss Meryland израсходавали на мамочку цѣлый флаконъ соли,—прибавила Таха.

Томасъ кивалъ головой одинаково любезно и племяннику, и племянницѣ, соображая, сколько соли ему придется израсходовать на себя изъ-за этой исторіи: Джесси—сестра этой дѣвушки! Впрочемъ, она—Орденъ-Бахъ, тутъ ужъ дядюшка самъ долженъ спасаться. Онъ-то придумаетъ, какъ вывернуться, старый волкъ.

Мрачныя мысли сдѣлали лицо князя угрюмымъ, а поведеніе по отзыву молодежи „не социабельнымъ“.

Скука уже начала рѣять своими черными крылами надъ разрушеннымъ домикомъ Тима, когда въ дверяхъ появилась круглая фигурка старичка со звѣздой, нетвердо державшаяся на коротенькихъ ножкахъ.

— Къ намъ? Къ намъ, Нифонтъ Ивановичъ!—кричала обрадованная молодежь изъ-за арки, не давая ему даже времени поздороваться со старшими.

Таха совала ему въ руку чашку съ шоколадомъ, Томъ подносилъ даже не остатки сахарного домика, а только одно бурое наводненіе отъ растаявшихъ сливокъ.

— Совсѣмъ какъ сейчасъ въ Галерной Гавани,—сказалъ Ванно, и всѣ захохотали.

— А что, Нифонтъ Ивановичъ, какъ вы думаете: сегодняшнее наводненіе не есть-ли новый жидовскій подвохъ?

— Пустяки! Мы, Нифонтъ Ивановичъ, ждали васъ, чтобы

спросить, правда ли, что со стороны Грузіи есть угрожающіе признаки сепаратизма?

— А вы знаете, что корелы объявили себя республикой?

— А новая коалиція, Нифонтъ Иванычъ, лаппы, чукчи, вотяки и вогулы?

— Не шутите, господа, — перебилъ Тимъ этотъ потокъ вопросовъ,—зачѣмъ смущать напрасными страхами, когда надвигается дѣйствительная опасность?

Понизивъ голосъ, онъ продолжалъ:

— Финляндія отложилась отъ Россіи... А между тѣмъ, несмотря на это, у насъ есть въ сношеніяхъ съ финнами одно громадное упущеніе, которое можетъ привести къ серьезнымъ осложненіямъ.

Всѣ притихли, не понимая еще, шутитъ ли Тимоѳей Николаевичъ, или говорить серьезно.

— Мы всѣ забыли про финляндскіе пароходы,—продолжалъ послѣдній съ невозмутимой серьезностью, — а вѣдь сколько ихъ! И если на каждый такой пароходъ, да поставятъ по пулемету...

Взрывъ хохота покрылъ дальнѣйшія соображенія начинающаго дипломата. Новый гость прихлебывалъ шоколадъ и загадочно улыбался.

Добродушный старичокъ со звѣздой—правая рука хозяина дома. „До глубины своихъ печенокъ" ненавидѣлъ онъ инородцевъ, отъ которыхъ погибаетъ самобытная Россія. И много слезъ проливалось во всѣхъ концахъ его любимой родины изъ-за этихъ искреннихъ убѣжденій, которыя такъ весело высмѣивались здѣсь, на файвъ-о клокѣ.

Старичокъ улыбался, поворачиваясь на всѣ голоса, и спокойное чувство свѣтилось въ его взорѣ.

— Ничего, ничего,—сказалъ онъ, наконецъ, дождавшись паузы.—Вогулы? Мы и вогуловъ? Лаппы? Мы и на лапповъ наложимъ свою лапу... А ужъ Чухляндію... Мы ее вотъ такъ,— въ кулакъ!

Молодежь хохотала.

Но вдругъ все смолкло: въ дверяхъ появился хозяинъ дома, баронъ Орденъ-Бахъ, съ „папа принца", какъ называла Таха отца своего высокаго гостя,—морганатическаго принца.

Таха, при видѣ вошедшихъ, обратилась вся въ благоправіе. Даже шейка ея куда-то спряталась и стала болѣе закрытой, а голые локотки вдругъ исчезли подъ сѣнь трехугольныхъ клиньевъ, раньше откинутыхъ за плечи. Лицо ея также измѣнилось, хотя глаза непріязненно блеснули: она съ дѣтства не терпѣла „папа принца" за то, что, встрѣчаясь, онъ бралъ ее за подбородокъ и говорилъ всегда одну и ту же фразу: „Какъ поживаешь, костяшка?"

Въ дѣтствѣ Тахѣ казались оскорбительными эти намеки на ея худобу; теперь она знала, что худые въ модѣ, что это moderne; но фраза эта, повторяемая при каждой встрѣчѣ, раздражала ее по старому.

— Вотъ, сейчасъ подойдетъ и скажетъ свое,—прошептала она Тиму такъ тихо, чтобы не слышалъ принцъ.

Дѣйствительно, уже этотъ высокій согнутый старикъ съ розовыми бородавками на розовомъ лицѣ подходилъ къ ней отъ баронессы и, взявъ за подбородокъ холодными розовыми пальцами, произнесъ:

— Какъ поживаешь, костяшка?

Таха граціозно присѣла, улыбнулась, но лобъ ея покраснѣлъ, а скромно опущенные глаза спрятали за вѣками свой злой блескъ.

Баронъ, сопровождая „папа принца", здоровался съ гостями.

Баронъ носилъ бакенбарды, очень короткія, пробритыя на подбородкѣ и у челюстей. Рыжія брови его слегка подняты вверхъ, какъ у Тахи, и нависли надъ стальными холодными глазами. Въ лицѣ нѣтъ игры свѣтотѣней, оно всегда однообразно замкнуто.

Хозяинъ не любитъ „фехтовать сожженнымъ замкомъ" и, увидѣвъ альбомъ фотографій, по пути захватываетъ его съ собой, чтобы спрятать въ этажерку между книгами.

Папочка обожаетъ свое семейство. Онъ надолго задерживается у столика съ домомъ Тима, любуется скромностью Тахи, красотой Ванно и ласково шутитъ съ молчаливой Barbe. „Русская Варвара" въ восторгѣ и краснѣетъ, „какъ раскаленная плита", отъ этого лестного вниманія.

„Папа принца", посидѣвъ минутъ пять, удаляется вмѣстѣ съ сыномъ, провожаемый всѣми членами семейства.

Файвъ-о-клокъ конченъ.

Уже пять часовъ, а гости знаютъ, что баронъ всегда отдыхаетъ до шести.

Курьеры уже сняли перчатки и фраки и, сдавъ ихъ Амаліи Карловнѣ на храненіе, накрывали въ столовой къ обѣду.

Томасъ и Джесси остались обѣдать. Мамочка, проводивъ папочку въ спальную, вернулась въ гостиную, гдѣ князь уже успѣлъ освѣдомить супругу о поступкѣ Лики. Теперь начинаютъ говорить по-французски.

Съ Джесси чуть не приключился обморокъ отъ потрясенія.

— Но, тетя, вѣдь этому нѣтъ названія,—плакалась она,— въ какое положеніе ставитъ насъ эта дѣвушка!

— Августъ еще ничего не знаетъ,—говорила баронесса,

съ руками, безсильно брошенными на колѣни,—онъ, бѣдный, такъ устаетъ! Вѣдь теперь такая масса дѣлъ. Это мученикъ! Пусть онъ имѣетъ свой часъ отдыха.

— И ея нѣтъ, тетя! До сихъ поръ нѣтъ! Убѣжала она, что-ли?—продолжаетъ волноваться Джесси, которой до зарѣзу нужны деньги.

— Что еще предстоитъ намъ! — говоритъ баронесса мрачно:—вѣдь вы знаете, этотъ Крашенниковъ, у котораго нашли твоего преступника, Томасъ...

— Неужели... дядя Лики?!—перебиваетъ Томасъ, который здѣсь, въ тѣсномъ семейномъ кругу разрѣшаетъ себѣ на время снять маску сдержаннаго спокойствія.

Баронесса, кивая головой, подноситъ платокъ къ глазамъ.

Джесси пугаетъ волненіе мужа.

— Что такое? Какой Крашенниковъ?—спрашиваетъ она; но никто не хочетъ ей ничего объяснить.

— И это теперь, къ концу года,—продолжаетъ баронеса,—когда Августу исполняется 50 лѣтъ службы... Вѣдь юбилей и все такое...

— Это низость!—восклицаетъ экспансивно Джесси.—Завести такой ужасъ въ вашей семьѣ...

Томасъ не тратитъ лишнихъ словъ; но отъ этого еще яснѣе сознаетъ затруднительность положенія. Изъ деликатности, онъ не упоминаетъ о томъ, какой роковой поворотъ можетъ придать прискорбный фактъ его карьерѣ, столь неустойчивой въ данную минуту; но отъ сдержанности его тревога только обостряется.

— Однако,—наконецъ, говоритъ онъ, и вдругъ въ этомъ мягкомъ голосѣ зазвучали изумительно жесткія нотки, —нельзя-же допустить, чтобы какая-то испорченная личность вліяла на судьбы семейства, стоящаго... гм... фамиліи, въ общественномъ мнѣніи, гм... недосягаемой... репутаціи...

— Но что же дѣлать? Что дѣлать?—стонетъ Джесси, но, какъ всегда, на нее не обращаютъ вниманія.

— Не даромъ я была противъ женитьбы Оскара на этой купчихѣ,—вздыхаетъ баронесса, вспоминая давно прошедшее.—Какая вышла польза отъ этого богатства? А можетъ выйти погибель цѣлой старинной фамиліи.

— Надо принять мѣры, — неожиданно догадывается Джесси.

— Ахъ, другъ мой, это понятно само собой,—раздражается баронесса,—но нельзя же намъ прибѣгать къ обычнымъ мѣрамъ... Это насъ же скомпрометируетъ... Мы — на виду, у Августа столько враговъ, которые будутъ рады.

— Ахъ, chére tante...—князь подноситъ руку баронессы

къ губамъ:—вѣдь есть мѣры и мѣры... Изъ всѣхъ мѣръ надо выбрать разумную...

Голосъ его становится мягокъ и печаленъ.

— Можно, напримѣръ, эту изступленную объявить сумасшедшей. Засадить... И это будетъ только справедливо!

Дамы поражены. Смѣлый планъ застаетъ ихъ врасплохъ.

— Какъ рѣшитъ Августъ,—наконецъ, отвѣчаетъ баронесса:—подождемъ до шести. Пусть онъ, бѣдняжка, имѣетъ свой часъ отдыха.

Нѣкоторое время всѣ трое сидятъ въ задумчивой угнетенности.

— Et moi... Je dois payer les pôts cassés...—неожиданно восклицаетъ Джесси.

Князь изумленно смотритъ на супругу и вдругъ начинаетъ смѣяться.

Это она такъ разобижена, что сейчасъ нельзя раздобыть у сестрицы денегъ!

Все приключеніе свела къ этому милая простушка. Съ обычнымъ умѣньемъ подмѣчать юмористическое въ повседневномъ, онъ смѣется, причисляя и это наивное восклицаніе къ своей смѣхотворной коллекціи.

— Мужайся, не теряй надежды!—говоритъ онъ насмѣшливо женѣ.

— Хоть бы она вернулась... — вздыхаетъ Джесси, не подозрѣвая, насколько это желаніе уже близко къ исполненію.

Юлія Безродная.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

* * *

Цѣлый день въ кустахъ сирени и въ вѣтвяхъ зеленыхъ ивъ,
Въ тростникахъ, толпою стройной замыкающихъ заливъ,
Въ хмелѣ, сползшемъ прихотливо черезъ каменный заборъ,
Чутко спалъ тревожный вѣтеръ, прилетѣвшій изъ-за горъ.
Сердце ждало вихря, бури, истомившись отъ тоски,
Но дремалъ мой садъ, и сонно розъ дрожали лепестки...
Притаившись въ нѣжныхъ листьяхъ расцвѣтающихъ кустовъ,
Опьяненный свѣтлымъ солнцемъ и дыханіемъ цвѣтовъ,
Первыхъ ландышей улыбкой, первой лаской майскихъ дней,
Чутко спалъ тревожный вѣтеръ средь узорчатыхъ вѣтвей.
Онъ проснулся только ночью... Зашуршалъ въ моемъ саду,
Стукнулъ ставнемъ торопливо, засмѣявшись на лету,
Отряхнулъ цвѣты черемухъ, въ листьяхъ клена зашумѣлъ
И свободной, вольной птицей дальше къ морю полетѣлъ.
Съ шумомъ волнъ, встающихъ въ морѣ, и шуршащихъ [тростниковъ
Вѣтеръ слился въ кличъ призывный, въ молодой и гордый [зовъ.
И порывомъ сильнымъ, властнымъ и ко мнѣ домчался онъ
И позвалъ на праздникъ бури, плескомъ моря заглушенъ.
Шорохъ листьевъ, стукъ калитки, волнъ далекихъ стройный [хоръ...
Это ты проснулся, вѣтеръ, прилетѣвшій изъ-за горъ!

II.

*
* *

Сквозь раскрытыя окна упали ко мнѣ золотые
Заходящаго солнца лучи,—дня минувшаго нѣжный привѣтъ.
Озарили нежданною лаской твой милый и грустный портретъ,
На стеклѣ засверкали стакана, гдѣ вяли цвѣты полевые,
И, скользнувъ, умерли... Иль ушли?.. Дня минувшаго нѣжный
[привѣтъ.
Скоро мѣсяцъ взойдетъ... Голубые часы ожиданья
Развернутъ свои легкія крылья надъ грустной и тихой
[душой...
И вливается въ сердце ко мнѣ, вмѣстѣ съ свѣтомъ вечернимъ,
[покой...
Я забыла о днѣ промелькнувшемъ, о счастья безплодномъ
[исканьи.
Развѣ было все это? Не знаю... И снова ты здѣсь, ты со мной!..

III.

*
* *

Какъ шумъ отдаленнаго моря,
Гудятъ красноватыя сосны
Подъ вѣтромъ, пахнувшимъ прохладой
Осеннихъ задумчивыхъ дней;
И четокъ на небѣ прозрачномъ
Узоръ разноцвѣтныхъ деревьевъ,
Багряныхъ и розовыхъ листьевъ,
Расцвѣченныхъ лаской лучей...
И тамъ, между темною хвоей,
Такъ чисто прозрачное небо
Съ воздушной и легкой грядою
Плывущихъ на югъ облаковъ,
Плывущихъ, какъ бѣлыя птицы,
Все къ далямъ, манящимъ загадкой,
Какъ тѣни ушедшаго счастья,
Какъ крылья исчезнувшихъ сновъ!

IV.

* * *

Горячій день окованъ тишиной.
Пчела жужжитъ надъ сонной медуницей,
И спятъ цвѣты. Воздушной вереницей
Лишь облака проходятъ надо мной.
Вездѣ разлитъ горячій, яркій день.
Въ сухой травѣ стрекочетъ здѣсь цикада,
И перегнулись кисти винограда
Черезъ повитый зеленью плетень.
Онъ такъ хорошъ на синемъ фонѣ горъ,
Онъ весь покрытъ цвѣтами повилики,
И кое-гдѣ неспѣлой ежевики
На немъ лежитъ краснѣющій узоръ.
И все стоитъ въ дремотномъ легкомъ снѣ.
Пчела жужжитъ надъ сонными цвѣтами..
И знаю я: за синими горами,
Тамъ, въ этотъ мигъ ты вспомнилъ обо мнѣ!

Ада Чумаченко.

Къ юбилею дарвинизма.

IV.

Выясненіе логической основы эволюціоннаго ученія имѣетъ троякое значеніе: во-первыхъ, оно даетъ намъ возможность понять, въ какой логической связи находятся между собою отдѣльныя части этой обширной системы; во-вторыхъ, оно приводитъ насъ къ правильному пониманію исторіи обоснованія этого ученія; и, въ-третьихъ,—что самое важное,—оно въ высшей степени облегчаетъ намъ популяризацію этого важнаго ученія въ широкихъ кругахъ образованнаго общества.

Что касается перваго пункта, то уже въ интересахъ экономіи умственнаго труда для всякаго, кто знакомится со сложной системой ученій, каковымъ является эволюціонизмъ, весьма полезно имѣть постоянно передъ глазами схему, по которой онъ могъ бы быстро опредѣлить, куда относится тотъ или иной фактъ, съ которымъ ему приходится познакомиться: является ли этотъ фактъ аргументомъ въ пользу основной идеи, что виды развились; или онъ пытается освѣтить отдѣльные этапы на пути этого процесса, т. е. указать, какія формы изъ какихъ развились,—что принято называть *филогенетической* проблемой; или, наконецъ, этотъ фактъ является иллюстраціей къ вопросу о томъ, въ силу какихъ причинъ совершилось это развитіе,—такъ называемая проблема о *факторахъ органической эволюціи*. Намъ такъ часто приходится встрѣчаться съ путаницей въ сужденіяхъ по этому поводу, что мы считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на это обстоятельство.

Важнѣе примѣненіе проведеннаго нами логическаго анализа къ сужденію объ исторіи эволюціоннаго ученія. Какъ это ни странно, но по этому вопросу даже у крупнѣйшихъ авторитетовъ біологической науки проявляется невѣроятная спутанность понятій. Чтобы не быть голословными, мы приведемъ нѣсколько цитатъ, которыя покажутъ, что современные біологи не знаютъ, кого слѣдутъ считать основателемъ эволюціонной теоріи. Никто не сомнѣвается въ томъ, что Эрнстъ Геккель является не только однимъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ въ области зоологіи, но и однимъ изъ тѣхъ

ученыхъ, которымъ культурное человѣчество больше всего обязано за популяризацію эволюціоннаго ученія. Желая узнать, кого мы должны считать основателемъ эволюціоннаго ученія, мы обращаемся за отвѣтомъ къ Геккелю. Въ своей знаменитой книгѣ «Естественная Исторія Творенія» (имѣющейся теперь въ русскомъ переводѣ) Геккель пишетъ: «Необходимо строго разграничивать, во-первыхъ, ученіе о развитіи или теорію развитія (Descendenztheorie) Ламарка, которая лишь утверждаетъ, что всѣ виды животныхъ и растеній происходятъ отъ общихъ, наипростѣйшихъ, самопроизвольно возникшихъ родоначальныхъ формъ и, во-вторыхъ, ученіе объ отборѣ или селекціонную теорію Дарвина, которая показываетъ намъ, почему имѣло мѣсто это прогрессивное измѣненіе органическихъ формъ, какія физіологическія, механически дѣйствующія причины обусловливали непрерывное новообразованіе и все возрастающее разнообразіе животныхъ и растеній» (стр. 107-я 10-го изданія оригинала).

Отсюда кажется яснымъ, что Ламаркъ въ 1809 году обосновалъ теорію эволюціи, а Дарвинъ 50 лѣтъ спустя открылъ движущую силу органическаго развитія. Между тѣмъ, Геккель на той же самой страницѣ повѣствуетъ, что «почти вся біологія до Дарвина придерживалась противоположнаго взгляда, и почти у всѣхъ ботаниковъ и зоологовъ абсолютная независимость органическихъ видовъ считалась само собою понятной предпосылкой всѣхъ ихъ изслѣдованій. Ложный догматъ о постоянствѣ и независимомъ сотвореніи отдѣльныхъ видовъ пріобрѣлъ такой высокій авторитетъ и такое всеобщее признаніе, онъ такъ подтверждался видимостью, особенно при поверхностномъ наблюденіи, что нужна была поистинѣ не малая степень мужества, силы и разумѣнія, чтобы возстать противъ этого лжеученія и разбить искусственно построенную на немъ систему науки».

Кто же совершилъ это геройское дѣло? Конечно, Дарвинъ. Но тогда приходится считать именно Дарвина основателемъ эволюціоннаго ученія, и подъ словомъ дарвинизмъ слѣдовало бы, пожалуй, понимать всю эволюціонную теорію (конечно, за исключеніемъ космологической части, разработанной, какъ извѣстно, Кантомъ и Лапласомъ). Этого, однако, не хотятъ признать ни Геккель, ни кто другой изъ современныхъ біологовъ. Геккель пишетъ дальше въ той же книгѣ: «Эволюціонная теорія, какъ таковая, не нова; всѣ натурфилософы, которые не желали отдавать себя во власть слѣпой вѣры въ догматъ сверхъестественнаго сотворенія, должны были признать естественное развитіе. Но даже десцендентная теорія, т. е. біологическая часть универсальнаго эволюціоннаго ученія, была уже съ такою ясностью высказана Ламаркомъ и разработана имъ въ ея важнѣйшихъ слѣдствіяхъ, что мы именно его должны почитать, какъ собственнаго основателя этого ученія.

Поэтому подъ «дарвинизмомъ» слѣдуетъ разумѣть не всю десцендентную теорію, а лишь теорію отбора».

Казалось бы, что можно послѣ этого считать разъ навсегда установленнымъ, что заслуга Дарвина заключается лишь въ обосновании теоріи отбора, а Ламарка считать обоснователемъ болѣе общаго эволюціоннаго ученія. Не противорѣчитъ ли этому, однако, приводимый и самимъ Геккелемъ фактъ, что почти всѣ ботаники и зоологи до выхода книги Дарвина придерживались догмата сотворенія видовъ? Если Ламаркъ обосновалъ эволюціонное ученіе, то къ чему же понадобилось Дарвину 50 лѣтъ спустя еще разъ обосновывать его и тѣмъ возставать противъ общепринятаго взгляда? Это противорѣчіе чувствуетъ и самъ Геккель, и это заставляетъ его оговориться въ другомъ мѣстѣ, что собственно заслуга Дарвина «двоякая»: «во-первыхъ, онъ придалъ обоснованному Ламаркомъ и Гёте эволюціонному ученію болѣе цѣльный, всеобъемлющій характеръ и представилъ его въ болѣе связной формѣ, нежели его предшественники. Во-вторыхъ, онъ придалъ этой эволюціонной теоріи причинное обоснованіе при помощи введеннаго имъ ученія объ отборѣ, т. е. онъ показалъ движущія причины тѣхъ измѣненій, которыя лишь утверждались, какъ фактъ (но не объяснялись) эволюціоннымъ ученіемъ».

Выходитъ, какъ будто, что заслуга обоснованія эволюціонной теоріи все-таки принадлежитъ обоимъ: и Дарвину, и Ламарку. Придерживаясь изложенія самого Геккеля, трудно даже рѣшить, чья заслуга собственно больше; судите сами: о Ламаркѣ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что онъ «ясно выразилъ это ученіе и разработалъ его вплоть до важнѣйшихъ выводовъ», а о Дарвинѣ сказано въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что онъ «гораздо общѣе развилъ, гораздо подробнѣе прослѣдилъ и гораздо строже провелъ въ связной формѣ» это ученіе, основная мысль котораго была уже ясно высказана Гёте и Ламаркомъ... Разница, какъ будто, и не такъ ужъ велика. А, между тѣмъ, какъ различно было вліяніе! Послѣ Ламарка всѣ зоологи и ботаники оставались по прежнему приверженцами догмата сотворенія, а послѣ Дарвина всѣ они примкнули къ эволюціонному ученію. И все-таки приходится считать не Дарвина обоснователемъ этого ученія, а именно Ламарка. Какъ хотите, а тутъ что-то не ладно.

Впрочемъ, тутъ мы вспоминаемъ о другомъ пунктѣ, который, можетъ быть, поможетъ намъ выбраться изъ этой путаницы. Быть можетъ, разницу во вліяніи Дарвина и Ламарка на современниковъ и потомковъ слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что Ламаркъ «только утверждалъ эволюцію, какъ фактъ», между тѣмъ какъ Дарвинъ занялся также вопросомъ о причинахъ этой эволюціи? Но кто же станетъ утверждать, что Ламаркъ не занимался вопросами о причинахъ развитія организмовъ. Кто даже самъ не читалъ Ламарка, тотъ можетъ найти у того же Геккеля вполнѣ

опредѣленныя данныя и по этому вопросу. На стр. 102 цитируемой книги Геккель пишетъ, излагая ученіе Ламарка: «Плавательныя перепонки между пальцами ногъ у лягушекъ и другихъ водяныхъ животныхъ произошли исключительно вслѣдствіе постоянныхъ стараній плавать, отъ ударовъ ногами по водѣ, отъ самихъ плавательныхъ движеній. Наслѣдственная передача потомкамъ упрочила эти привычки и дальнѣшее развитіе ихъ преобразовало органы. Какъ ни вѣрна въ общемъ эта основная идея Ламарка, но онъ все же придаетъ слишкомъ исключительное значеніе привычкѣ (употребленію и неупотребленію органовъ), *правда, одной изъ важнѣйшихъ*, но не единственной причинѣ измѣненія формъ. Это, однако, не можетъ помѣшать намъ признать, что Ламаркъ совершенно правильно понялъ взаимодѣйствіе двухъ тенденцій органическаго развитія (т. е. наслѣдственности и измѣнчивости). Ему недоставало при этомъ только чрезвычайно важнаго принципа естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, который былъ провозглашенъ Дарвиномъ 50 лѣтъ спустя».

Значитъ, и Ламаркъ не *просто утверждалъ фактъ* эволюціи. И онъ доискивался движущихъ силъ развитія и даже имѣлъ счастье понять взаимодѣйствіе наслѣдственности и измѣнчивости и открыть одну изъ важнѣйшихъ причинъ измѣненія организмовъ. И въ этомъ отношеніи у самого Геккеля получается нѣкоторое уравненіе заслугъ обоихъ ученыхъ. Одинъ (Ламаркъ) открылъ «одну изъ важнѣйшихъ причинъ» (правда, не единственную), другой (Дарвинъ) открылъ «чрезвычайно важную причину», о которой онъ самъ же писалъ, что она не единственная. Но какъ понять въ такомъ случаѣ, что Дарвинъ далъ толчокъ къ грандіозному перевороту, между тѣмъ, какъ Ламаркъ остался непризнаннымъ, даже осмѣяннымъ?

Другой выдающійся дарвинистъ, А. Р. Уоллесъ (одновременно съ Дарвиномъ обосновавшій теорію естественнаго отбора), даетъ на наши вопросы отвѣтъ не болѣе ясный, нежели Геккель. Его книга, изданная въ 1889 году, называется «Дарвинизмъ» и носитъ подзаголовокъ «Изложеніе теоріи естественнаго отбора». Въ предисловіи онъ пишетъ: «Не задаваясь намѣреніемъ говорить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, о всемъ эволюціонномъ ученіи, я хотѣлъ только изложить теорію естественнаго отбора такимъ образомъ, чтобы всякій образованный читатель могъ составить себѣ ясное понятіе о трудѣ Дарвина» и т. д. Въ концѣ предисловія онъ говоритъ: «Отказываясь отъ теоріи полового подбора, я тѣмъ самымъ настаиваю на большемъ значеніи естественнаго отбора, это и есть именно Дарвиново ученіе, и потому я считаю, что моя книга выступаетъ въ защиту чистаго дарвинизма» (Русскій переводъ Мензбира, изданіе Московской Коммиссіи домашн. чтенія).

И Уоллесъ, очевидно, считаетъ доказаннымъ, что заслуга Дарвина заключается, главнымъ образомъ, въ обоснованіи теоріи есте-

ственнаго отбора. Но кто же обосновалъ общее эволюціонное ученіе, которому логически подчинена теорія отбора? Прямыхъ указаній на это Уоллесъ не даетъ, но косвенно мы узнаемъ кое-что уже изъ того же предисловія. Уоллесъ говоритъ: «Дарвинъ писалъ для поколѣнія, которое не признавало эволюціоннаго ученія и съ пренебреженіемъ говорило о тѣхъ, которые производили видъ изъ вида на основаніи закона постепеннаго измѣненія. И онъ сдѣлалъ это столь убѣдительно, что «происхожденіе путемъ постепеннаго измѣненія» теперь принято всѣми, какъ нѣчто господствующее въ органическомъ мірѣ, и новое поколѣніе натуралистовъ едва ли можетъ представить себѣ новизну идеи или понять, почему ихъ отцы смотрѣли на нее, какъ на ученую ересь, которую надо скорѣе осуждать, чѣмъ разбирать съ научной точки зрѣнія». Стало быть, Дарвинъ же обосновалъ и самое эволюціонное ученіе и сдѣлалъ это при томъ такъ убѣдительно, что никто больше въ этомъ не сомнѣвается. Ибо, какъ указываетъ далѣе Уоллесъ, «сдѣланныя на Дарвинову теорію возраженія касались не самого факта измѣненія видовъ, а тѣхъ способовъ, которыми это измѣненіе происходитъ». Уоллесъ прекрасно сознаетъ, что предшественниками Дарвина сдѣлано было очень мало для убѣдительнаго обоснованія общей эволюціонной идеи и что они не имѣли никакого успѣха. Онъ самъ указываетъ на тотъ фактъ, что Ляйэлль долго оставался приверженцемъ постоянства видовъ. хотя ему было извѣстно сочиненіе Ламарка, изъ котораго онъ приводилъ длинное извлеченіе въ первыхъ восьми изданіяхъ своей книги «Основанія Геологіи». И, только благодаря Дарвину, Ляйэлль сдѣлался сторонникомъ эволюціоннаго ученія.

Итакъ, мы встрѣчаемся здѣсь у Уоллеса, какъ и у Геккеля, съ тѣмъ же противорѣчіемъ: съ одной стороны, именно Дарвинъ разрушилъ догматъ сотворенія отдѣльныхъ видовъ и завоевалъ эволюціонной теоріи всеобщее признаніе, съ другой стороны, только теорія отбора является собственно Дарвиновымъ твореніемъ.

Можно было бы привести сколько угодно такихъ цитатъ; я выбралъ лишь двухъ авторовъ, разсужденія которыхъ по этому вопросу типичны и авторитетъ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Изъ всѣхъ такихъ разсужденій можно вывести слѣдующую основную концепцію: подъ дарвинизмомъ слѣдуетъ разумѣть только теорію естественнаго отбора, ибо только обоснованіе этой теоріи составляетъ исключительную заслугу Дарвина. Что же касается общаго эволюціоннаго ученія, то въ обоснованіи его Дарвинъ имѣлъ предшественниковъ (Ламаркъ, Гёте и многіе другіе). Однако эти предшественники не имѣли успѣха у своихъ современниковъ, и до появленія книги Дарвина почти всѣ зоологи и ботаники оставались слѣпыми приверженцами догмата отдѣльныхъ творческихъ актовъ и неизмѣняемости видовъ. Только благодаря сочиненію Дарвина, и обще-эволюціонное ученіе добилось всеобщаго признанія. Но почему же, спрашивается, старанія предше-

ственниковъ Дарвина остались такъ безплодны, между тѣмъ какъ Дарвинъ почти безъ труда добился признанія того же принципа? А потому (говорятъ намъ), что предшественники Дарвина не были въ состояніи продемонстрировать наглядно движущія силы утверждаемаго ими процесса развитія органическихъ формъ. Это удалось сдѣлать лишь одному Дарвину.

Такъ слѣдуетъ понимать слова Геккеля, будто Дарвинъ «при помощи ему одному принадлежащей теоріи отбора придалъ эволюціонному ученію причинный фундаментъ, т. е. доказалъ движущія причины измѣненій, которыя, какъ фактъ, утверждаются эволюціоннымъ ученіемъ» (стр. 116). И Уоллесъ объясняетъ себѣ пораженіе и неуспѣхъ предшественниковъ Дарвина, въ особенности Ламарка и знаменитой анонимной книги: «Слѣды Естественной исторіи Творенія» (Vestiges of the Natural History of Creation) тѣмъ, что «ими не сдѣлано было попытки рѣшенія задачи въ частностяхъ, не было указано на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ могли произойти близкіе виды какого-нибудь рода, сохранивъ свои незначительныя, повидимому, безполезныя отличія другъ отъ друга. Не было найдено ни ключа къ пониманію закона, въ силу котораго какой-нибудь видъ можетъ дать начало одному или нѣсколькимъ видамъ съ слабыми, но постоянными отличіями; ни объясненія, почему такія мелкія, но постоянныя отличія вообще могли бы существовать».

Зейдлицъ, основательнѣе всѣхъ другихъ занявшійся предшественниками Дарвина, привелъ въ своей книгѣ «Теорія Дарвина» (1874) списокъ не менѣе 47 предшественниковъ съ довольно подробною оцѣнкой важнѣйшихъ изъ нихъ. Въ заключеніе своего историческаго обзора онъ говоритъ слѣдующее: «Какъ ни вѣски были всѣ эти голоса въ пользу измѣняемости видовъ, они пріобрѣли лишь мало приверженцевъ, ибо не нашли подходящаго ключа, который открылъ бы врата истины и для наиболѣе упрямыхъ. Достопримѣчателенъ фактъ, что около 1800 года въ трехъ главныхъ странахъ Европы у четырехъ человѣкъ,—Гёте, Эразма Дарвина, Ламарка и Тревирануса,—независимо другъ отъ друга, зародилась одна и та же идея,—теорія происхожденія организмовъ, но за недостаткомъ правильнаго обоснованія, не могла добиться признанія; затѣмъ около 1850 года снова родилось независимо другъ отъ друга нѣсколько теорій трансмутаціи: въ Германіи Кейзерлингъ и Баумгертнеръ, во Франціи—Поденъ, въ Англіи—Фрикъ и Спенсеръ; но и онѣ оказались также нежизнеспособными: имъ всѣмъ недоставало болѣе глубокаго обоснованія путемъ *механическаго* объясненія. Таковое принесла лишь появившаяся въ 1859 году новая теорія, такъ какъ она дала именно то, что было необходимо для прочнаго ихъ обоснованія: показавши простую связь дѣйствій и причинъ, она свела старое эволюціонное ученіе на незыблемые, доступные опыту и наблюденію факты. Этотъ ве-

ликій подвигъ ума принадлежитъ Чарльзу Дарвину и одновременно Альфреду Уоллесу».

Приведемъ еще мнѣнія двухъ русскихъ авторитетовъ. Извѣстный московскій орнитологъ Мензбиръ говоритъ на стр. 247 своего «Введенія въ изученіе зоологіи и сравнительной анатоміи»: «Однимъ словомъ, Дарвинъ связалъ свою теорію происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора съ гипотезой о кровномъ родствѣ организмовъ, происхожденія организмовъ отъ общаго корня. Къ этой гипотезѣ подходилъ и Ламаркъ; но Ламаркъ далъ такое неудовлетворительное объясненіе происхожденія видовъ, что о болѣе широкомъ развитіи его гипотезы не хотѣли и говорить. Дарвинъ, побѣдивши вопросъ о происхожденіи видовъ, заставилъ снова вернуться къ ученію о постепенномъ развитіи органическихъ формъ или, такъ называемой, эволюціонной теоріи (Deszendenztheorie), которую часто смѣшиваютъ съ ученіемъ Дарвина, тогда какъ послѣднее, въ сущности, является только разъясненіемъ перваго». Наконецъ, не далѣе какъ 18 іюня 1908 года Тимирязевъ писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (Пятидесятилѣтній юбилей дарвинизма) слѣдующее: «Гдѣ же лежала основная причина быстраго поворота въ мнѣніяхъ, какъ выдающихся ученыхъ, такъ и большинства, уже не стѣснявшагося продолжавшимся сопротивленіемъ нѣкоторыхъ выдающихся авторитетовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ является опроверженіемъ другого, въ послѣднее время довольно распространеннаго ложнаго мнѣнія. Очень часто отъ французскихъ ученыхъ, затаившихъ прежнее скрытое враждебное отношеніе къ дарвинизму, и отъ нѣмецкихъ ученыхъ новой формаціи, его только пріобрѣтающихъ, приходится слышать такое замаскированное отрицаніе какого-нибудь значенія дѣятельности Дарвина: важно не то, что онъ внесъ своего новаго, а то, что онъ заставилъ усомниться въ ходячихъ воззрѣніяхъ и признать общую эволюціонную точку зрѣнія. На дѣлѣ, снова, должно сказать совершенно обратное, что общая эволюціонная точка зрѣнія восторжествовала потому именно, что приняла форму *дарвинизма*, такъ какъ только эта теорія въ первый разъ отвѣчала на вопросъ: *quo modo*, т. е. на вопросъ, какъ, какимъ образомъ могла совершиться эта эволюція. Попытка Ламарка оказалась безплодной именно потому, что предложенное имъ *quo modo* никого не удовлетворило».

V.

Если мы теперь сопоставимъ результатъ нашего предшествующаго логическаго изслѣдованія съ этими сообщеніями авторитетныхъ современниковъ, переживших этотъ великій переворотъ въ научныхъ воззрѣніяхъ, то получается полное и непримиримое противорѣчіе: мы установили, что можно и должно признать истину

обще-эволюціоннаго ученія на основаніи однѣхъ лишь данныхъ сравнительно-біологическаго изслѣдованія, совершенно не входя въ разсмотрѣніе вопросовъ о факторахъ органической эволюціи, что можно быть разнаго мнѣнія о движущихъ причинахъ развитія, не сомнѣваясь, однако, въ томъ, *что виды развивались*. Здѣсь же мы слышимъ, что ученые до тѣхъ поръ и слышать не хотѣли объ обще-эволюціонномъ ученіи, пока не удалось показать имъ въ неоспоримой формѣ, какъ *совершается* развитіе органическихъ формъ; лишь уразумѣвъ это, они признали, что развитіе имѣло мѣсто.

Какъ же понять это противорѣчіе? И гдѣ кроется ошибка—въ нашемъ-ли логическомъ разсмотрѣніи, или въ историческомъ сообщеніи цитированныхъ авторитетовъ?

Вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Когда мы говоримъ, что интересуемся обоснованіемъ эволюціонной теоріи, то это нужно понимать двояко: либо насъ интересуетъ *логическая* сторона этого вопроса, т. е. мы хотимъ знать, *что приводится для убѣжденія насъ въ томъ*, что такой-то процессъ имѣлъ мѣсто на землѣ; или же насъ можетъ интересовать историческая сторона этого вопроса, т. е. *какимъ образомъ эта важная идея проникла въ науку* и завоевала себѣ умы ученыхъ, а черезъ нихъ нашла себѣ признаніе и въ философіи, литературѣ и у широкой публики. И это далеко не одно и то же, разсматриваемъ ли мы обоснованіе эволюціонной теоріи съ первой или со второй точки зрѣнія. Логическую сторону мы разсмотрѣли выше, теперь мы попытаемся установить основные моменты въ историческомъ развитіи этой проблемы.

Когда мы разсматриваемъ вопросъ объ основаніи нашей теоріи съ чисто логической точки зрѣнія, то мы апеллируемъ къ уму естествоиспытателя, свободному отъ какихъ бы то ни было предразсудковъ. Въ дѣйствительности, однако, развитіе научныхъ воззрѣній въ теченіе предшествующихъ вѣковъ совершалось подъ могучимъ вліяніемъ всего строя мыслей ученыхъ, какъ дѣтей своего времени. И наша современная наука отличается отъ прежней не только богатствомъ новаго содержанія, но и тѣмъ, что мы совсѣмъ иначе мыслимъ. И если и нельзя сказать, что мы теперь совершенно свободны отъ предвзятостей, то все же нельзя отрицать, что за послѣднія сто лѣтъ научная мысль сумѣла отдѣлаться отъ многихъ предразсудковъ и сбросить много цѣпей, сковывавшихъ ее въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Объ эволюціи органическаго міра стали говорить уже довольно давно. Особенно въ ходу была эта идея у философовъ 17 и 18 го столѣтій, примыкавшихъ къ школѣ Лейбница. Но при ближайшемъ ознакомленіи оказывается, что взгляды этихъ философовъ имѣютъ лишь внѣшнее сходство съ современнымъ эволюціонизмомъ. Ученіе о ступеняхъ, по которымъ проходитъ органическій

міръ, исходило изъ идеалистическихъ представленій, т. е. подъ развитіемъ органическаго міра понимали не больше, чѣмъ мы понимаемъ нынѣ подъ развитіемъ многоугольника въ кругъ, или подъ переходомъ одной формы кристалла въ другую.

Это былъ не дѣйствительный процессъ постепеннаго измѣненія одного вида въ другой, а лишь превращеніе *понятія* одной формы въ понятіе другой при помощи извѣстныхъ логическихъ операцій. При этомъ эволюціонизмъ не вытекалъ изъ эмпирическаго изслѣдованія, а являлся раціоналистическимъ построеніемъ, продуктомъ дѣятельности «чистаго разума», который въ ту пору считался вполнѣ достаточнымъ для построенія полной системы міра безъ «черной работы» наблюденія и опыта. Этотъ эволюціонизмъ не былъ результатомъ сопоставленія индуктивныхъ законовъ біологіи, а вытекалъ, какъ дедукція, какъ одно изъ частныхъ слѣдствій изъ нѣкоторыхъ общихъ представленій о свойствахъ метафизическихъ монадъ и т. п.

Приверженцы этого ученія представляли себѣ весь міръ, отъ минераловъ и до человѣка, въ видѣ одной непрерывной цѣпи, въ видѣ прямолинейной системы постепенно усложняющихся понятій, при чемъ каждой ступени въ этой лѣстницѣ понятій соотвѣтствуетъ какой нибудь реальный объектъ, минералъ, растеніе, животное или человѣкъ. И это представленіе не мѣшало даннымъ философамъ вѣрить въ абсолютное постоянство видовъ растеній и животныхъ и отрицать всякую возможность дѣйствительнаго кровнаго родства между двумя видами въ системѣ животныхъ или растеній. Это чрезвычайно любопытное ученіе имѣло еще и въ девятнадцатомъ столѣтіи своихъ сторонниковъ; таковы, напримѣръ, нѣмецкіе натурфилософы, въ особенности Океnъ. Не входя въ детальное разсмотрѣніе ихъ ученій, мы можемъ сказать, что примыкаемъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые не считаютъ этихъ натурфилософовъ истинными предшественниками Дарвина. На рубежѣ между этимъ идеалистическимъ трансформизмомъ и современнымъ реалистическимъ стоитъ Гёте. Его взгляды на происхожденіе органическаго міра, изложенные отчасти въ стихахъ, отчасти въ очень богатой поэтическими образами прозѣ, такъ колеблются между туманными представленіями натурфилософской школы и здоровыми естественно-научными воззрѣніями, основанными на наблюденіи, что до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ: былъ ли Гете эволюціонистомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, или нѣтъ. Ибо изъ его произведеній можно привести столько же цитатъ для обоснованія утвержденія, что онъ былъ прямымъ предшественникомъ Дарвина, какъ и для подтвержденія того, что онъ цѣликомъ принадлежитъ тому направленію мысли, которое мы выше охарактеризовали, какъ натурфилософскій трансформизмъ.

Первымъ несомнѣннымъ представителемъ современнаго реалистическаго трансформизма слѣдуетъ считать Ламарка. Но это слѣ-

дуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Ламаркъ, говоря о развитіи органическаго міра, представлялъ себѣ это развитіе въ видѣ дѣйствительнаго *кровнаго* родства между различными видами; онъ первый отнесся критически къ понятію *видъ* и сдѣлалъ вполнѣ правильный выводъ, что дѣйствительное кровное родство, которое мы справедливо считаемъ причиной сходства въ предѣлахъ небольшихъ группъ особей, можетъ и должно служить для объясненія сходства организмовъ и за предѣлами той, не поддающейся точному оттраниченію группы, которую называютъ *видомъ*. Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Ламаркъ понималъ трансформизмъ именно въ такой реалистической формѣ, и этимъ онъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ, такъ называемыхъ, предшественниковъ Дарвина. Но считать Ламарка обоснователемъ эволюціонной теоріи мы не можемъ, и въ этомъ мы расходимся со всѣми современными біологами. Согласно проведенному нами выше логическому анализу, мы можемъ лишь сказать, *что Ламаркъ высказалъ гипотезу трансформизма въ вполнѣ реалистической формѣ, но онъ не сдѣлалъ изъ нея теоріи*, т. е. онъ не привелъ тѣхъ рядовъ фактовъ и эмпирическихъ законовъ, которые, будучи совершенно непонятны безъ допущенія трансформизма, становятся понятными, благодаря этому допущенію, и являются въ силу этого *доказательствами* трансформизма, которыя обязанъ признать всякій, кто вообще признаетъ за наукой право создавать теоріи (см. выше). Но онъ не только не далъ обоснованія этой гипотезѣ, которое могло бы пріобрѣсти ей много сторонниковъ, онъ даже дискредитировалъ самую идею эволюціи въ глазахъ серьезныхъ изслѣдователей, благодаря тому способу, которымъ онъ пытался разрѣшить великую проблему.

Ламаркъ принадлежалъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, которые въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ придерживаются самыхъ точныхъ правилъ, но какъ только переходятъ къ обобщеніямъ, даютъ полную свободу фантазіи и не считаются ни съ какими требованіями научной точности. Его чисто описательныя работы: «Флора Франціи» и «Естественная исторія безпозвоночныхъ» вполнѣ удовлетворяли требованіямъ, которыя можно предъявлять къ такимъ произведеніямъ. Но въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ по физикѣ и геологіи онъ придерживался чисто раціоналистическихъ пріемовъ, пытаясь помимо данныхъ экспериментальнаго изслѣдованія, даже наперекоръ имъ создать свою собственную систему. При этомъ онъ часто становился на точку зрѣнія, которая для выдающихся ученыхъ того времени являлась архаической, давно оставленной и при томъ основательно опровергнутой. Напримѣръ, онъ защищалъ ученіе о флогистонѣ, только что такъ блестяще опровергнутое Лавуазье, или приписывалъ звуковыя явленія особому звуковому веществу и т. д.

Исторія того, какъ Ламаркъ сдѣлался провозвѣстникомъ эво-

люціи, очень любопытна. Обновленная великой революціей, Франція поспѣшно организуетъ новый строй жизни; въ числѣ коренныхъ реформъ на очереди стоитъ учебное дѣло; въ противовѣсъ преобладавшему до того духу классицизма выдвигаются на первый планъ конкретныя естественныя науки. Накопившіяся въ «Королевскомъ Саду» огромныя коллекціи животныхъ должны быть приведены въ порядокъ, чтобы служить отнынѣ важнымъ образовательнымъ средствомъ для всѣхъ, а не предметомъ празднаго любопытства для немногихъ, пресыщенныхъ радостями жизни. Привлекаются спеціалисты для классифицированія матеріала. Въ 1793 г. по постановленію Конвента основывается знаменитый естественно-историческій музей, въ которомъ должны были читаться лекціи по всѣмъ предметамъ естествознанія. Учредители музея рыщутъ по Парижу въ поискахъ за профессорами. Молодой человѣкъ 21 года, Исидоръ Жоффруа Сентъ-Иллеръ, получаетъ каѳедру зоологіи, хотя до тѣхъ поръ занимался только минералогіей. Въ порывѣ энтузіазма Добантовъ говоритъ новоиспеченному профессору: «я беру на себя отвѣтственность за вашу неопытность, возьмитесь за преподаваніе зоологіи, и пусть нѣкогда люди смогутъ сказать, что вы сдѣлали изъ нея французскую науку!» Но матеріалъ слишкомъ обширенъ, чтобы одинъ профессоръ могъ съ нимъ справиться. Въ качествѣ второго профессора привлекается Ламаркъ. Ламарку было тогда 49 лѣтъ. Онъ служилъ одно время въ арміи, потомъ работалъ у банкира, занимался метеорологіей, составленіемъ календарей и поразилъ ученый міръ своей «Флорой Франціи», вышедшей въ 1778 году. Ламаркъ беретъ на себя чтеніе лекцій о низшихъ животныхъ и получаетъ годъ на подготовку. Желая, прежде всего, ясно отграничить сферу своего участія, Ламаркъ пытается установить, какія животныя относятся къ его вѣдѣнію. Обозначеніе «высшія» и «низшія» слишкомъ шатко и субъективно. И вотъ онъ наталкивается на одинъ признакъ, который можетъ быть взятъ за руководство: у однихъ есть позвоночный столбъ, у другихъ его нѣтъ, и, такимъ образомъ, возникаетъ это основное раздѣленіе на *позвоночныхъ и безпозвоночныхъ*. Впрочемъ, нужно замѣтить, что уже въ 1788 году нѣмецъ Батшъ ввелъ въ науку наименованіе «костистыя животныя», которое должно было обозначать то же самое, что позвоночныя Ламарка.

Если мы, однако, спросимъ, является ли эта классификація естественною или искусственною, то на это приходится отвѣтить, что по отношенію къ одной половинѣ, позвоночнымъ, она естественна, ибо въ ней лежитъ указаніе на важный и абсолютно постоянный признакъ, свойственный всѣмъ рыбамъ, всѣмъ гадамъ, птицамъ и млекопитающимъ. Но это только одинъ признакъ; великое же единство въ планѣ строенія позвоночныхъ, проявляющееся и въ остальныхъ признакахъ, а особенно въ эмбріональномъ развитіи, было выяснено лишь впослѣдствіи изслѣдованіями

Кювье и Карла Эрнста фонъ-Бэра. Что же касается другой половины—безпозвоночныхъ, то это обозначеніе носитъ характеръ классификаціи искусственной, ибо оно основывается на обнаруженіи отрицательнаго признака; лишь въ этомъ отрицательномъ признакѣ проявляется сходство мягкотѣлыхъ съ червями или иглокожихъ съ членистоногими. Какъ ни удобно такое раздѣленіе всего животнаго міра на двѣ группы, особенно для цѣлей преподаванія (когда, напримѣръ, одинъ семестръ читается о позвоночныхъ, другой о безпозвоночныхъ), но нужно помнить, что въ смыслѣ указанія на характеръ животныхъ группъ и ихъ положительныя черты обозначеніемъ «безпозвоночныя» достигается ровно столько же, какъ если бы мы сказали, что одинъ семестръ читаемъ о позвоночныхъ, а другой объ *остальныхъ* животныхъ!

Ободренный этой первой удачей, открытіемъ принципа, который сразу вноситъ ясность въ область, гдѣ прежде господствовалъ хаосъ (съ точки зрѣнія практической это, несомнѣнно, такъ), Ламаркъ, вообще склонный къ обобщеніямъ и увлеченный преподаваніемъ, начинаетъ чувствовать потребность въ «зоологической философіи, т. е. въ сборникѣ предписаній и принциповъ для изученія животныхъ, которые могли бы найти примѣненіе и въ другихъ областяхъ естествознанія». Чтобы составить такую «философію», онъ видитъ себя вынужденнымъ изслѣдовать организацію всѣхъ извѣстныхъ наукѣ животныхъ и при этомъ наталкивается на вопросъ, *чѣмъ обусловливается это постепенное усложненіе въ организаціи* и въ функціяхъ животныхъ, которое такъ бросается въ глаза при сравнительномъ изслѣдованіи? Это приводитъ его къ дальнѣйшему вопросу, *въ чемъ въ сущности заключается жизнь* и каковы условія, при которыхъ возникаетъ и продолжается это естественное явленіе? И, наконецъ, онъ считаетъ также необходимымъ изслѣдовать *физическія причины ощущенія,* вопросъ, на который по его мнѣнію можно дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Если уже въ самой постановкѣ вопросовъ ассоціація поражаетъ субъективизмомъ, то и въ поискахъ за отвѣтами Ламаркъ не проявилъ необходимаго критическаго чутья. Онъ разсказываетъ самъ о томъ, какъ онъ нашелъ рѣшеніе интересующихъ его вопросовъ. «Многіе извѣстные факты доказываютъ, — говоритъ онъ,—что непрерывное употребленіе органа содѣйствуетъ его развитію, укрѣпляетъ и даже увеличиваетъ его, между тѣмъ какъ вошедшее въ привычку неупотребленіе мѣшаетъ его развитію, ухудшаетъ его, ведетъ къ постепенному его вырожденію и даже къ исчезновенію, если это неупотребленіе продолжается долгое время у всѣхъ потомковъ. Отсюда очевидно, что если перемѣна въ условіяхъ жизни заставляетъ особей какой-нибудь расы измѣнить свои привычки, то менѣе употребляемые органы понемногу погибнутъ, между тѣмъ какъ органы, болѣе употребляемые, сильнѣе разо-

вьются и пріобрѣтутъ размѣры, соотвѣтствующіе ихъ употребленію».

«Во-вторыхъ, когда я поразмыслилъ о силѣ движенія жидкостей въ тончайшихъ частяхъ, то я убѣдился, что по мѣрѣ того, какъ ускоряются движенія жидкостей въ организмѣ, эти жидкости должны модифицировать клѣточную ткань, въ которой онѣ движутся, открывать себѣ протоки, прободать себѣ каналы, вообще создавать различные органы, смотря по состоянію ихъ организаціи».

Наконецъ, пытаясь изслѣдовать сущность ощущенія, Ламаркъ видитъ необходимость различать раздражимость отъ чувствительности: первая представляетъ общее свойство организмовъ, вторая требуетъ наличности особой нервной системы. Онъ говоритъ: «составивши себѣ такимъ образомъ взгляды на эти интересные предметы, я перешелъ къ изслѣдованію внутренняго чувства, т. е. того чувства бытія, существованія, которымъ обладаютъ только животныя, способныя ощущать; я примѣнилъ къ этому предмету всѣ извѣстные факты и мои собственныя наблюденія и вскорѣ убѣдился, что это внутреннее чувство является силой, изслѣдованіемъ которой не слѣдуетъ пренебрегать».

Мы указали на три главныхъ вопроса, рѣшеніемъ которыхъ занялся Ламаркъ, и тѣ три группы фактовъ, въ ислѣдованіи которыхъ онъ думалъ найти отвѣтъ на эти вопросы. Чтобы покончить съ основными элементами его изслѣдованія, мы должны еще указать на слѣдующее: приписывая столь важное значеніе внутреннему чувству, Ламаркъ не могъ не замѣтить, что этотъ факторъ не можетъ, по собственному его опредѣленію, играть роль въ измѣненіяхъ низшихъ организмовъ. И ему пришлось сдѣлать допущеніе, что измѣненія въ организаціи низшихъ формъ происходятъ инымъ путемъ, нежели тѣ же процессы въ высшихъ организмахъ. Сила, вызывающая измѣненія въ организаціи низшихъ организмовъ, лежитъ внѣ ихъ, въ окружающихъ животное и вторгающихся въ него «жидкостяхъ», у высшихъ эта сила лежитъ въ самомъ животномъ, въ его «внутреннемъ чувствѣ». «Когда я нашелъ, что движенія животныхъ никогда не сообщаются, а всегда являются результатомъ возбужденія, я убѣдился, что природа сперва была вынуждена заимствовать изъ окружающей среды возбуждающую силу жизненныхъ движеній и поступковъ низшихъ животныхъ, но съ прогрессомъ дифференцированія животной организаціи она перенесла эту силу во внутрь самихъ существъ и, наконецъ, отдала ее въ полное распоряженіе особи».

Другой важный пунктъ въ воззрѣніяхъ Ламарка это—его отношеніе къ вопросу о самозарожденіи. И здѣсь для него существуетъ коренное различіе между высшими и низшими животными. Насѣкомыя, ракообразныя, мягкотѣлыя и позвоночныя возникаютъ только путемъ размноженія; при этомъ онъ представляетъ себѣ,

что въ яйцо проникаетъ оплодотворяющій паръ и, расширяясь въ немъ, вызываетъ въ немъ жизненныя движенія, либо тотчасъ же послѣ оплодотворенія (млекопитающія), либо послѣ предварительнаго насиживанія. Что же касается инфузорій, полиповъ и иглокожихъ, то они возникаютъ путемъ самозарожденія изъ неорганической матеріи; разница между способомъ возникновенія высшихъ и низшихъ животныхъ сводится лишь къ тому, что тамъ, у высшихъ, оплодотворяющій паръ вызываетъ жизненныя движенія въ «такихъ маленькихъ студенистыхъ или слизистыхъ тѣлахъ, въ которыхъ организація уже заложена, между тѣмъ какъ у низшихъ этотъ процессъ вызыванія жизненныхъ движеній совершается въ такихъ маленькихъ студенистыхъ или слизистыхъ тѣлахъ, въ которыхъ еще нѣтъ зачатковъ организаціи».

Приведеныхъ мѣстъ изъ книги Ламарка достаточно, чтобы составить себѣ общее представленіе о характерѣ проблемъ и способѣ ихъ разрѣшенія. «Зоологическая философія» Ламарка является, несомнѣнно, натурфилософскимъ сочиненіемъ, со всѣми преимуществами и со всѣми недостатками таковаго. Преимуществомъ является общность въ постановкѣ вопросовъ и стремленіе къ объединенію научнаго матеріала съ одной точки зрѣнія. Но крупнымъ недостаткомъ является догматизмъ и поспѣшность въ обобщеніяхъ. Для насъ здѣсь важно установить, что *эволюціонное ученіе не составляетъ единственнаго или даже главнаго предмета этого изслѣдованія*, что развитіе однихъ видовъ изъ другихъ представляетъ здѣсь *лишь одно изъ слѣдствій, якобы съ необходимостью вытекающихъ изъ основного взгляда автора на сущность жизненныхъ и психическихъ процессовъ*. Доказательства эволюціи въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ въ настоящее время, и какъ мы это изложили выше, въ этомъ сочиненіи Ламарка не заключается. Въ немъ нѣтъ указаній на тѣ факты изъ систематики, морфологіи, эмбріологіи, географіи и палеонтологіи, которые, будучи совершенно загадочны безъ допущенія эволюціи, вполнѣ уясняются при этомъ допущеніи. И если многіе особенно напираютъ именно на то, что одинъ изъ выводовъ Ламарка впослѣдствіи, при совершенно иномъ обоснованіи сдѣлался общепризнанной истиной, то рядомъ съ этимъ приходится указать на то, что рядъ другихъ выводовъ былъ не только опровергнутъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, но и во время Ламарка уже являлся архаизмомъ, какъ, напримѣръ, возникновеніе червей и иглокожихъ изъ неорганизованной матеріи и т. п. Мы не намѣрены оцѣнивать ученіе Ламарка съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ знаній, это было бы лишено всякаго смысла; но мы вправѣ указать на то, что его пріемы шли въ разрѣзъ съ прогрессивнымъ теченіемъ *его же времени*. И если по содержанію онъ и опередилъ свое время, высказавъ въ реалистической формѣ идею эволюціи, то по пріемамъ изслѣдованія онъ принадлежалъ такой фазѣ развитія науки, которая серьезными учеными была

окончательно оставлена. Вотъ почему онъ не могъ имѣть и не имѣлъ успѣха. Высказывая это, мы можемъ сослаться на мнѣнія двухъ изслѣдователей, смотрѣвшихъ на Ламарка съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Біографъ Ламарка, Мартэнъ, старавшійся выставить заслуги Ламарка въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, вынужденъ былъ самъ сдѣлать слѣдующее признаніе: «стараясь убѣдить не столько положительными фактами, сколько заключеніями чистаго разума, Ламаркъ слѣдовалъ ложному методу нѣмецкихъ натурфилософовъ Гете, Окена, Каруса, Стеффенса. Въ наши дни меньше умничаютъ, но за то больше доказываютъ. Чтобы убѣдиться, читатель требуетъ ощутимыхъ доказательствъ, точно наблюденныхъ матеріальныхъ фактовъ, и онъ поддается лишь тогда, когда онъ подавленъ очевидностью». «Когда читаешь «Зоологическую философію», то замѣчаешь, почему такіе строгіе люди науки, какъ Кювье и Лоранъ де Жюссье не признавали его выводовъ; становится понятнымъ, почему они должны были бороться противъ него».

Другой изслѣдователь, мнѣніе котораго я хотѣлъ бы привести,— это Дарвинъ; въ своихъ письмахъ онъ неоднократно указывалъ на то, что въ смыслѣ обоснованія трансформизма Ламаркъ ничего не сдѣлалъ, что онъ только повредилъ этому ученію. И это вѣрно постольку, поскольку серьезные ученые первой половины 19-го столѣтія привыкли находить разсужденія о развитіи органическаго міра въ постоянной связи съ натурфилософскими системами, дававшими или обѣщавшими дать разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ о «сущности» жизни, души и т. д.

VI.

Огромная разница между Дарвиномъ и всѣми его, такъ называемыми, предшественниками заключается именно въ томъ, что онъ подошелъ къ вопросу съ чисто эмпирической стороны. Молодой человѣкъ 22 лѣтъ, только что окончившій теологическій факультетъ и занимавшійся, какъ любитель, собираніемъ жуковъ, Дарвинъ получаетъ возможность принять участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи корабля «Бигль». Это не было научной экспедиціей въ современномъ смыслѣ. Цѣлью плаванія было только производство измѣреній у береговъ Южной Америки, Патагоніи, Огненной земли, Перу, Чили и хронометрическихъ наблюденій. Но капитанъ корабля Фицъ-Рой, зная по собственному опыту, что въ такихъ путешествіяхъ часто попадаются интересные предметы, заслуживающіе болѣе детальнаго изслѣдованія со стороны естествоиспытателя, хочетъ взять съ собою молодого натуралиста, который былъ бы въ состояніи записать интересныя явленія и собрать какъ можно болѣе богатую коллекцію. Профессоръ Генслоу, рекомендовавшій Дарвина, писалъ ему по этому поводу: «я рекомендую васъ въ ка-

чествѣ *готоваго* естествоиспытателя, но я думаю, что вы вполнѣ способны собирать, наблюдать и отмѣчать все, что достойно вниманія изъ области естественной исторіи». И именно потому, что Дарвинъ до этого времени не занимался теоретическими вопросами, онъ сумѣлъ отнестись къ наблюдаемымъ фактамъ просто, безъ готовыхъ предвзятыхъ идей, онъ могъ поставить вопросы, на которые натолкнуло его наблюденіе, на правильную почву. А то, что онъ видѣлъ, приводило, конечно, не къ вопросу о «сущности» жизни, о природѣ психическихъ явленій и тому подобнымъ вопросамъ, которыми занимались его предшественники въ своихъ кабинетахъ и музеяхъ. Вопросъ, который, дѣйствительно, неотступно преслѣдовалъ молодого натуралиста во время его многодневныхъ экскурсій по степямъ Патагоніи, это былъ вопросъ о происхожденіи *видовъ*, т. е. самыхъ мелкихъ единицъ системы. Не занимаясь головоломными размышленіями о сущности вида, о единствѣ основного плана строенія, о движеніи жидкостей въ организмѣ или о вліяніи окружающаго міра на организмы, Дарвинъ, какъ практикъ-собиратель коллекцій, долженъ былъ устанавливать факты географическаго распространенія животныхъ и при этомъ съ необходимостью натолкнуться на идею эволюціи. Къ тѣмъ же выводамъ приводило уже самое поверхностное ознакомленіе съ остатками вымершихъ животныхъ южно-американскаго материка. Установивъ фактъ, что на необозримыхъ равнинахъ Америки наблюдается постепенная замѣна одного вида другимъ, хотя всѣ они принадлежатъ къ одному и тому же семейству и при томъ специфически американскому семейству (напр., среди грызуновъ); установивши любопытный фактъ, что животныя галапагосскихъ островов представляютъ по большей части эндемическіе виды, нигдѣ больше не встрѣчающіеся, но въ то же время проявляютъ несомнѣнную принадлежность къ родамъ и семействамъ, обитающимъ на американскомъ материкѣ и только на немъ; убѣдившись, что ископаемые гиганты-броненосцы и лѣнивцы патагонской третичной формаціи въ своемъ строеніи проявляютъ наибольшее сходство съ современными броненосцами и лѣнивцами, обитающими только въ Америкѣ,—Дарвинъ подводитъ итогъ на половину безсознательному процессу сопоставленія этихъ фактовъ съ основнымъ закономъ непрерывности жизни и съ закономъ наибольшаго сходства кровныхъ родственниковъ, и его умъ вполнѣ правильно усматриваетъ именно въ этихъ фактахъ несокрушимое *доказательство эволюціи*. Онъ не спѣшитъ съ опубликованіемъ своего взгляда, но не перестаетъ думать объ этомъ вопросѣ и, занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ спеціальными изслѣдованіями по геологіи и зоологіи, онъ непрерывно собираетъ факты, могущіе съ какой бы то ни было стороны освѣтить этотъ вопросъ. Спустя 22 года послѣ своего возвращенія изъ путешествія, онъ опубликовываетъ свои новыя идеи въ книгѣ: «*О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго*

отбора, или сохраненіе благопріятствуемыхъ расъ въ борьбѣ за существованіе». Какое значеніе имѣла эта книга въ исторіи науки, это извѣстно болѣе или менѣе всякому образованному человѣку, и мы не станемъ здѣсь распространяться объ этомъ. Мы поставили себѣ задачу выяснить, является-ли общеэволюціонная идея по исторіи своего обоснованія такъ неразрывно связанной съ идеей естественнаго отбора, какъ это утверждаютъ многіе. Мы видѣли, что убѣжденіе въ истинѣ эволюціонизма сложилось у Дарвина совершенно независимо отъ изслѣдованія о причинахъ развитія, оно созрѣло въ немъ подъ вліяніемъ нагляднаго ознакомленія съ фактами систематики, географіи и палеонтологіи; это и есть тотъ путь, который мы съ логической точки зрѣнія признали за единственно правильный. Что зарожденіе его идеи было именно таково, это неоспоримый фактъ, подтверждаемый имъ самимъ въ его дневникахъ и письмахъ. Однако точно также неоспоримъ и тотъ фактъ, что Дарвинъ въ своемъ главномъ сочиненіи сообщилъ міру не просто свое убѣжденіе, *что* органическій міръ развился, а также постарался дать объясненіе, почему и какъ совершалось это развитіе, и этотъ пунктъ Дарвинъ считалъ, повидимому, такимъ важнымъ, что даже указалъ на него въ самомъ заглавіи своей книги. Итакъ, между возвращеніемъ Дарвина изъ путешествія и опубликованіемъ его книги лежитъ открытіе имъ важнѣйшей причины или главнаго фактора органической эволюціи. Вотъ это-то открытіе намъ и необходимо прослѣдить.

Чтобы правильно отнестись къ тому, что мы намѣрены изложить въ дальнѣйшемъ, читатель долженъ еще разъ вспомнить, что между Дарвиномъ и его предшественниками есть коренное различіе не только въ содержаніи ученія, но и въ методологіи: Дарвинъ значительно сузилъ рамки изслѣдованія, вслѣдствіе чего оно потеряло въ философской шири, но получило болѣе прочное основаніе; предшественники Дарвина занимались разсмотрѣніемъ всего феномена жизни, Дарвинъ занялся лишь вопросомъ о «происхожденіи видовъ». Дарвинъ сдѣлалъ это не по близорукости и не по отсутствію потребности въ болѣе широкой постановкѣ вопроса, а потому, что онъ совершенно правильно понялъ, что вопросъ объ эволюціи органическихъ формъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ независимо отъ вопросовъ о сущности жизни, или о первомъ происхожденіи ея. Въ этомъ ограниченіи сферы изслѣдованія проявляется не философская слабость Дарвина въ сравненіи съ его предшественниками, а его сила. Онъ неоднократно высказывался по этому поводу. Въ «Происхожденіи видовъ» онъ писалъ: «какимъ образомъ нервъ сдѣлался чувствительнымъ къ свѣту, почти такъ же мало насъ касается, какъ и вопросъ, какъ возникла жизнь». А въ одномъ письмѣ отъ 29 марта 1863 г. мы находимъ слова: «Это просто безсмыслица задумываться въ настоящее время о на-

чалѣ жизни; можно было бы съ такимъ же успѣхомъ размышлять о происхожденіи матеріи».

Другой важный пунктъ, въ которомъ Дарвинъ отличался отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, заключается въ томъ, что онъ не выступилъ съ готовой родословной таблицей всего животнаго міра, какъ это дѣлали другіе до него. Въ то время, какъ Ламаркъ утверждалъ, что изъ насѣкомыхъ, которыя предпочитали уединенный образъ жизни, постепенно развились пауки, а изъ пауковъ, часто отправлявшихся въ воду, съ необходимостью должны были развиться ракообразныя, что лягушки постепенно превратились въ змѣй, а черепахи въ птицъ и т. д., Дарвинъ старался убѣдить своихъ читателей, что *необходимо признать, какъ общее положеніе, что виды являются продуктомъ постепеннаго развитія.* И въ этомъ сказывается сила его логики, что онъ понялъ, что нагроможденіемъ большого количества утвержденій о родословной животныхъ группъ не достигается увѣренность въ истинѣ обще-эволюціонной идеи; что если въ отдаленномъ будущемъ наукѣ и удастся установить со все большей точностью родственныя отношенія группъ, то всѣ эти установленія будутъ имѣть убѣдительную силу только для тѣхъ, кто уже помимо этого убѣдился въ истинѣ основной идеи.

Наконецъ, Дарвинъ отличался отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что онъ первый использовалъ данныя сравнительной біологіи для доказательства эволюціоннаго ученія. Онъ показалъ, что то, что всѣ называютъ естественной системой, является на самомъ дѣлѣ группировкой организмовъ по степени ихъ *родства.* Дарвинъ первый показалъ въ неоспоримой формѣ, что факты систематики (т. е. распредѣленія организмовъ въ системѣ), географіи (т. е. ихъ распредѣленія въ пространствѣ) и палеонтологіи (т. е. распредѣленія или послѣдовательности организмовъ во времени) представляются загадочными и безсвязными, если не допустить эволюціи, и превращаются въ одну стройную систему, если сдѣлать это допущеніе. Онъ первый показалъ, что факты существованія зачаточныхъ органовъ и присутствія у эмбріоновъ такихъ органовъ, которые у взрослыхъ особей даннаго вида не наблюдаются, но попадаются у близкихъ въ системѣ видовъ въ различной степени развитія, что всѣ эти факты являются несокрушимыми доводами въ пользу эволюціи. Ту главу своей книги, въ которой онъ разсматриваетъ естественную систему, морфологію, эмбріологію и зачаточные органы, Дарвинъ закончилъ слѣдующими знаменательными словами: «различныя группы фактовъ, разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ, по моему столь ясно указываютъ, что безчисленные виды, роды и семейства, населяющіе земной шаръ, всѣ произошли, каждый въ предѣлахъ своего класса или группы, отъ общихъ прародителей и затѣмъ измѣнились въ теченіе послѣдовательнаго раз-

витія, что я безъ колебанія принялъ бы этотъ взглядъ, если бы даже его не подкрѣпляли другіе факты или аргументы».

Итакъ, гипотеза эволюціонизма, т. е. положеніе, что виды животныхъ и растеній не возникали каждый въ отдѣльности независимо отъ другихъ, а произошли путемъ постепенныхъ измѣненій отъ другихъ видовъ, эта гипотеза высказывалась въ прежнія времена различными философами и естествоиспытателями, одними въ болѣе абстрактной идеалистической формѣ, другими въ болѣе конкретной, реалистической. Но никто изъ этихъ, такъ называемыхъ, предшественниковъ Дарвина не превратилъ этой гипотезы въ *теорію*, т. е. никто не привелъ ее въ такую связь съ неоспоримыми фактами и законами біологіи, при которой необходимость признанія этой идеи становится очевидной. Ошибка предшественниковъ Дарвина была *методологической*, они ошибались не по существу вопроса, а по логикѣ доказательства, они искали доказательствъ въ сферѣ соображеній, которыя не заключаютъ въ себѣ такого доказательства, и не останавливались на тѣхъ рядахъ фактовъ, которые являются объективными и неоспоримыми доводами. Хотя здѣсь идетъ рѣчь не объ осужденіи или оправданіи, но все же, чтобы не показаться несправедливыми, мы должны указать на то, что въ тѣ времена еще не существовалъ тотъ огромный запасъ фактовъ сравнительной біологіи, изъ котораго приходится черпать дѣйствительныя доказательства эволюціи, и что способъ аргументаціи ученыхъ въ этомъ вопросѣ соотвѣтствовалъ вполнѣ тому уровню, на которомъ находилась тогда біологія. Кто хочетъ получить понятіе о томъ, какъ трактовались научные вопросы біологіи во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, тотъ долженъ почитать, напримѣръ, разсужденіе Бюффона о причинѣ различія между американскими и европейскими животными, гдѣ доказывается, что влажный климатъ Америки является прямою причиною того, что тамъ развились такія огромныя насѣкомыя и пресмыкающіяся, такіе мелкіе звѣри и такіе «холодные» люди, не знающіе любви и не признающіе законовъ! Или разсужденія того же Бюффона о вліяніи пищи на организацію животныхъ; здѣсь утверждается, что у животныхъ травоядныхъ строеніе организма больше зависитъ отъ характера пищи, нежели у плотоядныхъ, «ибо мясо является уже болѣе подготовленнымъ пищевымъ средствомъ, которое болѣе уподоблено природѣ поглощающаго его хищника, между тѣмъ какъ трава, этотъ первый и непосредственный продуктъ земли, раздѣляетъ и всѣ свойства послѣдней и переноситъ на животное, питающееся ею, земныя способности». А отсюда слѣдуетъ, конечно, что «большой, бѣлый мохъ, составляющій главную пищу сѣвернаго оленя, своимъ составомъ ведетъ, повидимому, къ образованію и росту роговъ, которые у сѣвернаго оленя больше, чѣмъ у какого-либо другого вида, и эта самая пища, можетъ быть, вызываетъ на головѣ зайца и на головѣ самки сѣвернаго оленя рога, ибо нигдѣ

больше на свѣтѣ нѣтъ ни рогатыхъ зайцевъ (!), ни животныхъ, у которыхъ самки, подобно самцамъ, носили бы рога». Это типъ тѣхъ вульгарно физiологическихъ «объясненiй», который мы встрѣчаемъ у средневѣковыхъ алхимиковъ и у современныхъ шарлатановъ-знахарей; и нужно отдать этимъ знахарямъ справедливость, что они вполнѣ подходятъ къ уровню народнаго сознанiя, ибо огромное большинство необразованной публики мыслитъ и теперь именно такъ и въ области физiологiи умѣетъ объяснить много такихъ явленiй, передъ которыми наука еще останавливается, какъ передъ загадками. Самый крупный изъ предшественниковъ Дарвина, Ламаркъ, еще цѣликомъ принадлежитъ этой фазѣ въ развитiи науки. «Жвачныя, ноги которыхъ употребляются только для поддержанiя тѣла, и челюсти которыхъ, пригодныя только для откусыванiя и растиранiя травы, имѣютъ малую силу, могутъ бороться только, бодаясь, т. е. направляя другъ противъ друга свои лбы. Въ припадкахъ гнѣва, которые особено часты у самцовъ, внутреннее чувство, благодаря своему напряженiю, гонитъ жидкости съ большею силой къ этой части головы, и здѣсь совершается отдѣленiе рогового вещества, у иныхъ выдѣленiе рогового вещества въ смѣси съ костнымъ, благодаря чему образуются твердые наросты; отсюда рога, которыми вооружена голова у большинства этихъ животныхъ». Это мѣсто изъ «Зоологической философiи» Ламарка, типичное для этой книги, въ то же время типично и для всего строя мысли Ламарка, какъ младшаго современника Бюффона. Всякiй, кто читалъ хоть часть книги Дарвина, пойметъ, что Дарвинъ принадлежитъ другой фазѣ въ развитiи бiологическаго мышленiя. «Логическая совѣсть» ученыхъ (заимствуемъ это прекрасное выраженiе у Виндельбанда) сдѣлала огромный успѣхъ за полстолѣтiя, отдѣляющее Дарвина отъ его главнаго предшественника. Дарвинъ обосновалъ эволюцiонную идею именно такъ, какъ она должна быть обосновываема согласно элементарнымъ положенiямъ методологiи, которыя мы разсмотрѣли въ началѣ настоящей статьи. Дарвинъ и есть единственный истинный основатель эволюцiонной теорiи. Изъ этого сопоставленiя аргументацiи Дарвина съ аргументацiей его предшественниковъ вытекаетъ, что разъ предшественниками было сдѣлано такъ мало для обоснованiя эволюцiоннаго ученiя, между тѣмъ какъ Дарвинъ привелъ именно тѣ доводы, которые были необходимы для доказательства этого взгляда, то было вполнѣ справедливо понимать подъ дарвинизмомъ именно все эволюцiонное ученiе, а не только одну теорiю естественнаго отбора, какъ это теперь принято. Ибо теорiя естественнаго отбора, все равно, признаемъ ли мы ее или не признаемъ, является все же логически подчиненной частью, она пытается объяснить, *какъ и почему* развивались виды, основываясь на принятомъ уже убѣжденiи, что они именно развивались. Намъ кажется, что справедливость тре-

буетъ такого именно употребленія словъ. Говоря это, мы расходимся во взглядѣ не только съ противниками Дарвина, но, и въ этомъ весь курьезъ, съ его наиболѣе восторженными приверженцами. Ибо всѣ безъ исключенія современные біологи утверждаютъ, что подъ „дарвинизмомъ» слѣдуетъ разумѣть только теорію естественнаго отбора. Откуда взялось это мнѣніе? Оно коренится въ томъ фактѣ, *что Дарвинъ слишкомъ тѣсно связалъ основную аргументацію въ пользу обще-эволюціонной идеи съ размышленіями о дѣятельности одного опредѣленнаго фактора развитія— естественнаго отбора.* Откуда взялась такая неразрывно-тѣсная связь между обще-эволюціоннымъ ученіемъ и ученіемъ объ одномъ изъ факторовъ эволюціи, это намъ еще остается прослѣдить.

С. Чулокъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВРАГИ.

I.

Вышли они среди лѣта. Сначала изъ Кирилловки никто не думалъ идти на заработки: урожай былъ не изъ худыхъ, но прошли ливни съ градомъ—и все пропало. Оставаться въ деревнѣ было не для чего: скотъ продали за безцѣнокъ. Иваненко, владѣвшій всей округой, свирѣпствовалъ. Мужики снимали у него землю исполу, и онъ понималъ, что всѣ доходы нынѣшняго года пропали. Тридцать парней и дѣвушекъ собрались въ одинъ день и на разсвѣтѣ двинулись въ путь.

Шли, будто хоронили кого. Впереди—Григорій Пономаренко, худой мужикъ лѣтъ 30; онъ торопился, размахивалъ правой рукой и не обращалъ вниманія на товарищей. Въ его длинномъ, костистомъ лицѣ съ тонкими губами нельзя было прочесть ничего, кромѣ сосредоточеннаго тупаго горя. Сѣрые глаза, подернутые пеленою, не то отъ слезъ, не то отъ пыли и яркаго свѣта, смотрѣли упрямо впередъ и одинъ только разъ блеснули холодно и злобно, когда партія проходила огородами Иваненки. И всѣ шли за Григоріемъ, также спѣша, также молча и сосредоточенно вглядываясь въ пыльную даль.

Палило солнце, по степи тянулся сухой, пыльный туманъ, острый голодъ стягивалъ тѣло—ничто не останавливало людей, ничто не отвлекало ихъ, и они тѣсной толпой шли межъ балокъ, деревень и холмовъ, думая объ одномъ и томъ же, неспособные замѣчать что-либо вокругъ себя, несмотря на пристальные, нахмуренные взгляды. И всѣ были какъ-то удивительно похожи другъ на друга, какъ солдаты одной арміи.

Данила медленно плелся позади всѣхъ и беззвучно ругался Григорій не хотѣлъ принять его въ партію, и онъ чувствовалъ себя оторваннымъ, лишнимъ, какимъ-то ненужнымъ придаткомъ партіи земляковъ.

Черезъ три дня въ сѣрой, пыльной травѣ блеснула стальная полоса Буга. Чѣмъ ближе подходили къ ней, становилось свѣжѣе, но чувство это было обманчиво. Напрасно съ жадностью пили холодную воду, безпощадный зной жегъ тѣло болѣзненнымъ, сухимъ жаромъ.

Запаса хлѣба, взятаго изъ дому, могло хватить еще на одинъ день; людьми овладѣло раздраженіе. Когда Григорій указалъ рукою на темную зелень вдоль Буга и сказалъ: „Къ пункту подходимъ", — всѣ оживились и съ затаенной благодарностью посмотрѣли на его худую, угрюмую фигуру.

„Ясноговатое" расположилось на гранитномъ берегу быстрой рѣки, разбросавъ далеко въ степь свои хутора, огороды и мельницы. Продовольственный пунктъ былъ въ концѣ села, на громадной площади съ вытоптанной травой; никогда на ней не было свѣжей зелени: чуть только молодые ростки начинали пробиваться къ солнцу, тысячи усталыхъ ногъ топтали ихъ, и сухая, пыльная земля, потрескавшаяся, безцвѣтно-сѣрая, становилась символомъ безнадежной, полумертвой жизни.

Подъ купой молодыхъ акацій, въ единственномъ тѣнистомъ мѣстечкѣ стоялъ деревянный баракъ съ низкой землянкой-кухней. Кирилловцы подошли къ пункту вечеромъ. Усталость овладѣла ими сразу; казалось, никакая сила не могла заставить ихъ идти дальше, а между тѣмъ, два-три часа тому назадъ они шагали своимъ ровнымъ шагомъ, будто не могли остановиться.

Въ ночной темнотѣ, черезъ открытую дверь, внутри барака, было видно нѣсколько человѣкъ. Два студента подсчитывали цифры въ вѣдомостяхъ, третій, помоложе, съ черной бородкой, ходилъ изъ угла въ уголъ, и видно было, что такъ ходитъ онъ уже давно, долгіе дни. Фельдшеръ въ углу разсыпалъ въ бумажки бѣлый порошокъ и часто зѣвалъ, отворачивая въ сторону голову.

Григорій молча выбралъ мѣсто за баракомъ и показалъ его партіи. Всѣ улеглись и сразу уснули мертвымъ сномъ. Не спали только самъ Григорій и Данила, щуплый и развинченный парень лѣтъ 28.

И среди душной тьмы, въ глубокомъ молчаніи, при ровномъ дыханіи спящей толпы, между ними завязался почти безмолвный разговоръ, слегка намѣченный отдѣльными, короткими фразами. Пономаренко зналъ, что изъ всей партіи ему не довѣряетъ одинъ Данила; онъ плелся сзади всѣхъ сбоку, кривилъ свои блѣдныя, безжизненныя губы въ насмѣшливую улыбку и упорно смотрѣлъ на Григорія. Въ этомъ упрямомъ взглядѣ было столько безпричиннаго недо-

вѣрія, неясной вражды, что Пономаренку было невыносимо тяжело оставаться съ Данилой наединѣ.

— Что, и безъ насъ народу довольно?—спросилъ Данила, указывая рукой на площадь, усѣянную спящими людьми.— Привелъ? Пунктъ?

Пономаренко молчалъ.

— Сдыхали бы лучше дома. Спокойнѣе.

— Тебѣ что? Дома бы и остался.

— Дома? Я себѣ работу найду... А самъ идетъ впереди, какъ генералъ, а за нимъ бараны... Прешь? Куда прешь? Чего за собой людей водишь? Пунктъ? Тоже нашелъ!

Григорій ничего не отвѣтилъ на это безсвязное обвиненіе; молча прошелъ въ сторону, вымылъ лицо въ чану съ водой и легъ на землю.

Въ баракѣ студентъ все продолжалъ ходить, какъ маятникъ; онъ не могъ спать: вся масса людей, валявшихся на площади, окружала его, какъ только онъ закрывалъ глаза, смотрѣла на него покорными глазами, и онъ сходилъ съ ума отъ этихъ взглядовъ, отъ той тоски, что носилась надъ площадью вмѣстѣ съ сѣрой, тонкой пылью.

Въ баракѣ все уже успокоилось, а онъ продолжалъ ходить, сжигая папиросу за папиросой.

И безпокойный, красный огонекъ привлекалъ къ себѣ вниманіе Данилы.

Онъ смотрѣлъ на него, пока онъ не погасъ, и тогда ему сдѣлалось страшно.

Во всю долгую, томительную по однообразію, жизнь Данилѣ не приходилось, въ сущности, жить съ людьми. Онъ изрѣдка говорилъ съ ними, глядѣлъ на нихъ, но не чувствовалъ никакой съ ними связи. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, отецъ ушелъ изъ деревни и не возвратился; отсутствія его никто не замѣтилъ: такъ мало былъ онъ нуженъ деревнѣ. Мать скоро умерла, надѣлъ передали другимъ. Данила сталъ присматривать за скотомъ и переходилъ поочередно изъ хаты въ хату. У него не было ничего своего, вплоть до мыслей и желаній. Когда его вернули изъ воинскаго присутствія, какъ негоднаго къ службѣ, всѣ на него смотрѣли со злобой, вокругъ себя онъ только слышалъ замѣчанія: „Небось, Данилку-то не взяли? Чорта имъ надо! Самыхъ здоровыхъ отбираютъ".

Онъ понималъ, что не нуженъ деревнѣ, и все-таки оставался: настолько сильно было въ немъ безразличіе къ жизни. И всегда въ его душѣ чередовались два чувства, доступные ему: внезапнаго дикаго страха и тупой злобы.

Часто,—днемъ, ночью, за ѣдой, въ степи—имъ сразу овладѣвалъ безпричинный ужасъ, который всегда выливался въ

одной и той же формѣ: всѣ люди куда-то уйдутъ, не замѣтивъ его, и онъ останется совершенно одинъ, среди степи и пустыхъ хатъ. Въ эти минуты онъ готовъ былъ забиться въ самый темный уголъ, никому не напоминать о своемъ существованіи, голодать, умереть отъ жажды, лишь бы быть среди людей, видѣть ихъ, чувствовать ихъ вокругъ себя. Если бы у него были деньги, онъ, вѣроятно, напивался бы, чтобы забыть свой страхъ.

Потомъ, также неожиданно, наступало время безпричинной злобы ко всѣмъ, ко всякому живому существу, и въ этой злобѣ его душа какъ бы оживала и дѣлалась способной къ жизни. Въ эти минуты надъ Данилой издѣвались безпощадно: онъ былъ безвреденъ, безсиленъ и отвѣчалъ только ругательствами. Озорники били его, и онъ, скрипя зубами, уходилъ куда-нибудь и судорожно плакалъ безъ слезъ. Особенно тяжелы были такіе дни зимой, когда поневолѣ надо было быть на людяхъ.

И теперь, среди спящей толпы, наединѣ съ безпокойнымъ огонькомъ въ баракѣ, онъ почувствовалъ острый припадокъ боязни. Сразу исчезло все: сначала стихло дыханіе людей, потомъ быстро погасъ огонекъ, въ селѣ сухая тьма задавила всякое движеніе, звѣзды были безконечно далеко, небо потемнѣло и напоминало бездонную пропасть. Кругомъ стало мертвенно-тихо и неподвижно. И ему казалось, что эта мертвящая тишина будетъ длиться безконечно. Чья-то темная фигура приподнялась съ земли, судорожно ерзая руками по груди, и повалилась съ хрипомъ ничкомъ.

Страхъ вызвалъ въ тѣлѣ Данилы лихорадочную дрожь, холодный потъ и полный упадокъ силъ. Прошло около часу. Далеко, на селѣ, пропѣлъ пѣтухъ, сонно и недовольно отвѣтилъ ему другой. Данила очнулся, злобно выругался и сталъ развязывать тряпки, окутывавшія худыя ноги. Сразу сдѣлалось прохладно, а потомъ начало опять жечь сухимъ, больнымъ жаромъ. Данила уперся пятками въ мягкую пыль, обнялъ руками колѣни и сталъ прислушиваться къ безпорядочному біенію сердца: дышать было тяжело и больно.

Гдѣ-то, далеко въ степи, проѣхали фургоны, слышенъ былъ ровный и пріятный стукъ ихъ хода; Данилу успокаивалъ этотъ стукъ, онъ мало-по-малу пришелъ въ себя. Подложилъ подъ голову мѣшокъ, подползъ къ спящимъ землякамъ и забылся въ мертвомъ снѣ.

Изъ барака вышла темная фигура и, изнемогая, отъ усталости, направилась къ рѣкѣ. И снова безпокойный огонекъ загорѣлся въ сухой тьмѣ ночи.

Заря занялась быстро и смѣло. Сначала небо было мутно какъ взглядъ еще не совсѣмъ проснувшагося человѣка, потомъ по немъ пошли свѣтло-синія полосы; легкій вѣтеръ погналъ туманъ, и трава, деревья и кустарники зашевелились отъ холодка. Снизу, изъ-за горизонта, сталъ прокрадываться багровый свѣтъ и придалъ небу лиловую, темную окраску. Потомъ сразу вырвалось пламя, и рѣчка блеснула среди травы своей влажной бѣлизной. На короткій моментъ все, что днемъ казалось такимъ сѣрымъ и высохшимъ,— оживилось и посвѣжѣло.

Одежда на нихъ вымокла отъ росы, утренникъ заставлялъ ежиться, но скоро солнце пригрѣло, и никому изъ усталыхъ, изможденныхъ людей не хотѣлось вставать.

Первымъ поднялся Григорій. Всю ночь онъ провелъ безпокойно; вчерашнія слова Данилы, несправедливыя и жесткія, пробудили въ немъ страхъ за земляковъ. Онъ пошелъ къ барину, раздобылъ казанокъ жидкаго чаю и поднялъ спавшихъ. Чай согрѣлъ, но захотѣлось ѣсть. Григорій мрачно совѣтовалъ ждать до полудня. Парни побрели къ рѣкѣ купаться, и издалека были слышны ихъ крики. Въ полдень стало, однако, не вмоготу. Григорій роздалъ десять обѣдовъ. Ѣли медленно и осторожно; ѣда потеряла значеніе чего-то привычнаго, на чемъ не останавливается вниманіе; ѣли медленно, будто не вѣрили тому, что передъ ними миски съ кашей и ломти хлѣба.

Послѣ обѣда вокругъ барака повеселѣло. Пріѣхалъ управляющій Мысловской экономіи и нанялъ полтавцевъ. Кирилловцы ободрились. Однако подъемъ длился недолго: всюду говорили, что берутъ на работу дѣвокъ, парнями пренебрегаютъ. У полтавцевъ было двадцать дѣвокъ и шесть парней, послѣднихъ взяли только потому, что партія ни за что не хотѣла разбиваться. Григорій зналъ это по опыту прежнихъ годовъ, зналъ, что дѣвокъ охотно берутъ, потому что онѣ не бунтуютъ, ѣдятъ меньше и ловчѣе при машинахъ. И все-таки онъ надѣялся, что на этотъ разъ обойдется иначе. Однако, приходилось идти за дѣвками. Куда онѣ пойдутъ, туда придется идти и остальнымъ... если только еще возьмутъ. Григорій ходилъ возбужденный среди толпы и прислушивался къ однообразнымъ словамъ общаго возмущенія. Дѣвокъ брали на жниво, на огороды, ихъ нанимали болгары, нѣмцы. Вся мужицкая работа перешла къ нимъ: машинѣ нужны были гибкія тѣла, проворныя руки. Парни оставались безъ дѣла и дома, и въ чужихъ людяхъ... Самолюбіе сильнаго, увѣреннаго въ себѣ работника было больно затронуто, да, къ тому же, дѣвкамъ мало платили. Мужики постарше вспоминали времена, когда косарю платили по

3 рубля въ день и давали вдоволь водки, когда женщины сидѣли дома, и всего было вдоволь. Ихъ разсказы еще больше озлобляли толпу.

Часа въ четыре раздался звонъ бубенчиковъ. Къ бараку подкатилъ щегольской нѣмецкій фургонъ, запряженный парой сильныхъ, гнѣдыхъ лошадей. Въ фургонѣ упрямо и твердо сидѣла крупная фигура, закутанная въ широкое парусиновое пальто. И напоминала она грубо высѣченную изъ сѣраго камня статую. Люди бросились къ фургону и окружили его: заранѣе готовы были на всякія условія, заранѣе были уже рабами. Вставшій откинулъ капюшонъ пальто, показалъ свое обвѣтрившееся красное лицо съ мясистыми, синеватыми отъ бритья щеками. Кой-кто изъ толпы отшатнулся, другіе смотрѣли на этого человѣка съ надеждой, какъ на какого-то идола, въ рукахъ котораго и работа, и хлѣбъ, и деньги. Наступила минута шума, поднялись голоса, перебивавшіе другъ друга, и всей площадью овладѣло лихорадочное нетерпѣніе. Но весь гулъ былъ покрытъ однимъ сильнымъ и рѣзкимъ голосомъ, крикнувшимъ: „Не наниматься!" Толпа недоумѣвала и стояла плотно у фургона, боясь уступить свое мѣсто, не зная, что дѣлать. Второй разъ послышался тотъ же окрикъ, повелительный и сильный. Нѣмецъ выпрямился, будто его ударилъ кто-то бичемъ, и сказалъ что-то молодому парню на козлахъ; тотъ дернулъ возжами, кони испуганно взвились, но не тронулись съ мѣста. Тревожно звякали бубенчики, стало мертвенно-тихо. И снова чей-то рѣзкій и сильный голосъ отрывисто крикнулъ: „Въ прошлое лѣто нехристь не уплатилъ... къ земскому таскалъ, дѣвокъ портилъ..." Отдѣльныя слова были отчетливо слышны, и каждый вбиралъ ихъ въ себя вмѣстѣ съ пыльнымъ, знойнымъ воздухомъ. Всѣ плотнѣе сгрудились возлѣ фургона. Два парня дѣловито схватили лошадей подъ уздцы. Молодой парень на передкѣ съ отчаяніемъ дергалъ возжами и испуганно озирался то на хозяина, то на толпу. И вдругъ странная дрожь пробѣжала отъ человѣка къ человѣку, и непонятное чувство захватило всѣхъ разомъ, соединило ихъ вмѣстѣ. Прежній спокойный голосъ теперь глухо и отрывисто кинулъ: „не пустимъ... не звали... самъ на расправу пріѣхалъ..." Дѣвки пугливо отступили назадъ, впереди оказались парни со спокойными, сосредоточенными лицами; еще одинъ моментъ они были неподвижны, какъ будто ждали приказа. Нѣмецъ рѣшительно выпрямился и засунулъ въ карманъ руку; черезъ моментъ она съ чѣмъ-то блестящимъ мелькнула въ воздухѣ. Потомъ все его громадное туловище, подхваченное сильными руками, показалось надъ толпой и глухо упало на землю.

Изъ барака выбѣжалъ молодой студентъ, его не пропустили къ фургону. Онъ что-то кричалъ, блѣдное лицо его сдѣлалось почти прозрачнымъ и было единственнымъ живымъ среди окаменѣвшихъ людей и застывшихъ взглядовъ. Никто не слышалъ его.

...Черезъ нѣсколько минутъ толпа неожиданно и вяло разошлась. Студентъ нагнулся надъ нѣмцемъ. Тотъ неожиданно-быстро вскочилъ, поднялъ съ земли револьверъ, однимъ прыжкомъ вспрыгнулъ въ фургонъ. Никто ему не мѣшалъ. Онъ ударилъ кулакомъ по головѣ молодого парня, хлестнулъ бичемъ по лошадямъ и умчался въ степь, оставивъ за собой тучи сѣрой пыли. Толпа молча глядѣла въ даль, еще не очнувшись отъ вспышки безотчетнаго гнѣва.

Данила подошелъ къ Пономаренку и, криво улыбаясь безкровными губами, проговорилъ:

— Бѣгать къ нему за работой будешь... Тоже командиръ нашелся. Всѣ съ голода, черти проклятые, пропадете.

Въ голосѣ его звучало озлобленіе *одного* человѣка, и оно было страшнѣе гнѣва всей толпы.

II.

Расправа съ нѣмцемъ вывела Данилу изъ обычнаго отупѣнія; онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всей сценой и въ первый разъ, быть можетъ, почувствовалъ нѣчто общее съ людьми. Увидавъ цѣлую толпу сильныхъ, здоровыхъ людей безъ работы, *ненужныхъ* никому рабочихъ, такими, какимъ онъ былъ самъ въ деревнѣ, Данила какъ-то выпрямился и внутренне почувствовалъ себя болѣе сильнымъ. Общая слабость, общая безработица—приблизили его къ людямъ. И этотъ моментъ—вспышка озлобленія у толпы—такъ походилъ на его внезапно возникавшую всегда злобу, что онъ отдался ему всей душой.

Когда нѣмецъ скрылся въ тучѣ пыли, Данила почувствовалъ неудовлетворенность; всѣ поднявшіяся въ немъ новыя ощущенія жаждали другого, болѣе яснаго конца, онъ нуженъ былъ его уму, во что бы ни стало. Конца этого не оказалось: все на пунктѣ сразу успокоилось. И почему-то Данилѣ казалось, что виноватъ во всемъ Григорій. Онъ выругалъ его и нашелъ для этого злобныя слова.

Вечеромъ всѣ на пунктѣ чувствовали себя нехорошо; студенты ходили мрачные и недовольные. Они коротко упрекали рабочихъ и говорили, что могутъ закрыть пунктъ. Харьковцы быстро собрались и, какъ только спала жара, ушли. Ихъ уходъ вызвалъ еще большее уныніе: на пунктѣ

оставались теперь кирилловцы и человѣкъ 40 курянъ. Одинъ изъ нихъ—высокій мужикъ съ окладистой бородой—не переставалъ говорить о „покорствѣ“, и нельзя было разобрать: серьезно ли онъ приглашалъ къ „покорству“, или издѣвался надъ тѣми, кто не сумѣлъ „какъ слѣдуетъ“ расправиться съ нѣмцемъ. Его однообразныя слова раздрожали всѣхъ, какъ и зной, мухи, пыль, томительное бездѣйствіе.

Въ послѣдніе дни у Данилы сильно разболѣлся глазъ; онъ прикладывалъ къ нему жеванный хлѣбъ, промывалъ водой изъ грязнаго чана—ничто не помогало. Съ наступленіемъ сумерекъ онъ ничего не видѣлъ. Сначала онъ думалъ, что это „куриная слѣпота“—болѣзнь, которою страдали почти всѣ отъ истощенія, и не хотѣлъ идти къ студентамъ, потому что надъ нею посмѣивались всѣ, а дѣвки даже почему-то ея стыдились. Потомъ, когда глазъ началъ сильно гноиться, Данила рано утромъ зашелъ въ баракъ. Студентъ вывернулъ вѣко и крикнулъ товарищу: трахома. Потомъ посовѣтовалъ остаться на пунктѣ. Данила не соглашался и не далъ даже сдѣлать себѣ перевязки: „незачѣмъ-де, и такъ обойдусь, не дитё“.

А дни шли одинъ за другимъ одуряюще-однообразно.

Работы не предвидѣлось. Въ долгъ въ земской кухнѣ брать боялись, думали, что дома втройнѣ взыщутъ. Данила все чаще и чаще приставалъ къ Пономаренку и въ присутствіи всѣхъ говорилъ ему колкія, злобныя слова. Недовольство Данилы передалось всѣмъ остальнымъ. Авторитету Григорія переставали уже вѣрить, къ нему подступали съ руганью и требованіями, будто онъ былъ во всемъ виноватъ. Былъ моментъ отчаянія, когда его готовы были избить, но опомнились и сконфуженно разошлись.

Въ одинъ изъ знойныхъ дней, какъ только закатилось солнце, всѣ, молча, поднялись и двинулись въ путь.

Въ нѣмецкой колоніи, куда пришли они къ слѣдующему утру, было пусто: всѣ были въ полѣ, на работѣ. Только вечеромъ стали собираться здоровые, крѣпкіе люди, съ загорѣлыми бритыми лицами. Пономаренко подошелъ къ одному изъ нихъ; разговоръ былъ недолгій—нѣмцы окружили дѣвокъ, осмотрѣли ихъ, какъ скотъ и, не выпуская трубокъ изо рта, назначили цѣну. Денегъ давали мало—и все таки пришлось согласиться. Молодые колонисты грубо и отрывисто смѣялись, и этотъ смѣхъ и безъ словъ былъ слишкомъ хорошо понятенъ. Изъ парней не взяли ни одного. Когда Данила предложилъ свой трудъ за одни лишь харчи, ближайшій къ нему нѣмецъ расхохотался и чрезъ довольный, жирный смѣхъ было слышно только: Dum-m-er Kerl! Данилу этотъ смѣхъ сильно оскорбилъ, онъ стиснулъ гни-

лые зубы и сказалъ Григорію: „Не оставляй дѣвокъ... попортятъ только .. жеребцы проклятые"... Но дѣло было налажено. Дѣвки, подавленныя и убитыя, разбрелись за новыми хозяевами и какъ бы торопились уйти съ глазъ своихъ земляковъ.

Молча собрали свои котомки оставшіеся отъ партіи мужики и покорно пошли дальше. Не было сказано ни одного слова. Миновали они огороды съ заборами изъ колючей акаціи, прудъ съ вербами, веселую рѣчку, веселое кладбище—и все шли, молча и сосредоточенно шагая. Такъ идутъ тѣ, чья жизнь превратилась въ тупое существованіе, въ медленное разрушеніе безъ надежды на что либо лучшее.

Вечеромъ, среди сухого тумана показалось багровое зарево города. Пришлось проходить грязныя, шумныя улицы и тѣсныя площади съ маленькими лавчонками. Первое, что бросилось въ глаза, это безпрерывная суета, лихорадочное движеніе. И оно менѣе всего было понятно кирилловцамъ. Философъ Остапъ энергично плюнулъ и проговорилъ: „Бігають, якъ скаженны". И этой короткой фразой онъ опредѣлялъ все безумное творчество города,—живого сердца огромныхъ степей, полей, фабрикъ и заводовъ.

Данилѣ городъ понравился. Онъ пристально наблюдалъ все непонятное ему движеніе и неясно видѣлъ въ немъ что-то стройное, самостоятельное и живое. Больше всего нравилось ему, что, повидимому, никто другъ друга не знаетъ и не обращаетъ ни на кого вниманія. Не было той близости между людьми, которая такъ ярко бросается въ глаза въ деревнѣ и такъ больно ранила его, одинокаго и никому ненужнаго человѣка. Не было явной зависимости людей одного отъ другого, каждый проходилъ по улицѣ, останавливался иногда у окна магазина, вскакивалъ въ вагонъ трамвая, уѣзжалъ, уходилъ, не бросивъ никому привѣтствія, не задумавшись ни надъ чьимъ существованіемъ. И, несмотря на это, люди, повидимому, не мѣшали другъ другу, вагоны не сталкивались, рабочіе продолжали свой трудъ, и весь городъ безпрерывно работалъ, впитывалъ въ себя людей, выбрасывалъ ихъ и посылалъ къ небу багровое зарево холоднаго свѣта

Данила инстинктивно почувствовалъ, что здѣсь можно жить иначе. Здѣсь онъ всегда можетъ быть съ людьми, не будучи съ ними знакомымъ, здѣсь не надо забиваться въ темный уголъ, нечего бояться безумнаго страха одиночества: „Всѣ не уйдутъ... не куда уйти эдакой оравѣ... хоть по сто человѣкъ каждый день уходи—все одно останется. И не замѣтишь даже, что убавилось". И одинъ тотъ фактъ, что нечего бояться въ этомъ огромномъ городѣ одиночества, сдѣ-

лалъ Данилу сразу бодрѣе и сильнѣе. Какъ бы то ни было, онъ не нуждался больше ни въ Пономаренкѣ, ни въ другихъ, кто взялъ его съ собой изъ оскорбительной жалости, какъ старую собаку. Данила почувствовалъ, что теперь онъ— единица, такая же, какъ и всѣ остальныя. Онъ вырвался изъ тѣсной деревенской среды, гдѣ былъ лишнимъ и въ то же время связаннымъ со всѣми остальными. И онъ ходилъ въ оживленномъ муравейникѣ города, толкая однихъ, получая толчки отъ другихъ, гордый своей свободой отъ безотчетнаго страха. И тысячи безпорядочныхъ полумыслей, неясныхъ чувствъ, странныхъ образовъ носились въ его возбужденномъ мозгу, и онъ не могъ собрать ихъ ни во что цѣлое...

Два раза Данилѣ удалось нести за барыней тяжелую корзину съ фруктами съ базара. Было это тяжело, но онъ заработалъ въ одинъ день полтинникъ (въ деревнѣ онъ въ мѣсяцъ получалъ полтора рубля) и могъ пообѣдать въ обжоркѣ. На слѣдующій день, встрѣтивъ на сборномъ пунктѣ для пришлыхъ рабочихъ Пономаренка, Данила презрительно посмотрѣлъ на него. Раньше онъ ненавидѣлъ Пономаренка и въ то же время боялся его, теперь онъ не ставилъ Григорія ни во что, самъ же началъ подниматься въ своихъ глазахъ. Данила былъ одной изъ тѣхъ слабыхъ натуръ, которыя цѣпко могутъ сжиться только съ униженіемъ, злобой и ненавистью; такія натуры способны свою воображаемую силу строить только на слабости другихъ, и, чѣмъ вокругъ болѣе слабыхъ, тѣмъ болѣе онѣ чувствуютъ себя сильными.

Въ эпохи народныхъ движеній, въ моменты сильнаго общественнаго подъема онѣ стушевываются, погружаются на мутное дно толпы, но какъ только все начинаетъ стихать и терять силы въ ожесточенной борьбѣ,—онѣ подымаются на поверхность и обдаютъ своимъ презрѣніемъ всѣхъ израненныхъ, всѣхъ обездоленныхъ и погибающихъ. И тогда нѣтъ предѣла ихъ самомнѣнію, онѣ готовы на все, на всякое попраніе прошлаго, лишь бы въ настоящемъ быть повыше и захватить свою долю добычи. У Данилы эти особенности характера не имѣли подходящихъ условій для развитія въ деревнѣ, ихъ ростъ задерживало вынужденное одиночество и страхъ его, но съ того момента, какъ онъ освободился и отъ того, и отъ другого, онъ сразу наверсталъ потерянное и готовъ былъ презирать все сильное и смѣлое.

Если бы у Данилы было опредѣленное міросозерцаніе, оно вылилось бы въ ненависть къ передовымъ слоямъ общества, каждая побѣда которыхъ есть въ то же время пораженіе ихъ. Онъ шелъ бы за сильнымъ, чтобы бросить въ него

камнемъ, какъ только сила его будетъ надломлена. Онъ былъ бы членомъ безъименной арміи слабыхъ, подавляющихъ своей стихійной силой самыхъ отважныхъ и смѣлыхъ. Но вся предшествовавшая жизнь Данилы спасала его отъ вступленія въ ряды этой арміи. Онъ не питалъ привязанности ни къ кому, наоборотъ, чувствовалъ ко всѣмъ безразличіе или злобу, смотря по тому, были ли они далеко отъ него или близко; онъ шелъ одиноко, не имѣя цѣли, со-слѣпа натыкаясь на людей, но не ища ихъ, не стремясь къ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней безпорядочной, бродячей жизни Данила случайно зашелъ въ шумный и оживленный портъ. Тамъ поражало его все: и гигантскіе пароходы, и огромныя эстокады, и золотыя струи пшеницы, сыпавшейся по широкимъ брезентамъ въ темные трюмы. Всѣ богатства отдаленныхъ странъ, вся роскошь моря, контрастъ его съ однообразной степью, странныя лица иностранцевъ, живой шумъ и безпрерывная суета — все внѣшнее разнообразіе жизни захватило Данилу и еще болѣе привязало къ общему бытію не связывая ни съ кѣмъ въ отдѣльности.

Нагрузка шла лихорадочнымъ темпомъ, пароходы уходили одинъ за другимъ; около десятка океанскихъ гигантовъ стояло подлѣ волнорѣза, высоко надъ водой поднявъ свои кузовы—всѣ въ ожиданіи груза. Солнце палило здѣсь не такъ сильно, его лучи смягчались влажностью воздуха, но оно зажигало яркія золотыя пятна на мѣдныхъ частяхъ машинъ, на сыпавшейся пшеницѣ, оно покрывало воду ослѣпительнымъ серебрянымъ блескомъ, и его лучи вносили въ общій шумъ роскошь звучныхъ красокъ. Маленькіе катера суетливо бороздили воду, пронзительно посвистывая и тяжело дыша, медленно двигались грязные буксиры съ кормой на одномъ уровнѣ съ водой, за ними ползли широкія баржи. Иногда мелькали черныя узкія тѣла миноносокъ, быстрыхъ и увертливыхъ, какъ рыба, спокойно проходилъ греческій бригъ, стройный, нервный, съ цѣлой сѣтью упругихъ канатовъ, съ бѣлой грудью надувшихся парусовъ. И весь этотъ уголокъ моря, отвоеванный у безконечнаго воднаго пространства, жилъ своей дѣятельной и шумной жизнью, насыщая воздухъ темными тучами дыма, пронзительными звуками падающихъ желѣзныхъ листовъ и полосъ. И тѣмъ суетливѣе и страстнѣе казалась эта кипучая жизнь, чѣмъ спокойнѣе было широкое море со своей безмолвной, спокойною гладью. Вечеромъ зажигались тысячи огней, зеленыхъ, красныхъ и лиловыхъ; они сверкали въ темной водѣ, отражались трепетными линіями, впивались въ темную влагу

какъ змѣеобразные клинки. Шумъ становился тише, но не смолкалъ: передвигались поѣзда, скрипѣла эстокада, и зеленыя, согнувшіяся человѣческія фигуры неожиданно появлялись въ яркихъ кругахъ свѣта отъ электрическихъ фонарей.

Данила попалъ на ночную работу: платили рубль за ночь. Приходилось работать безъ перерыва почти двѣнадцать полныхъ часовъ; на сходняхъ не было поручней, и двое грузчиковъ въ теченіе трехъ дней свалились въ воду. Въ ночной работѣ Данила чувствовалъ себя плохо: связь съ людьми, выряющими изъ мрака въ ослѣпительный свѣтъ, нарушалась. Всѣ работали молча, вяло, нехотя. Надъ всѣми носилось одно и то же желаніе: спать, спать. Живой механизмъ, такъ стройно работавшій днемъ, ночью замедлялъ свой ходъ, и каждую минуту казалось—вотъ-вотъ усталые люди молча сбросятъ мѣшки на землю, сольются съ ея черными тѣнями и уснутъ, не сумѣвъ побороть мракъ ночи. На Данилу это дѣйствовало удручающе, его хилый организмъ протестовалъ противъ тяжелой работы. Временно напрягшіеся нервы сразу подались, а съ ихъ усталостью ослабѣли и безъ того слабыя мышцы. Плохо было и то, что больной глазъ ничего не видѣлъ. Надо было бросить ночную работу тѣмъ болѣе, что за недѣлю у него скопилось пять рублей. Эти ничтожныя деньги были для Данилы важнымъ импульсомъ: онѣ дѣлали его еще болѣе самостоятельнымъ и толкали впередъ, на встрѣчу еще неиспытанной жизни.

Отъ товарищей по работѣ онъ узналъ, что можно найти работу въ устьѣ Днѣпра, на огородахъ. И онъ сразу, не обдумывая, рѣшилъ ѣхать туда.

III.

На пароходѣ была обычная суета: кричалъ сиплымъ голосомъ капитанъ, громко перекликались на своемъ гортанномъ языкѣ арнауты-грузчики. Слабый свѣтъ фонаря еле-еле освѣщалъ пристань, и странно было видѣть въ темнотѣ, какъ вытягивался неуклюже-длинный клювъ лебедки, медленно захватывалъ тюкъ и лѣнивымъ движеніемъ передавалъ его въ трюмъ. Во всей суетѣ только онъ одинъ соблюдалъ полное спокойствіе и тихо, не торопясь, дѣлалъ свое дѣло.

Проревѣлъ гудокъ, капитанъ что-то крикнулъ въ рупоръ, въ машинѣ раздался разбитый звукъ сигнальнаго звонка. Винтъ осторожно, точно пробовалъ свои силы, сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ, потомъ сразу заработалъ увѣ-

ренно и сильно, и пароходъ, подавшись сначала назадъ, сталъ пробираться къ выходу. Въ первый моментъ казалось, что онъ налетитъ на маякъ съ зеленымъ глазомъ, но онъ плавно обогнулъ его бѣлую башню и вышелъ въ открытое море, съ силой разрѣзывая воду.

Данила смотрѣлъ на разноцвѣтные огни уходившаго вдаль города, и странные, непривычные образы и мысли рождались въ его мозгу; онъ никакъ не могъ ихъ формулировать, объединить, сдѣлать изъ нихъ выводъ.

Огни погасали одинъ за другимъ. Впереди была черная масса воды, а небо отличалось отъ нея лишь слабымъ молочнымъ блескомъ. На пароходѣ сразу стало тихо. Потянулъ порывистый вѣтеръ.

Свѣжѣло.

Около машиннаго отдѣленія расположились на ночлегъ пассажиры третьяго класса. Данила облюбовалъ себѣ мѣстечко подлѣ люка; онъ бросилъ на полъ котомку и сѣлъ. Что-то странное произошло съ нимъ, когда онъ вглядѣлся въ темную, худую фигуру своего сосѣда. Сначала онъ отшатнулся, и привычный страхъ снова вползъ въ сердце, потомъ онъ прошепталъ что-то безкровными губами, рѣдкая бороденка зашевелилась, вся фигура его наклонилась впередъ... Потомъ онъ сталъ съ тупымъ вниманіемъ вглядываться, осторожно дотронулся до колѣна худого человѣка и спросилъ:

— Ты куда? Въ Херсонъ?

Худая фигура молча кивнула головой.

— Работы не нашелъ?

Еще одинъ молчаливый кивокъ.

Данила выпрямился и сказалъ:

— Въ порту ночью работалъ. Дрянная работа... На Днѣпрѣ, говорятъ, получше.

Въ голосѣ его звучали довольство и гордость. Въ этотъ моментъ онъ какъ бы примирился съ Пономаренкомъ, почувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ жалости. Ему хотѣлось услышать его голосъ, хотѣлось, чтобы онъ какъ-нибудь отозвался, онъ ждалъ хоть одного слова. Но оно не было сказано.

Пономаренко опустилъ голову и болѣе не подымалъ ея. Въ эту минуту Данила безсознательно понялъ чужое горе, почувствовалъ его всѣми своими нервами. И въ эту минуту онъ снова разбудилъ въ себѣ злобу и ненависть ко всѣмъ, потому что иначе никакъ не могъ объединять своихъ чувствъ. Онъ грубо выругался и отвернулся отъ Пономаренка.

Прошло два тоскливыхъ часа. Пономаренко порылся въ мѣшкѣ, вынулъ большой ломоть хлѣба, разломалъ его и

одну половину протянулъ Данилѣ. И все это онъ продѣлалъ устало, будто во снѣ. Данила, смущенный, взялъ хлѣбъ, вынулъ изъ своей сумки кусокъ колбасы, нѣсколько огурцовъ и положилъ поближе къ Помомаренку. Оба они сосредоточенно и тихо стали ѣсть. Когда покончили съ ужиномъ, Данила почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, онъ сбѣгалъ на кухню, раздобылъ кипятку и угостилъ Пономаренка чаемъ. Въ этотъ моментъ онъ былъ безконечно добръ, готовъ былъ отдать Пономаренку рубль изъ своихъ денегъ.

Въ первый разъ, въ грязномъ уголкѣ за машинной трубой, онъ чувствовалъ себя хозяиномъ. Казалось, немногаго нужно было, чтобы это чувство развилось и выросло, и это немногое не пришло.

Пономаренко съ острымъ любопытствомъ вглядывался въ лицо Данилы, онъ будто не узнавалъ его; и упорный взглядъ его чертилъ на лицѣ Данилы прежнія черты, которыя онъ зналъ въ деревнѣ. И каждое неуловимое движеніе этого взгляда врѣзывалось въ душу Данилы, поднимало накипь отрывочныхъ воспоминаній, поднимало прошлое. Онъ вдругъ какъ будто ощетинился и оборвалъ начатую было фразу.

Пароходный винтъ спокойно и увѣренно разбивалъ воду; снизу доносился отрывистый, короткій стукъ стальныхъ рычаговъ.

На темныхъ нарахъ, подъ верхней палубой, улеглись пассажиры. Данила видѣлъ ихъ ноги, обутыя въ сапоги. Потомъ взглядъ его упалъ на какую-то изогнутую мѣдную трубу и остановился на рулевой цѣпи, безъ отдыха шмыгавшей по грязному полу. И куда бы ни смотрѣлъ онъ, чувствовалъ на себѣ любопытный взглядъ Пономаренка. Это его раздражало, и онъ инстинктивно хотѣлъ оградить свою душу, не дать проникнуть въ нее чужому глазу. Онъ сказалъ глухо и отрывисто, точно хотѣлъ сразу оттолкнуть Пономаренка, прогнать его навсегда.

— Погналъ дѣвокъ на работу. Знаешь, куда погналъ?

Пономаренко проговорилъ: „Знаю". И это слово звучало тихимъ отчаяніемъ.

— Знаешь?! Чего пустилъ? Пропадутъ всѣ, до одной всѣ пропадутъ! — Данилѣ было совершенно безразлично, пропадутъ онѣ, или нѣтъ. Онъ и вспомнилъ ихъ потому, что хотѣлъ чѣмъ-нибудь оборониться отъ любопытнаго взгляда Пономаренка. Онъ боялся сближенія съ человѣкомъ, боялся какой-либо связи, потому что не зналъ ея никогда и не могъ никогда понять. Онъ никому не довѣрялъ по той простой причинѣ, что ему нечего было довѣрить людямъ.

Пономаренка не разсердили обвиненія Данилы. Глухимъ, усталымъ голосомъ онъ говорилъ, что другой работы нѣтъ:

все равно пропадать надо. Тѣмъ же глухимъ голосомъ говорилъ онъ о своей семьѣ и дѣтишкахъ. Говорилъ долго и однозвучно, будто повторялъ урокъ, останавливался на нѣсколько минутъ и снова продолжалъ. Данила молча слушалъ, и что-то тяжелое ложилось на его опустошенную душу, сжимало ее, пробуждало въ ней острыя недобрыя чувства. Его оскорбляли жалобы Пономаренка, будто онѣ были еще однимъ человѣческимъ правомъ, незаконно имъ себѣ присвоеннымъ. Пономаренко *смѣлъ* жаловаться, а надъ Данилой издѣвались бы жестоко и грубо, если бы онъ осмѣлился высказать жалобу. Онъ былъ лишенъ даже этой ничтожной привилегіи раба жизни. Данила рѣзко отвернулся отъ сосѣда; тотъ продолжалъ сначала говорить, а потомъ что-то долго, долго шепталъ, часто повторяя по нѣскольку разъ одно и то же слово.

Данила не могъ уснуть. Ему было жаль хорошей минуты послѣ ужина, и его злило, что Пономаренко прогналъ ее своими глупыми жалобами. Онъ хотѣлъ вспомнить, бывали ли у него уже такія минуты въ прошломъ. Ему инстинктивно хотѣлось соединить одно ощущеніе съ другимъ въ нѣчто связное, хотѣлось сдѣлать какой-нибудь выводъ. Но, какъ онъ ни силился вспомнить ясно и отчетливо прошлую свою жизнь, ему никакъ это не удавалось: всѣ событія въ ней были такими жалкими, что памяти не за что было уцѣпиться. Попытайтесь вспомнить все, что встрѣчается вамъ по сторонамъ однообразной длинной дороги, и вы увидите, что это безконечно-трудная задача, если не встрѣчались дома, деревья, а тянулась безцвѣтная, сѣрая степь.

И въ этомъ однообразіи, въ томъ, что никто почти не обращалъ на него вниманія, глохли всѣ ростки живыхъ чувствъ, всѣ зародыши желаній, стремленій, любви.

Густо прогудѣлъ пароходный гудокъ. Изъ тьмы ночи вынырнулъ бѣлый парусъ, освѣщенный фонаремъ. Кто-то подъѣхалъ на лодкѣ. Спустили трапъ. Вода тихо плескалась внизу, весь корпусъ парохода дрожалъ отъ сдержанной работы машины. Слышенъ былъ глухой разговоръ въ лодкѣ, звяканье цѣпи. Нѣсколько ударовъ веселъ, парусъ надулся, и лодка исчезла въ черной массѣ воды и неба, слившихся вмѣстѣ. Смолкшій было винтъ сдѣлалъ снова два-три увѣренныхъ оборота, корпусъ парохода отвѣтилъ легкимъ вздрагиваніемъ.

Когда лодка исчезла, Данила почувствовалъ начало своего обычнаго припадка. Зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ, пробѣгалъ вдоль позвоночника ознобъ. У него было ощущеніе того, что такъ же, какъ лодка, исчезнетъ во тьмѣ и пароходъ. И онъ, Данила, останется одинъ во мракѣ ночи.

Это была не мысль, а самое примитивное чувство, неоформленное, не подкрѣпленное ни опытомъ, ни доводами — и, тѣмъ не менѣе, сильное и порабощающее душу. Онъ обернулся къ Пономаренку. Тотъ сидѣлъ, обнявъ руками колѣна. Данила хотѣлъ что-то сказать, искалъ словъ, но не находилъ ихъ.

— Къ разсвѣту пріѣдемъ?

Пономаренко кивнулъ головой. Данила хотѣлъ еще что-нибудь спросить и не зналъ, о чемъ именно спрашивать... Пономаренко молчалъ, какъ вся тьма ночи. Данила свернулся въ комокъ подлѣ люка и уснулъ короткимъ тяжелымъ сномъ. И во снѣ всѣмъ своимъ существомъ ощущалъ онъ, что подлѣ него—безконечно далекій ему, чужой человѣкъ, врагъ его, къ которому онъ никакъ не можетъ приблизиться. Это былъ тяжелый кошмаръ жизни, и онъ давилъ и терзалъ все тѣло и душу.

На разсвѣтѣ Данила проснулся, взглянулъ на сосѣда и не узналъ его. Блѣдное и безъ того лицо Пономаренка еще болѣе исхудало и покрылось больнымъ румянцемъ, въ глазахъ пробѣгали лихорадочные огоньки. Данилу испугало это превращеніе, онъ долго всматривался въ почти незнакомое лицо, потомъ улыбнулся своей кривой улыбкой и почувствовалъ, какъ что-то заныло внутри. Прошла быстрая минута, еще одна. Данила упорно смотрѣлъ на земляка и что-то шепталъ, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе. Теперь слова уже приходили къ нему, были на его безкровныхъ губахъ, но не могли только слиться въ нѣчто цѣльное.

Въ мозгу скользили обрывки мыслей, почему-то припомнился крупный буракъ въ поповскомъ огородѣ, мелькнуло лицо старосты, спина пѣгой лошади, зеленыя полосы клевера... Потомъ все смѣшалось, и выплыло блѣдное, мертвенное лицо Пономаренка. И длилось это одинъ короткій моментъ. Потомъ изгладилось, и, какъ ни напрягалъ Данила свои силы, онъ ничего не могъ болѣе вспомнить: точно послѣ тяжелой болѣзни.

Утренній вѣтерокъ погналъ туманъ, поднявшійся изъ-за камышей, ослѣпительно блестѣла вода. Пароходъ шелъ узкимъ каналомъ. Вдали сверкалъ золотой крестъ собора. На палубѣ поднялась суета. Данила сталъ расталкивать Пономаренка, тотъ не спалъ, а между тѣмъ ничего не отвѣтилъ. Данилу это испугало. Пономаренко какъ бы ушелъ отъ него: былъ передъ нимъ, и гдѣ-то безконечно далеко. И въ этотъ мигъ онъ былъ для Данилы символомъ всѣхъ людей, и онъ чувствовалъ это инстинктомъ своей одинокой души. Онъ злобно выкрикнулъ:

— Встанешь, что-ли? Пришли...

Пономаренко всталъ и окинулъ и берегъ, и пароходъ, и Данилу тупымъ мертвымъ взглядомъ. И снова Данила почувствовалъ ненависть къ этому человѣку, и она росла въ немъ помимо его воли. За ночь онъ много пережилъ и приблизился къ самому краю пониманія жизни. Ему казалось, что Пономаренко однимъ словомъ могъ бы вывести его изъ тупика неясныхъ ощущеній, онъ ждалъ благотворнаго прикосновенія другой души. И нѣтъ! Все, что могло задержать Данилу на одинъ драгоцѣнный мигъ въ его безпокойномъ бѣгѣ, все, что могло сформировать его душу—все какимъ-то роковымъ образомъ уходило и оставляло его на произволъ непонятному страху и безформенному отчаянію. Рѣзкій свистокъ, второй, третій... Два матроса суетятся у кормы съ толстыми концами. Взвились колотушки на тонкихъ веревкахъ, нетерпѣливо хлынула толпа къ самому краю пристани. Изъ города потянуло гарью и пылью. Перекинули сходни, и пассажиры, толкаясь, повалили къ выходу.

Данила ждалъ, когда сойдетъ Пономаренко; и съ минуту заглядѣлся онъ на большой флагъ, весело взвившійся на передней мачтѣ. Когда онъ оглянулся, сосѣда его не было уже на палубѣ. Въ толпѣ, на берегу, мелькнула худая, высокая фигура Пономаренка, показалась его изломанная шляпа изъ бурой соломы и скрылась. Данила яростно ругался. Такъ больно его никто еще не оскорблялъ. Такъ сильно никогда еще онъ не чувствовалъ оскорбленія.

Пристань сразу опустѣла. Изъ каюты вышли заспанные лакеи и стали стаскивать куда-то внизъ ящики съ пивомъ и виномъ. Матросъ прошелъ мимо и коротко бросилъ: „Эй, деревня, проваливай... Переночевалъ—и довольно!“

Солнце стояло уже высоко. Въ городѣ звонили въ церкви. Улицы были политы, и подъ тѣнистыми акаціями пахло прибитой пылью. Бѣгали разносчики газетъ, проѣзжали фургоны съ хлѣбомъ.

Данила шелъ, не зная куда, часто останавливался, шепталъ что-то и продолжалъ путь, не поднимая головы.

Подозрительно посмотрѣлъ на него городовой, толстый лавочникъ почему-то покачалъ головой, бросилъ ему въ догонку теплый участливый взглядъ какой-то юноша въ короткой гимназической курткѣ.

Данила ничего не замѣчалъ и шелъ тихо и размѣренно, будто давнымъ-давно зналъ и улицы города, и дома, и красивый бульваръ съ бронзовымъ памятникомъ.

VI.

Маленькій городокъ былъ полонъ пришлыми рабочими; всюду, гдѣ только можно было найти клочокъ тѣни,—на землѣ, на скамьяхъ, у заборовъ,—лежали люди съ загорѣлыми лицами. На ихъ фигурахъ отпечатлѣлось отчаяніе и усталость. Больше ничего нельзя было прочесть ни въ позѣ, ни въ равнодушныхъ взглядахъ... Огромная площадь за городомъ возлѣ водопроводной башни была сплошь покрыта этими жаждущими работы. Глядя на нихъ издали, можно было подумать, что они охвачены какой-то болѣзненной лѣнью. Пекло солнце, глазамъ было нестерпимо больно отъ раскаленной бѣлизны пыльной дороги, деревья съ увядшей листвой стояли, точно больныя. Ни одного облачка, ни одного дуновенія свѣжаго вѣтра—безграничное царство огненнаго солнца. Золотые раскаленные лучи не щадили ни землю, ни деревья, ни людей. Ихъ острыя стрѣлы вонзались повсюду, проникали въ каждый уголокъ. И не было отъ нихъ спасенія. Сѣрая мгла пыли повисла надъ землей.

Два раза губернаторъ отдавалъ приказъ разогнать безмолвную толпу, но съ ней ничего нельзя было подѣлать. Тихо и мертвенно-спокойно лежала она на землѣ, и такъ же нельзя было ее разогнать, какъ сѣрую мглу и тяжелую духоту знойнаго воздуха.

На площади было по прежнему неестественно - тихо, и только вечеромъ, когда немного спадала жара, подымались усталыя фигуры и, не торопясь, шли къ рѣкѣ. Не было жизни, будто кто проклялъ это мѣсто. Были тысячи отдѣльныхъ угасающихъ полужизней, и, казалось, здѣсь былъ предѣлъ, у котораго жизнь столкнулась лицомъ къ лицу съ мертвымъ существованіемъ.

Данила около недѣли уже бродилъ по городу въ поискахъ за работой. Каждый день поглощалъ его скудные гроши. Видъ у него былъ ужасенъ: заострился носъ, выступили рѣзко скулы съ коричневыми пятнами изсохшей кожи; запеклись и потрескались безкровныя губы, одинъ глазъ глядѣлъ мутно и безжизненно, другой былъ воспаленъ, и имъ Данила ничего не видѣлъ.

Ворота почти всѣхъ домовъ были заперты: горожане отказывались помочь хоть кускомъ черстваго хлѣба. Всѣ боялись людей, лежавшихъ на площади въ изнеможеніи отъ голода и зноя.

На восьмой день Данила, какъ и всѣ, перересталъ уже бродить. Онъ легъ подъ стѣной какого-то низкаго зданія,

возлѣ лужи съ водой и не двигался съ мѣста. У него оставался только кусокъ хлѣба и нѣсколько ломтей арбуза, покрытыхъ отвратительной слизью. Онъ машинально грызъ ихъ, потомъ впалъ въ забытье. Невыносимо жгло больной глазъ, въ головѣ между двумя ударами пульса проносились красныя полосы. На одинъ мигъ только, вечеромъ, Данилѣ удалось побороть изнеможеніе. Онъ всталъ и, шатаясь, толкая людей, натыкаясь на деревья, побрелъ по улицѣ. Около бульвара имъ овладѣли безумныя боли въ животѣ, и онъ въ послѣдній разъ уже свалился на землю, безъ сознанія, закинувъ голову назадъ.

На другой день Данила очнулся въ бѣлой комнатѣ, на столѣ и не понималъ, что съ нимъ. Солнце не пекло; чувствовалась прохлада и странный запахъ. Кругомъ стола ходили люди въ бѣлыхъ халатахъ, и какая-то молодая, сердитая барыня въ золотыхъ очкахъ отдавала приказанія. Всѣ ее слушали и безшумно, не суетясь, переходили съ мѣста на мѣсто, развертывали длинныя тонкія тряпки, подавали маленькіе, блестящіе ножи. Данила попросилъ воды. Пить ему не хотѣлось; онъ заговорилъ попросту для того, чтобы услышать свой голосъ. Ему дали напиться и сказали, что онъ въ больницѣ, и пришлось вынуть глазъ, потому что нельзя было его вылѣчить. Данила скривилъ губы, хотѣлъ выругаться, но не хватило силъ: онъ снова впалъ въ забытье. Но теперь оно было пріятнымъ и ласковымъ. Иногда только по тщедушному тѣлу пробѣгала судорога.

Ночью, когда въ палатѣ все стихло, Данила проснулся и привсталъ. Въ глазной впадинѣ сверлило и рвало. Данила старался поймать хоть одно воспоминаніе и не могъ. Въ мозгу неизмѣнно вставало блѣдное лицо Пономаренка и носились какія-то неясныя слова, взмахивали, какъ птицы крыльями, и лѣзли въ горло. Чтобы избавиться отъ нихъ, Данила рѣзко мотнулъ головой. Кто-то взялъ его за руки и тихо прижалъ къ постели. Данилѣ показалось, что на него наваливаютъ огромную тяжесть. Онъ рванулся и обезсилѣлъ. Что-то больно кольнуло въ бокъ, и сразу тѣломъ овладѣли пріятная истома и покой. Изрѣдка въ глазной впадинѣ рвало отрывисто и остро, но не такъ сильно, какъ раньше.

Прошло двѣ недѣли. Данила уже всталъ и ходилъ по палатѣ. Доктора съ любопытствомъ приглядывались къ нему, и это сильно раздражало его. Особенно было непріятно, когда докторша своими бѣлыми, сухими руками промывала глазъ. Онъ ненавидѣлъ и эти руки, и бѣлые халаты, и серьезное лицо докторши. Ему хотѣлось, чтобы его оставили въ покоѣ. Онъ вообще не понималъ мягкаго отно-

шенія къ себѣ: такъ оно ему было непривычно. Почему сытые, спокойные люди ухаживали за больными, тогда какъ въ деревнѣ они умирали незамѣтно для окружающихъ, занятыхъ работой? Почему нарядная, румяная дѣвушка ежедневно возилась со старикомъ, у котораго проваливался носъ, и съ ласковой улыбкой промывала отвратительную рану? Почему собрали какіе-то полутрупы и смотрѣли за ними, точно они годились на что-нибудь. По мнѣнію Данилы, во всемъ этомъ не было никакого смысла. Любви, какъ понимаютъ ее нѣкоторые, потому что далеко не всѣ обладаютъ способностью вѣрно понимать ее, Данила никогда не зналъ и потому не могъ въ ней разобраться. Въ общемъ ему казалось, что люди проявляютъ другъ къ другу доброту по глупости или отъ нечего дѣлать. Ему гораздо болѣе нравилось въ большомъ городѣ, гдѣ никто другъ другу добра не дѣлалъ, и всѣ, какъ бы то ни было, жили, работали, суетились и каждый день ѣли. Тамъ никто другъ друга не замѣчалъ, не вглядывался съ любопытствомъ, не лѣзъ съ непонятными вопросами, какъ это вѣчно дѣлалъ толстый докторъ съ золотой цѣпью на животѣ. О томъ, что ему спасли жизнь, Данила совершенно не думалъ, потому что вся она для него была такой малопонятной. Умереть, исчезнуть, перестать существовать,—трагедія уничтоженія, небытіе—для Данилы эти вопросы не существовали.

За нѣсколько дней до выписки изъ больницы докторша Марья Павловна принесла въ коробочкѣ искусственный глазъ и быстрымъ, ловкимъ движеніемъ вставила его въ пустую скважину. Лицо ея во время этой операціи было очень серьезно, а потомъ прояснилось и стало свѣтлымъ. Приходили сидѣлки, щеголеватый студентъ въ бѣломъ кителѣ, доктора, и всѣ довольно и снисходительно улыбались. Данилѣ хотѣлось выругаться, разбросать всѣхъ этихъ людей и уйти, но онъ сдержалъ себя. Въ воскресенье ему вернули старую одежду, свели въ контору и долго что-то записывали.

Докторша предложила Данилѣ поступить къ ней дворникомъ; онъ согласился, рѣшивъ про себя, что, очевидно, ей очень нуженъ.

Вечеромъ онъ осмотрѣлъ большой дворъ съ садикомъ въ углу, перевязалъ метлу, попробовалъ ее, пустилъ изъ крана воду. Потомъ нашелъ нѣсколько досокъ и устроилъ изъ нихъ въ погребѣ, вдоль верхнихъ ступенекъ, постель. Когда въ домѣ погасли огни и Марья Павловна перестала, наконецъ, читать газеты, Данила вышелъ изъ своего логовища, потрогалъ искусственный глазъ, криво усмѣхнулся и сталъ вспоминать. Теперь у него было уже довольно

много воспоминаній, и онъ старался привести ихъ въ какую-нибудь связь. Больше всего нравилось ему вызывать въ памяти Пономаренка; онъ ругалъ его и все-таки думалъ о немъ.

Луна освѣтила дворъ, бросила на землю подлѣ стѣны черную тѣнь. Откуда-то вылѣзла мохнатая черная собака и стала льстиво ласкаться. Данила машинально погладилъ ее, приподнялъ морду и заглянулъ въ слезящіеся глаза. Потомъ взялъ чугунокъ съ остатками своего ужина и далъ ей поѣсть.

Съ рѣки доносились гудки пароходовъ, Данила вздрогнулъ: онъ вспомнилъ жалобы Пономаренка, и ему захотѣлось его увидѣть. Безпричинная злоба Данилы противъ всѣхъ обратилась въ послѣднее время противъ него же самого. Теперь мало было злобствовать, хотѣлось понять, почему онъ не можетъ жить такъ, какъ другіе, почему его тянетъ къ Пономаренку, когда онъ его вообще не выносилъ, почему въ мозгу проносятся какіе-то неясные образы, заставляютъ что-то предчувствовать и сразу исчезаютъ въ самый нужный моментъ.

Прежде Данила умѣлъ не думать, погружался въ забытье, теперь онъ потерялъ эту способность. Онъ долженъ былъ разсуждать, а это было невѣроятно-трудно и тяжело. Будто на голову и плечи свалился тяжелый камень, и острыя грани его врѣзываются въ мясо, кости, черепъ. А сбросить его невозможно.

Данила, будто, заблудился среди безконечной массы домовъ и не могъ найти нужной ему улицы: все тупики или обходные переулки, по которымъ можно бродить до изнеможенія. Иногда тотъ или иной домъ, освѣщенный воспоминаніями, казался знакомымъ, но это былъ самообманъ.

Иногда ему казалось, что тотъ или иной человѣкъ, какъ, напримѣръ, Пономаренко, можетъ объяснить ему все непонятное. Но Пономаренко былъ всецѣло поглощенъ своимъ горемъ. Всѣ остальные люди были поглощены *своими* дѣлами, *своими* мыслями, *своими* чувствами, чуждыми и непонятными. Приходилось оставаться одинокимъ. И такой одинокій человѣкъ погружается въ мутныя, тусклыя волны безразличія, перестаетъ понимать что-либо свѣтлое и только судорожно корчится въ припадкахъ злобы и ненависти. Ему кажется, что эти корчи, эта уродливая дѣятельность озлобленной души вырвутъ его изъ болота ничтожной жизни. У него тоже есть порывы и стремленія, но... ихъ затягиваетъ тина и илъ. Когда такихъ одинокихъ много, вокругъ нихъ создается отвратительный туманъ недовѣрія, незнанія близкой души, непониманія своей собственной; ядовитый туманъ

душевной тупости стелется по землѣ, раздѣляетъ людей, ставитъ между ними вѣчно колеблющуюся перегородку,—достаточно тонкую, чтобы чрезъ ткань ея можно было ударить ближняго, и достаточно плотную, чтобы не увидѣть мучительной гримасы страданія на его лицѣ.

Лунный свѣтъ сталъ меркнуть, черныя тѣни, менѣе рѣзкія, расползлись по всему двору. Данила стоялъ, опершись на метлу, и не понималъ, что творится въ его душѣ. На улицѣ проѣхали первыя телѣги, прошли арестанты, подметая пыль. Городъ сталъ просыпаться.

Черная лохматая собака выползла изъ-за угла палисадника, потянулась, далеко отставивъ заднія ноги, и тихо поплелась къ Данилѣ. Она обнюхала его и вдругъ признала въ немъ чужого, неподходящаго человѣка. Ея хриплый, тревожный лай вывелъ Данилу изъ раздумья. Онъ пнулъ ее ногой въ животъ и выругался.

Взошло высоко солнце, разошелся легкій туманъ. Люди ходили, ѣздили, говорили, ссорились, торговались. То же самое дѣлалъ и Данила, но въ глубинѣ его души было по прежнему все темно и неясно. Онъ лѣниво пошелъ на кухню за порученіями. Его лицо еще больше похудѣло, носъ заострился, и ясно было, что жизнь его уже дошла до своего предѣла и столкнулась съ общимъ для всѣхъ выводомъ—смертью.

V.

На городъ надвигалась гроза. Дизентерія и малярія свирѣпствовали среди пришлыхъ рабочихъ. Иногда ночью подонки города овладѣвали истощенными дѣвушками и насиловали ихъ. Все сходило безнаказанно — никто изъ безработныхъ не могъ сопротивляться. Въ голодной толпѣ можно зажечь возстаніе, бурное и стихійное, но оно сжигаетъ изсохшія сердца, какъ степной вѣтеръ сухую траву; мятежный духъ падаетъ, и люди впадаютъ въ безысходное безразличіе.

Губернаторъ вызвалъ изъ сосѣдняго города казаковъ; они разъѣзжали по городу, стояли пикетами вокругъ площади и по ночамъ тоже насиловали дѣвушекъ. Разогнать обезсиленную толпу еле живыхъ людей было невозможно. Ихъ можно было разстрѣлять, поднять съ земли ударами нагайки, но нельзя было заставить ихъ идти, когда отъ усталости подкашивались ноги, перемѣнить мѣсто, когда совершенно безразлично было, гдѣ умирать. Этого не могла сдѣлать физическая сила, но это сдѣлалъ Пономаренко.

Внѣшне-спокойно, безъ всякаго признака воодушевленія,

онъ обходилъ группы лежавшихъ и твердилъ увѣреннымъ тономъ, почти безъ интонаціи, что надо идти къ губернатору. Пусть онъ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ, пусть отправитъ пароходами дальше, но прежде всего пусть дастъ хлѣба. Сначала его не слушали, но мало по малу эти простыя слова овладѣли всѣми.

Ничей умъ не могъ уже работать, самостоятельныя мысли не приходили въ голову, надъ площадью металось и билось одно только инстинктивное стремленіе: уйти, не видѣть болѣе вокругъ себя безлюдной степи, избавиться отъ зноя и мучительнаго голода. И это стремленіе разжигали рѣчи Пономаренка, онъ подымалъ ими толпу упрямо и медленно, какъ рычагомъ.

Съ утра сухой, пыльный вѣтеръ поднялся изъ-за рѣки. Издалека были слышны глухіе удары грома. Темныя, почти черныя тучи, освѣщенныя знойнымъ, желтымъ свѣтомъ, рвались куда-то впередъ, какъ дикій табунъ фантастическихъ животныхъ. Даже изсохшая листва деревьевъ начала сумрачно шелестѣть, своимъ сердитымъ шепотомъ накликая бѣду. Стѣны маленькихъ домиковъ вдоль шоссе сдѣлались ослѣпительно-бѣлыми; хлопали зеленые ставни, и неснятое съ веревокъ бѣлье металось въ воздухѣ, какъ испуганные призраки.

Порывъ вѣтра сорвалъ первыя капли дождя, тяжелыя, крупныя, чистыя. Второй порывъ поднялъ столбъ пыли и погналъ его въ степь.

Грянулъ громъ, сначала отдаленнымъ раскатомъ, потомъ рѣзкими залпами съ оглушительнымъ трескомъ. Наступила сразу мертвая тишина. Ослѣпительный свѣтъ молніи разорвалъ тучи. Полились косыя полосы ливня. Въ первыя минуты земля не потемнѣла даже: дождевыя капли сворачивались шариками среди пыли, раскаленной зноемъ. Потомъ, изсохшая, изможденная, она начала жадно впивать влагу. Толпа на площади оживилась. Когда небо прояснилось и солнце высушило одежду, пріѣхали полковыя кухни и стали раздавать горячую кашу и борщъ. И то, и другое было полной неожиданностью. На площади поднялся говоръ. Ночью всѣ спали, въ первый разъ за многіе дни, безъ бреда, безъ тяжелыхъ кошмаровъ. Такъ продолжалось три дня.

Потомъ пришелъ приказъ уходить изъ города. Теперь толпа не отнеслась къ нему такъ равнодушно, какъ прежде: она заволновалась, почувствовала право на своей сторонѣ и послѣ первой уступки потребовала второй. Проснулось чувство сопротивленія. Въ слѣдующія ночи дѣвушекъ привязывали одну къ другой длинной веревкой, чтобы ни одну

изъ нихъ нельзя было увлечь въ канаву, пользуясь мертвымъ сномъ усталаго человѣка. Нѣсколькихъ казаковъ, при крикахъ женщинъ, разбуженныхъ ихъ грубымъ насиліемъ, безпощадно избили въ первую же ночь. Въ людяхъ медленно и безпрерывно росъ и ширился гнѣвъ. Казаки возбужденно и вызывающе проносились по шоссе. Надъ ними издѣвались, грозя имъ камнями. Атмосфера взаимнаго раздраженія сгущалась, въ ней нельзя было уже дышать, не задыхаясь, не теряя разсудка.

Рано утромъ нестройные ряды толпы двинулись съ сдержаннымъ ропотомъ. Когда они проходили по Цыганской улицѣ, Данила стоялъ у воротъ. Онъ не узналъ Пономаренка: такъ тотъ измѣнился; на моментъ только ему показалось знакомымъ лицо худого, угрюмаго человѣка впереди толпы; онъ хотѣлъ разглядѣть его поближе, но новая волна людей хлынула изъ переулка и оттѣснила его. Шаговъ отъ тысячи ногъ не было слышно,—всѣ онѣ были босы. Встрѣчныя повозки все-таки торопливо сворачивали въ боковыя улицы; промчалось на дрожкахъ нѣсколько военныхъ и полицейскихъ. Когда толпа прошла, сразу сдѣлалось очень тихо, слышно было только, какъ всюду запирали ворота и ставни оконъ. Сосѣдній лавочникъ торопливо убиралъ съ лотка корзины съ овощами и вносилъ ихъ въ темную лавчонку.

Данила стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Онъ мучительно напрягалъ мозгъ, и въ головѣ его пролетали мысли, путаясь и мѣшая другъ другу. И вдругъ предъ нимъ отчетливо и ясно всталъ выводъ: „Надо, чтобы люди передрались между собой“. Это былъ самый лучшій результатъ, который только могъ дать неглубокій опытъ Данилы.

Онъ подошелъ къ лавочнику и, презрительно улыбаясь, спросилъ:

— Боишься? Ничего! Такъ оно лучше!—Больше Данила ничего не сказалъ и только прибавилъ, указывая рукой куда-то въ пространство: „Всѣ сволочи!“

Въ душѣ Данилы, несмотря на все внѣшнее спокойствіе, бурлило и бунтовалось непреодолимое желаніе пойти неизвѣстно кому на встрѣчу, ударить молча кулакомъ и снова идти дальше и опять бить кого-нибудь, все равно кого, лишь бы не стоять на одномъ мѣстѣ и не ловить обрывки мыслей.

Изъ-за угла разсыпаннымъ строемъ, торопливо поправляя винтовки, выдвинулся отрядъ казаковъ. Ѣхавшій впереди офицеръ, сухощавый и стройный, что-то крикнулъ. Отрядъ

остановился и быстро выстроился въ плотную, нервную массу. Снова раздалась команда, и отрядъ двинулся быстрымъ, энергичнымъ маршемъ.

Данила съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ: ему нравились приземистыя, нервныя лошади, молодцеватыя фигуры, ихъ суровая небрежность. Позади отряда проѣхали полковникъ и эсаулъ. Оба тихо разговаривали и на ходу разсматривали какую-то бумагу. Въ ихъ фигурахъ было тоже суровое спокойствіе, и на лицахъ нельзя было прочесть ни волненія, ни озабоченности.

Данила чувствовалъ, какъ и въ немъ растетъ спокойствіе и увѣренность въ себѣ. Онъ насмѣшливо скривилъ губы, глядя, какъ суетится лавочникъ, потомъ спокойно пнулъ корзину съ огурцами и перевернулъ ее. Блѣдный, тщедушный человѣкъ въ засаленномъ пиджакѣ недоумѣвающе посмотрѣлъ на него, потомъ вдругъ встряхнулъ головой и ушелъ въ лавочку, оставивъ на улицѣ разсыпавшіеся огурцы. Данила что-то пробормоталъ про себя и впервые почувствовалъ въ себѣ гордость: ему было пріятно, что, наконецъ, и его боялись. Въ городѣ было мертвенно - тихо. Потомъ вдругъ стали показываться изъ-за воротъ встревоженныя фигуры и о чемъ-то шептались, показывая руками всѣ въ одномъ направленіи. Гдѣ-то слышны были звуки рожка и за ними одинокіе, нестройные выстрѣлы.

Къ полудню все, какъ будто, успокоилось. Небольшія партіи оборванныхъ людей съ загорѣлыми лицами проходили за городъ. Впереди шли мужчины, сзади—измученныя женщины. На небольшомъ разстояніи другъ отъ друга спокойно и вяло шагали солдаты.

Данила смотрѣлъ, какъ конвойные проводили рабочихъ, и былъ очень неудовлетворенъ: онъ ждалъ большаго. Внезапная тишина, покорныя лица, вся нищета физическая и духовная убогихъ фигуръ возбуждала его; ему хотѣлось какъ-нибудь себя проявить, показать, что въ немъ есть большая сила.

Во дворѣ, около садика, вокругъ докторши собрался кружокъ земскихъ врачей и студентовъ. Шелъ однообразный разговоръ о событіяхъ дня. Часто повторяли фамилію губернатора. У всѣхъ были встревоженныя лица, а у Марьи Павловны, разливавшей чай, дрожали руки.

Данила прошелъ нѣсколько разъ мимо сидѣвшихъ: ему было пріятно смотрѣть на этихъ испуганныхъ людей, и казалось ему, кромѣ того, что они боятся его. По крайней мѣрѣ, когда онъ подходилъ поближе, они начинали тише говорить и тревожно оглядывались. Данила почувствовалъ къ нимъ глубокое презрѣніе.

Во дворѣ было теперь скучно оставаться, хотѣлось движенія, хотѣлось дать выходъ всему напряженному состоянію. Данила не зналъ, что съ собой дѣлать, и инстинктивно ждалъ внѣшняго толчка.

По улицѣ медленно ѣхали два казака, очищая отъ прохожихъ тротуары, за ними въ пролеткѣ слѣдовалъ приставъ. У него было жирное, огромное тѣло, красное, бритое лицо съ жесткими, черными усами.

Казакъ съ скуластымъ лицомъ крикнулъ Данилѣ:

— Заходи! Живо!

Данила не тронулся съ мѣста и, скрививъ губы, смотрѣлъ не то на казака, не то на морду его гнѣдой лошади. Казакъ повернулъ коня, подъѣхалъ къ приставу и сталъ что-то говорить ему, указывая на Данилу нагайкой.

Приставъ покраснѣлъ и махнулъ рукой, потомъ хриплымъ голосомъ крикнулъ: „Взять его! На площадь!“

Данила не шевельнулся. Городовой подошелъ къ нему, заглянулъ въ лицо и что-то сказалъ приставу; тотъ выругался и пригрозилъ кулакомъ. Казаки пропустили впередъ пролетку, стали по бокамъ Данилы. Одинъ изъ нихъ ткнулъ его въ плечо колѣномъ.

Данила медленно наклонился къ землѣ, поднялъ тяжелый булыжникъ, спокойно взмахнулъ и швырнулъ его въ спину пристава. Огромное туловище его покачнулось, но сейчасъ же выпрямилось. Данила почувствовалъ глубокое удовлетвореніе.

На улицѣ было по прежнему тихо, и слышно было только, какъ нагайки избивали тщедушное тѣло Данилы. Когда оно, казалось, было уже мертво, его швырнули въ пролетку. Приставъ поставилъ на него свои огромныя ноги въ ботфортахъ. Казаки отпустили поводья и медленно поѣхали дальше.

Выглянула изъ-за ворогъ Анисья и позвала Данилу, потомъ, какъ-то сразу, присѣла къ землѣ и застыла; черезъ минуту вбѣжала во дворъ, хлопнула калиткой и крикнула безумнымъ крикомъ.

VI.

Изъ только что выжженныхъ плавней камыша выплылъ туманъ. Онъ лѣниво стлался по водѣ, но по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось, дѣлался легче и, наконецъ, оторвавшись отъ мертвой поверхности рѣчки, понесся надъ полями. Краями своей разорванной бѣлой пелены онъ цѣплялся за кустарники, деревья, заборы. Но вѣтеръ все-таки гналъ его все дальше и дальше.

Данила, сколько могъ, слѣдилъ за нимъ. Изъ окна его

камеры видны были только бурые плавни и холодная полоса Днѣпра. Часами Данила стоялъ у окна своей камеры, взобравшись на стѣнку койки и теперь впервые интересовался природой.

Думать ему надоѣло: мозгъ ли утомился, или не могъ онъ болѣе воспринять ничего новаго, ожесточилась ли еще больше душа и въ послѣдній разъ закрылась для внѣшняго міра?—Данила упорно молчалъ и погрузился въ полное безразличіе. Только одинъ разъ, на допросѣ, онъ сказалъ: „Всѣ били. Такъ и надо. И я билъ, а кого... все равно. Всѣ проклятые!" Его засадили въ одиночку, и онъ цѣлые дни толкался въ узкой, непомѣрно-высокой камерѣ.

Теперь Данила былъ окончательно отдѣленъ отъ всего остального міра и свойствами своей души, и толстой стѣной. Онъ добросовѣстно съѣдалъ свой обѣдъ, — а его никто въ тюрьмѣ не могъ ѣсть безъ отвращенія, — курилъ трубку и много спалъ.

Надзиратель нѣсколько разъ пытался вступить съ нимъ въ разговоръ. Это былъ отставной унтеръ, считавшій себя болѣе ловкимъ и опытнымъ, чѣмъ слѣдователь. Но Данилу разговоры Плахотнюка не интересовали. Имъ овладѣла теперь упорная мысль, что лучше всего—если-бы была война. И о войнѣ онъ только изрѣдка разспрашивалъ надзирателя. Тотъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него. И только разъ Данила снисходительно объяснилъ, что — все къ одному, къ войнѣ: сначала другъ друга бить будутъ въ каждомъ городѣ, потомъ пушки „плевать" будутъ, а потомъ... Данила загадочно смолкъ, криво улыбнулся и значительно сказалъ: „Самъ увидишь... коли доживешь".

Надзирателя это покоробило: въ тюремной тишинѣ онъ всегда ждалъ чего-то опаснаго, и оговорка: „коли доживешь"... дѣйствовала на него очень непріятно. Какъ будто Данила и относительно его судьбы зналъ что-то и не хотѣлъ сказать. Въ мозгу же Данилы эта мысль была послѣдней въ общей связи съ другими, такими неясными и отрывистыми.

Данилѣ, по жалобѣ Плахотнюка, запретили курить, но трубка у него осталась; онъ цѣлые дни держалъ ее въ зубахъ и не жаловался. Потомъ ему принесли арестантскую одежду. Онъ сталъ безропотно переодѣваться, сохраняя на безкровныхъ губахъ презрительную улыбку. Надзиратель, раздраженный ею, ударилъ его въ бокъ. Данила сверкнулъ глазомъ и глухо сказалъ: „Чего бьешь? Самого бить будутъ! Какъ плюнетъ—разговаривать съ „ней" не станешь". За эти слова Данилу лишили ужина, но и это не вывело его изъ себя.

На слѣдующій день пришелъ докторъ въ военномъ мун-

дирѣ, задалъ нѣсколько вопросовъ. Данила обрадовался возможности разузнать что-нибудь про войну, которой ждалъ теперь, какъ спасенія. Но докторъ, вмѣсто отвѣта, махнулъ рукой и торопливо ушелъ. Данилу отмѣтили, какъ ненормальнаго, и стали выпускать на прогулки. Онъ ходилъ вдоль высокой стѣны, ни на кого не обращая вниманія. Онъ потерялъ всю свою волю и успокоился.

Только разъ онъ, къ всеобщему удивленію, сталъ кому-то грозить кулакомъ. Это былъ Пономаренко: онъ исхудалъ, еще больше осунулся. Держался сутуловато и безжизненно, только въ глазахъ лихорадочно горѣлъ огонь возбужденія. Часто онъ шепталъ что-то быстро, будто не могъ сдержать ни словъ, ни мыслей. Арестанты относились къ нему не то презрительно, не то боязливо.

Пономаренко сначала не узналъ Данилу, потомъ быстро подошелъ къ нему и возбужденно проговорилъ: „Опять, проклятый, за мной ходишь? Чего присталъ? На пароходѣ мало было?“ Данила ничего не отвѣтилъ на эти слова и прошелъ мимо. Въ этотъ день они больше не встрѣчались.

Всю ночь Данила не спалъ; предъ нимъ стоялъ Пономаренко, и, какъ онъ ни гналъ его, тотъ не уходилъ, — онъ прятался за стулъ, столъ, глубоко уходилъ въ землю, сгибался вдвое, но, какъ только Данила открывалъ глазъ, онъ сразу выпрямлялся и смотрѣлъ на него своимъ лихорадочно-яркимъ взглядомъ.

Данилу до-нельзя раздражалъ этотъ взглядъ: онъ разгонялъ его покой, вызывалъ воспоминанія, будилъ уснувшій и успокоившійся было мозгъ. Онъ былъ теперь для него олицетвореніемъ всего непонятнаго, что такъ нестерпимо мучило его, и въ немъ начинала снова пробуждаться прежняя безформенная, необузданная злоба.

Во время прогулокъ оба они избѣгали встрѣчаться, и всякій разъ, какъ это случалось противъ ихъ воли, Данила озлобленно ругался, а Пономаренко весь вздрагивалъ.

Плахотнюкъ быстро подмѣтилъ это и сталъ слѣдить за ними, назначая ихъ гулять въ одной партіи. Онъ чувствовалъ въ ихъ взаимной ненависти что-то нужное для себя. Въ тюремной канцеляріи онъ узналъ, что обѣ его жертвы изъ одной и той же деревни. Онъ пошелъ къ смотрителю съ довольной улыбкой и доложилъ, что можно заставить ихъ разговориться.

— Прикажите, ваше благородіе посадить ихъ въ одну камеру. Что-то промежду ихъ есть. Какъ сойдутся вмѣстѣ— дрожатъ даже отъ злобы. Не иначе какъ кто изъ нихъ другому много досаднаго сдѣлалъ.

Смотритель зналъ таланты Плахотнюка и согласился съ

нимъ. Онъ съ удовольствіемъ думалъ уже, какъ смутитъ и прокурора, и слѣдователя, и доктора.

Въ то же утро Данилу вывели въ другую камеру. Послѣ полудня въ нее втолкнули Пономаренка.

Плахотнюкъ дѣланно-добродушно сказалъ: „Земляки будете. Веселѣе вмѣстѣ. У насъ смотритель завсегда земляковъ вмѣстѣ сажаетъ. Добрѣйшій человѣкъ"...

Оба посмотрѣли другъ на друга исподлобья недобрыми глазами. Данила сѣлъ на койку, Пономаренко на стулъ, и такъ они не двинулись до утра, всю ночь слѣдя одинъ за другимъ.

Были они злѣйшими врагами, потому что оба встрѣтились въ минуту безнадежнаго отчаянія и не могли помочь другъ другу.

VII.

Пономаренка арестовали двумя днями раньше Данилы. Надъ нимъ висѣло тяжелое обвиненіе, и онъ озлобился, потерялъ способность разсуждать. Больше всего угнетало его то, что пришлыхъ рабочихъ все-таки разогнали, предварительно избивъ. Онъ считалъ себя отвѣтственнымъ за это.

Но если онъ болѣе не разсуждалъ, подавленный злобой, то не могъ прогнать воспоминаній: деревня, жена, дѣти— всѣ воспоминанія, которыхъ не могутъ уничтожить никакія тюремныя пытки, сдѣлали его раздражительнымъ до безумія. Онъ въ тысячный разъ повторялъ одну и ту же фразу жены, сказанную годъ тому назадъ, когда онъ ѣхалъ на ярмарку, въ тысячный разъ представлялъ себѣ ея лицо, лица дѣтей и къ ужасу своему не могъ ихъ вспомнить. Одиночество разбило въ немъ окончательно логическое мышленіе: отдѣльныя мысли, чувства и ощущенія, какъ и у Данилы, проходили въ его мозгу однообразно и почему то въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Если взять человѣка и заставить его смотрѣть на рядъ однѣхъ и тѣхъ же картинъ, медленно исчезающихъ и вновь появляющихся, если бы добиться, чтобы человѣкъ не могъ закрыть глазъ—онъ сначала бы еще мыслилъ, а потомъ все мышленіе сосредоточилось бы на одномъ: на безумномъ желаніи не видѣть ихъ, хотя бы онѣ были самыми прекрасными и дорогими по воспоминаніямъ. Пономаренко медленно сходилъ съ ума.

Теперь предъ нимъ ежесекундно была фигура Данилы, и она ему напоминала о томъ, какъ онъ велъ свою партію, какъ дѣвки вернутся домой обезчещенныя, изнуренныя, ни на что негодныя.

Данила вылѣзъ на окно и ругался: не видно было болѣе Днѣпра, окно новой камеры выходило въ другую сторону. Угрюмая, сѣрая отъ пыли степь начиналась у самой тюрьмы и тянулась въ безконечную даль. На нее нельзя было долго смотрѣть: становилось тоскливо до смерти. Данила обернулся: на койкѣ ничкомъ лежалъ Пономаренко.

Ночью придется съ нимъ спать. Данила вздрогнулъ и соскочилъ съ подоконника. Пономаренко приподнялся и лихорадочнымъ взглядомъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Данила ходилъ по камерѣ и разжигалъ свое озлобленіе. Прошло все его спокойствіе. Оба они, молча, провели день. Предъ вечеромъ зашелъ Плахотнюкъ и спросилъ прежнимъ тономъ: „Что, веселѣе? Правда? Небось, и уходить отсюда не захочется?"

Данила молчалъ. Пономаренка вскочилъ съ койки, но насмѣшливый взглядъ надзирателя сломалъ послѣднюю волю надломленнаго раньше духа. Онъ медленно сѣлъ на стулъ и такъ просидѣлъ вторую ночь, не дотронувшись до ѣды. Данила занялъ койку.

Между ними завязалась безмолвная и безсмысленная борьба изъ-за каждаго шага, каждаго движенія.

Ночью Данила слышалъ шепотъ Пономаренка и сходилъ съ ума отъ бѣшенства.

На третій день Данилу вывели на прогулку одного. Плахотнюкъ небрежно спросилъ:

— Ты Пономаренка хорошо знаешь? Разскажи, что есть!

Если бы Данила зналъ что-нибудь, чѣмъ можно было бы погубить земляка, онъ расказалъ бы все. Но онъ ничего не зналъ и потому процѣдилъ сквозь зубы: „всѣ сволочи".

Пытка продолжалась. Данила сталъ вслухъ вспоминать дни своихъ странствій. Онъ отрывисто говорилъ о пунктѣ, о нѣмцахъ. Съ безстыдствомъ говорилъ о томъ, какими вернутся домой дѣвки, и въ каждомъ словѣ сквозило дикое по силѣ желаніе доканать Пономаренка.

Вечеромъ оба они не выдержали и готовы были броситься другъ на друга. Плахотнюкъ стоялъ у двери и прислушивался, но не услыхалъ ничего, кромѣ непонятныхъ ему отрывочныхъ словъ. Всю ночь они снова почти не спали.

На утро Пономаренко, измучившись, подошелъ къ Данилѣ. Тотъ вскочилъ и схватился за стулъ. Пономаренко схватилъ его за руку. Въ глазахъ его, сквозь лихорадочный блескъ, засвѣтилось невыносимое человѣческое страданіе. Лицо сдѣлалось строгимъ и умоляющимъ въ то же время. Данила вырвался грубымъ движеніемъ и сказалъ:

— Ладно! Будетъ!

Когда ихъ, наконецъ, разсадили по разнымъ камерамъ, они облегченно вздохнули.

Данила погрузился въ сонный покой. Онъ опять часами смотрѣлъ на Днѣпръ, плавни, побѣлѣвшія отъ перваго инея.

Послѣдніе дни жизни съ Пономаренкомъ уничтожили въ немъ послѣднія слабыя силы. Ему уже не вмоготу было ходить по камерѣ, не хотѣлось ѣсть.

И въ одну ночь предъ нимъ встала до боли ясная картина всей его жизни. Онъ понялъ какимъ-то почти человѣческимъ инстинктомъ, что есть выходъ, есть предѣлъ его безсмысленному существованію.

Рано утромъ онъ скрутилъ полотенце, вылѣзъ на подоконникъ и аккуратно привязалъ его къ рѣшеткѣ. Было сумрачно. На дворѣ горѣли тусклымъ огнемъ керосиновые фонари и не могли разогнать предрасвѣтныхъ, но плотныхъ еще сумерекъ. Моросило. Днѣпръ не былъ виденъ.

Данила выругался, приладилъ на шеѣ петлю и бросился внизъ съ подоконника.

Я. В. Перовичъ.

Какъ у насъ произошло аграрное движенie.

Записки крестьянина.

Отъ редакцiи. Печатаемыя ниже записки принадлежатъ крестьянину, уже осужденному и отбывающему теперь наказанie за участie въ аграрномъ движенiи 1905 года. Разсказъ непосредственнаго участника этого движенiя,—разсказъ не только о событiяхъ, въ которыхъ онъ игралъ видную роль, но и о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, какiя имъ были пережиты,—представляетъ, по нашему мнѣнiю, крайне цѣнный матерiалъ для изученiя всѣмъ еще памятной, но уже начавшей отодвигаться въ историческую даль эпохи.

Не раздѣляя многихъ мыслей, высказываемыхъ авторомъ, и, въ частности, относясь, какъ знаютъ наши читатели, отрицательно къ той формѣ аграрнаго движенiя, въ какую онъ былъ вовлеченъ ходомъ событiй, мы, тѣмъ не менѣе, даемъ мѣсто его запискамъ, какъ своего рода документу, способному уяснить нѣкоторыя стороны пережитыхъ нами событiй.

Въ началѣ авторъ разсказываетъ исторiю своего села, каковую мы воспроизводимъ здѣсь въ сжатомъ видѣ.

I.

Изъ исторiи с. Марьевки.

До выхода на волю крестьяне с. Марьевки *) С—го уѣзда были крѣпостными князя В—го. По разсказамъ стариковъ, барщина у нихъ была очень тяжелая: имъ приходилось работать на барина 4—5 дней, а то и всю недѣлю. Само собой понятно, что содержать въ исправности свое хозяйство при такихъ условiяхъ

*) Собственныя имена почти вездѣ замѣнены вымышленными.

они были не въ состоянiи и вышли на волю совершенно раззоренные, получивъ при этомъ нищенскiй (дарственный) надѣлъ.

Не имѣя собственнаго инвентаря, помѣщикъ первые годы послѣ освобожденiя велъ очень небольшое хозяйство. Спросъ на землю со стороны крестьянъ тоже былъ небольшой, и цѣны на нее въ началѣ стояли дешевыя. Несмотря на это, марьевцы не скоро оправились. Въ серединѣ 70-хъ годовъ они какъ будто стали входить въ силу, но трехлѣтнiй неурожай въ концѣ этого десятилѣтiя вновь подорвалъ ихъ благосостоянiе. Только съ 1881 года дѣла пошли лучше. Пользуясь четырехлѣтнимъ урожаемъ, марьевцы расширили посѣвъ и завели хорошихъ лошадей; количество крупнаго и мелкаго скота за это время у нихъ увеличилось въ нѣсколько разъ; появились дома изъ краснаго лѣса, одежда изъ купленной въ городѣ матерiи, первые самовары. Хлѣбъ родился, цѣна на него стояла хорошая. Жить, казалось, было можно. Но это только казалось...

Земля успѣла за это время сильно подняться въ цѣнѣ: съ 4—6 руб. арендная плата дошла до 12—18 руб. за десятину. Кромѣ того, что увеличился спросъ со стороны крестьянъ, и помѣщикъ значительно расширилъ свое хозяйство, занявъ подъ него лучшiя земли. Неурожай 1885 года сразу показалъ, какъ непрочно крестьянское благосостоянiе: аренда этого года унесла всѣ прежнiе запасы, пришлось сбыть много скота и все-таки на крестьянской шеѣ осталось не мало долга.

Разсчитывая поправиться, крестьяне стремились, какъ можно больше, расширить посѣвъ. Спросъ на землю съ ихъ стороны усилился. Между тѣмъ и помѣщикъ продолжалъ расширять свое хозяйство. Подъ крестьянскую распашку были пущены залежи—нерѣдко совсѣмъ неудобныя земли—и покосы, а это стѣснило крестьянъ въ пастбищахъ и вообще крайне вредно отразилось на ихъ скотоводствѣ.

Но особенно трудныя времена настали для марьевцевъ, когда въ концѣ 80-хъ годовъ князь перешелъ къ овцеводству. Крестьяне и до сихъ поръ не могутъ безъ злобы вспомнить этой «дряни»—шленокъ. Для послѣднихъ потребовались огромныя пастбища, и крестьяне лишены были права пасти свой скотъ по жнивью и пару даже на снятой ими въ аренду землѣ. Про покосы и говорить нечего,—крестьянская скотина начала забывать, что на свѣтѣ есть сѣно. Кромѣ того, шленка давала за зиму цѣлыя горы навоза, который должны были вывозить крестьяне за тѣ клочки выгона, какiе доставались на ихъ долю. Эта работа, выпадавшая на весну, когда лошади изнурены безкормицей и работой, представлялась крестьянамъ особенно ненавистной. Нѣкоторые сбывали скотину изъ-за того только, чтобы не возить навоза...

Между тѣмъ, дѣла шли все хуже и хуже. Послѣ голодовки 1891—92 года, оставившей глубокiй слѣдъ въ крестьянскомъ хо-

зяйствѣ, князь подарилъ крестьянъ и еще однимъ нововведеніемъ. Экономія не разрѣшала брать снопы съ поля, пока не будетъ уплачена арендная плата. Такъ какъ денегъ у крестьянъ въ это время не бываетъ, то помѣщикъ соглашался брать за землю скотомъ. Мужики, чтобы выручить хлѣбъ, скрѣпя сердце, гнали на барскій дворъ скотину, нерѣдко отдавали даже послѣднихъ лошадей...

Такъ продолжалось до 1897 года, когда марьевцы, при содѣйствіи крестьянскаго банка, купили княжескую землю. Радости ихъ не было предѣла: землей они распоряжались уже сами, имъ досталась и хорошая земля, находившаяся до тѣхъ поръ подъ помѣщичьей запашкой, пришлось немного луговъ и даже нѣсколько клочковъ лѣса. Но эта передышка была непродолжительной.

Первые годы, когда урожаи были хорошіе, марьевцы хотя и и съ трудомъ, расплачивались съ банкомъ въ чистую. Но уже въ 1901—1902 г. они оказались въ силахъ заплатить только половину. Къ веснѣ 1903 г. за ними числилось уже три полугодовыхъ платежа, и земля была назначена въ продажу. Обязавшись ввести общественную запашку, марьевцы добились, что земля была снята съ торговъ, но внести полностью платежи они все-таки не смогли. Въ 1904 году, хотя урожай былъ и хорошій, платить они вовсе отказались, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что, если вносить банку платежи полностью, то самимъ придется вѣчно быть голодными.

Земля у нихъ была отобрана, и въ 1905 г. они должны были снять ее у банка въ аренду по цѣнѣ, еще болѣе высокой. Но фактически и въ этомъ году денегъ они не уплатили. Банковскій приказчикъ хотѣлъ было задержать хлѣбъ въ полѣ, но крестьяне ему пригрозили, и послѣ того онъ не рѣшался даже напоминать объ уплатѣ.

Той же политики крестьяне держались въ послѣдніе годы и въ отношеніи къ другимъ податямъ, рѣшивъ, что ранѣе они будутъ удовлетворять свои личныя и хозяйственныя потребности, такъ какъ иначе имъ всю жизнь пришлось бы жить въ нищетѣ и грязи. Такимъ путемъ имъ удалось опять замѣтно повысить свое благосостояніе. Къ осени 1905 года на 160 дворовъ было около 250 лошадей, болѣе 300 коровъ. Двѣ трети села пахали двухлемешными плугами, у 4—5 человѣкъ были жнейки. Не было недостатка и въ одеждѣ, которую уже всѣ къ этому времени стали носить на городской манеръ. У всѣхъ были самовары; чай пили ежедневно, хотя бы по одному разу. На окнахъ появились бѣлыя кисейныя занавѣски и горшки съ цвѣтами...

Въ то же время долговъ и недоимокъ числилось на марьевцахъ около 70 тысячъ рублей.

Своей надѣльной земли приходилось всего лишь 20—25 саж., т. е. около полудесятины, на мужскую наличную душу.

Значительной разницы въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ крестьянъ не замѣчалось. Было нѣсколько болѣе зажиточныхъ семей, но онѣ жили, какъ и всѣ, своимъ трудомъ, никого не эксплуатируя. Съ другой стороны, было около десятка безлошадныхъ, но и онѣ, съ помощью родныхъ и сосѣдей, вели свое хозяйство, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ другія, но всетаки въ достаточныхъ, чтобы не идти въ батраки.

Таково было экономическое положеніе марьевцевъ передъ тѣмъ, какъ началось аграрное движеніе.

Въ 1881 году въ Марьевкѣ была открыта земско-общественная школа. Грамотность начала быстро развиваться. Въ началѣ 90-хъ годовъ выдѣлилась группа молодыхъ людей, отличавшихся особою любовью къ чтенію. Когда всѣ школьныя книжки и лубочныя сказки были перечитаны, явилась мысль открыть библіотеку. Послѣдняя была устроена въ 1896 году по иниціативѣ и на средства четырехъ крестьянъ, съ пособіемъ отъ земства и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій. Книгъ сразу было пріобрѣтено на 350 рублей. Первые годы библіотекой завѣдывалъ одинъ изъ ея иниціаторовъ—кр. Баженовъ (авторъ записокъ), но въ 1900 году онъ былъ устраненъ губернаторомъ за неблагонадежность. Завѣдываніе было поручено учительницѣ, находившейся всецѣло подъ вліяніемъ мѣстнаго попа, и библіотека пришла въ упадокъ. Въ 1903 году крестьяне рѣшили оживить ее, въ библіотечное товарищество вступило 25 новыхъ членовъ, былъ выбранъ библіотечный совѣтъ. Вновь назначенный учитель также принялъ въ библіотекѣ горячее участіе, и дѣло вновь начало налаживаться. Но въ январѣ 1904 года учитель и членъ совѣта Ковалевъ были арестованы, арестованъ былъ и Баженовъ. У другихъ членовъ библіотеки были произведены обыски. Совѣтъ распался, завѣдываніе перешло къ учительницѣ, и библіотека опять пришла въ упадокъ.

Существованіе библіотеки не прошло, однако, безслѣдно въ умственной жизни марьевцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ настолько развились, что библіотечныя книги уже не удовлетворяли ихъ. Они начали сами покупать книги и доставать ихъ, гдѣ только можно. Между прочимъ, марьевцы въ 1904 г. обратились къ Горькому и Короленко, которые прислали имъ свои изданія. Послѣдній сталъ высылать, кромѣ того, «Русское Богатство».

Газеты и журналы марьевцы стали выписывать вскорѣ послѣ открытія библіотеки. Сначала выписывали «Губернскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Родину», «Вокругъ Свѣта», «Ниву», «Русскій Паломникъ». Около 1902 г. появились въ селѣ «Саратовскій Дневникъ», газетка «С.-Петербургъ», «Журналъ для всѣхъ», «Вѣстникъ и библіотека самообразованія». Въ 1905 году марьевцы выписывали «Приволжскій край» (2 экз.), «Саратовскій Дневникъ», «Сынъ

Отечества» (2 изд.), «Журналъ для всѣхъ», «Вокругъ Свѣта» и «Сельскій Вѣстникъ». Кромѣ того, доставали на сторонѣ и другія газеты: «Наши Дни», «Нашу Жизнь» и т. п.

Не мало за послѣднее время обращалось среди марьевцевъ и революціонной литературы. Первое знакомство съ революціонерами они свели еще при открытіи библіотеки. Тогда къ Баженову заѣхалъ какъ-то ветеринарный врачъ Бауманъ (убитый потомъ въ Москвѣ), чтобы переговорить о библіотекѣ. Попутно онъ успѣлъ возбудить въ Баженовѣ интересъ къ запрещеннымъ книгамъ и познакомилъ его съ нѣкоторыми революціонерами, отъ которыхъ тотъ и сталъ получать нелегальную литературу. Баженовъ посвятилъ въ это дѣло наиболѣе достойныхъ, по его мнѣнію, односельчанъ, но молва о запрещенныхъ книгахъ и о томъ, что пишутъ въ нихъ очень скоро вышла за предѣлы тѣснаго кружка. На село обратили вниманіе жандармы, и съ 1898 г. въ немъ начались обыски, долго остававшіеся безъ результата. Благодаря этимъ обыскамъ, еще большее число людей заинтересовалось революціей.

Къ 1900 году пропаганда вышла уже за предѣлы с. Марьевки и захватила ближайшія селенія. Появились новыя связи съ революціонерами, больше было литературы, и она быстрѣе распространялась. Арестованные въ 1904 г. Баженовъ и Ковалевъ просидѣли семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, познакомились тамъ съ различными революціонными партіями и отъ с.-д., съ которыми они имѣли раньше связи, окончательно перешли на сторону с.-р.

Пропаганда продолжалась и безъ нихъ,—арестъ Баженова и Ковалева даже содѣйствовалъ ей. Всѣ настойчиво добивались узнать, за что посажены въ тюрьму эти, ни въ чемъ дурномъ незамѣченные, люди. Когда послѣдніе вышли на волю, то двѣ трети села были уже ихъ единомышленниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ селѣ образовалось какъ бы ядро передовыхъ крестьянъ, которые и заняли руководящее положеніе въ жизни общества. Были среди нихъ и самые богатые, и самые бѣдные, но большинство, какъ Баженовъ и Ковалевъ, было средней зажиточности.

Марьевцы начали принимать сознательное участіе и въ общемъ движеніи. Въ началѣ 1905 г. они уже десятками пріѣзжали въ городъ на банкеты, бывали и на митингахъ и на партійныхъ собраніяхъ с.-р. Весною начались и въ Марьевкѣ митинги, на которые пріѣзжали партійные ораторы. Ковалевъ ѣздилъ отъ губерніи въ Москву на первый съѣздъ «Всероссійскаго крестьянскаго союза», а Баженовъ былъ однимъ изъ организаторовъ этого союза въ уѣздѣ.

«Такимъ образомъ, въ моментъ возникновенія аграрнаго движенія,—резюмируетъ авторъ «Записокъ» приведенныя свѣдѣнія,— марьевскіе крестьяне въ матеріальномъ отношеніи стояли не очень низко; по зажиточности рѣзко другъ отъ друга не отличались; имѣли извѣстное умственное развитіе; болѣе, чѣмъ наполовину, были

хорошо революціонизированы, хотя организаціи, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и не было; передовые находились подъ вліяніемъ партіи с.-р., но оффиціально къ ней не принадлежали. Кромѣ того, благодаря опыту съ крестьянскимъ банкомъ, марьевцы знали, что пока существуетъ данный строй, законнымъ путемъ землю пріобрѣсти невозможно...»

Дальнѣйшій разсказъ ведется отъ лица Баженова.

II.

Первыя столкновенія.

Съ февраля до іюля 1905 года меня въ Марьевкѣ не было. Что за это время въ ней происходило, мнѣ мало извѣстно. Когда же я вернулся и присмотрѣлся къ народу, то замѣтилъ въ его настроеніи, даже сравнительно съ началомъ года, большую перемѣну. Оно было какое-то приподнятое. Въ разговорахъ постоянно слышались политическіе мотивы. Обыкновенные хозяйственные интересы какъ-то отошли на задній планъ; если о нихъ когда и говорили, то опять-таки въ связи съ политическими вопросами.

Каждый праздникъ, а иногда и въ будни гдѣ-нибудь въ лѣсу или на околицѣ устраивались собранія. Постоянныхъ посѣтителей этихъ собраній было человѣкъ 20—30. Они считались передовыми революціонерами. Но такъ какъ объ этихъ *тайныхъ* сходкахъ знало все село, то почти всегда сходилось много сочувствующихъ.

Попавъ въ первый разъ на такое собраніе, я, къ своему удивленію, замѣтилъ въ рядахъ передовой группы людей, которыхъ до сего времени считалъ реакціонерами или, по крайней мѣрѣ, безразличными въ политическихъ вопросахъ. Былъ тутъ, напримѣръ, сынъ лавочника Никитинъ, отецъ котораго раньше былъ лѣсникомъ и, радѣя князю, много насолилъ своимъ односельцамъ. Теперь же не только сынъ принялъ участіе въ движеніи, но и отецъ ему сочувствовалъ. Здѣсь же находился бѣднякъ Никифоръ, бывшій раньше самымъ ярымъ моимъ противникомъ на сельскихъ сходахъ. Однимъ изъ увлеченныхъ оказался также солдатъ Богдановъ, еще недавно агитировавшій за то, чтобы донести на меня жандармамъ.

Не мало поражалъ составъ группы и по возрасту: пятнадцатилѣтній Ванюшка сидѣлъ рядомъ съ шестидесятилѣтнимъ Акимомъ, были парни 18—20 лѣтъ, но большинство передовыхъ состояло изъ крестьянъ 25—40-лѣтняго возраста. Всѣ эти люди считали себя какъ бы партійными, готовыми подчиняться общему рѣшенію. Революціонная энергія била въ нихъ ключомъ и настойчиво требовала примѣненія ея къ дѣлу.

На каждомъ собраніи поднимался вопросъ о томъ, что нужно чѣмъ-нибудь заявить о себѣ,—заявить, что *мы здѣсь есть,* что мы

ненавидимъ старый строй и готовы бороться за новый, — какимъ нибудь способомъ дать знать о себѣ и правительству и революціонерамъ. Много выдвигалось для этого проектовъ, авторомъ которыхъ почти всегда былъ Никитинъ,—проектовъ, большею частью, террористическаго характера. Но по обсужденіи всѣ они оказывались неподходящими. Заявляя о себѣ, намъ хотѣлось принести пользу освободительному движенію и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь симпатіи тѣхъ односельцевъ, которые еще относились къ намъ безразлично или враждебно. Кромѣ того, намъ хотѣлось, чтобы демонстрація носила не единоличный характеръ, а массовый. Наконецъ, такой случай представился.

Въ сосѣдней, сравнительно небольшой, экономіи помѣщика Петрова началась молотьба хлѣба. Работало тамъ около 100—120 человѣкъ, большею частью крестьянъ окружныхъ селеній. Марьевцы, какъ занимающіеся сами посѣвомъ, на заработки ходили мало,—ихъ работало у Петрова не болѣе 25 человѣкъ, при чемъ сочувствующихъ революціи среди нихъ почти никого не было... Вотъ мы и рѣшили въ этой экономіи произвести забастовку. Этимъ мы думали заявить о себѣ и кромѣ того показать односельцамъ, что мы не только, какъ они говорятъ, не признаемъ ни царя, ни Бога, но и боремся за ихъ интересы.

Выработали списокъ требованій. Нѣсколько передовыхъ рѣшили со слѣдующей недѣли отправиться на работу съ цѣлью агитаціи. Пошли и многіе сочувствующіе. Такимъ образомъ, въ понедѣльникъ большинство рабочихъ оказалось изъ марьевцевъ. Агитація началась съ утра; рабочіе скоро согласились, и работы прекратились.

Къ вечеру пріѣхалъ управляющій и обѣщалъ выполнить всѣ требованія, но сказалъ, что работы на нѣкоторое время будутъ пріостановлены. Какъ оказалось потомъ, съ его стороны эта была уловка. Дня черезъ два во главѣ съ офицеромъ и въ сопровожденіи пристава и земскаго въ Марьевку явилось человѣкъ сорокъ казаковъ для ареста зачинщиковъ. Съ этою цѣлью на въѣзжую были вызваны тринадцать забастовщиковъ. Марьевцы, не исключая и считавшихся черносотенцами, заволновались: всѣ были возмущены несправедливостью начальства, такъ какъ никто не находилъ преступнымъ требованіе повысить заработную плату. День былъ праздничный, народъ находился весь дома и къ въѣзжей собралось чуть не все село съ намѣреніемъ не давать увозить арестованныхъ. Настроеніе у собравшихся было возбужденное, по адресу пристава и земскаго сыпались ругательства и угрозы, а женщины даже хватали ихъ за мундиры. До самыхъ сумерекъ марьевцы держали казаковъ въ осадѣ. Наконецъ, начальство убѣдилось, что ничего не подѣлаешь, отпустило арестованныхъ и съ позоромъ уѣхало въ экономію, сопровождаемое свистомъ и гикомъ молодежи.

Черезъ два дня на помощь казакамъ пріѣхала полусотня драгунъ. Передовые на совѣщаніи рѣшили, что желаемая цѣль достигнута, а дальнѣйшее сопротивленіе не возможно, да и безполезно, почему уговорили арестованныхъ болѣе не сопротивляться. Несмотря на рабочій день, провожать ихъ опять собралась масса народа, въ проклятіяхъ недостатка не было и теперь.

Съ этой стороны, забастовка удалась, какъ нельзя лучше. Мы во всеуслышаніе заявили себя защитниками интересовъ народа. Какое впечатлѣніе произвелъ этотъ случай на нашихъ односельцевъ, видно изъ слѣдующаго: когда, нѣсколько дней спустя, мы поѣхали по селу собирать на арестованныхъ забастовщиковъ хлѣбомъ, то отказовъ было два-три, не больше.

Революціонеры торжествовали и чувствовали себя господами положенія. Враги у насъ, конечно, еще остались, но они какъ-то притаились. Было ихъ немного,—человѣкъ 25. Большею частью это были бѣдняки, которые на ходъ общественныхъ дѣлъ не могли оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія. Скоро это и обнаружилось.

Марьевцамъ нужно было избрать уполномоченнаго для ходатайства о ссудѣ на продовольствіе. Сходъ подавляющимъ большинствомъ избралъ меня. На мои доводы, что земскій знаетъ меня лично, какъ своего врага, и что можетъ не утвердить, какъ сидѣвшаго въ тюрьмѣ,—сходъ кричалъ, что это не его дѣло и т. п. Когда я явился къ земскому съ приговоромъ, то онъ утвердилъ его, а потомъ прислалъ требованіе избрать вмѣсто меня другого. Два раза по этому поводу вызывалъ онъ къ себѣ старосту, грозилъ не дать ссуды, но сходъ стоялъ на своемъ и уволить меня не согласился.

Нѣсколько времени спустя, произошло столкновеніе съ казеннымъ лѣсничествомъ изъ-за пастьбы скота по лѣсу. Лѣсничій требовалъ сравнительно большую плату и непремѣнно наличными. По нашему совѣту, общество пригрозило ему, что если онъ не согласится на условія крестьянъ, то они будутъ пасти въ лѣсу скотъ безъ всякой платы. Это подѣйствовало, и лѣсничій уступилъ. Такъ же окончилось съ нашей помощью и столкновеніе съ членомъ крестьянскаго банка изъ-за задатка за землю. Все это содѣйствовало возвышенію насъ—революціонеровъ въ глазахъ односельцевъ, увеличивало нашу партію и укрѣпляло въ насъ увѣренность въ своей силѣ.

Время проходило въ какомъ-то броженіи. Появилась масса литературы: газеты, листки, брошюры были чуть ли не въ каждомъ домѣ. За ними обращались въ Марьевку изъ многихъ сосѣднихъ селеній. Привезенныя изъ города книги на 23 руб. разошлись въ нѣсколько дней.

Въ разговорахъ въ это время много мѣста занимала Государственная Дума. Я и всѣ наши стояли за выборы и агитировали за

нихъ. Съ этою цѣлью я посѣтилъ нѣсколько окружныхъ селеній. Изъ нѣкоторыхъ селеній присылали за мной, чтобы придти къ нимъ и разсказать на сходѣ, что творится теперь въ Россіи, и научить, что имъ нужно дѣлать, чтобы не отстать отъ людей.

Спросъ на учителей былъ такой большой, что удовлетворить его своими силами мы не могли. Это вынудило меня въ одинъ изъ пріѣздовъ въ городъ обратиться къ группѣ рабочихъ с.-р. съ просьбою прислать въ нашу мѣстность нѣсколько пропагандистовъ. Двое согласились, но пріѣхалъ почему-то только одинъ, рабочій Жуковъ, который до аграрнаго движенія успѣлъ посѣтить около пяти селеній.

Съ половины іюля и до половины октября отъ партіи с.-р. къ намъ не пріѣзжалъ ни одинъ ораторъ,—она почему-то совершенно забыла насъ. О ея дѣятельности мы ничего не знали, не знали даже, какъ она относится къ Государственной Думѣ и къ выборамъ въ нее.

Будучи членомъ бюро крестьянскаго союза, я часто бывалъ въ городѣ, гдѣ встрѣчался съ партійными людьми и даже членами комитета, которыхъ зналъ лично. Знали и они меня,—знали, что я раздѣляю ихъ партійныя убѣжденія, что давно занимаюсь революціонной дѣятельностью и что пользуюсь въ своей мѣстности нѣкоторымъ вліяніемъ. Но, благодаря тому, что, когда одинъ изъ нихъ пріѣзжалъ въ Марьевку, я явился къ нему пьяный, они сторонились меня. Я, чувствуя ихъ недовѣріе, не спѣшилъ навязывать имъ свои услуги,—тѣмъ болѣе, что дѣлъ было по горло и въ крестьянскомъ союзѣ, отъ имени котораго у насъ велась организаціонно-революціонная работа.

Ковалевъ, хотя и пользовался въ это время довѣріемъ и даже любовью партійныхъ главарей, но, не получая отъ нихъ никакихъ указаній, тоже примкнулъ къ крестьянскому союзу, идеи котораго начали быстро завоевывать симпатіи крестьянъ. Видя это, мы энергично занялись организаціей волостныхъ и сельскихъ ячеекъ, но за кратковременностью сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи намъ пришлось очень мало,—почти ничего.

III.

Въ городѣ и въ деревнѣ.

11 октября я былъ вызванъ повѣсткой въ уѣздную земскую управу для участія въ экономическомъ совѣщаніи, которое было собрано, главнымъ образомъ, для того, чтобы выяснить отношеніе крестьянъ къ Государственной Думѣ. Всѣ разсужденія вертѣлись около этого вопроса и закончились нѣсколькими постановленіями тактическаго характера въ к.-д. духѣ. Многіе крестьяне, какъ изъ числа членовъ совѣщанія, такъ и изъ публики такими постано-

вленіями не удовлетворились. По уходѣ предсѣдателя управы и гласныхъ-помѣщиковъ въ томъ же залѣ мы устроили свое совѣщаніе. Говорили больше объ организаціи и о средствахъ борьбы,— о томъ, какъ добыть землю безъ выкупа. Разговоровъ было много, но до чего-нибудь опредѣленнаго такъ и не договорились. Поэтому рѣшили на слѣдующій день къ 12 часамъ собраться еще разъ въ одномъ изъ выставочныхъ зданій.

Въ назначенный часъ собралось человѣкъ тридцать, но цѣль собранія и въ этотъ разъ не была достигнута. На собраніе явился одинъ изъ мѣстныхъ с.-р. и началъ говорить рѣчь, которая длилась болѣе часа и носила характеръ пропаганды. Многіе все это и сами знали, и имъ было скучно; другіе торопились домой и по окончаніи рѣчи ушли на квартиру. Дѣло, такимъ образомъ, было испорчено.

Недалеко отъ нашего павильона, въ другомъ выставочномъ зданіи, устроили собраніе служащіе губернскаго земства по вопросу о забастовкѣ, которая, какъ мы только теперь узнали, въ городѣ уже началась.

Мы, человѣкъ пять крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ, отправились на это собраніе. Разговоръ шелъ о забастовкѣ, о ея продолжительности, о требованіяхъ, которыя нужно выставить, объ отношеніи къ товарищамъ, которые не примутъ въ ней участіе... Мы слушали и ждали, не договорятся ли, молъ, до мужиковъ. Наконецъ, это и случилось. Когда вопросъ о забастовкѣ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, то делегатъ отъ служащихъ въ одномъ изъ уѣздовъ попросилъ слова и сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Такъ какъ, товарищи, вы теперь заниматься не будете и времени свободнаго у васъ будетъ много, такъ нельзя ли, молъ, его использовать въ смыслѣ привлеченія къ освободительному движенію болѣе широкихъ круговъ населенія, а для этого я, молъ, предлагаю вамъ отправиться въ деревню и вести тамъ агитацію на почвѣ программы партіи с.-р., чтобы помочь и деревнѣ выразить свою солидарность съ городскими элементами».

Рѣчь эта была встрѣчена всеобщимъ молчаніемъ,—никто даже не сказалъ, что она здѣсь неумѣстна, какъ будто это подразумѣвалось само собой. Мы видѣли только, какъ нѣкоторые пожимали плечами, удивляясь такому несуразному предложенію. Это произвело на насъ очень непріятное впечатлѣніе: намъ казалось, что эти люди насъ презираютъ и что нужды наши ихъ нисколько не интересуютъ. Разочарованные, мы уходили съ этого собранія, унося въ душѣ горькую обиду.

Кто-то сказалъ намъ, что въ 7 час. вечера въ городской управѣ соберутся городскіе служащіе. Мы рѣшили отправиться и на это собраніе, при чемъ одинъ изъ насъ захватилъ съ собою нѣсколько своихъ односельцевъ, пріѣхавшихъ продавать хлѣбъ. Послѣдніе

были въ лаптяхъ и домотканныхъ кафтанахъ, чѣмъ очень рѣзко выдѣлялись изъ городской публики, собравшейся въ управѣ.

Собраніе было многолюднѣе земскаго, но только, пожалуй, безпорядочнѣе. Дѣло долго не налаживалось. Пришлось перемѣнить нѣсколько предсѣдателей. Говорили все больше о своихъ нуждахъ. Землякамъ, которыхъ мы привели съ собой, стало скучно, и они ушли. Вскорѣ послѣ ихъ ухода одна женщина произнесла рѣчь, смыслъ которой былъ таковъ:

«Вотъ, молъ, господа, мы все говоримъ о своихъ нуждахъ и ни слова не сказали о крестьянахъ, а вѣдь у нихъ нуждъ еще больше нашего. Ихъ много, они тоже стали бы бороться вмѣстѣ съ нами за лучшее будущее, но по своей темнотѣ не знаютъ, какъ это сдѣлать. Они пришли сюда, хотѣли у насъ поучиться, но, видя, что мы ихъ игнорируемъ, ушли, и, вѣроятно, думаютъ, что мы тоже господа и только о себѣ заботимся»...

Одинъ изъ присутствующихъ, зная меня лично, заявилъ, что крестьяне не всѣ ушли, и что желательно было бы ихъ выслушать. Одинъ изъ насъ прочелъ резолюцію крестьянскаго союза и сказалъ нѣсколько словъ отъ себя. Послышались жидкіе хлопки, и о крестьянахъ опять забыли.

Когда собраніе разошлось, мы остались въ пустомъ залѣ и стали толковать, что намъ дѣлать. Намъ казалось что деревня должна немедленно напомнить о себѣ и напомнить такъ, чтобы горожане не могли игнорировать крестьянскій вопросъ. Въ этомъ мы всѣ были согласны, и вопросъ заключался только въ томъ, въ какой формѣ крестьянамъ выступить?.. Мы рѣшили на 17 октября собрать въ нашей мѣстности крестьянскій съѣздъ, гдѣ при большомъ числѣ представителей и рѣшить этотъ вопросъ. Назначивъ мѣсто съѣзда и обѣщавъ другъ другу оповѣстить доставшійся каждому районъ, мы отправились наверхъ, гдѣ, какъ намъ было извѣстно, засѣдала городская дума.

Поднимаясь по лѣстницѣ, я встрѣтилъ знакомаго интеллигента, который не разъ участвовалъ въ засѣданіяхъ крестьянскаго союза, и спросилъ его, почему онъ уходитъ и куда спѣшитъ. Онъ сказалъ, что идетъ на собраніе, гдѣ будетъ обсуждаться вопросъ о томъ, какъ привлечь деревню къ общему движенію. Я выразилъ желаніе пойти вмѣстѣ съ нимъ, чтобы узнать, какіе будутъ предлагаться способы и какое состоится рѣшеніе. Но онъ какъ-то смутился и замялъ разговоръ. Я остался въ недоумѣніи: вѣдь о насъ они будутъ разсуждать,—думалъ я,—такъ неужели имъ не важно узнать наше мнѣніе? Да и намъ къ предстоящему съѣзду было бы важно знать, что они придумаютъ. Но дѣлать было нечего.

Въ засѣданіи думы была такая масса народа, что не только залъ, но и прилегающія къ нему комнаты были набиты биткомъ: люди висѣли на дверяхъ, стояли на столахъ, на креслахъ, на окнахъ... Съ трудомъ я протискался къ трибунѣ. На ней рядомъ

съ гласнымъ въ сюртукѣ и крахмальной сорочкѣ стоялъ какой-то рабочій и разсказывалъ, какъ его била полиція, при чемъ показывалъ ссадины и синяки на лицѣ и рукахъ... Толпа колыхнулась, и меня оттиснули въ уголъ. Ахъ, какая это была хорошая тѣснота! Какъ свободно въ ней чувствовалось!

Кругомъ говорили, что голова и гласные поѣхали къ губернатору требовать освобожденія арестованныхъ рабочихъ. Когда я вновь очутился у трибуны, гласные уже возвратились. Голова давалъ собравшимся отчетъ объ этой поѣздкѣ. Какимъ онъ показался мнѣ жалкимъ и безпомощнымъ и какой дышалъ готовностью сдѣлать все, что только прикажетъ ему собраніе...

Все это произвело на меня прямо ошеломляющее впечатлѣніе... Такую народную силу и такую готовность служить ей я видѣлъ въ первый разъ. Идя по улицамъ города, я мечталъ: если бы только крестьяне поняли правду и узнали свою силу... Дѣло въ томъ только,—думалъ я,—что надо мужикамъ открыть глаза...

На постояломъ дворѣ я нашелъ двоихъ своихъ односельцевъ. Они пріѣзжали въ губернское присутствіе съ просьбою, чтобы разрѣшили поскорѣе продовольственную ссуду, но членъ присутствія, вмѣсто хлѣба, наградилъ ихъ самыми скверными ругательствами и буквально выгналъ изъ кабинета въ шею. Они были страшно возбуждены и ругали начальство на всѣ корки. Послѣ моего разсказа о томъ, что я видѣлъ въ управѣ, ихъ негодованіе на присутствіе еще болѣе усилилось.

Домой мы поѣхали вмѣстѣ и всю дорогу разсуждали о томъ, что видѣли въ городѣ. Оказалось, что мои земляки случайно попали тоже на какое-то собраніе и, кромѣ того, видѣли, какъ приказчики ходили толпами по улицамъ и закрывали магазины. Подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго они какъ бы переродились.

Одинъ изъ нихъ былъ грамотный, давно водилъ со мной знакомство, но на счетъ революціи велъ себя какъ-то двусмысленно. Какъ будто ему хотѣлось, чтобы порядки измѣнились, но при томъ условіи, чтобы все сдѣлали другіе. Во всякомъ случаѣ, вслухъ онъ очень рѣдко высказывалъ свои крамольныя мысли. Другой — былъ реакціонеръ, совершенно неразвитый, тупой и, какъ всѣ ограниченные люди, упрямый. Я думалъ, что онъ никогда не измѣнитъ своихъ убѣжденій, но городскія происшествія очень сильно повліяли на него такъ же, какъ и перваго изъ моихъ спутниковъ заставили забыть свою осторожность. Теперь они оба говорили о необходимости борьбы съ правительствомъ, а насчетъ помѣщиковъ на перебой предлагали планы, одинъ другого радикальнѣе. Мнѣ уже приходилось сдерживать ихъ пылъ и разъяснять, что съ угнетателями раздѣлаться не такъ легко, какъ они думаютъ. Но мои разъясненія ихъ не убѣдили, и они остались при своемъ мнѣніи.

Въ воскресенье 16 октября въ Марьевкѣ былъ созванъ сходъ, на которомъ я разсказалъ о своей поѣздкѣ въ городъ и о томъ, что тамъ видѣлъ и слышалъ. Разсказы мои произвели замѣтное впечатлѣніе. Настроеніе собравшихся повысилось, всѣ были какъ-то радостно возбуждены. Когда же сходу было доложено, какъ въ губернскомъ присутствіи изругали его уполномоченныхъ, то всѣ сильно заволновались. Послышались голоса, что просить болѣе не нужно: «будетъ, молъ, попросили, а вотъ завтра поѣдемъ къ Петрову и насыплемъ, сколько кому нужно»...

Имѣя въ виду предстоящій съѣздъ, я считалъ какое бы то ни было выступленіе въ данный моментъ неумѣстнымъ и поэтому предложилъ сходу послать уполномоченныхъ къ земскому, которому и заявить, что если сейчасъ же не будетъ выдано продовольствіе, то мы сами возьмемъ его. На этомъ и порѣшили. Что отвѣтилъ земскій, узнать мнѣ уже не пришлось. Кажется, онъ тотчасъ далъ разрѣшеніе.

Возвращаясь изъ города, я встрѣтилъ ѣхавшую туда фельдшерицу изъ сосѣдняго села Каменки. По моему разсчету она должна уже была возвратиться. Поэтому мы рѣшили съ Ковалевымъ идти въ Каменку, чтобы узнать послѣднія городскія новости.

Пришли мы туда уже вечеромъ. Фельдшерицы еще не было, но мы узнали, что въ сельскомъ управленіи происходитъ собраніе, и пошли туда. Войдя въ управленіе, мы увидѣли такую картину: народу было человѣкъ двѣсти, всѣ держали себя очень чинно; за барьеромъ у покрытаго краснымъ сукномъ стола сидѣлъ рабочій Жуковъ и говорилъ собравшимся рѣчь. Увидя насъ и зная, что я недавно возвратился изъ города, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что тамъ новаго? Я сказалъ, что идетъ забастовка и что новаго много. Тогда онъ въ повышенномъ уже тонѣ закончилъ поскорѣе бесѣду, и мы отправились на квартиру, пригласивъ съ собою наиболѣе сознательныхъ каменскихъ крестьянъ.

Тамъ я разсказалъ подробно, что творится въ городѣ, и сообщилъ о задуманномъ нами съѣздѣ. Всѣ считали необходимымъ, чтобы деревня заявила о своей солидарности съ городомъ. Но вопросъ: въ какой формѣ это сдѣлать?—вызвалъ разногласія. Необходимость перейти отъ словъ къ дѣлу многихъ смутила. Въ каменскихъ крестьянахъ замѣчалось какое то колебаніе и отсутствіе рѣшимости. Большинство склонялось къ разгрому помѣщиковъ, но придти къ какому-нибудь рѣшенію не удалось. Я предложилъ послать кого-нибудь на съѣздъ, но охотниковъ отправиться туда не нашлось. Это подѣйствовало на меня удручающе.

Переночевавъ въ Каменкѣ, я отправился въ Нагорное, назначенное нами мѣстомъ съѣзда. Мнѣ пришлось идти черезъ Заболотное, гдѣ имѣлась небольшая группа сознательныхъ крестьянъ, во главѣ которой стоялъ кр. Бѣловъ,—человѣкъ лѣтъ 30, умный, серьезный, начитанный и пользовавшійся уваженіемъ своихъ одно-

сельцевъ. Бѣловъ жилъ съ отцомъ и братомъ, которые сочувствовали революціи, въ особенности братъ. Но женская половина была очень недовольна и постоянно стремилась отвлечь мужчинъ отъ опаснаго занятія.

Бѣловъ и долженъ былъ отправиться на съѣздъ отъ Заболотнаго. Когда мы съ нимъ пріѣхали въ Нагорное и заѣхали по условному адресу, то узнали, что никто еще не прибылъ. Это меня озадачило. Свой районъ я оповѣстилъ своевременно, на нѣкоторыхъ надѣялся, какъ на самого себя,—и вдругъ никого нѣтъ. Да и видно было, что не будутъ. Прождавъ до вечера, мы рѣшили, что наше дѣло сорвалось...

На обратномъ пути ночевать мнѣ пришлось въ Заболотномъ у Бѣлова. Утромъ я слышалъ, какъ жена и мать ворчали на него за разъѣзды, грозили, что тюрьмы ему не миновать, и требовали, чтобы онъ прекратилъ свои затѣи, которыя до добра, молъ, его не доведутъ. Въ связи со вчерашней неудачей это подѣйствовало на меня раздражающе. Я сердился на Бѣлова, который, по моему мнѣнію, недостаточно энергично защищаетъ свое великое дѣло. Улучивъ удобную минуту, я ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Мнѣ было грустно и досадно. И на этотъ разъ мы отстали отъ города, и теперь ничѣмъ о себѣ не заявили... Чувствуя себя и физически, и нравственно утомленнымъ, я рѣшилъ на нѣсколько дней прекратить всякую дѣятельность. За городомъ, думалъ я, все равно теперь не поспѣешь, — можетъ быть, тамъ все уже кончилось. Эти соображенія я высказалъ и женѣ, когда пришелъ домой.

Около 10 часовъ дня ко мнѣ заѣхала по дорогѣ изъ города каменская фельдшерица. Она разсказала, что, хотя забастовка еще и не кончилась, но наступило затишье. Ждутъ, молъ, бури... Но и это не поколебало моего рѣшенія—отдыхать... Проводивъ фельдшерицу, я взобрался на печку и уснулъ, какъ убитый...

IV.

Накануне.

Я спалъ сномъ праведника, когда услышалъ, что кто-то толкаетъ меня въ бокъ и называетъ по имени и отчеству; открываю глаза и вижу, что около меня стоитъ какой-то мальчуганъ. На вопросъ, что ему отъ меня нужно, онъ заявилъ, что его прислалъ дядя Василій (Ковалевъ), который проситъ меня, чтобы я сейчасъ же шелъ къ нему. Не вставая съ постели, я попросилъ мальчугана передать Ковалеву, что я двѣ недѣли никуда изъ дома не пойду, а если, молъ, ему что нужно, то пусть придетъ сюда самъ. Мальчуганъ ушелъ, а я заснулъ опять. Вскорѣ, однако, я былъ разбуженъ уже взрослымъ крестьяниномъ, который рѣшительно за-

явилъ, что мнѣ необходимо немедленно быть у Ковалева по очень важному дѣлу. Дѣлать было нечего, приходилось идти.

У Ковалева я нашелъ полную избу народа, здѣсь же были трое знакомыхъ мнѣ крестьянъ изъ сосѣдняго села Князевки. На мой вопросъ, въ чемъ тутъ дѣло, присутствующіе наперебой закричали, что они сейчасъ рѣшили громить помѣщиковъ и завтра же начнутъ брать хлѣбъ на хуторѣ Петрова и выгонять изъ экономіи служащихъ. Я отъ неожиданности вытаращилъ глаза. Но князевскій крестьянинъ разрѣшилъ мое недоумѣніе, заявивъ, что изъ города имъ дано знать: слѣдуетъ, молъ, выгонять изъ экономій помѣщиковъ и разбирать ихъ хлѣбъ. Съ этимъ извѣстіемъ, по его словамъ, къ нимъ явились двое нарочныхъ, которые часамъ къ двѣнадцати ночи пріѣдутъ и къ намъ. Я выразилъ опасеніе, что мы можемъ остаться одни, разсказавъ о неудачѣ со съѣздомъ и о вяломъ настроеніи въ посѣщенныхъ мною селеніяхъ. Но онъ отвѣтилъ, что теперь ужъ поздно объ этомъ разсуждать, что они ужъ начали. Выразивъ еще разъ свою увѣренность въ нашей съ ними солидарности, князевскіе крестьяне ушли.

Я спросилъ Ковалева, какъ все это вышло. Онъ сказалъ, что когда пришли князевскіе, онъ былъ въ лѣсу, что за нимъ пріѣзжали верхомъ и что, придя домой, онъ нашелъ здѣсь массу народа и ужъ готовое рѣшеніе, добавивъ при этомъ, что все для него является неожиданнымъ. Тогда я обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: знаютъ ли они, на что рѣшаются, и добавилъ, что при неудачѣ можно вѣдь получить и тюрьму, и каторгу, и даже пулю въ лобъ. Всѣ заявили, что они это знаютъ и что готовы на все: лучше, молъ, умереть, нежели жить, какъ живемъ мы...

Я не удовлетворился этими заявленіями и предложилъ сейчасъ же собрать сходъ, чтобы обсудить это дѣло, какъ слѣдуетъ, и, во всякомъ случаѣ, ничего не придпринимать до пріѣзда къ намъ городскихъ посланныхъ. Предложеніе мое было принято.

Нѣсколько человѣкъ поспѣшили созвать на сходъ крестьянъ, а я отправился домой сообщить своимъ о такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣла. Жену это извѣстіе поразило: въ виду утренняго моего заявленія о прекращеніи на нѣсколько дней всякой дѣятельности, она было успокоилась, зная, что эти дни я буду у нея на глазахъ и, какъ ей казалось, внѣ всякой опасности,—и вдругъ это спокойствіе такъ неожиданно нарушалось. Она со слезами на глазахъ стала убѣждать меня подождать съ этимъ дѣломъ, приводя въ защиту своего положенія мною же сообщенныя ей свѣдѣнія. Я сказалъ, что вполнѣ раздѣляю ея мнѣніе и считаю такое серьезное выступленіе теперь несвоевременнымъ, обѣщалъ употребить всѣ свои усилія, чтобы остановить его или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время задержать, при чемъ добавилъ, что все будетъ зависѣть отъ настроенія крестьянъ и отъ тѣхъ данныхъ

какія городскіе агитаторы приведутъ въ пользу немедленнаго открытія дѣйствій. И вотъ, молъ, если крестьяне не смогутъ дольше вытерпѣть, или намъ будетъ доказано, что дѣйствовать необходимо, то что, молъ, ты посовѣтуешь мнѣ дѣлать. Жена молчала, глядѣла то на меня, то на играющихъ въ комнатѣ дѣтей. Наконецъ, вздохнувши, сказала, что тогда необходимо присоединится: разъ молъ, училъ, что нужно бороться за другихъ, то надо идти и самому...

Когда я пришелъ въ сельское управленіе, то оно было набито биткомъ, преобладала молодежь, но были и пожилые. Между прочимъ, я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ такихъ, которые до сихъ поръ намъ противодѣйствовали. Когда я спросилъ одного изъ нихъ: зачѣмъ онъ здѣсь, онъ обиженнымъ тономъ заявилъ, что и онъ такой же человѣкъ, и онъ понимаетъ, что надо бороться съ народными врагами и т. п. За столомъ вмѣсто отсутствующаго старосты сидѣлъ Ковалевъ, куда торжественно проводили и меня. Народъ тѣснился плотной массой; достаточно было взглянуть на эти освѣщенныя керосиновой лампой физіономіи, чтобы понять, какое они вынесутъ рѣшеніе. Настроеніе собравшихся было рѣшительное, ни о какомъ откладываніи дѣла не могло быть и рѣчи. Я все-таки пытался убѣдить ихъ подождать, доказывая, что мы затѣваемъ очень серьезное дѣло и что если насъ никто не поддержитъ, то отъ нашего выступленія не получится никакого толку, а ущерба будетъ много. Но эти предупрежденія не производили никакого дѣйствія. На мои доводы отовсюду слышались возгласы: «нѣтъ ужъ, будетъ», «и такъ терпѣли столько лѣтъ», «не все разговоры разговаривать, пора и дѣло дѣлать», «что будетъ, то и будетъ, а завтра надо начинать»...

Опасеніе, что мы можемъ оказаться одинокими, меня все-таки не покидало. Въ виду безповоротнаго рѣшенія собравшихся, я предложилъ имъ такой планъ: не начинать завтра до 12 часовъ дня, пока я не съѣзжу въ Заболотное, съ цѣлью собрать тамошнихъ сознательныхъ крестьянъ и предложить имъ присоединиться къ намъ. Но сходъ не согласился и на это, потому, главнымъ образомъ, что скоро, молъ, пріѣдутъ городскіе люди, при объясненіи съ которыми тебѣ, молъ, необходимо присутствовать. Было ужъ болѣе десяти часовъ ночи, а сходъ не расходился, напротивъ, приходили новые. Явилось нѣсколько человѣкъ со своими охотничьими ружьями; настроеніе было такое, что требовало немедленнаго примѣненія его къ дѣлу, и дѣйствительно, кто-то подалъ понравившуюся всѣмъ мысль—теперь же отобрать у казенныхъ лѣсниковъ оружіе, а для этого идти къ нимъ всѣмъ тѣмъ, у кого есть ружья.

Обстоятельства слагались такимъ образомъ, что дѣло могло начаться до пріѣзда городскихъ, чего мнѣ очень не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что если лѣсники (ихъ было двое) не захотятъ отдать

добровольно свое оружіе, то могутъ быть и жертвы. Замѣтивъ въ числѣ присутствующихъ молодого крестьянина Разина, который приходился одному изъ лѣсниковъ зятемъ, я предложилъ сходу послать его къ его тестю, чтобы разсказать о нашемъ рѣшеніи и во избѣжаніе несчастья посовѣтовать ему выдать оружіе добровольно. Съ этимъ какъ будто согласились всѣ. Но когда Разинъ пошелъ исполнять порученіе схода, то человѣкъ пять не вытерпѣли и пошли его сопровождать. Лѣсниковъ дома не оказалось, и пока все кончилось благополучно.

Я еще разъ предложилъ собравшимся подумать о томъ, на что они рѣшаются и что ихъ, въ случаѣ неудачи, ожидаетъ, и опять получилъ отвѣтъ, что они идутъ сознательно.

Была уже полночь, а потому сходъ, выбравъ насъ съ Ковалевымъ распорядителями, разошелся съ рѣшимостью завтра начинать. Когда я пришелъ домой и сообщилъ женѣ о такомъ нежелательномъ для нея рѣшеніи схода, то, къ удивленію своему, увидѣлъ, что она къ этому извѣстію отнеслась совершенно спокойно, разрѣшивъ мое недоумѣніе тѣмъ, что этого дня надо было ждать, онъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всей нашей предыдущей дѣятельности, а поэтому горевать теперь поздно.

Надо сказать, что жена моя обыкновенная крестьянка. Женили меня на ней (именно женили), когда мнѣ было семнадцать съ половиною лѣтъ. Сейчасъ же послѣ женитьбы, я началъ учить ее грамотѣ. Она уже стала было читать, но, благодаря обилію работы и хозяйственныхъ заботъ, у нея на чтеніе не хватало времени. Теперь она кажется все перезабыла. Въ періодъ моей набожности я училъ ее молитвамъ, которыхъ она знала множество наизусть, и въ набожности отъ меня не отставала. Когда меня посѣтили первыя сомнѣнія, я дѣлился съ ней своими мыслями, мы вмѣстѣ обсуждали возникающіе вопросы и обыкновенно приходили къ соглашенію. Познакомившись съ революціонерами, я постарался втянуть въ это знакомство и ее. Первая «запрещенная» книжка была прочитана вмѣстѣ съ ней. И въ послѣдующее время я никогда отъ нея ничего не скрывалъ, всегда совѣтовался съ ней о своей просвѣтительной и революціонной дѣятельности; все дѣлалось у насъ съ общаго согласія. Пріѣзжая въ городъ, мы съ ней вмѣстѣ ходили въ театръ и къ знакомымъ интеллигентамъ. Она легко разсталась съ религіозными предразсудками и до сего времени не сдѣлала мнѣ ни одного упрека, хотя я вотъ ужъ три года таскаюсь по тюрьмамъ, оставивъ на ея попеченіи пятерыхъ дѣтей. Она сроднилась уже съ неизбѣжностью наступленія рокового дня и заранѣе готовилась встрѣтить удары судьбы.

Утромъ мы узнали, что городскіе пріѣдутъ не ранѣе трехъ часовъ дня, а такъ какъ до ихъ пріѣзда ничего предпринимать не предполагалось, то товарищи предложили мнѣ ѣхать въ Заболотное. Я былъ очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣла и, не до-

жидаясь повторенія совѣта, тотчасъ же отправился въ упомянутое село.

Въ Заболотномъ я, прежде всего, рѣшилъ заѣхать къ доктору, для чего отправился въ больницу и записался вмѣстѣ съ другими на пріемъ. Улучивъ удобную минуту, я сообщилъ ему о томъ, что у насъ затѣвается, и спросилъ, не знаетъ ли онъ, какъ къ этому отнесутся заболотновскіе крестьяне. Доктора поразило мое извѣстіе; мнѣ кажется, онъ поблѣднѣлъ, и долго молчалъ, потомъ сказалъ, что объ этомъ надо подумать и поговорить съ самими крестьянами. Посовѣтовалъ мнѣ заѣхать къ крестьянину Пузанову, куда вскорѣ обѣщалъ придти и самъ.

Выходя изъ больницы, я встрѣтился съ заболотновскимъ церковнымъ старостой, съ которымъ былъ хорошо знакомъ. Чтобы испытать, какое впечатлѣніе произведетъ на зауряднаго крестьянина извѣстіе о начавшихся разгромахъ помѣщиковъ, я сообщилъ ему, что въ Князевкѣ, молъ, выгнали всѣхъ изъ экономіи и дѣлятъ между собой барское имущество. Староста вскинулъ на меня глаза, лицо его засвѣтилось радостью. Удостовѣрившись, что я говорю правду, онъ сказалъ, что «такъ, молъ, имъ и надо, скорѣй бы»... Этотъ случай далъ мнѣ нѣкоторую надежду на то, что заболотновскіе крестьяне поддержатъ.

Пузановъ, къ которому я заѣхалъ, былъ мѣстный житель, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, неграмотный, но вообще съ головой; нѣсколько разъ его выбирали старостой, волостнымъ судьей и, кажется, три раза подъ рядъ старшиной. Раньше онъ торговалъ водкой, имѣлъ мелочную лавочку, а теперь выстроилъ большой домъ и половину его сдавалъ подъ винную лавку. Знакомство мы съ нимъ водили давно. Ходомъ освободительнаго движенія онъ, какъ видно, интересовался, по крайней мѣрѣ, всегда о немъ разспрашивалъ, но сочувствовалъ ли онъ ему,—не знаю. Дружбу со мной, мнѣ кажется, онъ поддерживалъ по такимъ соображеніямъ: если, молъ, ихъ дѣло не удастся, то я ничего не проиграю, а если удастся, то много выиграю. Для меня онъ былъ дорогъ тѣмъ, что всегда хорошо зналъ всѣ мѣстныя дѣла, а иногда и замыслы полиціи. Въ послѣднее время онъ, должно быть, убѣдился, что побѣда будетъ на сторонѣ революціи, поэтому началъ принимать нѣкоторое активное участіе, напримѣръ, допускалъ въ своемъ домѣ собранія и служилъ иногда посредникомъ между мной, докторомъ и группой сознательныхъ своихъ односельчанъ. Теперь онъ былъ выпивши, но все-таки послалъ свою дочь позвать Бѣлова и его единомышленниковъ.

Собралось человѣкъ десять. Извѣстіе о нашемъ рѣшеніи начинать они встрѣтили сочувственно, а на вопросъ о принятіи участія въ начавшемся дѣлѣ отвѣтили, что ихъ очень мало, что для рѣшенія такого важнаго дѣла необходимо собрать народу побольше, между прочимъ, заявили, что, судя по настроенію крестьянъ, можно

предполагать, что на разгромъ экономіи согласятся многіе, если не всѣ. Я сказалъ, что ждать большого собранія мнѣ некогда, и предложилъ собраться безъ меня и о рѣшеніи сообщить намъ тотчасъ же по окончаніи собранія, хотя бы среди ночи. Когда присутствующіе съ этимъ согласились, я попросилъ ихъ имѣть въ виду, что если имъ потребуется помощь, то они могутъ разсчитывать на насъ. Докторъ на это совѣщаніе не явился. Я уѣхалъ, опять не узнавши ничего опредѣленнаго.

V.

Началось.

Между тѣмъ, въ мое отсутствіе въ Марьевкѣ произошло слѣдующее.

Условившись со мной насчетъ поѣздки въ Заболотное, Ковалевъ отправился домой и принялся вставлять зимнія рамы, стараясь окончить дѣло къ моему пріѣзду, такъ какъ предвидѣлись событія, грозившія надолго оторвать его отъ хозяйственныхъ занятій.

Надо замѣтить, что Ковалевъ былъ тоже мѣстный крестьянинъ, однихъ со мной лѣтъ. Грамотѣ онъ выучился немного позже моего, у какого-то частнаго учителя, потомъ, когда у насъ открыли школу, учился еще въ ней. Читать онъ сначала любилъ, иногда ходилъ ко мнѣ, и мы читали вмѣстѣ, большею частью житія святыхъ. Но около того времени, когда деревенскіе мальчишки начинаютъ считаться женихами, дороги наши разошлись. Тогда какъ я все болѣе и болѣе привязывался къ книгамъ, въ особенности къ религіознымъ, онъ къ чтенію совершенно охладѣлъ и сталъ самымъ обыкновеннымъ деревенскимъ парнемъ: ходилъ по посидѣлкамъ, и, должно быть, считалъ такой образъ жизни самымъ правильнымъ, потому что вмѣстѣ съ другими смѣялся надъ моимъ домосѣдствомъ и страстью къ чтенію, называя меня книжникомъ и монахомъ, каковыя названія въ то время—въ періодъ полнаго упадка въ нашемъ селѣ всякихъ духовныхъ интересовъ—считались самыми обидными. Такимъ образомъ, между нами наступило полное отчужденіе, которое длилось болѣе 10 лѣтъ.

Когда у меня возникла мысль открыть библіотеку, то я вмѣстѣ съ другими пригласилъ вступить въ товарищество и его. Онъ сначала согласился, но потомъ, подозрѣвая съ моей стороны личный интересъ, отказался, при чемъ увлекъ своимъ примѣромъ и нѣкоторыхъ другихъ. Не участвуя въ открытіи библіотеки и по непониманію дѣла считая ее моей собственностью, онъ ходить за книгами стѣснялся, и я вынужденъ былъ сначала посылать ему ихъ съ другими. Только убѣдившись въ безкорыстіи учредителей и, узнавъ, что мы извиняемъ его поступокъ, объяснивъ таковой

недоразумѣніемъ, онъ сталъ ходить самъ и вскорѣ сдѣлался самымъ усерднымъ читателемъ. Его я одного изъ первыхъ посвятилъ въ революцію, за нее онъ ухватился со всѣмъ жаромъ своего горячаго темперамента и вскорѣ своимъ усердіемъ, преданностью и развитіемъ перегналъ всѣхъ своихъ товарищей и пріобрѣлъ большое вліяніе на революціонные элементы нашего села. Его домъ постоянно былъ наполненъ посѣтителями, гдѣ велись нескончаемыя бесѣды на общественно-политическія темы.

Средства къ жизни онъ, кромѣ земледѣлія, доставалъ еще выдѣлкой саней и телѣгъ и, какъ хорошій мастеръ, имѣлъ порядочный заработокъ, но въ послѣднее время, увлекшись революціей, забросилъ свое ремесло. Имѣя шесть человѣкъ маленькихъ дѣтей и не отличающуюся здоровьемъ жену, онъ едва справлялся съ дѣломъ. Вотъ и теперь у него еще не было запасено на зиму дровъ и не вставлены зимнія рамы, вставить которыя, какъ онъ ни торопился, ему все-таки не пришлось.

Событія предыдущаго дня выбили крестьянъ изъ колеи. Засѣвшая въ голову мысль мѣшала имъ заняться обычной работой; болѣе нетерпѣливые начали сходиться къ Ковалеву на домъ и требовать немедленнаго начатія дѣла. Никакіе доводы и уговоры не помогали. Пришлось подчиниться. Это было около 11 часовъ дня.

Устроивъ маленькое совѣщаніе, рѣшили сначала отобрать оружіе у жившаго въ Марьевкѣ на квартирѣ старшаго объѣздчика и у своего же черносотеннаго крестьянина-кузнеца. Когда Ковалевъ во главѣ десяти или пятнадцати человѣкъ явился на квартиру объѣздчика, послѣдній напустилъ было на себя важность и сталъ грозить, но рѣшительный образъ дѣйствій пришедшихъ заставилъ его понять, что съ нимъ не шутятъ. Тогда онъ такъ подло струсилъ, что предупредительно выдалъ все имѣвшееся у него оружіе. Кузнецъ отдалъ свое безъ сопротивленія.

Потомъ, обойдя съ пѣніемъ марсельезы все село и оповѣстивъ желающихъ ѣхать къ Петрову за хлѣбомъ, отрядъ Ковалева, захвативъ имѣвшееся оружіе, отправился пѣшкомъ на хуторъ. Тамъ, какъ оказалось, знали все, что происходитъ въ Марьевкѣ, и нападенія уже ждали.

Для защиты владѣній Петрова былъ приглашенъ нашъ стражникъ, но хуторъ взятъ былъ безъ боя. Вышедшій на выстрѣлъ смотритель экономіи отдалъ свои ключи, а стражникъ свою шпагу и револьверъ. Войдя въ сопровожденіи смотрителя въ контору, Ковалевъ сдѣлалъ по книгамъ подсчетъ и потребовалъ у смотрителя оказавшуюся въ наличности сумму, что тотъ немедленно и исполнилъ, попросивъ при этомъ дать ему пару лошадей для отъѣзда въ городъ. Просьба его была уважена не вполнѣ: лошадь была дана только одна, на которой онъ отправилъ свою семью, а самъ ушелъ пѣшкомъ.

Между тѣмъ, подъѣхали крестьяне на подводахъ. Явились нѣ-

сколько человѣкъ безлошадныхъ,—имъ предоставили барскихъ лошадей. Двумъ недавно овдовѣвшимъ бѣднымъ женщинамъ рѣшили вмѣсто зерна отдать имѣвшуюся въ наличности муку. Затѣмъ, выбравъ Никитина ключникомъ, начали разбирать хлѣбъ. Въ первый день было роздано по два воза на дворъ. Столько же привезъ и мой сынишка.

Подъѣзжая къ Марьевкѣ около трехъ часовъ дня, я еще издали замѣтилъ въ селѣ какое-то необычное движеніе: по улицамъ въ одну сторону ѣхали возы съ хлѣбомъ, а имъ на встрѣчу мчались пустыя телѣги. Когда я поравнялся съ церковью, то около нея на площади увидѣлъ нашего попа, окруженнаго небольшой кучкой его прихвостней: они усиленно жестикулировали и о чемъ то усиленно разговаривали. Но какой жалкой и одинокой казалась эта кучка,—она даже не вызывала къ себѣ злобы, ее просто не замѣчали. Встрѣчавшіеся со мной возчики восторженно разсказывали мнѣ о томъ, что происходитъ на хуторѣ, какъ Ковалевъ распоряжается раздачей хлѣба.

У себя дома я нашелъ расхаживающаго по комнатамъ молодого человѣка, съ виду интеллигента. Это былъ одинъ изъ городскихъ агентовъ. Онъ, оказалось, опоздалъ, дѣло началось до него. Онъ до сихъ поръ еще не видѣлся ни съ однимъ изъ нашихъ крестьянъ, такъ какъ передовые всѣ были заняты на хуторѣ. Переговорить мнѣ съ нимъ пришлось немного и разговоръ, должно быть, былъ не важный, потому что я теперь забылъ его совершенно. Вскорѣ я получилъ свѣдѣнія, что Ковалевъ зоветъ меня на хуторъ. Въ надеждѣ на то, что мы еще увидимся вечеромъ, я ушелъ, не простившись со своимъ гостемъ.

Недалеко отъ моего дома стояло человѣкъ пять сосѣдей и ихъ жены. На мой вопросъ, почему они не ѣдутъ за хлѣбомъ, послышался дружный отвѣтъ: «такъ, дураки мы»... Одинъ, намѣреваясь ѣхать, пошелъ было запрягать лошадь, но стоявшая тутъ же его жена такъ отчаянно закричала, что бѣдному мужику пришлось оставить свою затѣю. Попалось мнѣ и еще нѣсколько группъ, которыя изъ боязни,—другое причины я не могъ найти,—не рѣшались присоединиться къ «забастовщикамъ».

Пришлось мнѣ увидѣть и другія любопытныя сцены. Въ одномъ мѣстѣ двое самыхъ ярыхъ черносотенниковъ усердно стаскивали съ телѣги привезенный отъ Петрова хлѣбъ; причина, побудившая этихъ людей измѣнить своимъ убѣжденіямъ, очевидно, была просто корысть. Въ другомъ мѣстѣ одному нашему товарищу помогали лѣсники, у которыхъ вчера мы намѣревались отобрать оружіе: эти, оказалось, сочувствовали нашему дѣлу искренне и впослѣдствіи никого не выдали.

Когда я пріѣхалъ на хуторъ, уже было темно. Ковалева тамъ не оказалось, онъ уѣхалъ домой. Никитинъ оканчивалъ насыпку хлѣба, возчиковъ было не болѣе 15 человѣкъ, я ходилъ безъ дѣла.

Зайдя въ контору, я обратилъ вниманіе на конторскія книги и рѣшилъ, что ихъ нужно сжечь. Съ этимъ всѣ согласились и въ одну минуту на площади изъ книгъ сложили костеръ, при чемъ въ складываніи усердно помогали экономическіе служащіе. Но на женскую половину служащихъ устроенный нами костеръ произвелъ устрашающее дѣйствіе: поднялся страшный плачъ. Когда я отправился узнать, въ чемъ дѣло, то оказалось, что онѣ боятся, что мы сожжемъ ихъ вмѣстѣ съ домами. Мнѣ стоило не малаго труда успокоить напуганныхъ женщинъ и дѣтей и доказать имъ, что мы боремся только съ помѣщиками, а рабочіе—наши братья.

Костеръ потухъ. Я строго приказалъ служащимъ беречь отъ поджога строенія, при чемъ добавилъ, что, кто бы ни поджегъ, отвѣчать будутъ они. Кромѣ того посовѣтывалъ имъ запрягать барскихъ быковъ, собирать пожитки и отправляться по домамъ, что они, кажется, и сдѣлали.

Ни одинъ изъ служащихъ этой экономіи не выдалъ при слѣдствіи никого изъ нашихъ, хотя многихъ, въ томъ числѣ и меня, знали лично.

Возвратившись домой, я узналъ, что въ мое отсутствіе пріѣзжалъ и другой городской посланецъ, что они приглашали къ себѣ Ковалева, о чемъ то съ нимъ говорили, а потомъ куда-то уѣхали, не давъ, должно быть, никакихъ совѣтовъ. По крайнѣй мѣрѣ, Ковалевъ не счелъ нужнымъ познакомить насъ съ содержаніемъ ихъ разговора.

Для обсужденія создавшагося положенія дѣла было рѣшено собрать сходку, на которую вмѣстѣ со мной пошла и моя жена, но за тѣснотой въ помѣщеніе собранія она не вошла, а осталась на улицѣ, гдѣ собралось десятка два другихъ женщинъ. Онѣ оживленно разсуждали о случившихся происшествіяхъ и, очевидно, всѣ одобрительно относились къ нашимъ дѣйствіямъ. Такъ, когда къ окну подошла одна женщина и начала ругать своего сына, стараясь увести его съ нашего собранія, то другія женщины набросились на нее съ упреками, и по ея адресу было сказано не мало обидныхъ словъ, такъ что бѣдной матери пришлось отъ своего намѣренія отказаться.

Мужчинъ собралось человѣкъ шестьдесятъ. Въ виду важности подлежавшихъ обсужденію дѣлъ, въ пренія рѣшили внести порядокъ: былъ избранъ предсѣдатель, каждый желающій говорить просилъ слова; всѣ чувствовали, что они дѣлаютъ серьезное дѣло, и держали себя съ достоинствомъ.

Открывая собраніе, я произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ свой взглядъ на аграрное движеніе, придавая ему значеніе большой демонстраціи, а для того, чтобы сдѣлать эту демонстрацію болѣе внушительной, доказывалъ необходимость расширить это движеніе на возможно большую территорію,—даже на другіе уѣзды. Исходя изъ такихъ положеній, я предлагалъ собравшимся образовать изъ болѣе сознательныхъ товарищей дружину, на которую

возложить обязанность помогать сосѣднимъ селеніямъ начинать волненія и даже возбуждать ихъ къ этому. Какъ на первый этапъ въ этомъ направленіи, я указалъ на Заболотное, выражая увѣренность, что мы еще до полуночи получимъ оттуда извѣстія благопріятнаго характера.

Изъ преній выяснилось, что взгляды большинства собранія совпадаютъ съ моими. Раздалось было нѣсколько голосовъ, что надо, молъ, прежде перевезти весь экономическій хлѣбъ, а потомъ ужъ думать о дальнѣйшемъ. Но когда остальные собравшіеся начали дружно доказывать, что цѣлью разгрома помѣщиковъ для насъ является не нажива хлѣбомъ, а нѣчто другое, всѣ согласились.

Приступили къ вызову желающихъ записаться въ дружину. Такихъ набралось двадцать шесть человѣкъ. Кто-то предложилъ еще записаться крестьянину Бородаеву, но тотъ началъ отказываться, ссылаясь на семейныя обстоятельства. Предложили этотъ вопросъ на обсужденіе собранія. Я и Ковалевъ стояли за то, что неволить никого не слѣдуетъ, но собраніе рѣшило иначе, и Бородаеву пришлось подчиниться и вступить въ дружину. Коснулись, между прочимъ, и того, какъ намъ держать себя по отношенію къ нашимъ противникамъ-односельцамъ. Никитинъ предлагалъ какія-то репрессивныя мѣры. Но бывшій на собраніи сынъ одного черносотенника заявилъ, что это будетъ не справедливо, что не примкнули они къ намъ только по своей темнотѣ и что онъ только теперь узналъ истинный смыслъ нашей борьбы и готовъ принять въ ней участіе; тоже, молъ, могутъ сдѣлать и остальные, поэтому ихъ надо просвѣщать, а не наказывать. Доказательства эти признаны были убѣдительными и съ реакціонерами постановили держать себя корректно. Разрѣшили также вопросъ о предводителѣ дружины, которымъ былъ избранъ я, а Ковалеву предложили окончить раздачу хлѣба и смотрѣть въ селѣ за порядкомъ.

Возникло предложеніе соорудить флагъ. Началось обсужденіе: какую сдѣлать на немъ надпись. Предложеній было много, наконецъ, сошлись на слѣдующемъ: на одной сторонѣ написать «Борьба за свободу», а на другой—«Свобода или смерть». Этимъ, какъ выяснилось изъ преній, собраніе хотѣло заявить во всеуслышаніе, что долѣе терпѣть мы не можемъ, что рѣшили лучше умереть, чѣмъ жить въ нуждѣ и рабствѣ, и что, нуждаясь въ землѣ, мы понимаемъ, что получить ее можно только тогда, когда заберемъ власть въ свои руки.

Обсудили и рѣшили еще нѣсколько мелкихъ вопросовъ. Было уже около 12 часовъ ночи, а изъ Заболотнаго не было никакихъ извѣстій. Явилось опасеніе, что тамъ ничего хорошаго не вышло, и что Бѣлову не хочется сообщать намъ о неудачѣ. Тогда я предложилъ слѣдующее: отправиться сначала въ село Каменку, а потомъ, захвативъ съ собой тамошнихъ нашихъ единомышленниковъ и усиливъ такимъ образомъ дружину, идти въ Заболотное. Такая

партія, имѣя при себѣ немного оружія, въ случаѣ враждебнаго отношенія къ ней Заболотновскихъ крестьянъ можетъ дать отпоръ. Собраніе согласилось съ моимъ предложеніемъ и, условившись на завтра собраться до восхода солнца, разошлось.

На улицѣ насъ поджидали наши женщины, онѣ черезъ окна слѣдили за нашими преніями и знали наше рѣшеніе. Я прислушивался, какъ они отнесутся къ своимъ мужьямъ, вступившимъ въ дружину, и упрековъ ни отъ одной изъ нихъ не слышалъ.

Н. Баженовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

* * *

Опять мнѣ влажный вѣтеръ въ лицо пахнулъ весной,
Опять томится сердце несбыточной мечтой
О свѣтломъ, яркомъ чудѣ, далекомъ, какъ любовь,
Прекрасной новой сказкой душа томится вновь...
Опять встаютъ стремленья, свободны и легки,
Какъ въ полѣ травъ весеннихъ зеленые ростки,
И мнится—всѣ извивы бѣгущихъ вдаль дорогъ
Ведутъ куда-то къ счастью, туда, гдѣ близокъ Богъ,
Гдѣ чудо такъ возможно, гдѣ такъ прекрасенъ день,
Гдѣ смерть—къ желанной тайнѣ лишь новая ступень.
Къ веснѣ и яснымъ далямъ ложатся всѣ пути,—
Туда, на встрѣчу счастью, теперь хочу уйти!
А если нѣтъ тамъ счастья, и только есть мечта,
Томится сердце сказкой, и эта даль пуста?
Пусть такъ... Но какъ останусь, чѣмъ отгоню я сны,
Когда звучитъ немолчно въ душѣ призывъ весны?
Умру въ пути, быть можетъ... Ну, что-жъ! Земля—какъ мать:
Весной въ степи цвѣтущей такъ сладко умирать!

II.

* * *

Хорошо быть бѣлымъ камнемъ средь полей цвѣтущей ржи
На травѣ зеленой, нѣжной уходящей вдаль межи;
Подъ высокимъ синимъ небомъ и подъ солнцемъ золотымъ
Хорошо быть въ полѣ камнемъ, бѣлымъ, чистымъ и нѣмымъ;
Чтобъ, шурша подъ вѣтромъ тихимъ и склоняясь до земли,
Спѣлой ржи къ нему колосья съ нѣжной лаской прилегли,
И кузнечикъ простодушный стрекоталъ на немъ, звеня,
И, въ кольцо свернувшись, грѣлась задремавшая змѣя;
Чтобъ на камнѣ бѣломъ путникъ отдохнулъ въ весеннемъ снѣ
И на утро къ свѣтлымъ далямъ вновь ушелъ, къ иной веснѣ;
Чтобы все, что хочетъ солнца, здѣсь, на камнѣ у межи,
Отдохнуло и согрѣлось, средь полей цвѣтущей ржи.
Хорошо весной творящей, въ дни свершившихся чудесъ
Близкимъ быть землѣ цвѣтущей, видѣть ширь и глубь небесъ,
Близкимъ быть всему, что живо, что, проснувшись, хочетъ жить,
Все принять, какъ даръ чудесный, все земное полюбить!

Ада Чумаченко.

ДѢТИ.

Повѣсть Болеслава Пруса.

Переводъ съ польскаго Л. Круковской.

XI.

И они уѣхали: Дембовскій въ Желѣзныя Гуты, а оттуда въ городъ X., оба Линовскіе въ Груду, на границѣ Галиціи. Въ Лѣсничовкѣ остались пани Линовская, Ядвига и Свирскій. Послѣдній, съ той минуты когда сани съ путниками исчезли на поворотѣ лѣсной дороги, испытывалъ такое чувство, какъ бы земля ушла изъ подъ его ногъ.

— Хозяйничайте, пожалуйста, какъ дома,—отозвалась Линовская.—Въ комнатѣ мужа вы найдете нѣсколько книгъ... не особенныхъ!.. А у моихъ дверей находятся ключи отъ кладовой... Владекъ вѣчно голоденъ. . лѣсной воздухъ вызываетъ аппетитъ...

Говоря такъ, она очень радушно улыбалась, но Свирскій почувствовалъ перемѣну въ ея голосѣ и замѣтилъ, что ея смуглое лицо поблѣднѣло, а живые, черные глаза затуманились.

— Можно мнѣ пройтись?—спросилъ несмѣло Свирскій.

— Ведите себя, какъ Владекъ,—отвѣтила Линовская, пожимая его руку,—Владекъ бѣгаетъ, ѣздитъ, катается на конькахъ, лежитъ, требуетъ ѣду безъ всякой церемоніи. Онъ былъ бы такимъ же и у васъ, слѣдовательно, вы должны подражать ему здѣсь...

Она поблѣднѣла еще больше, губы ея дрожали и, пошатываясь, она удалилась въ свою комнату.

Это замѣтила панна Ядвига и шепнула Свирскому:

— Похоже на то, что у нашей мамочки готовится припадокъ желчныхъ коликъ...

— А это очень тяжело?

— Ужасная боль!.. Но будьте покойны, я знаю, что дѣлать...

— Можетъ быть, нужна моя помощь?..—спросилъ озабоченно Свирскій.

— Вы нужны только на то, чтобы уйти какъ можно дальше отъ насъ!..

И она побѣжала за Линовской. Свирскій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ лѣсу, но тотчасъ повернулъ къ дому и по скрипучей лѣстницѣ поднялся наверхъ, въ комнату Владислава, которую занималъ теперь одинъ. Онъ легъ на кровать, закрылъ глаза, но вдругъ услыхалъ снизу подавленный стонъ. Онъ наклонилъ голову, напрягалъ слухъ... Нѣтъ сомнѣнія, этотъ нечеловѣческій крикъ шелъ изъ комнаты Линовской.

— Что я сдѣлалъ! . что я сдѣлалъ!..—шепталъ онъ, схватившись за голову.

Стоны внизу усиливались.

— По моей винѣ сыну грозила смерть или, по крайней мѣрѣ, тюрьма, отецъ заболѣлъ, а теперь—мать...

Онъ побѣжалъ внизъ, вошелъ въ сѣни и повернулъ къ комнатѣ Линовской. Онъ остановился и ждалъ. Стоны больной становились слабѣе, иногда затихали.

— Умираетъ, что ли?—думалъ онъ.—Нужно же случиться такой бѣдѣ: часъ тому назадъ уѣхалъ докторъ!

Онъ стоялъ посреди кабинета Линовскаго, не зная, что ему дѣлать.

Вдругъ отворилась дверь изъ комнаты больной, и появилась Ядвига съ мокрымъ полотенцемъ въ рукахъ.

— Хуже?—спросилъ перепуганный Казиміръ.

— Лучше—будьте спокойны! Мы кладемъ припарки... больная приняла опій... все идетъ хорошо... Какой же вы впечатлительный!

Свирскій пожалъ плечами и, повернувшись на каблукахъ, ушелъ въ глубь лѣса.

— Чортъ принесъ этихъ бабъ!—ворчалъ Свирскій, раздраженный замѣчаніемъ Ядвиги.—Я и впечатлительность!..

Онъ недавно въ столовой взглянулъ на себя въ зеркало. И какимъ образомъ этотъ высокій, широкоплечій, стройный юноша въ обтянутой курткѣ и высокихъ сапогахъ, а главное, при такой воинственной наружности, вызывавшей зависть, могъ, подъ вліяніемъ женскихъ стоновъ, проявить впечатлительность, замѣченную даже Ядвигой.

— Вотъ влопался!

Ему представился барскій домъ въ Сверкахъ, огромныя комнаты, затѣмъ цѣлый рядъ управляющихъ, экономовъ, винокуровъ, лѣсниковъ. И это онъ, совладѣлецъ этого барскаго дома, очутился въ комнаткахъ, гдѣ можно достать потолокъ рукой, а когда онъ встанетъ у окна, въ комнатѣ

становится темно... И это онъ, которому его управляющіе, экономы, винокуры и лѣсники почтительно кланяются, стоялъ сегодня у двери жены помощника лѣсничаго такой озабоченный, что его заподозрили въ чрезмѣрной впечатлительности!..

— Фу!..—пробормоталъ онъ.—Очевидно, у меня былъ видъ фельдшера или сидѣлки, если эта пани такъ расчувствовалась по отношенію ко мнѣ! Пусть они себѣ болѣютъ, пусть лѣчатся... Я живу сегодня у помощника лѣсничаго, завтра—у князя, послѣ-завтра—у еврея... У меня есть другія заботы, а не ихъ горести... А Владекъ?.. Что же такое... когда онъ станетъ моимъ адъютантомъ, ему придется испытывать то же самое, что и я... Солдату не приходится сентиментальничать...

Гуляя въ лѣсу, онъ мечталъ:

— Отвратительная дорога для артиллеріи: даже зимой и лѣтомъ здѣсь слѣдуетъ пробираться осторожно, а послѣ продолжительныхъ дождей здѣсь можно потопить пушки.., За то для партизановъ находка! Въ этихъ кустахъ, направо, можетъ спрятаться около двухсотъ людей... А тотъ пригорокъ? Какая прекрасная позиція для скорострѣльныхъ орудій! Ни одинъ возъ, ни одна лошадь не проѣхала бы... ни одинъ человѣкъ не остался бы въ живыхъ... Какія сосны! Я представляю себѣ за каждымъ деревомъ хорошаго стрѣлка! Если бы въ 63 году мы владѣли современными винтовками и пушками, а у русскихъ было тогдашнее оружіе, — насъ теперь не называли бы мятежниками... У насъ было бы настолько больше правъ на свободу, насколько больше пуль выпускали бы въ минуту наши орудія...

Позже онъ ужъ не замѣчалъ лѣса, а передъ его духовными очами на какомъ-то огромномъ полѣ стали развертываться колонны невѣдомыхъ войскъ. Всѣ были одѣты въ темно-сѣрыя блузы, штаны и французскія кепи; только одинъ полкъ выдѣлялся желтыми воротниками, эполетами и околышами на шапкахъ, другой — бѣлыми, третій—малиновыми, остальные—зелеными, синими...

У всѣхъ были на спинѣ черные ранцы со скатанными шинелями, въ сумкахъ по сто зарядовъ и прекрасныя винтовки съ четырехгранными штыками. За пѣхотой двигалась конница на великолѣпныхъ коняхъ однородной масти, дальше—пушки съ темно-синими лафетами, зарядными ящиками, походные госпитали. И все это двигалось въ порядкѣ бѣглымъ шагомъ по направленію къ разстилавшейся на далекомъ горизонтѣ полосѣ тумана, откуда долеталъ частый трескъ винтовокъ и тяжелый гулъ орудій.

Свирскій видѣлъ все это: каждую марширующую ногу,

каждый сѣрый мундиръ, всякое лицо... Вотъ одна шеренга: впереди молодой офицеръ безъ растительности на лицѣ, около него солдатъ съ огромной каштановой бородой, за нимъ—другой помоложе съ темными усиками, затѣмъ юноша съ большимъ носомъ и высокимъ лбомъ, дальше — юноша съ бѣлымъ лицомъ и какъ бы подпухшими глазами, снова блондинъ постарше, съ подстриженной бородой... Всѣ шли серьезные, строгіе, всматриваясь въ упомянутую полосу далекаго тумана, прорѣзываемаго огнемъ выстрѣловъ. Время отъ времени раздается команда: маршъ!.. маршъ!.. или вполголоса: „скорѣе, сукины дѣти! чего путаешься подъ ногами?"

Одинъ оркестръ доигралъ маршъ Гарибальди, другой начиналъ играть: „Къ оружію, народы! Возстанемъ всѣ..." Несмотря на морозъ, душа Свирскаго пылала; ему казалось, что онъ чувствуетъ въ воздухѣ запахъ пота и пороха.

Впередъ!.. Впередъ!..

Новая перемѣна картинъ. Невѣдомыя войска входятъ въ городъ X.

Оркестры играютъ маршъ изъ „Аиды".

Солдаты, населеніе, дома и сама земля кричатъ: „ура! ура!" И среди густо-столпившагося народа Казимиръ замѣчаетъ какую-то бѣлую, изящную руку и два веселыхъ глаза...

— Панна Ядвига?..—говоритъ онъ про себя. Этотъ панъ Клеменсъ безумно любитъ ее, но Владекъ, вѣроятно, не влюбленъ... Это хорошо: у солдата слишкомъ мало времени для амуровъ...

Затѣмъ онъ припоминалъ ея взгляды, ея безпокойство о немъ, и вдругъ исчезли всѣ волшебныя видѣнія... Исчезли побѣдоносныя войска, музыка растаяла въ воздухѣ... Казимиръ снова увидѣлъ лѣсъ и сказалъ про себя:

— Вѣдь я не женился бы на ней!

Обѣдали въ этотъ день поздно, и Свирскій сидѣлъ за столомъ одинъ. Панна Ядвига только налила ему полную тарелку фруктоваго супу и ушла къ больной Линовской.

Послѣ обѣда Свирскій осмотрѣлъ библіотеку въ кабинетѣ помощника лѣсничаго. Онъ нашелъ полное собраніе сочиненій Сенкевича, библіотеку избранныхъ сочиненій и старательно переплетенные сборники „Польскаго Курьера". Больше всего онъ, однако, заинтересовался географическими картами губерній, составленными военными топографами, и подробными планами лѣсовъ, принадлежащихъ Желѣзнымъ Гутамъ.

— Вотъ настоящее развлеченіе для меня,—сказалъ онъ.— Чѣмъ отдаваться галлюцинаціямъ или мечтать о глазкахъ панны Ядвиги, я предпочитаю осмотрѣть карты. Кто знаетъ,

быть можетъ, когда-либо въ этихъ краяхъ будутъ совершаться походы и происходить сраженія?..

Онъ взялъ географическія карты наверхъ, въ свою комнату, захватилъ полдести бумаги, карандашъ и весь долгій зимній вечеръ провелъ въ изученіи и черченіи картъ.

За чаемъ онъ справился о здоровьѣ пани Линовской, а потомъ вернулся къ себѣ и снова осматривалъ, чертилъ, измѣрялъ каждую лѣсную тропинку, каждую группу деревьевъ, каждую лощину и каждый пригорокъ.

На слѣдующій день, вечеромъ, у него былъ готовъ подробный планъ лѣса, который онъ изучилъ настолько, что, при помощи замѣтокъ, не только не заблудился бы въ немъ, но даже нашелъ бы важнѣйшіе пункты его.

— А такую географическую карту губерніи необходимо пріобрѣсти,—сказалъ онъ про себя.

Въ пятницу утромъ вернулся изъ Груды кучеръ, отвезшій туда Линовскихъ. Онъ разсказалъ, что они проѣхали безъ всякихъ приключеній, и отдалъ письма пани Линовской, которая едва встала съ постели, Свирскому.

„Ты не можешь себѣ представить, какъ хорошо на меня подѣйствовала эта поѣздка. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ среди хорошо знакомыхъ окрестностей, какъ будто ничего не значатъ, а все же... Ахъ, Казя, если бы ты пріѣхалъ къ намъ, хоть на два дня, хоть на два часа!.. Не знаю— вслѣдствіе ли перемѣны мѣста или встрѣчи съ новыми людьми, но скажу тебѣ искренно—многіе, многіе изъ моихъ взглядовъ измѣнились... И, чѣмъ дальше мы удалялись отъ милаго города Х. и отъ Соломянокъ, тѣмъ болѣе теченіе моихъ мыслей сливалось со взглядами честнаго Дембовскаго. Боже, какой это умный человѣкъ!.. Пріѣзжай хоть на одинъ день“!

Свирскій спряталъ письмо въ карманъ и подумалъ:

— Владекъ очень впечатлителенъ... На него оказываетъ сильное вліяніе среда... Сегодня онъ готовъ согласиться съ Дембовскимъ, но лишь только увидитъ революціонные полки, тотчасъ отречется отъ филистерскихъ взглядовъ...

Передъ полуднемъ, когда люди стали собираться на обѣдъ, а Свирскій прохаживался по двору, къ нему подошелъ кучеръ и, снявъ шапку, сказалъ:

— Нашъ паничъ велѣлъ очень кланяться вамъ, сударь...

— Развѣ мнѣ?..—спросилъ удивленный Свирскій.

— Да, вамъ, сударь... И еще приказалъ просить, чтобы вы, сударь, пріѣхали въ Груду... Охъ, шибко прокатили бъ.

И онъ смотрѣлъ на Свирскаго очень радушно. Кровь ударила въ голову Свирскаго, такъ какъ онъ понялъ вдругъ,

что этотъ взрывъ кучерскаго сочувствія является деликатнымъ напоминаніемъ о подачкѣ.

Онъ очень растерялся и вмѣсто того, чтобы сказать просто: „у меня, милый мой, нѣтъ въ данную минуту мелкихъ денегъ или и я дамъ тебѣ дня черезъ два“, Свирскій повернулся и ушелъ, оставивъ удивленнаго кучера съ шапкой въ рукѣ.

Въ первый разъ Казимиръ очутился въ подобномъ положеніи. До сихъ поръ онъ не испытывалъ никогда недостатка въ деньгахъ, никогда не гостилъ или не жилъ изъ милости у людей, вдобавокъ, низшаго положенія... Еще ни одному кучеру, ни одному слугѣ не пришлось напоминать ему о подачкѣ!..

А теперь, завтра сочельникъ и слѣдовало бы вознаградить всю прислугу, давъ имъ, по крайней мѣрѣ, по рублю на человѣка...

— Лихо съ этимъ Дембовскимъ! — ворчалъ онъ.—Онъ чувствовалъ себя очень униженнымъ и несчастнымъ. Ему казалось, что каждый паробокъ, проходившій мимо него съ поклономъ, каждая дѣвушка, глядящая на него съ улыбкой, презираетъ его и думаетъ про себя:

— Ну ужъ и баринъ, жалѣющій людямъ копѣйку.

Минуты казались ему часами, часы—сутками. Онъ скрылся въ своей комнаткѣ и часто глядѣлъ сквозь замерзшія стекла, не ѣдекъ ли кто-нибудь изъ Желѣзныхъ Гутъ или изъ города? Минутами онъ надѣялся, что деньги будутъ получены до сочельника, минутами же ему казалось, что онъ ихъ никогда не получитъ. Быть можетъ, Дембовскій забылъ, или потерялъ его расписку, или же никто не хочетъ дать сто рублей Казимиру Свирскому, преслѣдуемому полиціей... А можетъ быть... можетъ быть, кто-нибудь везъ деньги въ Лѣсничовку, но подвергся нападенію шайки хотя бы Зайца, и ограбленъ, если не убитъ!..

Но именно въ ту минуту, когда его больше всего мучили сомнѣнія, къ дому подъѣхалъ секретарь Желѣзныхъ Гутъ и привезъ Свирскому не сто, а двѣсти рублей различною монетою. Ему возвратили расписку, выданную Дембовскому, и просили выдать новую на соотвѣтствующую сумму. Свирскій ожилъ. Секретарь Желѣзныхъ Гутъ показался ему самымъ пріятнымъ человѣкомъ, Лѣсничовка самымъ красивымъ лѣсомъ, а прислуга Линовскихъ собраніемъ самыхъ благородныхъ дѣвушекъ и паробковъ въ цѣломъ краѣ.

Въ субботу утромъ онъ далъ каждому и каждой по рублю, а кучеру два рубля. Даже блѣдная и ослабѣвшая Линовская съ улыбкой просила его не баловать людей, а передъ самымъ ужиномъ панна Ядвига сдѣлала ему слѣдующее замѣчаніе:

— Знаете, о чемъ говоритъ теперь наша прислуга? „Ого! вѣрно плохо со шляхтой, если паничъ Свирскій далъ намъ такъ много!“ Особенная форма благодарности, не правда-ли?

Эти слова непріятно задѣли Казимира. Но подъ вліяніемъ радости, доставленной ему полученіемъ денегъ, онъ скоро забылъ объ этомъ. Часа на два, до ужина, которымъ занялась панина Ядвига подъ руководствомъ Линовской, Свирскій пошелъ въ лѣсъ и снова погрузился въ свои любимыя мечты. Количество созданныхъ его фантазіей полковъ увеличилось, обмундировка стала еще прекраснѣе, оружіе идеально усовершенствованнымъ, лица и осанки еще выразительнѣе. Онъ видѣлъ и себя на великолѣпномъ гнѣдомъ конѣ, нетерпѣливо мотавшемъ головой, и, подвигаясь бокомъ, онъ расталкивалъ лошадей штабныхъ офицеровъ. Видѣніе было удивительно яркое. Свирскій видѣлъ свою пелерину съ капюшономъ, изъ подъ которой виднѣлся конецъ сабли въ золоченыхъ ножнахъ. На мундштукѣ неспокойнаго коня бѣлѣла пѣна. Въ эту минуту онъ почувствовалъ себя вождемъ какой-то безчисленной арміи, хотя, быть можетъ, былъ только мечтателемъ. Скоро призракъ арміи соединился съ воспоминаніемъ о безденежьѣ и чувствомъ униженія, которое онъ испыталъ. Это дало новый толчекъ его мыслямъ.

— Однако какую важную роль играютъ деньги...—говорилъ Свирскій про себя.—Только сегодня я ощутилъ горячую потребность въ нихъ... Если недостатокъ денегъ произвелъ на меня такое скверное впечатлѣніе и обезкуражилъ меня, то что сталось бы съ десятками и сотнями тысячъ солдатъ и офицеровъ, если бы у нихъ вдругъ не хватило презрѣннаго металла. Вѣдь деньги это—оружіе, деньги это амуниція, деньги это—обмундировка, продовольстіе, обувь... Хороши были бы воины въ дырявыхъ сапогахъ, оставляемые по два дня безъ пищи!..

Подъ вліяніемъ новаго теченія мыслей Казимиръ старался выяснить важнѣйшія условія организаціи и содержанія арміи. Прежде всего, естественно, нужны деньги.

Сколько же ихъ нужно было бы приблизительно? Хорошее оружіе и амуниція съ расходами по транспорту потребовали бы около ста пятидесяти рублей на человѣка... Сапоги въ годъ рублей тридцать... Обмундировка и бѣлье около шестидесяти... Продовольствіе, лѣкарства, квартиры—около трехсотъ рублей въ годъ. Словомъ, — каждый солдатъ съ вооруженіемъ стоилъ бы около пятисотъ рублей. Такимъ образомъ, напримѣръ, я могъ бы выставить приблизительно четыреста пѣхотинцевъ, можетъ быть, пятьсотъ... дядя около тысячи... А черезъ годъ что стало бы съ ними? Странѣ пришлось бы содержать ихъ на свой счетъ... А сколько стоила бы

стотысячная армія?—Вѣроятно, около сорока милліоновъ ежегодно, да еще десять милліоновъ вооруженіе... Развѣ страна могла бы затрачивать столько въ продолженіе года, двухъ лѣтъ а можетъ быть, и больше? Могла бы при хорошихъ урожаяхъ и если бы богатые люди могли быстро обратить все въ деньги... Напримѣръ, дядя долженъ былъ бы продать всю свою землю и мою, а гдѣ же покупатели?.. Но деньги еще не все... Кромѣ денегъ, нужно еще желаніе: вѣдь революціонная армія должна состоять изъ добровольцевъ... Народъ дастъ солдатъ, интеллигенція—офицеровъ, но не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо принужденіи...

Много денегъ и много желанія! Много людей, готовыхъ пожертвовать все свое имущество, послѣдній грошъ, и много такихъ, которые безъ колебанія отдадутъ жизнь за свободу.

Въ сумерки стали собираться гости на предпраздничную кутью.

Панна Ядвига, по порученію Линовской, пригласила вчера секретаря управленія, который тотчасъ послѣ пріѣзда затѣялъ со Свирскимъ разговоръ о политикѣ. Скоро пріѣхалъ панъ Клеменсъ, холодно поздоровался съ Казимиромъ и очень нѣжно съ Ядвигой, отъ которой уже и не отходилъ.

Тотчасъ послышался звонъ колокольчика и прибылъ помощникъ лѣсничаго Опатовскій съ женой. Они потеряли осенью двоихъ дѣтей и не рѣшались проводить праздники дома, а напросились къ Линовской. Наконецъ, на крестьянскихъ саняхъ пріѣхалъ молодой практикантъ-техникъ изъ Желѣзныхъ Гутъ и ксендзъ, викарій, поссорившійся съ настоятелемъ, и поэтому явившійся въ Лѣсничовку.

Послѣдней пришла пани Линовская, слабая, худая, но очень обрадовавшаяся гостямъ; за ужиномъ всѣмъ было очень весело.

За бутылью стараго меду, сидѣвшій около Ядвиги, панъ Клеменсъ сіялъ, даже лица Опатовскихъ оживились, и ксендзъ разсказывалъ имъ вполголоса какой-то анекдотъ.

Только Свирскій былъ задумчивъ, да съ энергичнаго лица врача не сходило выраженіе печали.

По совѣту панны Ядвиги, Линовская обмакнула губы въ рюмку и сказала:

— Дай Богъ, чтобы въ слѣдующемъ году мы снова собрались здѣсь всѣ, въ полномъ составѣ... И дай Богъ намъ дождаться лучшихъ, давно ожидаемыхъ временъ...

Опатовскій. У васъ, сударыня, будутъ всѣ въ сборѣ... У насъ нѣтъ...

Ксендзъ. Это правда! Панна Ядвига, пожалуйста еще рюмочку...

Свирскій. Кто переживетъ этотъ годъ, тотъ дождется

лучшихъ временъ. Хотя... не знаю, будутъ ли они для насъ такими хорошими, какъ бы мы хотѣли, и... какія мы заслужили...

Секретарь. Я слышу это отъ васъ второй разъ, но... хорошенько не понимаю...

Линовская. Подѣлитесь же и съ нами вашими надеждами.

Свирскій. Мои предчувствія опираются на очень простыя соображенія. Черезъ годъ одержитъ побѣду русская революція, установитъ свою форму правленія, слѣдовательно, и намъ будетъ легче... Но было бы несравненно лучше, если бы мы, въ предстоящей рѣшительной борьбѣ, сыграли роль союзника, дѣятельной силы, а не ожидали, сложа руки, что намъ перепадетъ отъ чужихъ трудовъ и милостей...

Опатовскій (махнувъ рукой). Какія у насъ силы!

Техникъ. Отвага и самоотверженіе пролетаріата.

Свирскій. Вы правы. Но эта отвага безпорядочна, безтолкова, а жертвуютъ собой единицы. Если бы мы организовали армію, хотя бы стотысячную...

Техникъ. Для защиты интересовъ буржуевъ и для порабощенія народа?

Свирскій (горячо). Это-то и есть наше несчастіе! Мы раздѣляемся на пролетаріатъ и буржуазію въ то время, когда нужно всѣмъ сплотиться какъ можно тѣснѣе... Одно тѣло и одна душа...

Секретарь. Мы ждемъ этой сплоченности.

Техникъ. Я даже не понимаю, какая польза для революціи можетъ быть отъ буржуевъ?

Свирскій. Они могутъ быть полезны хотя бы своими деньгами. На содержаніе, напримѣръ, стотысячнаго войска нужно около пятидесяти милліоновъ ежегодно.

Пусть пролетаріатъ доставитъ безстрашныхъ солдатъ, капиталисты—деньги, и тогда Польша станетъ союзницей Россіи...

Техникъ. Союзъ существуетъ и въ настоящее время: русскій пролетаріатъ соединился съ польскимъ противъ русскихъ и польскихъ эксплуататоровъ.

Свирскій. Буржуа не пострадаютъ, но могутъ убить нашу народную индивидуальность.

Техникъ. Народность это—ерунда, основа всему—коллективизмъ.

Секретарь. О! сударь! Но для того, чтобы скорѣе достигнуть этого коллективизма, подготовляютъ забастовки на фабрикахъ.

Панъ Клеменсъ. И въ усадьбахъ...

Секретарь. Дирекціямъ фабрикъ предъявляютъ невыполнимыя требованія, а отказывающимъ посылаютъ смертные приговоры...

Опатовскій. Значитъ, и въ усадьбахъ устраиваются уже забастовки? Я не зналъ...

Панъ Клеменсъ. Въ Лубняхъ рабочіе потребовали увеличенія жалованья и ординаріи *), а такъ какъ управляющій не могъ согласиться на это, то они перестали кормить и поить скотъ... Проѣзжавшіе по шоссе за версту слышали ревъ...

Опатовскій. О, негодяи!

Техникъ. Криковъ голодныхъ робочихъ не слышатъ... Они не умѣли до сихъ поръ ревѣть громко.

Свирскій. Если бы такое настроеніе царило во всей странѣ, революція не принесла бы намъ никакой пользы.

Секретарь. Слава Богу, если не вспыхнетъ междуусобная война!..

Линовская. Слѣдуетъ вмѣшаться духовенству и уладить отношенія.

Ксендзъ. Духовенству? Тому ли, которое пренебрегаетъ пастырскими обязанностями? Или тому, которое, вмѣсто того, чтобы учить людей съ амвона, пугаетъ ихъ адомъ? Или, быть можетъ, тому духовенству, которое охотится, играетъ въ карты и при всякомъ удобномъ случаѣ сдираетъ шкуру со своихъ овецъ..

Техникъ (съ насмѣшкой). Браво! Ксендзы такіе же буржуи, какъ промышленники и шляхта.

Линовская. Ядзя, попроси гостей въ мою комнату и сыграй что-нибудь.

Когда гости встали изъ-за стола, панъ Клеменсъ вдругъ остановился передъ Свирскимъ и сказалъ:

— Знаете, я не думалъ... я очень удивился тому, что вы говорили... Мнѣ казалось, что вы заодно съ ними...

— Съ тѣми, которые хотятъ междуусобной войны?—спросилъ, усмѣхаясь, Свирскій.

— Прошу прощенія,—отвѣтилъ панъ Клеменсъ, пожимая его руку—и, если позволите, я когда-нибудь пріѣду интимно побесѣдовать...

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Свирскій холодно.

Тотъ фактъ, что панъ Клеменсъ въ продолженіе всего ужина сидѣлъ около панны Ядвиги, былъ ему непріятенъ.

Съ первой минуты ихъ встрѣчи, Ядвига страннымъ образомъ безпокоила его. Онъ часто думалъ о ней, его раздражали ухаживанія Клеменса и радовало, что Владекъ равно-

*) Плата натурой. *Прим. перевод.*

душенъ къ ней, но, въ душѣ, онъ неоднократно повторялъ себѣ:

— Вѣдь я не влюбленъ въ нее... И никогда не женился бы...

Послѣ ужина и отъѣзда гостей Свирскій долго не могъ уснуть... Старый медъ огненными потоками разливался по тѣлу, зажигая въ мозгу новые и непріятные образы, центромъ которыхъ было лицо панны Ядвиги. Она не красива, но... Какіе у нея густые волосы, какіе частые, бѣлые зубы... какія губы... глаза... А главное—какъ она умѣетъ слушать! Когда Казимиръ говорилъ, панна Ядвига не только понимала, но и сочувствовала каждому его мнѣнію, поощряла и ободряла его взглядомъ... А когда вмѣшивался въ разговоръ техникъ, ея лицо пылало, а глаза, казалось, говорили: „я готова идти за тобой!"—„Но вѣдь онъ анархистъ... экспропріаторъ"...—думалъ Казимиръ.

Никогда онъ не любилъ воинствующаго соціализма, и этотъ техникъ-соціалистъ, безмолвно поддерживаемый панной Ядвигой, возбуждалъ въ немъ гнѣвъ и какъ бы открылъ новыя черты въ знакомой и до сихъ поръ соціалистической агитаціи.

— Онъ глумится надъ народностью и нисколько не заботится о томъ, чтобы мы, по отношенію къ русскимъ, стали равными и свободными среди равныхъ и свободныхъ...—подумалъ Свирскій и, несмотря на возбужденіе, уснулъ.

Его сны были безпорядочны и неспокойны. Онъ видѣлъ во снѣ, что ссорится съ кѣмъ-то, борется, бѣжитъ куда-то взапуски... То ему снилось, что онъ на разъяренномъ конѣ, который вдругъ превратился въ быка во мракѣ, скачетъ и падаетъ стремглавъ... Какъ странно—ѣзда на разгоряченномъ быкѣ!

Казимиръ проснулся измученный, съ тяжелой головой и недовольный всѣмъ міромъ.

Онъ попросилъ прислугу подать ему чай наверхъ въ комнату, выпилъ нѣсколько стакановъ и сталъ затѣмъ просматривать карты лѣсовъ, принадлежащихъ Желѣзнымъ Гутамъ, и карту губерніи. Углубившись въ чертежи, онъ съ удовольствіемъ представлялъ себѣ дороги, деревни, огороды, горы, заросли... Но онъ ужъ не видѣлъ войска въ сѣрыхъ мундирахъ, разноцвѣтныхъ околышахъ и эполетахъ... У него, просто, не было охоты представлять его себѣ... За то, время отъ времени, на фонѣ картъ появлялись мечтательные глаза Ядвиги или угрюмое лицо врача, презирающаго народность и народное войско. Около полудня Свирскій спустился внизъ, въ комнату Линовскаго, и встрѣтилъ тамъ Ядвигу, которая, поднявъ пальчикъ съ таинственнымъ видомъ сообщила ему:

— Вчера у насъ ужиналъ гость и ночевалъ...

— Не соціалистъ ли?

Въ глазахъ Ядвиги мелькнуло удивленіе, но она продолжала:

— Не знаю, — угадали ли вы? Поздно вечеромъ явился въ нашу людскую путникъ, будто калѣка, оборванный... и просилъ, не спрашивая господъ, позволить ему переночевать.. И, представьте, люди согласились на это и, если бы не Рузя, очень преданная мнѣ и ничего отъ меня не скрывающая,—мы и не знали бы объ этомъ...

— Развѣ это въ первый разъ кто-нибудь ночуетъ у рабочихъ, не заявляя объ этомъ господамъ?—спросилъ Казимиръ.

— Бывало, но послушайте, что было дальше...—продолжала она возбужденнымъ тономъ.—Этотъ quasi-путникъ убѣждалъ нашихъ людей требовать послѣ праздниковъ увеличенія жалованья и ординаріи и сокращенія числа рабочихъ часовъ. Онъ также увѣрялъ ихъ, что въ будущемъ году вся шляхетская земля перейдетъ къ крестьянамъ...

Свирскій пожалъ плечами.

— Такъ говорилъ этотъ путникъ,—продолжала Ядвига,—а когда кучеръ сказалъ, что шляхта даромъ земли не отдастъ, бродяга отвѣтилъ ему: „Пусть шляхта скорѣй убирается за границу, а то ее будутъ рѣзать и жечь...“

— А онъ не сказалъ, будутъ ли рѣзать сожженныхъ или жечь зарѣзанныхъ?—смѣялся Казимиръ.

— Вы шутите, а вѣдь эти угрозы касаются больше васъ, чѣмъ меня..

— Конечно! Представляю себѣ фигуру рабочаго, который, напримѣръ, предлагаетъ моему дядѣ отдать имѣніе...—отвѣтилъ Свирскій.—Въ этомъ случаѣ насъ можетъ защитить этотъ ...техникъ изъ Желѣзныхъ Гутъ... — прибавилъ онъ, иронически улыбаясь.

— Ахъ! какъ я его боялась вчера!..—воскликнула Ядвига.

— Мнѣ казалось, что вы воспринимаете его угрозы съ величайшимъ сочувствіемъ.

— Я? Хороша проницательность! Я симпатизирую только тѣмъ, кто трудится для народа, обучаетъ его, а не тѣмъ, которые только сбиваютъ его съ толку невыполнимыми обѣщаніями.

— Прекрасно!.. Слѣдовательно, вы предпочитаете пана Клеменса?..

— Безъ сомнѣнія! Онъ такъ же, какъ и я, вполнѣ сознаетъ, что прежде всего необходимо научить народъ грамотѣ... Тамъ, гдѣ переполнены школы, пустуютъ тюрьмы...

— Напримѣръ, въ нашемъ миломъ городѣ X. существуютъ четыре мужскихъ учебныхъ заведенія, три—жен-

скихъ и приблизительно десять начальныхъ школъ, а тюрьма переполнена...

— Поздравляю!..—прервала его Ядвига.—Вы начинаете говорить, какъ Дембовскій...

На этомъ кончилась ихъ нѣсколько раздражающая бесѣда. Свирскій, придя въ себя, подумалъ:

— Что же будетъ съ моимъ войскомъ, если шляхта принуждена будетъ удирать или бороться съ собственными рабочими, которыхъ возбуждаютъ фабричные врачи или бродячіе агитаторы?

Въ первый день Рождества никто изъ гостей не пріѣхалъ. Линовская послѣ обѣда легла, а Ядвига читала ей вслухъ. Около восьми часовъ явился ближайшій лѣсникъ, измученный и перепуганный, съ извѣстіемъ, что какая-то шайка напала на него, отобрала револьверъ, двустволку и три рубля.

— Кто же это былъ?—спросила Линовская.

Лѣсникъ развелъ руками, взглянулъ мелькомъ на Свирскаго и отвѣтилъ:

— Разные люди: не то рабочіе, не то горожане... Но было также нѣсколько паничей... Они вели себя по-барски, говорили по-господски...

Свирскій вздрогнулъ. Можетъ быть?... Онъ вышелъ въ прихожую за лѣсникомъ и, подавая ему трехрублевку, сказалъ:

— Возьмите, добрый человѣкъ... Безсовѣстенъ тотъ, кто ограбилъ такого бѣдняка...

— А еще говорили, что будутъ грабить только господъ!..—проворчалъ лѣсникъ, цѣлуя руку Казимира.

На слѣдующій день снова никто не пріѣхалъ въ Лѣсничовку. Свирскій видѣлъ дамъ только за обѣдомъ и весь день провелъ за чтеніемъ романа „Огнемъ и Мечомъ". Иногда онъ машинально бросалъ книжку и говорилъ про себя:

— Кого же этотъ лѣсникъ называетъ паничами? Еще понятно, что они взяли у него оружіе, да и за это обязаны были заплатить... Но три рубля!.. Революціонеры, отбирающіе у лѣсника три рубля!.. Вѣдь ни Хрусановскій, ни Лисовскій не позволили бы себѣ ничего подобнаго, слѣдовательно, означенные паничи не были нашими товарищами... Революціонеры, не брезгающіе тремя рублями лѣсника!..

На слѣдующій день послѣ праздника въ Лѣсничовку явилось цѣлыхъ пятеро лѣсниковъ съ неправдоподобными вѣстями. Прежде всего у каждаго изъ нихъ во время Рождества побывала какая-то шайка, состоящая изъ десяти слишкомъ человѣкъ, вооруженная, повидимому, вымуштрованная, и отбирала двустволки, револьверы, по-

рохъ и патроны. Въ каждой шайкѣ были молодые люди, похожіе на паничей и объяснявшіе лѣсникамъ, что ихъ оружіе необходимо революціонерамъ. Денегъ не брали ни у кого, собирались по звуку свистковъ или трубъ и, выстроившись попарно, исчезали среди деревьевъ и зарослей.

Кромѣ того, лѣсники сообщили и другія вѣсти. Начиная съ сочельника, на праздникахъ, какіе-то люди пріѣзжали на саняхъ въ лѣсъ и увозили дрова, сложенныя въ штабеля, или же строевой лѣсъ. Въ одномъ мѣстѣ даже свалили шесть великолѣпныхъ лиственницъ и увезли невѣдомо какъ и куда.

— Извините, Словикъ, — отозвалась Линовская, — вы должны вѣдь знать, куда увезли лиственницы... Развѣ исчезли слѣды?..

— Слѣды исчезли на шоссе, — отвѣтилъ лѣсникъ, — но и самъ панъ лѣсничій не спорилъ бы съ толпой, гдѣ почти у каждаго была двустволка или штуцеръ... Впрочемъ, они предупредили, чтобы ихъ не преслѣдовали, иначе... пуля въ лобъ!..

Нѣсколько послѣдующихъ дней протекли въ Лѣсничовкѣ тихо. Линовская медленно возвращалась къ обыденнымъ занятіямъ, панна Ядвига помогала ей, а по вечерамъ занималась обученіемъ прислуги. У Свирскаго было много свободнаго времени, и поэтому онъ скучалъ больше, чѣмъ до праздниковъ. Ему надоѣло чтеніе военныхъ разсказовъ и не было охоты гулять, такъ какъ лѣсъ напоминалъ ему его мечты, картины переходовъ, битвъ и побѣдъ. Эти картины за послѣдніе дни какъ-то измѣнились, поблекли, разсѣялись, растаяли, какъ ледъ на солнцѣ.

Нечего и думать объ организаціи арміи въ странѣ, гдѣ между интеллигенціей и рабочими классами существуетъ ненависть и недовѣріе! Откуда взять денегъ для настоящей войны тамъ, гдѣ останавливается всякая работа?

Но не свидѣтельствуютъ ли эти шайки, отбирающія оружіе у лѣсниковъ, объ усиленіи революціоннаго движенія? А эти „паничи"—вѣдь это та же интеллигентная молодежь, которая, несмотря на зиму, идетъ въ ряды борцовъ... Очевидно, они увѣрены въ скоромъ взрывѣ революціи въ Россіи... Но... принадлежать къ такой шайкѣ, пока только разбивающей монополіи и отбирающей у крестьянъ трехрублевки, принадлежать къ подобной шайкѣ Казимиръ теперь ужъ не хотѣлъ. Онъ желалъ бороться въ рядахъ регулярнаго войска, которое ведетъ рѣшительныя битвы, а не стычки, напоминающія разбойничьи нападенія. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, его страсть къ революціи стала

если не остывать, то терять прежнее напряженіе. Ему все чаще вспоминались недавнія рѣчи Дембовскаго, что современная неурядица не представляетъ еще революціи и не можетъ вызвать хорошихъ политическихъ послѣдствій. Иногда онъ даже вспоминалъ бурныя вспышки дяди, который много лѣтъ до современнаго движенія говорилъ, что революцію могутъ вызвать только преступленія и преступники.

Всѣ эти размышленія были, однако, слишкомъ новы, чтобы привести Свирскаго къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ и рѣшеніямъ.

Однажды пріѣхалъ секретарь директора Желѣзныхъ Гутъ и, поздоровавшись съ дамами, изъявилъ желаніе поговорить со Свирскимъ о важномъ дѣлѣ. Гость былъ взволнованъ.

— Будьте любезны прочитать вотъ это,—сказалъ онъ, подавая Свирскому небольшой клочекъ бумаги.

Это былъ смертный приговоръ: секретаря предупреждали, что онъ погибнетъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней.

— Подобныя извѣщенія получили всѣ мы, — сказалъ гость.—Собираются убить директора, его помощника, кассира, бухгалтера, всѣхъ инженеровъ и двоихъ самыхъ лучшихъ мастеровъ. Теперь, сударь, посовѣтуйте, что намъ дѣлать?

Свирскій молча возвратилъ записку секретарю.

— Я пріѣхалъ къ вамъ по порученію всѣхъ приговоренныхъ,—сказалъ гость, при чемъ поблѣднѣвшія губы его задрожали. — Намъ извѣстно, что вы играете важную роль въ революціонномъ движеніи...

—Вы ошибаетесь,—прервалъ его Казимиръ.—Я, дѣйствительно, сталкивался съ нѣкоторыми выдающимися революціонерами, но нашъ союзъ рыцарей свободы работалъ независимо отъ нихъ и шелъ въ разрѣзъ съ ихъ требованіями...

— Во всякомъ случаѣ вы руководите какой-то организаціей.

— Никакой!—отвѣтилъ Казимиръ. И если бы такъ продолжалось...

— Что продолжалось?—спросилъ секретарь.

— Нѣтъ, ничего... Я только повторяю, что у меня нѣтъ и не было никогда ничего общаго съ людьми, рассылающими смертные приговоры...

Секретарь сжалъ руки такъ, что суставы хрустнули, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Скажите же, по крайней мѣрѣ, что намъ дѣлать? Къ

кому обратиться за совѣтомъ? Бросить фабрику невозможно, насъ назвали бы трусами, а это подорвало бы всякую дисциплину и даже могло бы вызвать порчу машинъ... Обратиться къ полиціи и назвать тѣхъ, противъ кого у насъ имѣются вполнѣ основательныя подозрѣнія—тоже невозможно... Насъ назвали бы шпіонами... Не знаю, сумѣемъ ли мы защищаться, потому что эти господа предпочитаютъ нападать и убивать неожиданно... Что же намъ остается?..

— Быть можетъ, слѣдовало бы поговорить съ самыми надежными рабочими, наконецъ, съ тѣми, которыхъ вы подозрѣваете?—возразилъ Свирскій.

— Это ни къ чему не поведетъ! Порядочные рабочіе сами боятся бунтовщиковъ, сами получаютъ смертные приговоры.. А съ тѣми... Я говорилъ съ ними... хотя бы съ нашимъ техникомъ, съ которымъ вы познакомились въ сочельникъ... И знаете-ли, какое вынесъ впечатлѣніе... не только я, а всѣ мы, „лакеи капитализма", какъ насъ называютъ?

Онъ глубоко вздохнулъ и, подумавъ, докончилъ:

— Мы вынесли впечатлѣніе, что за нашими бунтовщиками и предполагаемыми убійцами кроется кто-то другой, для кого очень важно, чтобы здѣсь пала промышленность, земледѣліе, всякое благосостояніе и чтобы на вѣчныя времена было установлено военное положеніе.

— Быть можетъ, высшая фабричная власть плохо обращалась съ рабочими, не говоря уже о ея корыстолюбіи?—спросилъ Свирскій.

— Несомнѣнно, — продолжалъ секретарь, — управленіе фабрики у насъ блюдетъ интересы акціонеровъ, какъ и повсюду... Поступали скверно... дѣлали подлости... не буду оспаривать... Но когда рабочіе забастовали въ первый разъ, предъявили требованія увеличить плату, уменьшить количество рабочихъ часовъ, устроить баню и пріютъ, организовать врачебную помощь, вѣжливо обращаться и такъ далѣе, и такъ далѣе,—тогда всѣ, начиная съ директора и кончая находящимся передъ вами покорнѣйшимъ слугой, признали ихъ правоту и поддержали ихъ на совѣтѣ администраціи завода... Скажу вамъ больше... мы втихомолку потирали руки и шептали между собой: слава Богу, наконецъ, и на фабрикахъ прекратятся крѣпостническія отношенія.

— Да, это движеніе заявило себя съ хорошей стороны,—сказалъ Свирскій.

— А продолженіе его очень скверно,—подхватилъ секретарь.—Мы убѣдились очень скоро, что рабочіе, или, вѣрнѣе, ихъ вожаки, совсѣмъ не стараются улучшить условія, а только

вызываютъ безпорядокъ... Мы приняли всѣ условія рабочихъ и готовы были ихъ выполнить, но они не только стали предъявлять новыя, все болѣе невыполнимыя требованія, но еще работали небрежно, портили матеріалъ, крали, заставляли держать на фабрикѣ такихъ людей, которыхъ въ лучшемъ случаѣ слѣдовало прогнать, а въ худшемъ—отдать подъ судъ. А когда имъ заявили, что дальнѣйшихъ уступокъ фабрика не можетъ сдѣлать,—насъ приговорили къ смерти...

— Въ чемъ же они, напримѣръ, обвиняютъ васъ?—спросилъ Свирскій.

— Вы не повѣрите!..—воскликнулъ секретарь.—Я долженъ умереть за то, что когда-то пользовался довѣріемъ рабочихъ, что пріохочивалъ ихъ къ ученію, къ организаціи союзовъ... что, наконецъ, за послѣднее время объяснялъ рабочимъ непрактичность ихъ поведенія... Да, правда, раза два я заявилъ, что это не польскія руки и не польскія сердца руководятъ движеніемъ, которое можетъ закончиться общей нищетой и паденіемъ нашего народа неизвѣстно для чьей пользы...

Свирскій вскочилъ со стула и сталъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, сударь!..—сказалъ онъ.—Они могутъ писать приговоры и наклеивать ихъ хотя бы на заборахъ, могутъ тревожить васъ, но убивать... нѣтъ! Самый подлый убійца, если онъ не сумасшедшій, долженъ имѣть поводъ для убійства, а у нихъ вѣдь нѣтъ рѣшительно... никакого...

— А если кто-нибудь нанялъ убійцу?

— Вы смотрите слишкомъ мрачно на свѣтъ Божій,—сказалъ Казимиръ. — Впрочемъ, такого рода случайностямъ можетъ подвергнуться всякій, поэтому мы носимъ оружіе...

— Носить оружіе это—ваше послѣднее слово?—спросилъ секретарь.

Свирскій пожалъ плечами.

— Извините,—сказалъ онъ,—я не смѣю совѣтовать, но скажу, какъ я обращаюсь съ такъ называемыми простыми людьми. Прежде всего, ничего не беру даромъ, стараюсь вознаградить надлежащимъ образомъ, — быть можетъ, и слишкомъ щедро, — за каждую услугу... Во вторыхъ, я всегда вѣжливъ съ ними... говорю имъ *вы*, или *панъ*... кланяюсь... здороваюсь первый, протягиваю руку... Поэтому такъ называемые пролетаріи любятъ меня и вѣрятъ, совѣтуются со мной, неоднократно предостерегали... И я встрѣчалъ уже такихъ, которые откровенно заявляли, что, если бы я захотѣлъ, они бы жизнью пожертвовали за меня...

— И вы имъ вѣрите?

— Понятно, что я не принялъ бы жертвы ни отъ кого, но... я чувствую себя между ними въ безопасности и чувствовалъ бы себя такъ, даже если бы какой-нибудь подозрительный комитетъ прислалъ мнѣ смертный приговоръ.

— Благодарю васъ!—сказалъ секретарь. Онъ посмотрѣлъ Казимиру въ глаза и крѣпко пожалъ руку.—Вы полагаете, что мнѣ нечего опасаться?

— Я глубоко убѣжденъ въ этомъ, — сказалъ Свирскій.

Когда секретарь спустился внизъ, Линовская съ любопытствомъ спросила, о чемъ они такъ долго разговаривали. Не желая причинять ей безпокойство, секретарь умолчалъ о главномъ предметѣ разговора и сказалъ:

— Сударыня! Мнѣ исполнилось сорокъ пять лѣтъ, я много вращался среди людей, учился за-границей... Словомъ, не лишенъ нѣкоторой опытности и немного знаю характеры... Несмотря на все это, я разсмѣялся бы, если-бъ мнѣ сказали, что я могу столкнуться съ такою молодежью, какую увидѣлъ теперь.

— Вы говорите о Свирскомъ?—спросила она.—И я не удивляюсь, что онъ оказалъ такое вліяніе на Владека!..

— Восемнадцатилѣтній юноша,—продолжалъ секретарь, махнувъ рукой,—восемнадцатилѣтній, а, даю вамъ слово, разсуждаетъ, какъ зрѣлый человѣкъ, какъ политикъ... Скажу прямо: я не знаю, что и думать, откуда взялась подобная молодежь у насъ? Вѣрнѣе сказать, это даже не молодежь, а люди зрѣлые, искушенные опытомъ, законченные... Мнѣ даже стыдно признать это...

— А я не удивляюсь,—отвѣтила Линовская.—Вѣдь сказалъ же Владекъ, что для нынѣшняго поколѣнія мѣсяцъ равенъ году. Свѣтопреставленіе!..

— Нѣтъ, сударыня! Это только доказываетъ, что мы, старики, очень отстали,—сказалъ секретарь.

— Или же, молодежь слишкомъ быстро созрѣла,—отвѣтила Линовская, грустно покачавъ головой.

Однажды, послѣ Новаго года, Ядвига предложила Свирскому прогуляться въ лѣсъ.

Сначала они шли дорогой, окаймленной съ одной стороны высокими елями, а съ другой—засыпанными снѣгомъ пихтами. Затѣмъ они выбрались боковой дорожкой на обширную поляну, гдѣ надъ замерзшимъ ручьемъ свѣшивались ивы, покрытыя какъ бы бѣлой листвой. На всемъ лежала печать запустѣнія, а надъ притаившимися между деревьями тропинками царила тишина.

— Бррр! какъ здѣсь уныло!—сказалъ Казимиръ.

— Неужели?—спросила панна Ядвига.—Лѣтомъ это самая веселая полянка... Сколько разъ мы собирались здѣсь на маевки, устраивали сюда прогулки въ іюлѣ и даже въ сентябрѣ... Тутъ бывали, такъ называемыя, пансіонерки пани Линовской, а также кавалеры изъ Желѣзныхъ Гутъ... Здѣсь поѣдалась собранная земляника, здѣсь мы пекли картофель и грибы...

— И... панъ Клеменсъ бывалъ на этихъ маевкахъ?

— Раза два былъ... Но онъ предпочиталъ осматривать съ пожилыми господами деревья, чѣмъ, по выраженію Линовскаго, „дурачиться" съ молодежью. И вы, вѣроятно, предпочли бы общество серьезныхъ людей?..

— Если бы васъ не было среди менѣе серьезныхъ, — отвѣтилъ Свирскій и покраснѣлъ.

— Вотъ какъ! „Господинъ начальникъ" начинаетъ сыпать комплименты...

— Не умѣю, если бы и хотѣлъ... Но я,—говорю вполнѣ искренно, — не разъ жалѣлъ, что такъ недавно познакомился съ вами. И мнѣ больше всего жаль этихъ веселыхъ маевокъ на этой печальной полянѣ.

— Печальной?—повторила Ядвига.—Мнѣ кажется, что я и въ эту минуту слышу смѣхъ и крики. Не обижайтесь, но мнѣ думается иногда, что вы рѣдко находились въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ.

— Почти никогда... Очутившись въ ихъ обществѣ, я становлюсь такимъ неуклюжимъ, что надо мной смѣются.

— Надъ вами? Не могу себѣ даже представить человѣка болѣе или менѣе воспитаннаго, который не любовался бы вами!..

— Осторожно!—воскликнулъ Свирскій,—схвативъ за руку Ядвигу, которая поскользнулась и чуть не упала.

— Благодарю васъ,—сказала она, стряхивая снѣгъ съ рукавовъ.—Вы очень добры...

— Я только благодаренъ. Вы помните ту минуту, когда Дембовскій спросилъ, ѣхать ли мнѣ въ Галицію или оставаться здѣсь?..

— Помню: я сказала, что вы должны остаться,—отвѣтила смущенная Ядвига.

— И вы убѣжали изъ комнаты? Вашей слезы я никогда не забуду...

— Только одной слезы?..—прервала его Ядвига.—Я плакала тогда, какъ дитя, вспомнивъ несчастнаго Ендржейчака... Боже! какой онъ герой! Погибъ, чтобы не выдать вашихъ собраній... И этотъ старый Дембовскій смѣлъ убѣждать васъ

оставить преслѣдуемыхъ товарищей, не взирая на жертву Енджейчака!..

— Напрасный трудъ!

— Я думаю, — прошептала Ядвига — Послѣ минутнаго молчанія она прибавила:—Вы не повѣрите, какъ часто я ломаю голову надъ вопросомъ, почему столько интеллигентной молодежи присоединилось къ революціи?

— Которой не существуетъ, какъ увѣряетъ Дембовскій...

— Ахъ, этотъ Дембовскій! На мой взглядъ учащаяся молодежь обязана прежде всего заняться обученіемъ народа.

— Были такіе, которые учили, но неизбѣжны и такіе, для которыхъ винтовка въ настоящее время представляется болѣе подходящимъ оружіемъ свободы, чѣмъ книга. Во мнѣ же воспитывали солдата, но нѣкоторыхъ моихъ товарищей революціонный союзъ спасъ отъ великаго преступленія, если не подлости...

— Не понимаю!—возразила Ядвига, удивленно глядя ему въ глаза.

— Вы сейчасъ поймете!—продолжалъ Свирскій.—Меня охватываетъ ледяной холодъ, когда я начинаю говорить о подобныхъ гнусностяхъ.. Въ гимназіи былъ инспекторъ, съ особенною ненавистью преслѣдовавшій поляковъ. Онъ подслушивалъ польскіе разговоры, конфисковалъ польскія книги, польскій языкъ называлъ свинскимъ, а такъ называемыхъ „бунтовщиковъ“ сажалъ въ карцеръ, сбавлялъ имъ отмѣтки по поведенію, затруднялъ переводъ въ слѣдующій классъ, даже выгонялъ изъ гимназіи... Все это увѣнчивалось организаціей такого шпіонства, что товарищи перестали довѣрять другъ другу. Какъ видите, онъ воспитывалъ въ насъ рѣшительныхъ заговорщиковъ... Буду краткокъ... Почтецный инспекторъ довелъ молодежь до того, что нѣсколько человѣкъ составили заговоръ... И знаете ли, съ какой цѣлью?

— Убить его?..

— Нѣтъ! Убить его дочь, которую онъ очень любилъ...

— Іисусъ, Марія!

— Видите, какъ въ насъ развивали нравственность,— продолжалъ Свирскій.

— Что же было дальше?

— Къ счастью, объ этомъ узналъ одинъ студентъ университета, русскій, сказавшій заговорщикамъ кратко: „Вы глупы! Если вы убьете его дочь, онъ тотчасъ получитъ орденъ, повышеніе и скоро утѣшится... Если убьете его, то на это мѣсто найдется другой, еще большій негодяй... Слѣдовательно, лучше позаботиться объ ниспроверженіи всей си-

стемы, воспитывающей подобныхъ людей"... Но и тогда большое количество нашихъ товарищей вступило въ заговоръ, противъ котораго выступилъ нашъ союзъ рыцарей свободы... Мы тоже хотимъ бороться, но открыто, честно... не бомбой или браунингомъ.. не изъ-за угла...

— Но возможна-ли подобная борьба теперь?—спросила Ядвига.

— Я не приму участія въ иной борьбѣ,—рѣшительно отвѣтилъ Свирскій.

Они вернулись на дорогу. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они услыхали чей-то плачъ, и изъ-подъ куста можжевельника выползъ къ нимъ небольшой, очень оборванный и худой мальчикъ, который со слезами сталъ просить у нихъ чего-нибудь поѣсть.

— Хоть корочку хлѣба, хоть ложку теплой воды,—плакалъ онъ.

Панна Ядвига велѣла ему слѣдовать за ними въ Лѣсничовку. По дорогѣ онъ разсказалъ, что идетъ изъ села Глусковъ по направленію къ Желѣзнымъ Гутамъ искать работы. Отца его посадили въ тюрьму за „политику", мать больна и дома осталось еще трое дѣтей.

— Я думалъ, что замерзну здѣсь,—плакалъ онъ,—но Богъ послалъ васъ и, можетъ быть, я не пропаду...

— Если бы наше государственное хозяйство шло иначе, мы не натолкнулись бы на подобный фактъ...—пробормоталъ Свирскій.

— Дѣти, старцы, калѣки, всю жизнь работавшіе для общества, гибнутъ въ нуждѣ,—прибавила Ядвига.—Вы прославляете войско, а, мнѣ кажется, не будь войска—не было бы и нужды, которую мы безпомощно наблюдаемъ...

Свирскій молчалъ. Когда они пришли въ Лѣсничевку, Ядвига передала бѣднаго мальчика кухаркѣ, приказавъ его накормить, а сама пошла къ Линовской съ просьбой дать ему какого-нибудь бѣлья. Черезъ часъ маленькій бродяга по имени Стасекъ отлично поѣлъ, умылся, кое какъ пріодѣлся и получилъ довольно хорошіе сапоги. Ему позволили переночевать, а Свирскій подарилъ ему рубль. Стасекъ разсыпался въ благодарности и благословеніяхъ не хуже патентованнаго нищаго.

День былъ полный приключеній.

Вечеромъ пріѣхалъ помощникъ лѣсничаго панъ Вильчекъ, живущій въ глубинѣ лѣса, и разсказалъ, что въ Новый годъ у него были необыкновенные гости... Его провѣдали господа изъ „партіи"...

Обѣ дамы и Свирскій слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Было такъ, — разсказывалъ Вильчекъ. — Я послалъ Франека за Юзей въ конюшню. . Жду—нѣтъ ни того, ни другого... Я подумалъ: хорошо они, бестіи, начинаютъ Новый годъ... и вышелъ изъ дому. На встрѣчу мнѣ, словно изъ-подъ земли, выросъ огромный мужчина съ револьверомъ въ рукѣ и говоритъ: „Здравствуйте, господинъ лѣсничій!.. Мы пришли васъ поздравить, а вы насъ за это угостите"... Но что мнѣ много разсказывать: за первымъ показалось еще трое очень молодыхъ юношей, они провели у меня весь день... ѣли... пили... Правда, они не взяли у меня ни гроша и даже оружія не отняли.

— Вы разговаривали съ ними? — спросила пани Линовская.

— Такъ же, какъ теперь съ вами. Разсказывали, что они принадлежатъ къ большой революціонной партіи, что пройдетъ день... много недѣля и они пойдутъ на губернскій городъ, оттуда на крѣпость... Уже большая часть войска — говорили они — за нихъ, а во всей Россіи революція „кипитъ... Жгутъ усадьбы... отнимаютъ у шляхты землю.

— Хороша революція!—возразилъ Свирскій.—Вы говорите, что первый, попавшійся вамъ навстрѣчу, былъ огромный мужчина... Не помните-ли его лица?..

— О! я вижу его до сихъ поръ передъ собой.—Лицо полное, свѣжее, румяное, съ черною растительностью; грубый голосъ и простая рѣчь, хотя и былъ одѣтъ шляхтичемъ!..

— Что-то похожъ на Зайца,—подумалъ Казимиръ и прибавилъ вслухъ:

— А другія лица вы не помните?

— Помню. Сейчасъ опишу вамъ. Одинъ былъ невысокій, рыжеватый съ голубыми глазами... страшный энтузіастъ... Ему лишь бы драться!..

— Лисовскій...—подумалъ Казимиръ.

— Второй былъ немного выше ростомъ, худой, шатенъ... Этотъ былъ солиднѣе всѣхъ, и я замѣтилъ, что онъ щуритъ одинъ глазъ...

Казимиръ вскочилъ со стула. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но съ трудомъ воздержался и подумалъ:

— Или это Хружановскій... или... я схожу съума!

Линовская, не поднимая головы, внимательно присматривалась къ Свирскому. Но Вильчекъ не замѣтилъ волненія своего слушателя и продолжалъ:

— Меньше всего .. то-есть вовсе не понравился мнѣ третій, большой верзила съ блѣднымъ налитымъ лицомъ и угрюмымъ взглядомъ. Минутами онъ производилъ впечат

лѣніе отяжелѣвшаго, а временами былъ гибокъ, какъ котъ. Скажу вамъ, господа, откровенно: я не желалъ бы встрѣтиться съ этимъ франтомъ съ глазу на глазъ въ лѣсу...

На лицѣ Свирскаго выступилъ яркій румянецъ. Онъ былъ почти увѣренъ, что третій былъ Старка, а всѣ трое были его товарищами, о которыхъ онъ безпокоился и изъ-за которыхъ остался здѣсь. Съ другой стороны, его поразила наблюдательность Вильчека.

— Сколько горя онъ могъ бы причинить, если бы захотѣлъ!..—подумалъ Казимиръ. Но на привѣтливомъ лицѣ помощника лѣсничаго было почти написано, что онъ не сдѣлаетъ зла никому.

Подали чай и одновременно привезли изъ Желѣзныхъ Гутъ письма отъ стараго Линовскаго и Владека. Одно изъ писемъ было адресовано Свирскому.

„Мой дорогой,—писалъ Владекъ,—я прошу тебя еще разъ, умоляю пріѣхать въ Груду хотя бы на нѣсколько часовъ. Дорога въ этихъ мѣстахъ совершенно безопасна. А сколько ты услыхалъ бы здѣсь новаго! Скажу тебѣ два слова: галичане увѣрены, что революціонное движеніе и стачки организуются у насъ нѣмецкими агентами для того, чтобы подчинить нашъ край нѣмецкому владычеству или, по меньшей мѣрѣ, ослабить насъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніи. Остальное ты самъ поймешь“...

Послѣ отъѣзда Вильчека панна Ядвига ушла въ кухню, откуда вернулась смущенная.

— Не появилась-ли у насъ „партія“?—спросилъ съ усмѣшкой Свирскій.

— А вы знаете, что этотъ будто бы бѣдный мальчикъ, Стасекъ, убѣжалъ?..

— И, вѣроятно, укралъ что-нибудь,—прибавилъ Свирскій.

— Хуже! онъ разспрашивалъ нашихъ работниковъ, сколько въ домѣ мужчинъ, оружія? ночуютъ-ли у насъ лѣсники... Но хуже всего,—прошептала Ядвига,—что наша мужская прислуга ничего намъ не сказала объ этомъ и, быть можетъ, даже содѣйствовала бѣгству этого негодяя, который—замѣтьте,—угощалъ ихъ водкой!.. Этотъ несчастный нищій, этотъ оборванецъ, котораго мы пріютили, носилъ съ собой водку! Говоря откровенно, я боюсь, не былъ-ли это шпіонъ какихъ-нибудь грабителей и не нападутъ-ли на насъ! То же предполагаетъ и Рузя...

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ... ночевать въ кабинетѣ пана Линовскаго?—спросилъ, покраснѣвъ, Свирскій.

Панна Ядвига удалилась для совѣта съ Линовской, вскорѣ

вернулась и объявила Казимиру, что онѣ соглашаются на его предложеніе.

На прощанье, она сказала ему комплиментъ:

— Вотъ вы молоды, а мы съ пани Линовской чувствуемъ себя въ большей безопасности, когда вы внизу... Вы не оставили бы насъ...

— Я предпочелъ бы погибнуть, нежели бросить во время опасности васъ... и пани Линовскую, которой я обязанъ замѣнить сына,—быстро проговорилъ онъ.

Прежде чѣмъ лечь спать, Свирскій пошелъ на кухню съ цѣлью разузнать что-нибудь о бѣгствѣ Стаська. Но работники молчали и даже украдкой многозначительно переглядывались. Кандидатъ въ вожди ушелъ отъ нихъ разгнѣванный. Онъ ясно понялъ въ эту минуту, что ни вѣжливость, ни щедрыя подачки не могли снискать ему довѣріе прислуги. Очевидно, въ ихъ настроеніи за послѣднее время произошла какая-то перемѣна. Какъ пани Линовская, такъ и Ядвига, одинаково утверждали, что до сихъ поръ дѣвушки и работники въ Лѣсничовкѣ отличались не только честностью, но и искреннею привязанностью къ своимъ кормильцамъ.

— Линовскіе ихъ не обижали,—думалъ Свирскій,—смотрѣли на нихъ, какъ на членовъ семьи, лѣчили, учили и, несмотря на это, — не могутъ разсчитывать на ихъ преданность.

Вернувшись въ кабинетъ, гдѣ ему было постлано на широкомъ диванѣ, Свирскій осмотрѣлъ браунингъ и, вмѣстѣ съ нѣсколькими запасными обоймами, положилъ подъ подушку. При мысли, что разбойники могутъ на нихъ напасть, онъ почувствовалъ пріятную дрожь въ тѣлѣ. Наконецъ, онъ очутится хоть разъ въ дѣйствительной опасности и услышитъ свистъ пуль, выпущенныхъ не шутки ради!.. А если бы онъ погибъ, защищая женщинъ въ присутствіи панны Ядвиги, развѣ это не была бы прекрасная смерть?.. О! смерть! Она страшна только для тѣхъ, кто ея боится! Пусть она придетъ, пусть заглянетъ ему въ глаза и тогда увидимъ, кто испугается.

Онъ погасилъ огонь. Гдѣ-то, близь деревни, стала лаять собака... другая...

Вскорѣ глубокимъ басомъ отозвались дворовые псы... На дорогѣ какъ бы послышался топотъ лошадей, затѣмъ шумъ шаговъ во дворѣ и какъ бы легкій стукъ въ двери... Свирскій поднялъ голову съ подушки, зажалъ въ рукѣ браунингъ и ждалъ, ждалъ, полный радостнаго волненія...

„Если я попаду въ двухъ, трехъ -- остальные обратятся въ бѣгство,—думалъ онъ.—А я могу попасть, ибо не буду стрѣлять на обумъ... А! А! да здравствуетъ война! да

здравствуютъ грабители!“ И среди подобныхъ, пріятно волнующихъ мыслей, онъ уснулъ крѣпко, какъ мертвый.

Когда онъ проснулся, солнце было уже высоко и его ждалъ кофе. Около полудня пришелъ лѣсникъ Лоховскій и объявилъ, что евреи ему разсказывали, будто въ Желѣзныхъ Гутахъ случилось что-то неладное. Послѣ обѣда пріѣхалъ мальчикъ изъ Желѣзныхъ Гутъ и отдалъ Свирскому письмо, въ которомъ кассиръ сообщалъ:

„Секретарь убитъ. Большая печь погашена — забастовка“...

Казимиръ выбѣжалъ на дворъ и схватилъ обѣими руками за плечи мальчика.

— Что у васъ творится? — спросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Ничего, сударь, — отвѣтилъ перепуганный мальчикъ.

— Правда-ли, что убили секретаря?

— Правда... Но это было сдѣлано по принужденію... И печь погасить тоже заставили...

Свирскій стоялъ неподвижно. Временами ему казалось, что изъ головы его улетучились всѣ мысли, какъ вспугнутыя птицы.—То онъ снова чувствовалъ наплывъ вопросовъ, образовъ, предчувствій... Онъ сталъ бояться за свой разсудокъ.

Секретарь.. секретарь убитъ! Тотъ, который располагалъ рабочихъ къ ученію, организаціи союзовъ, тотъ, который пользовался ихъ довѣріемъ... Тотъ самый, которому онъ, Свирскій, ручался за его безопасность!..

И если могли убить такого человѣка, то кто же въ настоящее время можетъ быть спокойнымъ за свою жизнь? А если всѣ потеряютъ чувство безопасности, то что будетъ съ народомъ?

Свирскій когда то читалъ, что однимъ изъ самыхъ деморализующихъ явленій природы является землетрясеніе. Говорятъ, что страшнѣе всего потеря увѣренности въ незыблемости почвы, по которой мы ходимъ, на которой живемъ и которая до сихъ поръ представлялась намъ чѣмъ то самымъ непоколебимымъ, самымъ вѣрнымъ!.. Подобныя чувства онъ испытывалъ самъ въ эту минуту. Онъ зналъ и раньше, что, когда живешь среди людей, могутъ ограбить, обидѣть, убить, какъ и на твердой землѣ можно неосторожно наткнуться на камень или упасть въ яму.. Но, помимо такого рода случайностей, общественный строй представлялся ему чѣмъ-то прочнымъ, непоколебимымъ, чѣмъ-то вполнѣ безопаснымъ, а люди, живущіе обществомъ,—существами, достойными довѣрія. И только невозможное, невѣроятное, по крайней мѣрѣ для Свирскаго, убійство секретаря подѣйствовало на него,

какъ взрывъ мины, потрясло его вѣру въ общество, что то перевернуло и даже вовсе уничтожило въ его душѣ. А что именно... онъ еще не отдавалъ себѣ отчета.

Ему стало холодно, и онъ только теперь замѣтилъ, что стоитъ на дворѣ въ курткѣ и безъ шапки. Вдругъ онъ вспомнилъ, что нужно вѣдь сообщить женщинамъ о несчастномъ случаѣ. Но какъ сказать Линовской, что человѣка, котораго она встрѣчала нѣсколько лѣтъ, знала и любила; человѣка, который десять дней тому назадъ былъ у нея въ сочельникъ и такъ недавно разговаривалъ съ ней—теперь нѣтъ въ живыхъ... Его убили по приговору какого-то политическаго или разбойничьяго комитета!..

Свирскій не пошелъ въ кабинетъ, сосѣдній съ комнатой Линовской, а на верхъ, гдѣ спалъ раньше и теперь бывалъ только днемъ. Панна Ядвига замѣтила его разговоръ съ мальчикомъ изъ Гутъ. Что-то поразило ее и она побѣжала за Казимиромъ. Они встрѣтились въ сѣняхъ. Свирскій такъ измѣнился въ лицѣ, что Ядвига не рѣшилась задать ему вопросъ.

„Можетъ быть, онъ получилъ плохую вѣсть изъ дому, а можетъ быть, изъ Груды?“

Она молчала и только смотрѣла ему испуганно въ глаза.

— Секретарь убитъ!—прошепталъ Казимиръ, — въ Гутахъ забастовка.

— Секр... секретарь?—переспросила она такимъ же тономъ.—Но вѣдь онъ былъ у насъ...

— У-битъ!—повторилъ Свирскій.

Ядвига, дрожа, схватила его за руку.

— Но вѣдь онъ былъ у насъ... Когда же? Вѣдь намедни?..

— Какъ сообщить объ этомъ пани Линовской? — спросилъ Казимиръ.

Ядвига крѣпко задумалась, сжала руками голову и сказала:

— Не знаю... Мнѣ кажется, нужно ей лучше всего сказать прямо... У нея нехрупкое сердце...

— Такъ вы и сдѣлайте это... У меня не хватаетъ храбрости и... я удираю на верхъ... А вотъ и письмо кассира...

Онъ сунулъ Ядвигѣ въ руку записку и, не оглядываясь, взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Въ комнаткѣ онъ бросился на сѣнникъ, покрытый попоной, и старался нѣкоторое время ни о чемъ не думать, чувствуя, что размышленіе причиняетъ ему почти физическую боль... И неудивительно: въ душѣ произошло какъ бы землетрясеніе, которое поглотило множество понятій, вѣрованій,

много надеждъ и прежде всего—эти многочисленныя, прекрасныя войска, которыя жили въ его снахъ на яву!

Исчезла храбрая пѣхота въ сѣрыхъ блузахъ съ желтыми и красными погонами, во французскихъ кэпи, съ отличными скорострѣльными винтовками...

Исчезли пушки на синихъ лафетахъ и оркестръ, игравшій: „Къ оружію, народы!“

Все исчезло, потому что въ душѣ Свирскаго разсыпалась въ прахъ вѣра въ возможность подобныхъ событій.

Лежа, онъ закрылъ глаза, и вдругъ ему показалось, что передъ нимъ стоитъ нѣкто, точно Дембовскій... Казимиръ былъ очень отваженъ, но на этотъ разъ крѣпче зажмурилъ глаза... Онъ подумалъ, что если, въ самомъ дѣлѣ, увидитъ кого-нибудь среди бѣла дня и въ пустой комнатѣ,—то, значитъ, у него начались галлюцинаціи и онъ сходитъ съ ума.

А пока упомянутый нѣкто, безцвѣтный и безформенный, говорилъ монотоннымъ и скучнымъ голосомъ:

— Если пани Линовская не можетъ разсчитывать на своихъ работниковъ, съ которыми сжилась за нѣсколько лѣтъ, то какимъ образомъ твои офицеры будутъ довѣрять неизвѣстнымъ имъ солдатамъ? Если прислуга скрываетъ отъ Линовской посѣщенія и подстрекательства агитаторовъ,—кто можетъ быть увѣренъ, что наши солдаты не вздумаютъ прятать въ обозѣ измѣнниковъ и постороннихъ шпіоновъ?.. Если фабричные рабочіе убиваютъ честныхъ служащихъ, кто поручится, что ваши солдаты не станутъ убивать своихъ офицеровъ? Что тогда будетъ съ войскомъ, которое ты намѣренъ создать? Будетъ ли оно одерживать побѣды и не превратится ли въ армію грабителей, которые будутъ грабить и жечь усадьбы, красть въ лѣсахъ деревья и отнимать трехрублевки у бѣдныхъ лѣсниковъ? А, въ такомъ случаѣ, не подвергнешься ли ты, желающій сформировать, подобную армію,—проклятію цѣлаго народа и вѣчному позору? Ибо, въ самомъ дѣлѣ, еще не было человѣка, который бы собралъ, вооружилъ и вымуштровалъ толпу разбойниковъ, чтобы выпустить ихъ противъ собственной родины!..

— Но вѣдь я и не думалъ о разбойникахъ,—простоналъ Свирскій.—Я организовалъ союзъ рыцарей свободы, которые завоевали бы для страны свободу и покрыли бы ее вѣчной славой... Я желалъ создать геровъ, передъ которыми поблѣднѣло бы мужество японцевъ... Не всякому можно дать въ руки оружіе... Нельзя учить военному искусству людей, которые могутъ завтра воспользоваться имъ для личныхъ цѣлей для матеріальныхъ выгодъ, для господства надъ другими, для мести...

Свирскій вскочилъ съ постели. Въ комнатѣ никого не

было, но въ душѣ молодого человѣка произошелъ большой переворотъ. Свирскій почувствовалъ, что съ этой минуты онъ уже не можетъ больше мечтать о войскѣ, и что вся его предыдущая дѣятельность, будто бы политическая, — станетъ для него источникомъ страшныхъ угрызеній совѣсти...

— Что я сдѣлалъ?.. Что я сдѣлалъ!.. — шепталъ онъ въ отчаяніи.—Брыдзинскій и Ендружейчакъ погибли... Старка, Хрусановскій и Лисовскій скитаются подъ страхомъ тюрьмы, можетъ быть, и петли... Линовскій тяжело заболѣлъ... А что сказать о тѣхъ рабочихъ, которые были со мной въ Соломянкахъ, а теперь, быть можетъ, уже стали разбойниками?.. Надо мной проклятье...

Онъ не думалъ о собственной участи, о своей будущности... Онъ только чувствовалъ мракъ вокругъ себя, а въ себѣ отсутствіе—всякой надежды и начиналъ завидовать Владеку, что онъ такъ легко проникся новыми взглядами и намѣреніями.

— Конечно, онъ будетъ учиться, а я?

Къ счастью, измученный, онъ уснулъ, и это его успокоило.

Подъ вечеръ пріѣхалъ панъ Клеменсъ. Онъ быстро поздоровался съ Линовской и панной Ядвигой и изъявилъ желаніе поговорить со Свирскимъ. Они усѣлись въ кабинетѣ у противоположныхъ сторонъ чернаго письменнаго стола. Гостю какъ-то трудно было начать разговоръ. Свирскій машинально присматривался къ нему, думая о чемъ то другомъ. Тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ, что панъ Клеменсъ красивъ. Онъ, правда, немного плѣшивъ, но у него правильныя черты лица, красивые усики и голубые холодные глаза.

— Онъ женится на Ядвигѣ,—сказалъ про себя Свирскій и почувствовалъ тупую боль въ сердцѣ.

— Въ Сверкахъ забастовка,—началъ глухимъ голосомъ панъ Клеменсъ.

— Неужели?—спросилъ Казимиръ такъ равнодушно, что его собесѣдникъ удивился.

— Забастовка очень остраго характера,—продолжалъ панъ Клеменсъ.—Рабочіе не молотятъ, не кормятъ и не поятъ скотъ... Сожгли двѣ скирда пшеницы...

— Вотъ какъ!—пробормоталъ Свирскій.—Ѣду туда!..

— Я не посмѣлъ бы... то есть... не совѣтую ѣхать... Въ каждомъ фольваркѣ стоятъ казаки и стражники...

— Что они дѣлаютъ?

— Кормятъ скотъ... караулятъ...

— Но развѣ они не явились туда арестовать меня?..—сказалъ нѣсколько повышеннымъ голосомъ Свирскій.

— Нѣтъ! Ихъ вызвалъ панъ Свирскій...

— Мой дядя? Для чего?

— Панъ Свирскій рѣшилъ, несмотря на то, что это произведетъ непріятное впечатлѣніе на сосѣдей, поставить своихъ работниковъ въ лучшія условія, нежели они требуютъ но... прежде онъ долженъ убѣдить ихъ, что онъ—панъ и они должны его слушать.. А такъ какъ ему грозили смертью, то...

— Онъ пригласилъ стражниковъ и казаковъ?—продолжалъ Казиміръ,—я предпочелъ бы, чтобы споръ былъ разрѣшенъ другимъ способомъ...

— Вы правы!—сказалъ гость.—Эти казаки не нужны... Завтра я буду въ Сверкахъ: тамъ продается котелъ... Если у васъ есть дѣло...

Казимиръ вскочилъ со стула.

— Можетъ быть, вы будете любезны передать дядѣ письмо?—спросилъ онъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

Панъ Клеменсъ отправился къ Линовской Свирскій написалъ дядѣ:

„Дорогой дядя! Прежде всего осмѣливаюсь просить васъ объявить прислугѣ о вашихъ по отношенію къ ней намѣреніяхъ, которыя практичны и, какъ всегда, благородны. Затѣмъ хорошо было бы, дорогой дядя, отказаться отъ помощи казаковъ, изъ за которыхъ я даже не могу попасть въ Сверки, хотя очень желалъ бы этого. Вторая просьба: дражайшій! прошу денегъ... Но мнѣ нужно много... нѣсколько тысячъ рублей! Ибо, повидимому, мнѣ придется уѣхать отсюда на нѣкоторое время... и не одному... Цѣлую руки дорогого дяди и прошу вашего снисхожденія.—Казя".

Когда во время ужина Свирскій передалъ письмо, панъ Клеменсъ, подумавъ, сказалъ:

— Завтра я буду въ Сверкахъ... Если и меня кто-нибудь не убьетъ, какъ благороднаго секретаря... то послѣ завтра, надѣюсь, вручить вамъ отвѣтъ...

— Мнѣ онъ очень нуженъ... Скажите дядѣ.

Наступившую ночь и слѣдующій день Свирскій провелъ почти въ лихорадкѣ...

Онъ былъ увѣренъ, что дядя пришлетъ три-четыре тысячи рублей, которые дадутъ ему возможность вполнѣ осуществить его новыя планы.

Онъ рѣшилъ присоединиться къ партіи Зайца или Заіончковскаго, такъ какъ былъ почти увѣренъ, что тамъ онъ найдетъ своихъ товарищей—скитальцевъ.

Онъ еще рѣшилъ предложить всѣмъ на нѣкоторое время оставить родину и дать на это денегъ. Кто согласится

уѣхать, тому Свирскій будетъ помогать до пріисканія работы; кто же не захочетъ—пусть беретъ вину на себя... Когда все это уладится, Казимиръ можетъ и самъ уѣхать въ Галицію или еще дальше за границу.

— Я предпочитаю употребить все свое состояніе на стипендіи для студентовъ и ремесленниковъ, чѣмъ на организацію партіи изъ военныхъ, приносящихъ только несчастіе народу,—говорилъ онъ про себя.

Послѣ этихъ соображеній онъ вздохнулъ свободно.

Черезъ сутки пріѣдетъ панъ Клеменсъ, привезетъ отъ дяди деньги или, покрайней мѣрѣ, укажетъ Свирскому, куда за ними обратиться... Черезъ нѣсколько дней онъ разузнаетъ о партіи Зайца или Заіончковскаго и условится съ товарищами. А черезъ недѣлю... черезъ недѣлю онъ будетъ вполнѣ счастливъ!.. Онъ оставитъ ложный путь, на который, не извѣстно, какимъ образомъ, попалъ, и уведетъ за собой товарищей, которыхъ туда привелъ...

Вдругъ въ немъ поднялся протестъ.

— Развѣ дѣйствительно я ихъ втянулъ?

Вѣдь я не старше ихъ и не могу сказать, чтобы они меня всегда слушали... Умѣли они, голубчики, и протестовать, и какъ еще! А этотъ Старка! сколько онъ наговорилъ мнѣ дерзостей! Хрусановскій и Лисовскій, правда, относились ко мнѣ болѣе сочувственно, нежели Старка, но ни въ какомъ случаѣ не позволили бы водить себя за носъ...

Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ мыслей, онъ все болѣе и болѣе успокаивался. Его любимыя мечты объ организаціи арміи и надежды одержать во главѣ ея небывалыя побѣды блѣднѣли, разсыпались. Вмѣсто нихъ, его все больше захватывали стремленія отыскать товарищей и выслать ихъ за границу. Онъ представлялъ себѣ поиски въ лѣсахъ, и какъ онъ будетъ ихъ убѣждать и подъ вліяніемъ его рѣчей даже самъ Заіончковскій броситъ свое ремесло!..

Но панъ Клеменсъ не пріѣхалъ въ назначенный срокъ въ Лѣсничовку, и въ душѣ Свирскаго дрогнуло безпокойство. Можетъ быть, панъ Клеменсъ не былъ въ Сверкахъ? или потерялъ письмо?.. А можетъ быть, онъ подвергся нападенію грабителей и у него отняли деньги?.. А можетъ быть, дядя...

— Что же можетъ случиться? — говорилъ онъ себѣ. — У дяди можетъ въ эту минуту не оказаться денегъ... онъ можетъ побранить меня письменно за то, что я принялъ участіе въ рискованныхъ похожденіяхъ...

Но Казимиру и въ голову не приходило, чтобы дядя могъ отказать ему въ деньгахъ въ то время, когда онъ для безопасности долженъ уѣхать за границу.

XII.

Только на третій день въ полдень пріѣхалъ Клеменсъ и съ нѣсколько торжественнымъ видомъ.

Но день былъ прекрасный и только полчаса тому назадъ Казимиръ вернулся съ прогулки въ обществѣ Ядвиги и былъ въ отличномъ настроеніи.

— Вы видѣли дядю?—воскликнулъ онъ весело.—У васъ есть письмо?

— Есть,—сухо отвѣтилъ Клеменсъ и вынулъ маленькій квадратный конвертъ съ гербомъ.

Они стояли на дворѣ и направились къ кабинету Липовскаго. Казимиръ сталъ разрѣзывать конвертъ, но, присмотрѣвшись къ Клеменсу, нерѣшительно спросилъ:

— Извините, но... я чувствую, что вы какъ бы чѣмъ-то недовольны... Надѣюсь, не по моей винѣ?

— Не сердитесь, пожалуйста,—отвѣтилъ панъ Клеменсъ,—но вторично я не взялъ бы на себя подобной миссіи. Графъ (дядю Свирскаго называли графомъ всѣ служащіе во всей губерніи) графъ умѣетъ иногда быть рѣзкимъ...

— Онъ оскорбилъ васъ... по моей винѣ?—спросилъ смущенно Свирскій.

— Оскорбить—не оскорбилъ!.. Впрочемъ, для васъ я пошелъ бы и на большія непріятности, такъ какъ надѣюсь что... мы устроимъ вмѣстѣ съ вами одно дѣло.

Въ кабинетѣ Казимиръ подошелъ къ окну и сказалъ:

— Съ удовольствіемъ... попробую вести съ вами дѣла... Вы позволите?—прибавилъ онъ, вынимая письмо.

— Пожалуйста, читайте... А я пойду поздороваться съ дамами...

Казимиръ развернулъ бумагу и прочиталъ:

„Что касается земскихъ стражниковъ, которые такъ возмущаютъ господина реформатора, то, съ вашего разрѣшенія, я буду прибѣгать къ помощи полиціи всякій разъ, когда я найду это нужнымъ, а не мой воспитанникъ. Что же касается рабочихъ, то вы, господинъ реформаторъ, будете съ ними обращаться и вознаграждать ихъ согласно своему желанію, но не раньше, чѣмъ управленіе имѣніями перейдетъ въ ваши руки и на вашу отвѣтственность. А до тѣхъ поръ я буду дѣйствовать по своей системѣ, основанной не на реформаторскихъ лозунгахъ, а на знаніи людей и многолѣтнемъ опытѣ.

„Наконецъ, о деньгахъ... Я отдамъ господину реформатору не только двѣ тысячи, но и всѣ принадлежащія ему деньги

подъ однимъ только условіемъ: соблаговолите, господинъ реформаторъ, представить мнѣ документъ, признающій васъ совершеннолѣтнимъ и полноправнымъ гражданиномъ. Я долженъ напомнить господину реформатору, что для полученія подобнаго документа требуется не только мое согласіе, которое я готовъ дать немедленно, но еще необходимо уладить недоразумѣнія съ мѣстными властями, которыя болѣе десяти дней усердно разыскиваютъ господина реформатора, обвиняемаго... въ чемъ?.. я даже не смѣю и не хочу догадываться.

Презираемый дядя Викентій Свирскій".

Казимиръ прочиталъ письмо разъ, другой, точно хотѣлъ открыть тайну, сокрытую подъ его грубой формой.

Когда черезъ четверть часа панъ Клеменсъ вошелъ въ кабинетъ, то не могъ не изумиться. Ему показалось, что Свирскій похудѣлъ и глаза его ввалились.

— Дядя здоровъ?—спросилъ Казимиръ.

— И какъ еще!

— А стражники все еще въ Свиркахъ?

— И казаки... Они и не думаютъ уходить.

— А какое дѣло у васъ было ко мнѣ?—спросилъ черезъ минуту Казимиръ.

— Очень важное,—отвѣтилъ Клеменсъ.

Онъ заглянулъ въ столовую, въ сѣни, затѣмъ подвинулъ Свирскому стулъ и самъ усѣлся на другомъ.

— Вы знаете, въ какомъ положеніи страна, — сказалъ вполголоса Клеменсъ.—Городская прислуга не хочетъ работать, рабочіе говорятъ, что будутъ владѣльцами фабрикъ, а по деревнямъ снуютъ агитаторы, старающіеся вызвать забастовку на мызахъ и убѣждающіе крестьянъ завладѣть помѣщичьей землей. Вы понимаете, къ чему это можетъ привести насъ?

— Я думаю объ этомъ еще съ праздниковъ,—пробормоталъ Свирскій.

— А вамъ извѣстно, что противодѣйствующіе подлому дѣлу неизвѣстныхъ агитаторовъ рискуютъ своею жизнью?.. Секретарь управленія Желѣзныхъ Гутъ... вы знаете?

— Знаю, за что онъ убитъ... Я оцѣпенѣлъ, узнавъ объ этомъ позорномъ преступленіи.

— И вы ничего не предприняли?

Свирскій повернулся къ нему вмѣстѣ со стуломъ.

— Что же я могу предпринять?

— Очень многое,—сказалъ Клеменсъ.—Въ нашей округѣ да и во всей странѣ—учреждается союзъ самообороны изъ всѣхъ порядочныхъ людей и поляковъ. Вы съ вашей отва-

гой, способностями... вы могли бы оказать много услугъ... Вы могли бы пока встать во главѣ организаціи нашего уѣзда, а позже добились бы большаго... Убитый секретарь возлагалъ на васъ большія надежды, и поэтому, мнѣ кажется, только вы могли бы отомстить...

Свирскій оперся локтемъ на письменный столъ и закрылъ лицо рукой.

— Намъ извѣстно, что у васъ есть отважные товарищи... у васъ имѣются сторонники по деревнямъ и городамъ... есть оружіе... Что касается денегъ, то мы соберемъ, дадимъ вамъ еще вѣрныхъ людей, и оружіе найдется... Лишь бы какъ можно скорѣе и энергичнѣе взяться за преслѣдованіе этой сволочи...

— Какой?—быстро спросилъ Свирскій.

— Конечно, разбойниковъ и агитаторовъ... Мы напали на слѣды: за тѣми и другими скрывается кто-то третій...

Свирскій откинулся на спинку стула и положилъ обѣ руки на край стола.

— Мнѣ не ясна моя роль въ этомъ дѣлѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Но это очень ясно... Прежде всего, нужно ихъ выслѣдить...

— А потомъ?

— А потомъ истребить...

— Т. е., сначала сыграть роль сыщика, а потомъ—палача?—спросилъ Свирскій.

Клеменсъ метнулся на стулѣ.

— Простите, служить родинѣ бываетъ иногда трудно...—сказалъ онъ.

— Знаю... но я не берусь за это... Подумайте только: я долженъ быть или... тѣмъ, или... другимъ... И я еще долженъ склонить къ этому товарищей, которые два года совершенствовались въ союзѣ рыцарей свободы... Прошу васъ,—подумайте только: я.. и рыцари свободы должны стать... тѣмъ... или другимъ?.. И даже неизвѣстно, которая изъ двухъ обязанностей хуже,—такъ какъ обѣ принадлежатъ къ самымъ сквернымъ...

Онъ говорилъ спокойно, какъ бы измученный, и только изрѣдка его голосъ прерывался.

Панъ Клеменсъ посмотрѣлъ на него... Вдругъ онъ всталъ и пожалъ его руку.

— Видите ли,—сказалъ онъ тихо,—вы очень благородный человѣкъ, но... страшный идеалистъ!.. Ну-съ, а такой идеалистъ не долженъ принимать участіе въ политикѣ, ибо онъ можетъ погибнуть безъ нужды, ничего не сдѣлавъ...

Послѣ этихъ словъ Клеменсъ удалился изъ кабинета, а Свирскій продолжалъ сидѣть безъ движенія. Этотъ панъ

Клеменсъ, скромный экономъ или управитель чужого имѣнія, вдругъ выросъ въ его глазахъ въ крупную фигуру.

— Интересно, что онъ изъ себя представляетъ?—подумалъ Свирскій.

Но, спустя минуту, онъ пожалъ плечами, рѣшивъ, что это дѣло вовсе не интересуетъ его. Панъ Клеменсъ,—повидимому, занимающій видное мѣсто въ умѣренной партіи уѣзда,—предложилъ ему должность сыщика и убійцы, ему, мечтавшему сдѣлаться вождемъ и воскресителемъ народа, преемникомъ Княжевичей, Хлопицкихъ, Домбровскихъ, даже Костюшки... Онъ, Свирскій, относившійся съ презрѣніемъ къ убійствамъ изъ-за угла и ужъ не думавшій никогда слѣдить за кѣмъ бы то ни было, онъ... станетъ уѣзднымъ... сыщикомъ, чѣмъ-то въ родѣ гончаго пса, который время отъ времени будетъ еще пользоваться правомъ или обязанностью убивать какого-нибудь агитатора или разбойника...

Такимъ образомъ, чей-то экономъ или управитель въ простотѣ души оскорбилъ его, какъ никто и никогда... Но—странное дѣло!—Свирскій отнесся къ этому равнодушно, такъ какъ даже неслыханное предложеніе пана Клеменса блѣднѣло передъ письмомъ дяди. Только это письмо и являлось для Казимира ударомъ, подъ тяжестью котораго онъ, лишенный поддержки, казалось, сталъ куда-то опускаться. Онъ еще разъ вынулъ изъ кармана злополучное письмо и сталъ снова перечитывать его, но уже не для ознакомленія съ его содержаніемъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться, что все это дѣйствительно было, что дядя въ самомъ дѣлѣ написалъ ему подобное письмо.. Онъ, Казимиръ, долженъ примириться съ властями, которыя ищутъ его болѣе десяти дней. Какимъ образомъ можетъ примириться съ властями человѣкъ, которому грозитъ висѣлица? Развѣ явиться въ охрану, разсказать исторію учрежденнаго имъ союза рыцарей свободы, выдать своихъ товарищей и всѣхъ этихъ приказчиковъ, мастеровъ, рабочихъ, писарей, лѣсниковъ, экономовъ, которые ему довѣряли, которые собирались создать армію подъ его командой!..

Правда, панъ Клеменсъ убѣждалъ его заняться выслѣживаніемъ и уничтоженіемъ, но—разбойниковъ и неизвѣстныхъ агитаторовъ. Между тѣмъ, дядя совѣтуетъ ему, для полученія его собственныхъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, выдать порядочныхъ людей, патріотовъ, готовыхъ на всякія жертвы и довѣрявшихъ ему. Вотъ что совѣтуетъ, чего требуетъ дядя!..

— Не помѣшался ли онъ...—подумалъ Казимиръ.—А, можетъ быть, это письмо поддѣльное... Но кто же его поддѣлалъ?

На мгновеніе у него блеснула мысль, что дядя хочетъ завладѣть его имѣніемъ... Но онъ тотчасъ же понялъ, что эта мысль не имѣетъ никакого основанія. Дядя не только отлично и съ возможной бережливостью управлялъ его собственностью и умножалъ ее, но и вовсе не скрывалъ, что все его имущество, послѣ его смерти, станетъ собственностью племянника его Казимира. Это было извѣстно роднѣ Свирскихъ, и нѣкоторые члены ея даже явно завидовали воспитаннику Викентія.

И этотъ дядя, воспитавшій его, вымуштровавшій, даже избаловавшій его, какъ только могъ, этотъ дядя, боровшійся при всякомъ удобномъ случаѣ за свободу, этотъ любимый, уважаемый дядя приказываетъ ему „уладить отношенія съ властями“ и ради этого сдѣлаться доносчикомъ и измѣнникомъ!..

Вслѣдствіе отказа въ деньгахъ Казимиръ очутился въ безвыходномъ положеніи. Какимъ способомъ онъ теперь освободитъ своихъ товарищей изъ партіи Зайца, если они находятся тамъ?.. И что въ такомъ случаѣ ему остается дѣлать съ собой? Но отказъ въ деньгахъ и грозящая опасность это—мелочи въ сравненіи съ серьезнымъ предложеніемъ дяди. Онъ долженъ примириться съ властями!.. А если бы онъ на самомъ дѣлѣ примирился, не выгналъ ли бы дядя его изъ дому?

Пока онъ такъ размышлялъ, опершись на письменный столъ и сжимая обѣими руками голову, тихо скрипнула дверь, и вошла Линовская.

— Что съ вами, панъ Казимиръ?..—спросила она сочувственно.

Онъ посмотрѣлъ на нее угасшимъ взоромъ и послѣ минутнаго колебанія подалъ ей письмо. Она прочитала и спокойно возвратила ему.

— Что вы думаете объ этомъ?..—спросилъ онъ.

— Вѣроятно, то же самое, что и вы: дядя очень золъ и очень... очень задѣтъ... Но это пройдетъ, если уже не прошло...

— Никогда я не допускалъ, чтобы дядя могъ мнѣ написать что-либо подобное!

— Вы не обидитесь, панъ Казимиръ, если я буду откровенна?.. Я скажу вамъ, какъ мать вашего сердечнѣйшаго друга...

— Пожалуйста... говорите... Я, ужъ, навѣрное, не услышу ничего худшаго, чѣмъ то, что предложилъ мнѣ панъ Клемансъ и написалъ дядя...

— А развѣ вашъ дядя могъ предполагать, что его любимаго племянника и воспитанника будутъ преслѣдовать...

что ему будетъ грозить тюрьма, если не ссылка... Человѣкъ можетъ перестать владѣть собою, натолкнувшись на подобную неожиданность...

— Для блага родины...—началъ Свирскій.

— Извините... но мнѣ кажется, что и вы, и мой Владекъ, и вообще всѣ вы заблуждаетесь. Вѣдь согласитесь — люди старшіе, опытные понимаютъ немного лучше васъ... что составляетъ благо родины. Слѣдовательно, какъ можетъ быть благомъ то, отъ чего они устраняютъ себя и стараются еще отвлечь и васъ?

— Позвольте, революція принесла бы пользу, если бы не вмѣшался какой-то подлый элементъ, съ одной стороны, сѣющій раздоръ въ народѣ, а съ другой — позволяющій себѣ преступленія,—прервалъ Казимиръ.

— Не знаю, что вамъ сказать на это, — сказала Линовская.—Мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что Дембовскій и старшіе господа изъ Желѣзныхъ Гутъ всегда находили, что эта революція не кончится добромъ... Но дѣло не въ этомъ. Вы обижаетесь на дядю за письмо, по вашему мнѣнію, злое, а на мой взглядъ — только полное отчаянія... Вы, молодые, и не догадываетесь, какъ дорогъ ребенокъ для родителей и даже для опекуна, воспитавшаго его... Вы не знаете, что за нѣсколько. . за цѣлый рядъ лѣтъ совмѣстной жизни человѣческое сердце такъ срастается съ ребенкомъ, что, когда онъ расцарапаетъ себѣ палецъ, у насъ болитъ душа... Когда онъ споткнется - мы чувствуемъ себя переломленными, а когда онъ страдаетъ или ему грозитъ что-нибудь — для насъ уже нѣтъ счастья въ жизни... И нѣтъ ничего удивительнаго, что дядя написалъ рѣзкое письмо! Вѣдь оно продиктовано тяжелымъ горемъ... Вѣдь ему становится холодно при мысли, что вы будете блуждать въ морозы по лѣсамъ... Вѣдь душа его послѣдуетъ за вами въ тюрьму, въ изгнаніе и даже, когда вы будете умирать...

Въ эту минуту Казимиръ схватилъ ея руку и, тихо всхлипывая, крѣпко прижалъ ее къ губамъ. Линовская обняла его голову и плакала вмѣстѣ съ нимъ.

— Бѣдный, хорошій мальчикъ!—шептала она.

— Несчастный я!—сказалъ Свирскій. — Теперь я понялъ, какое горе я причинилъ вамъ... клянусь — невольно!.. Я пожертвовалъ бы жизнью, если бы этимъ можно было вернуть...

Линовская вытерла глаза.

— Вы думаете о Владекѣ, — сказала она. — Но, говорю вамъ, какъ люблю его, я теперь не имѣю ничего противъ васъ... У Владислава есть свой умъ, онъ поступалъ, какъ хотѣлъ самъ, во-время спохватился и въ настоящее время

не только въ безопасности, но и совершенно излѣчился отъ политики... Онъ самъ написалъ мнѣ объ этомъ. Ваша судьба, панъ Казимиръ, безпокоитъ меня теперь больше... У насъ вы въ безопасности: я найду возможность васъ спрятать, но... Но что будетъ, если власти вздумаютъ конфисковать ваше имѣніе или арестуютъ дядю... Ну, дядя не пропадетъ...

— Что же мнѣ дѣлать? — спросилъ Казимиръ, ломая руки.

— Прежде всего, не падайте духомъ! У людей случаются и большія бѣды, и они справляются съ ними... Затѣмъ надо ждать, пока Дембовскій увидится съ дядей. Я убѣждена, что послѣ этого визита дядя напишетъ вамъ иное письмо и пришлетъ деньги... Мнѣ кажется также, что дѣло товарищей... какъ ихъ тамъ зовутъ...

— Хржановскій, Лисовскій, Старка...

— Вотъ ихъ дѣло предоставьте Дембовскому. Онъ ихъ разыщетъ, поговоритъ съ ними и поможетъ имъ отъ вашего имени... А пока было бы лучше всего, если бы, послѣ свиданія съ Дембовскимъ, вы уѣхали въ Галицію

— А ихъ бросить?

— Мнѣ кажется, что въ настоящее время вы имъ ничѣмъ не поможете,—отвѣтила Линовская. — Впрочемъ, кто ихъ тамъ знаетъ... Быть можетъ, эти безцѣльныя похожденія пришлись имъ по вкусу...

Линовская встала со стула. Свирскій снова поцѣловалъ у нея руку и сказалъ:

— Если позволите, я еще воспользуюсь вашимъ гостепріимствомъ до пріѣзда Дембовскаго. А тамъ—увидимъ!

Разговоръ съ Линовской, ея разумныя и, главное, полныя любви сужденія возбудили въ Казимирѣ поколебавшуюся энергію. Четверть часа тому назадъ онъ чувствовалъ, что стоитъ надъ какою-то пропастью, и только смерть можетъ его спасти отъ нея. Теперь онъ сталъ понимать, что его положеніе вовсе не многимъ измѣнилось къ худшему. Хотя бы и конфисковали его имѣніе — что же такое?.. Онъ будетъ трудиться и, при помощи дяди, пріобрѣтетъ новое... Въ настоящемъ положеніи лучше всего будетъ держаться проекта Дембовскаго: подождать его пріѣзда и денегъ и — уѣхать на какой-нибудь мѣсяцъ въ Галицію. Если въ Россіи вспыхнетъ революція — онъ пойдетъ туда и будетъ бороться „за ихъ и нашу свободу"... Если-же не будетъ революціи, онъ примется за ученіе, чтобы завоевать положеніе и средства.

— Бѣдный дядя! — сказалъ онъ вдругъ про себя, — конечно, онъ меня воспиталъ и любилъ.

Онъ не сталъ дольше останавливаться на своихъ отношеніяхъ къ дядѣ. Это не дядя его обидѣлъ, написавъ, быть

можетъ, слишкомъ рѣзкое письмо... Скорѣе онъ оскорбилъ дядю, когда обманулъ всѣ его надежды, причинилъ ему горе, безпокойство, и, можетъ быть, подвергъ его тюремному заключенію?..

Что касается товарищей, Хржановскаго и Лисовскаго, (Старка его интересуетъ меньше всего), то вѣдь они такіе-же люди, какъ и Владекъ Линовскій, и онъ... Если Владекъ, изъ любви къ родителямъ, нашелъ возможнымъ уйти изъ союза... Если онъ, Свирскій,—глядя на все, что творится—пришелъ къ убѣжденію, что ихъ бунтъ, вмѣсто того, чтобы завоевать свободу, только увеличилъ бы неурядицу въ странѣ и умножилъ бы бѣдствія,—почему-же Хржановскій и Линовскій не могутъ придти къ такимъ-же выводамъ...

Теперь его обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы облегчить имъ удаленіе изъ партіи и дать средства для выѣзда за границу. Остальное зависитъ отъ нихъ.

И сколько разъ, за послѣдніе дни, Свирскій повторялъ, что онъ не чувствуетъ никакой отвѣтственности по отношенію къ своимъ товарищамъ! Развѣ онъ виноватъ, что они вернулись изъ-подъ Соломянокъ въ городъ?.. Развѣ онъ не совѣтовалъ всѣмъ не хранить дома ничего компрометирующаго, никакихъ револьверовъ, патроновъ, бумагъ?.. Развѣ онъ велѣлъ имъ дѣйствовать заодно съ Заіончковскимъ и убѣгать съ нимъ, когда онъ сдѣлалъ нападеніе и перебилъ стражу, сопровождавшую ихъ въ ратушу?

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Т. Аксаковъ.

Къ полувѣковой годовщинѣ его смерти (30 апрѣля 1859 г.).

Среди скорбныхъ и радостныхъ годовщинъ, съ которыми принято связывать торжественное чествованіе русскихъ писателей, есть одна особенно содержательная и вѣская по послѣдствіямъ. Такую содержательность придаетъ этой годовщинѣ не ея рѣдкость, не мистическая значительность ея цифроваго обозначенія, а русскій законъ о правѣ литературной собственности. Пятидесятилѣтіе со дня смерти русскаго писателя есть освобожденіе его произведеній отъ долгаго гнета личной собственности. Сочиненія его становятся общественнымъ достояніемъ и та громадная распространенность, которую они обычно послѣ этого получаютъ, показываетъ, какъ искусственно долгъ и несправедливо тягостенъ срокъ, случайно назначенный законодательствомъ. Въ текущемъ году такое освобожденіе предстоитъ, наконецъ, сочиненіямъ С. Т. Аксакова. Давно расхватали хрестоматіи по отрывкамъ драгоцѣнныя странички «Семейной хроники» и «Дѣтскихъ годовъ» и охотничьихъ воспоминаній, давно чувствуется потребность передать эти неумирающія произведенія въ руки широкихъ читательскихъ массъ, сдѣлать общедоступнымъ по дешевизнѣ то, что было драгоцѣнно именно по своей прекрасной общедоступности. Для писателя, который вообще живетъ только въ читательской душѣ, наступаетъ новая жизнь; новыя массы любознательныхъ душъ прихлынутъ къ нему, новымъ содержаніемъ наполнитъ его новое пониманіе, новая оцѣнка окружитъ его новымъ вниманіемъ. Умѣстно поэтому въ эти поминальные дни остановиться на старыхъ оцѣнкахъ, напомнить, чѣмъ представляется нынѣшнимъ читателямъ обликъ покойнаго писателя, какъ уясняемъ мы себѣ его жизнь, его дѣятельность, смыслъ и послѣдовательность его произведеній. Надо, наконецъ, просто напомнить въ этомъ поворотномъ пунктѣ о томъ общеизвѣстномъ, что считается извѣстнымъ по предразсудку и на самомъ дѣлѣ извѣстно очень немногимъ: о живомъ человѣкѣ, написавшемъ книги С. Т. Аксакова, о той обстановкѣ, въ которой созданы онѣ, о его жизни, о его близкихъ.

I.

Легко и трудно писать біографію С. Т. Аксакова. Легко потому, что—за немногими исключеніями,—всѣ его сочиненія представляютъ собою какъ бы единую автобіографію; важнѣйшія событія его жизни разсказаны имъ самимъ,—и канва біографическаго изслѣдованія намѣчена въ его разсказѣ. Нѣтъ нужды въ какомъ-либо особенномъ кропотливомъ изысканіи фактовъ; нѣтъ повода къ недовѣрію, нѣтъ матеріала для сомнѣвающейся критики источниковъ: достаточно пересказать сочиненія Аксакова, чтобы передъ нами въ главнѣйшихъ чертахъ встала его спокойная, одухотворенная и одушевленная жизнь. Но въ этомъ заключается и чрезвычайная трудность: какой смыслъ въ нашемъ современномъ пересказѣ того, что такъ жизненно и сильно въ разсказѣ самого С. Т. Аксакова; его автобіографическія сочиненія сдѣлали его русскимъ классикомъ: что можетъ прибавить наша передача къ неподражаемымъ по силѣ и жизненности воспоминаніямъ писателя, который сдѣлался великимъ, когда принялся за свое жизнеописаніе. И, разумѣется, не соперничать съ его безсмертнымъ повѣствованіемъ долженъ нашъ сухой разсказъ о событіяхъ его жизни.

Его автобіографія останется для насъ такимъ же недосягаемымъ, невыразимымъ и необозримымъ предметомъ изученія, какъ и подлинная его жизнь. Почерпнуть изъ его сочиненій данныя для его характеристики, восполнить его образъ, нарисованный въ его разсказахъ, свѣдѣніями, сообщаемыми его современниками, поставить событія его жизни въ болѣе ясную намъ, далекимъ потомкамъ, историческую перспективу, чѣмъ та, которая могла быть видна самому автору, разсказать о томъ, что не нашло мѣста въ его воспоминаніяхъ—о судьбѣ его книгъ, о его жизни въ созданной имъ семьѣ и т. д.,—вотъ нѣкоторыя изъ задачъ, естественно встающихъ теперь предъ всякимъ, кто рѣшился бы разсказать о той жизни, плодомъ и отраженіемъ которой явились его сочиненія.

Отпрыскъ стариннаго дворянскаго рода, С. Т. Аксаковъ, несомнѣнно, имѣлъ въ дѣтствѣ живыя впечатлѣнія гордаго семейнаго сознанія этой родовитости. Мы знаемъ, что герой его повѣствованія дѣдушка Степанъ Михайловичъ мечталъ о внукѣ именно, какъ о продолжателѣ «знаменитаго рода Шимона»—сказочнаго племянника короля норвежскаго Гакона Слѣпого, варяга Шимона Африкановича, выѣхавшаго въ Россію при Ярославѣ Мудромъ, въ 1027 году. Къ двѣнадцатому поколѣнію рода Африкана принадлежалъ Иванъ Θедоровичъ Оксакъ, отъ котораго пошло родовое прозвище Оксаковыхъ, затѣмъ Аксаковыхъ; въ

двадцатомъ колѣнѣ родился Сергѣй Тимофеевичъ, сынъ Тимофея Степановича (1759—1832) и Маріи Николаевны Зубовой.

Не для того, чтобы строить зыбкія предположенія о наслѣдственности, но для уясненія той культурной атмосферы, въ которой росъ будущій писатель, остановимся на духовномъ обликѣ его родителей. Онъ самъ далъ для этого матеріалы настолько богатые, что трудность заключается не въ изысканіи ихъ, а, наоборотъ, въ указаніи болѣе существеннаго въ этой сокровищницѣ психологической характеристики.

Можно считать несомнѣннымъ, что въ части, предшествующей сознательнымъ воспоминаніямъ автора, мемуары С. Т. Аксакова написаны преимущественно по разсказамъ и впечатлѣніямъ матери. И однако—такова сила объективнаго дарованія—фигура ея, какъ справедливо было отмѣчено, не всегда представляется вполнѣ привлекательной. Сынъ, всецѣло подчиненный умному вліянію твердой, образованной и безумно любящей матери, не во всемъ похожъ на нее и кой въ чемъ хорошемъ болѣе напоминаетъ отца, слабое и наивное дитя степной природы. Марія Николаевна Зубова для русской провинціальной барышни конца XVIII вѣка представляла собою явленіе удивительное. Мы знаемъ, что Н. И. Новиковъ и его пріятель, игравшій впослѣдствіи роль въ воспитаніи С. Т. Аксакова, А. Ѳ. Аничковъ, живя въ Москвѣ, «до того плѣнились краснорѣчивыми письмами неизвѣстной барышни съ береговъ рѣки Бѣлой, изъ Башкиріи, что присылали ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись, что очень способствовало ея образованію». Въ семнадцать лѣтъ она, дочь товарища намѣстника обширнаго края, «по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи». Она успѣвала въ это время работать надъ своимъ образованіемъ, слѣдить за воспитаніемъ братьевъ и была центромъ мѣстнаго общества. «Всѣ по тогдашнему умные и образованные люди, ученые и путешественники, попавъ въ Уфу, непремѣнно знакомились съ ней и приносили дань ея уму и красотѣ». Попавшій въ волшебный кругъ ея обаянія Тимофей Степановичъ Аксаковъ былъ какъ бы разительной противоположностью дѣвушкѣ, которая неожиданно согласилась стать его женою. Онъ принадлежалъ къ семьѣ родовитой и зажиточной, она была бѣдна, а дѣдушка ея былъ простой казачій урядникъ. Она была тверда; слабость его характера являлась неизмѣннымъ источникомъ заботъ его отца и жены; она была умна, онъ — несмотря на противоположное утвержденіе сына—едва-ли; она была образована, онъ «не былъ пріученъ къ чтенію смолоду въ своемъ семействѣ», прочелъ два-три «глупѣйшихъ» романа и былъ охотникомъ до прочихъ; она была утонченно чутка, онъ грубоватъ. У него былъ

румянецъ во всю щеку; «онъ удилъ рыбу, ходилъ на охоту за перепелами, ѣлъ и пилъ аппетитно и былъ веселъ». Онъ казался совершенно ничтожнымъ своему тестю; жена тщетно надѣялась и пыталась перевоспитать его: онъ остался при своемъ добромъ сердцѣ, первобытной правдивости и любви къ природѣ, изъ которой какъ бы еще не выдѣлился и не хотѣлъ выдѣляться этотъ не слишкомъ грамотный прокуроръ уфимскаго верхняго земскаго суда. Эту любовь къ природѣ,—совершенно чуждую его матери, насквозь горожанкѣ,—унаслѣдовалъ отъ отца во всей полнотѣ будущій писатель. Въ первоначальномъ развитіи его личности все отходитъ на второй планъ предъ этимъ всеопредѣляющимъ воздѣйствіемъ степной природы, съ которой неразрывно связаны первое пробужденіе его наблюдательности, его первое жизнеощущеніе, его раннія увлеченія.

А увлекаться онъ умѣлъ, какъ немногіе. Читая произведенія С. Т. Аксакова съ ихъ возвышеннымъ спокойствіемъ, съ ихъ разумной сдержанностью, съ ихъ всепрощающимъ благодушіемъ, не легко примиряешь этотъ олимпійски объективный тонъ съ образомъ того мальчика, какого изображаетъ авторъ. Онъ весь—огонь, весь—увлеченіе; «болѣзненное устремленіе всѣхъ чувствъ къ одному предмету» это—основная форма его отношеній къ внѣшнему міру, къ людямъ и вещамъ. Хочетъ онъ чего-нибудь или не хочетъ — онъ это дѣлаетъ неизмѣнно съ дрожью, съ плачемъ, въ трепетѣ, въ безумномъ напряженіи всѣхъ силъ, о чемъ бы ни шла рѣчь,—объ удочкѣ или бабушкѣ, о ружьѣ или училищѣ. Не даромъ раннее дѣтство съ такой поражающей отчетливостью запечатлѣлось въ этой душѣ: никогда она не была пассивно воспринимающимъ аппаратомъ; впечатлѣніе могло пройти мимо нея, но схватывала она лишь то, что потрясало ее. И какое счастье, что потрясало ее то, что насъ трогаетъ, сравнительно, такъ мало. Аксаковъ, говорятъ, не замѣтилъ 1812 года; историческое событіе громадной важности не отразилось ничѣмъ въ воспоминаніяхъ нашего мемуариста. Трудно, однако, сказать, теряемъ мы оттого, или выигрываемъ. Надо брать отъ каждаго то, что онъ можетъ дать, и, конечно, въ этомъ многообразіи міроотношеній — величайшая выгода нашего познанія. Кто знаетъ: быть можетъ, Аксаковъ далъ бы только заурядныя воспоминанія о великомъ и созданъ былъ для того, чтобы возводить заурядное въ міръ великаго и вѣчнаго.

Аксаковъ такъ напряженно помнитъ о своемъ дѣтствѣ именно потому, что онъ напряженно воспринималъ это дѣтство. Его ранняя экспансивность есть также ранняя воспріимчивость, мы сказали бы прямо—ранняя сознательность, если бы подъ сознательностью не понималось нѣчто просто недоступное раннему дѣтству. На эту точку зрѣнія, какъ извѣстно, сталъ Добролюбовъ. Онъ не видитъ въ героѣ «Дѣтскихъ годовъ» даже живого и пытливаго наблюденія. Кругъ его интересовъ ограниченъ только міромъ внут-

ренняго чувства, и изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе—пріятное, или непріятное,—производили на него предметы. «Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее часто до нервической болѣзни, выражается вездѣ у автора весьма ярко. Но пытливаго вопроса, наклонности къ работѣ мысли почти вовсе незамѣтно, точно такъ, какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназіи. Нѣсколько разъ, правда, уклоненіе отъ логики, естественной каждому человѣку, и еще не поврежденной въ ребенкѣ, вызываетъ и его размышленіе и вопросъ».

Но родители уклончиво отвѣчаютъ на вопросы ребенка; «ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными передъ чистой дѣтской логикой, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велятъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случай сказать ему: «ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь». Немудрено, если ребенокъ не умѣлъ и не хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтѣ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ прошло его дѣтство, и которыя трудно было бы разобрать и опытному взгляду, свободному отъ все примиряющей и все обезсмысливающей рутины. Не мудрено, что живой, воспріимчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству».

Здѣсь есть неточности въ оттѣнкахъ, и оттѣнки эти важны. Нельзя говорить объ отсутствіи пытливыхъ вопросовъ тамъ, гдѣ жизненныя противорѣчія отмѣчены ярко и опредѣленно. Мать, учащая мальчика правдивости, диктуетъ ему неправду въ письмѣ къ бабушкѣ; мать не любитъ крестьянъ, и отецъ долженъ ложью объяснить ея отсутствіе на ихъ праздникѣ; старшіе «приспособляются» къ мальчику; онъ это видитъ; онъ видитъ, какъ добрая бабушка обращается въ звѣря, когда ее раздражаетъ крѣпостная дѣвчонка, какъ робкій учитель колотитъ учениковъ. Ему объясняютъ, что зло и ложь въ мірѣ не уродство, а законъ: звѣрскіе поступки Матвѣя Васильевича требуются отъ него, какъ «исполненіе его должности»; староста Миронычъ угнетаетъ крестьянъ, но устранить его нельзя, такъ какъ онъ родичъ Михайлушкѣ, а Михайлушка въ случаѣ у тетушки Прасковьи Ивановны. Все это регистрируетъ живое сознаніе ребенка съ такой силой, что сохраняетъ на протяженіи полустолѣтія. Не разъ С. Т. Аксакову дѣлали упреки въ томъ, что онъ смягчилъ общую характеристику мрачной среды, въ которой прошло его раннее дѣтство. Домостроевскій укладъ провинціальной дворянской среды сопоставляли съ «темнымъ царствомъ» купеческой провинціи—и требовали отъ Аксакова обличеній, которыя онъ долженъ былъ дать и какъ будто не далъ. По мнѣнію г. Шенрока, семья Багровыхъ—по существу «лишь немного облагороженная семья Брусковыхъ съ поразитель

нымъ соотвѣтствіемъ трехъ личностей каждой семьи: самодура-отца, забитой, добродушной матери и добраго, трепещущаго передъ родительской грозой взрослаго сына-жениха. Та же, наконецъ, картина невѣжества, суевѣрій и извращенныхъ взаимныхъ отношеній. Всю жизнь свято хранилъ нашъ писатель въ своей душѣ эту грустную картину, но сила родственной любви и пристрастія была такъ велика, что всему давала совершенно ложную и если не вполнѣ, то въ весьма достаточной степени утѣшительную окраску». Намъ представляется, что здѣсь есть нѣкоторое недоразумѣніе. Никто иной, какъ самъ С. Т. Аксаковъ, далъ исчерпывающій матеріалъ для обличенія того «темнаго царства», въ которомъ выросъ. Быть можетъ, сатирикъ прибавилъ бы къ его изображенію еще лирику, пропиталъ бы его паѳосомъ негодованія, но не прибавилъ бы больше правды. И то, что темное царство аксаковскаго захолустья нашло своего историка въ С. Т. Аксаковѣ, есть показатель того, что въ немъ было не только темное; теменъ былъ строй крѣпостной неправды, жестоки были нравы и темна жизнь, окутанная предразсудками и суевѣріями. Но, очевидно, были свѣтлыя впечатлѣнія, которыя пересилили мракъ и создали примиряющее настроеніе; была первобытная простота отношеній, которая смягчала то, что намъ теперь представляется чудовищнымъ, пока мы не входимъ въ историческую атмосферу. Крѣпостная Россія не выдѣлила еще разныхъ слоевъ, раздѣленныхъ глубокимъ непониманіемъ. Тяжела была барская рука, душившая закрѣпощенное крестьянство, но духовно крестьяне и господа были неизмѣримо ближе другъ другу, чѣмъ впослѣдствіи. И, наряду съ природой, крестьянская жизнь вторгалась въ пробуждающуюся мысль мальчика, крестьянскій трудъ возбуждалъ въ немъ не только состраданіе, но и уваженіе, дворовые были *свои* не только юридически, но и душевно. Дядька Евсеичъ—чуть не самый симпатичный образъ всей хроники Аксакова; первый руководитель будущаго писателя въ его дѣятельномъ проникновеніи въ жизнь природы, живой носитель богатствъ народной рѣчи, безпредѣльно и безкорыстно преданный рабъ, Евсеичъ, вѣроятно, оказалъ значительное вліяніе на душу мальчика, который такъ охотно разсуждалъ со старикомъ обо всемъ, озадачивая его подчасъ своими пытливыми вопросами.

Женская половина дворни, какъ всегда, хранительница народно-поэтическаго творчества, знакомила мальчика съ пѣснями, съ сказками, съ святочными играми, съ прочей миѳологіей. И «Аленькій цвѣточекъ», записанный черезъ много лѣтъ, по памяти о разсказѣ ключницы Пелагеи, есть, конечно, лишь случайный обрывокъ того огромнаго міра народной поэзіи, въ который вводили мальчика дворня, дѣвичья, деревня.

II.

Но ранѣе народной литературы пришла городская, по преимуществу переводная. Поучительное «Зеркало добродѣтели и благонравія для дѣтей» смѣнялось «Домашнимъ лѣчебникомъ» Бухана, который почему-то позволили читать мальчику. Потомъ старый пріятель матери Аничковъ привелъ его въ неистовый восторгъ разрозненной коллекціей «Дѣтскаго Чтенія» А. И. Новикова. «Въ дѣтскомъ умѣ моемъ произошелъ совершенный переворотъ, и для меня открылся новый міръ», говоритъ Аксаковъ о знакомствѣ съ сборникомъ, который проф. Архангельскій характеризуетъ, какъ «лучшее дѣтское изданіе, какое только существовало у насъ не только въ XVIII, но и во всю первую половину XIX в.». Дальше рядомъ съ читаемымъ и перечитываемымъ «Дѣтскимъ Чтеніемъ» стали другія книги: «Ипокрена или Утѣхи любословія», «Сонникъ», который заставилъ ребенка вѣрить въ сны,—«только въ университетѣ истребилось во мнѣ это суевѣріе», хотя ни одинъ сонъ не сбылся; «Драматическая Пустельга»—подзаголовокъ пустого водевиля съ забытымъ заглавіемъ—тоже очень понравилась мальчику. Въ міръ стихотворной лирики ввела его «Дѣтская Библіотека» Кампе, переведенная Шишковымъ, и громадное впечатлѣніе произвели на него сочиненія Ксенофонта: Анабазисъ и исторія Кира младшаго. Это уже былъ переходъ отъ дѣтскихъ книжекъ къ настоящей литературѣ.

Къ ней тянуло мальчика. Не даромъ нѣсколько позже, получивъ возможность знакомиться съ литературой взрослыхъ, онъ едва коснулся «Древней Россійской Вивліоѳики» съ ея «весьма рѣдкими и любопытства достойными историческими достопамятностями» и съ бурнопламеннымъ восторгомъ погрузился въ «Россіаду» Хераскова и сочиненія Сумарокова; тутъ же его «сводили съ ума» сказки «Тысяча и одной ночи». Любопытна та захватывающая *активность*, съ которой воспринималъ всѣ эти литературныя впечатлѣнія будущій писатель; тутъ было не только «изступленное чтеніе». Перезсказывая сестрѣ прочтенное, мальчикъ непремѣнно окружалъ чужіе образы своимъ вымысломъ. Онъ подробно разсказывалъ матери о герояхъ «Россіады», «дорисовывая ихъ образы, дополняя ихъ жизнь», и мать смѣялась, а простодушный отецъ одинъ разъ замѣтилъ: «Откуда это у тебя берется? Ты не сдѣлайся лгунишкой». Также «дополнялъ» онъ разсказы Шехерезады и вызывалъ такіе же упреки тетушки: «А какъ же тутъ нѣтъ того, что ты намъ разсказывалъ? Стало быть, ты все это отъ себя выдумалъ?» И этотъ приговоръ озадачилъ правдиваго мальчика: онъ чувствовалъ, что терпѣть не можетъ лжи, и видѣлъ, что въ книгѣ нѣтъ того, что онъ разсказалъ. Онъ сталъ слѣдить за собой и

сдерживался, но въ горячности опять забывалъ все, и его «пылкое воображеніе вступало въ свои безграничныя права». У бабушки Прасковьи Ивановны въ Чурасовѣ, гдѣ была «изрядная библіотека», въ руки мальчика попали «Кадмъ и Гармонія» и «Полидоръ» Хераскова,—и напыщенный мѣрный языкъ стихотворной прозы казался ему совершенствомъ. Тутъ-же прочелъ онъ «Нуму или процвѣтающій Римъ» и халдейскую повѣсть объ Арфаксадѣ. Онъ прочиталъ также тетушкины романы: «Алкивіада», «Графа Вальмонта или заблужденіе разсудка», «Кларису Гарловъ». Наконецъ, тутъ же попались «Мои бездѣлки» Карамзина и его же «Аониды». «Эти стихи были уже совсѣмъ не то, что стихи Сумарокова и Хераскова. Я почувствовалъ эту разницу, хотя содержаніе ихъ меня не удовлетворяло, несмотря на ребячій возрастъ».

Получивъ прочтенныя имъ книги въ подарокъ, мальчикъ восторженно и напыщенно декламировалъ П. И. Чичагову Сумарокова, Хераскова и Ломоносова, но образованный сосѣдъ посмѣивался надъ всѣми, а горячо хвалилъ Державина и Дмитріева, которыхъ С. Т. Аксаковъ еще не зналъ. Черезъ годъ въ томъ же Чурасовѣ онъ прочелъ еще нѣсколько романовъ, среди нихъ «Векфильдскаго священника». Но ему больше понравилась «Желѣзная маска», ибо сочинитель увѣрялъ, что это не выдумка, а дѣйствительное происшествіе. Тутъ же, въ Чурасовѣ распѣвали пѣсенки князя Хованскаго, и мальчикъ велъ бурные споры съ своей сверстницей о поэзіи князя И. М. Долгорукаго, который ему втайнѣ тоже нравился и котораго онъ бранилъ, чтобы чѣмъ-нибудь отвѣтить на пренебреженіе маленькой пріятельницы къ его любимымъ стихотворцамъ. Больной матери читалъ С. Т. Аксаковъ вслухъ «Жизнь англійскаго философа Клевеланда» и еще какіе-то романы. Среди нихъ «Приключеніе Бенделя» глупостью и безграмотностью возбуждали всеобщее веселье; не только мать, которая подзадоривала присутствующихъ своими остроумными выходками, но и всѣ прочіе «буквально валялись отъ хохота». Были и другія книги, вызывавшія сочувствіе и слезы.

Это было уже послѣ перваго, неудачнаго пребыванія въ казанской гимназіи, гдѣ мальчикъ успѣлъ прочитать «Открытіе Америки» и «Завоеваніе Мексики». Здѣсь же, въ сборникѣ «Дѣтское училище» его привело въ недоумѣніе одно открытіе, которое онъ сумѣлъ объяснить себѣ лишь впослѣдствіи: напечатанная здѣсь сказка «Красавица и звѣрь» оказалась знакомымъ ему «Аленькимъ цвѣточкомъ» ключницы Пелагеи. Такъ впервые соприкоснулись для него стихіи книжной и народной поэзіи, — а онъ какъ разъ въ этотъ годъ погрузился въ міръ послѣдней. Для этого въ деревнѣ пришлось даже обманывать мать, которая, «получивъ, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми—прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то

гордость и неуваженіе къ народному быту,—по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдочныхъ пѣсенъ, ни святочныхъ игрищъ, даже не знала ихъ хорошенько». Тетушки украдкой водили мальчика на игрища въ столярную избу,—гдѣ «чудные голоса святочныхъ пѣсенъ, уцѣлѣвшіе звуки глубокой древности, отголоски невѣдомаго міра, еще хранили въ себѣ живую обаятельную силу». И долго странные образы плясали и пѣли вокругъ мальчика, увлекая его въ волшебный міръ народного творчества.

Длинный рядъ книжныхъ воспоминаній С. Т. Аксакова показываетъ, какъ мало можно считать обстановку, въ которой прошло его раннее дѣтство, заурядной обстановкой помѣщичьяго захолустья XVIII вѣка. Вездѣ въ глуши, конечно, были разбросаны одинокіе культурные люди; вездѣ валялись книги. Но, очевидно, по пути С. Т. Аксакова онѣ сосредоточивались — и въ этомъ нельзя не усмотрѣть значенія личности его матери. Она знала цѣну этимъ книгамъ и людямъ; ея тактъ опредѣлялъ выборъ книгъ; ея обаяніе собирало людей. И если она не любила той деревенской природы, которая наложила столь рѣшающій отпечатокъ на складъ характера и дарованія ея сына, то никто иной, какъ она, воспитала въ немъ способность углублять, сводить въ цѣлое и закрѣплять въ образахъ разрозненныя впечатлѣнія жизни. Она увлекала ребенка отъ природы «къ внутренней жизни, къ бесѣдѣ съ собою, къ молитвѣ и книжкамъ, къ размышленію и вопросамъ». Но именно въ этомъ сосредоточеніи создавались формы, въ которыхъ преображалась и углублялась прочувствованная природа.

Довольно рано къ вліяніямъ домашнимъ и деревенскимъ присоединились вліянія казенной школы. С. Т. Аксакову не было девяти лѣтъ, когда онъ сталъ казеннокоштнымъ пансіонеромъ казанской гимназіи. Произошло это какъ-то случайно—по совѣту знакомаго М. Д. Князевича, и на первый разъ закончилось неудачей. Мальчикъ не выдержалъ разлуки съ матерью, новой обстановки, придирокъ старшаго надзирателя и заболѣлъ. Извѣстно трогательное описаніе путешествія спѣшившей къ нему матери, вошедшее въ хрестоматіи. Съ трудомъ высвободили мальчика изъ гимназіи. Послѣ года, проведеннаго въ деревнѣ, опытъ былъ повторенъ—и на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. И гимназія, и новый воспитатель, суровый и умный Карташевскій, и товарищи, и новые интересы,—все это сложилось въ цѣлый міръ, благотворно влiявшій на открытую впечатлѣніямъ душу. Гимназія была выше обычнаго уровня; даже по замыслу основателей она должна была представлять собой нѣчто болѣе законченное—нѣчто вродѣ лицея. Несмотря на практическія цѣли воспитанія, которыя даже противополагались научнымъ—для чего «въ государствѣ есть другія высшія училища»—было хорошо поставлено преподаваніе литературы—съ публичными ораторскими состязаніями и разсужденіями «о матеріяхъ легкихъ, не свыше

силъ учениковъ». Составъ преподавателей можетъ считаться исключительно удачнымъ; большинство ихъ вышло изъ московскаго университета и впослѣдствіи заняло каѳедры въ казанскомъ. Кромѣ математика Карташевскаго, играющаго такую роль въ развитіи Аксакова, для котораго онъ былъ какъ бы создателемъ строгой морали въ дѣйствіи, прежде всего выражающейся въ непреклонной требовательности къ себѣ, здѣсь надо назвать словесника Ибрагимова—настоящую сокровищницу литературнаго вліянія, пламеннаго любителя литературы, поклонника ея новѣйшихъ явленій въ лицѣ Карамзина, и, наконецъ, хорошаго преподавателя. Аксаковъ учился хорошо и былъ «*отличенъ* изъ россійскаго»; но это казалось недостаточнымъ Карташевскому, быть можетъ и потому, что онъ не раздѣлялъ увлеченія Ибрагимова Карамзинымъ, а между тѣмъ почувствовалъ, что именно въ словесности лежитъ будущее умственное поприще его пансіонера и воспитанника. «А потому наставникъ мой, сообразно моимъ природнымъ наклонностямъ и способностямъ, устроилъ планъ моего образованія: общаго, легкаго, преимущественно литературнаго. Онъ выписалъ для меня немедленно множество книгъ. Сколько могу припомнить, это были: Ломоносовъ, Державинъ, Дмитріевъ, Капнистъ и Хемницеръ. У меня былъ уже Сумароковъ и Херасковъ, но Григорій Иванычъ никогда не читалъ ихъ со мною. На французскомъ языкѣ были выписаны: Массильонъ, Флешье и Бурдалу, какъ проповѣдники; сказки Шехерезады, Донъ-Кихотъ, смерть Авеля, Геснеровы идилліи, Вакфильдскій священникъ, двѣ натуральныя исторіи, и въ томъ числѣ одна съ картинками, какихъ авторовъ—не знаю. Натуральная исторія была для меня самой привлекательной наукой». Карамзинъ былъ, конечно, исключенъ, французскій языкъ былъ усвоенъ быстро и хорошо; самостоятельныя упражненія въ сочинительствѣ отвергнуты. Все было направлено на усвоеніе, на воспріятіе «классическихъ» образцовъ, и все это падало на столь благодарную почву, что «склонность моя къ литературѣ—сообщаетъ С. Т. Аксаковъ—скоро обратилась въ страстную любовь».

Въ гимназіи Аксаковъ провелъ всего три съ половиной года,—конецъ которыхъ запечатлѣнъ новыми литературными интересами. Это былъ, прежде всего, театръ, который такъ занималъ всегда Аксакова, особенно въ первой половинѣ его литературной дѣятельности. Начало было не весьма классическое: опера «Колбасники», которую онъ увидѣлъ зимою 1804 года,—но впечатлѣніе было громадное, и вскорѣ Аксаковъ уже «выучилъ наизусть всѣ видѣнныя на сценѣ пьесы»; а среди нихъ были не только драмы Коцебу, но и «Недоросль».

Въ эту же зиму пріятелемъ Аксакова сталъ гимназистъ Александръ Панаевъ, «охотникъ до театра и до русской словесности», «обожатель Карамзина», издатель рукописнаго журнала «Аркадскіе Пастушки», въ которомъ не рѣшился, однако, принять участіе

Аксаковъ, пописывавшій втайнѣ не только отъ строгаго наставника, но и отъ идиллика пріятеля. «Аркадскіе Пастушки» напечатаны въ приложеніи къ «Дѣтскимъ годамъ». Нельзя не согласиться съ характеристикой, данной журналу С. Т. Аксаковымъ: «Поистинѣ это было двойное дѣтство: нашей литературы и нашего возраста. Но замѣчательно, что направленіе и журнальные пріемы были точно такіе же, какіе держались потомъ въ Россіи нѣсколько десятковъ лѣтъ». Общій уровень этого гимназическаго журнала очень высокъ; и совершенно правъ нашъ мемуаристъ, когда ставитъ его прозу рядомъ съ прозой Вл. Измайлова и князя Шаликова—«людей, которые въ свое время имѣли свою славу». Черезъ годъ съ лишнимъ Аксаковъ уже издавалъ новый журналъ вмѣстѣ съ И. Панаевымъ. Въ это время они были уже студентами университета.

III.

Казанскій университетъ «завели» по приказу изъ Петербурга. Онъ упалъ съ неба, и историки его единогласно свидѣтельствуютъ о глубочайшемъ равнодушіи, которымъ встрѣтило его мѣстное общество. Не было студентовъ, не хватало профессоровъ: тѣхъ и другихъ взяли изъ гимназіи. Среди первыхъ былъ С. Т. Аксаковъ, которому не минуло еще 14 лѣтъ. Онъ пробылъ въ университетѣ, продолжая также уроки въ гимназіи, до 15½ лѣтъ, и, однако, эти полтора года много значатъ въ его развитіи. Трудно даже сказать, что играло здѣсь большую роль: собираніе бабочекъ или товарищескій журналъ, увлеченіе театромъ или литературные споры; несомнѣнно одно: когда Аксаковъ съ сознаніемъ глубокой благодарности отзывается объ университетѣ, чувствуется, что здѣсь есть правда.

Собственно «научныхъ свѣдѣній»—какъ онъ самъ жалуется—онъ вынесъ изъ университета не много: «во всю жизнь я чувствовалъ недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мнѣ мѣшало и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ». Оно и не мудрено: университетъ, какъ гласило оффиціальное выраженіе, былъ «основанъ», но не «открытъ». Факультетовъ не было, предметы преподованія были перепутаны, профессоровъ не хватало. Составъ ихъ былъ очень разнообразенъ: были выдающіеся ученые и ничтожества, были чуждые окружающему міру заграничные нѣмцы и русскіе самородки и патріоты вродѣ Карташевскаго, были естественники, словесники и математики; былъ даже одинъ «операторъ», который долженъ былъ открыть курсъ «патологіи, терапіи и клиники». И, однако, что-то носилось въ воздухѣ аудиторій, что-то заражало идеализмомъ пытливости и знанія Французскія лекціи натуралиста Фукса, несомнѣнно, сыграли серьезнѣйшую роль въ упроченіи той

врожденной наблюдательности Аксакова, которая впослѣдствіи давала право И. С. Тургеневу ставить его въ извѣстныхъ отношеніяхъ выше Бюффона. Собираніе бабочекъ—эта цѣлая глава изъ его университетской жизни—и какая глава. Скоро общее увлеченіе упало, и историкъ университета утверждаетъ, что послѣ 1805 года аудиторіи пустовали, лекціи существовали только номинально, интересы духа и знанія замерли. Не такова была предразсвѣтная заря въ жизни казанскаго студенчества. Надо прочитать у Аксакова описаніе этой восторженной подготовки къ воспріятію студенческаго званія, чтобы видѣть, какъ много было здѣсь безкорыстнаго рвенія, хотя самъ авторъ «не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи»... Этимъ приподнятымъ настроеніемъ окрашены всѣ университетскія впечатлѣнія Аксакова. Здѣсь онъ осмыслилъ свою любовь къ природѣ, здѣсь закрѣпилъ любовь къ литературѣ. То, что даровитый и чуткій Ибрагимовъ не получилъ каѳедры, доставшейся ограниченному и отсталому Городчанинову, не помѣшало Аксакову учиться въ гимназіи у Ибрагимова цѣнить и уважать его и приблизиться въ литературномъ направленіи къ Городчанинову... Это не такъ странно, какъ можетъ показаться по первому взгляду. Новыя литературныя формы, созданныя Карамзинымъ, далеко еще не пользовались общимъ признаніемъ, и если у Карамзина были такіе поборники, какъ молодой и пылкій Ибрагимовъ, то, напримѣръ, сдержанный и глубоко консервативный Карташевскій, относился къ новому направленію скорѣе отрицательно. И едва ли не его глубокому, серьезному вліянію слѣдуетъ приписать то, что среди казанскихъ гимназистовъ, бурно, но поверхностно, съ легкой руки Ибрагимова, преклонявшихся предъ Карамзинымъ, одинъ С. Т. Аксаковъ оказался послѣ извѣстныхъ колебаній—убѣжденнымъ сторонникомъ Шишкова. Онъ сознается, что понятія его путались; съ дерзостью самонадѣяннаго мальчика издѣваясь надъ слогомъ и содержаніемъ мелкихъ прозаическихъ сочиненій Карамзина, онъ былъ въ восторгѣ отъ его плохихъ стиховъ—и терпѣлъ жестокія гоненія отъ товарищей. Опереться было не на кого, пока случайно отъ противниковъ своихъ онъ ни получилъ знаменитое «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», а затѣмъ прочелъ и «Прибавленіе къ разсужденію». «Эти книги совершенно свели меня съ ума,—разсказываетъ онъ.—И всякому человѣку, и не пятнадцатилѣтнему юношѣ пріятно увидѣть подтвержденіе собственныхъ мнѣній, которыя до тѣхъ поръ никѣмъ не уважались, надъ которыми смѣялись всѣ и которыя часто поддерживалъ онъ самъ уже изъ одного упрямства: точно въ такомъ положеніи находился я. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже немолодого, достопочтеннаго адмирала, извѣстнаго писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика «Дѣтской библіотеки». которую я еще въ ребячествѣ вытвердилъ наизусть. Разумѣется, я призналъ его неопровержимымъ автори-

тетомъ, мудрѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ людей. Я увѣровалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню... Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и теплое чувство національности выросло до исключительности. Я не смѣлъ обнаруживать ихъ вполнѣ, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отчего они въ тишинѣ и покоѣ достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ. Такъ шло все время до моего отъѣзда изъ Казани»...

Имѣя въ виду такія признанія Аксакова, едва ли возможно безъ оговорокъ, какъ это дѣлаетъ В. И. Шенрокъ, присоединиться къ утвержденію тѣхъ, кто сообщаетъ, что въ эту пору жизни онъ отличался «необычайнымъ равнодушіемъ и къ наукѣ, и ко всему живому въ литературѣ и политикѣ». Ни къ урокамъ Ибрагимова, ни къ лекціямъ Фукса онъ не былъ равнодушенъ: онъ слушалъ ихъ съ «жадностью». «Живое въ литературѣ» онъ бурно отвергалъ: это, конечно, лучше равнодушія, котораго не было ни тѣни въ юношѣ, относившемся къ литературѣ съ необыкновеннымъ напряженіемъ пристрастій и антипатій. «Шишковистъ» былъ однимъ изъ учредителей и участниковъ литературнаго общества подъ предсѣдательствомъ Ибрагимова; впослѣдствіи этотъ кружокъ выросъ въ «Общество любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ» и почетнымъ членомъ его былъ С. Т. Аксаковъ. Гимназическій журналъ также процвѣталъ подъ новымъ заглавіемъ, и въ этомъ «Журналѣ нашихъ занятій» С. Т. Аксаковъ въ 1806 году помѣщалъ свои прозаическія и стихотворныя произведенія. Это ли равнодушіе? Была, наконецъ, у него еще одна литературная страсть, пламенная, дѣйственная и сыгравшая громадную роль въ его дальнѣйшей писательской, а быть можетъ, общественной жизни: страсть къ театру. Въ университетѣ затѣяли спектакли; Аксаковъ быстро выдвинулся среди юныхъ исполнителей; шумный успѣхъ сопровождалъ его выступленія и окрылялъ его; онъ былъ даже руководителемъ любительскаго кружка. Репертуаръ былъ для своего времени довольно прогрессивный: не только «коцебятина», но и отрывки изъ «Разбойниковъ» Шиллера; а высокій образецъ начинающій артистъ нашелъ въ актерѣ и драматургѣ Плавильщиковѣ, казанскія гастроли котораго сопровождались буйнымъ восторгомъ весьма юнаго студенчества.

Въ напряженіи жизни чувства и познанія прошли студенческіе годы Аксакова; непродолжительны были они, но содержательны. Были въ нихъ и событія: наслѣдство, сдѣлавшее родителей Аксакова богатыми людьми и не вызвавшее впечатлѣнія въ юношѣ; первая любовь, мимолетная и забавная; война, лишившая его нѣсколькихъ товарищей.

Въ эту эпоху рано начинались и рано кончались учебные годы русскаго человѣка. Надо было вступать въ жизнь, и въ ян-

варѣ 1807 года С. Т. Аксаковъ подалъ просьбу объ увольненіи изъ университета «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ». Нѣжно и грустно прощался онъ съ университетомъ и товарищами. Слишкомъ извѣстно прочувствованное слово, обращенное имъ въ заключеніи «Дѣтскихъ годовъ» къ «шумной, молодой учебной жизни», къ «невозвратнымъ годамъ юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной». «Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всѣми ихъ дрянностями еще не помрачали вашей ясности. Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувству. Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество. Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ разсчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и непримѣтно для него освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину, — она выводитъ его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда. Я убѣжденъ, что у того, кто не воспитывался въ публичномъ учебномъ заведеніи, остается пробѣлъ въ жизни, что ему недостаетъ нѣкоторыхъ, неиспытанныхъ въ юности, ощущеній, что жизнь его не полна».

Атмосфера умственнаго здоровья, несомнѣнно, была въ этой молодой жизни. Но, намъ представляется было бы ошибочно придавать преувеличенное и слишкомъ конкретное значеніе тому неопредѣленно-хорошему, что здѣсь было. Такое значеніе придаетъ университетскимъ годамъ Аксакова изслѣдователь его школьной жизни проф. Архангельскій. По его мнѣнію, «едва-ли не здѣсь, въ этой молодой средѣ, скрывались тѣ вліянія, которые впослѣдствіи помогали Аксакову, при всемъ его литературномъ консерватизмѣ, замѣчать слабыя стороны въ сомнительно великихъ произведеніяхъ тѣхъ сомнительныхъ знаменитостей, въ родѣ Шатрова, Хвостова, Николева, которыми такъ восхищались передъ будущимъ писателемъ и Шишковъ, и другіе его петербургскіе друзья... Едва ли уже не здѣсь, въ этихъ горячихъ студенческихъ спорахъ, были заложены въ будущемъ знаменитомъ писателѣ, незамѣтно для него и помимо его самого, задатки чего-то другого, лучшаго, задатки тѣхъ неясныхъ литературныхъ стремленій, которыя заставляли его нерѣдко какъ бы инстинктивно не удовлетворяться и порицаніями, и восторгами Шишкова, зародыши тѣхъ стремленій, которыя влекли его на свѣжую дорогу, которыя помогли ему въ концѣ-концовъ осилить всѣ ложно-классическіе путы, такъ долго по волѣ судьбы

окружавшія его умственно, и сдѣлали Аксакова великимъ писателемъ...» Въ этомъ отношеніи, пожалуй, университетскіе годы С. Т. Аксаковы были гораздо менѣе дѣйствительны и плодотворны, чѣмъ университетская жизнь его сыновей.

Получивъ отъ университета аттестатъ «съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университетѣ еще не преподавали», Аксаковъ провелъ годъ въ деревнѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ переѣхалъ съ семьей въ Петербургъ. Г. И. Карташевскій уже приготовилъ для своихъ друзей квартиру въ Коломнѣ, и для своего питомца должность переводчика въ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ самъ онъ состоялъ помощникомъ редактора.

Въ Петербургѣ произошло первое сближеніе Аксакова съ литературными дѣятелями,—какъ и можно было ожидать, не тѣми, которые являлись представителями прогрессивныхъ теченій въ литературѣ. Онъ самъ разсказалъ объ этихъ знакомствахъ и связяхъ въ рядѣ воспоминаній, гораздо болѣе фактическихъ и неизмѣримо менѣе обобщенныхъ и менѣе значительныхъ, чѣмъ его разсказы о его предкахъ, дѣтствѣ и отрочествѣ. Онъ сблизился съ артистомъ Шушеринымъ, бывалъ у Шишкова, познакомился со многими актерами и писателями, увлекался, если можно, еще болѣе пламенно театромъ, много бесѣдовалъ о литературѣ, но нигдѣ, ни въ чемъ не видно, чтобы какія-бы то ни было исканія въ той или другой области занимали его. О политической мысли и говорить нечего; она проходила мимо него; онъ не отмѣтилъ ея даже въ Шишковѣ, у котораго обѣдалъ по нѣсколько разъ въ недѣлю, выслушивая почтительно всякій разъ многословныя разсужденія этого старѣйшаго славянофила. Онъ, правда, полагаетъ, что «литературными и внѣшними условіями ограничивалось все направленіе Шишкова»; но, конечно, филологическій шовинизмъ Шишкова былъ только выраженіемъ его политическаго націонализма. Литературу Аксаковъ обожалъ съ прежнимъ дѣтскимъ упоеніемъ; онъ разсказываетъ, какъ въ эти годы съ экстазомъ бросился цѣловать, какъ священную реликвію, чернильныя пятна на ветхомъ письменномъ столѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Ломоносову. Онъ разбирался въ этой старой россійской словесности, уже едва ли живой въ его время; онъ поклонялся Ломоносову, но рѣзко отзывался о пошлостяхъ Хераскова. Онъ даже позволялъ себѣ спорить съ Шишковымъ,—и его возраженія вошли въ составъ «Разговоровъ о словесности». Но въ общемъ онъ вполнѣ присоединялся къ вкусамъ Шишкова. Князь Шихматовъ казался ему великимъ поэтомъ; «старшее поколѣніе литераторовъ и любителей литературы» одобряло запрещеннаго «Вадима» Княжнина — и Аксаковъ былъ увлеченъ этой славой, хотя—по его позднѣйшему мнѣнію—«вся эта трагедія—пустой наборъ громкихъ фразъ и натянутыхъ чувствъ, часто не имѣющихъ логическаго смысла».

Правда, онъ говоритъ не о себѣ только, а о «молодыхъ людяхъ», но были уже другіе «молодые люди», другіе вкусы: онъ прошелъ мимо нихъ къ старикамъ. Они собирались у Шишкова: Державинъ и Дмитріевъ, графъ Хвостовъ и князь Шаховской и другіе, составившіе потомъ консервативную «Бесѣду русскаго слова». Здѣсь «безмолвнымъ слушателемъ» сиживалъ Аксаковъ,—и происходившее въ этихъ литературныхъ собраніяхъ было такъ малозначительно, что и его «тогдашнимъ понятіямъ не удовлетворяло»: «что бы кто ни прочелъ — всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты». Но это касается только разговоровъ: литературный авторитетъ стариковъ былъ незыблемъ. Въ ихъ высокомъ стилѣ перевелъ Аксаковъ софоклова «Филоктета»,—конечно, съ французскаго перевода Лагарпа.

А вы, о воины, потщитесь наблюдать,
Чтобъ не явился онъ нечаянно предъ нами,
Идите, жизнь моя теперь брежется вами!
Противу грековъ всѣхъ онъ гнѣвомъ раздраженъ,
Къ Улиссу-жъ местію сугубою разжженъ.

Беремъ эти стихи наудачу, чтобы показать, въ какой манерѣ переведена тргдія. Иронія судьбы: переведена она по просьбѣ Шушерина, игру котораго Аксаковъ хвалитъ особенно за простоту и отсутствіе условности. Но такова ужъ сила условныхъ формъ: молодой Аксаковъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ богатырей, которые побѣждаютъ гнетъ традиціи, да и мила она ему была въ литературѣ—по разнымъ причинамъ. Отрывки изъ «Филоктета» были напечатаны въ трудахъ московскаго «Общества любителей россійской словесности», а въ 1816 году переводъ вышелъ отдѣльной книжкой *въ пользу бѣдныхъ*. «Но, увы! бѣднымъ пришлось бы не выручить своихъ денегъ, если бы трагедія была напечатана на ихъ счетъ: всего разошлось экземпляровъ семьдесять пять, а остальные сгнили въ кладовыхъ у Ширяева или проданы на вѣсъ для издѣлій изъ папье-маше». Что не высокій стиль французской трагедіи виноватъ въ той риторичности, съ которой Аксаковъ передалъ ее, видно изъ другихъ его переводовъ.

Одновременно съ «Филоктетомъ» онъ перевелъ «Школу мужей» Мольера, при чемъ, по позднѣйшему признанію автора, эта «комедія отчати переложена на русскіе нравы, по существовавшему тогда варварскому обычаю». Съ полнымъ основаніемъ посвятилъ переводчикъ свой трудъ Шишкову:

Ты отъ нашествія рѣчей иноплеменныхъ
Словесность русскую преславно защитилъ
И вихремъ новизны въ ошибки увлеченныхъ
На истинный путь насъ премногихъ обратилъ.

Въ эти годы Аксаковъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ деревнѣ. Многочисленные второстепенные писатели, которые

тогда казались другъ другу звѣздами первой величины, были его друзьями. Онъ сходился съ ними на почвѣ общаго интереса къ литературной жизни и къ театру, гдѣ царила высокая классическая трагедія и столь же непререкаемый водевиль. Писалъ Аксаковъ рѣдко—больше стихи, оригинальные и переводные. Въ «посланіи къ А. И. Казначееву», его пріятелю и «племяннику» Шишкова (сентябрь 1814 г.), онъ показалъ, какъ твердо въ немъ шишковское направленіе, литературное и общественное; пламенно и неуклюже бичуетъ онъ здѣсь тѣхъ, которые, несмотря на только что пережитое французское нашествіе, продолжаютъ говорить по французски, танцуютъ съ французами, приглашаютъ французскихъ гувернеровъ. Онъ думалъ:

Что будемъ ненависть питать къ нимъ безконечну,
За мысль одну: народъ россійскій низложить!

И вотъ:

Рукою побѣдя, мы рабствуемъ умами,
Клянемъ французовъ мы французскими словами...

. . . .

Дѣтей своихъ ввѣряемъ воспитанье
Развратнымъ бѣглецамъ, которымъ воздаянье
Одно достойно ихъ: на лобномъ мѣстѣ казнь..

. . . .

...прелестныя россійскія дѣвицы,
Руками обхватясь, уставя томны лицы
На разорителей отеческой страны!..
Вертятся вихрями...

Лѣтъ черезъ десять почти то-же говорилъ Чацкій: но какая разница въ оттѣнкахъ, какая пропасть въ этомъ «почти»!

Въ 1816 году С. Т. Аксаковъ женился на Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной. Нѣтъ нужды намъ, знакомымъ изъ его признаній съ пылкостью его темперамента, строить предположенія о томъ, какъ волновали его чувства къ будущей женѣ. Любопытно иное; по счастливой случайности мы имѣемъ возложность судить о томъ, какъ выражались эти чувства въ литературной формѣ. В. И. Шенрокъ имѣлъ случай видѣть и описать «небольшой альбомъ С. Т. Аксакова, въ которомъ находятся нѣсколько писемъ влюбленнаго жениха къ восторженно обожаемой невѣстѣ, и даже въ сущности не столько писемъ, сколько, такъ сказать, стихотвореній въ прозѣ, пламенныхъ мадригаловъ, въ которыхъ юный Аксаковъ изливалъ страстную любовную тоску въ часы разлуки съ предметомъ своего романтическаго обожанія, привлекавшимъ къ себѣ всѣ помыслы и нѣжныя грезы пламеннаго мечтателя... По обыкновенію добраго стараго времени, въ этомъ альбомѣ мы находимъ и сентиментальные стихи, и такую же сентиментальную прозу съ постояннымъ повтореніемъ слова «ахъ», и размышленія на тему о нѣжности чувствъ и о жестокости любви, и такія нѣжныя и сентиментальныя обращенія къ виновницѣ страстныхъ восторговъ, въ родѣ «несравненная Оллина»·

что невольно изумляешься, читая эти письма, написанными совершенно въ карамзинскомъ стилѣ однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ Шишкова и, слѣдовательно, какъ бы противникомъ Карамзина. Письма эти являются такимъ образомъ вполнѣ типическимъ порожденіемъ, съ одной стороны, своего времени и данью существовавшимъ тогда общественнымъ и литературнымъ вкусамъ; съ другой—на нашъ взглядъ они не носятъ на себѣ, въ сущности, ни малѣйшей печати оригинальности, которую невольно ожидаешь встрѣтить въ строкахъ такого необыкновеннаго человѣка, какъ С. Т. Аксаковъ. Странно, когда, читая ихъ, чувствуешь, что какъ будто имѣешь дѣло съ самыми заурядными упражненіями въ общепринятомъ въ то время въ болѣе интеллигентныхъ кругахъ любовномъ стилѣ.

Аксаковъ писалъ своей невѣстѣ: «Ахъ, милая, утишай свою чувствительность», - но самъ расписывался въ этой чувствительности, которую мы назвали бы модной, если бы въ немъ она не была также природной. Не даромъ въ этомъ единственномъ пунктѣ онъ сошелся съ Карамзинымъ. Эта чувствительность, впечатлительность, податливость была причиной, по которой женитьба должна была явиться событіемъ въ его жизни.

«Сергѣй Тимофеевичъ любилъ жизнь,—по словамъ его сына—любилъ наслажденіе, онъ былъ художникъ въ душѣ и ко всякому наслажденію относился художественно. Страстный актеръ, страстный охотникъ, страстный игрокъ въ карты, онъ былъ артистомъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ,—и въ полѣ съ собакой и ружьемъ, и за карточнымъ столомъ. Онъ былъ подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка, забывалъ нерѣдко весь міръ въ припадкѣ своего увлеченія; уже женатый, проводилъ онъ цѣлые дни за охотой, цѣлыя ночи за картами; но, зная за собой эти слабости, онъ былъ смиреннаго о себѣ мнѣнія». Ему нужна была твердая рука,—и онъ нашелъ ее въ женѣ. Онъ былъ слишкомъ широкъ, слишкомъ склоненъ къ всепрощенію и примиренію; она ввела эту расплывчатость въ границы. Дочь стараго вояки, женившагося на плѣнной турчанкѣ и рано овдовѣвшаго, она родилась въ походѣ и выросла въ суровомъ обществѣ отца. Она была его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. Мать Гракховъ и Муцій Сцевола были ея героями. «Неумолимость долга, цѣломудренность, поразительная въ женщинѣ, имѣвшей столькихъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебреженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что ея нѣтъ дома, когда она дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи, — вотъ отличительныя свойства этой замѣчательной женщины. Но всѣ эти свойства составляли ея стихію, а не были чѣмъ-то надуманнымъ. На-

противъ, въ ней не было того, что называется житейскою мудростью; въ свѣтѣ она казалась наивною по своей неспособности къ лицемѣрію и двоедушію. Она не могла скрыть ни своихъ симпатій, ни антипатій. Благоговѣйно покорялась она мужней волѣ, но когда дѣло шло для нея о нравственномъ началѣ, мужъ долженъ былъ склоняться передъ нею: не то, чтобы она только не хотѣла, но она не могла дѣйствовать вопреки своему убѣжденію. У нея не было никакой эластичности, а сойти съ своей точки зрѣнія и стать на чужую, отрѣшиться отъ своей личности, чтобы понять чужую, ей было трудно, почти невозможно».

С. Т. Аксаковъ принялъ это, какъ должное. Правда, онъ «вовсе не раздѣлялъ ригоризма своей жены, но онъ именно умѣлъ цѣнить людей внѣ своей личной природы. Онъ уважалъ высоко свою жену и всѣ ея нравственныя требованія, хотя въ личной своей жизни шелъ нерѣдко имъ наперекоръ».

IV.

Послѣ женитьбы Аксаковъ пытался поселиться въ деревнѣ. Пять лѣтъ онъ прожилъ съ родителями, но подъ конецъ это стало не въ моготу. Выдѣлить его не хотѣли, а жизнь въ семейной тѣснотѣ была тягостна и матеріально, и морально. Ольга Семеновна была южанка, и въ грубой средѣ заволжскаго дворянства ее томило все: отъ неопрятности и нелюбви къ цвѣтамъ до совершеннаго равнодушія къ общественнымъ интересамъ. Ея свекровь была уже безконечно далека отъ того красиваго образа, который впослѣдствіи такъ ярко вырисовался подъ перомъ ея сына.

«Нѣкогда блистательная, страстная Марія Николаевна,—разсказываетъ ея внукъ И. С. Аксаковъ,—превратилась въ старую, болѣзненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознаніемъ ничтожества своего супруга и въ то же время ревновавшую, ибо она чувствовала, что онъ только ея боится, но что она утратила его сердце. Страстно любимый Сережа былъ разлюбленъ ею, какъ скоро онъ женился. Оба старика чувствовали, что Сереженька вышелъ изъ ихъ среды. Въ домѣ всѣ боялись только Маріи Николаевны. Главою дома была она».

Наконецъ, въ 1820 г. С. Т. Аксаковъ былъ выдѣленъ, получилъ въ вотчину то самое Надеждино (Оренб. губ.), которое нѣкогда было поприщемъ злодѣйствъ изображеннаго имъ Куроѣдова, и, переѣхавъ на годъ въ Москву, зажилъ широко открытымъ домомъ. Съ утра до вечера толпились здѣсь гости, «производились чтенія, твердились роли, играли въ карты». Возобновились старыя, литературныя связи, завязались новыя. С. Т. Аксаковъ вошелъ въ писательскую и литературную жизнь Москвы. Онъ напечаталъ свой переводъ десятой сатиры Буало (Москва, 1821)—переводъ «воль-

ный», ибо опять переводчикъ «подчинился нелѣпому направленію большей части литераторовъ того времени—и переложилъ Буало на русскіе нравы! Казалось, такъ лучше, понятнѣе, сильнѣе произведетъ впечатлѣніе на читателей, а при томъ—всѣ такъ дѣлали». Въ этомъ же году написаны и появились въ «Вѣстникѣ Европы» стихотворенія: «Призываніе», подражаніе нѣмецкому, «Уральскій казакъ» (истинное происшествіе)—въ позднѣйшей характеристикѣ автора—«слабое и блѣдное подражаніе «Черной шали» Пушкина, «Элегія въ новомъ стилѣ»—пародія на Вяземскаго и «протестъ противъ туманно-мечтательныхъ стихотвореній, порожденныхъ подражаніями Жуковскому» и, наконецъ, «Посланіе къ Штеллинскому-Ульминскому», а вѣрнѣе, къ князю Вяземскому, какъ было озаглавлено «Посланіе» въ рукописи. Оно написано въ отвѣтъ на ядовитое посланіе Вяземскаго къ Каченовскому и воспроизводитъ его манеру. «Я вовсе не былъ пристрастенъ къ скептическому Каченовскому,—говоритъ Аксаковъ,—но мнѣ жаль стало старика имѣвшаго нѣкоторые почтенныя качества, и я написалъ начало посланія, чтобъ показать, какъ можно отразить тѣмъ же оружіемъ кн. Вяземскаго».

Но открытая жизнь въ Москвѣ была не по карману; рессурсы Аксаковыхъ, вообще, нуждались въ подкрѣпленіи. Пробывъ годъ въ Москвѣ, они переѣхали ради экономіи въ Оренбургскую губернію и прожили въ деревнѣ вплоть до осени 1826 года. Шла жизнь. Рождались и умирали дѣти, сгорѣлъ домъ, читался «Евгеній Онѣгинъ», присылаемый изъ столицы тетрадями, читался «вслухъ, громко, съ какимъ-то увлеченіемъ». «Освѣженный новыми знакомствами и посѣщеніемъ Москвы, С. Т. Аксаковъ, будучи человѣкомъ экспансивнымъ, невольно пріобщилъ малютку сына (Константина) своимъ литературнымъ интересамъ... Все это не мѣшало ни охотѣ, ни картамъ». Скорѣе охота и карты мѣшали: за годы, проведенные въ деревнѣ, С. Т. Аксаковъ написалъ очень мало. Онъ называетъ переводъ восьмой сатиры Буало, нѣсколькихъ сценъ изъ французскихъ трагедій и съ десятокъ посланій въ стихахъ. Изъ всего этого въ печати появились только три отрывка изъ Буало. Аксаковъ разсказалъ, какъ позже ему случайно пришлось въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской словесности прочитать въ присутствіи Н. Полевого отрывокъ сатиры, въ которомъ можно было усмотрѣть злобную характеристику издателя «Московскаго Телеграфа». Послѣдній не остался въ долгу, разбранилъ напечатанный переводъ; Аксаковъ отвѣчалъ болѣе рѣзко, чѣмъ было свойственно его натурѣ; онъ всегда былъ подъ вліяніемъ окружающихъ. Впослѣдствіи онъ признавался въ несправедливости къ Полевому: «кругъ друзей, въ которомъ я жилъ, былъ весь противъ Полевого, и я съ искренней горячностью раздѣлялъ его убѣжденіе». Аксаковъ видитъ «взаимную неправость» въ этой полемикѣ, «которая впослѣдствіи вышла изъ всякихъ предѣловъ при-

личія и сдѣлалась вовсе не литературною», но понимаетъ, что былъ въ ней, «къ сожалѣнію, однимъ изъ наиболѣе раздраженныхъ, слѣдственно, и не всегда справедливыхъ дѣятелей». Но это было позже. Въ деревнѣ же Аксаковъ написалъ и напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1825 г. № 4, «Эпиграмма») совершенно незначительное четверостишіе, направленное противъ какого-то «журнальнаго Донъ-Кихота», быть можетъ, того же Полевого, и идиллію «Рыбачье горе» («Московскій Вѣстникъ», 1829 г. I), какъ бы стихотворное предвареніе будущихъ «Записокъ объ уженьи рыбы» въ ложноклассической манерѣ, но съ тѣми же живыми колоритными подробностями. Были за это время напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» (1825) также двѣ критическія статьи С. Т. Аксакова: «О переводѣ «Федры» (Лобанова) и «Мысли и замѣчанія о театрѣ и театральномъ искусствѣ». Въ послѣдней, среди общихъ мѣстъ, по преимуществу безспорныхъ, вродѣ того, что «покуда актеры не будутъ уважать мнѣніемъ истинныхъ знатоковъ болѣе, нежели рукоплесканіемъ множества, до тѣхъ поръ и съ дарованіями актеры никогда не будутъ истинными артистами», любопытны и характерны соображенія автора о напѣвѣ при декламаціи стиховъ въ трагедіяхъ; по мнѣнію автора напѣвъ необходимъ, но должно его употреблять умѣренно и не вездѣ: «къ чему сей великій трудъ писать стихами, если читать ихъ, какъ прозу? И созвучное протяженіе стиховъ не производитъ ли живѣйшаго впечатлѣнія въ сердцѣ человѣческомъ?» Такъ, тяготѣя къ правдѣ, онъ стоялъ за «условную натуральность» въ духѣ времени. Обстановка опредѣляла его, и въ деревнѣ литературныя занятія занимали послѣднюю долю его «досужихъ часовъ». Охота и уженье были важнѣе и любопытные охотничьи дневники, оставшіеся отъ него, свидѣтельствуютъ, какое мѣсто занимали въ его духовномъ обиходѣ эти интересы. Блѣдно и вяло, какъ бы нехотя, разсказалъ онъ о впечатлѣніи, которое произвели на него и окружающихъ событія 1825 года. Ему бы вѣкъ жить въ деревнѣ; но въ деревнѣ ему не посчастливилось; хозяйство не пошло; надежды нажить въ сельскомъ хозяйствѣ денегъ и тогда зажить капиталистомъ въ Москвѣ кончились ничѣмъ. Раньше Аксаковъ занимался иногда отцовскимъ хозяйствомъ «неприлежно и неохотно», но ему казалось, что онъ «узналъ и понялъ дѣло хорошо, видѣлъ, что можно ввести много улучшеній и, слѣдственно, увеличить доходъ». И. С. Аксаковъ разсказываетъ объ этомъ въ еще болѣе печальномъ тонѣ: «Самыя выгодныя, повидимому, спекуляціи кончались ничѣмъ. Вспомнилъ Сергѣй Тимофеевичъ завѣтъ своего отца, который всегда говаривалъ: никакія спекуляціи не удавались и не удадутся никогда Аксаковымъ: одно святое дѣло—земледѣліе. Несмотря на всѣ выгоды, которое представляло учрежденіе винокуреннаго завода, выгоды, доказывавшіяся примѣрами сосѣдей, Тимофей Степановичъ никогда не соглашался завести подобный заводъ». Оно и понятно: при «нелюбви къ дѣлу», въ ко-

торой признается С. Т. Аксаковъ, ничего хорошаго произойти не могло. Смотрѣть по прежнему «легкомысленно и поверхностно на отношенія помѣщика къ своимъ крестьянамъ» было невозможно. Хорошо еще, что Аксаковъ понялъ свою ошибку и догадался «*не мѣшать старостѣ*». Но деревня опротивѣла ему: «нравственное чувство мое безпрестанно оскорблялось и сознаніе въ собственномъ «безсиліи быть полезнымъ» отравляло мою тихую, уединенную деревенскую жизнь». Къ тому же надо было учить дѣтей, искать службы, и въ августѣ 1826 года С. Т. Аксаковъ разстался съ деревней—и навсегда. Наѣздомъ онъ бывалъ здѣсь, живалъ подолгу въ подмосковной, но по существу до смерти остался столичнымъ жителемъ.

Въ Москвѣ онъ встрѣтился съ Шишковымъ, теперь уже министромъ народнаго просвѣщенія; тотъ какъ бы съ удивленіемъ нашелъ, что Аксаковъ въ деревнѣ «не одичалъ и не поглупѣлъ», но никакъ не могъ понять намековъ Аксакова на то, что онъ желаетъ получить должность цензора. Говорилъ Аксаковъ о томъ, что ему нужно жалованье, спрашивалъ, сколько будутъ получать цензора и, кто будетъ въ Москвѣ цензоромъ—все напрасно. Пришлось сказать прямо, и недогадливый старикъ обрадовался. «Лучшаго цензора я и желать не могу. Въ твоихъ правилахъ я увѣренъ, какъ въ моихъ собственныхъ»—и очень удивлялся, какъ это ему самому не пришло въ голову. Опять былъ открытый домъ, литературныя знакомства, мелкія литературныя работы, карты и клубъ. Къ этому прибавилась теперь служба. О цензорской дѣятельности С. Т. Аксакова говорятъ различно. Горько жаловался на его пристрастіе и несправедливость Ксенофонтъ Полевой, братъ Николая; онъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ С. Т. Аксаковъ «чинилъ всякія притѣсненія» «Московскому Телеграфу», какъ донесъ на Н. Полевого въ Петербургъ, а въ то же время «друзьямъ своимъ дозволялъ печатать почти все, что они хотѣли». Конечно, К. Полевой гораздо болѣе пристрастенъ, чѣмъ С. Т. Аксаковъ, и его злобные отзывы о положеніи Аксакова въ литературныхъ кругахъ даютъ достаточное основаніе не вполнѣ довѣрять ему. Есть, однако, и другія указанія на цензорскую дѣятельность Аксакова, болѣе достойныя вѣры и не вполнѣ благопріятныя. Но въ общемъ онъ былъ мягокъ, формализма не выносила его натура и, напримѣръ, Погодинъ—въ ту пору далеко не признанный въ своей благонадежности — былъ очень обязанъ снисходительности С. Т. Аксакова, ставшаго къ тому же его пріятелемъ, сотрудникомъ его «Московскаго Вѣстника».

Близость съ Погодинымъ расширила кругъ литературныхъ знакомыхъ. «Новыми и преданными друзьями» его стали Юрій Венелинъ, профессора П. С. Щепкинъ, М. Г. Павловъ, потомъ Н. И. Надеждинъ. Обновились и театральныя связи; частымъ гостемъ былъ М. С. Щепкинъ; бывали Мочаловъ и другіе. Въ 1832 году

Аксакову пришлось перемѣнить службу; отъ должности цензора онъ былъ отставленъ за то, что пропустилъ въ журналѣ И. В. Кирѣевскаго «Европеецъ» статью «Девятнадцатый вѣкъ»; извѣстна курьезная мотивировка запрещенія, которое обрушилось на журналъ: «хотя сочинитель—сказано здѣсь—и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу, дѣятельность разума у него означаетъ революцію, а искусно отысканная середина—не что иное, какъ конституція». Кромѣ того, Аксакову вмѣнено было въ вину то, что онъ пропустилъ обличительную балладу «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ».

При нынѣшнихъ связяхъ Аксакова ему не такъ ужъ трудно было пристроиться, и въ слѣдующемъ году онъ получилъ мѣсто инспектора землемѣрнаго училища, а затѣмъ, когда оно было преобразовано въ Константиновскій межевой институтъ,—былъ назначенъ первымъ его директоромъ и устроителемъ: назначеніе, нѣсколько неожиданное для всякаго, кто знакомъ съ научной подготовкой С. Т. Аксакова. Надо, однако, сказать, что историкъ института приводитъ рядъ свидѣтельствъ объ энергичной и плодотворной дѣятельности перваго директора. Въ его время (съ 1838 г.) и, быть можетъ, по его рекомендаціи *) былъ, впрочемъ, очень недолго преподавателемъ въ институтѣ В. Г. Бѣлинскій. Въ 1839 г. и самъ С. Т. Аксаковъ, теперь обезпеченный большимъ состояніемъ, которое осталось ему послѣ смерти отца, покинулъ службу и послѣ нѣкоторыхъ колебаній уже не возвращался къ ней. Писалъ онъ за это время мало, и то, что онъ писалъ, очень незначительно: рядъ театральныхъ рецензій въ «Драматическихъ прибавленіяхъ» къ «Московскому Вѣстнику», и «Галатеѣ» (1828—1830 г.), нѣсколько небольшихъ статей («Некрологія А. И. Писарева», «Нѣчто объ игрѣ г. Щепкина», о романѣ «Юрій Милославскій», о кн. Шаховскомъ, о значеніи поэзіи Пушкина и др.). Его переводъ мольеровскаго «Скупого» шелъ на московскомъ театрѣ въ бенефисъ Щепкина. Въ 1830 г. напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (безъ подписи) его разсказъ «Рекомендація министра». Наконецъ, въ 1834 году въ альманахѣ «Денница» появился—также безъ подписи—его очеркъ «Буранъ». Это—первое произведеніе, которое говоритъ намъ о *настоящемъ* С. Т. Аксаковѣ—неумирающемъ русскомъ классикѣ. Самъ авторъ, перепечатывая «Буранъ» черезъ четверть вѣка послѣ его перваго появленія, противополагалъ этотъ очеркъ другимъ произведеніямъ того времени. Критикъ «Русской Бесѣды» (1856 г.), разбирая «Семейную хронику», пожелалъ отдѣлить ее отъ «Бурана», ставя этотъ очеркъ въ тѣсную связь съ старой манерой Аксакова. «Чувствуете ли вы всю условную ненатуральность эпохи тридцатыхъ годовъ въ самомъ раз-

---

*) А. Н. Пыпинъ видитъ здѣсь скорѣе вліяніе кн. Козловскаго.

сказѣ—разсчетъ на внѣшніе эффекты и отсутствіе внутренней необходимости въ ходѣ дѣйствія»? Рядъ такихъ замѣчаній, видимо, задѣлъ С. Т. Аксакова, и онъ перепечаталъ свой старый очеркъ, чтобы показать своимъ новымъ благосклоннымъ читателямъ, «какъ писалъ онъ въ то время, когда кромѣ какихъ нибудь мелкихъ статей, вынужденныхъ, такъ-сказать, обстоятельствами, онъ ничего не писалъ». Вотъ какъ тщательно отграничиваетъ С. Т. Аксаковъ свой маленькій непритязательный очеркъ отъ прежней литературной дѣятельности. И онъ правъ; онъ чувствуетъ, что «Буранъ» есть поворотный пунктъ или, вѣрнѣе, начало его творчества. Все предыдущее заслуживаетъ вниманія развѣ лишь со стороны педантичнаго библіографа: и историку литературы, и біографу, слѣдящему за развитіемъ личности писателя, эти произведенія даютъ очень мало данныхъ: слишкомъ ординарны они даже для своего времени, слишкомъ мало проявилась въ нихъ личность писателя и совсѣмъ не раскрылись въ нихъ тѣ возможности, которыя еще таились въ немъ, ища надлежащей формы и среды для проявленія. «Буранъ»—первый вѣстникъ о томъ, что зрѣла эта форма, что создавалась надлежащая среда, что впечатлительный С. Т. Аксаковъ поддавался новымъ вліяніямъ, болѣе высокимъ, болѣе плодотворнымъ.

V.

Въ противоположность прежнимъ, не сверху отъ литературныхъ знаменитостей, не извнѣ шли они, но снизу, отъ молодежи, изнутри, изъ нѣдръ аксаковской семьи. Подростали сыновья Сергѣя Тимофеевича, мало похожіе на него по темпераменту, по умственному складу, по жаждѣ знаній, по влеченію къ общественному воздѣйствію, по идейнымъ интересамъ. Надо ясно представлять себѣ внутренній строй аксаковской семьи, чтобы понять это воздѣйствіе кружка молодежи на стараго—и не столько годами, сколько установившимся душевнымъ складомъ—отца. Можно расходиться во всемъ съ Аксаковымъ, но нельзя не удивляться той ясности и правдѣ, той красотѣ и законченности, тому согласію и внутреннему равновѣсію, которыя отличали семью Сергѣя Тимофеевича, какъ цѣлое. Снаружи это былъ открытый московскій домъ, биткомъ набитый дворней, хлѣбосольный, съ утра до вечера полный гостями, безцеремонный, уютный. Такимъ изобразилъ его Панаевъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, такимъ зналъ его Лонгиновъ въ половинѣ пятидесятыхъ. Но внутри было еще нѣчто, болѣе высокое и цѣнное. Два противоположныхъ характера сошлись для семейнаго строительства и выработали удивительно гармоничную обстановку для роста новаго поколѣнія. Ольга Семеновна была морально ригористична, глубоко серьезна, авторитетна; она оказывала громадное вліяніе на экспансивнаго, расплывчатаго, добро-

душнаго мужа, умѣя, однако, съ неизмѣнной скромностью и тактомъ дѣлать совершенно незамѣтнымъ свое вліяніе. И въ свою очередь она поддавалась его вліянію; мягкій, онъ былъ авторитетомъ для нея. Въ атмосферѣ этого мира, этой общности воззрѣній и интересовъ, не нарушаемой, но какъ бы закрѣпляемой различіемъ темпераментовъ, росли дѣти. Рядъ документовъ—переписка И. С. Аксакова съ отцомъ, дневникъ Вѣры Сергѣевны, появившійся въ прошломъ году, и т. д.—даетъ намъ широкую возможность проникнуть въ душевный строй Аксаковской семьи, какъ цѣлаго. Не столько общность взглядовъ бросается здѣсь въ глаза, не столько даже интимность связей и любовь, сколько глубокое уваженіе другъ къ другу. Дѣти—ихъ было четыре сына и шесть дочерей—преклоняются предъ «отесинькой», но онъ видитъ въ нихъ равныхъ, и они это чувствуютъ, ибо это не только голая форма. И. С. Аксаковъ неоднократно пишетъ объ отцѣ, что онъ былъ необразованъ, что онъ, «уже женатый, проводилъ цѣлыя ночи за картами» и т. д.—и это ни на іоту не нарушаетъ того впечатлѣнія глубокаго уваженія, которое окружаетъ отца: уваженіе не исключаетъ правды, а требуетъ ея. *Дружба* съ сыновьями, несомнѣнно, имѣла значеніе въ развитіи литературной личности С. Т. Аксакова. П. Н. Милюковъ, въ полемикѣ съ историками литературы, отстаивающими вліяніе сыновей на его творчество, совершенно основательно указываетъ на то, что кружокъ Константина Аксакова—кружокъ Станкевича—не повліялъ на его славянофильскія воззрѣнія, ни тѣмъ менѣе на воззрѣнія его отца, что въ кружокъ онъ принесъ свою крѣпкую семейную традицію, что скорѣе отецъ сузилъ идеи сына, чѣмъ сынъ расширилъ идеи отца, и т. д. Но дѣло совсѣмъ не въ этомъ, хотя—къ слову сказать—С. Т. Аксакова не напрасно называли самымъ западнымъ человѣкомъ въ его семьѣ. Не въ вопросахъ націонализма, мало того—не въ боевой метафизикѣ, не въ вопросахъ вѣры и разума, не въ шеллингіанствѣ и гегеліанствѣ было дѣло, а въ умственномъ *движеніи*. Впервые консервативная—не только по идеямъ, а главнымъ образомъ, по общему складу—мысль зрѣлаго С. Т. Аксакова встрѣтилась съ кипѣніемъ молодыхъ умовъ; впервые видѣлъ онъ передъ собой то творчество жизни, ту борьбу за міровоззрѣніе, съ которой не познакомили его ни догматы Карташевскаго, ни университетскія впечатлѣнія, ни поученія Шишкова, ни водевили Писарева. Конечно, не переродиться отъ этого могъ сорокалѣтній человѣкъ, установившійся и по натурѣ не ищущій; но рѣчь и не идетъ о перерожденіи, о перемѣнѣ общественно-политическихъ воззрѣній, но о томъ вліяніи, которое должна была произвести на С. Т. Аксакова близкая его сыну пылкая молодежь съ ея высокими умственными запросами, съ ея чрезвычайной серьезностью, съ ея новыми литературными вкусами.

Характернѣйшимъ проявленіемъ этихъ вкусовъ было отноше-

ніе этого новаго поколѣнія къ Гоголю. Въ литературныхъ кругахъ, гдѣ вращался С. Т. Аксаковъ, къ Гоголю относились съ глубокимъ пренебреженіемъ. «Во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей,—разсказываетъ С. Т. Аксаковъ,—во всемъ кругѣ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь и кто бы оцѣнилъ его вполнѣ. Даже никого, кто бы всего его прочелъ. О! Петербургъ, о! пошло-дѣловой Петербургъ. Вотъ, напримѣръ, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, тоже старый мой товарищъ, литераторъ и членъ Россійской Академіи, съ которымъ, разумѣется, я никогда о Гоголѣ не разсуждалъ, вдругъ спрашиваетъ меня при многихъ свидѣтеляхъ: «А что Гоголь опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?» Не помню, что я отвѣчалъ ему; но, вѣроятно, присутствіе другихъ спасло его отъ такого отвѣта, отъ котораго не поздоровилось бы ему». Карташевскій совершенно не понималъ Гоголя. Загоскинъ «хвалилъ Диканьку, но не оцѣнилъ ея вполнѣ» и больше смѣялся надъ напыщенностью описаній и неправильностями языка. Даже Жуковскій и Пушкинъ, по мнѣнію Аксакова, не вполнѣ цѣнили Гоголя. Цѣнила его по настоящему только московская университетская молодежь—профессорская и студенческая. И она ввела С. Т. Аксакова въ міръ Гоголевскаго искусства, а для Аксакова узнать Гоголя значило ступить на новый литературный путь. Онъ въ Гоголѣ нашелъ себя. И здѣсь обычныя воззрѣнія его біографовъ встрѣтили возраженія П. Н. Милюкова. Онъ рѣшительно отказывается придавать значеніе вліянію на Аксакова личныхъ сношеній съ Гоголемъ. Онъ напоминаетъ о томъ, какъ тяжелы были эти личныя сношенія для Аксаковыхъ, какъ оскорбительна была для нихъ эта долгая борьба между ихъ преклоненіемъ передъ геніемъ Гоголя и оцѣнкой его отношеній къ нимъ. Но и эти соображенія не мѣняютъ дѣла. Самъ П. Н. Милюковъ находитъ, что «въ этомъ случаѣ прежде всего необходимо отличить литературное вліяніе отъ личнаго. Первое несомнѣнно, поскольку дѣло касается художественнаго реализма Гоголя, и весьма вѣроятно, поскольку дѣло касается стиля». Кажется, это рѣшаетъ вопросъ. Если же прибавить, что и самыя тяжелыя личныя отношенія никакъ не исключаютъ личнаго вліянія и что мы имѣемъ прямыя указанія свидѣтелей на личное вліяніе Гоголя,—которое, повторяемъ, и не такъ существенно,—то становится мало понятнымъ, о чемъ идетъ споръ. Интересно вспомнить слова С. Т. Аксакова въ письмѣ къ Гоголю: «Я надувалъ самъ себя, чтобъ жить спустя рукава. Я добровольно кидался въ толпу непризванныхъ, я наклепывалъ на себя ихъ пошлость и такимъ образомъ отдѣлывался отъ трудныхъ подвиговъ разумной жизни. Я уже думалъ прожить такъ цѣлый вѣкъ, но нашелся человѣкъ, близкій моему сердцу самъ по себѣ и драгоцѣнный мнѣ, какъ великій художникъ. Онъ сталъ передо мною, лицомъ къ лицу, поднялъ со дна души заброшенныя мысли и гово-

ритъ: «Пойдемъ вмѣстѣ. Я вотъ что дѣлаю съ собой. Помоги мнѣ, а я помогу тебѣ».—«Безъ Гоголя,—говоритъ И. И. Панаевъ,— С. Т. едва ли бы написалъ «Семейство Багровыхъ». И у насъ есть не одинъ такой призывъ Гоголя. «Мнѣ кажется,—писалъ онъ въ августѣ 1847 года С. Т. Аксакову,—что если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминанія прежней жизни вашей и встрѣчи со всѣми людьми, съ которыми случалось вамъ встрѣтиться, съ вѣрными описаніями характеровъ ихъ, вы усладили этимъ много послѣдніе дни ваши, а между тѣмъ доставили бы дѣтямъ своимъ много полезныхъ въ жизни уроковъ, а всѣмъ соотечественникамъ лучшее познаніе русскаго человѣка». Это увѣщаніе имѣетъ, конечно, значеніе.

«Мы можемъ, — говоритъ П. Н. Милюковъ, — обойтись безъ того искусственнаго дѣленія жизни С. Т. Аксакова на двѣ части, которое часто употребляется нашими историками литературы». Здѣсь мысль противниковъ расширена Не столько жизнь Аксакова дѣлили историки литературы на двѣ части, сколько въ литературной дѣятельности его видѣли двѣ мало схожія половины—и, судя по приведенной выдержкѣ, кажется, П. Н. Милюковъ самъ признаетъ это. «Талантливость Аксакова была на-лицо, конечно, не въ меньшей степени, когда онъ въ теченіе полувѣка дѣлалъ свои наблюденія, чѣмъ когда онъ въ концѣ жизни началъ ихъ излагать. Съ другой стороны, и въ концѣ жизни онъ не обнаружилъ ничего большаго сравнительно со сдѣланнымъ ранѣе запасомъ. Если только въ 1850-хъ годахъ Аксаковъ сдѣлался классическимъ писателемъ, то и вина и заслуга этого принадлежитъ времени, а не автору. Нѣтъ, слѣдовательно, нужды предполагать какой-то переворотъ въ талантѣ Аксакова и, съ одной стороны, объяснять его поздній расцвѣтъ какою-то искусственною задержкою въ его литературномъ развитіи, а съ другой стороны—преувеличивать вліянія на развитіе его таланта Гоголя и собственныхъ сыновей». Всѣ эти соображенія чреваты недоразумѣніями, которыя желательно было бы выяснить. Времени или автору принадлежитъ вина и заслуга,—объ этомъ можно не спорить: наши средства слишкомъ слабы для этого анализа. Но вѣдь здѣсь «время» не метафизическая категорія, а современная историческая обстановка, т. е., между прочимъ, и въ сильнѣйшей степени - литературная дѣятельность Гоголя. Затѣмъ, кому бы ни принадлежала заслуга, въ ея признаніи есть признаніе того, что литературная жизнь Аксакова дѣлится на двѣ части; «если только въ 1850-хъ годахъ Аксаковъ сдѣлался классическимъ писателемъ»,—значитъ раньше онъ былъ инымъ: это ли не дѣленіе? Нѣтъ нужды предполагать какой-то переворотъ»; но «переворотъ» или «поздній расцвѣтъ»—не споръ ли это о словахъ? И если талантливость Аксакова «была на-лицо, *конечно, не въ меньшей степени*» въ тѣ ранніе годы, когда онъ только дѣлалъ свои наблюденія, то непонятно, какъ могъ еще «расцвѣсть» его талантъ. Въ

томъ-то и дѣло, что копить наблюденія это—одно, а создавать изъ нихъ классическія произведенія—совсѣмъ другое. Аксаковъ былъ наблюдателенъ и въ ранней молодости, но писалъ все время ничтожнѣйшіе стишки и статейки, потому что не только въ твореніяхъ «высокаго стиля», въ направленіи Державина, Озерова, Шишкова, но въ болѣе реальной сентиментальной повѣсти Карамзина тонкая наблюдательность и трезвая правдивость Аксакова не могли найти примѣненія. Онъ родился нѣсколько раньше своего времени. Его дарованіе было создано для новыхъ формъ литературнаго творчества, но не въ его силахъ было создать эти формы. И когда онъ ихъ нашелъ—быть можетъ, не только у Гоголя, но и въ «Капитанской дочкѣ» и «Повѣстяхъ Бѣлкина», онъ сумѣлъ воспользоваться тѣмъ богатствомъ выраженія, которое онѣ предоставляли его природной наблюдательности. Не человѣкъ Аксаковъ переродился, а въ немъ родился писатель. Это было въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, и съ тѣхъ поръ творчество Аксакова развивалось плавно и плодотворно.

VI.

Вслѣдъ за «Бураномъ» начата была «Семейная хроника». Странно это слышать тѣмъ, кто привыкъ къ мысли, что талантъ Аксакова развернулся въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, кто знаетъ, что «Семейная хроника» появилась въ 1856 году. Но первый отрывокъ изъ нея былъ оконченъ еще въ 1840 году и напечатанъ безъ имени автора черезъ шесть лѣтъ (въ «Московскомъ Сборникѣ» Москва, 1846). Здѣсь—въ великолѣпной характеристикѣ дѣдушки Степана Михайловича, въ общемъ колоритѣ разсказа, яснаго, широкаго, безконечно непритязательнаго и правдиваго, въ сочномъ языкѣ, въ спокойномъ движеніи повѣствованія—уже весь С. Т. Аксаковъ, котораго до сихъ поръ перечитываютъ русскіе читатели, котораго считаетъ своимъ классикомъ русская литература.

Уже въ эти годы извѣстная популярность окружала С. Т. Аксакова. Имя его пользовалось авторитетомъ. Академія Наукъ избирала его не разъ рецензентомъ при присужденіяхъ наградъ. Онъ считался мужемъ совѣта и разума, и живость его ума, поддерживаемая близостью съ молодежью, давала ему возможность двигаться впередъ если не въ общественно-политическомъ или морально-религіозномъ міровоззрѣніи, основамъ котораго, усвоеннымъ въ дѣтствѣ, онъ всегда оставался вѣренъ, то въ конкретныхъ проявленіяхъ этихъ общихъ началъ. Онъ былъ терпимъ и чутокъ. Ясно и дѣятельно было въ его мысли все, что было лучшаго въ первоначальномъ славянофильствѣ, еще далекомъ въ ту пору отъ неизбѣжнаго мракобѣсія. Безъ лести, но съ любовью охарактеризовалъ С. Т. Аксакова въ годы подъема его творчества его сынъ, Иванъ

Сергѣевичъ: онъ «былъ чуждъ гордости къ ближнему, напротивъ, отличался постоянною снисходительностью. Это-то качество и дало ему возможность развить въ себѣ ту теплую объективность, которая составляетъ такую прелесть «Семейной Хроники», которая чуждается всякой экзажераціи (преувеличеній), рѣзкости, полна любви и благоволенія къ людямъ и отводитъ мѣсто каждому явленію, доброму и дурному, въ человѣческой жизни. Радушный и добрый отъ природы, онъ обладалъ умомъ чрезвычайно яснымъ и трезвымъ. Эта ясность омрачалась пылкостью и страстностью. Но когда годы и болѣзни умѣрили пылъ и обуздали страсти,—умъ его, освободясь изъ-подъ гнета, достигъ той степени спокойнаго, объективнаго отношенія къ жизни, которое такъ поражаетъ читателей въ его сочиненіяхъ. Умъ переходилъ въ мудрость. Пишущій эти строки говаривалъ не разъ Сергѣю Тимофеевичу, что если бы онъ вздумалъ писать «Семейную Хронику» лѣтъ сорока или сорока пяти, а не шестидесяти, то она вышла бы несравненно хуже: краски были бы слишкомъ ярки. Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ, относился къ нимъ индифферентно: природа и литература были главные его интересы. Даже 1812-й годъ, когда Сергѣю Тимофеевичу Аксакову былъ уже 22-й годъ, не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Правда, онъ съ отцомъ своимъ записался въ милицію,—но и только. 12-й годъ онъ прожилъ въ деревнѣ. Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ «патріотомъ» даже въ духѣ своего времени. Политикой онъ не занимался вовсе и никогда не предъявлялъ никакихъ притязаній на героизмъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ нужныхъ случаяхъ онъ проявилъ бы настоящую твердость; онъ даже любилъ разсказывать о себѣ, какъ о трусѣ (къ великому огорченію своего старшаго сына). Итакъ, совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страстныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, безпечность относительно матеріальныхъ выгодъ, тонкое художественное чувство, вѣрность суда,—вотъ отличительныя свойства Сергѣя Тимофеевича, которыя привлекали къ нему почти всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточною образованностью, чуждый науки,—онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многіе были знаменитые ученые. Если надобно было кого разсудить въ ссорѣ, обращались къ Сергѣю Тимофеевичу (онъ разбиралъ Погодина съ Веневитиновымъ, Погодина съ Кирѣевскимъ и проч.). Подходила старость, цвѣтущая, покойная, творческая. Милые устные разсказы С. Т. побудили его слушателей добиваться того, чтобы они были записаны. Но, временно оставивъ «Семейную хронику», онъ обратился къ естественно-научнымъ и охотничьимъ воспоминаніямъ, и его «Записки объ уженьи рыбы» (Москва, 1847) были первымъ его широкимъ литературнымъ успѣхомъ. Ав-

торъ не ждалъ его, да и цѣнить особенно не хотѣлъ. Страстный рыбакъ съ дѣтства, онъ самъ сознавалъ, что печатаетъ свои очерки для другихъ, писать же можетъ только для себя, «для освѣженія моихъ воспоминаній, для собственнаго удовольствія». Одинъ «примиритель, вѣчно юный и живой, чудотворецъ и цѣлитель» осѣнялъ его въ жизни и творчествѣ: это природа, съ которой онъ такъ тѣсно былъ связанъ и своими неумирающими воспоминаніями, и своей наблюдательностью

Ухожу я въ міръ природы,
Въ міръ спокойствія, свободы,
Въ царство рыбъ и куликовъ,
На свои родные воды,
На просторъ степныхъ луговъ,
Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
И—въ свои младые годы...

А С. Т. Аксакову было отъ чего «уходить» въ эти годы—если не отъ огорченій, то просто отъ массы событій, захватывавшихъ его, отъ массы фактовъ жизни личной и общественной. Появились «Выбранныя мѣста», и С. Т. Аксаковъ, быть можетъ, одинъ изъ наиболѣе подготовленныхъ къ этой стадіи въ развитіи Гоголя, былъ удрученъ до чрезвычайности и осыпалъ «Переписку» рѣзкостями въ письмахъ къ ея автору и къ сыну Ивану, который въ это время бѣшенно спорилъ о зловѣщей книгѣ съ самой А. О. Смирновой, «калужской губернаторшей», отстаивавшей, конечно, Гоголя, а самъ,—какъ видно изъ его отвѣтовъ отцу—поддавался ея вліянію. Въ жизни всѣхъ сыновей предстояли новости: старшій, Григорій, женился, Иванъ долженъ былъ перемѣнить службу, Константинъ былъ наканунѣ защиты своей магистерской диссертаціи. Идейная борьба, захватившая всѣхъ, достигла чрезвычайнаго напряженія — и быстро старѣющій Сергѣй Тимофеевичъ не могъ переживать ея перипетіи. Онъ болѣлъ, зрѣніе его слабѣло и въ подмосковномъ сельцѣ Абрамцевѣ, въ уженьи на идиллической Ворѣ, онъ охотно забывалъ о всѣхъ злобахъ дня. «Едва ли возможно передать вамъ—писалъ онъ сыну—то состояніе духа, въ которомъ я нахожусь теперь: я уже совершенно оторвался отъ жизни московской и всѣхъ ея интересовъ, важныхъ и неважныхъ, даже отъ любимыхъ мною. Я весь перенесся теперь въ совершенно другую сферу». Друзья сочувствовали этому «перенесенію»; оно было не только возвратомъ къ природѣ, но и углубленіемъ въ литературную работу. «Бодрствуйте—писалъ Аксакову Гоголь—готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ «душъ»; пожелайте только, чтобы онѣ были также живыя, какъ ваши птицы». «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» вышли въ 1852 году съ неполнымъ именемъ автора: (С. А—ва) и вызвали еще болѣе восторженные отзывы, чѣмъ «Уженье рыбы». Среди этихъ отзывовъ наиболѣе интересна, конечно, извѣстная статья

И. С. Тургенева, написанная въ видѣ «Письма къ одному изъ издателей» «Современника» (Н. А. Некрасову). Когда вспоминаешь, что всѣ три писателя — и тотъ, о комъ писали, и тотъ, къ кому обращался съ отзывомъ авторъ—были страстными охотниками, то эта мелочь перестаетъ быть случайной: цѣлая полоса литературной исторіи въ этихъ охотничьихъ интересахъ писателей, въ этой близости ихъ къ природѣ и деревнѣ. Это были, можно сказать, послѣдніе могикане; отъ деревни они шли къ городу и тѣ, что за ними пошли изучать и изображать деревню, уже были горожане, разночинцы, мѣщане. Что-то глубоко свое, родственное, уже не повторенное въ позднѣйшихъ отзывахъ, чувствуется въ тѣхъ хвалебныхъ строкахъ, которые авторъ «Записокъ охотника» посвятилъ «Запискамъ ружейнаго охотника». Здѣсь и свои охотничьи впечатлѣнія, и техническая критика, и детальный разсказъ объ англійской пистонницѣ, и характеристики описаній и слога. По словамъ Тургенева, Аксаковъ «смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную) не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ: онъ не мудритъ, не хитритъ, не подкладываетъ ей постороннихъ намѣреній и цѣлей; онъ наблюдаетъ умно, добросовѣстно и тонко; онъ только хочетъ узнать, увидѣть... Если бы тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ г. А — въ». И въ стилѣ Аксакова Тургеневъ отмѣтилъ удивительную простоту и равновѣсіе свободы и точности выраженія, а въ описаніяхъ природы—отсутствіе погони за оттѣнками, при которой такъ часто теряются большія линіи картины. И раньше Тургеневъ писалъ объ обаятельной свѣжести новой книги Аксакова. «Да не подумаютъ читатели, что «Записки ружейнаго охотника» имѣютъ цѣну для однихъ охотниковъ; всякій, кто только любитъ природу во всемъ ея разнообразіи, во всей ея красотѣ и силѣ, всякій, кому дорого проявленіе жизни всеобщей, среди которой самъ человѣкъ стоитъ, какъ звено живое, высшее, но тѣсно связанное съ другими звеньями—не оторвется отъ сочиненія г. А—ва». Отзывъ Тургенева—какъ онъ сообщалъ С. Т. Аксакову—былъ совершенно изуродованъ цензурой.

Одновременно съ охотничьими воспоминаніями и характеристиками назрѣвали въ формирующейся мысли автора его разсказы о его дѣтствѣ и его ближайшихъ предкахъ. Вскорѣ по выходѣ «Записокъ ружейнаго охотника» стали появляться въ журналахъ новые отрывки изъ «Семейной хроники», а въ 1856 году она вышла отдѣльной книгой. Цензурныя условія, несомнѣнно, оказали вліяніе на содержаніе ея. «По несчастному положенію нашей цензуры, — писалъ авторъ А. О. Смирновой въ 1854 году,—и половины нельзя будетъ напечатать того, что мной написано; это меня огорчаетъ, потому что я получилъ вкусъ къ похваламъ и сочувствію, съ ко-

торыми было встрѣчено все напечатанное мною». Уже отрывокъ, напечатанный въ «Московитянинѣ», вызвалъ восторженный отзывъ «Отечественныхъ Записокъ». Теперь всѣ спѣшили наперерывъ отдать дань уваженія таланту маститаго мемуариста, и это шумное единогласіе критики было лишь отголоскомъ громаднаго успѣха книги въ обществѣ. Всѣ отмѣчали правдивость разсказа, умѣніе соединить историческую истину съ художественной обработкой. «Библіотека для чтенія» указывала на достоинства психологическаго анализа дѣйствующихъ лицъ, не только главныхъ, но и второстепенныхъ. Анненковъ въ «Современникѣ» далъ обстоятельную панегирическую оцѣнку «Семейной хроники», подробно останавливаясь на отдѣльныхъ характеристикахъ, на высокомъ чувствѣ природы и художественномъ языкѣ автора. На «неуловимой народности языка» останавливается прежде всего и критикъ «Отечественныхъ Записокъ» Дудышкинъ, хорошо оцѣнившій описанія природы и широкую типичность образа старика Багрова. Ѳ. Дмитріевъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» отмѣтилъ самобытность таланта автора, пережившаго нѣсколько поколѣній и оставшагося совершенно самобытнымъ въ своей удивительной «способности спокойнаго созерцанія». Въ формѣ слегка насмѣшливой разсказалъ объ успѣхѣ «Семейной хроники» Добролюбовъ, высоко цѣнившій ея «правдивость». «Изданіе «Хроники»,—говоритъ онъ въ статьѣ о «Разныхъ сочиненіяхъ»,—встрѣчено было съ такимъ восторгомъ, какого, говорятъ, не бывало со времени появленія «Мертвыхъ Душъ». Всѣ журналы наполнились статьями о С. Т. Аксаковѣ. Не всѣ критики выказали одинаковую проницательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной хроники»; но всѣ одинаково напомнили намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ россійскіе Пиндары, Мольеры и Вольтеры. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ по спокойствію и ясности своего міросозерцанія, есть не что иное, какъ новый Гомеръ; другіе утверждали, что по удивительному искусству въ развитіи характеровъ, онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣреннѣе, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе, какъ нашъ Вальтеръ Скоттъ. Ниже Вальтеръ Скотта, впрочемъ, ни одинъ изъ критиковъ не спускался».

Книгопродавческій успѣхъ книги былъ громаденъ; черезъ годъ потребовалось новое изданіе. «Книга моя,—писалъ авторъ сыну Ивану Сергѣевичу,—вышла, и по мѣрѣ поступленія въ лавку, раскупается нарасхватъ. Въ Петербургъ могли послать только семьдесятъ экземпляровъ. Похвалы и восторги, къ сожалѣнію, не доставляютъ мнѣ никакого удовольствія»,—и это несмотря на то, что въ другомъ письмѣ авторъ пишетъ: «Какъ бы ни были велики мои надежды на успѣхъ моей книги, дѣйствительность превзошла самыя самолюбивыя ожиданія».

Сочувственныя мнѣнія такихъ людей, какъ И. С. Тургеневъ, и особенно отзывъ о «Семейной хроникѣ» Анненкова радовали его

до глубины души. «Благодарю васъ за то»,—писалъ онъ И. С Тургеневу,—«что вы думаете о продолженіи «Семейной хроники» и за великолѣпный эпитетъ, который вы прилагаете къ ней. Дай Богъ, чтобы она заслужила его въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Относительно же отзыва Анненкова онъ пишетъ такъ: «Третьяго дня я испыталъ два удовольствія: поутру выслушалъ критику на мою книгу Анненкова, а къ вечеру—статью о томъ же предметѣ въ «Сѣверной Пчелѣ», вѣроятно, Ксенофонта Полевого. Вы справедливо сказали, что я вполнѣ буду доволенъ статьей Анненкова. Эта статья произвела на меня отрадное, успокоительное впечатлѣніе. Какъ ни дороги, какъ ни лестны для меня отзывы критика о художественномъ достоинствѣ и значительности моего труда, но всего дороже для меня то, что онъ оцѣнилъ мою рѣшимость напечатать книгу; онъ утвердилъ меня въ мысли, что я долженъ былъ такъ поступить. Я зналъ, что найдутся подлецы, или глупцы, которые не пощадятъ болѣзненной стороны моего сочиненія, что они обрадуются случаю уязвить меня въ больное мѣсто; я зналъ, что близкіе люди будутъ недовольны появленіемъ въ печати моей «Хроники» и «Воспоминаній»; я на все это рѣшился, и статья Анненкова наградила меня за эту рѣшимость».

Изъ кружковой популярность С. Т. Аксакова становилась общественной. Кой-что объ этомъ разсказалъ въ своей статьѣ Добролюбовъ. Онъ слегка насмѣшливъ, но факты сообщаемые имъ, не теряютъ оттого значенія: «художественныя достоинства произведеній С. Т. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самаго автора и доставили ему всеобщее уваженіе, уже просто—какъ человѣку; поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представили петербургскіе студенты: задумавши издавать «Сборникъ» своихъ ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на это одобреніе г. Аксакова, и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ «Семейной Хроники» одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. Вскорѣ послѣ того, одинъ студентъ, писавшій въ «Молву» письма о томъ, что онъ «Молвѣ» очень сочувствуетъ, а петербургскихъ журналовъ не терпитъ за то, что они ограничиваются случайными воззрѣніями своихъ случайныхъ сотрудниковъ,—этотъ самый студентъ, отъ лица всего петербургскаго университета, называлъ С. Т. Аксакова другомъ человѣчества и русскаго народа и даже «мѣриломъ истины и справедливости».

VII.

Радости литературнаго успѣха смягчали для С. Т. Аксакова тяготы этихъ послѣднихъ лѣтъ. Въ дневникѣ «умницы Вѣры», его старшей дочери, отчетливо отразился тотъ душевный сумракъ, которымъ властно охватилъ патріотическую семью Аксаковыхъ, позоръ крымской кампаніи и послѣдующихъ дипломатическихъ пораженій. Смѣна царствованій пока еще не была для нихъ просвѣтомъ: они стояли предъ неизвѣстностью. Матеріальное благосостояніе семьи пошатнулось, здоровье Сергѣя Тимофеевича становилось все хуже. Онъ почти ослѣпъ—и разсказами, и диктовкой воспоминаній заполнялъ то время, которое не такъ еще давно отдавалъ рыбной ловлѣ, охотѣ и дѣятельному общенію съ природой. Цѣлый рядъ работъ ознаменовалъ эти—уже послѣдніе—годы его жизни. Прежде всего «Семейная хроника» получила свое продолженіе въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука». Въ первомъ полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова (1886 г.), куда случайно попало также нѣсколько писемъ, напечатано письмо его къ М. А. Максимовичу. С. Т. сообщаетъ, что дописываетъ большую книгу: «это должно быть (хорошо, если будетъ) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни. Сначала—отрывочныя воспоминанія, а потомъ—цѣльный и подробный разсказъ. Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что я написалъ. Я самъ такъ думаю о нѣкоторыхъ мѣстахъ, но совсѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила «Хроника и воспоминанія». Жизнь человѣка въ дитяти не всѣмъ будетъ понятна, и подробности разсказа многимъ покажутся мелкими и ничтожными».

С. Т. Аксаковъ былъ, конечно, болѣе правъ, чѣмъ его друзья. «Дѣтскіе годы»—отдѣльно они вышли въ 1858 году,—неровны и, конечно, менѣе закончены и менѣе сжаты, чѣмъ «Семейная хроника». «Нѣкоторыя мѣста», дѣйствительно, принадлежатъ къ лучшему, что далъ С. Т. Аксаковъ, но здѣсь нѣтъ уже ни той ширины картины, ни той глубины изображенія, которыя придаютъ такую значительность ограниченному мірку «Семейной хроники». И критика отнеслась къ «Дѣтскимъ годамъ» безъ былого восторга. Восторгался Шевыревъ въ «Русской Бесѣдѣ», но Станкевичъ въ «Атенеѣ», отмѣтивъ безспорно цѣнное въ воспоминаніяхъ—напримѣръ характеристику матери и отца разсказчика, а равно Прасковьи Ивановны,—опредѣленно указывалъ на противорѣчія, на отсутствіе индивидуальныхъ чертъ въ фигурѣ героя, на отсутствіе исторіи развитія дѣтскаго характера и т. д. Добролюбовъ былъ

еще болѣе рѣзокъ. «Дѣтскіе годы»—писалъ онъ въ статьѣ о «Разныхъ сочиненіяхъ»,—показались скучными, а восторженныя журнальныя похвалы имъ возбуждали смѣхъ въ читателяхъ; изъ всѣхъ критикъ на г. Аксакова болѣе всѣхъ понравилась самая строгая (въ «Атенеѣ»), хотя вся сущность ея заключалась въ весьма основательномъ и остроумномъ развитіи одной главной мысли: «что книга г. Аксакова была бы хороша, если бы не была слишкомъ растянута». Мы тоже разбирали тогда «Дѣтскіе годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться отъ смѣха, если бы вздумали разсуждать объ ихъ художественныхъ достоинствахъ, рѣшились собрать изъ всей книги тѣ крупицы общеинтересныхъ фактовъ, которыя были разбросаны въ «Дѣтскихъ годахъ» между многими сотнями рыболовныхъ, пищеварительныхъ и чертежническихъ подробностей. Составляя свой разборъ, мы и тогда имѣли въ виду, что публика будетъ плохо читать новую книгу г. Аксакова; но мы не хотѣли явиться зловѣщими пророками для автора и замѣтили тогда: «авторитетъ С. Т. Аксакова установленъ публикой,—пусть же она сама и уничтожитъ его, если хочетъ; критикѣ же вовсе нѣтъ надобности кричать въ этомъ случаѣ наперекоръ публикѣ, потому что дѣятельность г. Аксакова не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго и неблагороднаго».

С. Т. Аксаковъ какъ-будто предвидѣлъ эти рѣзкіе отзывы. «Моя книга,—писалъ онъ сыну Ивану,—которую я такъ горячо желалъ видѣть напечатанною, теперь уже меня мало занимаетъ, а я положилъ въ нее всю душу, все мое дарованіе и все умѣнье, пріобрѣтенное долговременной опытностью. Не во время она появится и не можетъ быть вполнѣ оцѣнена». Лишь сочувствіе И. С. Тургенева нѣсколько ободрило его.

Длинный рядъ второстепенныхъ литературныхъ работъ подвигался впередъ параллельно съ семейными воспоминаніями С. Т. Аксакова. Частью, какъ напр. «Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы», они примыкаютъ къ естественно-научнымъ наблюденіямъ его, въ значительной же части продолжаютъ его автобіографію. Его «Литературныя и театральныя воспоминанія», вошедшія въ «Разныя сочиненія» (М. 1858), полны интересныхъ мелкихъ справокъ и фактовъ, но безконечно далеки по значенію отъ разсказовъ С. Т. Аксакова о его дѣтствѣ. «Совершенное равнодушіе—говоритъ Добролюбовъ,—даже нѣкоторое пренебреженіе и насмѣшливость явились теперь въ публикѣ вмѣсто прежняго восторга къ трудамъ г. Аксакова. Въ «Русской Бесѣдѣ» прошлаго года постоянно печатались его «Литературныя и Театральныя воспоминанія», и постоянно пропускались мимо даже читателями «Бесѣды». Всѣ уже успѣли узнать, что талантъ г. Аксакова слишкомъ субъективенъ для мѣткихъ общественныхъ характеристикъ, слишкомъ полонъ лиризма для спокойной оцѣнки людей и произведеній, слишкомъ наивенъ для острой и глубокой наблю-

дательности». Болѣе глубокое значеніе имѣетъ—и могла бы имѣть еще бóльшее, если бы была закончена—«Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», показавшая, что мелочный характеръ литературныхъ и театральныхъ воспоминаній С. Т. Аксакова никоимъ образомъ не означаетъ старческаго паденія его дарованія. Въ томъ немногомъ, что онъ сказалъ о Гоголѣ, онъ сумѣлъ, не сходя съ узкой почвы фактовъ, дать такъ много для пониманія загадочнаго образа Гоголя, что всякая будущая характеристика должна будетъ считатся не только съ свѣдѣніями, но и съ предположеніями стараго друга и почитателя Гоголя. Онъ былъ многимъ обязанъ этой дружбѣ, но многимъ и заплатилъ за нее.

«Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» появилась черезъ много лѣтъ послѣ смерти автора. Всѣ послѣднія его сочиненія, какъ сообщаетъ библіографъ М. Н. Лонгиновъ, близко знавшій его въ эти годы, «писаны въ промежуткахъ тяжкихъ болѣзненныхъ припадковъ, обратившихся въ тяжелую хроническую болѣзнь». Она длилась около полутора года, и больной терпѣливо переносилъ ее, такъ же какъ другія тяжелыя обстоятельства. Онъ не терялъ жизненныхъ интересовъ, ждалъ писемъ отъ дѣтей и внуковъ, заботился о своихъ корреспондентахъ. Лѣтомъ 1858 г. онъ пишетъ еще: «хотѣлъ было поудить, но пошелъ дождь». А когда осенью его перевезли въ Москву, онъ спросилъ, въ какомъ приходѣ его квартира, и когда узналъ, то отвѣтилъ: «Въ этомъ домѣ я и умру; въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева *), тутъ и меня будутъ отпѣвать».

Онъ умеръ весною; толпа друзей и почитателей хоронила 3 мая 1859 года то, что было смертнаго въ немъ. То же, что предназначено къ жизни вѣчной, должно возродиться въ наши дни для новаго, болѣе энергичнаго, болѣе плодотворнаго существованія. Но старымъ останется общее отношеніе къ нему. Какъ онъ смотрѣлъ на міръ, мягко, примиряюще, безъ большихъ требованій, безъ возвышающей идеализаціи, такъ и міръ взглянетъ на него. То чувство «благоволенія», которое—по выраженію Хомякова въ некрологѣ Аксакова—наложило особую печать на его произведенія, опредѣлитъ отношеніе къ нимъ далекаго потомства.

А. Горнфельдъ.

---

*) Водевилиста, его пріятеля.

Чудодѣйственный бальзамъ Тоно-Бэнге.

Романъ *Генри Уэллься.*

Переводъ съ англійскаго **Н. В. Каменскаго.**

—ф—

КНИГА ПЕРВАЯ

До изобрѣтенія Тоно-Бэнгэ.

Глава первая.

О домѣ Бледсоверъ и моей матери, а также о строеніи общества.

I.

Большая часть живущихъ на свѣтѣ людей, повидимому, олицетворяютъ собою извѣстныя *роли*; въ жизни ихъ есть начало, середина и конецъ, находящіеся въ извѣстномъ соотношеніи между собою и вѣрные тому типу, который они представляютъ. На театральномъ языкѣ, — у каждаго изъ нихъ есть свое „*амплуа*“. Они принадлежатъ къ извѣстному классу и занимаютъ въ немъ свое опредѣленное мѣсто; они знаютъ, что имъ подходитъ и что полагается. И, въ заключеніе всего,—соотвѣтствующаго размѣра надгробный памятникъ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько они сумѣли исполнить свою *роль*. Но бываетъ и совершенно другого рода жизнь, когда вы не столько живете, сколько *пробуете* эту жизнь, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Неожиданный толчокъ какой-то внѣшней силы вышибаетъ человѣка изъ его природнаго слоя; и за все остальное время ему приходится жить, такъ сказать, среди ряда пробныхъ образчиковъ.

Таковъ былъ мой удѣлъ. И вотъ это побудило меня написать нѣчто въ родѣ романа. Мнѣ пришлось испытать множество экстраординарныхъ впечатлѣній, о которыхъ я и хочу

разсказать. Мнѣ приходилось видѣть жизнь на разныхъ ея уровняхъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ я стоялъ къ ней близко. Я былъ своимъ человѣкомъ въ разныхъ соціальныхъ средахъ. Я оказался незванымъ гостемъ мелкаго булочника, моего родственника, умершаго потомъ въ Чэтамской больницѣ. Мнѣ случалось проглатывать незаконные куски въ буфетной, — незаконныя подачки лакеевъ; я былъ презираемъ за недостатокъ *стиля* дочерью конторщика газоваго завода, хотя она и женила меня на себѣ и потомъ со мною развелась. Переходя въ высшія сферы, я былъ однимъ изъ гостей въ загородномъ домѣ графини. Правда, эта графиня была финансоваго свойства, но все же — графиня. Я видѣлъ этихъ людей съ разныхъ точекъ зрѣнія. На званыхъ обѣдахъ мнѣ случалось встрѣчаться не только съ титулованными особами, но даже съ великими людьми. Однажды—и это самое свѣтлое изъ моихъ воспоминаній, — я даже опрокинулъ бокалъ съ шампанскимъ на панталоны перваго государственаго человѣка въ имперіи. Боже меня избави, упомянуть его имя!

И разъ, хотя это была величайшая случайность въ моей жизни,—я даже убилъ человѣка.

Да, мнѣ приходилось сталкиваться съ курьезными людьми и видѣть любопытныя стороны жизни; но всѣ эти странные люди, какъ мелкіе, такъ и крупные, въ сущности, были очень похожи другъ на друга, и сильно различались на поверхности. Я сожалѣю, что въ томъ широкомъ районѣ, который мнѣ пришлось охватить, я не поднялся до высшихъ сферъ и не спустился въ низшія. Очень стоило бы, напримѣръ, познакомиться съ высочайшими особами, и это было бы даже занятно. Но мое соприкосновеніе съ принцами ограничивалось совмѣстнымъ присутствіемъ на публичныхъ торжествахъ. Что-же касается до другихъ, стоящихъ на самыхъ послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы, то мнѣ также не пришлось быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ этими привлекательными, хотя и запыленными, людьми, которыхъ вы лѣтомъ встрѣчаете на большихъ дорогахъ, правда, нѣсколько навеселѣ, но за то *en famille*, съ дѣтской колясочкой, загорѣлыми до-черна ребятишками и съ какими-то подозрительнаго вида свертками въ рукахъ. Землекопы, рабочіе съ фермъ, матросы и кочегары, всѣ засѣдающіе въ пивныхъ, также остались за моими предѣлами,—да, вѣроятно, такъ и останутся для меня навсегда. Мои сношенія съ особами герцогскаго ранга также не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ. Разъ я какъ-то охотился вмѣстѣ съ однимъ герцогомъ; и, должно быть, въ порывѣ снобизма, всѣми силами старался попасть ему дробью въ икры, но потерпѣлъ неудачу.

Вы спросите, благодаря какимъ достоинствамъ, я въ со-

стояніи былъ обнять столь обширные соціальные горизонты, столь пространный поперечный разрѣзъ Британскаго соціальнаго организма? Благодаря простой случайности рожденія, — отвѣчу я на это. Такъ всегда бываетъ въ Англіи, да и повсюду, — если я могу позволить себѣ такое *космическое* обобщеніе. Но это, между прочимъ. Я родился племянникомъ моего дяди, а дядя мой былъ никто иной, какъ самъ Эдуардъ Пондерво, кометоподобное прохожденіе котораго по финансовому небу произошло... десять лѣтъ тому назадъ. Помните вы *великіе* дни Пондерво? Можетъ быть, у васъ даже была *помѣщена* какая-нибудь бездѣлица въ одномъ изъ этихъ потрясшихъ міръ предпріятій! Въ такомъ случаѣ, онъ вамъ достаточно извѣстенъ. Верхомъ на *Тоно-Бэнге* онъ, подобно кометѣ или, скорѣе, колоссальной ракетѣ, прорѣзалъ опустѣлыя небеса, и пораженные вкладчики заговорили о новой звѣздѣ. Въ своемъ зенитѣ онъ разсыпался въ видѣ цѣлаго облака новыхъ блестящихъ акціонерныхъ предпріятій. Что за время это было!

Я былъ его племянникъ, помните,—особенно близкій къ нему племянникъ. Во все время прохожденія имъ своего пути, я, такъ сказать, висѣлъ на его фалдахъ. Еще въ Зимбльгорстѣ, передъ самымъ началомъ его карьеры, я вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ пилюли въ его аптекарской лавочкѣ. Я представлялъ собою, если хотите, хвостъ или стержень его ракеты. И, послѣ нашего невѣроятнаго полета, послѣ его игры съ милліонами, — представлявшейся мнѣ въ видѣ какого-то золотого дождя, съ точки зрѣнія птичьяго полета,— я опять упалъ на землю, правда, нѣсколько обожженный, постарѣвшій на двадцать лѣтъ, съ загубленной юностью и надломанной жизнью, но за то умудренный опытомъ. Я упалъ въ этотъ самый судостроительный заводъ на Темзѣ, посреди грохота молотковъ и бѣлокалильнаго жара печей, среди самой настоящей *желѣзной* реальности, чтобы, въ мои свободные часы, спокойно пораздумать обо всемъ случившемся и набросать эти замѣтки и мои безпорядочныя наблюденія, изъ которыхъ и состоитъ эта книга. Но имѣйте въ виду, что тутъ не все было однимъ полетомъ фантазіи. Зенитомъ этой карьеры былъ тотъ моментъ, когда мы, дѣйствительно, удирали черезъ каналъ на *Лордѣ Робертсѣ*...

Я долженъ, однако, предупредить, что эта книга будетъ отчасти имѣть характеръ смѣси. Я намѣренъ сдѣлать изъ моей (а также и моего дяди) *траекторіи*, или линіи полета, руководящую нить моего разсказа; но такъ какъ это мой первый (да, вѣроятно, и послѣдній) романъ, то я хочу включить въ него и все, что меня особенно поразило во время нашей карьеры, и полученныя отсюда впечатлѣнія, хотя бы

такія вставки и не имѣли прямого отношенія къ этому разсказу. Я хочу коснуться здѣсь и того, что мнѣ пришлось испытать въ области любви, какъ ни былъ для меня печаленъ этотъ опытъ. Мнѣ думается, что многое непонятное и кажущееся совершенно нераціональнымъ въ этомъ дѣлѣ станетъ для меня яснѣе, если я изложу все это на бумагѣ. Возможно, что я буду вдаваться въ описанія и такихъ людей, которые только встрѣчались намъ *на пути*; но для меня очень забавно припомнить, что они намъ говорили и какъ они поступали, особенно — въ періодъ краткаго, но ослѣпительнаго блеска чудодѣйственнаго бальзама Тоно-Бэнге и его, еще болѣе блестящаго, отпрыска. Да мало ли что мнѣ хочется сюда включить! Какъ видите, мои понятія о романѣ весьма растяжимы...

Рекламы о Тоно-Бэнге все еще торчатъ на заборахъ и надъ крышами, цѣлые ряды содержащихъ его банокъ все еще стоятъ въ каждомъ аптекарскомъ складѣ, это чудодѣйственное средство все еще успокаиваетъ старческій кашель, оживляетъ взглядъ и заставляетъ болтать старческій языкъ, но его всемірная слава, его финансовый блескъ померкли навсегда. И я, единственное уцѣлѣвшее и нѣсколько обожженное послѣ этого пожара существо, сижу съ перомъ въ рукѣ, посреди несмолкаемаго грохота машинъ, за письменнымъ столомъ, заваленнымъ чертежами, частями моделей и разными замѣтками, съ вычисленіями скоростей и давленій воздуха, и воды, и *траекторій*,—но уже ничего не имѣющихъ общаго съ *Тоно-Бэнге*.

II.

Написавъ до сихъ поръ, я остановился въ нерѣшительности и подумалъ: точно-ли я передалъ все то, о чемъ пытаюсь сказать въ этой книгѣ. Я вижу, получается впечатлѣніе, что я хочу сдѣлать какое-то *рагу* изъ анекдотовъ и разныхъ инцидентовъ, посреди которыхъ плаваетъ мой дядя, въ видѣ самаго крупнаго куска. Долженъ сознаться, что уже послѣ того, какъ я началъ писать, мнѣ ясно представилось, въ какой неперебродившей массѣ всевозможныхъ событій, впечатлѣній и предвзятыхъ теорій мнѣ приходится разбираться и какую безнадежную работу я затѣялъ въ этой книгѣ. Вѣдь я пытаюсь передать здѣсь, ни болѣе ни менѣе, какъ самую жизнь, въ томъ видѣ, какъ она представилась одному человѣку. Я хочу разсказать здѣсь о *себѣ* и своихъ впечатлѣніяхъ этой жизни, въ ея цѣломъ, о тѣхъ чувствахъ, которыя возбуждали во мнѣ всѣ эти законы, традиціи и идеи, называемые у насъ обществомъ, и о томъ,

какъ мы, несчастные индивиды, носимся, путаемся и разбиваемся между всѣми этими сбивчивыми каналами и отмелями. Нужно полагать, что я уже достигъ того возраста, когда вещи принимаютъ свой настоящій видъ, перестаютъ быть только матеріалами для мечтаній и дѣлаются интересными по существу. Я достигъ того возраста, когда ко всему начинаютъ относиться критически, когда начинаютъ писать романы. И вотъ, я пишу свой единственный романъ, и хорошенько не знаю, что можно въ него включить и что слѣдуетъ выпустить, не имѣя той тренировки, которою обладаетъ настоящій романистъ.

Я прочелъ полагающееся на мою долю количество романовъ и уже самъ лично сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, но оказалось, что я не въ состояніи подчиниться стѣснительнымъ правиламъ этого искусства. Я очень люблю писать и очень интересуюсь этимъ дѣломъ, но не обладаю его техникой. Я инженеръ, взявшій нѣсколько патентовъ, и у меня есть идеи; но мои художественныя способности, насколько онѣ имѣются, пошли на тюрбины, судостроеніе и аэронавтику, и, при всемъ моемъ стараніи, я оказываюсь крайне распущеннымъ и безпорядочнымъ разсказчикомъ. Мнѣ приходится путаться, отвлекаться, теоризировать, пока я не выбью изъ головы засѣвшую въ ней мысль. Такъ что у меня выходитъ не правильно построенная повѣсть, а рядъ необработанныхъ реальностей. Вотъ и разсказъ о моей любви (я постараюсь передать все это откровенно, ничего не скрывая) также никакъ не укладывается у меня въ правильныя художественныя рамки. Тутъ замѣшаны три особы женскаго пола, и все это перепутано съ другими вещами...

Но я сказалъ достаточно о недостаткахъ моего метода, или скорѣе—отсутствіи метода въ томъ, что слѣдуетъ дальше. И теперь, я думаю, лучше приступить, безъ дальнѣйшихъ отступленій, къ разсказу о моемъ дѣтствѣ и моихъ первыхъ впечатлѣніяхъ подъ сѣнью Бледсоверовскаго дома.

III.

Своевременно я понялъ, что Бледсоверовскій домъ совсѣмъ не то, чѣмъ онъ мнѣ казался; но мальчишкой я безусловно вѣрилъ, что это мѣсто представляетъ собою настоящій *микрокозмъ*. Мнѣ казалось тогда, что Бледсоверская система была своего рода дѣйствующею медѣлью,—да и не маленькою моделью,—цѣлаго міра.

Постараюсь вамъ передать мое тогдашнее представленіе всего этого.

Бледсоверъ лежитъ посреди Кентскаго плоскогорья, миляхъ въ восьми отъ Ашборо. Изъ его ветхаго павильона,—крохотной пародіи на храмъ Весты въ Тиволи,—на верхушкѣ холма позади дома открывается или долженъ открываться видъ и на море къ югу, и на Каналъ, и на Темзу, по направленію къ сѣверо-востоку. Его тѣнистый паркъ, второй по размѣру въ Кентѣ, изобилуетъ красивыми группами буковъ и вязовъ; не мало тутъ также и каштана; въ немъ постоянно встрѣчаются маленькія долины и ложбинки, заросшія папоротникомъ, съ пробивающимися по нимъ ручьями.

Домъ изъ блѣдно-краснаго кирпича, въ стилѣ французскихъ *chateaux*, былъ выстроенъ въ восемнадцатомъ столѣтіи; и, за исключеніемъ одной прогалины въ окружающихъ его лѣсистыхъ холмахъ, черезъ которую виднѣется синеватая даль, съ домиками фермъ, зарослями, полями, иногда—съ проблесками воды,—изо всѣхъ его ста семнадцати оконъ открывается одинъ и тотъ-же видъ на обширныя подвластныя ему владѣнія. Полукруглая завѣса зеленыхъ буковъ маскируетъ церковь и деревню, расположенныя красивой группой по большой дорогѣ, которая тянется по окраинамъ парка. По направленію къ сѣверу, въ наиболѣе отдаленномъ углу ограды, ютится другая зависимая деревня, Ропдинъ, находящаяся въ менѣе счастливыхъ условіяхъ по своей отдаленности, а также,—благодаря своему *ректору*. Это духовное лицо, хотя и весьма состоятельное, отличалось своею крайнею экономіей въ отместку за плохо поступающую *десятину*; и, благодаря введенному имъ въ церковный обиходъ термину евхаристія, въ замѣнъ Тайной Вечери, оно сдѣлалось почти чуждымъ высокимъ обитательницамъ Бледсовера. Такъ что Ропдинъ находился въ опалѣ во все время моей юности.

Обширный паркъ и величественный домъ, господствовавшіе надъ церковью и деревней, и всей округой, невольно внушали мнѣ мысль, что они-то и представляютъ собою нѣчто существеннно *важное* въ мірѣ и что все прочее имѣетъ значеніе только по отношенію къ нимъ. Они представляли собою ту благородную среду, чрезъ посредство которой только и могъ дышать и существовать окружающій ихъ міръ,—всѣ эти фермеры и рабочіе, лавочники Ашборо и всякаго рода и вида слуги. И все это происходило въ такой тишинѣ и съ такою законченностью; величественный домъ такъ импонировалъ роли посредника между небомъ и землей, его обширные залы и салоны, его просторныя службы и лакейскія представляли такой контрастъ съ обстановкой даже викарія, не говоря уже о тѣсныхъ комнаткахъ город-

ского люда,—что все это дѣйствовало на меня неотразимо. И только въ тринадцать или четырнадцать лѣтъ, (вѣроятно, подъ вліяніемъ какого-то унаслѣдованнаго скептицизма), я испыталъ первыя сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли м-ру Бортлету, викарію, доподлинно извѣстно все о Богѣ? Слѣдующимъ крупнымъ шагомъ въ одолѣвавшихъ меня сомнѣніяхъ уже былъ вопросъ о конечномъ правѣ *благородныхъ*,—ихъ первоначальной необходимости въ схемѣ вещей. Но, разъ пробужденный,—этотъ скептицизмъ быстро увлекъ меня далѣе. Въ четырнадцать лѣтъ я совершилъ почти что святотатственное дѣяніе: я рѣшилъ жениться на дочери виконта и въ открытомъ мятежѣ подбилъ глазъ,—кажется, лѣвый,—ея сводному брату.

Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Большой домъ, церковь, деревня, земледѣльческіе рабочіе и прислуга въ ея различныхъ степеняхъ и іерархіи—все это представлялось мнѣ въ видѣ какой-то замкнутой, законченной соціальной системы. По сосѣдству были другія деревни и другія большія помѣстья, и между ихъ благородными владѣльцами,—величественными Олимпійцами, — существовала постоянная связь, поддерживались постоянныя сношенія. Ближайшіе провинціальные городки представлялись мнѣ только собраніемъ лавокъ и рынковъ для удовлетворенія нуждъ господскихъ арендаторовъ.

Такимъ мнѣ представлялся и общій міровой порядокъ. Мнѣ думалось, что Лондонъ былъ такимъ же провинціальнымъ городомъ, только побольше, гдѣ у *благородныхъ* были свои городскіе дома и гдѣ они проводили время въ болѣе значительныхъ закупкахъ по лавкамъ, подъ величественнымъ покровомъ высочайшей изъ всѣхъ благородныхъ дамъ,—самой королевы. Мнѣ казалось, что въ этомъ и заключается божественный порядокъ. Но, что это грандіозное зданіе уже подкопано, что уже въ полномъ дѣйствіи таинственныя силы, долженствующія снести безъ остатка всю эту сложную соціальную систему, пониманіе которой было столь тщательно внушено мнѣ моею матерью, дабы я не забывалъ своего „мѣста",—это я смутно сталъ сознавать въ то время, когда уже началась міровая карьера *Тоно-Бэнге*.

Въ Англіи еще много людей, которымъ это до сихъ поръ не приходило въ голову. По временамъ меня даже беретъ сомнѣніе, какъ еще незначительно то меньшинство среди англичанъ, которое вполнѣ сознаетъ, насколько уже отошелъ въ вѣчность этотъ внѣшній порядокъ. Большіе господскіе дома все еще стоятъ окруженные своими парками, группы сельскихъ домишекъ все еще почтительно ютятся на ихъ окраинахъ, обстановка англійской сельской жизни

все еще упорно продолжаетъ сохранять свое прошлое обличье. При этомъ невольно вспоминаются первые дни яснаго октября. Время незамѣтно уже наложило на все это свою руку, но точно остановилось въ раздумьѣ, прежде чѣмъ сжать все это въ своей мертвящей длани и покончить съ нимъ навсегда. Достаточно одного мороза, чтобы все оголилось, связи порвались, терпѣніе кончилось и красивая мечта всякаго обмана посыпалась въ грязь.

Но этого намъ все-таки придется еще немного подождать. Можетъ быть, новый порядокъ во многомъ уже оформился, но, подобно „туманнымъ картинамъ" волшебнаго фонаря, въ умѣ еще сохраняется представленіе стараго *вида*, хотя замѣнившій его новый уже обозначился въ ясныхъ рѣзкихъ линіяхъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ все еще кажется загадочнымъ. Такъ и новая Англія дѣтей нашихъ дѣтей—все еще остается для меня загадкою. Демократическія идеи равенства и особенно всеобщаго братства никогда еще въ дѣйствительности не проникали въ англійскій умъ. Но что же входитъ въ него? Вся эта книга, какъ я надѣюсь, связана съ этимъ вопросомъ. Нашъ народъ не любитъ формулировать: онъ бережетъ слова для шутки и ироніи. Между тѣмъ старыя оболочки, старыя формы остаются, хотя весьма тонко видоизмѣненныя и постоянно мѣняющіяся, и являются убѣжищами какихъ-то странныхъ жильцовъ. Бледсоверскій домъ, послѣ смерти леди Дрю, былъ сданъ съ мебелью въ наемъ сэру Рувиму Лихтенштейну. Удивительно сказать, мнѣ пришлось быть гостемъ въ этомъ домѣ, гдѣ моя мать прежде служила въ экономкахъ, въ то самое время, когда мой дядя уже находился въ зенитѣ *Тоно-Бэнге.* Для меня весьма любопытно было наблюдать при этомъ тѣ сравнительно незначительныя перемѣны, которыя повела за собою такая перетасовка хозяевъ. Пользуясь метафорой дней моего изученія минералогіи, я скажу, что эти евреи были не столько новымъ британскимъ владѣльческимъ сословіемъ (gentry), сколько „псевдоморфозами" *) по его образцу. Это были весьма умные люди, но не настолько умные, чтобы скрыть это. Я очень сожалѣю, что во время моего посѣщенія дома я не догадался спуститься въ буфетную. Конечно, я нашелъ бы тамъ много перемѣнъ. Въ сосѣднемъ Гоукснестѣ я также замѣтилъ своего „псевдоморфа", владѣльца газеты, принадлежащаго къ тому типу, который вертится среди разныхъ выкрикивающихъ себя, то пропадающихъ,

*) Псевдоморфозы — ложные кристаллы. Такъ называются минералы, кристаллическая форма которыхъ не соотвѣтствуетъ ихъ химическому составу. *Прим. перев.*

то всплывающихъ предпріятій, купившаго это мѣсто. Редгревъ былъ въ рукахъ пивоваровъ.

Но сельскій людъ, насколько я могъ замѣтить, не видѣлъ разницы въ окружающемъ его мірѣ. Въ то время, какъ я проходилъ по деревенской улицѣ, двѣ встрѣтившихся маленькихъ дѣвочки кивнули мнѣ головою, а старикъ-рабочій какъ то судорожно прикоснулся къ своей шляпѣ. Онъ все еще думалъ, что знаетъ свое „мѣсто", а я—мое. Я не зналъ его, но мнѣ ужасно хотѣлось его спросить, помнитъ ли онъ мою мать.

Въ этой сельской средѣ моего дѣтства каждое человѣческое существо имѣло свое „мѣсто". Оно было ваше, какъ цвѣтъ вашихъ глазъ, оно было неразрывно связано съ вашею судьбою. Надъ вами стояли тѣ, что были *получше* васъ—старшіе, а подъ вами—„низшіе"; случались еще и такіе, положеніе которыхъ было настолько неустойчиво, что для обыденныхъ жизненныхъ цѣлей вы могли считать ихъ *равными*. Главою и центромъ всей нашей системы была ея сіятельство леди Дрю, болтливая, съ удивительною памятью на генеалогію и старая-престарая; рядомъ съ нею стояла почти такая же старая миссъ Соммервиль, ея кузина и компаніонка. Эти двѣ старушонки сохранились точно два высохшихъ орѣха въ громадной скорлупѣ Бледсоверскаго дома, оболочкѣ, когда-то содержавшей въ себѣ веселую толпу франтовъ, модныхъ красавицъ въ пудрѣ и съ мушками и придворныхъ кавалеровъ со шпагами. Когда гостей не было, онѣ проводили цѣлые дни подрядъ въ угловой гостиной надъ комнатой экономки, между чтеніемъ и дремотой или ласками своихъ двухъ собаченокъ. Мальчикомъ я представлялъ себѣ эти два старыхъ созданія въ видѣ какихъ-то божествъ, обитавшихъ гдѣ-то вверху, надъ потолкомъ. Иногда слышался производимый ими легкій шумъ и даже ихъ голоса; но это только придавало извѣстную реальность ихъ *возвышенному* существованію. Иногда мнѣ случалось даже видѣть ихъ. Конечно, если я наталкивался на нихъ въ паркѣ или въ цвѣтникѣ (куда мнѣ входъ не дозволялся), то прятался въ благоговѣйномъ страхѣ; но въ извѣстныхъ случаяхъ и по выраженному желанію я былъ приводимъ въ ихъ высокое присутствіе. И я припоминаю ея сіятельство тогда, какъ нѣчто облеченное въ черный шелкъ, съ золотою цѣпью; помню обращенное ко мнѣ дрожащимъ голосомъ внушеніе, чтобы я былъ „хорошимъ мальчикомъ", сморщенное, съ обвислою кожею, лицо и шею и старческую, съ выступавшими жилами, руку, которая совала мнѣ полкроны. Позади ея виднѣлась блѣдная фигура миссъ Соммервиль, облеченная въ смѣсь лиловаго, чернаго

и бѣлаго, съ прищуренными глазами и бѣлесоватыми рѣсницами. У нея были желтые волосы и *розовое* лицо. Когда намъ случалось въ зимніе вечера сидѣть у камелька въ комнатѣ экономки, отогрѣвая ноги и потягивая маленькими глотками домашнюю наливку, ея горничная посвящала насъ въ простые секреты этого запоздалаго румянца...

Послѣ моей драки съ молодымъ Гарвеемъ, я былъ, конечно, подвергнутъ изгнанію, и мнѣ потомъ уже не приходилось видѣть этихъ старыхъ расписанныхъ богинь.

Иногда, въ комнатахъ надъ нашими головами, собиралось общество; этихъ людей мнѣ рѣдко приходилось видѣть, но за то ихъ манеры и пріемы находили себѣ подражателей среди ихъ горничныхъ и лакеевъ и горячо обсуждались въ комнатахъ экономки и буфетчика, такъ что черезъ вторыя руки я былъ достаточно ознакомленъ съ ними. Изъ этихъ разговоровъ я понялъ, что никто изъ гостей леди Дрю не былъ ей „ровней“—всѣ они были или выше, или ниже ея по положенію, какъ вообще бываетъ на свѣтѣ. Разъ, я помню, въ числѣ гостей оказался принцъ, которому прислуживалъ настоящій *живой* джентльмэнъ; и такъ какъ этотъ случай нѣсколько выходилъ изъ нашего обычнаго обихода, то произвелъ даже нѣкоторую сенацію между нами и отчасти способствовалъ повышеннымъ, но неоправдавшимся ожиданіямъ. Послѣ отъѣзда гостей, Раббитсъ, буфетчикъ, вошелъ въ комнату моей матери съ краснымъ отъ негодованія лицомъ и съ выступившими на глазахъ слезами. „Посмотрите на это!“ проговорилъ, задыхаясь, Раббитсъ. Моя мать замерла отъ ужаса. *Это* былъ соверенъ, жалкій соверенъ, что даетъ на чай заурядный членъ парламента.

Я помню, что послѣ разъѣзда гостей наступали хлопотливые дни, потому что бѣдныя старухи наверху, послѣ тѣхъ напряженныхъ усилій, которыхъ требовала такая общественная функція, чувствовали усталость, были сердиты и придирчивы и вообще находились въ состояніи умственной и физической простраціи...

На нижней бахромѣ, украшавшей костюмъ этихъ подлинныхъ олимпійцевъ, такъ сказать, висѣли обитатели *викаріата*, а за ними уже слѣдовали тѣ неопредѣленнаго характера существа, которыя не владыки, не подчиненныя. Обитатели викаріата занимаютъ свое особое мѣсто въ англійской соціальной схемѣ; замѣчателенъ при этомъ прогрессъ, сдѣланный англиканскою церковью за послѣдніе двѣсти лѣтъ.

Въ началѣ восемнадцагаго столѣтія, викарій занималъ положеніе—скорѣе ниже, чѣмъ выше дворецкаго, и считался

подходящей парой для экономки. Беллетристика восемнадцатаго столѣтія наполнена его жалобами, что онъ долженъ былъ выходить изъ за стола, какъ только подавали пирожное. Но онъ поднялся надъ такимъ униженіемъ, благодаря изобилію у сквайровъ младшихъ сыновей. Когда мнѣ приходится сталкиваться съ высокомѣріемъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ представителей духовенства, я какъ то невольно вспоминаю о прошломъ. Достойно примѣчанія, что въ наши дни это забитое, играющее на церковномъ органѣ существо,—англиканскій школьный учитель въ деревнѣ, занимаетъ положеніе нашего священника въ восемнадцатомъ столѣтіи. Въ Бледсоверѣ докторъ по положенію считался ниже викарія, но выше ветеринара; художники и лѣтніе гости-туристы втискивались выше или ниже этого пункта, смотря по ихъ внѣшнему виду и тратамъ. А потомъ уже, по строго размѣченной *скалѣ*, шли арендаторы, буфетчикъ и экономка, деревенскій лавочникъ, главный лѣсникъ, поваръ, кабатчикъ, помощникъ лѣсника, кузнецъ (у насъ его положеніе усложнялось тѣмъ, что его дочь держала почтово-телеграфную контору... и какую-же путаницу она разводила въ телеграммахъ!), старшій сынъ деревенскаго лавочника, старшій лакей и т. д...

Всѣ эти концепціи и детали всеобщаго распредѣленія по рангамъ, да и многое другое, я впиталъ въ себя въ Бледсоверѣ, слушая разговоры лакеевъ, горничныхъ, Раббитса буфетчика и моей матери, въ бѣлой, со множествомъ шкафовъ, комнатѣ экономки, гдѣ собиралась высшая прислуга, или въ буфетной, гдѣ предсѣдательствовалъ и занимался безпатентной продажей пива стоявшій выше закона—Раббитсъ, или, наконецъ, въ нагрѣтой атмосферѣ кухни, среди блестящихъ мѣдныхъ котловъ и кастрюль.

Конечно, ихъ собственное относительное положеніе, достаточно уже имъ извѣстное, мало занимало этихъ людей, и всѣ ихъ разговоры главнымъ образомъ касались ранговъ и мѣстъ занимаемыхъ олимпійцами. Въ комнатѣ моей матери, вмѣстѣ съ поваренными книгами, словаремъ восемнадцатаго столѣтія и старыми календарями Мура и Уитакера, на маленькомъ столикѣ между шкафами, лежалъ альманахъ Перовъ; такой же съ ободранымъ переплетомъ валялся въ буфетной и совсѣмъ новый — въ библіотекѣ. И если бъ вамъ вздумалось спросить у кого нибудь изъ высшей прислуги, въ какомъ родствѣ состоялъ такой то принцъ Баттенбергъ, примѣрно—съ м-ромъ Коннингемъ Грегамъ, или съ герцогомъ Аргайль, то вы получили-бы немедленный отвѣтъ. Много я наслушался этой штуки мальчикомъ, и если теперь я иногда путаюсь въ титулахъ, то единствен-

ная причина этому заключается въ томъ, что я закоренѣлъ во злѣ, а вовсе не въ недостаткѣ подходящаго случая для изученія всѣхъ этихъ интересныхъ подробностей.

Преобладая надъ всѣми этими воспоминаніями, предо мною стоитъ фигура моей матери,—не любившей меня, потому что я съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе похожимъ на моего отца, доподлинно знавшей свое мѣсто и мѣсто каждаго человѣка на свѣтѣ, за исключеніемъ только мѣста скрывавшаго моего отца и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мое. Къ ней иногда обращались съ тонкими вопросами. Я какъ будто вижу и слышу ее. „Нѣтъ, миссъ Физонъ", говоритъ она, „перы Англіи идутъ впереди перовъ Соединеннаго Королевства, а вѣдь онъ только перъ Соединеннаго Королевства". Не мало ей было хлопотъ, когда приходилось разсаживать у себя прислугу гостей за чайнымъ столомъ, гдѣ соблюдался весьма строгій этикетъ. И я иногда задаю себѣ вопросъ: сохранился-ли такой этикетъ въ комнатѣ экономки и въ наше время и куда-бы посадила моя мать *шоффера*...

Въ общемъ, я доволенъ, что мнѣ пришлось столькому понасмотрѣться въ Бледсоверѣ, потому что все это дало мнѣ возможность понять впослѣдствіи много такихъ сторонъ въ строеніи англійскаго общества, которыя иначе остались бы для меня совершенно непонятными. Я убѣжденъ, что Бледсоверъ даетъ ключъ къ уясненію многихъ чисто Британскихъ сторонъ, непонятныхъ для иностранца, пріѣхавшаго познакомиться съ Англіей, а также для народовъ, говорящихъ англійскимъ языкомъ. Поймите, что двѣсти лѣтъ тому назадъ, Англія представляла собою одинъ сплошной Бледсоверъ; что хотя послѣ того въ ней происходили Акты о реформѣ *) и другія измѣненія въ формулѣ, но не было ни одной коренной революціи; что все новое, непохожее на старое, лѣзло сюда, какъ нѣчто постороннее, какъ незваный гость или входило, крадучись, въ видѣ поверхностнаго лоска на преобладающей формулѣ, и вы сразу постигнете всю неизбѣжность того *снобизма*, который составляетъ отличительную черту англійскаго ума. Всякій, кто фактически еще не находится подъ сѣнію Бледсовера,—точно блуждаетъ, сбившись съ дороги, разыскивая пропавшіе слѣды. Мы еще не порвали съ нашимъ преданіемъ, мы, говоря символически, не разбили его на куски, какъ сдѣлали французы, въ консульсивно бьющемся фактѣ террора. Но всѣ наши организаціонныя идеи ослабли, старыя привычныя узы также отпущены или совсѣмъ сдали. То же самое и въ отдаленной части большой вотчины—Америкѣ, которая раз-

---

*) Законъ 1832 г., расширившій избир. права буржуазіи. *Прим. пер.*

рослась странными путями. Вѣдь Георгъ Вашингтонъ, *эсквайръ*, былъ отпрыскомъ благороднаго сословія и чуть было не сдѣлался королемъ. И его удержалъ отъ этого Плутархъ, а вовсе не какое-то прирожденное американское чувство.

IV.

Что я особенно ненавидѣлъ въ Бледсоверѣ, это—вечерній чай. Особенно же для меня было ненавистно то время, когда въ домѣ гостили мистрисъ Макриджъ, мистрисъ Букъ и мистрисъ Ферней. Это были старые вѣрные слуги на пенсіи. Старинные друзья леди Дрю не позабыли ихъ въ своихъ духовныхъ за преданность въ исполненіи своихъ обязанностей около господъ; а на попеченіе м-рисъ Букъ былъ даже оставленъ осиротѣлый и любимый *терріеръ*. Каждый годъ леди Дрю приглашала ихъ погостить въ домѣ, въ видѣ награды за добродѣтель, имѣвшей прямое отношеніе къ моей матери и миссъ Физонъ, ея горничной. Онѣ засѣдали за чаемъ въ черныхъ, шуршащихъ платьяхъ, съ множествомъ бисерныхъ украшеній, поглощая большія количества *кекса* и чая и сопровождая все это громкими замѣчаніями; при этомъ онѣ все время сохраняли свои величественныя манеры.

Въ моихъ воспоминаніяхъ эти женщины принимаютъ видъ какихъ-то необъятнаго размѣра существъ. Конечно, онѣ были обыкновеннаго роста, но самъ я въ то время былъ такимъ маленькимъ мальчикомъ, что онѣ въ моемъ воображеніи получаютъ совсѣмъ кошмарные размѣры. Онѣ растутъ, все наполняютъ, все загораживаютъ собою.

М-рисъ Макриджъ была очень полная брюнетка; ея голова представляла для меня загадку,—я зналъ, что она лысая. Она носила почтеннаго вида чепчикъ, и выступавшіе изъ подъ него на лобъ волосы были *выкрашены*. Ничего подобнаго мнѣ не приходилось видѣть. Она была горничной у вдовы сэра Родерика Вимпи,—нѣчто вродѣ губернатора, гдѣ-то въ Вестъ-Индіи,—и, судя по остаткамъ ея, въ лицѣ м-рисъ Макриджъ,—леди Импи, вѣроятно, была огромныхъ размѣровъ, подавляющее существо юноновскаго типа, гордое и недоступное, склонное къ ироніи и ѣдкому сарказму. М-рисъ Макриджъ не обладала сарказмомъ, но, вмѣстѣ съ поношенными атласными платьями и другими уборами, къ ней перешли рѣзкій голосъ и манеры ея бывшей хозяйки. Когда она говорила о прекрасномъ утрѣ, она, въ сущности, хотѣла сказать, что вы дуракъ, да еще набитый. Въ отвѣтъ на ваши невиннаго свойства замѣчанія, она издавала такой

громкій, презрительный звукъ: „Го!“, за который вы были готовы сжечь ее живой. У нея также была особо непріятная манера произносить съ опусканіемъ при этомъ вѣкъ слово: „Неужто?“

М-рисъ Букъ была поменьше, шатенка, съ маленькими смѣшными буклями, большими голубыми глазами и съ ограниченнымъ запасомъ стереотипныхъ замѣчаній, въ которыхъ и заключался весь ея умственный багажъ. Странно сказать, м-рисъ Ферней ничего не оставила послѣ себя въ моихъ воспоминаніяхъ, кромѣ своего имени и зеленаго шелковаго платья, сплошь утыканнаго золотыми и голубыми пуговицами. Въ общемъ она представляется мнѣ крупной блондинкой. Затѣмъ, еще была миссъ Физонъ, горничная, ходившая за лэди Дрю и за миссъ Соммервиль; а въ концѣ стола, противъ моей матери, сидѣлъ буфетчикъ Раббитсъ. Несмотря на свое положеніе, Раббитсъ казался сравнительно скромнымъ человѣкомъ и за чаемъ являлся не въ своемъ оффиціальномъ костюмѣ, а въ черномъ сюртукѣ и черномъ галстукѣ съ синими крапинками. Но все-же у него была крупная фигура, съ бакенбардами на чисто выбритомъ лицѣ, хотя его подбородокъ и обличалъ нѣкоторую слабость характера. Я сидѣлъ между этими людьми, на высокомъ стулѣ грегоріанской эры, точно маленькій ростокъ между большими скалами, и моя мать все время не спускала съ меня глазъ, готовая подавить малѣйшее проявленіе жизненности съ моей стороны. Конечно, это было несправедливо по отношенію ко мнѣ, но, можетъ быть, и для этого раскормленнаго, старѣющагося и полнаго претензій люда было тяжело созерцать такое вторженіе юной подвижности и непокорныхъ критическихъ взглядовъ въ среду ихъ величаваго достоинства.

Чай продолжался около часу, и я долженъ былъ такъ высиживать все время; при этомъ, изо дня въ день, повторялся одинъ и тотъ же разговоръ.

— Съ сахаромъ, м-риссъ Макриджъ?—обыкновенно спрашивала моя мать.—Съ сахаромъ, м-риссъ Ферней?

Слово „сахаръ“, очевидно, оказывало дѣйствіе на умъ м-риссъ Макриджъ.

— Говорятъ,—начинала она въ стилѣ прокламаціи (почти половина ея сентенцій начиналась этимъ словомъ),—отъ сахара теперь толстѣютъ. Многіе въ лучшихъ кругахъ совсѣмъ его не употребляютъ.

— Съ ихъ чаемъ, м'амъ,—разумно дополнялъ Раббитсъ.

— Ни съ чѣмъ,—отрѣзала м-риссъ Макриджъ и стала прихлебывать чай.

— Что они еще скажутъ?—замѣтила миссъ Физонъ.

— Они говорятъ это!—сказала м-риссъ Букъ.

— Говорятъ,—невозмутимо продолжала м-риссъ Макриджъ,—что доктора теперь его не ре-комендуютъ.

Моя мать. Вотъ, что м'амъ?

М-риссъ Макриджъ. Да, м'амъ. — Потомъ, обращаясь ко всему столу:—Покойный сэръ Родерикъ до самой своей смерти употреблялъ большія ко-ли-чества сахару. Иногда я думаю, это ускорило его кончину.

Тутъ кончалась первая стычка, и затѣмъ слѣдовалъ перерывъ мрачнаго молчанія, какъ должная дань уваженія къ священной памяти сэръ Родерика.

— Джорджъ,—строго замѣчала моя мать, — не болтай ногами!

Послѣ того мистриссъ Букъ давала номеръ изъ своего обычнаго репертуара „Какъ длинны стали вечера!"—говорила она, или, если дѣло шло къ осени, она замѣчала: „Какъ сократился день!". Она чрезвычайно дорожила этими замѣчаніями; да я и не знаю, — что бы она стала дѣлать безъ нихъ.

Моя мать, сидѣвшая обыкновенно спиною къ окну, считала въ этихъ случаяхъ своимъ долгомъ по отношенію къ мистриссъ Букъ обернуться и взглянуть на ту или другую фазу вечера, смотря по сезону.

Послѣ того слѣдовало оживленное обсужденіе вопроса: сколько еще оставалось до самаго долгаго или самаго короткаго дня; когда эта тема была исчерпана, разговоръ опять замиралъ.

Случалось, что мистриссъ Макриджъ опять возобновляла его. У нея были интеллигентныя привычки, и, между прочимъ, она читала аристократическую „Morning Post". Прочія дамы иногда держали послѣднюю въ рукахъ, но только для прочтенія извѣстій о бракахъ, рожденіяхъ и похоронахъ, печатавшихся на первой страницѣ. Конечно, то была старая, почтенная „Morning Post", стоившая три пенса, а не теперешняя молодая вертунья.

— Говорятъ,—начинала она,—что лорда Твидемса посылаютъ въ Канаду.

— А!—произносилъ м-ръ Раббитсъ.—Въ самомъ дѣлѣ?

— Вѣдь онъ, кажется, приходится двоюроднымъ братомъ графу Сегёмгольду?—спрашивала моя мать. Она очень хорошо знала, что это такъ. Но вѣдь нужно-же было что-нибудь сказать.

— Онъ самый, м'амъ,—сказала м-риссъ Макриджъ.—Говорятъ, онъ былъ чрезвычайно популяренъ въ Новомъ Южномъ Валисѣ. Отъ него много ожидали. Я знала его молодымъ. Очень былъ пріятный молодой человѣкъ.

Перерывъ почтительнаго молчанія.

— Его предмѣстникъ, — сказалъ Раббитсъ, заимствовавшій у какого-то духовнаго лица, послужившаго ему образцомъ, манеру выразительной рѣчи, но безъ грамматики,— влопался въ Сиднеѣ.

— О! — презрительно произнесла м-риссъ Макриджъ, — и мнѣ говорили.

— Онъ какъ-то былъ въ гостяхъ въ Темпль Мортонѣ, послѣ своего возвращенія оттуда. И я помню, что они потомъ разсказывали про него разныя вещи.

— О?—произнесла вопросительно м-риссъ Макриджъ.

— Разсказывали, будто онъ вставилъ въ свою рѣчь стихи. Что онъ такое сказалъ... да: „Они покинули родину лишь для ея добра". Выходило такъ, что они прежде были каторжниками, а теперь исправились. Всѣ тогда соглашались, что это было съ его стороны безтактно.

— Сэръ Родерикъ говорилъ всегда, — сказала м-риссъ Макриджъ,—что первая вещь,—тутъ м-риссъ Макриджъ остановилась и сердито посмотрѣла на меня,—и вторая вещь,— тутъ она опять пронзила меня своимъ взоромъ,—и третья вещь,—тутъ я былъ отпущенъ на свободу,—требуемая отъ губернатора колоніи, есть *тактъ*. — Тутъ ей, должно быть, опять показалось, что я сомнѣваюсь, и она внушительно добавила: — Меня всегда поражала вѣрность этого замѣчанія.

Послѣ этого я внутренно рѣшилъ, что если я когда-нибудь замѣчу, что у меня въ душѣ растетъ полипъ такта, то я выдерну его съ корнями и растопчу.

— Прелюбопытный народъ эти „колоніальные", — замѣтилъ Раббитсъ. — Между ними попадаются прекурьезные парни. Очень вѣжливые, конечно, и не прижимисты съ деньгами, но нѣкоторые изъ нихъ, я долженъ сказать, дѣйствуютъ мнѣ на нервы. Они присматриваются къ вамъ. Они наблюдаютъ, когда вы подаете. Они не скрываютъ, что смотрятъ на васъ...

Моя мать хранила молчаніе во время этого разговора. Слово „колоніи" разстраивало ее. Я думаю, она боялась, что если ея мысли повернутъ въ этомъ направленіи, то въ этихъ мѣстахъ внезапно разыщется мой отецъ, въ самой возмутительной обстановкѣ — двоеженцемъ и революціонеромъ. Она вовсе не желала найти моего отца.

Любопытно, что въ то время, когда я былъ маленькимъ, ко всему прислушивающимся мальчикомъ, у меня составилось особое, свое понятіе о колонистахъ, и мнѣ казалось смѣшнымъ высокомѣрное къ нимъ отношеніе м-риссъ Макриджъ. Эти мужественные, загорѣвшіе посреди своихъ открытыхъ прерій англичане, думалось мнѣ, могли еще вы-

носить вторженіе подобныхъ аристократовъ, какъ курьезныхъ пережитковъ старины. Но чтобы они были довольны!..

Теперь я не смѣюсь. Я уже не такъ увѣренъ.

V.

Трудно сказать, почему при тогдашнихъ обстоятельствахъ я не принялъ, такъ сказать, на вѣру окружающій меня міръ. Но это объясняется какимъ-то враждебнымъ скептицизмомъ и неспособностью къ быстрой ассимиляціи. Мой отецъ, сколько я знаю, былъ скептикъ; моя мать была женщиной твердаго характера.

Я былъ единственнымъ ихъ ребенкомъ, и до сего дня я не знаю, живъ ли мой отецъ. Я не могъ помнить себя въ то время, когда онъ бѣжалъ отъ добродѣтелей моей матери. Онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, и она, въ своемъ негодованіи, истребила все, что сколько-нибудь могло напоминать его. Мнѣ никогда не приходилось видѣть ни его фотографіи, ни клочка бумаги, написанной его рукой; и только общепринятый кодексъ нравственности и порядочности помѣшалъ ей, какъ мнѣ извѣстно, уничтожить заодно свое брачное свидѣтельство и меня самого, начисто похоронивъ, такимъ образомъ, всѣ слѣды унизительнаго для нея брака. Она никогда не называла мнѣ его имени, да и вообще не произносила о немъ ни одного слова, хотя нѣсколько разъ я уже былъ близокъ къ тому, чтобы спросить ее по этому поводу. И то немногое, что мнѣ извѣстно о немъ, я узналъ отъ его брата и моего героя,—дяди Пондерво. На пальцѣ у нея было обручальное кольцо, на днѣ самаго большого изъ ея сундуковъ лежало въ запечатанномъ конвертѣ ея брачное свидѣтельство. Не думайте, что я всегда проводилъ время въ Бледсоверѣ, даже во время праздничныхъ каникулъ. Если въ эти періоды лэди Дрю была въ разстройствѣ послѣ разъѣзда гостей или по какой другой причинѣ желала вымѣстить свое неудовольствіе на моей матери, то она оставляла безъ вниманія обычное въ такихъ случаяхъ напоминаніе обо мнѣ, и я сидѣлъ праздники въ школѣ.

Но такіе случаи бывали рѣдко, и въ возрастѣ отъ тринадцати до четырнадцати лѣтъ я ежегодно, въ среднемъ, проводилъ не менѣе пятидесяти дней въ Бледсоверѣ.

Не думайте, чтобы я совершенно отрицалъ и хорошія его стороны по отношенію къ себѣ. Бледсоверъ, поглощая всю окружающую сельскую мѣстность, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже великъ. Бледсоверская система въ

одномъ случаѣ принесла Англіи несомнѣнную пользу: она уничтожила въ насъ остатки крестьянскаго міросозерцанія. Если многіе изъ насъ все еще живутъ и дышатъ въ атмосферѣ буфетной и комнаты экономки, то мы совершенно отдѣлались отъ идеи существованія посредствомъ паразитнаго характера при экономіи.

Этотъ паркъ заключалъ въ себѣ нѣкоторые элементы широкаго образованія; въ немъ были большія площади, не отданныя подъ навозъ и пахоту; въ немъ были свои тайны, и онъ давалъ пищу воображенію. Все-же это былъ оленій паркъ. Я наблюдалъ жизнь этихъ красивыхъ пятнистыхъ созданій, слушалъ звенящіе крики самцовъ, натыкался на молодыхъ телятъ въ заросляхъ папоротника, находилъ въ уединенныхъ мѣстахъ кости, черепа и рога. Въ немъ были уголки, придававшіе особое значеніе слову *лѣсъ*; попадались мѣста, обнаруживавшія неподдѣльную красоту природы. Я до сихъ поръ помню одинъ горѣвшій на солнцѣ склонъ, усыпанный колокольчиками, подъ молодою зеленью буковъ, напоминавшій мнѣ блескъ сапфировъ. Тутъ я впервые сознательно встрѣтился съ красотой.

А въ домѣ были книги. Мнѣ не попадался тотъ хламъ, который читала лэди Дрю: ей нравились писанія въ стихахъ Маріи Монкъ. Но въ старину существовалъ одинъ изъ Дрю, сэръ Кетбертъ (сынъ сэра Матью, построившаго домъ), обладавшій интеллектуальными вкусами. Въ старой кладовой наверху хранились всѣми заброшенныя и презираемыя, собранныя имъ книги и сокровища, среди которыхъ въ дождливые зимніе дни мнѣ разрѣшено было копаться.

Сидя подъ слуховымъ окномъ на широкой крышкѣ рундука, подъ которой хранились запасы чая и разныхъ пряностей, я познакомился съ многими изъ произведеній Гогарта (сложенными въ большомъ портфелѣ), Рафаэля, изъ альбома гравюръ съ ватиканскихъ картинъ, и съ большею частью европейскихъ столицъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ представлялись въ 1780 году, изъ нѣсколькихъ большихъ книгъ съ видами. Тутъ былъ и атласъ восемнадцатаго столѣтія съ громадными картами, изъ котораго я почерпнулъ много полезныхъ свѣдѣній. Верхній заголовокъ каждой карты былъ роскошно изукрашенъ: надъ Голландіей былъ изображенъ рыбакъ въ лодкѣ; надъ Россіей—казакъ; надъ Японіей — какіе-то удивительные люди въ „пагодахъ". На картахъ, посреди каждаго континента попадались „неизвѣстныя земли" (Terrae Incognitae), теперь уже, какъ такія, болѣе не существующія. И сколько я совершилъ путешествій тупой булавкой по этому обширному, не несовсѣмъ пра-

вильному міру! Книги, находившіяся въ этомъ старомъ рундукѣ, вѣроятно, были изгнаны изъ салона во время Викторіанскаго возрожденія хорошаго вкуса и разслабленной ортодоксіи, но моя мать и не подозрѣвала ихъ характера. Здѣсь я прочелъ хорошую, здравую риторику „Правъ Человѣка“ Томаса Пэна и его „Здравый Смыслъ“, — прекрасныя книги, когда-то одобрявшіяся даже епископами, а теперь сдѣлавшіяся объектами всякой лжи. Тамъ нашелся и Гулливеръ, можетъ быть, и слишкомъ сильная пища для мальчика, но въ общемъ—здоровая. Сатира заставляла кипѣть мою кровь отъ негодованія, какъ и предполагалось авторомъ, но я возненавидѣлъ Свифта за Гуигнмовъ, и съ тѣхъ поръ не любилъ лошадей. Далѣе, я помню переводъ Вольтеровскаго „Кандида“ и даже Гиббона въ двѣнадцати томахъ.

Чтеніе этихъ книгъ только обострило мой аппетитъ, и я сталъ дѣлать тайные набѣги на книжный шкафъ въ большой гостиной Я уже успѣлъ перечитать тамъ много книгъ, пока моя безпримѣрная дерзость не была открыта Анной, старой комнатной горничной. Между прочимъ, я пытался тогда прочесть и переводъ Платоновой Республики, но онъ совсѣмъ меня не заинтересовалъ: я былъ для этого слишкомъ молодъ. Книги наводятъ меня на воспоминаніе о большой гостиной въ Бледсоверѣ.

Это была огромная длинная комната, со множествомъ оконъ, открывающихся въ паркъ, и каждое окно,—ихъ было болѣе двѣнадцати, — начиналось отъ самаго пола и было украшено богатою шелковою или атласною портьерой съ тяжелою бахромой.

Мои вторженія сюда за книгами были сопряжены съ опасностями и требовали большой отваги. Сперва приходилось спуститься по людской лѣстницѣ, — это было вполнѣ легально, но нарушеніе закона начиналось съ маленькой площадки, гдѣ нужно было осторожно проскользнуть въ обитую красной матеріей дверь. Отсюда маленькій коридоръ велъ въ гостиную, и тутъ можно было наткнуться на старую Анну; горничныя помоложе относились ко мнѣ дружественно и потому не шли въ счетъ... Такими способами я, точно пугливая мышь, проскальзывалъ въ это огромное мѣсто за брошенными тамъ крошками человѣческой мысли. Мнѣ помнится, я нашелъ на этихъ полкахъ Плутарха, въ переводѣ Лангорна. Забавно подумать, что первые проблески сознанія своего человѣческаго достоинства, первыя идеи о государствѣ и зачатки гражданскаго духа были схвачены мною при помощи такихъ хитрыхъ уловокъ

Не менѣе забавно и то, что всѣмъ этимъ я обязанъ старому греку, умершему тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ.

VI.

Школа, куда меня отдали, была изъ тѣхъ, которыя допускались Бледсоверской системой. Большія публичныя школы, появившіяся въ краткій періодъ возрожденія, были захвачены правящимъ сословіемъ; для низшихъ классовъ вовсе не видѣли надобности въ школахъ, а нашъ средній слой получилъ школы, которыя заслуживалъ, т. е. такія, которыя могъ открывать всякій желающій, не обладая при этомъ никакимъ образовательнымъ цензомъ. Нашу содержалъ, однако, человѣкъ, у котораго хватило энергіи добыть себѣ дипломъ; и, принимая въ соображеніе низкую плату, взимаемую за содержаніе пансіонеровъ, я долженъ признать, что его школа могла быть куда хуже.

Мои школьные дни не связаны съ непріятными воспоминаніями; помню, мы не скучно проводили время, хотя я долженъ сказать при этомъ, что мы далеко не представляли собою благовоспитанныхъ мальчиковъ. Драки у насъ были въ большомъ ходу, но не правильнаго, установленнаго характера, а злобныя потасовки, гдѣ пускались въ ходъ и сапоги. Бывшіе между нами сыновья лондонскихъ кабатчиковъ дѣлали различіе между такими дикими свалками, гдѣ имѣлось въ виду нанести вредъ, и формальнымъ кулачнымъ боемъ, но практиковали и тотъ, и другой способы, отличаясь при этомъ богатствомъ своего словаря. Нашъ крикетъ былъ также плохо обставленъ, и въ нашей игрѣ отсутствовалъ стиль. Главное преподаваніе было въ рукахъ неопытнаго девятнадцатилѣтняго парня, одѣтаго въ неуклюжее готовое платье и учившаго насъ крайне плохо. Старшій учитель и хозяинъ школы самъ преподавалъ намъ ариѳметику, алгебру и геометрію, а старшимъ ученикамъ — тригонометрію; онъ имѣлъ склонность къ математикѣ и, по сравненію съ невысокимъ уровнемъ Британскихъ Публичныхъ Школъ, училъ насъ недурно.

Одно изъ неоцѣнимыхъ преимуществъ нашей школы заключалось въ томъ, что религіозное воспитаніе у насъ было сравнительно заброшено. Мы относились другъ къ другу съ грубой простотой невоспитанныхъ мальчишекъ; мы колотили другъ друга, ругались, издѣвались; мы воображали себя краснокожими индѣйцами, *коу-боями* *) и т. п. достойными

*) *Cow-Boys* — конные пастухи въ Западныхъ Штатахъ Америки. *Прим. перев.*

личностями, а не молодыми англійскими джентльмэнами. Гимнъ „Впередъ, воины Христовы!" не возбуждалъ нашихъ сердецъ, и мы не испытывали преждевременнаго благочестія, сидя на своей дубовой церковной скамьѣ, по воскресеньямъ. Мы тратили рѣдко водившіеся у насъ *пенсы* на свободную отъ предварительной цензуры литературу, покупая въ деревенской лавочкѣ „Мальчиковъ Англіи" и настоящіе пенсовые „ужасы", плохо напечатанные и съ страшными картинками,—чудесныя вещи, бывшія истинными предшественниками Хаггарда и Стивенсона. Въ полупраздники мы пользовались рѣдкой свободой — шляться по окрестностямъ вдвоемъ, втроемъ, предаваясь всяческой болтовнѣ и фантазіямъ. И какъ были содержательны для меня эти прогулки! До сихъ поръ Кентскій пейзажъ, съ его широкими далями, хмелевыми огородами и золотыми пшеничными полями, съ его сушилками для хмеля и квадратными колокольнями связанъ для меня съ какимъ-то элементомъ авантюры. Иногда мы курили, но никто не науськивалъ насъ на настоящія „мальчишескія" дѣла; мы, напримѣръ, никогда не обкрадывали фруктовыхъ садовъ, хотя они окружали насъ со всѣхъ сторонъ: мы считали воровство грѣхомъ. Иногда намъ, правда, случалось стащить попадавшіяся по дорогѣ яблоки, землянику или рѣпу, но потомъ намъ было стыдно. Бывали у насъ и приключенія, но мы больше сами создавали ихъ... Сколько пріятныхъ воспоминаній связано съ этими блужданіями, гдѣ играло такую роль воображеніе! Какъ мы ими дорожили и сколько въ нихъ заключалось хорошаго для насъ! Тогда всѣ ручьи брали начало изъ неоткрытыхъ „истоковъ Нила", всякая заросль была индѣйскими джунглями, и нашу лучшую игру,—говорю это съ гордостью,—изобрѣлъ я самъ. Мы набрели какъ-то на лѣсокъ, ходить чрезъ который „строго воспрещалось", и совершили тутъ „съ одного его конца до другого" „отступленіе Десяти Тысячъ", съ непоколебимою отвагою пробиваясь сквозь лежавшіе на пути кусты и заросли крапивы, пока мы не вышли къ *морю*, т. е.—на Большую Дорогу, гдѣ, какъ то требовалось исторіей, былъ совершенъ обрядъ колѣнопреклоненія со слезами. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. При такихъ случаяхъ я обыкновенно исполнялъ обязанности великаго полководца Ксенофонта.

Вообще, моя школа, вопреки ожиданіямъ, внесла въ мою жизнь не мало хорошаго. И, между прочимъ, я пріобрѣлъ здѣсь друга, оставшагося такимъ на всю жизнь.

Это былъ Юартъ, нынѣ, послѣ разныхъ превратностей, монументный мастеръ въ Локингѣ. Дорогой другъ, — я какъ теперь помню его крупную фигуру, вылѣзавшую изъ

платья! Это былъ длинноногій, неуклюжій дѣтина, рослый до смѣшного,—особенно рядомъ съ моею поджарою дѣтскою фигуркою; и, за исключеніемъ черныхъ усовъ, торчащихъ теперь изъ-подъ его толстаго носа, у него было то же круглое, шишковатое лицо и тѣ же живые каріе глаза, выражавшіе сперва вопросъ, потомъ раздумье и—отвѣтъ. Конечно, ни одинъ мальчишка въ мірѣ не въ состояніи былъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывать дурака и выражать на своемъ лицѣ такое дурацкое удивленіе. Все обыденное исчезало передъ Юартомъ, и, подъ его прикосновеніемъ, всѣ вещи становились рѣдкостными и достопамятными. Отъ него я впервые услыхалъ о любви, но уже послѣ того, какъ мое сердце было пронизано ея стрѣлами. Онъ былъ, какъ я узналъ потомъ, незаконный сынъ знаменитаго художника Рикмана Юарта, отличавшагося своею безпорядочною жизнью. Онъ внесъ нѣкоторый свѣтъ красоты, отъ которой еще не отрѣшился нашъ распущенный міръ, въ мои спутавшіеся мозги.

Я привлекъ его моею версіей „*Ватека*", и съ тѣхъ поръ мы сдѣлались неразлучными друзьями. Нашъ умственный запасъ до того перемѣшался, что я иногда спрашиваю себя: сколько во мнѣ сидитъ Юарта и насколько онъ не является моимъ повтореніемъ...

VII.

И тутъ, вскорѣ послѣ моего четырнадцатаго дня рожденія, произошелъ мой трагическій провалъ.

Дѣло было во время лѣтнихъ каникулъ, и все это случилось, благодаря достопочтенной Беатрисъ Нормандп. Она „вошла въ мою жизнь", какъ говорится, когда мнѣ еще не было двѣнадцати.

Она нежданно опустилась посреди мирной интермедіи, слѣдовавшей за ежегоднымъ съѣздомъ Трехъ Большихъ Женщинъ. Она водворилась въ старой дѣтской наверху и каждый день пила съ нами чай въ комнатѣ экономки. Ей было восемь лѣтъ, и при ней состояла нянька по имени Нанни. Сначала она мнѣ вовсе не понравилась.

Никому изъ насъ не нравилось такое вторженіе этихъ двухъ личностей въ нижнія комнаты, потому что съ ними были связаны лишнія хлопоты; по долгу няньки, Нанни предъявляла для своей питомицы разныя требованія, возмущавшія мою мать. Яйца въ неурочное время, вторичное кипяченіе молока, отказъ отъ прекраснаго молочнаго пуддинга,—и все это не испрашивалось почтительно, а требовалось,

какъ по праву. Нанни была смуглая, молчаливая женщина, съ длиннымъ лицомъ, въ сѣромъ платьѣ, и отличалась при этомъ какою-то непреклонною манерою, которая васъ подавляла и уничтожала. Она производила впечатлѣніе, что дѣйствуетъ по приказу свыше,—точно дѣйствующее лицо греческой трагедіи. Въ сущности, она представляла собою этотъ любопытный продуктъ старинныхъ временъ, преданную, вѣрную слугу: она точно положила въ банкъ всю свою гордость и личную волю за проценты, въ видѣ обезпеченнаго существованія раба, и строго исполняла этотъ неписаный договоръ. Въ заключеніе она должна была получить пенсію и окончить свои дни ненавидимой, хотя и цѣнимой, жилицей какихъ нибудь меблированныхъ комнатъ средней руки. Въ ея глазахъ все на свѣтѣ имѣло значеніе только по отношенію къ господамъ, и она подавила въ себѣ всякій душевный ропотъ противъ такого порядка; самые инстинкты были въ ней извращены. Она уничтожила въ себѣ всякое сознаніе пола, передавъ его другой женщинѣ, за ребенкомъ которой ходила съ беззавѣтною, черствою преданностью, вполнѣ согласовавшеюся съ такою стоическою операціею. Она обращалась съ нами, какъ съ существами, пригодными только на то, чтобы подавать или приносить, что требовалось ея питомицѣ. Но достопочтенная Беатрисъ была снисходительнѣе.

Позднѣйшія событія заслоняютъ въ моей памяти ясное представленіе этого дѣтскаго лица. Когда я думаю о Беатрисъ, то она представляется мнѣ такою, какою я ее зналъ позже, когда я познакомился съ нею такъ хорошо, что могу передать теперь пропасть мелкихъ штриховъ, которыхъ вы бы и не замѣтили въ ней. Но и съ того времени въ моей памяти сохранилась нѣжная дѣтская кожа и тонкія брови, тоньше, чѣмъ самое нѣжное перышко на груди у птицы. Это была одна изъ тѣхъ, напоминающихъ эльфа, рано развитыхъ маленькихъ дѣвочекъ, съ темными вьющимися, иногда спускающимися на глаза волосами, которые иногда были темнаго цвѣта, иногда же казались свѣтло-каштановыми. Съ самаго начала, послѣ поверхностнаго обзора Раббитса, она рѣшила, что единственною достойною вниманія за столомъ личностью былъ *я*.

Между старшими происходилъ обычный скучный разговоръ, состоявшій изъ обращенныхъ къ Нанни неизмѣнныхъ замѣчаній о паркѣ и деревнѣ, которыя приходилось выслушивать всѣмъ. Беатрисъ смотрѣла на меня съ другого конца стола, съ какимъ-то холоднымъ, безжалостымъ любопытствомъ во взглядѣ, отъ котораго я чувствовалъ себя очень неловко.

— Нанни,—спросила она, показывая на меня пальцемъ, послѣ чего та, оставивъ безъ отвѣта вопросъ моей матери, обратилась къ ней,—этотъ мальчикъ прислуга?

— Ш-шъ,—произнесла Нанни.—Это мастеръ *) Пондерво.

— Онъ изъ прислуги?—повторила Беатрисъ.

— Онъ учится въ школѣ,—сказала моя мать.

— Такъ; мнѣ можно съ нимъ говорить, Нанни?

Нанни оглядѣла меня съ какимъ-то черствымъ, безчеловѣчнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Немного только,—сказала она своей питомицѣ, разрѣзая для нея на ладони на маленькіе кусочки кексъ. Но потомъ, какъ только Беатриса собиралась заговорить, рѣшительно добавила:—Не нужно.

Беатриса бросила на меня злобный взглядъ и пристально осмотрѣла.

— У него грязныя руки,—сказала она, видимо, желая меня уколоть.—И воротничекъ у него обтрепанный.

Послѣ того она сосредоточилась на кексѣ, дѣлая видъ, что совершенно позабыла о моемъ существованіи, что пробудило во мнѣ страстное желаніе заставить ее восхищаться мною... И на слѣдующій день, передъ вечернимъ чаемъ, я добровольно и безъ всякаго посторонняго принужденія вымылъ руки.

Такъ началось наше знакомство, которому было суждено сдѣлаться болѣе близкимъ, благодаря ея капризу: вслѣдствіе легкой простуды ей пришлось сидѣть дома, и она объявила Аннѣ, что будетъ „гадкая“ (и это было соединено съ изряднымъ ревомъ, вовсе неподходящимъ для ушей престарѣлой, богатой тетки), если меня не будутъ приводить въ дѣтскую играть съ ней послѣ полудня. Нанни съ озабоченнымъ видомъ спустилась внизъ и заняла меня у матери, послѣ чего я былъ переданъ для забавы маленькому созданію, въ видѣ какого-то, довольно крупной породы, котенка. До тѣхъ поръ мнѣ никогда не приходилось имѣть дѣла съ маленькой дѣвочкой; она показалась мнѣ самымъ чуднымъ и удивительнымъ изо всего, что только можетъ быть въ жизни; я же въ ея глазахъ оказался самымъ покорнымъ изъ рабовъ, несмотря на мою очевидную силу. Нанни была поражена, какъ спокойно и быстро пролетѣлъ послѣобѣденный промежутокъ. Она одобрительно отозвалась о моихъ манерахъ лэди Дрю и моей матери, которой это было очень пріятно услышать; и съ тѣхъ поръ мнѣ нѣсколько разъ приходилось играть съ Беатрисъ. Ея игрушки до сихъ поръ сохранились въ моей памяти,—особенно ихъ

---

*) Master—такъ прислуга называетъ дѣтей хозяевъ. *Прим. пер.*

невиданный гигантскій размѣръ. Мы даже выходили поиграть,—съ большою осторожностью, впрочемъ,—къ большому игрушечному дому, стоявшему на площадкѣ лѣстницы (онъ былъ подаренъ принцемъ-регентомъ первородному сыну сэра Гарри Дрю, умершему пяти лѣтъ), который былъ недурною моделью самаго Бледсовера; онъ заключалъ въ себѣ восемьдесятъ пять куколъ и стоилъ сотни фунтовъ. Съ этою величественною игрушкою я игралъ только подъ высшимъ надзоромъ.

Я вернулся въ школу послѣ этихъ каникулъ съ головою, наполненною мечтами о всякихъ прекрасныхъ вещахъ, и заставилъ Юарта говорить со мною о любви. Тутъ же мною была сочинена сказка о кукольномъ домѣ, которая у Юарта потомъ превратилась въ цѣлый городъ куколъ на принадлежащемъ намъ островѣ.

Я мысленно рѣшилъ, что одна изъ этихъ куколъ похожа на Беатрисъ.

Относительно другой встрѣчи съ нею, во время праздниковъ, мои воспоминанія смутны. А затѣмъ слѣдовалъ мой провалъ.

VIII.

Принимаясь за свою повѣсть и желая все разсказать по порядку, я впервые вижу, до какой степени можетъ быть непослѣдовательна и нераціональна память. Вы припоминаете дѣйствія и не можете вспомнить ихъ мотивы; вы ясно представляете себѣ моменты, остающіеся необъяснимыми, витающіе гдѣ-то въ пространствѣ, ни съ чѣмъ не связанные и никуда не ведущіе. Мнѣ кажется, что во время моихъ послѣднихъ каникулъ въ Бледсоверѣ, мнѣ часто приходилось видѣться съ Беатрисъ и ея сводным братомъ, но я совершенно не помню, при какихъ обстоятельствахъ.

Арчи Гарвелъ явился при этомъ совершенно новымъ факторомъ. Я живо помню его, какъ бѣловолосаго, длиннаго, худого мальчика, много выше меня, но тоньше, съ надменнымъ взглядомъ; помню, что подъ вліяніемъ какого-то инстинкта мы съ самаго начала возненавидѣли другъ друга; но, въ то же время, у меня не сохранилось никакого воспоминанія о моей первой встрѣчѣ съ нимъ.

Я даже не въ состояніи уяснить себѣ теперь, почему эти дѣти появились въ Бледсоверѣ. Я знаю, что они принадлежали къ безчисленной роднѣ лэди Дрю и внизу существовала теорія, что они были кандидатами на наслѣдованіе Бледсовера. Если это и было такъ, то ихъ кандидатура не имѣла успѣха. Этотъ огромный домъ, со всѣмъ его обвет-

шалымъ великолѣпіемъ, богатою мебелью и громкими традиціями находился въ полномъ распоряженіи лэди Дрю; и мнѣ кажется, что она не прочь была получить и держать въ подчиненіи, въ ожиданіи наслѣдства, многихъ изъ окружавшихъ ее родственниковъ. Ихъ отецъ, лордъ Оспрей, былъ въ числѣ послѣднихъ, и возможно, что она оказывала такое вниманіе этимъ дѣтямъ, лишившимся матери, во-первыхъ, потому, что онъ былъ бѣденъ, а также, можетъ быть, ожидая пробужденія какого-нибудь болѣе нѣжнаго чувства съ ихъ стороны. Въ этотъ разъ Нанни уже не было, и Беатрисъ находилась на попеченіи очень милой, но совсѣмъ неподходящей, бѣдной молодой особы изъ военнаго сословія. Сколько я помню, это были крайне избалованныя и смѣлыя дѣти. Мнѣ помнится также, что я считался совсѣмъ неподходящимъ для нихъ обществомъ, и что наши встрѣчи должны были имѣть какъ бы случайный характеръ. Но на нихъ настаивала сама Беатриса.

Въ четырнадцать лѣтъ я, несомнѣнно, имѣлъ уже достаточное представленіе о любви и былъ влюбленъ въ Беатрисъ со всею пылкостью взрослаго; я знаю также, что и Беатрисъ по своему была влюблена въ меня. Въ огромной массѣ иной завѣдомой лжи приличій, у насъ, между прочимъ, принято на вѣру, что дѣти того возраста, въ которомъ мы находились, ничего не знаютъ и никогда не думаютъ о любви. Трудно повѣрить, до чего англичане умѣютъ поддерживать такія фальшивыя претензіи. Во всякомъ случаѣ, я не могу умолчать, что мы съ Беатрисъ говорили о любви, обнимались и цѣловались.

Я припоминаю одинъ изъ подобныхъ разговоровъ подъ свѣшивавшимися вѣтками кустовъ, при чемъ я находился за стѣною парка, а дама моего сердца занимала не совсѣмъ изящную позицію, сидя на верхушкѣ невысокой стѣны. Я сказалъ—неизящную? Хотѣлъ бы я, чтобы вы сами взглянули на этого очаровательнаго чертенка въ томъ видѣ, какъ я ее помню! Я вижу ее, какъ живую, предъ собою на стѣнѣ на фонѣ зеленыхъ вѣтвей, съ вырисовывавшимся въ отдаленіи фасадомъ Бледсовера на облачномъ небѣ. Нашъ разговоръ имѣлъ серьезно-дѣловой характеръ,—мы обсуждали мое соціальное положеніе.

— Я не люблю Арчи,—сказала она безъ всякаго видимаго повода; и потомъ прошептала, наклонившись впередъ, при чемъ волосы опустились ей на лобъ,—я люблю *тебя*!

Послѣ того она довольно настойчиво желала выяснить, что я не буду слугой.

— Ты никогда не сдѣлаешься слугой, слышишь-ли—никогда!

Я охотно поклялся въ этомъ и сдержалъ свою клятву.

— Чѣмъ же ты будешь?—спросила она.

Я мысленно пробѣжалъ въ своемъ умѣ всѣ профессіи.

— Хочешь быть солдатомъ?—спросила она.

— Чтобы на меня орали всякіе олухи? Не бойтесь этого!—сказалъ я.—Пусть мужики идутъ въ солдаты.

— Но офицеромъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ я, обходя постыдное препятствіе.—Я лучше хотѣлъ бы поступить во флотъ!

— Тебѣ хотѣлось бы сражаться?

— Да, хотѣлось-бы, — сказалъ я. — Но простымъ солдатомъ... мало чести драться по приказу, да еще когда на тебя смотрятъ свысока; а какъ я могу сдѣлаться офицеромъ?

— Развѣ ты не можешь?—сказала она и посмотрѣла на меня съ сомнѣніемъ. И тутъ разверзлась раздѣляющая насъ пропасть нашей соціальной системы.

Но, благодаря апломбу моего пола, мнѣ удалось, съ помощью вранья и хвастовства, выйти изъ грозившаго мнѣ затрудненія. Я сказалъ, что я былъ бѣденъ, а бѣдные, какъ извѣстно, идутъ во флотъ; что я знаю математику, въ которой офицеры ничего не смыслятъ. И тутъ я указалъ на Нельсона, какъ на подходящій примѣръ, и распространился о широкихъ перспективахъ открывающихся предо мною на синихъ волнахъ.—Вѣдь онъ полюбилъ лэди Гамильтонъ, хотя она и была *лэди*,—воскликнулъ я:—и я буду любить васъ.

Мы уже подошли къ этому моменту разговора, когда до насъ стали долетать звуки голоса несуразной гувернантки:

— Бе-е-е-атриса! Бе-е-е-атриса!

— Противная тварь! — сказала дама моего сердца и хотѣла продолжать разговоръ, но приближеніе гувернантки не допускало этого.

— Подойди сюда! - неожиданно сказала моя дама, протягивая свою загорѣлую ручонку. Я подошелъ совсѣмъ близко къ ней, и она положила свою маленькую голову на стѣнку, такъ что ея черные волосы щекотали мнѣ щеку.

— Ты мой вѣрный, покорный женихъ?—спросила она шепотомъ, при чемъ ея вспыхнувшее лицо почти касалось моего и темные глаза горѣли.

— Я вашъ покорный, вѣрный женихъ,—прошепталъ я въ отвѣтъ.

Тутъ она обхватила мою голову рукою и приблизила свои губы, и мы поцѣловались; при этомъ, хотя и мальчикъ, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Таковъ былъ нашъ первый поцѣлуй.

— Бе-ее-е-атриса!—раздалось совсѣмъ близко. Моя дама исчезла со стѣны, при чемъ только мелькнули ея маленькія ноги въ черныхъ чулкахъ. Черезъ моментъ послѣ того я слышалъ, какъ на выговоры гувернантки она приводила свои невинныя объясненія, почему не могла откликнуться на ея зовъ.

Я понималъ неумѣстность моего появленія въ такой моментъ и поспѣшилъ скрыться за уголъ, въ отдаленный Вестъ Вудъ, чтобы предаться тамъ любовнымъ мечтамъ и игрѣ въ одиночку, посреди извилистыхъ, заросшихъ папоротникомъ ложбинъ, разнообразившихъ паркъ Бледсовера. И съ этого дня, и на многіе послѣдующіе дни, полученный мною поцѣлуй былъ священною печатью на моихъ устахъ и источникомъ многихъ поэтическихъ сновъ.

Мнѣ вспоминается еще одна экспедиція, предпринятая нами втроемъ. Мы изображали собой индѣйцевъ, строили *вигвамы* изъ буковыхъ жердей, подстерегали оленей, ползли по травѣ, чтобы подсмотрѣть, какъ ѣдятъ кролики, и чуть было не поймали бѣлку. Эта игра сопровождалась частыми диспутами между мною и Гарвелемъ о томъ, кому слѣдуетъ исполнять въ ней главныя роли, и хотя онъ сильно оспаривалъ мои права, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ уступить въ виду моей болѣе обширной начитанности. Ужъ не помню, какъ это вышло, но только мы вдвоемъ съ Беатрисой, оба разгоряченные и растрепанные, спрятались отъ него въ высокихъ папоротникахъ. Эти громадные кусты поднимались на нѣсколько футъ выше нашихъ головъ и, научившись ловко пролѣзать въ этой зеленой чащѣ, не обнаруживая своего присутствія, я былъ путеводителемъ. Мѣсто подъ такими папоротниками бываетъ совершенно чисто и напоено ароматомъ, въ теплую погоду, стволы ихъ снизу черные, а кверху—зеленые; если вы ползете на животѣ, то можно подумать, что это тропическій лѣсъ въ миніатюрѣ. Итакъ, я былъ впереди, а Беатриса ползла за мною; наконецъ, передъ нами открылась лужайка, и мы остановились. Тутъ она подползла ко мнѣ, ея маленькое разгорѣвшееся личико совсѣмъ было близко къ моему; опять она почти касалась его, и вдругъ—она обхватила руками мою шею, притянула къ землѣ около себя и стала меня цѣловать. Мы цѣловались, обнимались и опять цѣловались, все время не произнося ни слова. Наконецъ, мы перестали, посмотрѣли другъ на друга въ какой-то нерѣшительности—и вдругъ, уже въ нѣсколько подавленномъ и смущенномъ настроеніи, выползли на лужайку, гдѣ насъ вскорѣ послѣ того преспокойно и поймалъ Арчи.

Эта сцена выдѣляется у меня среди другихъ смутныхъ воспоминаній. Наконецъ, я хорошо помню нашу драку въ

Уорренѣ. Это былъ длинный склонъ, покрытый кустами терновника и буками, посреди которыхъ спускалась тропинка къ дорогѣ, между Бледсоверомъ и Ропдиномъ. Ужъ не знаю, какъ мы трое туда попали, но, кажется, это было въ связи съ посѣщеніемъ гувернанткой обитателей викаріата въ Ропдинѣ. Здѣсь-то, при обсужденіи одной игры съ Арчи, между нами произошелъ неожиданный диспутъ по поводу Беатрисы. Я предложилъ ему игру, въ которой я буду представлять испанскаго дворянина, Беатриса мою жену, а онъ—племя враждебныхъ индѣйцевъ, собирающихся ее похитить. Кажется, чего было справедливѣе,—если одному предоставлялось изображать цѣлую толпу индѣйцевъ, да еще съ такой добычей впереди. Но Арчи, почему-то, вдругъ оскорбился.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Это намъ не подходитъ!

— Что не подходитъ?

— Ты не джентльмэнъ, и потому не можешь его представлять. Да и нельзя тебѣ играть мужа Беатрисы. Это... это дерзко...

— Но,—началъ я и взглянулъ на нее. Въ головѣ у Арчи, видимо, засѣлъ какой-то гвоздь противъ меня.

— Мы позволяемъ тебѣ играть съ нами,—сказалъ Арчи,—но такихъ вещей нельзя допустить.

— Вотъ вздоръ!—сказала Беатриса.—Онъ можетъ, если хочетъ.

Однако, на этотъ разъ онъ восторжествовалъ. Я уступилъ ему, но черезъ нѣсколько минутъ мы опять на чемъ-то столкнулись.

— Мы совсѣмъ не хотимъ, чтобы ты съ нами игралъ,—сказалъ Арчи.

— Нѣтъ, хотимъ!—крикнула Беатриса.

— Онъ говоритъ, какъ извозчикъ.

— Врешь!—закричалъ я въ ярости.

— Что задѣло за живое?—подразнивалъ онъ, тыкая въ меня пальцемъ.

Я все позабылъ въ своемъ гнѣвѣ и бросился на него.

— Галло!—крикнулъ онъ при моемъ неожиданномъ нападеніи.

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и сталъ въ позицію, не лишенную своего стиля. Отпарировавъ ударъ, онъ ударилъ обратно въ щеку и самодовольно засмѣялся при своемъ неожиданномъ успѣхѣ. Послѣ этого, я уже совсѣмъ остервенился. Онъ могъ боксировать не хуже, даже, пожалуй, лучше меня, но мнѣ приходилось участвовать раза два въ настоящихъ дракахъ, съ голыми кулаками, до *финиша* (конца), и я привыкъ наносить и получать обратно жестокіе

удары. Не прошло и десяти секундъ, какъ я увидѣлъ, что онъ—слабый противникъ и походитъ на многихъ другихъ представителей своего класса, которые не идутъ до конца, а вертятся около правилъ и разныхъ мелкихъ *пуанъ д'онеровъ*, служащихъ только для отвода глазъ. Онъ, повидимому, думалъ, что его первые два-три удачныхъ удара имѣли значеніе и, когда у меня показалась кровь изъ разбитой губы и закапала на куртку, онъ считалъ, что я по всѣмъ правиламъ долженъ сдаться. Черезъ минуту онъ уже прекратилъ наступательную тактику, и я тузилъ его по своему произволу, спрашивая по временамъ свирѣпымъ, запыхавшимся голосомъ: не будетъ-ли съ него?—какъ водилось у насъ въ школѣ. Я не сознавалъ, что его высокій кодексъ чести и, въ то же время, нѣжное воспитаніе лишали его возможности вздуть меня, какъ слѣдуетъ, или самому сдаться.

У меня осталось впечатлѣніе, что въ то время, какъ происходилъ бой, Беатриса кружилась около насъ, съ видомъ самаго живого одобренія, вовсе не подходящаго для благородной дѣвицы, и я былъ слишкомъ занятъ, чтобы улавливать ея слова. Но они, несомнѣнно, ободряли и того, и другого изъ противниковъ, и мнѣ думается (или это только результатъ позднѣйшаго разочарованія)—именно того, кто, по ея впечатлѣнію, бралъ верхъ.

Потомъ молодой Гарвелъ, отступая назадъ, споткнулся объ камень и упалъ на спину, и я, слѣдуя дикимъ традиціямъ моего класса и моей школы, быстро бросился на него, чтобы *прикончить*. Мы валялись вмѣстѣ на землѣ, когда произошелъ ужасный перерывъ.

— Будетъ тебѣ, дуракъ!—проговорилъ Арчи.

— О, лэди Дрю!—донесся до меня крикъ Баетрисы.— Они дерутся! Какой ужасъ!

Я взглянулъ черезъ плечо и убѣдился въ присутствіи двухъ старыхъ дамъ, на фонѣ пурпуроваго шелка и мѣха и блестящаго стекляруса; онѣ, очевидно, направились пѣшкомъ черезъ Уорренъ, въ то время какъ коляска объѣзжала холмъ, и такимъ образомъ натолкнулись на насъ. Беатриса тотчасъ-же отошла къ нимъ, какъ-бы укрываясь подъ ихъ защитой, и стояла позади, нѣсколько въ сторонѣ. Мы оба поднялись, какъ опущенные въ воду. Старухи, видимо, были ужасно шокированы; я еще ни разу не замѣчалъ, чтобы до такой степени дрожалъ лорнетъ въ рукѣ лэди Дрю.

— Неужели вы дрались?—сказала лэди Дрю.—Да, вы дрались.

— Онъ не по правиламъ дрался,—пробормоталъ Арчи, бросая на меня укоризненный взглядъ.

— Это Джорджъ, м-риссъ Пондерво, — сказалъ миссъ Соммервиль, добавляя, такимъ образомъ, къ моему святотатственному преступленію еще новый обвинительный пунктъ—неблагодарность.

— Какъ онъ *осмѣлился?*—воскликнула лэди Дрю, принимая ужасающій видъ.

— Онъ нарушилъ всѣ правила,—захлебываясь, проговорилъ Арчи.—Я поскользнулся—и онъ ударилъ меня, когда я лежалъ на спинѣ. Онъ сталъ мнѣ колѣнками на грудь.

— Какъ ты *смѣлъ?*—спросила лэди Дрю.

Я вытащилъ изъ кармана затасканный, свернутый въ клубокъ, носовой платокъ и вытеръ имъ кровь съ моего подбородка, но не могъ представить никакъ объясненій своей дерзости. Между прочимъ, этому мѣшало и то обстоятельство, что я едва переводилъ духъ.

— Онъ дрался не по правиламъ,—хныкалъ Арчи.

Беатриса, изъ-за старухъ, пристально смотрѣла на меня, но безъ всякой враждебности во взорѣ. Я склоненъ думать, что ее интересовало измѣненіе, происшедшее въ моемъ лицѣ изъ-за поврежденной губы. Въ моемъ смутномъ сознаніи всего происшедшаго мнѣ какъ-то выяснилось, что я ничего не долженъ говорить по поводу ихъ игры со мной. Это уже совсѣмъ не походило на ихъ правила. Но, что бы тамъ ни вышло, я рѣшилъ во всемъ этомъ трудномъ дѣлѣ хранить суровое молчаніе.

IX.

Верховный судъ Бледсовера постановилъ крайне путанное рѣшеніе по моему дѣлу.

Я долженъ съ грустью признаться, что десятилѣтняя, достопочтенная Беатриса Норманди измѣнила мнѣ и меня предала, при чемъ лгала самымъ немилосерднымъ образомъ. Въ сущности, она была охвачена паническимъ страхомъ и стыдомъ; ей было страшно вспомнить, что я могъ быть ея обрученымъ женихомъ. Въ общемъ, предавая меня, она поступила, хотя и крайне безсовѣстно, но совсѣмъ по человѣчески. Она, вмѣстѣ съ своимъ сводным братомъ, дали совершенно согласныя показанія, и я оказался въ видѣ мятежника, напавшаго безъ всякаго повода на нихъ, соціально стоящихъ *выше.* Они, видите-ли, поджидали старыхъ дамъ въ Уорренѣ, когда я подошелъ, заговорилъ съ ними и т. д.

Въ общемъ, какъ я вижу теперь, рѣшеніе лэди Дрю, при такихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, было резонно и милостиво.

Оно было сообщено мнѣ моею матерью, которая, я увѣренъ, была возмущена еще болѣе лэди Дрю такимъ нарушеніемъ соціальной субординаціи. Сперва она распространилась о добротѣ ея сіятельства, о моемъ возмутительномъ, грѣховномъ поступкѣ, и все это завершила изложеніемъ условій моего покаянія.

— Ты долженъ подняться наверхъ и просить прощенія у м-ра Гарвеля,—закончила она.

— Я не стану просить у него прощенія,—сказалъ я. И это были первыя произнесенныя мною слова.

Моя мать остановилась, не вѣря своимъ ушамъ. Я сложилъ руки на столѣ и повторилъ свой злостный ультиматумъ:

— Не стану я просить его прощенія. Вотъ что!

— Тогда тебѣ придется уѣхать къ дядѣ Фраппу, въ Чатамъ.

— Мнѣ все равно, куда бы ни ѣхать и что бы ни дѣлать, но я не стану просить у него прощенія,—сказалъ я.

И я не просилъ.

Послѣ того я оказался одинъ противъ всего міра. Можетъ быть, моя мать, въ глубинѣ души, и жалѣла меня, но она не показывала этого. Она всецѣло стояла на сторонѣ молодого джентльмэна и всѣми силами старалась заставить меня сказать, что я сожалѣю, что ударилъ его. Сожалѣю!

Да развѣ я могъ объяснить все?

Итакъ, свершилось мое изгнаніе. Меня свезъ въ таратайкѣ на Редвудскую станцію, вмѣстѣ со всѣмъ моимъ имуществомъ въ маленькомъ парусинномъ чемоданѣ, кучеръ Джуксъ, сохранявшій холодное молчаніе во все время пути.

Я чувствовалъ, что со мною поступили жестоко и дали всѣ поводы къ озлобленію: во всемъ этомъ дѣлѣ не было и признака справедливости, судя по всѣмъ извѣстнымъ образцамъ... Но меня болѣе всего огорчало поведеніе достопочтенной Беатрисы Норманди, отвергнувшей меня и бѣжавшей отъ меня, какъ отъ какого-то прокаженнаго, не пожелавшей даже воспользоваться случаемъ, чтобы проститься. А это она могла легко сдѣлать! А что, если бъ я разсказалъ о ней? Но сынъ прислуги всегда останется слугой. Она было забыла объ этомъ, а теперь вспомнила...

Я утѣшалъ себя при этомъ невѣроятною фантазіей въ

родѣ того, что я опять возвращусь въ Бледсоверъ — суровый, могущественный, по образцу Коріолана. Не припоминаю подробностей, но, вѣроятно, я былъ при этомъ великодушенъ...

Во всякомъ случаѣ, я не жалѣлъ, что вздулъ молодого Гарвеля и, до сихъ поръ, объ этомъ не жалѣю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о переживаніяхъ.

I.

Въ суевѣріяхъ, накопленныхъ человѣчествомъ за сотни тысячъ лѣтъ «звѣриной» жизни, энциклопедисты видѣли только разрушающую силу. Вольтеръ и товарищи его видѣли только «жрецовъ суевѣрія» и ихъ гибельное вліяніе. Этимъ объясняется тяжесть ударовъ, направленныхъ противъ этихъ «жрецовъ». «Какая постыдная идея, что жрецъ Изиды или Цибелы, играя на цимбалахъ или стуча кастаньетами, можетъ примирить васъ съ божествомъ!—восклицаетъ Вольтеръ.—И что такое представляетъ собою этотъ жрецъ Цибелы, этотъ странствующій евнухъ, который, пользуясь вашей слабостью, выдаетъ себя за посредника между вами и небомъ? Онъ получаетъ отъ васъ деньги за то, что бормочетъ какія то слова. И вы полагаете, что верховное существо умилостивляется бормотаніемъ этого обманщика! Есть невинныя суевѣрія. Во время праздниковъ вы пляшете въ честь Діаны или Помоны или какого нибудь другого второстепеннаго божества изъ числа тѣхъ, которыхъ такъ много въ вашемъ календарѣ. Что-жъ, въ добрый часъ! Пляска очень пріятна. Она полезна для тѣла, веселитъ душу и никому не причиняетъ зла. Но, пожалуйста, не вѣрьте, что Помона и Вертуленъ будутъ милостивы къ вамъ за то, что вы плясали въ ихъ честь. Не вѣрьте, что они дадутъ вамъ за это много хорошаго и накажутъ, если вы плясать не будете. Нѣтъ другой Помоны, кромѣ двузубой мотыки; нѣтъ другого Вертулена, кромѣ заступа. Не будьте глупы и не вѣрьте, что градъ собьетъ весь цвѣтъ съ яблонь и грушъ, если вы не будете плясать. Есть одинъ видъ простительнаго суевѣрія: помѣщеніе среди боговъ великихъ людей, которые были благодѣтелями человѣчества. Конечно, самое лучшее было бы просто относиться къ нимъ съ уваженіемъ и стараться подражать имъ. Почитайте, не создавая культа, Солона, Ѳалеса, Пиѳагора; но не обращайте въ божество Геркулеса, очистившаго конюшни и свершившаго эротическій подвигъ. Въ особенности берегитесь создавать культъ бездѣльниковъ, прославившихся только невѣжествомъ и грязью. Тѣ, которые были совершенно безполезны

при жизни, не заслуживаютъ апоөеоза послѣ смерти. Помните, что время, прославившееся наибольшимъ суевѣріемъ, отличалось также великими преступленіями. Суевѣрный въ рукахъ негодяя является тѣмъ же, чѣмъ рабы въ рукахъ тирана. Больше того: суевѣрный управляется фанатикомъ, которымъ становится съ теченіемъ времени» *).

Энциклопедисты первые установили, что люди создаютъ божества по образу и подобію своему. «Эмблемы божества были одною изъ первыхъ причинъ суевѣрій, — говоритъ англичанинъ, цитируемый Вольтеромъ **). Съ тѣхъ поръ, какъ мы сотворили божество по нашему подобію, культъ высшаго существа извратился. Дерзнувъ представить себѣ божество въ видѣ человѣка, наше жалкое воображеніе, никогда не знающее удержа, надѣлило свое собственное созданіе всѣми человѣческими пороками. Мы представляемъ себѣ божество не иначе, какъ въ видѣ всесильнаго властелина. Тираны злоупотребляютъ властью. По нашему предположенію то же дѣлаетъ божество, созданное нами. Оно то гордо, ревниво, жестоко и мстительно, то благодѣтельно, милостиво и снисходительно. Оно капризно и воинственно. Божество помогаетъ однимъ людямъ уничтожать своихъ враговъ на полѣ брани. Съ этой цѣлью жрецы въ рѣшительный моментъ даже умоляютъ божество о дарованіи большаго истребленія... Мы постигаемъ какую нибудь идею послѣдовательно. Идемъ мы къ ней большею частью ощупью, имѣя лишь такого сомнительнаго проводника, какъ аналогію. Когда на землѣ всюду были тираны, люди, на основаніи аналогіи, сдѣлали свое божество самымъ старшимъ и самымъ главнымъ тираномъ. Еще хуже было тогда, когда эмблемой божества брали звѣря, птицу, растеніе. Божество бывало быкомъ, змѣей, крокодиломъ, кошкой, ягненкомъ, голубемъ. Оно паслось, шипѣло, свистѣло, ворковало, блеяло, пожирало другихъ и само бывало съѣдаемо и выпиваемо. Суевѣріе почти у всѣхъ народовъ было такъ велико, что трудно было бы повѣрить размѣрамъ его, если бы не существовали точныя доказательства. Всемірная исторія это—лѣтопись фанатизма. Но были-ли невинныя суевѣрія между тѣми чудовищными теоріями, которыя господствовали на землѣ? Нѣтъ ли между фіалами съ ужасными ядами, сравнительно, невинныхъ веществъ, могущихъ служить иногда даже лѣкар-

---

*) Voltaire, Oevres Complétes. Paris. 1875. Vol. VIII. P. 240.

**) Вольтеръ, какъ впослѣдствіи у насъ Н. Г. Чернышевскій, влагалъ иногда свои мысли несуществующимъ иностраннымъ авторамъ, когда это требовалось по цензурнымъ условіямъ. Мы, напрасно, наприм., стали бы искать среди англійскихъ періодическихъ изданій пятидесятыхъ годовъ газету Humbug, мнѣніе которой Н. Г. Чернышевскій приводитъ въ особой статьѣ (см. Полное собраніе сочиненій, изд. 1906 г, т. V, стр. 161—164). Humbug по англійски значитъ обманъ, мистификація, Вольтеръ пользовался тѣмъ же пріемомъ еще шире.

ствами»? *) На этотъ вопросъ Вольтеръ, какъ и всѣ энциклопедисты, отвѣчаетъ отрицательно.

Въ недавно вышедшей книгѣ—*Psyche's Task*—ливерпульскій профессоръ Фрэйзеръ отстаиваетъ оригинальный тезисъ. Онъ разсматриваетъ суевѣріе, какъ творческое начало, и доказываетъ, что оно создало основы современнаго общества: государственную власть, частную собственность, институтъ брака и уваженіе къ человѣческой жизни.

II.

«То, что суевѣріе причинило много вреда міру, не можетъ быть отрицаемо, — говоритъ Фрэйзеръ. — Оно истребило безчисленное множество жизней, расточило безцѣнныя сокровища, поселило вражду между націями, посѣяло раздоръ между друзьями, отдѣлило мужей отъ женъ и родителей отъ дѣтей. Суевѣріе наполнило своими жертвами дома умалишенныхъ и тюрьмы, разбило много сердецъ, отравило всю жизнь людей. Суевѣріе зажгло костры и залило кровью цѣлые континенты **). Не довольствуясь преслѣдованіемъ жизни, оно не оставляло въ покоѣ даже мертвыхъ въ могилахъ. Суевѣріе не знало предѣловъ въ придумываніи ужасныхъ каръ, ожидающихъ людей послѣ ихъ смерти. Этими карами суевѣріе отравляло существованіе людей,—доводило ихъ до безумія и заставляло отрекаться отъ всего, чѣмъ красна жизнь. Все это сдѣлало суевѣріе. И это еще не исчисляетъ всѣхъ преступленій его... Не пытаясь быть «адвокатомъ діавола», — продолжаетъ Фрэйзеръ, — я хочу, однако, сдѣлать все возможное для защиты крайне сомнительнаго кліента... Я намѣренъ доказать или, во всякомъ случаѣ, сдѣлать правдоподобнымъ тезисъ, что у нѣкоторыхъ народовъ, находящихся въ опредѣленной стадіи развитія, извѣстныя соціальныя учрежденія, признаваемыя, если не всѣми, то многими, благодѣтельными, выросли на почвѣ суевѣрія». Фрэйзеръ анализируетъ *только* свѣтскія учрежденія, оставляя совершенно въ сторонѣ религіозныя. «Въ современномъ обществѣ,—продолжаетъ ливерпульскій профессоръ,—въ защиту учрежденій, составляющихъ предметъ моего изслѣдованія, выдвигаются солидные и вѣскіе аргументы; но почти не подлежитъ сомнѣнію, что у дикарей, а также у народовъ, поднявшихся уже въ своемъ развитіи выше дикарей, эти самыя учрежденія обязаны своимъ существованіемъ такимъ воззрѣніямъ, которыя намъ справедливо кажутся суевѣрными и нелѣпыми».

---

*) Oeuvres Complètes de Voltaire, Vol. VI, p. 139.

**) По вычисленіямъ Вольтера, во имя одного только культа, смѣнившаго античное міровоззрѣніе, до середины XVIII вѣка истреблено болѣе 9 милліоновъ человѣкъ. Подсчетъ сдѣланъ въ трактатѣ „Dieu et les Hommes", ch. XLII.

Основной тезисъ Фрэйзера можно раздѣлить на четыре положенія, которыя формулируются такъ:

I. У нѣкоторыхъ расъ, находящихся въ извѣстномъ фазисѣ развитія, суевѣріе укрѣпило уваженіе къ власти, а въ особенности къ власти, сконцентрированной въ рукахъ одного лица. Въ опредѣленномъ фазисѣ цивилизаціи первобытнаго общества это содѣйствовало установленію и поддержанію гражданскаго порядка.

II. У нѣкоторыхъ расъ, находящихся въ извѣстномъ фазисѣ развитія, суевѣріе укрѣпило уваженіе къ частной собственности и, такимъ образомъ, дало возможность владѣльцамъ ея спокойно пользоваться ею.

III. У нѣкоторыхъ народовъ, находящихся въ извѣстномъ фазисѣ развитія, суевѣріе укрѣпило уваженіе къ браку, что способствовало болѣе строгому соблюденію правилъ сексуальной морали, какъ со стороны женатыхъ, такъ и не состоящихъ въ брачномъ союзѣ.

IV. У нѣкоторыхъ народовъ, находящихся въ извѣстномъ фазисѣ развитія, суевѣріе укрѣпило уваженіе къ чужой человѣческой жизни и, такимъ образомъ, содѣйствовало общественной безопасности.

Посмотримъ теперь, какъ Фрэйзеръ доказываетъ каждый изъ четырехъ членовъ своего основного тезиса. Прежде всего, на сколько суевѣріе содѣйствовало возникновенію власти и уваженія къ ней?

«У многихъ народовъ,—говоритъ Фрэйзеръ,— задача правительства въ значительной степени облегчалась суевѣрнымъ воззрѣніемъ массъ на правителей, какъ на высшія существа, обладающія сверхъестественной, волшебной силой, которую подчиняемые не могутъ требовать для себя и не имѣютъ права оспаривать. Такъ, напр., докторъ Кодрингтонъ разсказываетъ слѣдующее о жителяхъ Меланезіи. «Власть вождей до сихъ поръ держалась на вѣрѣ въ ихъ сверхъестественную силу, получаемую ими отъ привидѣній и духовъ, съ которыми вожди находятся въ безпрерывномъ общеніи. И когда вѣра эта на нѣкоторыхъ островахъ теперь рухнула,—положеніе вождей стало очень критическимъ. Долженъ быть найденъ какой нибудь новый фундаментъ для власти». Меланезійцы разсказывали путешественнику, что до сихъ поръ они вѣрили, что вожди получаютъ отъ духовъ особую силу *мана*, дозволяющую королямъ прибѣгать къ услугамъ загробныхъ силъ. Меланезійцы платили налоги, установленные вождями, такъ какъ вѣрили, что иначе таинственныя существа, находящіяся въ подчиненіи у предводителей, нашлютъ на неисправныхъ плательщиковъ болѣзни и бѣдствія всякаго рода. Какъ только большинство подданныхъ усомнилось въ сверхъ-естественной силѣ вождя, подати стали поступать крайне неаккуратно. Религіозный скептицизмъ въ Меланезіи под-

копалъ совершенно основы самовластія правителей» *). Такимъ же образомъ другой путешественникъ Б. Томсонъ доказываетъ, что въ Меланезіи система правленія держалась на культѣ предковъ. Точно также, какъ всякій поступокъ обитателя Фиджи обусловливался его страхомъ передъ таинственными силами,—пониманіе власти основывалось у него на религіозныхъ воззрѣніяхъ. «Населеніе вѣрило, что даже умершій вождь ревниво блюдетъ свои интересы и наказываетъ ослушниковъ неурожаями, бурями и наводненіями. Личность преемника власти была священна. Вождь былъ окруженъ священнымъ кольцомъ *табу*. До вождя нельзя было даже дотронуться изъ опасенія навлечь на себя ярость незримыхъ существъ».

Безсознательно миссіонеры нанесли первый ударъ власти вождей. Ни миссіонеры, ни сами вожди не подозрѣвали, до какой степени власть на островахъ держится на религіи. И какъ только миссіонеръ селился гдѣ нибудь въ «столицѣ», т. е. въ главной деревнѣ, понятію о *табу* наносился сильный ударъ. А вмѣстѣ съ этимъ понятіемъ разсѣивалось уваженіе къ вождю. *Табу*, какъ и всѣ институты подобнаго рода, умирало медленно. Вождю все еще приносили лучшіе плоды; но ихъ уже не относили въ капище, чтобы умилостивить разгнѣванныхъ предковъ и вымолить у нихъ богатый уловъ. Для вождя, ставшаго христіаниномъ и не поддерживаемаго шаманами,—наступили тяжелые и голодные дни. На островахъ Фиджи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, свѣтская власть и жрецы поддерживаютъ другъ друга. Одинъ безъ другихъ не можетъ существовать. Такимъ образомъ, новое міровоззрѣніе, убившее старое суевѣріе, совершенно невольно принесло съ собою, своего рода, политическую анархію, временную по своему характеру.

Тоже самое путешественники наблюдаютъ и въ Полинезіи. По представленію новозеландскихъ маори, вожди были живые *атуа*, или боги. Свящ. Тэйлоръ, бывшій тридцать лѣтъ миссіонеромъ въ Новой Зеландіи, говоритъ, что вождь моари держалъ себя совершенно обособленно отъ другихъ людей, какъ отъ низшихъ существъ. Личность вождя была священна. Всѣ вѣрили, что вождь—богъ. Онъ усиленно пользовался институтомъ *табу*, чтобы имѣть абсолютный контроль, какъ надъ личностью подданныхъ, такъ и надъ ихъ имуществомъ. Такъ какъ всѣ остальные вожди были тоже *атуа*, или боги, то воинъ, убивъ на войнѣ предводителя другаго племени, тутъ же съѣдалъ его глаза. Предполагалось, что именно въ этомъ органѣ сидитъ *атуа тонга*, т. е. божественная сила. Съѣдая глаза соперника, вождь не только убивалъ его тѣло, но отнималъ его божественную силу. Личность маорискаго вождя до такой степени была священна, что ни въ коемъ случаѣ

*) R. H. Codrington. The Melanesians. Oxford. 1891. P. 46.

нельзя было дотронуться до нея. Миссіонеръ Iетъ, въ «An Account of New Zealand» разсказываетъ такой случай. Вождь подавился рыбьей костью, застрявшей въ горлѣ. Подданные стояли вокругъ и горько плакали по поводу мученій земного божества; но никто не дерзнулъ дотронуться до подавившагося, чтобы спасти его. На помощь явился миссіонеръ, жившій въ деревнѣ. Онъ запустилъ щипцы въ священную глотку и вытащилъ рыбью кость. Какъ только вождь оправился и получилъ способность говорить, то потребовалъ, чтобы ему немедленно отдали хирургическіе щипцы, какъ вознагражденіе за то, что миссіонеръ дотронулся до священной головы и пролилъ при операціи каплю божественной крови. Извѣстны случаи смерти маори отъ страха, когда они узнавали, что нечаянно съѣли остатки обѣда вождя или дотронулись до вещей, принадлежащихъ священной особѣ. Такъ, напримѣръ, путешественникъ Браунъ разсказываетъ про женщину, съѣвшую нѣсколько прекрасныхъ персиковъ. Ей сказали потомъ, что персики сорваны съ дерева, растущаго на мѣстѣ *табу*. Немедленно корзинка выпала изъ рукъ женщины, которая начала кричать, что *атуа*, или божество, жившее въ умершемъ вождѣ, теперь убьетъ ее. Это было вечеромъ, а утромъ женщина уже умерла.

Такое же явленіе наблюдается или, точнѣе, наблюдалось не только во всей Полинезіи, но также въ Анголѣ, т. е. на западномъ берегу южной Африки, въ Нижней Гвинеѣ. Негры здѣсь считали особу своего короля до такой степени священной, что полагали опаснымъ для жизни простого смертнаго одно прикосновеніе къ вещамъ повелителя. Съ такими же взглядами мы встрѣчаемся на малайскомъ архипелагѣ. Путешественникъ, посѣтившій лѣтъ десять тому назадъ эти острова, разсказываетъ, что подданные тамъ надѣляютъ своихъ королей сверхъестественной силой. Король, по убѣжденію малайцевъ, имѣетъ контроль надъ силами природы. Онъ можетъ по своему желанію сдѣлать такъ, что поля или фруктовыя деревья дадутъ богатый урожай. Горныя даяки изъ Саравака приносили рисъ, предназначенный для посѣва, раджѣ Бруку *) для благословленія. Разъ, когда рисъ плохо уродился, населеніе нашло, что иначе быть не могло, такъ какъ крестьяне не были у раджи.

Въ центральной Африкѣ за королями признается волшебная сила даровать дождь и хорошій урожай. Засуха и голодъ объясняются тамъ или слабостью, или злобой короля. Соотвѣтственно съ этимъ его наказываютъ, лишаютъ престола или же убиваютъ. У кафровъ,—по словамъ Досъ Сантоса, цитированнымъ въ книгѣ Макъ-Коль Тиля, короли сами близко принимали къ сердцу стихійныя бѣдствія, выпадавшія на долю подданныхъ. Негры пола-

---

*) Англійскій искатель приключеній, родившійся въ Бенаресѣ въ 1803 г. и скончавшійся въ Англіи въ 1868 г. Послѣ ряда приключеній попалъ въ Саравакъ на о. Борнео, гдѣ 22 года былъ раджей.

гаютъ, что способность творить чудеса исчезаетъ или ослабляется у королей вмѣстѣ съ физическими недостатками. Вслѣдствіе этого сравнительно еще недавно кафрскіе короли принимали ядъ, когда ихъ поражали безсиліе или тяжелая накожная болѣзнь. Кончали короли самоубійствомъ также и тогда, когда у нихъ выпадали передніе зубы. Понятіе о божественной природѣ царей было распространено съ незапамятныхъ временъ также и въ Египтѣ. Цари тамъ признавались божествами какъ при жизни, такъ и послѣ смерти. Имъ воздвигались спеціальные храмы, въ которыхъ служили особые жрецы. И когда случался неурожай, древніе египтяне, какъ негры теперь, сваливали вину на своихъ повелителей. Ореоломъ суевѣрнаго почитанія были также окружены инки, т. е. правящій классъ въ Перу до появленія испанцевъ.

Не надо думать, что обычаи эти наблюдаются только у низшихъ дикарей, живущихъ въ отдаленныхъ странахъ. Повидимому, всѣ арійскіе народы, на всемъ протяженіи отъ Индіи до Ирландіи, раздѣляли эти воззрѣнія. Такъ, напримѣръ, въ древнемъ индійскомъ кодексѣ, извѣстномъ подъ названіемъ законовъ Ману, мы читаемъ: «Такъ какъ царь сотворенъ изъ частицъ повелителей боговъ, то онъ въ своемъ блескѣ превосходитъ всѣ остальныя существа. Подобно солнцу онъ жжетъ глаза и сердца. Никто на землѣ не можетъ даже взглянуть на него. Черезъ посредство своей сверхъестественной силы, царь представляетъ собою огонь и вѣтеръ, солнце и мѣсяцъ, онъ—богъ справедливости (Іама), онъ—Кубера, Варуна и великій Индра. Даже въ младенчествѣ царь не простой смертный, а великое божество въ человѣческой формѣ» *). Въ Греціи временъ Гомера цари и вожди считались священными и приравнивались полубогамъ. Священны были ихъ дома и колесницы. Полагалось, что при добромъ царѣ земля приноситъ больше пшеницы и ячменя, деревья—больше плодовъ, ярки и коровы—больше приплода, а море даетъ большій уловъ. Въ древней Ирландіи населеніе было убѣждено, что когда короли свято блюдутъ обычаи предковъ, зима бываетъ мягкая, весна дождливая, лѣто ведреное, а осень сытая и обильная. Пшеница и ячмень даютъ тогда богатый урожай, скотъ плодится, море приноситъ много рыбы, а яблони и сливы приходится подпирать, потому что вѣтви ломятся подъ тяжестью плодовъ. Въ канонѣ, приписываемомъ св. Патрику, въ числѣ другихъ благословеній, выпадающихъ на долю народа при добромъ королѣ, упоминаются: «ведреное лѣто, тихое море, тучныя нивы и обиліе плодовъ». Среди кельтовъ суевѣріе, которымъ были окружены вожди, удержалось до XVIII вѣка. Это отмѣчаетъ докторъ Джонсонъ во время своего путешествія по Шетландскимъ островамъ. Въ Англіи королямъ тоже приписывалась таинственная сила. До XVIII вѣка полагалось, напр., что короли могутъ простымъ прикосновеніемъ

*) The Laws of Manu. IX. 246 Sq. Переводъ Бюлера.

излѣчить золотуху. Англійское названіе этой болѣзни King's Evil, т. е. королевская хворь. Въ древней Англіи и теперь въ Лоанго (цент. Конго) параличъ признается болѣзнью, насланною на тѣхъ, которые замышляютъ противъ королей.

Библія даетъ намъ множество доказательствъ существованія такихъ же воззрѣній у евреевъ. За грѣхи царей карался народъ неурожаемъ и моромъ. «Былъ голодъ во дни Давида три года, годъ за годомъ. И вопросилъ Давидъ Господа; и Господь отвѣчалъ: это за Саула и за кровожадный домъ его, за то, что онъ умертвилъ Гаваонитянъ» *). «Между тѣмъ опять воспылалъ гнѣвъ Господа на Израильтянъ, когда, на зло имъ, вздумалось Давиду сказать: пойди сочти Израильтянъ и Іудеевъ.. Было слово Господне къ Гаду, пророку: Поди и скажи Давиду, такъ говоритъ Господь: три наказанія предлагаю тебѣ; выбери себѣ одно изъ нихъ... Долженъ ли постигнуть тебя въ землѣ твоей семилѣтній голодъ, или ты будешь три мѣсяца бѣгать отъ враговъ твоихъ, или три дня будетъ моровая язва въ землѣ твоей» **). Всѣ вышеприведенныя доказательства,— говоритъ Фрэйзеръ,—несмотря на ихъ отрывочность, доказываютъ, что многіе народы глядѣли на своихъ правителей съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, какъ на существа высшаго порядка, надѣленныя большею силою, чѣмъ обыкновенные люди. Относясь съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ къ своимъ правителямъ, имѣя такое представленіе объ ихъ сверхъестественной силѣ, народы не могли не оказывать имъ слѣпое повиновеніе, которое было бы менѣе абсолютно при отсутствіи суевѣрнаго представленія и происхожденія власти ***).

III.

Переходимъ теперь ко второму члену основного тезиса: суевѣріе укрѣпило уваженіе къ частной собственности и, такимъ образомъ, дало возможность владѣльцамъ спокойно пользоваться ею.

Нигдѣ, по мнѣнію Фрэйзера, вѣрность этого положенія не выступаетъ съ такою очевидностью, какъ въ Полинезіи, гдѣ система *табу* достигла наивысшей степени развитія. Результатомъ наложенія *табу* на какую-нибудь вещь было, по мнѣнію туземцевъ, пріобрѣтеніе ею сверхъестественной силы, которая дозволяла потомъ дотронуться до предмета только его владѣльцу. Такимъ образомъ, *табу* сдѣлалось могучимъ средствомъ для закрѣпленія исключительнаго права одного лица на владѣніе предметомъ, отнятаго предварительно силой. Изслѣдователи Полинезіи говорятъ, что происхожденіе обычая *табу* объясняется исключительно стремленіемъ

---

*) Вторая книга Самуила. XXI, I.
**) Ib. XXIV, 1, 11, 12, 13.
***) I. G. Frazer, Psyche's Task, etc. P. 16.

закрѣпить за извѣстнымъ лицомъ право собственности. Вотъ, напр., слова ирландца, жившаго очень долго среди маори и изучившаго въ совершенствѣ ихъ языкъ и обычаи. «Первоначальной цѣлью *табу* было, повидимому, сохраненіе собственности. Таково, во всякомъ случаѣ, происхожденіе такъ называемаго «обычнаго личнаго *табу*». Эта форма *табу* была перманентной и основывалась на томъ, что вождю свойственна особая священная сила, являющаяся отъ рожденія и никогда не покидающая его. Всѣ мелкіе вожди и даже всѣ воины, имѣвшіе право на титулъ *rangatira*, или дворянина, т. е. всѣ тѣ, которые имѣли возможность силой захватывать какое-нибудь имущество,—въ извѣстной степени, по мнѣнію маори, были надѣлены священной силой. Она передавалась всѣмъ предметамъ, составлявшимъ собственность *rangatira* (дворянина). Въ частности, это касается платья, оружія, украшеній и инструментовъ. Въ силу этого собственность *rangatira* становилась неприкосновенной. Такъ какъ въ прежнія времена всѣ инструменты маори были сдѣланы изъ полированнаго нефрита, на что требовалось очень много времени, то *табу* ихъ имѣло громадное практическое значеніе». Другой изслѣдователь быта маори пишетъ: «Нарушители *табу* карались богами и людьми. Первые насылали болѣзни и смерть; послѣдніе приговаривали къ конфискаціи имущества, изгнанію и даже къ смерти. Впрочемъ, наказанія боговъ маори боялись еще больше, чѣмъ людской кары. Человѣческіе глаза могутъ ошибиться, но боги никогда не обманываются». Вожди, конечно, не замедлили использовать обычай *табу*. Онъ далъ имъ возможность не только постановлять законы, но и увѣренность, что суевѣріе заставитъ подданныхъ слѣпо исполнять приказанія. Маори были убѣждены, что *attua*, т. е. божество, немедленно отниметъ у нихъ жизнь, какъ только они нарушатъ *табу*. И вѣра держалась такъ крѣпко, что въ Новой Зеландіи нельзя было найти смѣльчаковъ, которые святотатственно покусились бы на табу. Слѣдуетъ помнить, что маори очень умный, способный и здравомыслящій народъ. Чтобы институтъ *табу* могъ продержаться у такого народа такъ долго, требовалось, что бы польза его признавалась очень многими. Грубое злоупотребленіе *табу* повело бы, конечно, къ возмущенію обиженныхъ. Результатомъ была бы потеря вліянія вождей и *rangatira* (дворянъ).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что «*табу*», въ значительной степени, содѣйствовало сохраненію собственности. Явилась возможность оставлять цѣнные инструменты (т. е. такіе, на выдѣлку которыхъ потребовалось очень много времени), не опасаясь, что ихъ похититъ кто-нибудь. Если кто-нибудь въ Новой Зеландіи желалъ сохранить свою жатву, домъ, платье или что-нибудь другое,—ему надо было только наложить *табу* на свою собственность. О наложеніи *табу* свидѣтельствовалъ особый знакъ. Такимъ образомъ, если маори желалъ употребить дерево, растущее

въ лѣсу, на постройку челнока, то онъ обвязывалъ стволъ жгутомъ изъ травы. То было *табу*. Съ этого момента дерево становилось собственностью маори. Обычай подобнаго рода до настоящаго момента можно наблюдать не только въ Новой Зеландіи, въ странѣ маори. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири «калтусы», т. е. сухія болота, пригодныя для покоса, никому не принадлежатъ. Какъ только оттаиваетъ снѣгъ, мѣстные казаки и якуты облюбовываютъ себѣ мѣста для покоса и накладываютъ своего рода *табу*. Мѣткой является, впрочемъ, не скрученный жгутъ, а «палъ». Якуты или казаки поджигаютъ прошлогодній *бердегесъ* (сухую траву) на облюбованномъ мѣстѣ. Этотъ лугъ будетъ считаться временной собственностью наложившаго мѣтку. Лѣтомъ уже никто другой здѣсь косить не будетъ. Лѣтъ восемнадцать тому назадъ пишущій эти строки, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ, накладывалъ самъ подобное *табу*. Такой же обычай мы наблюдаемъ въ пустынѣ (не въ русскихъ владѣніяхъ), куда впервые являются золотопріискатели. Знакомъ *табу* являются воткнутыя палочки (pegs). Безпощадные законы австралійскихъ и калифорнскихъ пріискателей карали пулей и петлей нарушителей *табу*, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые захватывали площадь, отмѣченную колышками. Впослѣдствіи правильные суды признали *табу*, хотя смягчили наказанія для нарушителей его (если только дѣло доходило до правильнаго суда). Палочки, воткнутыя въ землю въ неизслѣдованной мѣстности, до сихъ поръ закрѣпляютъ въ западной Австраліи или въ южной Австраліи на берегахъ озера Фромъ право собственности на пріискъ.

Возвратимся, однако, къ обычаямъ маори. «Если туземецъ желалъ закрѣпить за собою право собственности на клочекъ болота, поросшаго тростникомъ, то втыкалъ шестъ съ пучкомъ травы на немъ. Это былъ знакъ, что тростникъ теперь *табу*. Покидая домъ со всѣми вещами, маори привязывалъ къ дверямъ мычку конопли. Владѣлецъ уѣзжалъ въ полной увѣренности, что никто не тронетъ вещей, охраняемыхъ *табу*. Мнѣ опять припоминаются обычаи края, отдѣленнаго отъ Новой Зеландіи океанами, морями, горами и болотами. Какъ только проходитъ ледъ на Колымѣ, въ Средне-Колымскѣ всѣ готовятся къ неводьбѣ: снаряжаютъ карбасы, сшитые тальникомъ, безъ единаго гвоздя, ладятъ сѣти, невода. Скоро весь Средне-Колымскъ пустѣетъ: обыватели разъѣзжаются по заимкамъ. Имущество оставляется въ незапертыхъ избахъ; двери приперты лишь палочкой, чтобы показать, что хозяевъ нѣтъ.

Такъ какъ *табу*, казавшееся европейцамъ нелѣпымъ и дикимъ суевѣріемъ, было полезно для охраненія собственности, то оно осталось въ Новой Зеландіи до тѣхъ поръ, покуда на смѣну ему не явились другіе законы, принесенные англичанами,—говоритъ Фрэйзеръ. Наблюдательный миссіонеръ, хорошо знающій маори, пишетъ: «*Табу* во многихъ случаяхъ было полезно. Принимая во

вниманіе положеніе маори, отсутствіе законовъ и свирѣпый характеръ народа, необходимо придти къ заключенію, что *табу* представляло собою не очень плохую замѣну диктаторской формы правленія и являлось первой попыткой ввести какой-нибудь организованный порядокъ» *).

На Маркизскихъ островахъ и въ другихъ частяхъ Полинезіи система *табу* тоже содѣйствовала укрѣпленію частной собственности. Въ особенности *табу* охраняло тамъ права привилегированныхъ классовъ на земельную собственность. Земля принадлежала только имъ и ихъ наслѣдникамъ. Простые люди жили ремеслами и рыбной ловлей. «На Маркизскихъ островахъ,—говорятъ французскіе путешественники Вэнсандонъ-Дюмуленъ и Дегра (Desgraz),—*табу* является главной опорой землевладѣльцевъ. Только оно превратило ихъ въ богатыхъ и вліятельныхъ людей. *Табу* набросило на владѣніе землею религіозный покровъ, что охраняетъ землевладѣльцевъ отъ бѣдныхъ и безземельныхъ сосѣдей. Первой миссіей *табу* «было—утвердить частную собственность, какъ основу общества». Въ Самоа мы тоже находимъ, что суевѣріе играло видную роль въ укрѣпленіи уваженія къ частной собственности. Въ этомъ отношеніи у насъ имѣются показанія миссіонера доктора Джорджа Тернера, жившаго много лѣтъ на островаахъ Самоа. Онъ говоритъ слѣдующее: «Я долженъ отмѣтить еще одинъ факторъ, содѣйствующій поддержанію мира и порядка на островахъ Самоа, а именно—*суевѣрный страхъ*. Если вожди племени и родоначальники не могутъ при разслѣдованіи найти виновниковъ кражи или вообще какого-нибудь преступленія, то заставляютъ присягать всѣхъ заподозрѣнныхъ. На камень, изображающій бога деревни, кладутъ пучекъ травы; заподозрѣнный послѣ этого дотрагивается до камня рукой и произноситъ формулу присяги: «Въ присутствіи вождей, собравшихся здѣсь, кладу мою руку; если я укралъ, то пусть умру немедленно». Пучекъ травы обозначалъ, что если подозрѣваемый далъ ложную присягу, то умрутъ также всѣ его родные и ихъ могилы порастутъ травой. Когда всѣ давали присягу и виновный все же не находился, вождь передавалъ все дѣло деревенскому божеству для рѣшенія и умолялъ его возможно скорѣе уничтожить преступника со всѣмъ его родомъ. Нѣкоторые, впрочемъ, принимали, не прибѣгая къ вождю, собственныя мѣры для охраны своей собственности отъ воровъ. Когда кто-нибудь замѣчалъ, что у него украли съ дерева кокосовые орѣхи или срѣзали пучекъ банановъ, то онъ восклицалъ: «Пусть огонь выжжетъ глаза тому, кто это сдѣлалъ!» Голосъ проклинавшаго былъ слышенъ на всѣхъ сосѣднихъ поляхъ, и воръ дрожалъ отъ страха. Всѣ страшились такихъ проклятій... Былъ еще другой родъ заклятія, охра-

---

*) Rev. R. Taylor, Te Ika A Maui, or New Zealand and its Inhabitants. London. 1870. P. 172.

нявшій отъ воровъ: наложеніе іероглифическаго *табу* или *тапуи*. Это заклятіе, охранявшее фруктовыя деревья, было вѣрнымъ средствомъ: воры страшились тронуть кокосовый орѣхъ съ пальмы, на которой видѣли символическій знакъ *табу*» *).

«Изъ этихъ примѣровъ,—продолжаетъ Тернеръ,—читатель видитъ, что на островахъ Самоа тоже широко примѣнялась система *табу* для охраненія частной собственности. Суевѣрный обычай содѣйствовалъ поддержанію честности у языческаго народа» **). Въ Новой Британіи (Архипелагъ Бисмарка, въ Океаніи) для защиты кокосовыхъ пальмъ и другой собственности отъ воровъ на предметы налагается мѣтка *табу*. Населеніе убѣждено, что нарушителей *табу* поразятъ болѣзни и другія несчастья, характеръ которыхъ измѣняется въ зависимости отъ символическаго знака. Если стволъ пальмы обвязанъ, напримѣръ, жгутомъ изъ стеблей извѣстнаго растенія, то у нарушителей табу будетъ жестоко болѣть голова; отъ другого растенія—распухнутъ ноги и т. д. Достаточно прошептать заговоръ надъ заборомъ, чтобы воръ, перелѣзающій въ садъ, сломалъ себѣ ноги ***). На островахъ Фиджи на институтѣ *табу* держалась вся власть».

Въ Амбойнѣ *табу* извѣстно по названіемъ *памали*. Человѣкъ, желающій охранить свои плодовыя деревья или другую собственность отъ воровъ, имѣетъ для этого нѣсколько пріемовъ. Такъ, напримѣръ, онъ можетъ сдѣлать бѣлый крестъ на горшкѣ и повѣсить его на вѣтви плодоваго дерева. Если воръ дотрагивается до плодовъ, то его поразитъ проказа. Можно также зарыть изображеніе мыши подъ корнями дерева. Тогда на носу и ушахъ вора появятся отмѣтины какъ будто отъ укуса крысы. Можно также подвѣсить на вѣтвяхъ два кружка, сплетенные изъ саговыхъ листьевъ. Отъ этого тѣло вора распухнетъ и лопнетъ ****). Такой же обычай мы находимъ на группѣ островов въ голландской Остъ-Индіи, извѣстной подъ названіемъ Ceram Laut. Чтобы охранить свои кокосовыя или саговыя пальмы отъ воровъ, туземцы зарываютъ подъ корнями талисманы. Такъ, напримѣръ, зарывая изображеніе рыбы, собственникъ плантаціи приговариваетъ: «Мой предокъ рыба! Сдѣлай такъ, чтобы воръ, который украдетъ мои кокосовые орѣхи, заболѣлъ и блевалъ». По общему мнѣнію, у вора появляются сильныя боли въ желудкѣ, которыя могутъ быть облегчены только владѣльцемъ поля. Для этого необходимо плюнуть жвачку бетеля на больную часть тѣла, приговаривая: «Мой предокъ, рыба! возвра-

*) G. Turner, Samoa. London. 1884. P. 183.

**) Ib., P. 188.

***) Отдаленный отзвукъ наложенія табу для охраненія частной собственности можно усмотрѣть въ знаменитыхъ надписяхъ маленькихъ школьниковъ на книгахъ: „Кто возьметъ безъ насъ, будетъ безъ глазъ“.

****) G. Wicken, Handleiding voor de vergelijkende Volkenkunde. Нѣмецкій переводъ Риделя. P. 596.

тись въ море. Тамъ у тебя довольно большихъ скалъ и коралловыхъ рифовъ, вокругъ которыхъ ты можешь плавать». Можно также сдѣлать крошечный гробикъ и зарыть его подъ корнями дерева. Въ такомъ случаѣ воръ начнетъ задыхаться, какъ будто его живымъ положили въ гробъ. Есть еще, кромѣ этого, множество способовъ, при помощи которыхъ туземное населеніе острововъ Ceram Laut охраняетъ свою собственность.

На Мадагаскарѣ тоже существуетъ широко разработанная система *табу*, извѣстная подъ названіемъ *фади* *). Она тщательно изучена А. ванъ-Геннепомъ, который приходитъ къ заключенію, что первоначально вся частная собственность опиралась на религію и что знаки *табу* представляли собою въ то же время тавро собственности.

«Такіе же способы подкрѣпленія правъ частной собственности при помощи внушенія суевѣрнаго страха мы находимъ во многихъ другихъ мѣстахъ земного шара,—говоритъ Фрэйзеръ. Много и тщательно провѣренныхъ фактовъ, подтверждающихъ это, привелъ Эдуардъ Вестермаркъ въ своемъ трудѣ о происхожденіи и развитіи моральныхъ идей. Приведемъ только нѣкоторые примѣры. На Цейлонѣ туземецъ, желающій защитить свои плодовыя деревья отъ воровъ, подвѣшиваетъ къ вѣтвямъ странныя фигуры, посвященныя злымъ духамъ. Послѣ этого нѣтъ уже смѣльчака, который рѣшился бы дотронуться до плодовъ. Даже самъ собственникъ боится пользоваться плодами до тѣхъ поръ, покуда жрецъ не сниметъ талисмановъ, за что, конечно, получаетъ вознагражденіе. Индѣйцы изъ Куманы (Венецуэла) окружаютъ свои плантаціи только одною ниткою. И этого достаточно для охраны отъ воровъ, такъ какъ, по общему мнѣнію, похититель немедленно умретъ, какъ только переступитъ черезъ нитку.

То же самое Ливингстонъ нашелъ въ Центральной Африкѣ. Племя Балонда, напр., оставляетъ свои ульи на высокихъ деревьяхъ и охраняетъ ихъ отъ воровъ волшебнымъ ремешкомъ, обвитымъ вокругъ ствола. Это является достаточной защитой. «Туземцы,—говоритъ Ливингстонъ,—рѣдко воруютъ другъ у друга, такъ какъ убѣждены, что заговоренный ремешокъ причиняетъ болѣзни и смерть. Лѣсной мракъ Центральной Африки усиливаетъ суевѣрный страхъ населенія. Въ другихъ деревняхъ я слышалъ, какъ вожди доводили до общаго свѣдѣнія, что подъ корнями плодовыхъ деревьевъ, которыя были обобраны кѣмъ то, теперь зарыты амулеты съ таинственной силой» **). Въ Нанди (Британская восточная Африка) никто не дерзаетъ похитить что-нибудь изъ кузницы. Если воръ сдѣлаетъ это, кузнецъ раздуетъ огонь въ

*) H. F. Standing, Malagasy fady, The Antansnarivo Annual and Madagascar Magazine. Vol. II (1896). P. p. 252—265.

**) David Livingston, Missionary Travels and Researches in South Africa. London, 1857. P. 285.

горнѣ и произнесетъ проклятіе. Похититель тогда немедленно умретъ. Туземецъ изъ Лоанго, отлучающійся надолго изъ дома, подвѣшиваетъ къ дверямъ фетишъ, состоящій изъ вѣтки, черепка или камня. Даже самый безстрашный воръ не рѣшится переступить порогъ дома, охраняемаго такимъ таинственнымъ знакомъ. Негры Невольничьяго берега охраняютъ свою собственность отъ воровъ при помощи амулетовъ, называемыхъ тамъ *bo-cecao*. Сила ихъ обусловливается тѣмъ, что они посвящены богамъ. Въ дома, защищенные такимъ образомъ, никогда не войдутъ воры. На обочинѣ тропинокъ тамъ лежатъ припасы, назначенные для продажи прохожимъ. Нѣсколько раковинъ-ужовокъ, положенныхъ на товары, обозначаютъ цѣны. Предметы эти охранены отъ воровъ только при помощи положеннаго на нихъ амулета. Ни одинъ туземецъ не дерзнетъ взять пищу или вино, выставленныя такимъ образомъ, не положивъ предварительно плату. Негры страшатся, что божества, которымъ посвящены талисманы, нашлютъ на воровъ болѣзни или смерть. Въ Сьерра-Леоне на заборахъ плантацій подвѣшены амулеты, извѣстные тамъ подъ названіемъ *григри*, для защиты отъ воровъ. «Нѣсколько заговоренныхъ старыхъ тряпокъ, подвѣшанныхъ къ вѣтвямъ померанцеваго дерева,—говоритъ путешественникъ,—охраняютъ его такъ же вѣрно, какъ сторожили драконы гесперидовы сады. Если негръ заболѣваетъ, онъ прежде всего старается вспомнить, не взялъ ли онъ за послѣдніе мѣсяцы *мягко* (слово для обозначенія понятія *тайно*) какой-нибудь плодъ съ чужого дерева. И если вспоминаетъ такой случай, то болѣзнь объясняется тѣмъ, что духъ амулета, охранявшаго садъ, теперь караетъ преступника. Заболѣвшій призываетъ владѣльца дерева и предлагаетъ вознагражденіе, какое только назначитъ пострадавшій» **). Негры принесли въ Вестъ-Индію страхъ передъ фетишами, охраняющими чужую собственность. Самый смѣлый негръ дрожитъ отъ страха при одномъ видѣ комка тряпокъ, разбитой бутылки или яичной шелухи, засунутыхъ подъ стрѣху крыши или подвѣшанныхъ къ дереву для предохраненія отъ воровъ.

Можно было бы привести еще очень много примѣровъ подобнаго рода. Всѣ они доказываютъ, что у многихъ народовъ, живущихъ въ разныхъ странахъ, суевѣрный страхъ дѣйствовалъ, какъ могучій мотивъ для отстраненія людей отъ воровства. Если это такъ, — говоритъ Фрэйзеръ, — то можно считать доказаннымъ второй членъ моего тезиса, а именно то, что у нѣкоторыхъ расъ, находящихся въ извѣстномъ фазисѣ развитія, суевѣріе укрѣпило уваженіе къ частной собственности и такимъ образомъ дало возможность владѣльцамъ спокойно пользоваться ею.

---

*) T. Winterbottom, An Account of the Native Africans in the Neighbourhood of Sierra Leone. London. 1803. P. 261.

IV.

Переходимъ теперь къ третьему члену тезиса. Можно ли привести примѣры, показывающіе, что у нѣкоторыхъ народовъ, находящихся въ извѣстномъ фазисѣ развитія, суевѣріе укрѣпило уваженіе къ браку, а это, въ свою очередь, споспѣшествовало болѣе строгому соблюденію правилъ сексуальной морали, какъ со стороны женатыхъ, такъ и лицъ, не состоящихъ въ бракѣ. Для доказательства этого положенія проф. Фрэйзеръ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, собранныхъ внимательными изслѣдователями въ разныхъ мѣстахъ земного шара. Дополню примѣры, приведенные ливерпульскимъ профессоромъ, рядомъ другихъ наблюденій, сдѣланныхъ различными путешественниками. Карены, живущіе въ Бирманіи, полагаютъ, что прелюбодѣяніе и вообще блудъ имѣютъ самое гибельное вліяніе на урожай. Если деревня страдаетъ годъ или два отъ неурожаевъ; если стоитъ продолжительная засуха, то причина усматривается въ тайныхъ проступкахъ противъ сексуальной морали. Карены говорятъ тогда, что повелитель неба и земли разгнѣвался на населеніе за грѣхъ. Всѣ жители устраиваютъ тогда общее моленіе и стараются смягчить божество... Когда свѣдѣніе о блудѣ или прелюбодѣяніи доходитъ до свѣдѣнія стариковъ, они постановляютъ, что виновные обязаны купить кабана и убить его. Женщина и мужчина, обвиняемые въ прелюбодѣяніи, берутъ каждый по ногѣ кабана и проводятъ ими борозды, которыя наполняютъ кровью убитаго животнаго. Затѣмъ, уличенные въ грѣхѣ царапаютъ землю руками и читаютъ молитву: «Богъ земли и неба, богъ горъ и холмовъ, я загубилъ плодородность нашихъ полей. Не гнѣвайся на меня; перестань ненавидѣть меня; сжалься надо мною и пожалѣй. Теперь я хочу напитать горы, исцѣлить холмы и оздоровить ручьи нашей земли. Пусть прекратятся неурожаи; пусть трудъ пахарей не пропадаетъ даромъ; пусть зерно не гибнетъ въ бороздахъ. Прогони неурожай. Сдѣлай безплодныя нивы тучными. Пусть нальется зерномъ колосъ риса». Послѣ этого всѣ возвращаются домой. Процессъ примиренія прелюбодѣевъ съ землею кончается» *). Такимъ образомъ, по мнѣнію кареновъ, блудъ и прелюбодѣяніе являются не только безнравственными поступками, касающимися только членовъ семьи, а грѣхомъ противообщественнымъ, уничтожающимъ плодородіе полей всей деревни,—грѣхомъ, способнымъ обезсилить наливающіеся колосья. Такимъ образомъ, свершившіе прелюбодѣяніе или блудъ отнимаютъ у всѣхъ родичей хлѣбъ, такъ какъ ссорятъ съ ними

---

*) Rev. F. Mason. On Dwellings, Works of Art, Laws, etc. of the Karens, „Journal of the Asiatic Society of Bengal». 1868. XXXVII Part II.

землю. Какъ мы видѣли, ее приходится умилостивлять кровью кабана. У нѣкоторыхъ племенъ, населяющихъ Ассамъ, мы находимъ подобное же воззрѣніе на связь между хорошимъ урожаемъ и чистотой половыхъ отношеній. По мнѣнію этихъ племенъ, до тѣхъ поръ, покуда хлѣбъ не убрали въ закромы, малѣйшій проступокъ противъ морали можетъ уничтожить всю жатву *). Горныя племена въ Бенгаліи убѣждены, что неоткрытое и ненаказанное прелюбодѣяніе навлекаетъ на всю деревню чуму или привлекаетъ тигровъ и другихъ хищныхъ звѣрей. Чтобъ избавить родную деревню отъ подобныхъ несчастій, женщина, совершившая прелюбодѣяніе, обыкновенно кается всенародно. Искупленіе заключается въ томъ, что женщина и возлюбленный ея покупаютъ кабана, мясо котораго зарываютъ въ землю, а кровь—брызгаютъ на платье виновныхъ. Такимъ образомъ смывается грѣхъ и умилостивляется земля. Если деревню опустошаютъ чума или тигры, населеніе глубоко убѣждено, что кто-нибудь совершилъ прелюбодѣяніе. Для открытія виновниковъ съ цѣлью наказанія ихъ и примиренія съ землей существуетъ цѣлый рядъ любопытныхъ обрядовъ.

Племя хази, живущее въ Ассамѣ, дѣлится на нѣсколько классовъ, строго соблюдающихъ такъ называемую эксогамію (т. е. никто не можетъ жениться на женщинѣ изъ своего же собственнаго класса). Сожительство членовъ одного класса признается кровосмѣшеніемъ и, по мнѣнію племени, карается божествами чумой, набѣгомъ тигровъ и страшнымъ неурожаемъ. Дикое племя орангъ-глаи, живущее въ горахъ Аннама, тоже убѣждено, что незаконное сожительство карается божествами, насылающими на всю деревню тигровъ. Если дѣвушка изъ этого племени беременѣетъ, семья ея приноситъ искупительныя жертвы, состоящія изъ поросятъ и куръ, съ цѣлью умилостивить боговъ и отвлечь бѣдствія отъ всего рода **). Такія же воззрѣнія мы находимъ на Суматрѣ среди племени батта. «Они убѣждены, что за прелюбодѣяніе, совершенное замужней женщиной, божества караютъ всю деревню чумой, тиграми, крокодилами и змѣями. Кровосмѣшеніе, совершенное кѣмъ-нибудь въ деревнѣ, уничтожаетъ всю жатву, если грѣхъ не искупленъ немедленно же. Эпидемія, посѣщающая часто деревни, населенныя племенемъ, объясняется кровосмѣшеніемъ, къ которому причисляется всякое сожительство, не скрѣпленное брачными обрядами страны. На Борнео священникъ Перамъ наблюдаетъ аналогичные факты. «Приморскіе даяки убѣждены, что блудъ и прелюбодѣяніе караются проливными дождями во время жатвы. Грѣхъ долженъ быть искупленъ жертвоприношеніями и штрафомъ. Когда дожди льютъ въ неурочное время и грозятъ погубить всю

---

*) T. C. Hodson, The Genna amongst the Tribes of Assam. Journal of the Anthropological Institute. 1906, XXXVI, P. 94

**) E. Aymonier, Notes sur l'Annam. P. 308.

жатву, деревня разыскиваетъ молодыхъ людей, живущихъ въ незаконной связи. Виновные изгоняются изъ деревни, послѣ чего, по убѣжденію даяковъ, погода немедленно улучшается *). Въ менѣе важныхъ случаяхъ грѣхъ искупается кровью кабана, который у даяковъ считается такою же жертвою искупленія, какъ козелъ у древнихъ евреевъ. Другое племя даяковъ, живущее въ Саравакѣ, очень строго относится къ поведенію своихъ дочерей, такъ какъ убѣждено, что разгнѣванныя божества караютъ неурожаемъ всю деревню, гдѣ дѣвушка забеременѣла. Искупительной жертвой опять-таки является кабанъ.

Переходимъ къ племени баау (bahau), живущему въ глубинѣ Борнео. По убѣжденію его, духи предковъ ревнивы къ чести женщинъ и караютъ за прелюбодѣяніе всю деревню неурожаемъ. Чтобы спасти всю деревню, виновныхъ, когда ихъ находятъ, отвозятъ со всѣмъ ихъ имуществомъ на песчаный рѣчной островокъ. Такимъ образомъ происходитъ своего рода изоляція начала, приносящаго съ собою неурожай и другого рода несчастія. Затѣмъ убиваютъ поросятъ и куръ, кровью которыхъ поливаютъ платье и вещи грѣшниковъ съ цѣлью дезинфекціи. Потомъ мужчину и женщину сажаютъ на плотъ, даютъ имъ шестнадцать яицъ и спускаютъ внизъ по теченію. Если наказанные умѣютъ плавать, они могутъ добраться до берега. Имъ дозволяютъ это, только юноши, стоящіе на берегу, встрѣчаютъ мокрыхъ и пристыженныхъ любовниковъ длинными стеблями камыша, какъ бы копьями. По мнѣнію наблюдателя, это свидѣтельствуетъ о существованіи раньше еще болѣе суроваго наказанія: спасшихся изъ воды встрѣчали тогда копьями и добивали. Не подлежитъ сомнѣнію, что еще недавно даяки сажали въ отдѣльныя корзины мужчинъ и женщинъ, уличенныхъ въ кровосмѣшеніи, клали вмѣстѣ съ ними каменья и топили потомъ въ рѣкѣ. Подъ кровосмѣшеніемъ даяки понимаютъ сожительство родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами и тетокъ или дядей съ племянниками. Голландцу, жившему среди этихъ даяковъ, пришлось употребить много труда, чтобы спасти дядю, женившагося на своей племянницѣ. Въ глубинѣ Борнео живетъ племя блуу-каянсъ. Оно тоже убѣждено, что внѣбрачное сожительство карается божествами неурожаями, скуднымъ уловомъ и плохимъ полеваніемъ. Виновники искупаютъ свой грѣхъ кабаномъ и мѣркой риса. На островѣ Серамѣ мужчина, уличенный въ прелюбодѣяніи или блудѣ, обязанъ вымазать всѣ двери въ деревнѣ кровью кабана и куръ. По мнѣнію племени, это смываетъ грѣхъ и отвращаетъ отъ всей деревни грозящія несчастія. У макассаровъ и бугинесовъ, живущихъ въ южной части Целебеса, кровосмѣшеніе признается тяжкимъ преступленіемъ, достойнымъ смертной казни; но

---

*) Rev. J. Perham, Petara, or Sea Dyak Gods. Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society. № 8. 1881.

при этомъ кровь не должна быть пролита, такъ какъ, по убѣжденію этихъ племенъ, попавъ на землю, она высушитъ ручьи, убьетъ рыбу въ рѣкахъ, уничтожитъ жатвы, собьетъ цвѣтъ съ плодовыхъ деревьевъ и причинитъ выкидыши у женщинъ и домашнихъ животныхъ. Та же кровь грѣшниковъ, попавъ на землю, создастъ междоусобныя войны и другія бѣдствія. Вотъ почему осужденныхъ казнятъ безъ пролитія крови. Ихъ обыкновенно сажаютъ въ мѣшокъ и топятъ въ морѣ. Осужденнымъ кладутъ запасъ провизіи: мѣшокъ риса, соль, сушеную рыбу, кокосовые орѣхи и даже три жвачки бетеля. «Теперь,—говоритъ проф. Фрэйзеръ,—мы можемъ понять, почему римляне топили отцеубійцъ въ зашитомъ мѣшкѣ, вмѣстѣ съ собакой, пѣтухомъ и гадюкой. Римскій народъ, по всей вѣроятности, боялся осквернить землю Италіи нечестивой кровью, причинить, такимъ образомъ, неурожай». Племя томори, живущее въ глубинѣ Целебеса, душитъ родичей, обвиненныхъ въ кровосмѣшеніи. Ни одна капля крови преступника не должна упасть на землю, иначе не только погибнетъ весь урожай риса, но этотъ злакъ вообще не будетъ расти больше въ деревнѣ. Такой же обычай мы находимъ у другого племени Целебеса—тололаки; но только виновныхъ не душатъ, а сажаютъ въ корзину и топятъ. Когда на островѣ Гармаера (Малайскій архипелагъ) льютъ проливные дожди, угрожающіе жатвамъ, — племя галеларезе говоритъ, что, очевидно, братъ и сестра, отецъ и дочь или другіе близкіе родственники находятся въ грѣховной связи. Необходимо немедленно найти преступниковъ, иначе ливни принесутъ голодъ всей деревнѣ. Такія бѣдствія, какъ землетрясеніе, изверженіе вулкановъ, страшныя бури,—по мнѣнію населенія,—объясняются тоже кровосмѣшеніемъ.

Туземное населеніе многихъ частей Африки убѣждено, что проступки противъ сексуальной морали убиваютъ цвѣтъ на фруктовыхъ деревьяхъ. Безъ сомнѣнія, — говоритъ проф. Фрэйзеръ,— взглядъ этотъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ можно судить по скуднымъ наблюденіямъ путешественниковъ. Такъ, напр., негры изъ Лоанго въ Запад. Африкѣ убѣждены, что за связь съ малолѣтней божество наказываетъ продолжительнымъ неурожаемъ. Для искупленія вины голые виновные пляшутъ передъ вождемъ деревни и всѣми старѣйшинами, которые бросаютъ въ согрѣшившаго камни и куски стекла. Въ 1898 г. въ этой странѣ была продолжительная засуха. Наступилъ декабрь, а солнце все еще жгло невыносимо; дождя все еще не было. Пустые колосья проса жалобно шелестѣли. Бобы лежали на потрескавшейся отъ жары землѣ. Негры роптали на своихъ вождей, обвиняя ихъ во всемъ. Тогда жрецы, охранявшіе священныя рощи, обратились къ божествамъ и потомъ объявили неграмъ, что всему виною безнравственное поведеніе неизвѣстныхъ лицъ. Богъ разгнѣвался за это на весь народъ. Король племени бѣжалъ. Намѣстникъ его созвалъ

старшинъ всѣхъ деревень и сказалъ имъ, что гдѣ то скрываются грѣшники, накликавшіе своимъ нечестивымъ поведеніемъ на все племя великія несчастья. Старшины возвратились потомъ въ свои краали и навели слѣдствіе. И вотъ оказалось, что нѣкоторыя дѣвушки нарушили обычаи страны. Онѣ были беременны, хотя не подверглись обряду «разрисованія» (У негровъ западнаго берега Африки всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ половой зрѣлости, покрываютъ на нѣсколько дней красной краской и на такой же срокъ отдѣляютъ отъ остального населенія). Негры пришли въ ярость и хотѣли убить преступницъ. Путешественнику съ трудомъ удалось спасти несчастныхъ, но ихъ все же жестоко высѣкли. Черезъ день полилъ сильный дождь» *). Такой же взглядъ относительно гибельнаго вліянія половой безнравственности на урожаи существуетъ у негровъ племени нанди въ британской восточной Африкѣ. Вина падаетъ, впрочемъ, только на женщину. «Когда дѣвушка беременѣетъ, ее въ наказаніе отдѣляютъ отъ всѣхъ подругъ. Никто не говоритъ съ нею до тѣхъ поръ, покуда не похороненъ родившійся ребенокъ. Къ ней относятся враждебно до конца жизни и не впускаютъ въ закромъ изъ опасенія, «чтобы глазъ ея не испортилъ хлѣба» **). Покуда хлѣбъ стоитъ на корню, племя басутовъ изгоняетъ изъ деревни всѣхъ блудниковъ изъ опасенія, что жатва иначе погибнетъ.

Всѣ эти примѣры, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, доказываютъ, что, по мнѣнію многихъ первобытныхъ племенъ, нарушеніе брачныхъ законовъ навлекаетъ на всю общину бѣдствія самаго серьезнаго характера. Въ частности же предполагается, что прелюбодѣяніе приноситъ съ собою чрезмѣрно дождливое лѣто или засуху, губящія хлѣбъ на поляхъ и фрукты на деревьяхъ. Слѣды подобныхъ же воззрѣній можно, по мнѣнію проф. Фрэйзера, найти у культурныхъ народовъ древности. Классическимъ источникомъ, въ этомъ отношеніи, является библія «Не должно быть блудницы изъ дочерей Израилевыхъ, и не должно быть блудника изъ сыновъ Израилевыхъ» ***), потому что иначе великія бѣдствія поразятъ весь народъ. Іовъ, скорбя о своихъ несчастіяхъ, доказываетъ Богу, что не заслужилъ ихъ, такъ какъ не былъ прелюбодѣемъ или блудникомъ. «Завѣтъ я положилъ съ глазами моими и не помышлялъ о дѣвицѣ... Если отклонялся шагъ мой отъ пути, и глазамъ моимъ слѣдовало сердце мое, и къ рукамъ моимъ прилипало пятно, то пусть я сѣю, а другой ѣстъ, и потомки мои пусть будутъ искоренены! Если прельщалось сердце мое женщиною, и у двери друга я подстерегалъ, то пусть мелетъ другому жена

*) R. E. Denett, At the Back of the Black Man's Mind. London. 1906. P. 53.

**) A. C. Hollis, The Nandi, their Language and Folk. lorl. Oxford, 1909. P. 76.

***) Второзаконіе XXIII, 18.

моя, и надъ нею пусть наклоняются другіе; потому что это порокъ, это преступленіе, суду подлежащее. Да, это огонь, до преисподней поѣдающій, и *всѣ плоды мои онъ могъ бы искоренить*» *). «Всѣ плоды мои», въ еврейскомъ текстѣ, какъ указываетъ проф. Фрэйзеръ, означаетъ—«продукты земли». Мы видимъ тутъ столь знакомое уже намъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ утвержденіе, что блудъ и нарушеніе половой морали имѣютъ послѣдствіемъ полный неурожай. Въ первой книгѣ Моисея мы читаемъ про то, какъ царь герарскій Авимелехъ взялъ себѣ въ наложницы Сарру, и какъ явившійся ему во снѣ Господь велѣлъ немедленно отпустить жену Авраама, грозя суровыми наказаніями, между прочимъ, чумой и безплодіемъ женщинъ. Блудъ и половыя безпутства вообще жестоко караются. «Не дѣлайте всѣхъ этихъ мерзостей,—читаемъ мы въ книгѣ *Левитъ*,—ни туземецъ, ни пришлецъ, живущій между вами; потому что всѣ эти мерзости дѣлали люди этой земли, что предъ вами, и *осквернилась земля*; чтобы и васъ не свергнула съ себя земля, когда вы станете осквернять ее, какъ она свергнула народы, бывшіе прежде васъ» **). Всѣ эти выдержки доказываютъ, что прелюбодѣяніе, совершенное даже по невѣдѣнію, по мнѣнію древнихъ евреевъ, карается чумой, неурожаемъ и, въ особенности, безплодностью.

Повидимому, у древнихъ грековъ существовали подобнаго же рода воззрѣнія. Согласно Софоклу, Ѳивы жестоко страдали отъ чумы, безплодія женщинъ и скота и отъ неурожая (появилась на колосьяхъ ржа) при Эдипѣ, который, не зная того, убилъ отца и женился на матери. Страна обезплодилась, и Дельфійскій оракулъ объявилъ, что благоденствіе ея возстановится только съ изгнаніемъ грѣшника. Какъ и другіе народы, римляне тоже вѣрили, что безнравственность карается неурожаями и безплодіемъ. Согласно старинной ирландской легендѣ, Мюнстеръ разъ въ третьемъ вѣкѣ жестоко страдалъ отъ неурожая и другихъ бѣдствій. Когда старѣйшины стали добираться до причинъ, то оказалось, что всему виною кровосмѣшеніе: король женился на родной сестрѣ. Чтобы положить конецъ несчастьямъ страны, старѣйшины потребовали отъ короля выдачи двухъ его сыновей, родившихся отъ нечестиваго отца. Дѣти были сожжены на кострѣ, а пепелъ брошенъ въ море.

Такимъ образомъ, многіе народы признаютъ блудъ и прелюбодѣяніе не только проступкомъ противъ морали, касающимся только опредѣленныхъ лицъ. Признается также, что грѣхъ отдѣльныхъ членовъ общины навлекаетъ на всю ее великія бѣдствія. Наказаніе разгнѣванныхъ божествъ, обрушиваясь на нивы, плодовыя деревья, приплодъ, уловъ и полеваніе, подвергаетъ страшной опасности существованіе цѣлой общины. Очевидно, что всюду,

*) Книга Іова, XXXI, 1, 7—12.
**) Левитъ, глава XVIII, 26, 27, 28.

гдѣ подобныя суевѣрія существуютъ, общественное мнѣніе и судъ будутъ карать преступленія противъ нравственности неизмѣримо болѣе сурово, чѣмъ наказываютъ культурные народы, считающіе подобные проступки частнымъ, а не общественнымъ дѣломъ. Культурные народы считаютъ эти дѣянія грѣхомъ, но не преступленіемъ; наказаніе можетъ послѣдовать въ загробной жизни, но не здѣсь, на землѣ. Наоборотъ, всюду, гдѣ мы находимъ крайне суровыя наказанія за кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе и блудъ, — можно съ увѣренностью сказать, что первоначальной причиной такой безпощадности было суевѣріе. Другими словами, тамъ, гдѣ племя или народъ самъ накладываетъ суровыя наказанія на прелюбодѣевъ, а не оставляетъ это на волю заинтересованныхъ лицъ,—безъ сомнѣнія, существуетъ убѣжденіе, что грѣхъ одного лица навлекаетъ бѣдствіе на всю общину.

Этимъ, напримѣръ, объясняется, почему по законамъ Ману прелюбодѣйку предписывалось затравить собаками на площади, а прелюбодѣя—зажарить на сковородѣ, почему по вавилонскому кодексу Хаммураби уличенныхъ въ прелюбодѣяніи предписывается задушить и бросить въ рѣку, а виновныхъ въ кровосмѣшеніи приговаривать къ сожженію. Принявъ во вниманіе воззрѣніе, что грѣхъ отдѣльныхъ лицъ навлекаетъ чуму, голодъ и безплодіе на все племя, намъ станетъ понятна безпощадная суровость наказаній, указанныхъ во Второзаконіи: «Если найденъ будетъ кто лежащій съ женою замужнею, то должно предать смерти обоихъ: и мужчину, лежавшаго съ женщиною, и женщину; и такъ истреби зло отъ Израиля. Если будетъ молодая дѣвица обручена мужу и кто-нибудь встрѣтится съ нею въ городѣ и ляжетъ съ нею, то обоихъ ихъ приведите къ воротамъ того города и побейте ихъ камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала въ городѣ, а мужчину за то, что онъ опорочилъ жену ближняго своего; и такъ истреби зло изъ среды себя». Въ случаѣ насилія, совершеннаго въ полѣ, побить камнями слѣдуетъ только мужчину. «А отроковицѣ ничего не дѣлай: на отроковицѣ нѣтъ преступленія смертнаго, потому что это то же, какъ если бы кто возсталъ на ближняго своего и убилъ его» *). Принявъ во вниманіе суевѣрный взглядъ, приведенный выше, намъ будетъ понятно, почему у саксонцевъ до временъ св. Бонифація, т. е. до VIII вѣка, дѣвицу, опозорившую отчій домъ, или женупрелюбодѣйку заставляли повѣситься, а трупъ ея сжигали. Что же касается обольстителя, то его живого сжигали на кострѣ. Впослѣдствіи сожженіе было замѣнено сѣченіемъ до смерти, въ которомъ принимали участіе всѣ женщины деревни. Послѣднее наказаніе, подъ названіемъ «инджокетъ», до самаго послѣдняго времени существовало у негритянскаго племени нанди въ британ-

*) Второзаконіе. Глава XX, 22, 23, 24, 26.

ской восточной Африкѣ и накладывалось за кровосмѣшеніе (къ послѣднему причислялось также сожительство съ двоюродной сестрой). Всѣ женщины деревни, какъ старыя, такъ и молодыя, засѣкали виновныхъ на смерть, тогда какъ мужчины поджигали дома и хлѣбъ и истребляли скотъ. Трудно предположить, что община накладывала бы подобныя безпощадныя наказанія за половую безнравственность, если бы не была убѣждена, что, дѣйствуя такимъ образомъ, она заботится о собственной безопасности.

V.

Внимательный читатель, знакомящійся съ трудомъ проф. Фрэйзера, вспомнитъ рядъ фактовъ діаметрально противоположнаго характера. Конечно, примѣры приведенные выше, дѣлаютъ очень правдоподобнымъ положеніе, выставленное ливерпульскимъ профессоромъ: «Суевѣріе укрѣпило уваженіе къ браку и къ половой морали вообще, такъ какъ по убѣжденію многихъ народовъ разгнѣванныя божества караютъ за грѣхъ отдѣльныхъ лицъ всю общину неурожаемъ и другими бѣдствіями». Но мы можемъ привести цѣлый рядъ примѣровъ, показывающихъ, какъ на почвѣ суевѣрія же выростали діаметрально противоположныя воззрѣнія на половую нравственность. «Наиболѣе позорнымъ изъ законовъ вавилонскихъ является слѣдующій, — разсказываетъ Геродотъ. — Всѣ туземныя женщины обязаны разъ въ своей жизни являться въ храмъ Афродиты, чтобы тамъ отдаваться иностранцамъ. Нѣкоторыя, гордыя своими богатствами и не желая смѣшиваться съ другими женщинами, отправляются въ храмъ въ закрытыхъ колесницахъ, въ сопровожденіи множества рабынь. Большая часть женщинъ поступаетъ такимъ образомъ. Онѣ садятся въ священной оградѣ; голова у нихъ обвязана шнуркомъ. Женщинъ тамъ великое множество: однѣ входятъ, другія выходятъ. Женщины сидятъ рядами такъ, что образуются дорожки, по которымъ ходятъ иностранцы и выбираютъ. Какъ только женщина усѣлась, она не возвращается уже домой до тѣхъ поръ, покуда иностранецъ не бросилъ ей въ подолъ монету и не повелъ спать за предѣлами храма. Кидая монету, иностранецъ долженъ сказать: «Призываю къ тебѣ богиню Милитту». Таково имя, которое ассиріяне даютъ Афродитѣ. Какъ бы скромна ни была монета, женщина не имѣетъ права отказаться. Это не дозволено, такъ какъ брошенныя деньги священны. Женщина слѣдуетъ за первымъ мужчиной, бросившимъ монету, и никѣмъ не брезгуетъ. Когда она отдается, то исполняетъ законъ и повинуется богинѣ. Женщина возвращается домой. Ты можешь ей потомъ предлагать какую угодно сумму денегъ, но женщина не отдастся тебѣ. Красивыя, хорошо сложенныя и высокія ростомъ женщины скоро возвращаются до-

мой. Уродливыя же долго должны жить въ храмѣ, прежде чѣмъ могутъ исполнить повелѣніе закона. Нѣкоторыя изъ нихъ остаются по три, по четыре года. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кипрѣ существуетъ обычай, похожій на вавилонскій» *). Теперь правдивость Геродота доказана многими фактами, открытыми въ концѣ XIX вѣка. Мы имѣемъ также попытки объяснить происхожденіе вавилонскаго обычая. Не такъ обстояло дѣло въ XVIII вѣкѣ. Энциклопедистамъ необходимо было доказать, что новый культъ, смѣнившій языческій, не принесъ новую мораль, такъ какъ у культурныхъ народовъ, въ какое бы время они ни жили, всегда была *одна* мораль. И вотъ оказывается, что древній историкъ разсказываетъ о безнравственномъ съ современной точки зрѣнія обычаѣ, считавшемся высоко моральнымъ въ Ассиріи. И Вольтеръ тогда отнесся къ разсказу Геродота, какъ къ факту нахожденія раковинъ на вершинахъ горъ. «Разсказъ Геродота, вообще примѣшивающаго слишкомъ много басенъ къ нѣкоторымъ крупицамъ истины, напоминаетъ сказку изъ *Тысячи и одной ночи*,—говоритъ Вольтеръ въ *Философскомъ словарѣ*.—Что сказали бы вы о Мезерэ **), напиши онъ въ своей исторіи, что Карлъ Великій раздѣлилъ Рейнъ на триста шестьдесятъ каналовъ, приводившихъ къ Средиземному морю? А между тѣмъ Геродотъ пишетъ, что Киръ раздѣлилъ Индъ именно на столько каналовъ, которые всѣ вели къ Каспійскому морю. Что сказали бы вы о французскомъ историкѣ, напиши онъ, что всѣ придворныя дамы Карла Великаго обязаны были разъ въ жизни явиться въ церковь св. Женевьевы, чтобы проституировать тамъ себя за деньги каждому прохожему? Должно прибавить, что подобная басня еще болѣе нелѣпа во времена Ксеркса, когда жилъ Геродотъ, чѣмъ во времена Карла Великаго. Восточные народы были въ тысячу разъ невиннѣе, чѣмъ франки или галлы. Женъ всѣхъ важныхъ людей старательно охраняли евнухи. Обычай этотъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ. Когда евреи захотѣли имѣть царя, Самуилъ сказалъ имъ, что тогда всѣхъ здоровыхъ мужчинъ заберутъ въ воины. «И самыя лучшія поля ваши, и виноградники ваши, и масличныя рощи ваши возьметъ и раздастъ *евнухамъ* своимъ». Въ первой книгѣ Моисея мы читаемъ уже про евнуховъ фараона. Въ Вавилонѣ тоже женщинъ охраняла цѣлая армія евнуховъ. Смѣшно говорить, что женщинамъ вмѣнялось въ обязанность спать за деньги съ первымъ встрѣчнымъ. Вавилонъ, означающій «Городъ Господній», не могъ быть, поэтому, колоссальнымъ непотребнымъ домомъ, какъ утверждаетъ Геродотъ. Эти

---

*) Clio. CXCIX. Цитирую по французскому переводу П. Жиге (Histoire d'Hérodote. Traduction par P. Giguet. Paris, 1886. P. 78).

**) Французскій историкъ XVII вѣка, авторъ многотомной „Histoire de France“ и многихъ другихъ произведеній.

сказки Геродота, какъ всѣ другія басни подобнаго рода, до такой степени потеряли теперь цѣну въ глазахъ честныхъ людей, что развѣ только старыя женщины да еще дѣти могутъ вѣрить этимъ глупостямъ. Non est vetula quae credat; nec pueri credunt, nisi qui nondum aere lavantur*). А между тѣмъ «дѣтскія сказки» подтвердились.

Итакъ, мы видимъ, что на почвѣ суевѣрія могли вырасти воззрѣнія на половую мораль, діаметрально противоположныя тѣмъ, о которыхъ говоритъ проф. Фрэйзеръ. На вопросъ, почему могло создаться воззрѣніе, что незаконное сожительство навлекаетъ неурожай и другія бѣдствія, можно, по мнѣнію Фрэйзера, отвѣтить только отчасти. Мало сказать, что блудъ и прелюбодѣяніе неугодны богамъ, карающимъ все племя за грѣхи отдѣльныхъ членовъ: вѣдь мы должны постоянно помнить, что боги являются результатомъ человѣческаго воображенія. Человѣкъ не только создаетъ ихъ по образу и подобію своему, но надѣляетъ ихъ также своими вкусами и воззрѣніями. Поэтому утвержденіе, что извѣстный поступокъ составляетъ грѣхъ, потому что божество такъ сказало,—отодвигаетъ только нѣсколько назадъ поставленный вопросъ. Возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ могло создаться представленіе, что божеству не угодны извѣстные поступки, за которые оно строго караетъ? «Причина, почему божества различныхъ племенъ запрещаютъ такъ категорически блудъ, прелюбодѣяніе и кровосмѣшеніе, быть можетъ,—говоритъ проф. Фрэйзеръ,—лежитъ въ той аналогіи, которую многія первобытныя племена проводятъ между размноженіемъ человѣка и размноженіемъ другихъ животныхъ и растеній. Аналогія эта, конечно, не продуктъ воображенія; но первобытныя племена продолжили ее и сдѣлали практическое приложеніе ея къ вопросу объ увеличеніи средствъ къ существованію. Эти племена представили себѣ, что совершеніе извѣстныхъ половыхъ актовъ или воздержаніе отъ нихъ можетъ прямо отразиться, благопріятно или неблагопріятно, на умноженіи домашнихъ животныхъ и на урожаѣ. Мы имѣемъ тутъ дѣло не столько съ религіозными воззрѣніями, сколько съ обрядовой магіей, которая древнѣе религіи».

Въ эволюціи общества стремленіе расположить въ свою пользу явленія природы, непосредственно при помощи волхвованія, предшествуетъ обращенію для этого къ посредничеству боговъ, къ ихъ добротѣ, тщеславію, жадности или жалости. Другими словами, обрядовая магія — столѣтній старецъ, сравнительно съ младенцемъ—религіей. Дѣйствительно, у очень многихъ народовъ появленіе магіи безъ всякой примѣси религіи принадлежитъ къ такой отдаленной эпохѣ, что о ней можно только строить догадки, какъ и о томъ времени, когда именно появился на землѣ обезьяно-

---

*) Oeuvres complètes de Voltaire. Paris, 1874. Vol. VII. P. 228.

подобный предокъ. Магія создалась въ такое отдаленное время, что религіи, явившейся впослѣдствіи, не удалось вытѣснить свою сѣдую предшественницу. Въ исторіи человѣчества волхвованіе, или магія, въ болѣе или менѣе модернированныхъ формахъ живетъ все время рядомъ съ религіей. Они являются то вѣрными союзниками, то непримиримыми врагами; то они играютъ другъ другу въ руку, то яростно проклинаютъ и стремятся истребить одна другую. Въ общемъ, менѣе развитые элементы общества крѣпко стоятъ за магію, а болѣе развитые обращаются къ религіи, покуда не наступаетъ господство разума. Въ результатѣ то, что вѣрованія и обряды, происхожденіе которыхъ относится къ тому времени, когда господствовала одна магія,—съ теченіемъ времени приняли религіозный характеръ. Эти вѣрованія и обряды, конечно, примѣняются въ зависимости отъ прогресса мысли и связываются съ существованіемъ добрыхъ или злыхъ божествъ. Мы можемъ предположить,—говоритъ проф. Фрэйзеръ,—хотя не имѣемъ возможности доказать это,—что подобнаго рода перемѣна произошла съ теченіемъ вѣковъ въ воззрѣніяхъ многихъ расъ на половую нравственность. Очень вѣроятно, что въ отдаленное время, первобытныя племена, продолжая дѣйствительно существующую аналогію очень далеко, предполагали, что отношеніе между полами, признаваемое нормальнымъ и законнымъ *), симпатически отражается также на размноженіи растеній и животныхъ и такимъ образомъ имѣетъ вліяніе на обиліе пищи. Съ другой стороны, отношеніе между полами, которое племя имѣло почему-либо основаніе считать незаконнымъ и неестественнымъ, по аналогіи же, отражается неблагопріятно на размноженіи животныхъ и растеній и приноситъ съ собою голодъ. Воззрѣнія подобнаго рода, конечно, могутъ явиться достаточнымъ основаніемъ въ глазахъ первобытнаго племени для воспрещенія всякихъ незаконныхъ отношеній между мужчиной и женщиной. Это объясняетъ также тотъ глубокій ужасъ и отвращеніе, съ которыми нѣкоторыя, но не всѣ, первобытныя племена относятся къ блуду и кровосмѣшенію **). Ибо, если

---

*) Попытки выяснить причины, вслѣдствіе которыхъ выработались у первобытныхъ племенъ взгляды на «законныя» и «незаконныя» отношенія,—много разъ дѣлались изслѣдователями происхожденія семьи.

**) Любопытно, что почти полный нигилизмъ въ вопросахъ половой морали наблюдается у такихъ первобытныхъ племенъ, которыя, въ силу географическихъ условій, живутъ крайне разбросанно и не занимаются земледѣліемъ. Таковы, напр., полярные инородцы. У нихъ, конечно, не могло выработаться воззрѣніе, что блудъ гибельно отражается на урожаѣ. Потомки казаковъ на сѣверо-востокѣ Сибири тоже прониклись чукотскимъ взглядомъ на половую мораль. Отношеніе колымчанъ къ женской невѣрности или къ дѣвичьей чести то же, что у якутовъ или же у чукчей, т. е. безразличное. Дѣвушка, имѣющая дѣтей, выходитъ легко замужъ; если же она казачка, то дѣти—мальчики—ея приданое (они получаютъ паекъ). Помню такой фактъ. Обыватель жалуется, что у него дѣтей нѣтъ.—Какъ,—говорю я,—

недозволенныя отношенія между мужчиной и женщиной препятствуютъ домашнимъ животнымъ и растеніямъ размножаться,— то они (отношенія) наносятъ, такимъ образомъ, тяжелый ударъ всему племени, подвергая само существованіе его опасности. Нѣтъ ничего удивительнаго, если всюду, гдѣ подобныя суевѣрія существовали, все племя обрушивалось на виновныхъ, било ихъ, убивало, истребляло имущество. Племя наказывало не порокъ, а защищало свое существованіе. Когда съ теченіемъ вѣковъ люди замѣтили, наконецъ, что отношенія между полами не имѣютъ связи съ большимъ или меньшимъ урожаемъ, то старое воззрѣніе на половую мораль все же продолжало держаться, потому что люди вообще съ страшнымъ трудомъ забываютъ понятія, накопленныя въ продолженіе сотенъ вѣковъ дикой жизни. Старая теорія (блудъ навлекаетъ неурожай) погибла; но старыя правила морали остались и пережили кризисъ міровоззрѣнія. Но, чтобы община относилась къ нимъ съ уваженіемъ, требовалось поставить старыя правила на новый фундаментъ. И вотъ религія дала этотъ базисъ. Тѣ половыя отношенія, которыя раньше признавались предосудительными, потому что они гибельно отражаются на размноженіи домашнихъ животныхъ и губятъ урожай, принося, такимъ образомъ, голодъ всему племени,—теперь осуждались, какъ неугодныя богамъ и духамъ предковъ. Такимъ образомъ, старыя понятія были заново обоснованы. Практическая мораль осталась та же, что и раньше, но на защиту ея явилась уже не магія, а религія.

Все это можно высказать только въ видѣ догадки. Мы имѣемъ дѣло съ воззрѣніями, сложившимися въ такое отдаленное отъ насъ время, что никакихъ доказательствъ привести мы не можемъ. Но, допустивъ, что первобытныя племена пришли къ своему современному взгляду на безнравственность именно указаннымъ только что путемъ, возникаетъ все-таки вопросъ: какимъ образомъ первоначально возникло представленіе о безнравственности нѣкоторыхъ отношеній? Очевидно, воззрѣніе, что неурожай обусловливается безнравственностью, — представляетъ собою уже выводъ. Люди раньше этого должны были на основаніи какихъ-то данныхъ придти къ заключенію о недопустимости нѣкоторыхъ отношеній. Вопросъ этотъ,—говоритъ Фрэйзеръ,—ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ наиболѣе глубокой и темной проблемой въ исторіи общества: съ проблемой о происхожденіи законовъ, регулирующихъ до на-

---

развѣ Ванька не твой сынъ?—Нѣтъ, женинъ: она его въ дѣвкахъ привела.— Отъ кого? Мой вопросъ сильно удивилъ обывателя. Онъ прожилъ съ женою девять лѣтъ и до сихъ поръ не поинтересовался узнать, отъ кого она имѣла сына, который живетъ вмѣстѣ съ ними... Этика нижнеколымскихъ женщинъ формулируется тезисомъ: «Вѣнчалась, а не продалась», а мужчинъ: «Баба не калачъ, одинъ не съѣшь» (Діонео. На крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири. Спб. 1895 Стр. 19, 27).

стоящаго времени въ культурныхъ обществахъ бракъ и отношенія между полами. Говоря вообще, основные законы, признаваемые въ этомъ вопросѣ культурными людьми, признаются также и дикарями. Слѣдуетъ прибавить только, что дикари знаютъ больше случаевъ, когда связь между мужчиной и женщиной не допустима; у первобытныхъ племенъ нарушеніе половой морали возбуждаетъ большій ужасъ, чѣмъ у культурныхъ народовъ, а наказанія блудниковъ и блудницъ болѣе безпощадны. Многіе соціологи не разъ подступали къ проблемѣ, но никто не могъ еще разрѣшить ее.

Во всякомъ случаѣ, приведенные выше факты даютъ намъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе. Каково бы ни было происхожденіе взгляда на извѣстныя половыя отношенія, какъ на предосудительныя, — внѣ сомнѣнія, что суевѣріе явилось могучимъ средствомъ для удержанія людей отъ совершенія запретныхъ поступковъ (блуда, прелюбодѣянія и кровосмѣшенія), содѣйствуя, такимъ образомъ, укрѣпленію морали, признаваемой современнымъ культурнымъ обществомъ. Такимъ образомъ, доказанъ третій членъ тезиса, выставленнаго Фрэйзеромъ. Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ суевѣріе содѣйствовало уваженію къ человѣческой жизни.

Діонео.

О самоубійствахъ въ послѣдніе годы.

(Статистическій очеркъ).

Еще въ началѣ 1906 года мы указывали на возрастаніе самоубійствъ («Практич. Врачъ» №№ 26—29) и закончили свою статью тѣмъ, что если общія условія жизни страны не измѣняется, то нужно ожидать дальнѣйшаго усиленія *травматической эпидеміи*, обагряющей кровью всю страну, а въ томъ числѣ и одного изъ проявленій этой эпидеміи—самоубійствъ. Наше предсказаніе оправдалось. Имѣющіяся цифры опредѣленно указываютъ на все болѣе и болѣе усиливающуюся эпидемію самоуничтоженія. Она наблюдается и въ центрахъ, и во всей Россіи. Вотъ данныя по 3-мъ городамъ за послѣдніе 5 лѣтъ о самоубійствахъ и покушеніяхъ *):

*) Свѣдѣнія по Петербургу заимствованы изъ бюллетеней статистическаго отдѣленія С.-Петербургской городской управы; по Одессѣ—изъ отчетовъ общества скорой медицинской помощи и отчасти изъ мѣстной газеты; по Москвѣ—изъ хроники мѣстныхъ газетъ. Свѣдѣнія по двумъ послѣднимъ городамъ не могутъ считаться исчерпывающими, но они даютъ все-таки возможность судить объ общемъ развитіи интересующаго насъ явленія.

Года.	Петербургъ. Въ годъ	Среднее въ 1 мѣс.	Одесса. Въ годъ	Среднее въ 1 мѣс.	Москва. Въ годъ	Среднее въ 1 мѣс.
1904	427	35,5	224	18,7	?	?
1905	354	29,5	256	21,4	?	?
1906	532	44,5	305	25,5	205	17,1
1907	796	66,5	356	29,7	436	41,3
1908	969	121,0	642 *)	64,2	576 **)	57,6

Въ Петербургѣ ростъ самоубійствъ огромный и галлопирующій: только 1905 годъ, годъ надеждъ и упованій, далъ нѣкоторое уменьшеніе, а въ послѣдующіе годы и особенно въ 1907 и 1908 идетъ рѣзкое повышеніе, и по мѣсячнымъ итогамъ 1907 превышаетъ почти въ 2 раза, а 1908 въ 3½ раза 1904-й годъ. Сравнительно съ еще болѣе ранними годами разница получается поражающая: въ 1876—78 гг. въ Петербургѣ на 1 милл. жителей приходилось 136 самоубійствъ, а въ 1908 году 960, слишкомъ въ 7 разъ больше.

И въ Одессѣ мы видимъ непрерывный ростъ покушеній на свою жизнь, который особенно сильно сказался въ послѣднемъ году, превосходящемъ, по мѣсячнымъ итогамъ, слишкомъ въ два раза 1907-й годъ.

Свѣдѣнія по Москвѣ также неопровержимо доказываютъ громадное увеличеніе самоубійствъ. Въ 1906-мъ году москвичи давали только 17,1 покушеній въ мѣсяцъ, въ 1907 г. 41,3 въ 2½ раза больше, и въ 1908 г. уже 57,6, т. е. въ 3½ раза больше, чѣмъ въ 1906-мъ году.

Газетныя сообщенія изъ другихъ мѣстъ также говорятъ о значительномъ числѣ самоубійствъ, принимающихъ иногда какъ бы повальный характеръ. Вотъ нѣсколько выдержекъ за послѣдній годъ: изъ Кіева телеграфировали 18 августа, что за послѣдніе 2 дня было 6 самоубійствъ, 20 ноября—4 самоубійства; въ Полтавѣ 12 августа—3 случая; въ маленькомъ Кисловодскѣ за двѣ недѣли августа—9 случаевъ. Заразительность настоящей эпидеміи всего лучше видна изъ сообщеній съ Иматры: за два мѣсяца тамъ было 16 самоубійствъ преимущественно молодыхъ дѣвушекъ, пріѣзжавшихъ иногда издалека съ спеціальной цѣлью броситься въ водопадъ. Пришлось поставить особую стражу, но и она, конечно, не спасла многихъ, желающихъ покончить съ собой, о чемъ нерѣдко и сообщается въ газетахъ изъ этого излюбленнаго самоубійцами мѣста.

Наличность эпидеміи самоубійствъ очевидна... За время съ іюня 1905 г. до ноября 1909 года нами сдѣланы выборки изъ ряда газетъ («Рус. Слово», «Парусъ», «Часъ», «Товарищъ», «Рѣчь»,

*) За 8 мѣсяцевъ.
**) За 10 мѣсяцевъ.

«Одесскія Новости»), при чемъ каждый случай самоубійства или покушенія на него выписывался съ отмѣткой всѣхъ его особенностей. Всего нами насчитано такимъ путемъ 5557 случаевъ, изъ нихъ 3940 приходится на Петербургъ, Москву и Одессу, 1012 на другіе большіе города и 605 на мелкіе города, мѣстечки и деревни. Если расположить эти данныя по годамъ и мѣсяцамъ, то получится такая картина:

Число самоубійствъ и покушеній.

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Январь		27	93	224
Февраль		55	95	225
Мартъ		48	91	351
Апрѣль		84	120	341
Май		14	125	352
Іюнь	18	15	184	327
Іюль	18	32	138	316
Августъ	15	39	176	318
Сентябрь . . .	9	39	156	329
Октябрь	10	66	197	328
Ноябрь	9	72	212	
Декабрь	6	66	216	
Итого . .	85	557	1803	3112

Эти данныя, конечно, не представляютъ даже приблизительнаго учета самоубійствъ въ Россіи и имѣютъ только *показательное* значеніе: по количеству отмѣченныхъ газетами фактовъ, мы можемъ судить о наростаніи или паденіи интересующихъ насъ явленій. Что газетныя свѣдѣнія могутъ до извѣстной степени служить этой цѣли, это подверждается свѣдѣніями, приведенными выше изъ другихъ источниковъ и дающими въ общемъ ту же кривую. 1905-й годъ,—годъ подъема и надеждъ на близкое лучшее будущее,—не былъ благопріятнымъ для самоуничтоженія; люди дорожили жизнью, самоубійства вездѣ или оставались на томъ-же уровнѣ, или даже падали, и мы видимъ, что печать откликнулась упоминаніемъ лишь только о 85 случаяхъ за 7 послѣднихъ мѣсяцевъ этого года. Съ 1906 года начались разочарованія, и самоубійства стали непрерывно возрастать, сдѣлавши только временное исключеніе для мая и іюня мѣсяцевъ первой Думы, когда кое-гдѣ опять вспыхнули надежды на возрожденіе и реформы. Съ іюля ростъ уже не останавливается и особенно усиливается осенью этого года. Въ 1907 году всѣ чаянія оказались окончательно рушившимися, и самоуничтоженіе неудержимо растетъ, сдѣлавши сразу большой скачокъ въ іюнѣ послѣ роспуска второй Думы. Начавшись съ 93 случаевъ въ январѣ, этотъ годъ закончился 216 случаями въ декабрѣ, при чемъ созывъ третьей Думы не оказалъ никакого вліянія на подъемъ цѣнности жизни. Сумма записанныхъ случаевъ за этотъ годъ превзошла слишкомъ въ три раза предыдущій годъ. Наконецъ 1908 годъ, начавшись съ 224 самоубійствъ въ январѣ, далъ 328 въ октябрѣ; судя по газет-

нымъ хроникамъ, предвидится дальнѣйшее увеличеніе эпидеміи. Кромѣ общихъ политическихъ условій были, конечно, и другія причины, обусловившія собою быстрое возрастаніе числа самоубійствъ. Но къ этому вопросу мы вернемся ниже. Сначала же, пользуясь имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными, остановимся на нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ интересующаго насъ явленія, и прежде всего познакомимся съ *составомъ* покушавшихся на свою жизнь.

Полъ. Всегда и вездѣ въ Европѣ мужчины составляли болѣе или менѣе значительное большинство среди самоубійцъ. Объясняется это преобладаніе тѣмъ, что женщины, какъ на Западѣ, такъ и у насъ меньше участвуютъ въ борьбѣ за существованіе и рѣже несутъ на себѣ всю тяжесть отвѣтственности за исходъ этой борьбы; рѣже поэтому имъ приходится переживать и тѣ острые моменты, когда ставится на карту все, когда рѣшается: «быть или не быть». Но когда женщина становится самостоятельнѣе, когда ей приходится вести борьбу и отвѣчать за себя и за другихъ, когда рѣзко измѣняются обычныя условія семейной жизни, гдѣ она играетъ главную роль,—тогда и женщина начинаетъ догонять мужчину покушеніями на свою жизнь.

Въ Россіи въ 1870—73 гг. на долю мужчинъ приходилось 80,4—79,6% всѣхъ самоубійствъ и женщинъ только 19,6—20,4%. Въ настоящее время процентъ послѣднихъ, повидимому, значительно выше: по крайней мѣрѣ, по нашимъ общерусскимъ даннымъ (за 3 года) онъ равенъ 31,5, въ Петербургѣ (по даннымъ за 5 лѣтъ) 34,3 и въ Одессѣ (въ среднемъ за 5 лѣтъ) 55,1. Общерусскія данныя указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что за послѣдніе годы процентъ женскихъ самоубійствъ быстро увеличивался: въ 1906 году онъ былъ равенъ 21,0, въ 1907 г.—29,0 и въ 1908 г.—35,3.

Чѣмъ объясняется, что въ Одессѣ число покушающихся на свою жизнь женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, а именно въ среднемъ за 5 лѣтъ на долю первыхъ приходится 55,1% и мужчинъ только 44,9%,—мы не знаемъ. Судя по газетныхъ хроникамъ, въ Одессѣ много молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ покушается на почвѣ романической и половой. Въ связи съ этимъ не лишне будетъ напомнить, что Одесса является одимъ изъ главныхъ рынковъ «торговли живымъ женскимъ товаромъ» и отличается, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы обиліемъ половыхъ насилій. Но этими половыми и романическими причинами едва-ли можно всецѣло объяснить преобладаніе женскихъ самоубійствъ, и одесскимъ изслѣдователямъ слѣдовало бы заняться изученіемъ этого вопроса. Въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ Одессѣ и Варшава: въ ней изъ 265 самоубійствъ въ 1907 на мужчинъ приходится 92 или 35%, а на женщинъ 173 или 65%. Есть-ли это обычное явленіе въ Вар-

шавѣ и каковы причины преобладанія женщинъ,—мы опять таки не знаемъ..

Говоря о покушеніяхъ мужчинъ и женщинъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одно существенное различіе между ними: женщины гораздо рѣже доводятъ до конца свое намѣреніе покончить съ жизнью. Въ Петербургѣ самоубійства и покушенія на нихъ распредѣлялись такъ:

	Самоубійства.	Покушенія.	% покушеній къ общему числу.
1904	169	258	60%
1905	215	139	40,0
1906	341	191	36,0
1907	257	539	67,5
Всего . .	982	1127	53,5

Въ итогѣ за 4 года самоубійства, кончившіяся смертью на мѣстѣ, составляютъ только 46,5%, а покушенія 53,5%, но по годамъ довольно рѣзкія колебанія: въ 1905 и 1906 гг. значительно преобладали самоубійства, а въ 1904 и 1907 гг. покушенія. Изъ 1375 мужскихъ случаевъ за эти 4 года покушеній было меньше, чѣмъ самоубійствъ, а именно 645—46,8%; у женщинъ-же, наоборотъ, преобладали покушенія 482—66% изъ 734 женскихъ случаевъ *).

Пытаясь объяснить значительный процентъ неудавшихся покушеній въ 1907 г., д-ръ Нижегородцевъ пишетъ: разочарованіе и подавленность такъ возросли, что люди легко рѣшаются покончить съ собой, но въ тоже время они страдаютъ такой апатіей и слабостью воли, что у нихъ не хватаетъ даже силъ довести дѣло самоубійства до «благополучнаго» результата, и они остаются въ живыхъ. Апатія даже тогда, когда требуется самое сильное напряженіе воли. Возможно, что эта причина внутренняго порядка сыграла свою роль въ извѣстномъ рядѣ неудавшихся случаевъ, но, можетъ быть, въ этихъ неудачахъ виноваты гораздо болѣе различныя внѣшнія условія. Кончающіе съ собой безработные часто не имѣютъ необходимыхъ орудій и средствъ; во многихъ случаяхъ сообщалось, что безработный и, чаще, безработная на выпрошенный Христа-ради пятакъ или гривенникъ покупаютъ нашатырнаго спирта или уксусной эссенціи и тутъ же выпиваютъ отраву. Яда оказывается недостаточно, и несчастный причиняетъ себѣ ужасныя страданія, но остается жить. Въ другомъ рядѣ случаевъ молодежь и преимущественно женская рѣшается на самоубійство вдругъ, подъ вліяніемъ происшедшей ссоры или нанесеннаго оскорбленія, и тутъ же, подъ вліяніемъ аффекта, хватаетъ первое попавшееся, могущее служить ядомъ, средство—спиртъ, кислоту, керосинъ и пр. и на глазахъ обидчиковъ выпиваетъ,

*) Смол. Вѣстн. 19 февраля 1908 г. № 41.

Опять-таки это средство оказывается или мало ядовитымъ, или въ недостаточномъ количествѣ, и самоубійца остается въ живыхъ. Женщины гораздо чаще мужчинъ прибѣгаютъ къ наименѣе надежному способу, а именно къ самоотравленію, и потому многія изъ нихъ и остаются въ живыхъ. Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію состава самоубійцъ, остановимся еще на распредѣленіи ихъ по времени и по способамъ покушеній.

Способы. Казалось бы, что уходящій изъ жизни долженъ быть совершенно свободнымъ отъ всѣхъ условностей жизни и всякихъ внѣшнихъ моментовъ, а между тѣмъ, и въ эту страшную послѣднюю минуту онъ въ выборѣ способовъ всецѣло зависитъ отъ окружающихъ условій и извѣстной подражательности и стадности. Состоятельные люди имѣютъ большій выборъ и прибѣгаютъ къ болѣе вѣрнымъ способамъ, беднота пользуется тѣмъ, что есть подъ руками. Но и тѣ, и другіе, подчиняясь заразѣ самоуничтоженія, не ускользаютъ также и отъ вліянія примѣра. Въ зависимости отъ указанныхъ разнообразныхъ причинъ, въ одномъ городѣ предпочитаютъ рѣку для разсчетовъ съ своей жизнью, въ другомъ отравленія, въ однихъ городахъ — нашатырный спиртъ, въ другихъ — уксусную кислоту и пр. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, измѣнились тѣ или другія условія, и выступаютъ на сцену другіе способы. Въ нашихъ данныхъ по всей Россіи извѣстны способы въ 5131 случаѣ:

	Число.	% къ общему числу.		Число.	% къ общему числу.
Отравились . . .	2237	43,7	Бросились съ высоты.	140	2,6
Стрѣлялись. . . .	1110	21,6	Сожгли себя . . .	40	
Повѣсились . . .	558	10,9	Уморили голодомъ.	27	
Утопились	498	9,7	Заморозились. . .	19	1,8
Бросились подъ поѣздъ, трамвай .	253	5,0	Разбили голову о стѣну	5	
Зарѣзались. . . .	239	4,7			

Значителное большинство, 43,7% всѣхъ записанныхъ нами, прибѣгло къ самому дешевому, требующему наименьшихъ усилій и приготовленій, способу—*самоотравленію*, для чего служили имѣющіеся почти вездѣ подъ руками нашатырный спиртъ, усусная эссенція, карболка, спирты, кислоты и другія служащія въ домашнемъ обиходѣ и производствѣ сильно дѣйствующія вещества. Алколоиды, хлороформъ, ціанистый кали употребляются сравнительно рѣдко состоятельными и образованными классами. Второе мѣсто принадлежитъ огнестрѣльному оружію, къ которому прибѣгли 1110 человѣкъ, или 21,6% всѣхъ. Первую половину изслѣдуемаго времени, съ іюня 1905 до мая 1907 г., этотъ способъ преобладаетъ надъ остальными: такъ, изъ записанныхъ за это время 923 самоубійцъ 354 воспользовались огнестрѣльнымъ оружіемъ, а отравившихся было только 255. Объясняется это составомъ покушавшихся и однимъ внѣшнимъ условіемъ: въ 1905—06 гг. было осо-

бенно много самоубійствъ среди состоятельныхъ ли къ тому же у населенія было гораздо больше огнестрѣльнаı оружія, масса котораго потомъ была отобрана полиціей. Не танавливаясь на остальныхъ способахъ, указанныхъ въ таблицѣ, отмѣтимъ только, что самосожженіе и разбитіе головъ объ стѣну наблюдались почти исключительно въ тюрьмахъ. Можно думать, что не одно отсутствіе другихъ способовъ и средствъ заставили заключенныхъ избрать эти ужасныя самоистязанія; положеніе въ тюрьмахъ въ настоящее время настолько тяжелое и невыносимое, состояніе духа у заключенныхъ такое подавленное и безнадежное, что они вообще какъ бы предпочитаютъ самые мучительные и длительные способы: рѣжутся стеклами отъ разбитыхъ оконъ, жестянками отъ коробокъ, самодѣльными ножами, сохраняемыми даже въ заднемъ проходѣ, морятъ себя голодомъ, вѣшаются на кровати въ полусидячемъ положеніи, обливаютъ себя керосиномъ и поджигаютъ, разбиваютъ голову о стѣны и пр., и пр.

Каждый городъ имѣетъ свои особенности въ выборѣ способовъ. Въ Петурбургѣ всѣ самоубійства за 1904—8 гг. распредѣлены только по 5 крупнымъ рубрикамъ:

	Всѣхъ самоубійствъ.		Мужчинъ.		Женщинъ.	
	Число.	% къ общему числу.	Число.	% къ числу мужчинъ.	Число.	% къ числу женщинъ.
Отравленіе	1158	38,5	509	25,7	649	63,2
Утопленіе	871	29,0	648	32,6	223	21,9
Огнестрѣльное оружіе .	519	17,3	443	22,2	76	7,4
Удушеніе	335	11,0	276	13,9	59	5,7
Рѣжущія орудія	130	4,2	111	5,6	19	1,8

Въ Петербургѣ яды также занимаютъ первое мѣсто въ самоубійствахъ, но въ меньшемъ процентѣ случаевъ, чѣмъ по общерусскимъ даннымъ; благодаря обилію и близости *воды* въ столицѣ, она играетъ выдающуюся роль въ сведеніи послѣднихъ счетовъ съ жизнью. По *поламъ* громадныя различія: мужчины прибѣгаютъ глав. обр. къ утопленію и затѣмъ почти одинаково къ отравленію и огнестрѣльному оружію; женщины-же почти въ $^2/_3$ случаевъ избираютъ яды, затѣмъ утопленіе и всего менѣе способъ кровавый, болѣзненный и требующій наибольшаго напряженія силы воли — рѣжущія орудія, всего 19 случаевъ. По *годамъ* большія колебанія какъ и по общерусскимъ даннымъ, въ способахъ самоубійства: въ 1905—06 гг. на огнестрѣльное оружіе приходилось 27—28% всѣхъ покушеній, а въ 1907—08 гг. только 12—13%. Число самоотравленій растетъ съ 27% въ 1904 до 42% въ 1908 г. Съ утопленіемъ большія перемѣны: въ 1904 г. къ нему прибѣгли 31%, въ

1905—06 гг. 18%, а въ 1907 г. снова 33% и въ 1908 даже 35%. Рѣка—дешевый и быстрый способъ, а такъ какъ въ послѣдніе два года большинство кончающихъ съ своей жизнью приходится на бѣдняковъ, то утопленіе, особенно у мужчинъ, и является преобладающимъ средствомъ для самоубійства.

Одесса—городъ по преимуществу самоотравленій, на которыя за 5 лѣтъ приходится 1060 случаевъ или 76,4% всѣхъ покушеній; на огнестрѣльное оружіе 130—9,4%, повѣшеніе 87, рѣжущія орудія 63 и остальные способы 47—3,4%. По *поламъ*: изъ 769 покушавшихся женщинъ къ ядамъ прибѣгли 702—91% всѣхъ и только 67 женщинъ къ остальнымъ способамъ; у мужчинъ на отравленія приходится значительно меньше—58%, на огнестрѣльное оружіе 18,6%, повѣшеніе 11% и остальные способы 12,4%.

Варшава почти исключительно пользуется ядами: тамъ въ 1906 г. отравилось 92,3% всѣхъ покушавшихся на самоубійство, при чемъ среди женщинъ, прибѣгавшихъ къ другимъ способамъ былъ только 1%, а среди мужчинъ 6,7%.

Что касается ядовъ, то каждый городъ имѣетъ особо употребительныя средства: въ Петербургѣ болѣе 60% всѣхъ самоотравленій падаетъ на уксусную эссенцію, въ Москвѣ почти одинаково пользуются уксусной эссенціей и нашатырнымъ спиртомъ; въ Одессѣ 52% покушавшихся отравились нашатырнымъ спиртомъ, 11,5% карболкой, 11% уксусной кислотой, 5,7% алколоидами и пр. И при послѣднемъ разсчетѣ съ жизнью человѣкъ не можетъ уйти отъ вліянія окружающей обстановки и пользуется тѣми способами и средствами, которые диктуетъ ему общераспространенное повѣтріе даннаго города! Тоже видно и въ обстановкѣ, при которой совершается самоубійство: состоятельные и интеллигентные *любятъ* разставаться съ жизнью на людяхъ, для чего избираютъ театръ, вокзалы, пиршества въ гостиницахъ, учебныя заведенія и пр., а бѣдняки и рабочіе чаще всего уходятъ изъ жизни такъ же незамѣтно, какъ и жили.

Въ распредѣленіи самоубійствъ по *мѣсяцамъ* и *временамъ года* наблюдается, повидимому, также извѣстная закономѣрность. Въ слѣдующей таблицѣ (по Петербургу за 1904—07 и Одессѣ съ 20 апрѣля 1903 г. до 20 апрѣля 1908 г.) мы видимъ, что наиболѣе значительный процентъ самоубійствъ въ обоихъ городахъ приходится на весну, въ Петербургѣ 644 — 30,6% и въ Одессѣ 405—29,2, и максимальными мѣсяцами являются въ Петербургѣ

Мѣсяцы.	Петербургъ.	Одесса.	Мѣсяцы.	Петербургъ.	Одесса.
Январь . . .	156	128	Мартъ . . .	186	136
Февраль. . .	150	122	Апрѣль . . .	228	168

Мѣсяцы.	Петербургъ.	Одесса.	Мѣсяцы.	Петербургъ.	Одесса.
Май	230	101	Ноябрь . . .	195	94
Іюнь	190	99	Декабрь . . .	154	119
Іюль	157	103	Зима	460	369
Августъ . . .	147	103	Весна	644	405
Сентябрь . .	143	108	Лѣто	494	305
Октябрь . .	173	106	Осень . . .	511	308

май и апрѣль и въ Одессѣ (болѣе ранняя весна) апрѣль и мартъ. Итакъ, весна—время наибольшаго расцвѣта жизни —является наиболѣе губительнымъ временемъ для склонныхъ къ самоубійству. Когда организмъ наиболѣе напряженъ, когда жажда жизни съ ея наиболѣе сильными порывами, надеждами и сопровождающей ихъ тоской особенно сильна, когда вся природа куда-то манитъ и зоветъ,—тогда-же наиболѣе тягостными, острыми и непереносными являются всѣ разочарованія, толчки и препятствія. Контрастъ между ликующей природой и личной неудающейся жизнью всего рѣзче ощущается весной, и подъ лучами весенняго солнца наиболѣе часто является и осуществляется мысль о самоубійствѣ Затѣмъ сходство между Петербургомъ и Одессой прекращается, и выступаютъ на сцену вліянія, повидимому, экономическаго характера. Въ Одессѣ второй maximum приходится зимой, когда положеніе нуждающихся и рабочихъ становится особенно тяжелымъ; лѣто и осень почти одинаковы по числу самоубійствъ. Въ Петербургѣ, наоборотъ, зима даетъ minimum, можетъ быть, въ силу отлива многихъ пришлыхъ рабочихъ изъ столицы. Впрочемъ, дать опредѣленныя объясненія о другихъ временахъ года, кромѣ весны, мы затрудняемся, такъ какъ въ 1905 и 1906 годахъ въ обоихъ городахъ происходили такія крупныя событія, которыя могли нарушить нормальное для спокойнаго времени распредѣленіе самоубійствъ по мѣсяцамъ.

Сословіе и занятія изъ записанныхъ нами самоубійцъ показаны у 3325 лицъ, а именно: чиновники разныхъ вѣдомствъ и служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ 250, офицеры всѣхъ ранговъ 143, чины полиціи и жандармеріи 49, тюремныя власти 26, солдаты, матросы, казаки 50, урядники, городовые, стражники 42; дворяне, князья, бароны 112, духовные 28, купцы, банкиры, фабриканты, домовладѣльцы, торговцы 271; учительскій персоналъ 53, врачи 35, другой медицинскій персоналъ 62, архитектора, инженеры 15, писатели, художники, артисты 36; студенты 147, студентки 31, гимназисты 73, гимназистки и институтки 58, реалисты 18, семинаристы 7, кадеты 10, учащіеся другихъ учеб. заведеній 51; рабочіе и мастеровые 932, крестьяне 439, женская прислуга 105, проститутки 32, заключенные 169 и другія мелкія группы 82.

Соединимъ всѣ цифры въ 5 большихъ группъ и сравнимъ общерусскія данныя съ петербургскими и одесскими.

	Процентъ самоубійцъ и покушавшихся.		
	По общерусскимъ даннымъ.	Въ Петербургѣ.	Въ Одессѣ.
Рабочіе, мастеровые, безработные и несостоятельные классы . . .	52,9	73,0	54,9
Чиновники и служащіе	16,8	8,2	8,7
Состоятельные классы *)	12,5	10,7	26,2
Учащіеся	11,8	5,4	7,5
Свободныя профессіи	6,0	2,7	2,7

Итакъ, всѣ данныя сходятся въ томъ, что значительное большинство, и особенно въ Петербургѣ, приходится на рабочихъ и, вообще, бѣдныхъ.

По годамъ составъ самоубійцъ очень значительно измѣнился, повысились группы рабочихъ и учащихся и уменьшились остальныя три группы. Въ Петербургѣ на первую группу рабочихъ и пр. приходилось въ 1904 г. 303—70% всѣхъ случаевъ, въ 1905—«годъ всѣхъ надеждъ»—паденіе до 236—67%, въ 1906 г. снова увеличеніе—383—72%, въ 1907 г. уже 628—78,5%; за 1908 г. итоги будутъ еще печальнѣе для бѣдняковъ. По нашимъ даннымъ, съ іюня 1905 г. до октября 1907 г., т. е. за 28 мѣсяцевъ, было записано рабочихъ и бѣдныхъ 449—45,8% общаго числа самоубійствъ за это время, а съ октября 1907 до ноября 1908 г., за 13 мѣсяцевъ, 1310—55,7% всѣхъ случаевъ. Нужно оговориться, что взятыя изъ газетъ данныя о самоубійствахъ рабочихъ и бѣдныхъ, вѣроятно, значительно ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ газеты въ отдѣлѣ самоубійствъ описываютъ преимущественно случаи, выдающіеся по обстановкѣ, и особенно по личности самоубійцъ; а обычные случаи покушеній бѣдныхъ и рабочихъ часто опускаются. Благодаря этому, нужно думать, обстоятельству, въ нашихъ данныхъ относительно великъ процентъ чиновниковъ и др., и малъ процентъ рабочихъ.

Учащіеся, хотя и не въ такой степени, испытываютъ одинаковую участь съ рабочими: самоубійства среди нихъ растутъ изъ года въ годъ. По даннымъ Г. В. Хлопина *), въ 1905 г. среди учащихся было самоубійствъ и покушеній 27, а въ 1906 г. уже 88; въ Петербургѣ въ 1904 г. было 13 случаевъ, въ 1905 г.—26, 1906 г.—35 и

---

*) Въ Одессѣ группа состоятельныхъ потому получилась такъ велика, что въ нее включены всѣ живущіе за счетъ другихъ, т. е. женщины; въ дѣйствительности, изъ нихъ большинство нужно отнести въ другія группы и особенно въ первую, т. е. бѣдняковъ.

*) Г. В. Хлопинъ. Самоубійства, покушенія на самоубійства и пр. среди учащихся учебныхъ заведеній м-ва народн. просвѣщенія въ 1906 г. Спб. 1907 г.

1907 г.—40. Наконецъ, по нашимъ даннымъ, за 28 мѣсяцевъ съ іюня 1905 г. до октября 1907 г., было записано самоубійствъ и покушеній среди учащихся 147, по 5,25 случая въ мѣсяцъ, а за послѣдніе 13 мѣсяцевъ съ октября 1907 г. до ноября 1908 г. 248, или по 19 случаевъ въ мѣсяцъ, т. е. слишкомъ въ $3^1/_2$ раза больше. По нашимъ общерусскимъ даннымъ, изъ 395 случаевъ среди учащихся 178—45% приходится на высшія учебныя заведенія, 166—42% на среднія и 51—13,0% на остальныя учебныя заведенія.

Возрастный составъ самоубійцъ по обще-русскимъ даннымъ показанъ только у 1968 лицъ:

Возрастъ.	%
8—14 лѣтъ	4,0
15—20 »	38,1
21—25 »	17,9
26—30 »	13,4
31—40 »	11,7
41—50 »	7,3
51—90 »	7,6

Зараза самоуничтоженія захватила всѣ возрасты, отъ 8-лѣтняго дѣтскаго до самой глубокой старости (записаны 2 по 8 лѣтъ, 2 по 80 и 1 даже 90 лѣтъ). Значительное большинство самоубійцъ набирается изъ молодежи, до 25 лѣтъ; группа средняго возраста отъ 26 до 50 лѣтъ дала 32,4%, а на группу стариковъ свыше 50 лѣтъ приходится 7,6%. Значитъ, наклонность къ самоубійству неуклонно возрастаетъ до 25 лѣтъ, главная масса самоубійствъ между 15—25 годами, а съ 26 лѣтъ число самоубійствъ начинаетъ болѣе или менѣе быстро падать. То же самое наблюдается въ Петербургѣ и Одессѣ. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ самоубійцы за 1904—07 гг. распредѣлены только по тремъ крупнымъ группамъ:

	Въ процентахъ.		
	Всего.	Мужч.	Женщ.
До 20 лѣтъ	17,5	12,5	26,0
20—50 лѣтъ	78,0	82,0	71,0
Свыше 50 лѣтъ	4,5	5,5	3,0

Слѣдуетъ отмѣтить существенное различіе между полами, что подтверждается данными по Россіи и Одессѣ,—среди женщинъ покушается гораздо болѣе юныхъ, а именно изъ мужчинъ на группу до 20 лѣтъ приходится только 12,5% всѣхъ, а изъ женщинъ слишкомъ вдвое болѣе—26%. Столичныя данныя указываютъ также на значеніе возраста для исхода самоубійствъ: въ первой, молодой группѣ окончательно покончившіе съ собой составляютъ 30%, во второй группѣ отъ 20 до 50 лѣтъ этотъ процентъ поднимается до 48%, и, наконецъ, въ старой группѣ покушенія закончились смертью въ 72%. Эти различія въ исходахъ вполнѣ понятны: по-

кушенія молодыхъ рѣже бываютъ обдуманными, мысль объ нихъ возникаетъ иногда вдругъ, подъ вліяніемъ аффектовъ, и въ это время подъ руками можетъ не быть необходимыхъ средствъ. Наиболѣе юная молодость и дѣти часто не знаютъ также вѣрныхъ способовъ для самоубійства.

По годамъ процентъ самоубійцъ и покушавшихся въ возрастѣ до 20 лѣтъ измѣнялся въ Петербургѣ такъ:

1904 г.	17,0%
1905 »	13,5 »
1906 »	16,0 »
1907 »	21,0 »

Судя по этимъ даннымъ, молодежь проявила особую чувствительность къ общеполитическимъ условіямъ, о которыхъ намъ пришлось говорить въ началѣ и реагировала на нихъ сильнѣе, чѣмъ другіе возрасты.

Если мы обратимся къ болѣе давнимъ временамъ, то самоубійства дѣтей и юношей были минимальны; такъ въ Петербургѣ за 10 лѣтъ съ 1869—1878 гг. было записано только 57 самоубійствъ въ возрастѣ отъ 8 до 16 лѣтъ, т. е. по 5,7 случая въ годъ; а за 8 мѣсяцевъ минувшаго года на группу отъ 10 до 17 лѣтъ приходится уже 85 человѣкъ (изъ нихъ 50 женщинъ). Судя по этимъ даннымъ 1908 г. долженъ былъ превзойти слишкомъ вдвое все указанное десятилѣтіе.

Въ Одессѣ, какъ и по общерусскимъ даннымъ, болѣе 60% всѣхъ самоубійствъ приходится на молодыя группы, до 25 лѣтъ, при чемъ и здѣсь женская молодежь болѣе склонна къ покушенію на свою жизнь, чѣмъ мужская. Изъ всѣхъ мужскихъ покушеній на возрастъ 16—25 лѣтъ приходится 51%, а изъ женскихъ около 70%. Такимъ образомъ, всѣ данныя приводятъ къ одному и тому же выводу: большинство покушеній падаетъ на молодежь вообще и на женскую въ особенности.

Вопросъ о *причинахъ* самоубійствъ является всегда наименѣе изслѣдованнымъ, такъ какъ умершіе очень часто уносятъ съ собой тайну своего ужаснаго конца, а остающіеся въ живыхъ нерѣдко отказываются говорить о томъ, что побудило ихъ покушаться на свою жизнь. Въ собранныхъ нами изъ газетъ общерусскихъ данныхъ причины указаны только въ 2340 случаяхъ. Больше всего приходится самоубійствъ на *безработицу и нужду*—629 человѣкъ (изъ нихъ 21 покончили съ собой отъ голода въ деревняхъ), т. е. 26,9% всѣхъ извѣстныхъ случаевъ. Угнетающее вліяніе нужды и безработицы непрерывно и быстро возрастаетъ и съ каждымъ годомъ все большее и большее число жертвъ увлекаетъ въ могилу; такъ съ іюня 1905 г. до 1907 г. нами записано только 34 самоубійства отъ этой причины, въ 1907 г. покончило съ собой 195 человѣкъ, почти въ 6 разъ больше, и 10 мѣсяцевъ 1908 года

унесли уже 500 жизней нуждающихся классовъ, при чемъ по мѣсяцамъ эти самоубійства почти непрерывно растутъ, и трудно предвидѣть конецъ этой эпидеміи самоуничтоженія среди голодныхъ.

Вторая группа самоубійствъ *политическихъ*, заключаетъ 585—25°/$_0$ всѣхъ случаевъ. Подраздѣленія этой группы таковы: при арестахъ, обыскахъ, задержаніи покушалось и покончило съ собой 213 лицъ, въ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія было 169 случаевъ, послѣдствія войны вызвали 9 покушеній, и, наконецъ, всѣ остальныя политическія и общественныя условія послѣднихъ лѣтъ стоили жизни 194 лицамъ, среди которыхъ было большое число представителей власти, арміи и полиціи. Въ политическихъ самоубійствахъ довольно рѣзко выдѣляются двѣ волны; одна волна подъема движенія 1905 и первой половины 1906 года уносила преимущественно представитетелей власти, отчаявшихся въ возможности сохраненія старыхъ порядковъ и не могшихъ приспособиться къ новымъ требованіямъ. Лучшимъ выразителемъ чувствъ этой группы является генералъ Ковалевъ, застрѣлившійся потому, что не могъ «отдавать свою душу и честь на публичную оцѣнку разныхъ «частныхъ обвинителей» и «гражданскихъ истцовъ»,—Боже упаси, лучше смерть!» Вторая волна самоуничтоженія началась съ половины 1906 г. и выхватываетъ всевозможныхъ и преимущественно молодыхъ представителей протеста и борьбы, не могущихъ примириться съ крушеніемъ всѣхъ своихъ надеждъ и съ возвратомъ старыхъ порядковъ.

Третья группа причинъ довольно сложная и запутанная, всего правильнѣе назвать ее группой *«болѣзненныхъ состояній»*. Въ ней насчитывается 344 случая—14,6°/$_0$, а именно: всевозможныя болѣзни вызвали 162 покушенія, «жизнь надоѣла»—95, пьянство и нетрезвое состояніе 85, боязнь холеры 2.

Четвертая группа, *романическая*, обнимаетъ 269—11,5 всѣхъ случаевъ. Ее можно раздѣлить на двѣ подгруппы: *собственно романическую*—неудачная любовь, ревность, отказъ въ рукѣ, разочарованіе въ чувствѣ любви и пр. 220 самоубійствъ; *половую*—половыя насилія, обманъ въ этой области, безсиліе и пр. 49 случаевъ.

На пятую группу *семейныхъ отношеній* приходится 249 покушеній — 10,8 всѣхъ случаевъ, а именно семейныя несогласія, недоразумѣнія, ссоры 217, тоска по родинѣ и роднымъ 32. Шестая группа составляется изъ различныхъ *служебныхъ взаимоотношеній* и насчитываетъ 172 самоубійства — 7,3°/$_0$ всѣхъ; сюда отнесены разстройства дѣлъ 65, растраты 48, непріятности по службѣ 31, дурное обращеніе хозяевъ 25, неудачная операція со стороны врачей 3. Наконецъ, послѣдняя седьмая группа—различныхъ *школьныхъ причинъ*: исключеніе, провалы на экзаменѣ, угроза начальства, боязнь наказанія, насмѣшки товарищей и пр.; въ эту группу относятся 92 покушенія — 3,9°/$_0$ всѣхъ случаевъ. Выше мы видѣли, что всѣхъ учащихся, покончившихъ съ собой,

записано 395; можетъ быть, въ смерти многихъ изъ нихъ виновата такъ или иначе тоже школа, но мы насчетъ послѣдней отнесли только тѣ 92 случая, гдѣ опредѣленно указана одна изъ вышеуказанныхъ причинъ.

По Петербургу мы нашли указаніе причинъ самоубійства только въ 469 случаяхъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ минувшаго года. Въ нисходящемъ порядкѣ эти причины идутъ такъ: пьянство и нетрезвое состояніе 197 (167 мужч., 82 жен.), безработица и нужда 92 (50 и 42), семейныя непріятности и ссоры 56 (31 и 25), разочарованіе въ жизни, тоска 40 (19 и 21), романическія 33 (18 и 15), болѣзни 28 (18 и 10), служебныя неудачи 12 (5 и 7), оскорбленія 9 (1 и 8), провалъ на экзаменѣ 2 (1 и 1). По поводу огромнаго числа покушеній, отнесенныхъ на пьянство и нетрезвое состояніе, невольно является вопросъ: кто и гдѣ регистрируетъ причины самоубійствъ, и почему, если водка въ этомъ отношеніи играетъ выдающуюся роль, наблюдается такая огромная разница по мѣсяцамъ: въ маѣ и іюнѣ пьянство показано причиной въ 5 и 8 случаяхъ, а въ іюлѣ и августѣ въ 45 и 51 случаяхъ? При постоянствѣ такого явленія, какъ пьянство, едва-ли могутъ быть такія рѣзкія колебанія въ его вліяніи на число самоубійствъ, и при томъ на короткомъ промежуткѣ времени въ 1—2 мѣсяца. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ опьянѣніе является только сопутствующимъ явленіемъ, какъ видно изъ не разъ встрѣчавшихся въ хроникѣ газетъ заявленій оставшихся въ живыхъ самоубійцъ: «выпилъ, чтобы не такъ страшно было». Вѣроятно, въ дѣйствительности, такъ и происходитъ, что нуждающійся безработный, продавши что-либо съ себя, напивается ради храбрости и кончаетъ съ своей горемычной жизнью. Вотъ записка, оставленная неизвѣстнымъ мужчиной, повѣсившимся у дер. Ильинки Бронницкаго у. («Рѣчь», № 181): «Жить тяжело, средствъ нѣтъ, мѣста нѣтъ, дѣваться некуда. Богъ меня не осудитъ, не осудите и вы, добрые люди, и предайте мое тѣло землѣ. Не узнавайте, кто я, скажу только, что христіанинъ. Передъ смертью я *немножко выпилъ, а то такъ накладывать на себя руки страшно*». Развѣ въ этомъ случаѣ, пьянство—причина самоубійства?

Врачъ **Д. Жбанковъ.**

Хроника внутренней жизни.

1. Не выдержали экзамена. Проектъ о перемѣнѣ запряжки. Совѣтъ министровъ съ точки зрѣнія политической благонадежности. Купцы и „барчуки". Эпоха семейныхъ потасовокъ.—2. Купцы и барчуки на мѣстахъ. Предстоящіе земскіе выборы. Выборы въ городахъ.—3. Какъ землю укрѣпляли и что изъ этого вышло. Тихое отступленіе. Состоится ли походъ противъ „свода законовъ межевыхъ"?—4. Въ гоголевскіе дни.

Пасхальнымъ вакаціямъ Думы предшествовалъ цѣлый рядъ крупныхъ непріятностей для правительства и его «большинства». Уже не враги, а своя родственная и дружественная среда стала обнаруживать разочарованіе, раздраженіе, озлобленное до весьма безцеремонной несдержанности въ выраженіяхъ. Даже кн. Мещерскій послалъ правымъ обвиненіе въ глупости и невѣжествѣ.

Почему,—спрашивалъ онъ въ „Гражданинѣ",—такъ жалки и мизерны правые въ нашей Государственной Думѣ? Кричать: „гимнъ", безстрашно ругать революціонеровъ, доносить на нихъ, апплодировать звукамъ и министрамъ—это ихъ дѣло, и на это они мастера; но знать жизнь, изучать народныя нужды—этого они не умѣютъ *).

Послушавъ такого виднаго представителя правыхъ, какъ депутатъ Марковъ II, на съѣздѣ объединеннаго дворянства, кн. Мещерскій счелъ своимъ долгомъ признать, что этотъ лидеръ цѣлой группы правительственнаго большинства просто пародируетъ Козьму Пруткова:

Одна эта картина,—возмущался старый издатель „Гражданина",—чего стоитъ: что по всей Россіи у деревенскихъ мальчишекъ нѣтъ штанишекъ и нѣтъ молока—это не бѣда, за то эта же Россія вывозитъ все болѣе и болѣе молочныхъ продуктовъ, и этотъ вывозъ доказываетъ, что Россія не погибаетъ, а богатѣетъ!.. **)

Объединенное дворянство—главное свѣтило праваго созвѣздія. Оно свѣтитъ. Другіе, въ родѣ союза русскаго народа или союза Архангела Михаила, получаютъ свой свѣтъ отсюда и во многихъ отношеніяхъ играютъ чисто служебную, вспомогательную роль. Но и это главное свѣтило подверглось жестокимъ нареканіямъ. «Съ такими рѣчами,—писалъ, напр., «Свѣтъ»,—выступали на съѣздѣ нѣкоторые члены, что просто ушамъ не вѣрилось».

— Что вы говорите о мясномъ голодѣ? Русскій народъ мяса не ѣстъ. Его ѣстъ нѣмецъ, и потому онъ такой опухшій.

— Какое тамъ раззореніе!—говоритъ другой,—повсюду идетъ постройка, ярмарки торгуютъ бойко, продажа скота даетъ доходы...

---

*) Цит. по „Саратовскому Листку", 26 февраля.

**) Цит. по „Новой Руси", 23 февраля.

...Другіе начинаютъ утверждать, что снятое молоко не хуже цѣльнаго, и что зажиточность крестьянъ растетъ.

...Наконецъ, когда одинъ изъ ораторовъ цинически заявилъ, что вся бѣда въ томъ, что мужикъ лѣнтяй ...одинъ изъ членовъ съѣзда не выдержалъ и крикнулъ: „стыдно"! *).

Выступая съ довольно рѣзкою статьею противъ предполагаемой «политики премьеръ-министра Маркова», «С.-Петербургскія Вѣдомости» находятъ, что все вообще правительственное большинство вмѣстѣ съ «нѣкоторыми сановниками», въ концѣ-то концовъ, пожалуй, не лучше правыхъ. Во всемъ поведеніи «современныхъ людей власти и силы», особенно же октябристовъ, газета видитъ:

трусость, прятанье головъ въ песокъ, игру крапленными картами, подползаніе, подлизываніе, ложь всенародную, ложь историческую, введеніе въ обманъ монарха и народа... Эти жонглеры принципа обращаются съ великой страной, какъ съ малымъ дитятею, котораго обманомъ заставляютъ глотать лѣкарства... Коллективный русскій разумъ ясенъ, чистъ, упругъ и честенъ. Это, кажется, упустили изъ виду иные высокодаровитые сановники и ихъ пособники изъ общества. Они третируютъ этотъ коллективный русскій умъ, какъ quantité nègligeable; они считаютъ всѣхъ, кто не они, пушечнымъ мясомъ. Это презрѣніе къ всенародному разуму, къ общественной логикѣ ..къ душевному равновѣсію страны составляетъ отличительную черту современныхъ людей власти и силы. Во имя этого презрѣнія къ другимъ и увѣренности къ себѣ во имя самообожанія и самообсасыванія протянулись другъ къ другу руки именитаго русскаго купечества, родовитаго дворянства и лукаваго, пережившаго все и всѣхъ чиновничества (Цит. по „Смоленскому Вѣстнику", 5 марта).

«Пособники» порою киваютъ на министра. Въ частности, октябристы не прочь кивнуть въ сторону, напр., г. Коковцова:

Ну, а вы, господа, — посылаютъ имъ окрикъ „С.-Петербургскія Вѣдомости"—вы выдумали что-нибудь?.. Вы скромно дожидались закона 3 іюня, чтобъ проникнуть въ Думу, чтобъ укрыться подъ крыло власти... Вы пришли къ намъ, когда мы побѣдили, когда вамъ опасность уже не угрожала. И что же вы сдѣлали? Чѣмъ помогли намъ? (Цит. по „Смол. Вѣст.", 26 февраля).

Это, какъ будто, ужъ черезчуръ. Семейка 3 іюня была и остается союзомъ активной борьбы съ революціей. Искоренять крамолу «пособники» помогаютъ. И окрикъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» можетъ быть принятъ лишь съ оговоркою, что хотя мы искореняемъ старательно, и конца искорененію не видно, однако, нищета растетъ до опасныхъ для правящихъ сферъ предѣловъ, денегъ нѣтъ, флота нѣтъ, а относительно сухопутной арміи раньше говорили про недостатки артиллерійскаго и крѣпостного снаряженія, а теперь «Новое Время» и «Голосъ Москвы» стали сомнѣваться даже въ состояніи пѣхотныхъ ружей, при чемъ послѣдняя газета заявила, что продолжаетъ сомнѣваться, несмотря на успокоительныя завѣ-

*) Цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 23 февраля.

ренія военнаго вѣдомства... Усмиреніе идетъ своимъ чередомъ. Но «дѣла нашей имперіи» день отъ дня хуже. Никакого улучшенія не предвидится. И въ этомъ смыслѣ вся вообще семейка 3 іюня, безъ различія сановниковъ и пособниковъ, горю не помогла, экзамена не выдержала. На всю семейку и падаютъ нареканія. И давятъ, конечно, не газетныя статьи. Давитъ общее сознаніе, котораго не чужды сами третьеіюньцы, что надежды, помимо искоренительныхъ, ни на іоту не оправданы; наоборотъ, даже хуже вышло, и все врозь ползетъ. И какъ свойственно проваливающимся на экзаменѣ, люди начинаютъ нервно переступать съ правой ноги на лѣвую и «поправляться». Октябристы стали даже больше прежняго разговаривать «въ лѣвомъ духѣ». Передъ разъѣздомъ на пасхальныя каникулы высказались даже о смертной казни въ смыслѣ условнаго неодобренія излишества. Но эти поправки, не удовлетворяя чужихъ, еще болѣе раздражаютъ своихъ. Между тѣмъ, раздраженія и безъ того хоть отбавляй. Штука извѣстная: разъ дѣла плохи, компаньоны ссорятся, сваливаютъ вину другъ на друга, всѣ на одного и одинъ на всѣхъ,—пособники на сановниковъ, сановники на пособниковъ, октябристы на правыхъ, правые на октябристовъ... А такъ какъ горю-то ничѣмъ они помочь, оставаясь самими собою, не могутъ, то къ этимъ, собственно, большимъ и малымъ семейнымъ потасовкамъ и свелась дѣятельность компаньоновъ. Это, главнымъ образомъ, и есть нынѣ наши внутреннія событія.

Помимо разныхъ личныхъ столкновеній и инцидентовъ (то Хомяковъ—Марковъ, то Пуришкевичъ—Гучковъ), такимъ внутреннимъ событіемъ былъ, напримѣръ, проектъ о перемѣщеніи правительственнаго центра, или—точнѣе,—о замѣнѣ октябристовъ «умѣренными правыми», а г. Гучкова г. Балашевымъ. Правительственное большинство въ Думѣ тройственно,—правые, умѣренно правые и октябристы; при чемъ обязанности коренника исполняетъ лѣвая пристяжная—октябристы. Такая запряжка, несомнѣнно, представляется нѣсколько искусственной. И весь проектъ, какъ бы, выражалъ ту мысль, что если сообразоваться съ законами природы, то коренникъ и долженъ быть коренникомъ, а пристяжная — пристяжной. Газеты заговорили о томъ, что къ думской фракціи умѣренно-правыхъ предполагается привлечь новыя силы; что будетъ начата отъ ея имени пропаганда въ странѣ, что, наконецъ, и это самое главное, правительство въ эту именно группу перенесетъ центръ тяжести... Эта пародія на крыловскій «Квартетъ» нѣкоторое время служила предметомъ газетнаго шума и волненій... Впрочемъ, довольно скоро исчезла.

Еще болѣе крупнымъ событіемъ внутренней жизни передъ пасхальными каникулами былъ натискъ правыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ на г. Столыпина или даже на весь «кабинетъ» по поводу одного стараго законопроекта. Еще въ ту пору, когда думская коммиссія государственной обороны была новинкой, вопросъ о

возрожденіи военнаго и въ особенности морского могущества принялъ характеръ вѣдомственныхъ пререканій между властью гражданской и высшими органами власти военной. Въ этой «борьбѣ» г. Столыпину дѣятельную помощь оказывали октябристы вообще и г. Гучковъ въ особенности. Послѣдній такъ громилъ непорядки морского вѣдомства, что одно время юмористическіе журналы произвели его въ чинъ адмирала. Какъ извѣстно, въ прошломъ году эти вѣдомственные споры получили въ Думѣ довольно острый оттѣнокъ, особенно когда г. Гучковъ «съ думской трибуны» «позволилъ себѣ» поименно назвать нѣкоторыхъ высокихъ особъ въ непріятномъ сопоставленіи... И вотъ еще въ ту пору одинъ мелкій по суммѣ (всего 50.000 р.) законопроектъ о морскомъ генеральномъ штабѣ послужилъ поводомъ для контръ-атаки противъ предсѣдателя совѣта министровъ. Въ Думѣ законопроектъ былъ принятъ. Государственный Совѣтъ, гдѣ нашли опору высшіе органы военной власти, 3 іюля 1908 г. отклонилъ самое обсужденіе законопроекта о морскомъ генеральномъ штабѣ, находя, что этотъ вопросъ не подлежитъ компетенціи законодательныхъ учрежденій. Т. е. совѣту министровъ было предъявлено прямое обвиненіе въ небрежномъ отношеніи къ правамъ короны.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ думскихъ рѣчей о состояніи арміи и флота, это обвиненіе было въ особенности непріятнымъ. Согласиться съ постановленіемъ Государственнаго Совѣта значило бы признать правильность не только даннаго, но и другихъ нареканій, между прочимъ и по поводу поименнаго указанія г. Гучкова на высокихъ особъ. Законопроектъ еще разъ былъ направленъ въ Думу, еще разъ прошелъ въ ней, и еще разъ попалъ въ Совѣтъ. И положеніе послѣдняго было бы не очень завидно. Сравнительно просто было говорить о небрежности и недосмотрѣ «кабинета» по отношенію къ правамъ короны. Но когда законопроектъ представленъ вторично, отстаивать прежнюю точку зрѣнія значило бы обвинять нынѣшній совѣтъ министровъ въ умышленномъ, сознательномъ стремленіи ослабить самодержавіе, въ умышленной, сознательной защитѣ конституціонныхъ вольностей. Въ такую полемику противъ здраваго смысла трудно вступать, не рискуя попасть въ смѣшное положеніе. И будь все попрежнему, какъ въ тотъ моментъ, когда законопроектъ вторично направлялся въ Думу, г. Столыпинъ могъ бы заранѣе торжествовать побѣду. И оно все попрежнему, кромѣ маленькаго перелома въ психологіи. «Высокодаровитые сановники», прежде чтимые и ласкаемые по преимуществу и главнымъ образомъ за ревностное искорененіе крамолы, теперь обсуждаются также съ точки зрѣнія экономическаго упадка, финансовыхъ недуговъ, «чаши скорби и униженія», испитой по случаю австро-сербскаго конфликта, и разныхъ другихъ непріятностей. Полгода назадъ г. Столыпинъ былъ тріумфаторомъ безспорнымъ. Онъ и теперь тріумфаторъ въ глазахъ высшихъ круговъ, но уже на его

тріумфаторской репутаціи лежитъ оттѣнокъ нѣкотораго разочарованія:

— А все-таки въ области, напр., внѣшняго могущества и другихъ «положительныхъ задачъ» ничего, въ сущности, не далъ... И впереди надеждъ не внушаетъ.

Этотъ оттѣнокъ разочарованія облегчалъ положеніе совѣтской правой. Къ ней присоединился, между прочимъ, гр. Витте, считающій себя обязаннымъ, какъ онъ самъ объяснилъ, отстаивать прошлогоднюю точку зрѣнія. И оно понятно. Если неловко настаивать на обвиненіи, что г. Столыпинъ умаляетъ самодержавіе, то вѣдь неловко и отказываться отъ этого обвиненія, разъ оно высказано. Силы были мобилизованы, и сраженіе происходило въ теченіе двухъ дней: 18 и 19 марта. Лучшіе юристы Совѣта съ несомнѣнностью доказали, что данный законопроектъ подлежитъ компетенціи законодательныхъ учрежденій. Гр. Витте и его товарищи въ свою очередь доказали, что данный законопроектъ не меньше другихъ могъ быть изъятъ изъ вѣдѣнія Думы и Совѣта. И въ самомъ дѣлѣ,—странно подходить съ юридической аргументаціей къ такимъ государственнымъ дѣятелямъ, какъ г. Столыпинъ, осуществившій знаменитую, единственную въ своемъ родѣ «разъяснительную» практику сената, осуществившій избирательный законъ 3 іюня, и многое другое, столь же юридически обоснованное... Шаги такого дѣятеля приходится, конечно, оцѣнивать, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія ихъ политическаго существа. И комизмъ положенія противниковъ г. Столыпина заключался лишь въ томъ, что именно политическаго существа, серьезнаго и стоющаго, они и не могли найти. Правда, г. П. Н. Дурново говорилъ о возможности «расшатать тѣ устои, на которыхъ покоится у насъ могущество государства». Гр. Витте угрожалъ, что русская армія превратится въ «армію случайностей и диллетантизма». Но это по отношенію къ г. Столыпину до того страшно, что даже и оттѣнка правдоподобности не сохранило...

Словомъ, съ какой стороны ни догадывайся, почему г. Столыпинъ рѣшилъ въ данномъ случаѣ поступить по закону и направить законопроектъ о морскомъ генеральномъ штабѣ въ Думу, настоящаго обвинительнаго матеріала не получишь. Сколько ни раздувай, видимо, случайный шагъ, а все-таки онъ—мелочь, которую раньше едва ли сочли бы достойной особаго вниманія и только теперь, когда репутація третьеіюньцевъ пошатнулась, изъ этого случайнаго шага могло выросги «большое событіе». Въ Государственномъ Совѣтѣ правительству кое-какъ удалось провести законопроектъ, да и то большинствомъ всего 12 голосовъ, изъ коихъ 7 подано членами совѣта министровъ. Правая не добрала очень немного голосовъ, чтобъ провести снова прошлогоднее рѣшеніе, которое, по русскимъ условіямъ, было бы на сей разъ равносильно обвиненію «кабинета Столыпина» въ политической неблагонадеж-

ности. Изъ Совѣта борьба перешла въ «сферы», гдѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, нашлась болѣе правдоподобная аргументація: изъ пустого, дескать, самолюбія, единственно, чтобъ поставить на своемъ, г. Столыпинъ пренебрегъ прерогативами короны... Когда я пишу это, «событіе» все еще не ликвидировано, хотя газеты уже около мѣсяца говорятъ о близости отставки г. Столыпина именно изъ-за этого самаго «событія», въ уровень съ которымъ по важности сумѣло на нѣкоторое время стать лишь столкновеніе г. Пуришкевича съ г. Гучковымъ на послѣднемъ передъ пасхальными каникулами засѣданіи Государственной Думы (19 марта).

Г. Пуришкевичъ, находя, что октябристы вообще содѣйствуютъ паденію внѣшняго могущества Россіи, такъ какъ «выносятъ соръ изъ избы», заявилъ:

«Намъ, правымъ, не нуженъ хлопчатобумажный патріотизмъ Гучкова».

Г. Гучковъ не менѣе задорно отвѣтилъ:

Хлопчатобумажный патріотизмъ—это то, что мнѣ не хотятъ простить эти господа,—что я купеческаго происхожденія; чтобъ дать имъ матеріалъ для новыхъ остротъ и подогрѣть ихъ остроуміе, я скажу: я не только сынъ купца, но и внукъ крестьянина, который изъ крѣпостныхъ людей выбился въ люди своимъ трудолюбіемъ и своимъ упорствомъ. Въ моемъ хлопчатобумажномъ патріотизмѣ вы, можетъ быть, найдете отзвукъ другого патріотизма, патріотизма черноземнаго, мужицкаго, который знаетъ цѣну такимъ барчукамъ, какъ вы *).

«Барчуки», разумѣется, попали дальше той цѣли, какую могъ представлять собою лично г. Пуришкевичъ или руководимая имъ группа. И естественно, что они «были встрѣчены,—какъ свидѣтельствуетъ референтъ «Рѣчи»—бурными аплодисментами оппозиціи, тогда какъ «дворянская половина Думы» выслушала ихъ «молча и холодно»... **) Черезъ нѣсколько дней интимно близкій къ г. Гучкову «Голосъ Москвы» выступилъ противъ барчуковъ съ не менѣе задорной замѣткой. Двусмысленно и задорно заглавіе замѣтки: «Дворянинъ—не гражданинъ». Столь же задоренъ и текстъ. Барчуки,—пишетъ «Голосъ Москвы»

главнымъ образомъ, негодуютъ на то, что ихъ безконтрольному барскому хозяйничанью въ народномъ дѣлѣ положенъ конецъ... Забывая уроки исторіи, они считаютъ патріотизмъ принадлежностью касты... На такое клеветническое утвержденіе, какъ показалъ Марковъ II, можетъ быть способенъ дворянинъ, или, лучше сказать, выродокъ изъ дворянъ. Но такой дворянинъ не можетъ быть признанъ ни гражданиномъ, ни патріотомъ, ни русскимъ. Онъ только—дворянинъ ***).

Умышленно или нечаянно, октябристская газета открыла, такимъ образомъ, пальбу и по дворянской половинѣ «союза 17 ок-

*) Засѣданіе Государственной Думы 19 марта. Цит. по «Рѣчи
**) «Рѣчь». 20 марта.
***) «Голосъ Москвы», 25 марта.

тября»; задѣвая Марковыхъ и Бобринскихъ, эта стрѣла не летитъ мимо, напр., дворянина г-на Родзянко, доселѣ исполнявшаго обязанности вице-Гучкова при фракціи октябристовъ. По случаю пасхальнаго разъѣзда и отдыха семейная перебранка по этой линіи не могла развиться. Но «событіе» все-таки было. И продолженіе, навѣрное, будетъ.

И что характерно! Часто эти «событія» призраку подобны. Но порою въ нихъ есть несомнѣнное отраженіе событій настоящихъ, большихъ, сложныхъ. Взять ту же хотя бы выходку г. Пуришкевича насчетъ хлопчатобумажнаго патріотизма. Она не совсѣмъ зря родилась. Дѣло въ томъ, что какъ разъ во время подготовительныхъ работъ Государственнаго Совѣта на предметъ сужденій о конституціонныхъ замыслахъ г. Столыпина бурно развивался австро-сербскій конфликтъ, во время котораго оффиціальной Россіи приходилось испивать, по фигуральному выраженію «Голоса Москвы», «чашу скорби и униженій». И какъ разъ передъ сужденіями Совѣта на означенную тему, «намъ» пришлось согласно дружественному по формѣ, но категорическому по существу «письму изъ Берлина», признать присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи, чѣмъ и былъ положенъ конецъ острому моменту конфликта. «Поступили согласно приказанію изъ Берлина»,—такой это имѣло смыслъ. По этому поводу, между прочимъ, «Голосъ Москвы» заговорилъ о «паденіи и внѣшнемъ безчестьѣ Россіи», объ уязвленномъ національномъ самолюбіи, объ оскорбленномъ чувствѣ патріотизма. Соотвѣтственно реагировала на событія, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, и депутатская среда. «Насъ привели къ нравственному самоубійству»,—заявилъ, напр., г. Хомяковъ... *) 19 марта какъ разъ обсуждалась смѣта военнаго министерства. Г. Гучковъ въ качествѣ докладчика упомянулъ о «тяжелыхъ дняхъ новаго національнаго траура, который мы пережили»... Ну, вотъ г. Пуришкевичъ и возразилъ:

— Патріотизмъ Гучковыхъ намъ не нуженъ.

Оставимъ въ сторонѣ, какую цѣну имѣетъ «патріотизмъ Гучковыхъ». Произошло во всякомъ случаѣ европейское событіе, такъ или иначе задѣвающее попросъ о «престижѣ Россіи». И развѣ, повторяю, не характерно,—правительственное большинство публично и дѣйственно реагировало на него прежде всего семейной потасовкой...

Какъ разъ во время пасхальныхъ вакацій обострились событія въ Турціи, которыя едва ли обойдутся безъ международныхъ дипломатическихъ осложненій. Послѣднія могутъ задѣть все тотъ же вопросъ о нашемъ внѣшнемъ престижѣ. И если это случится, я не знаю, чѣмъ сможетъ реагировать на него правительственное большинство, кромѣ семейной потасовки. Другое дѣло, если-бъ можно

*) «Голосъ Москвы», 17 марта.

было защищать престижъ силою оружія. Тогда ничто не мѣшало бы г. Хомякову снова поцѣловаться съ г. Пуришкевичемъ и единодушно объявить: «заложимъ женъ и дѣтей»... Ну, а разъ защищать нечѣмъ, и смотрятъ на тебя косо, словно ты-то и есть причина непріятности,—не до поцѣлуевъ тутъ; поневолѣ кусаться начнешь.

И какія, скажите, у «насъ» могутъ быть большія, интересныя событія, кромѣ семейной потасовки? Чѣмъ «намъ», въ самомъ дѣлѣ, интересоваться? Опять заиграть въ большую великодержавную политику? А рессурсы гдѣ? «усмиреніемъ Россіи»? Военно-полевая политика казалась чудомъ искусства лишь сызнова. Теперь мы можемъ перефразировать Грибоѣдова: «Чтобъ вѣшать и въ тюрьму сажать, кому ума не доставало?» Кандидатами на этотъ родъ занятій теперь хоть прудъ пруди... Или, можетъ быть, интересоваться проектами правительственно-думскихъ «реформъ»? Но всего меньше могутъ этими реформами обольщаться тѣ, кому сейчасъ, прежде всего, нужны: во-первыхъ—престижъ, во-вторыхъ—деньги...

Въ калейдоскопѣ лицъ и настроеній со временъ «разгона первой Думы», прочную позицію до послѣдняго времени занималъ г. Столыпинъ. Онъ былъ герой уже потому, что съ самаго начала взялъ на себя отвѣтственность за этотъ «разгонъ». А затѣмъ у него всегда хватало геройства ни передъ чѣмъ не останавливаться. Одно время, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ 3 іюня, онъ почти совсѣмъ казался русскимъ Бисмаркомъ. «То было реннею весною»... Теперь «мы» видимъ разницу. Бисмаркъ—«мы» это хорошо знаемъ—усмиряя крамолу, создалъ внѣшнее могущество Германіи. А г. Столыпинъ—только «усмиряя крамолу»... Придаточное предложеніе безъ главнаго. Такой же онъ, какъ и всѣ «усмирители крамолы». И такъ же, какъ и всѣ, подлежитъ дѣйствію истинно-русскаго средства «сваливать министровъ». Это предразсудокъ, будто «сваливаютъ министерства» только въ настоящихъ парламентахъ. Въ нашей Думѣ и въ нашемъ Совѣтѣ это занятіе вполнѣ возможно; на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ министрахъ уже пробы сдѣланы. И у насъ оно, если хотите, даже легче, ибо и средство-то наше простецкое, немудреное,—воспользоваться вопросомъ, который самъ собой соскальзываетъ на плоскость изслѣдованія о политической благонадежности. А такихъ вопросовъ по русскимъ условіямъ, при желаніи, можно много найти. Вонъ посмотрите, что изъ 50.000 р. морского генеральнаго штаба вышло? Или—припомните, какой оборотъ былъ приданъ, казалось бы, невиннѣйшимъ мѣропріятіямъ относительно земства въ старинной полемикѣ Витте съ Горемыкинымъ... Впрочемъ, если вопросъ самъ собою не соскальзываетъ на эту плоскость, можно вѣдь и подтолкнуть... Стоитъ лишь исчезнуть обаянію геройства и связаннымъ съ этимъ обаяніемъ надеждамъ, а кандидата на вакантное пока въ нашемъ «парламентѣ» мѣсто русскаго «сокрушителя министерствъ» семейка 3 іюня найдетъ. И имена нашихъ премьеровъ

могутъ такъ же замелькать, какъ мелькаютъ имена «второстепенныхъ» министровъ, въ томъ числѣ даже военныхъ, въ «кабинетѣ г. Столыпина».

«Враги наши», пожалуй, скажутъ:

— Но вѣдь на западѣ смѣна премьеровъ означаетъ перемѣну политики. Тамъ это—событіе. Тамъ это вопросъ принципіальный. А наша замѣна г. Столыпина г-номъ Дурново или г-на Дурново г-номъ Столыпинымъ не столько событіе, сколько все та же семейная потасовка.

Ну, и пусть потасовка. Такая ужъ, видно, наша судьба. Обыкновенныя внутреннія событія—голодъ тамъ, что-ли, или тифъ,—дѣло скучное. Внѣшнія событія—что мы противъ нихъ можемъ? Усмиреніе идетъ само собою, чисто механически. Чувствуемъ мы себя не важно. Просвѣта впереди не видимъ. И отъ этого самаго раздраженія колотимъ другъ друга. И потасовки, въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя, считаемъ событіями.

II.

Печать не разъ пыталась видѣть въ думскихъ «событіяхъ» настоящія жизненныя событія. Попыталась она то же самое сдѣлать и съ «барчуками» г. Гучкова. Несомнѣнно, словечко характерное и живое. Живое уже потому, что идетъ по естественному водораздѣлу, коимъ «правительственное большинство» разграничиваетъ на «склонъ барскій» и склонъ «купеческій». Дѣло не только въ психологическихъ треніяхъ между этими двумя «основами существующаго строя». Мы сейчасъ увидимъ, что «купцамъ», независимо отъ психологіи, есть надобность свести кое-какіе счеты съ «барчуками». Но посмотрите, какъ мимолетна и случайна вспышка эта въ Думѣ. При обсужденіи смѣты военнаго министерства, и собственно ни къ селу ни къ городу, г. Пуришкевичъ бросаетъ: «хлопчатобумажный патріотъ», г. Гучковъ подаетъ реплику... Правда, тонъ г. Гучкова, какъ будто страстный, непреклонный: «черноземный патріотизмъ», «знаетъ цѣну такимъ барчукамъ». Такъ и кажется,—вотъ она черноземная сила,—заговорила. Но если отойти на минуту отъ думской реторики и вспомнить о томъ, что совершается въ жизни, то эта «черноземная сила» сразу получаетъ нѣсколько странное освѣщеніе.

«Въ текущемъ году, какъ извѣстно, предстоятъ выборы въ 14 земскихъ губерніяхъ». Сверхъ того, частью уже прошли, частью тоже «предстоятъ» выборы во многихъ крупныхъ городахъ. Какъ развернутся земскіе выборы,—покажетъ будущее. Пока извѣстны лишь кое-какія предварительныя мѣропріятія правительства. Между прочимъ, по свѣдѣніямъ «Слова», еще 22 декабря 1908 г. послѣдовало отъ департамента полиціи циркулярное, за № 69199, пред-

писаніе губернаторамъ: «въ виду резолюцій, вынесенныхъ на прошлогоднемъ съѣздѣ прогрессивныхъ земскихъ дѣятелей, строго слѣдить за дѣятельностью на выборахъ лѣвыхъ партій и по возможности предупреждать выборъ неблагонадежныхъ гласныхъ» *). И нѣкоторые губернаторы, напр., вятскій, уже почтили председателей земскихъ управъ секретными предложеніями—принять означенный «циркуляръ департамента полиціи къ свѣдѣнію и руководству» **).

Настоящія «лѣвыя партіи» могли бы угрожать по преимуществу при выборахъ земскихъ гласныхъ отъ крестьянской куріи, коей «указомъ 5 октября 1906 г. предоставлено право самостоятельнаго избранія». И мѣры пресѣченія и предупрежденія, направленныя въ эту сторону, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, благосклонно пріемлются и «октябристыми», и «правыми», и «барчуками», и «куппами». Не слышно было, чтобы этимъ огорчался въ частности и г. Гучковъ. А изъ того, что было во время выборовъ въ 3 Думу, мы положительно знаемъ, что онъ не огорчался. Теперь онъ вспомнилъ, что его дѣдъ крестьянинъ. Ну, и что же,—«черноземный», «мужицкій» патріотизмъ г. Гучкова, столь задѣтый согласіемъ русскаго правительства признать «аннексію Босніи и Герцоговины», задѣтъ также и приказомъ того же правительства, очевидно, угрожающимъ свободѣ мужицкихъ, черноземныхъ выборовъ?.. Знаете ли «мужицкій патріотизмъ»—слово тяжелое. Лучше ужъ, во избѣжаніе недоразумѣній, будетъ держаться первоначальнаго термина: патріотизмъ хлопчатобумажный.

Семейкѣ «пособниковъ» въ предстоящей кампаніи угрожаютъ еще «кадеты» и возлѣкадетская прогрессивная среда. Если губернаторы направятъ сюда свою энергію (а противъ «кадетъ» они ее, навѣрное, направятъ), хлопчатобумажный патріотизмъ г. Гучкова и барскій г. Пуришкевича ни униженія, ни вреда для отечества въ этомъ не почувствуютъ; по крайней мѣрѣ, прежде не чувствовали: ихъ патріотизмъ съ этой стороны былъ луженый. Бѣда лишь въ томъ, что у «барчуковъ» свое понятіе о неблагонадежности и политической «лѣвизнѣ». Я не помню, чтобы «Голосъ Москвы» возмущался, когда департаментъ полиціи предлагалъ принять рѣшительныя мѣры къ недопущенію «лѣвой печати» въ крестьянскую среду. Совсѣмъ другое дѣло, когда администрація къ числу «лѣвой печати» стала относить и октябристскіе органы. И «Голосъ Москвы», возмущаясь и негодуя, счелъ необходимымъ напечатать «совершенно секретное» распоряженіе ярославскаго губернатора земскимъ начальникамъ:

„Мною было предложено... слѣдить за тѣмъ, чтобы.. не высылались въ волостныя правленія газеты лѣваго направленія... Между тѣмъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, это мое требованіе не вполнѣ соблюдается, какъ, напримѣръ, выписываются газеты: „Биржевыя Вѣдомости“, „Голосъ Москвы“

---

*) Цит. по „Южной Зарѣ“, 14 марта.

**) Ibid.

(органъ октябристовъ и при томъ лѣваго направленія) и т. п. Въ виду сего... предлагаю... настоять на томъ, чтобы волостныя правленія... отнюдь не выписывали газетъ лѣваго направленія"... („Голосъ Москвы", 21 марта).

Видите ли, хотя и пишется въ «Голосѣ Москвы», будто «безконтрольному барскому хозяйничанью въ народномъ дѣлѣ положенъ конецъ», но понимать это надо наоборотъ. Настоящіе, большіе купцы и промышленники, сплотившіеся въ совѣтъ съѣздовъ промышленности и торговли, знаютъ, чѣмъ кончились ихъ старанія «улучшить» земское положеніе въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія представительства между «пособниками» изъ дворянъ и «пособниками» изъ «торгово-промышленнаго класса». Имъ прямо не отказали, даже пообѣщали, но самый вопросъ о предстоящей земской реформѣ оказался неожиданно поступившимъ на предварительное обсужденіе въ неожиданно возникшее плевенское совѣщаніе по мѣстнымъ дѣламъ, — въ руки «барчуковъ». Купцамъ поневолѣ пришлось вздохнуть: «подождемъ-съ, намъ не въ первой»... Во все время обсужденія земской реформы, барчуки и черезъ плевенскій совѣтъ и посредствомъ объединеннаго дворянства настойчиво проводили мысль о необходимости еще болѣе усилить не только въ земскихъ дѣлахъ, но и во всей системѣ мѣстнаго, и въ особенности уѣзднаго управленія власть «первенствующаго сословія». И по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ отвѣтъ на новое домогательство объ этомъ послѣ февральскаго съѣзда объединеннаго дворянства послѣдовало принципіальное согласіе «сферъ». Таковы перспективы у «купчишекъ» вообще. А у купчишекъ-октябристовъ есть и кое-какія дополнительныя указанія.

Органы октябристовъ взяты мѣстными властями на подозрѣніе. Взятъ на подозрѣніе и самый октябризмъ. Депутаты-священники, примкнувшіе къ нему, уже приглашались къ начальству для соотвѣтствующаго внушенія. И есть основаніе опасаться, что мѣры воздѣйствія во время предстоящихъ земскихъ выборовъ, по крайней мѣрѣ, мѣстами, какъ въ той же, напр., Ярославской губерніи задѣнутъ и октябристовъ. Одно только утѣшеніе: даже въ Ярославской губерніи начальство, навѣрное, сумѣетъ различить октябриста-дворянина отъ октябриста-купца...

Но это будущее. А на примѣрѣ городскихъ выборовъ мы имѣемъ опытъ недавняго прошлаго и настоящаго... Характерно, что на сей разъ на городскихъ выборахъ довольно явственно мѣстами лежалъ отпечатокъ сословной борьбы между «пособниками» власти: дворянствомъ и купечествомъ. Судя по свѣдѣніямъ «Голоса Москвы», особенно любопытно сложилось это въ Полтавѣ. Здѣсь, какъ выражался названный органъ, купцы вступили въ блокъ съ прогрессистами *), партійнаго же опредѣленія противниковъ этого блока «Голосъ Москвы» не дѣлалъ. Блокъ (послѣ отмѣны первыхъ

*) „Голосъ Москвы", 27 февраля.

выборовъ) потерпѣлъ пораженіе, но «купеческая партія» все таки сложилась и среди новыхъ гласныхъ. И выдвинула своего кандидата въ городскіе головы — «отставного полковника Зеньковскаго; онъ былъ побѣжденъ кандидатомъ противной партіи г-номъ Черненкомъ. И только тутъ «Голосъ Москвы» сообщилъ, что г. Черненко, во-первыхъ, членъ губернской земской управы, а во-вторыхъ, *октябристъ* *), а по свѣдѣніямъ харьковскаго «Утра», сверхъ того, и бывшій земскій начальникъ. Полтавскій случай, въ изложеніи «Голоса Москвы», кажется даже исключительно рѣзкимъ. Обыкновенно избирательная борьба, по внѣшности, имѣла видъ политическихъ разногласій внутри торговцевъ и домовладѣльцевъ, коимъ, согласно нынѣшнему Городовому Положенію, и предоставлены избирательныя права. Съ одной стороны, торговцы и домовладѣльцы «правые», «союзники», «черносотенцы», съ другой стороны, торговцы и домовладѣльцы «прогрессисты», предпочитавшіе, между прочимъ, называть себя въ Одессѣ «культурно-хозяйственной группой». Оттѣнокъ политическій какъ будто ясенъ. Однако, даже бѣглаго взгляда на характеръ кандидатуръ достаточно, чтобы убѣдиться, что политика тутъ особая, сложная. Въ спискѣ «культурно-хозяйственныхъ» кандидатовъ Одессы, напр., видное мѣсто занималъ недавній одесскій градоначальникъ генералъ Григорьевъ, котораго молва и «черносотенцы» считали даже вѣроятнымъ кандидатомъ въ городскіе головы. Или,—вятскіе «прогрессисты», несмотря на энергическое противодѣйствіе администраціи, провели въ городскіе головы г-на Шкляева, состоявшаго на государственной службѣ 37 лѣтъ, изъ коихъ онъ «около 20 лѣтъ занималъ мѣсто правителя канцеляріи губернатора непрерывно при 6 губернаторахъ...»**) Не менѣе, пожалуй, характерны кандидатуры «правыхъ». Въ той же Вяткѣ, напримѣръ, «монархисты» старались провести въ городскіе головы г-на Синцова, нынѣшняго городского голову, служащаго по назначенію отъ правительства. Т.-е., задача откровенно сводилась къ тому, чтобы одобрить выборъ начальства, удержать городское дѣло въ рукахъ испытаннаго ставленника чиновныхъ «барчуковъ». Въ Курскѣ «правые» при выборѣ гласныхъ одержали побѣду. И считали мѣсто городского головы обезпеченнымъ за своимъ кандидатомъ. Но предложенные ими кандидаты были таковы, что отъ нихъ отшатнулась даже часть избранныхъ союзниками гласныхъ, и большинство оказалось на сторонѣ «прогрессивнаго» кандидата г. Алехина, который, впрочемъ, состоялъ въ званіи члена управы и городского головы въ теченіе шести лѣтъ» ***). Въ Одессѣ въ черносотенномъ спискѣ «значительный процентъ трактирщиковъ и малограмотныхъ торговцевъ», вообще же «союзники» не рѣшились даже опубликовывать свой списокъ, «прежде

*) „Голосъ Москвы", 24 марта.
**) „Русск. Вѣдомости", 26 февраля.
***) „Рѣчь", 22 марта.

времени» и «по тактическимъ соображеніямъ» сохраняли его въ тайнѣ почти до самаго дня выборовъ... Мы лучше поймемъ этотъ характеръ списковъ съ точки зрѣнія «именитаго купечества», занимавшаго доселѣ въ городахъ хозяйскую позицію, если припомнимъ хоть мелькомъ нѣкоторыя фактическія обстоятельства.

Недавно въ одесскую, напр., городскую думу почти одновременно поступили два ходатайства: отъ мѣстнаго отдѣленія императорскаго техническаго общества и отъ нѣкоего бессарабскаго помѣщика г. Казиміра. Техническое общество, предполагая устроить «промышленную, художественную, ремесленную и сельско-хозяйственную выставку, просило отвести для этой цѣли Александровскій паркъ. Г. Казиміръ также желалъ устроить въ то же самое время собственную сельскохозяйственную выставку и также просилъ отвести подъ нее Александровскій паркъ. Сначала городская управа высказалась было за то, чтобъ предоставить паркъ техническому обществу, а г. Казиміру отвести другое мѣсто. Но тутъ выступилъ генералъ Толмачевъ съ письмомъ въ думу, въ коемъ высказывался за удовлетвореніе ходатайства г. Казиміра. «Дума постановила рѣшеніе согласно желанію генерала Толмачева». Бессарабскій «барчукъ» получилъ въ свое распоряженіе одинъ изъ лучшихъ уголковъ Одессы. Для техническаго же общества оставалось лишь «отказаться отъ устройства выставки», «за отсутствіемъ подходящаго мѣста» *). Соотвѣтственное значеніе имѣетъ, напр., кіевская «исторія» «частной гимназіи Валькера, влачившей, вслѣдствіе неудовлетворительной постановки дѣла, жалкое существованіе и предназначенной было къ закрытію». Учебный округъ попытался продать это покровительствуемое мѣстными «высокопоставленными лицами» частное предпріятіе городу. Но первоначально, «благодаря вліянію мѣстной печати, разъяснившей отцамъ города невыгодность пріобрѣтенія гимназіи Валькера и все неприличіе этой сдѣлки ...валькеровское дѣло провалилось». Тогда выступило какое-то «высокопоставленное лицо», пригласило «думскихъ заправилъ на чашку чаю». И послѣ «интимной бесѣды съ любезнымъ хозяиномъ» дума постановила пріобрѣсти гимназію отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, сохранивъ оклады жалованья за пристроенными при ней начальствомъ лицами **).

Давненько уже предпріимчивость оскудѣлыхъ барчуковъ ищетъ мѣстечка возлѣ городскихъ мастностей. Нынѣ это старое стремленіе, пожалуй, усугубилось, да и не могло не усугубиться, въ виду хотя бы общаго экономическаго упадка. У каждаго въ отдѣльности взятаго г. Казиміра теперь, пожалуй, есть особые резоны попытать счастья въ городѣ. Но согласитесь, что у г-на Казиміра слишкомъ мало шансовъ для того, чтобы вести свою линію въ

---

*) „Рѣчь“, 10 марта.

**) „Рѣчь“, 12 марта.

порядкѣ общественной борьбы. Не съ чѣмъ ему выступить передъ избирателями. Въ огромномъ большинствѣ городовъ у предпріимчиваго барчука нѣтъ ни корней, ни вліянія; а мѣстами уже одно выступленіе «барчука», желающаго обнаружить свою предпріимчивость возлѣ городского достоянія, было бы равносильно скандалу. Но если, съ одной стороны, принять во вниманіе, что слова г. Гучкова задѣваютъ, между прочимъ, и высшую провинціальную администрацію, ибо она также состоитъ изъ лицъ дворянскаго происхожденія, и если бы, съ другой стороны, распоряженіе городскими дѣлами находилось въ рукахъ безусловно послушныхъ администраціи людей, то участь дворянской предпріимчивости въ городахъ была бы обезпечена.

Тутъ именно нужны люди, имена коихъ «по тактическимъ соображеніямъ» не слѣдуетъ называть во время избирательной кампаніи. Это опять-таки не значитъ, что со стороны г. Алехина въ Курскѣ, генерала Григорьева въ Одессѣ или г. Шкляева въ Вяткѣ начальству грозитъ непослушаніе и противодѣйствіе. Г. Шкляевъ навѣрное не учился прекословить начальству въ теченіе своей почти 40-лѣтней государственной службы; и подозрѣвать въ немъ чрезмѣрную непреклонность и неуступчивость нѣтъ основаній. Но есть разница въ степеняхъ и оттѣнкахъ. Возвратимся на минуту къ тому же хотя бы одесскому предпріятію г. Казиміра. Съ выставкою техническаго общества такъ или иначе торговая и домовладѣльческая Одесса связывала нѣкоторыя надежды. Пусть не Богъ вѣсть какія радужныя; пусть надѣяться могла лишь часть торговцевъ и домовладѣльцевъ, но все же выставка, устраиваемая солиднымъ учрежденіемъ, обѣщала оживленіе. И какъ бы ни были лично послушны начальству избранные торговцами и домовладѣльцами люди, простое чувство отвѣтственности предъ избирателями, элементарная боязнь «потерять голоса» вынуждала бы ихъ на отпоръ притязаніямъ заѣзжаго изъ Бессарабіи «барчука». Чтобы расчистить поле дѣйствія для «барчуковъ» необходимы другіе люди, которымъ нечего у избирателей терять, и которые въ силу этого безгранично послушны. Нуженъ гласный-опричникъ, имѣющій возможность не стѣсняться съ интересами мѣстнаго населенія даже въ томъ случаѣ, если это интересы его кровныхъ родственниковъ. Это вовсе не значитъ, что желательнымъ для «насъ» гласнымъ можетъ быть лишь трактирщикъ или малограмотный торговецъ. Нѣтъ, онъ можетъ быть и генералъ, только не такой, какъ г. Григорьевъ, а нашъ генералъ, который «плевать хотѣлъ на то, что о немъ скажутъ избиратели». Онъ можетъ быть даже купецъ, но опять таки нашъ купецъ, дѣла котораго, напр., состоятъ въ казенныхъ поставкахъ, и ему «плевать на избирателей». И наоборотъ, иной трактирщикъ или малограмотный торговецъ намъ совершенно не годится... Собственно вся задача «правыхъ» въ избирательной кампаніи сводилась къ

тому, чтобы найти среди мѣстныхъ жителей достаточное количество гласныхъ-опричниковъ.

Конечно, гласный-опричникъ нуженъ не только для обезпеченія предпріимчивости барчуковъ какъ разселившихся по городамъ, такъ и пріѣзжихъ. Нуженъ онъ и по разнымъ другимъ, болѣе общимъ причинамъ. Мы живемъ въ условіяхъ всеобщаго недовольства и всеобщей неувѣренности. Богъ вѣсть, что можетъ случиться завтра. И какъ ни прославлена консервативность купчишекъ и домовладѣльцевъ, однако, сомнительный это народъ. А въ настоящее время они, видимо, раздражены и склонны прекословить. Отчасти раздражаетъ ихъ замѣтное умаленіе правъ. Вонъ ростовская (на Дону) дума два года назадъ ходатайствовала о продленіи въ городѣ военнаго положенія. Но когда выпрошенный думою генералъ - губернаторъ запретилъ ей рѣшать и обсуждать цѣлый рядъ неотложныхъ хозяйственныхъ вопросовъ,—запретилъ именно данной думѣ, впредь до новыхъ выборовъ,—«купчишки» полѣзли жаловаться въ министерство. Конечно, жалоба оставлена безъ послѣдствій. Но о самочувствіи купчишекъ послѣ такого предметнаго урока догадаться нетрудно. Еще хуже, въ смыслѣ торгово-домовладѣльческаго самочувствія «застой въ дѣлахъ», оскудѣніе торговли, упадокъ промышленности и замѣтное пониженіе городскихъ недвижимыхъ цѣнностей. Послѣднее обстоятельство, повидимому, еще не успѣло стать общимъ. Но во многихъ мѣстахъ уже сильно чувствуется, и особенно тамъ, гдѣ населеніе подвергалось сугубо энергическому успокоенію. Даже тѣ земельные банки, которые крайне осторожно вели оцѣнку, не знаютъ, какъ быть съ подлежащими продажѣ усадьбами и домами. Заложенныя имущества-то и дѣло остаются за банкомъ. Покупателей нѣтъ. А если и есть, то они предлагаютъ 40—60% банковской оцѣнки, установленной какихъ-либо 8—10 лѣтъ назадъ по обычному правилу частныхъ банковъ,—разрѣшать кредитъ не выше 60% дѣйствительной стоимости имущества въ моментъ залога. Послѣдствія этого новаго экономическаго обстоятельства еще не успѣли сложиться въ общій итогъ. Но при разговорахъ съ провинціальными дѣловыми людьми вовсе не рѣдкость услышать жалобы, что за какихъ-нибудь 3—4 года капиталъ, заключенный въ недвижимыхъ имуществахъ, «надо считать, переполовинился»: что еще недавно стоило 1000 руб.,—теперь, бываетъ, и за 500 не продашь. «Оно, конечно, у кого есть возможность, тѣ собственность въ рукахъ держатъ,—съ теченіемъ времени, Богъ дастъ, дѣла поправятся, но ежели кому надо ликвидировать, — бѣда! Безъ огня половина капитала сгорѣла... Скверно тожъ себя чувствуютъ,—которые наличныя деньги подъ закладныя распихали. Казалось, чего выгоднѣе и вѣрнѣе, а вышло — хоть плачь!.. До смѣшного доходитъ. Въ купеческомъ быту по провинціи до сей поры случается, что приданое невѣстѣ обезпечено недвижимости. И опять-таки это дѣло выгодное. Пока дѣвочка

мала, отецъ купитъ усадьбу или домъ и назначаетъ въ приданое; будущая невѣста растетъ, и стоимость приданаго сама собою растетъ. А теперь за короткое время вышло такъ, что невѣсты вдвое обѣднѣли»...

— Пишутъ про мессинское землетрясеніе—какъ выразился недавно при разговорѣ со мною одинъ купецъ, «распихавшій» тысячъ триста подъ закладныя и нынѣ не знающій, что дѣлать съ должниками и съ заложенными у него «великолѣпными во всѣхъ отношеніяхъ», но неожиданно потерявшими значительную часть своей цѣны городскими домами.—Говорятъ про это самое землетрясеніе... Г-жа Хомякова комитетъ помощи открыла. А я вамъ скажу, — съ нами въ Россіи такъ устроили, что хуже всякаго землетрясенія. Безъ огня мы теперь горимъ, безъ воды тонемъ, безъ сотрясенія земного рушимся. Тамъ, въ Мессинѣ-то, все-таки утѣшеніе, — отъ Бога, дескать, такая страсть намъ послана. А у насъ и на Бога пенять нечего. Отъ собственной глупости пропадаемъ...

Ворчатъ «купчишки». Раздражены. Легко-ли было новому министру торговли г. Тимирязеву слушать, какъ его «отчитывали» въ Москвѣ на обѣдѣ:

Однихъ обѣщаній и словъ, какъ бы красивы и хороши они ни были мало. Мы уже довольно слышали разныхъ обѣщаній и словъ, съ которыми не гармонируетъ окружающая насъ суровая дѣйствительность. Мы устали ждать и вѣрить... Послѣднія событія въ области международной политики дали достаточно хорошій урокъ, чтобы не медлить далѣе съ осуществленіемъ давно обѣщанныхъ реформъ, безъ которыхъ нельзя пробудить производительныхъ силъ страны и достигнуть ея экономическаго благосостоянія. («Рѣчь», 25 марта).

Отъ «купеческой воркотни», положимъ, убытокъ не великъ. Но въ разсужденіи возможностей будущаго, это симптомъ опасный. И если что-либо завтра случится, Богъ вѣсть, въ какую сторону толкнетъ «купчишекъ» ихъ недовольство и раздраженіе, и для какой цѣли они употребятъ предоставленныя имъ городскія общественныя управленія. Говоря откровенно, при теперешней неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, было бы благоразумнѣе или во всякомъ случаѣ спокойнѣе прекратить совершенно игру въ городское самоуправленіе. Даже въ тихія времена эта двусмысленная игра, причиняя многія огорченія начальству, раздражала и толкала на «безсмысленныя мечтанія» населеніе. А теперь, когда начальство вынуждено бояться не только дѣйствительныхъ опасностей, но и призраковъ, когда по всей странѣ происходитъ «броженіе умовъ» и «переоцѣнка цѣнностей», резоннѣе было бы всѣ эти управы и думы похѣрить, а на мѣсто ихъ для хозяйственнаго управленія городами посадить своихъ преданныхъ людей. И не только въ виду возможныхъ опасностей будущаго, но и для устойчивости настоящаго.

Надо правду сказать, — въ настоящемъ-то у насъ не безъ

грѣха. «Рейнботовщина» вѣдь вовсе не прошлое дѣло, и не только московское. А кромѣ «рейнботовщины», одни, напримѣръ, союзники чего стоятъ. И до того они населеніе довели, что даже запуганная Одесса подвергла ихъ своеобразному бойкоту. Первоначально они обосновали свою штабъ-квартиру въ центрѣ города. Но затѣмъ собственникъ дома, гдѣ они обосновались, постарался ихъ выселить. «Найти другое помѣщеніе въ центрѣ города, при всѣхъ усиліяхъ, заправиламъ не удалось, и союзу пришлось переселиться въ заброшенный конецъ окраины Молдаванки» *). И едва они переселились сюда, «въ прилегающихъ кварталахъ начались по ночамъ нападенія и жестокія избіенія» прохожихъ. Обывателямъ, конечно, не нравится существованіе организаціи, занимающейся такими дѣлами. Но если принять во вниманіе, что чѣмъ запуганнѣе населеніе, тѣмъ оно лучше, то оно, знаете-ли, не мѣшаетъ... И теперь «прилегающіе кварталы» Молдаванки устроятся какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ. Квартиранты изъ нихъ, конечно, станутъ убѣгать. Домовладѣльцы и торговцы немножко пострадаютъ, поплачутъ про себя, да тѣмъ дѣло и кончится. Но это потому, что у насъ хорошая городская дума. А если бы мы не позаботились объ этомъ своевременно, обыватель непремѣнно полѣзъ бы съ претензіями въ думу, дума, навѣрное, устроила бы какое-нибудь ехидство. Конечно, на нее можно бы и прикрикнуть, и она бы, разумѣется, производила оппозицію молча. А все таки по нынѣшнимъ временамъ, когда даже вчерашніе градоначальники и правители губернаторскихъ канцелярій переходятъ гласно въ какую ни на есть, но оппозицію, имѣть организованный и существующій на законномъ основаніи очагъ оппозиціи кому охота? Да и не безопасно. Конечно, взять да и похѣрить игру въ самоуправленіе—шагъ смѣлый. Но есть вѣдь пути административной изобрѣтательности. И простѣйшихъ изъ нихъ искать долго не приходится:

Въ связи съ предстоящими выборами въ городскую думу, — телеграфировали «Рѣчи» 27 февраля изъ Одессы, — здѣсь циркулируютъ серьезные слухи, что если, несмотря на всѣ усилія союза русскаго народа и его покровителя градоначальника Толмачева, выборы дадутъ перевѣсъ прогрессистамъ или даже умѣреннымъ элементамъ, то выборы не будутъ утверждены. Затѣмъ вновь будутъ назначены и опять не утверждены, съ тѣмъ, чтобы согласно городовому положенію, составъ думы былъ назначенъ администраціей.

Въ Одессѣ эту угрозу не пришлось приводить въ исполненіе. Но вообще,—даже не нужно спрашивать, откуда она появилась. Она, такъ сказать, виситъ въ воздухѣ, разумѣется сама собою; и уже одна очевидность, что такъ именно и можетъ случиться, навѣрное, мѣстами вынуждала «прогрессистовъ» намѣчать и ставить возможно болѣе умѣренныя, безупречныя, съ полицейской точки

*) «Рѣчь», 24 февраля.

зрѣнія кандидатуры. Мы видѣли, напр., какъ блестяще удалось рѣшить эту задачу при выборахъ городского головы въ Вяткѣ. И тѣмъ не менѣе выборы были опротестованы. Точно также мы видѣли, какъ сравнительно удачно справились съ кандидатурой въ городскіе головы «прогрессисты» Курска. Но хотя кандидатъ г. Алехинъ былъ уже головою, тѣмъ не менѣе у губернской администраціи нашлись «основанія» «разъяснить» общественнаго дѣятеля, еще недавно допускаемаго ею къ должности: выборы были отмѣнены. Точно также опротестованы ярославскіе выборы, «обновившіе было городскую думу прогрессивными гласными» *). Такая же участь постигла выборы въ Полтавѣ **), въ Симбирскѣ ***), въ Смоленскѣ... До какой степени откровенно все это продѣлывалось, можно судить по мелкому симферопольскому эпизоду, разсказанному «Русскими Вѣдомостями». Въ Симферополѣ на дополнительныхъ выборахъ вторичною баллотировкою были избраны, между прочимъ, три гласныхъ,—два прогрессиста и третій г. Чепѣга, членъ губернскаго присутствія ****). Губернское присутствіе признало вторичную баллотировку незаконной и на этомъ основаніи двухъ прогрессивныхъ гласныхъ исключило, а г-на Чепѣгу утвердило... Вообще не обошлось безъ крайнихъ неловкостей, цѣною которыхъ, правда, цѣль достигнута, однако не вполнѣ и не вездѣ, а главное,—нелѣпости сами по себѣ вызывали демонстративныя противодѣйствія. Въ той хотя бы Вяткѣ г. Шкляевъ, выборы котораго въ городскіе головы были администраціей опротестованы, подвергся баллотировкѣ вторично и снова былъ избранъ *****), хотя, по словамъ «Рѣчи», въ Вяткѣ «всѣ (были) увѣрены, что и эти выборы вновь будутъ отмѣнены», и должность городского головы будетъ замѣщена по назначенію отъ правительства... И администрація попала въ крайне неловкое положеніе,—съ одной стороны, демонстрантовъ надо бы «проучить», а съ другой,—эти демонстранты избрали головой человѣка, недавно бывшаго и при томъ въ теченіе 20 лѣтъ правителемъ губернаторской канцеляріи...

Счастливо избѣгъ всѣхъ этихъ неловкостей и щекотливыхъ положеній одесскій градоначальникъ г. Толмачевъ. Какъ и подобаетъ военному человѣку, и при томъ кавказской школы, онъ шелъ къ цѣли напрямикъ, не играя соблюденіемъ законныхъ видимостей. Такъ какъ поставленная ему задача—устроить безусловно послушную городскую думу — несовмѣстима съ основами выборнаго начала, то онъ упразднилъ самые выборы, допустивъ только чисто

---

*) «Русскія Вѣдомости», 8 марта.

**) «Голосъ Москвы», 27 февраля; вторичные выборы, когда прошли правые, утверждены.

***) «Голосъ Москвы», 24 февраля.

****) Всѣ три на первыхъ выборахъ были забаллотированы, но при баллотировкѣ на дополнительныхъ выборахъ получили большинство голосовъ.

*****) «Русскія Вѣдомости», 26 февраля.

механическую подачу «избирательныхъ записокъ». Да и эта последняя процедура допускалась ровно постольку, поскольку г. Толмачевъ въ порядкѣ службы не могъ ее устранить. Отъ избирателя требовалась подача голосовъ «исключительно записками» *). Но составить и распространить списки кандидатовъ г. Толмачевъ разрѣшилъ только союзникамъ. Мѣстнымъ типографіямъ было воспрещено печатать списки прогрессивныхъ кандидатовъ. «Прогрессисты» пытались напечатать списки и разную избирательную литературу въ Кіевѣ. Кіевская цензура ничего преступнаго въ этомъ не усмотрѣла. Но г. Толмачевъ узналъ объ этомъ. И за два дня до выпуска одесскаго заказа изъ типографіи, онъ былъ «захваченъ» въ типографіи, конфискованъ и увезенъ, и при томъ *«безъ вѣдома и согласія кіевскаго губернатора»* **). Попытались «прогрессисты» напечатать свой списокъ въ «Рѣчи». Но номеръ этой газеты былъ конфискованъ въ Одессѣ «въ моментъ полученія на почтѣ». И распространеніе его въ предѣлахъ одесскаго градоначальства воспрещено «подъ угрозой штрафа въ 500 р. или ареста на 3 мѣсяца». Сверхъ того, за нѣсколько дней до «подачи записокъ избирателями» былъ «произведенъ цѣлый рядъ обысковъ въ квартирахъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ распространеніи списковъ прогрессивныхъ кандидатовъ и предвыборныхъ брошюръ» ***). Съ «прогрессивными» кандидатами, «которые попроще», г. Толмачевъ не церемонился. Онъ «вызвалъ ихъ къ себѣ въ канцелярію и приказалъ имъ снять свою кандидатуру». Одному изъ «прогрессивныхъ» кандидатовъ окраинному домовладѣльцу Тараканову было предложено нѣчто болѣе рѣзкое: или подвергнуться тюремному заключенію на 3 мѣсяца въ административномъ порядкѣ, или отказаться отъ кандидатуры въ гласные и записаться въ союзъ русскаго народа ****). Относительно персонъ поважнѣе принять мѣры столь оффиціально г. Толмачевъ, видимо, затруднился. Имъ дѣлала соотвѣтствующія указанія и внушенія мѣстная оффиціальная печать. Такъ, напр., бывшему градоначальнику г. Григорьеву газета «За Царя и Родину» напоминала:

Охъ, генералъ, не доиграйтесь до кутузки! Теперь времена легко мѣняются: прежде вы сажали, теперь васъ могутъ посадить... Вы мните быть городскимъ головой?—Опасно! *****).

Другихъ, сверхъ угрозъ, лишили, подъ разными предлогами, права подать голосъ. Такъ было, между прочимъ, поступлено съ управляющимъ отдѣленіемъ русскаго для внѣшней торговли банка г-номъ Драго. («Русское Слово», 27 марта). За нѣсколько дней передъ «подачей записокъ» начались усиленныя избіенія прохожихъ.

*) «Рѣчь», 22 февраля.
**) «Рѣчь», 21 февраля.
***) «Утро», 18 марта.
****) Ibid.
*****) Цит. по «Рѣчи», 26 марта.

И наконецъ, въ день подачи записокъ, зданіе городской думы, гдѣ отбирались голоса, было окружено боевой хорошо вооруженной дружиной союзниковъ. Дружина «ловила избирателей, обыскивала ихъ, рвала нежелательные списки, навязывала свои» («Смоленскій Вѣстникъ», 27 марта).

Въ такой обстановкѣ приступили, наконецъ, къ работѣ «счетчики изъ избирателей», разсаженные не только за разными столами, но и въ разныхъ комнатахъ; свѣрка же именъ, подведеніе итоговъ, составленіе протоколовъ производились и въ этихъ, и въ другихъ комнатахъ; «талоны избирательныхъ записокъ съ именами прогрессивныхъ кандидатовъ» почему-то тутъ же во время счета отправлялись въ стоки отхожихъ мѣстъ, вслѣдствіе чего одно изъ послѣднихъ «стало заполняться водою, такъ какъ естественный ходъ оказался забитымъ талонами»; пришлось экстренно принять мѣры, чтобы избѣжать наводненія въ думскомъ зданіи... *).

Само собою разумѣется, что мѣстная прогрессивная печать была обязана «и не заикаться о выборахъ»; избирательныхъ собраній не полагалось. И надо отдать справедливость г. Толмачеву: этотъ службистъ, безтрепетный исполнитель предначертаній сверху, съ вульгарною, я бы рѣшился сказать,—чисто фельдфебельской непосредственностью развернулъ то, что пытались замаскировать власть имущіе, и чего словно старались не замѣчать многіе наивные обыватели. Въ самомъ дѣлѣ,—избирательныхъ правъ мы предоставить теперь не можемъ; но по разнымъ, больше дипломатическимъ соображеніямъ намъ нужно дѣлать такой видъ, будто у насъ, какъ и во всѣхъ благородныхъ Европахъ, бываютъ и выборы. Съ этой цѣлью мы и установили для населенія своеобразную натуральную, но не обязательную повинность «подавать» время отъ времени голоса. И разъ это избирательная повинность, а не избирательное право, необходимо, по крайней мѣрѣ, мужество, чтобъ относиться къ ней, какъ къ повинности:

— Подавай подъ страхомъ административной и кулачной расправы голосъ, за кого приказываютъ, и «направо кругомъ — маршъ!» А не хочешь слушаться, считаешь для себя зазорнымъ подать голосъ, за кого указываютъ,—тебя не неволятъ: сиди дома, молчи и не мѣшай тѣмъ, которые послушны. Да и какой смыслъ мѣшать,—вѣдь если даже ухитришься подать голосъ вопреки волѣ начальства, если даже сумѣешь привлечь на свою сторону большинство,—выборы будутъ отмѣнены.

Россія пестра. Кое-гдѣ и даже поблизости отъ Одессы — въ Херсонѣ, напр.,—«прогрессисты», по газетнымъ свѣдѣніямъ, провели своихъ кандидатовъ. А все-таки, — развѣ не горькая наша, «купеческая», судьба! Положимъ, мы, какъ и бурчуки, какъ и самъ даже г. Столыпинъ, экзамена не выдержали. Однако, пособ-

*) „Рѣчь", 29 марта.

ники же мы. Революцію-то искоренять мы помогали. Не одни гг. Крестовниковы помогали, но и мы, которые сортомъ и даже двумя-тремя сортами пониже. И вотъ допомогались, слава Богу: были мы въ своихъ городахъ какіе ни на есть да хозяева, а стали... Хуже медвѣдя оказались, который съ мужикомъ въ компаніи рѣпу сѣялъ. Тамъ, въ сказкѣ-то, мужикъ взялъ себѣ корешки, но вершки медвѣдю отдалъ и въ берлогу къ нему не забрался. А нашъ компаньонъ и корешки себѣ беретъ, и вершки своимъ скотомъ травитъ, и на наши насиженныя мѣста гласныхъ-опричниковъ сажаетъ...

Я вовсе не склоненъ цензового горожанина отождествлять съ «купцомъ». Есть цензовые горожане врачи, адвокаты, чиновники; есть много разныхъ другихъ и «либеральныхъ», и «нелиберальныхъ» профессій. И среди самихъ «купцовъ» есть люди разныхъ взглядовъ, съ разнымъ налетомъ интеллигентности и безъ всякаго налета. И все-таки среди городскихъ цензовиковъ «купецъ», просто «купецъ», безъ налета, фигура замѣтная, а примѣнительно къ существующему Городовому Положенію, это часто первая скрипка. Она и помогала чужихъ бить. Ну, и допомогалась до того, что теперь и ее бьютъ...

И вотъ еще характерная черта, которая сразу возвращаетъ насъ къ вопросу о «хлопчатобумажномъ патріотизмѣ». Во время думской сессіи совершалась, напр., одесская «избирательная кампанія». Возмущались газеты. Возмущалась «публика». А Государственная Дума? Положимъ, г. Пуришкевичъ могъ лишь радоваться мѣропріятіямъ генерала Толмачева: благодаря этимъ мѣропріятіямъ, предводитель одесскаго отдѣла союза Михаила Архангела, г. Пеликанъ, является нынѣ вѣроятнымъ кандидатомъ на постъ одесскаго городского головы *). И у самого «барчука» Пуришкевича, какъ верховнаго руководителя этого союза, явилась, такимъ образомъ, вѣроятная надежда руководить дѣлами Одессы изъ Петербурга во время думскихъ сессій, а изъ Аккермана во время каникулъ. Ну, а «купецъ» г. Гучковъ? Его патріотизмъ, столь чуткій къ событіямъ въ Босніи, видимо, нисколько не обиженъ и не задѣтъ тѣмъ, что происходило въ Одессѣ. Его органъ «Голосъ Москвы» сумѣлъ даже сообщить читателямъ такія свѣдѣнія о результатахъ выборовъ въ Одессѣ:

> Выборы гласныхъ въ городскую думу дали побѣду *умѣреннымъ*, *кадеты потерпѣли полное пораженіе* **).

Не возмущайтесь и не старайтесь доказывать, что не «кадетовъ», а «культурно-хозяйственную», торгово-промышленную и домовладѣльческую Одессу били по головѣ. «Голосъ Москвы»» выборныя дѣянія г-на Толмачева знаетъ,—по крайней мѣрѣ, нѣко-

*) „Рѣчь", 25 марта.
**) „Голосъ Москвы", 24 марта; курсивъ мой, *А. П.*

торыя изъ нихъ онъ самъ отмѣчалъ; и какіе «умѣренные» побѣдили, онъ тоже знаетъ. Но, видите ли, «Голосъ Москвы» органъ по преимуществу думскихъ отраженій. А Дума—учрежденіе «высокое»—земля оттуда плохо видна. Тутъ на землѣ, между прочимъ, купца бьютъ. А на высотѣ прежде всего видно, что генералъ Толмачевъ распоряжается. Но вникать въ распоряженія Толмачева не соотвѣтствуетъ видамъ и предположеніямъ. И, кромѣ того, надо принять во вниманіе конъюнктуру... Будемъ, значитъ, лучше понимать земное происшествіе въ смыслѣ, одинаково пріемлемомъ и для г. Пуришкевича, и для г. Гучкова:

— Бьютъ кадетовъ...

А это все равно, что тургеневское: «бьютъ корреспондента»... И замѣтьте, какъ психологія думскихъ высотъ сказывается даже въ мелочахъ. 19 марта г. Гучковъ бросилъ своему компаньону г. Пуришкевичу «барчука». «Голосъ Москвы» подхватилъ и усугубилъ. И одновременно фактическія обстоятельства одесскихъ выборовъ замѣнилъ дипломатическими: «Побѣдили умѣренные, кадеты потерпѣли полное пораженіе»... Этимъ подмѣномъ несомнѣнно оказана услуга «умѣреннымъ» побѣдителямъ и въ ихъ числѣ г. Пеликану, а черезъ посредство г. Пеликана и «барчуку» Пуришкевичу... Вотъ видите, и тутъ мы услужили барчуку, помогли одерживать побѣды, между прочимъ, и надъ купцами.

III.

Въ виду новыхъ настроеній, когда и Государственный Совѣтъ серьезнѣйше ставитъ на видъ тяжелыя экономическія и грозныя финансовыя перспективы, когда съ разныхъ сторонъ правительству 3 іюня болѣе или менѣе неделикатно напоминаютъ о невыдержанномъ экзаменѣ, щекотливымъ становится положеніе любимаго дѣтища г. Столыпина, — «закона 9 ноября». На первый взглядъ кажется, что именно это дѣтище стоитъ наиболѣе фундаментально. Думою «законъ» принятъ и даже исправленъ въ смыслѣ болѣе рѣшительнаго натиска на общинныя земли, при чемъ «Голосъ Москвы» приравнялъ этотъ «актъ» къ 19 февраля 1861 г. и назвалъ «вторымъ раскрѣпощеніемъ крестьянъ». По даннымъ правительства, уже укрѣплено въ собственность почти $3^1/_2$ милліона десятинъ надѣльной земли, выдѣлено свыше 400.000 домохозяевъ. Можетъ быть, цифры прикрашены, но стоитъ ли спорить объ этомъ. Такъ или иначе, но выдѣлы сдѣланы. «Укрѣпленная въ личную собственность» земля экстренно распродается, перепродается, покупается, перекупается... По словамъ «Голоса Москвы», появились даже скупщики «живыхъ и мертвыхъ крестьянскихъ душъ». Какъ нѣкогда Чичиковы, они разъѣзжаютъ по деревнямъ и ску-

пають выдѣлившіяся или могущія быть выдѣленными «души». Одинъ изъ такихъ новыхъ Чичиковыхъ, самъ признается,

что имъ уже куплено столько душъ, что земли на нихъ причитается около 1100 десятинъ, и платитъ онъ до 40 р. за десятину. Операцію эту онъ продѣлываетъ такъ: купивъ у крестьянъ души, закладываетъ землю, причитающуюся на нихъ, крестьянскому банку и, получивъ за нее ссуду, покупаетъ новыя души („Голосъ Москвы", 10 января).

Все это такъ,—есть и выдѣлы, и перепродажи, и перекупки, и Чичиковы.. Есть, однако, и нѣкоторыя крайне щекотливыя вещи. Начать хотя бы съ того, что «укрѣпленіе въ личную собственность» есть актъ, требующій юридической точности терминовъ и довольно тонкаго знанія гражданскаго права. Укрѣпленіе производится въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ по приговорамъ общества, гораздо чаще по постановленію земскихъ начальниковъ. При чемъ особымъ циркуляромъ земскаго отдѣла отъ 7 іюля 1907 г. за № 20744 предписано «широко разъяснить крестьянамъ, что въ силу указа 9 ноября, эти документы являются актами на владѣніе, равносильными по значенію нотаріальнымъ» *). Сверхъ такихъ опытныхъ юристовъ, какъ земскіе начальники, техническая и юридическая часть возлагается на спеціальныхъ «землеустроителей». Если вѣрить «Кіевлянину», органу, казалось бы, вовсе не склонному безъ нужды дискредитировать нынѣшнихъ спеціалистовъ по землеустройству,

по меньшей мѣрѣ 90% изъ этихъ господъ до своего назначенія не имѣли ни малѣйшаго понятія о технической сторонѣ дѣятельности крестьянскаго банка, смутно представляли себѣ потребности сельскаго хозяйства и землеустройства, не знали законовъ, регулирующихъ крестьянскую жизнь, и въ полной мѣрѣ обладали только двумя качествами: готовностью угодить и получать жалованье, разъѣздныя, суточныя... Все это, конечно, не составляло секрета. Но, вѣроятно, предполагалось, что циркулярная педагогика будетъ могущественнымъ средствомъ обращенія этихъ невѣжественныхъ въ землеустроительномъ дѣлѣ Савловъ въ просвѣщеннѣйшихъ Павловъ **).

Эти юристы тѣмъ не менѣе «укрѣпляли». Потомъ пришлось назначить землеустроительныхъ ревизоровъ. Поводы для ревизій сохраняются въ глубокой тайнѣ. Составляютъ тайну и результаты ревизій. И лишь кое-что стало извѣстно, благодаря циркулярамъ губернаторовъ, появившимся въ силу обстоятельствъ, обнаруженныхъ ревизорами. Такъ изъ циркуляра симбирскаго губернатора узнаемъ, что огульное утвержденіе, будто за всѣми выдѣлившимися земля «укрѣпляется» въ личную собственность не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; укрѣпляютъ землю также и въ семейную, общую нѣсколькихъ владѣльцевъ собственность. А главное, въ актахъ укрѣпленія земли, «равносильныхъ по значенію нота-

*) Цит. по „Голосу Москвы", 18 января.
**) Цит. по „Южной Зарѣ", 10 февраля.

ріальнымъ», земскіе начальники употребляли безразлично термины: «владѣніе» и «пользованіе», «общее пользованіе», «общее владѣніе», «совмѣстное владѣніе» и т. д. *)... Укрѣплять-то, словомъ, земельку укрѣпляли, и сгоряча распродаютъ и перекупаютъ, но у кого изъ покупщиковъ при повѣркѣ окажется,—«владѣніе» общинной собственностью, а у кого только «пользованіе» ею,—неизвѣстно. Но эта бѣда,—полбѣды. Полбѣды бы и то, что земскіе начальники, впрочемъ, наравнѣ съ авторами «указа 9 ноября», нѣсколько легкомысленно относятся къ наслѣдственнымъ правамъ, «укрѣпляя лицъ женскаго пола при наличности дѣтей»:

Нѣкоторыя земскіе начальники—пишетъ въ своемъ циркулярѣ симбирскій губернаторъ,—укрѣпляютъ землю такимъ женщинамъ въ личную собственность, а другіе въ общую съ дѣтьми. Во избѣжаніе недоразумѣній,—рѣшается губернаторъ собственною властью дополнить законъ—...надлежитъ женщинамъ, хотя-бы и домохозяйкамъ, имѣющимъ дѣтей, земли укрѣплять только въ общую собственность съ дѣтьми, предоставивъ имъ производить раздѣлъ общей собственности судебнымъ порядкомъ **).

Но это бы полбѣды. Нѣсколько хуже, что, по словамъ циркуляра «земскіе начальники и уѣздные съѣзды не дѣлаютъ различія» между угодьями «непередѣляемыми», и «передѣляемыми на особыхъ основаніяхъ»... Дѣло въ томъ, что подъ этими мужицкими техническими мелочами скрывается цѣлый рядъ сложныхъ юридическихъ тонкостей, сила которыхъ вполнѣ выяснилась для аграрныхъ реформаторовъ лишь на практикѣ.

По предположенію «Кіевлянина», только мѣстные землеустроители были «непросвѣщенными Савлами». Однако, и петербургскихъ едва ли вполнѣ можно признать Павлами. Имъ казалось, повидимому, дѣло просто: принудительное отчужденіе общинной земли, ея юридическій владѣлецъ—общество—обязанъ выдѣлить землю каждому желающему, а если общество не хочетъ, выдѣлъ совершается властью земскаго начальника. Оно было бы до нѣкоторой степени и вправду просто, если бы вопросъ о томъ, кто является юридическимъ владѣльцемъ и распорядителемъ общинной земли являлся такимъ яснымъ и безспорнымъ, какъ представляли себѣ петербургскіе Савлы. Въ дѣйствительности только часть селеній обособленно владѣетъ землею. Во многихъ случаяхъ съ 1861 г. до сей поры надѣльная земля находится въ нераздѣльномъ и необособленномъ владѣніи нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ и деревень. Нерѣдко также только часть земли, находящейся въ пользованіи того или иного села обособлена; другая часть находится опять таки въ общемъ неразверстанномъ владѣніи съ сосѣдями. Даже внутри обособленныхъ обществъ нерѣдко есть земли различныхъ надѣльныхъ актовъ, такъ что отдѣльными участками юридически владѣетъ совмѣстно

*) „Слово", 4 декабря 1908 г.
**) Ibid.

особая группа домохозяевъ, но отнюдь не ея общество. Все это переплетается съ землями общественными прикупными, навѣчно-обмѣнными, временно-обмѣнными, поступившими во временное пользованіе, «товарищескими» и т. д., и т. д.

Недавно въ «Земельномъ Техникѣ» была напечатана характерная жалоба «землеустроительныхъ землемѣровъ одной изъ губерній промышленнаго района». «Землеустроительные землемѣры» этой губерніи, столкнувшись на практикѣ, между прочимъ, съ необыкновенною трудностью найти концы въ сѣти земельныхъ сплетеній, доложили объ этомъ начальству. Начальство выслушало внимательно; видимо, поняло, что при такихъ условіяхъ многіе акты о выдѣлѣ могутъ быть юридически оспариваемы дѣйствительными владѣльцами земли, но предложило «найти способы» «въ духѣ и въ предѣлахъ существующихъ правительственныхъ предначертаній».

Какъ мы ни пытались—пишутъ жалобщики—балансировать и извиваться между ними и около нихъ, въ концѣ концовъ должны были сознаться, что мы не можемъ, не въ состояніи найти такихъ способовъ. Объ этомъ мы и доложили губернскому землемѣру и несказанно его этимъ огорчили („Земельный Техникъ", № 6 1909 г.).

Обращались они еще разъ къ губернскому инженеру, въ землеустроительную коммиссію, подавали докладныя записки губернатору. И послѣ многихъ неудачныхъ мытарствъ, рѣшили опубликовать свои матеріалы. Кое-какіе изъ этихъ матеріаловъ, несомнѣнно, заслуживаютъ общаго интереса. Одинъ изъ землемѣровъ разсказываетъ, напр., такой случай изъ своей практики, изъ-за котораго онъ даже пострадалъ по службѣ. Въ какомъ-то селѣ нѣсколько крестьянъ пожелали выдѣлиться и даже разбиться на отруба. Землемѣра командировали произвести соотвѣтствующую работу. Онъ пріѣхалъ въ село и тутъ открылъ, что оно состоитъ изъ разныхъ «барщинъ». Т. е. земля, которою село пользуется, отошла при надѣлѣ отъ разныхъ помѣщиковъ, при чемъ «выдѣлиться» пожелали нѣсколько человѣкъ, предки которыхъ были крѣпостными одного барина и владѣютъ землею по особому, иному, чѣмъ у другихъ сельчанъ, надѣльному акту. Землемѣръ, тѣмъ не менѣе, обратился къ старостѣ. Тотъ ему объяснилъ, что выдѣляется «другая барщина», земля у нихъ ихняя, особая, общество ею распоряжаться не въ правѣ, и что они хотятъ на своей землѣ дѣлать,—это къ обществу не касаемо. Изъ «другой же барщины» на лицо оказался только одинъ домохозяинъ, «остальные всѣ живутъ въ качествѣ рабочихъ на фабрикѣ ближайшаго города (въ 20 верстахъ)»... Единственный оказавшійся на лицо домохозяинъ объяснилъ, что его совладѣльцы выдѣляются съ цѣлью продать свои участки, а «ему самому это дѣло интересно лишь постольку, поскольку онъ можетъ явиться... покупателемъ». Пришлось особыми повѣстками пригласить совла-

дѣльцевъ, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, юридическое лицо, правомочное распоряжаться даннымъ участкомъ надѣльной земли. Но на вызовъ повѣстками явился только одинъ совладѣлецъ; по его словамъ, «остальные явиться не могутъ, а потому попросили его похлопотать за нихъ; никакой довѣренности, понятно, у него при этомъ не оказалось». Хозяина земли найти, такимъ образомъ, не удалось. Между тѣмъ, для установленія границъ требовалось еще найти смежныхъ владѣльцевъ. Но о нихъ у землемѣра «никакихъ свѣдѣній и указаній» не было. Открылъ онъ, однако, что «въ числѣ смежностей имѣется казенная лѣсная дача». «Несмотря на самые энергичные разпросы, не удалось узнать не только званія, фамиліи и мѣстожительства депутата отъ казны, но и просто установить, къ какому лѣсничеству относится эта дача»...

Въ довершеніе всего на землѣ, подлежащей разбивкѣ, оказалась построенной земская школа. Въ дѣлахъ объ этой школѣ ничего не было сказано. Сколько земли и на какихъ условіяхъ отведено подъ нее, знать было, конечно, необходимо, но путемъ разспросовъ ничего установить не удалось („Земельный Техникъ", № 6).

При такихъ условіяхъ землемѣръ рѣшилъ «временно пріостановить работу», за что и получилъ «рѣзкое выраженіе неудовольствія» отъ начальства; а когда сталъ объяснять причины, создался «конфликтъ на служебной почвѣ»... Или вотъ еще «случай изъ практики». Землемѣра командировали въ деревню, которая просила произвести внутринадѣльное размежеваніе. На мѣстѣ онъ открылъ, что подъ видомъ внутринадѣльнаго размежеванія деревня хочетъ осуществить нѣчто другое: «только незначительная часть земли принадлежитъ ея обособленному владѣнію, а остальная находится въ общемъ пользованіи съ сосѣдними обществами». Поневолѣ пришлось остановиться. И прежде, чѣмъ землеустроительная коммиссія согласилась, что необходимо придварительное разверстаніе, было «не мало затрудненій». И, въ самомъ дѣлѣ, у настоящаго землеустроителя не должно быть ни сомнѣній, ни колебаній, ни недоразумѣній. И первый примѣръ тому, что колебаній и сомнѣній быть не должно, подали реформаторы изъ Петербурга, рѣшившіеся съ этой цѣлью въ самомъ началѣ упростить «законъ 9 ноября».

Авторы этого закона, повторяю, видимо, далеко не вполнѣ представляли себѣ сложность и запутанность мужицкихъ юридическихъ правъ на землю. Кое-что они все таки приставляли. И въ частности, имъ было извѣстно, что помимо «полосъ», у мужиковъ есть угодья сѣнокосныя, лѣсныя, а иногда даже пахотныя, которыя въ передѣлъ на общихъ основаніяхъ не поступаютъ и нерѣдко находятся въ совмѣстномъ и необособленномъ владѣніи нѣсколькихъ селъ и деревень, составляющихъ въ случаѣ надобности для распоряженія этою совмѣстною собственностью особый межселенный сходъ. Какъ быть съ этими «угодьями, непередѣляемыми и пере-

дѣляемыми на особыхъ основаніяхъ», — авторы закона 9 ноября настояще не рѣшили. Касаясь этихъ замысловатыхъ угодій, законъ, какъ признаетъ даже «Голосъ Москвы», не сталъ «нормировать взаимныхъ отношеній общины и выдѣлившагося домохозяина, и если основываться на законѣ, то... для сторонъ остается возможность соглашенія объ условіяхъ отказа выдѣлившагося отъ своей доли въ угодьяхъ, передѣляемыхъ на особомъ основаніи». Трудъ найти собственника такой земли и вступить съ нимъ въ соглашеніе какъ бы возлагался на выдѣлявшагося. Эта осторожность реформаторамъ показалась чрезмѣрной. И циркуляромъ 9 декабря 1906 г. законъ 9 ноября былъ измѣненъ и дополненъ въ томъ смыслѣ, что «каждый домохозяинъ» при укрѣпленіи за собою участка, находящагося въ его постоянномъ пользованіи, въ правѣ требовать «также и соотвѣтственной добавки взамѣнъ участія въ пользованіи передѣляемыми на особыхъ основаніяхъ и непередѣляемыми угодьями»... Отъ кого требовать,—этимъ вопросомъ петербургскіе землеустроители, видимо, не интересовались, а мѣстнымъ, какъ можно судить даже по губернаторскимъ циркулярамъ, порою и вовсе было невдомекъ. Требованіе обращалось къ обществу, по мѣсту приписки желающаго выдѣлиться. Въ случаѣ неполученія въ узаконенный срокъ отъ общества согласія или отвѣта землеустроители выдѣляли, земскій начальникъ укрѣплялъ. И только позже открылось, что во многихъ случаяхъ общество, къ коему было обращено требованіе, вовсе не хозяинъ укрѣпленной земельки. Настоящій же хозяинъ остался не спрошеннымъ, укрѣпленіе произведено безъ его вѣдома, а потому и самая сила крѣпостного акта оказывается сомнительной и спорной... Словомъ, частенько землеустроители выдѣляли и закрѣпляли, не допытываясь, какой «барщины» земля, и кто ея владѣлецъ. Отъ самихъ непремѣнныхъ членовъ землеустроительныхъ коммиссій мнѣ пришлось слышать, что спервоначалу и сгоряча не различалась даже надѣльная земля отъ общественной покупной; такъ какъ та и другая общинная, то и ту, и другую «укрѣпляли» безъ различія; «случалось даже укрѣплять» куски товарищеской и личной земли, купленной черезъ крестьянскій банкъ и продолжающей находиться въ банковскомъ залогѣ, но вошедшей по разнымъ внутреннимъ мужицкимъ соображеніямъ въ общій мірской оборотъ.

— Позакрѣпляли,—а потомъ, конечно, банки и третьи лица съ претензіями.

— Понакрѣпляли, а что изъ этого вышло,—самъ квартальный теперь не разберетъ.

Главное управленіе землеустройства и земледѣлія старается найти выходъ изъ этого сумбура. Между прочимъ, оно внесло въ Думу законопроектъ о реформѣ землеустроительныхъ коммиссій въ томъ смыслѣ, чтобы на послѣднія, кромѣ административныхъ правъ, воз-

ложить также и *судебныя* *). Что жъ, — дѣло не плохое,—кто заваривалъ кашу, тотъ пусть её и расхлебываетъ. Думается, однако, что даже упрощенный «землеустроительный» судъ каши не расхлебаетъ. Очень ужъ налегкѣ, беззаботно петербургскіе Савлы взялись за дѣло. «Въ заботахъ о скорѣйшемъ введеніи закона»—они, по отзыву даже «Голоса Москвы», принялись писать циркуляры, не сообразуясь ни съ гражданскимъ правомъ, ни съ условіями жизни, ни даже съ закономъ 9 ноября:

Напр., въ ст. 7 отд. I, закона указано, что въ приговорахъ и постановленіяхъ земскихъ начальниковъ объ укрѣпленіи участковъ въ личную собственность должны быть точно указаны количество и описаніе состоящихъ въ надѣлѣ общества угодій; а въ первомъ же циркулярѣ, разосланномъ послѣ изданія закона, отъ 9 декабря 1906 г., сказано: въ общественныхъ приговорахъ и постановленіяхъ земскихъ начальниковъ можетъ быть допускаемо приблизительное опредѣленіе этихъ угодій. Такимъ образомъ, слово: „точно" въ законѣ замѣнено словомъ: „приблизительно" въ циркулярѣ".

...Циркуляръ отъ 12 апрѣля 1907 г. пошелъ очень далеко по пути упрощенія способовъ выполненія закона 9 ноября, а именно разъяснено: „размѣръ этихъ (выдѣляемыхъ) участковъ можетъ быть обозначенъ не только десятинами и квадратными саженями, но и иными принятыми въ данной мѣстности способами. Описаніе мѣстоположенія и границъ, а тѣмъ болѣе снятіе на планъ не обязательно" („Голосъ Москвы", 18 января).

Это было такъ смѣло

практическія затрудненія,—продолжаетъ „Голосъ Москвы",—сопряженныя съ осуществленіемъ закона 9 ноября, видимо, были настолько серьезны, что даже земскіе начальники, уже 7 марта 1907 г. освѣдомленные о взглядахъ министерства на необходимость возможно скорѣе осуществить законъ 9 ноября, видимо, еще колебались, и 16 мая 1907 г. въ циркулярѣ на имя губернаторовъ послѣдовалъ энергичный натискъ на земскихъ начальниковъ; губернаторамъ предлагалось „подтвердить земскимъ начальникамъ, чтобы они отнюдь не допускали промедленія въ исполненіи требованія объ укрѣпленіи земли въ личную собственность", и высказывалась просьба „имѣть съ своей стороны неослабное наблюденіе за дѣятельностью земскихъ начальниковъ въ семъ отношеніи мѣрами, какія вы признаете наболѣе цѣлесообразными". Тонъ циркуляра оказался настолько внушительнымъ, что у земскихъ начальниковъ не могло оставаться колебаній, и началось неукоснительное выполненіе циркуляровъ (Ibid).

Началась усиленная экстренная фабрикація новыхъ «крѣпостныхъ актовъ»; да и фабриковать ихъ легко: мѣстоположенія указывать не требуется, называть границы не нужно, мѣру можно обозначить, какая придется... Пиши: земля принадлежитъ такому-то... А гдѣ эта земля, сколько ея,—кому нужно, тотъ самъ разберетъ. Однако, и по этому упрощенному способу вводить реформу оказалось не легко. Съ мѣстъ, по словамъ «Голоса Москвы», стали поступать заявленія, что «возникаютъ затрудненія при опредѣленіи количества и размѣра укрѣпляемыхъ въ личную собственность полосъ, число которыхъ насчитывается часто за однимъ домохозяи-

---

*) „Земельный Техникъ", № 6.

номъ около 100 и даже иногда до 200». Писать просто: принадлежитъ такому-то въ разныхъ мѣстахъ 200 полосъ общею мѣрою въ одинъ клинъ, видимо, и земскіе начальники затруднились, хотя нельзя, конечно, поручиться, что не нашлось составителей и такого рода «крѣпостныхъ актовъ». Впрочемъ, даже для такого рода актовъ нужно все-таки полосы сосчитать и хоть глазомъ, если не шагами, измѣрить. А скоро ли ихъ сосчитаешь на полѣ, двѣсти-то полосъ?.. Министерствомъ и это затрудненіе было блестяще устранено: былъ написанъ новый циркуляръ, отъ 25 января 1908 г., въ томъ смыслѣ, что, конечно, считать и мѣрять затруднительно, но зачѣмъ же заниматься этимъ самому земскому начальнику?

Въ производствѣ обмѣра (укрѣпляемой земли) лично земскимъ начальникомъ не представляется надобности...

...Земскіе начальники могутъ требовать свѣдѣнія о числѣ и размѣрѣ подлежащихъ укрѣпленію полосъ отъ *самого заявителя*, отъ схода, сельскаго (или селеннаго) старосты, или уполномоченныхъ общества...

...Наконецъ, „земскіе начальники имѣютъ полную возможность поручать обмѣръ полосъ волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, въ присутствіи домохозяевъ того-же общества и при содѣйствіи волостныхъ и сельскихъ писарей“ („Голосъ Москвы“, 18 января. Курсивъ мой.—*А. П.*).

Даже «Голосъ Москвы» возмущается такимъ ужъ слишкомъ соломоновскимъ выходомъ изъ затрудненія.

Можно себѣ представить,—пишетъ онъ,—новую категорію актовъ „равносильныхъ нотаріальнымъ“, гдѣ количество и размѣръ опредѣлены такими землемѣрами, какъ волостные старшины и сельскіе старосты (ibid.).

Но сельскіе старосты все-таки хоть должностныя лица. «Можно себѣ представить» и болѣе удивительные акты, гдѣ «свѣдѣнія о числѣ и размѣрѣ записаны со словъ самого «укрѣпляющагося» и при томъ безъ всякой провѣрки, такъ какъ, по циркуляру, земскій начальникъ и не обязанъ провѣрять... Впослѣдствіи министерство лишь въ одномъ отношеніи рѣшительно отступило: оно отказалось отъ мысли замѣнять десятины и сажени «какими-нибудь другими мѣрами» и даже разъяснило, что «размѣръ укрѣпляемыхъ въ личную собственность участковъ долженъ быть обязательно опредѣленъ въ десятинахъ и квадратныхъ саженяхъ, а не въ другихъ какихъ-либо мѣрахъ». Старосты же и старшины мѣряютъ землю понынѣ. По крайней мѣрѣ, въ провинціальныхъ газетахъ до послѣдняго времени встрѣчались извѣстія объ ихъ землемѣрныхъ упражненіяхъ.

Сами не знаемъ для чего,—читаемъ, напр., въ № „Волжскаго Листка“ отъ 17 января н. г.—нынѣ осенью староста получаетъ приказъ,—обойти по всѣмъ селеніямъ сельскаго общества и обмѣрить у всѣхъ крестьянъ полосы земли въ длину и ширину, а также подсчитать, сколько полосъ у каждаго. Вмѣстѣ съ приказомъ староста получилъ спеціально разграфленный листъ, гдѣ онъ долженъ былъ отмѣтить длину и ширину и количество полосъ у домохозяина. Но въ приказѣ не было упомянуто, для чего все это. Съ та-

кимъ приказомъ и листомъ староста является въ каждую деревню, собираетъ крестьянъ и ведетъ ихъ въ поле для обмѣриванія. Нѣкоторыя селенія обмѣривали веревкой свои полосы, сами не зная, для чего это дѣлаютъ. Какъ мнѣ извѣстно, обмѣривали свои полосы три селенія. Остальныя шесть селеній отъ обмѣриванія земли отказались, говоря, что они не землемѣры... Въ настоящее время мы, крестьяне, думаемъ и ума не приложимъ, — для чего же мѣрили землю?

Впрочемъ, это работа для будущаго. А въ прошломъ даже веревкой, случалось, не мѣряли, а просто крѣпостные акты писали. Писали да писали, и вотъ больше 400,000 актовъ написали. Считаемъ, что всего укрѣпили къ 1 ноября 1908 г. 3.212,758 десятинъ, — вотъ какъ у насъ гладко, съ точностью до одной десятины. А по совѣсти если говорить: не мѣряли. Больше года и обязанности такой не было, чтобъ въ десятинахъ размѣръ обозначать. Мѣряли и считали кому случится: старосты, писаря... Какъ мѣряли, чѣмъ и какъ считали, — нешто мы знаемъ? Мѣстоположенія мы не обязаны были обозначать. А на счетъ интересовъ смежныхъ владѣльцевъ мы не безпокоились, да къ тому и были освобождены отъ обозначенія границъ. Чью землю укрѣпляли, надѣльная ли она, и кому надѣлена, могла ли быть укрѣпляема,—въ суетѣ-то развѣ было когда разбирать? Да и не всѣмъ оно вдомекъ было, что это разбирать надо. А сверхъ того, дѣйствительно, путали-таки: то напишешь: укрѣпляется во владѣніе, то напишешь: укрѣпляется въ пользованіе. И спрашивать съ насъ нечего. Въ министерствѣ юристы не намъ чета, и тѣ велѣли тамъ, гдѣ въ законѣ требуется обозначать точное, писать «приблизительно». А какъ посмотритъ на такіе укрѣпительные акты гражданскій судъ,—Богъ его знаетъ. Мы-то писали по циркуляру, а судъ, пожалуй, скажетъ: это недѣйствительно, не по закону; времена перемѣнчивы, — нынче судъ по Столыпину, а завтра, можетъ, и по другому министру...

Пока споръ шелъ по существу. Одни противились выдѣлу. Другіе торопились выдѣлиться. Третьи торопились скупить. На качество «актовъ», ихъ юридическую цѣнность мало обращали вниманія. Но когда частно-правовой интересъ, задѣтый этими 400,000 документами, станетъ взвѣшивать ихъ съ точки зрѣнія юридической уязвимости... А можно вѣдь еще взвѣшивать и съ точки зрѣнія предпріимчивости. Вонъ уже пишутъ о появленіи Чичиковыхъ. Прежніе Чичиковы, имѣя въ рукахъ настоящіе нотаріальные акты, такъ умѣли пользоваться неяснымъ обозначеніемъ границъ, что ухитрялись порою одну и ту же землю въ одномъ и томъ же банкѣ закладывать дважды. И это несмотря на тщательную регистрацію крѣпостныхъ актовъ и залоговыхъ операцій старшими нотаріусами. Представьте же, какой кладъ для Чичиковыхъ нынѣшніе «крѣпостные акты»: у нотаріусовъ они не зарегистрированы; при составленіи ихъ неясность и неопредѣленность обозначенія границъ была предписана циркулярами... Сколько разъ современный Чичиковъ,

имѣя такіе документы въ рукахъ, сумѣетъ заложить въ банкѣ одну и ту же землю?.. На мѣстѣ г. Столыпина надо бы очень бояться, что онъ, пустивъ въ гражданскій оборотъ страны такую массу необдуманныхъ актовъ «укрѣпленія», обезпечилъ себѣ грандіознѣйшій историческій скандалъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что петербургскіе Савлы, видимо, и сами чувствуютъ, что у нихъ съ укрѣпленіями не ладно. И еще въ прошломъ году сквозь рѣшительность и беззаботность начали прорываться нотки предостереженія мѣстнымъ исполнителямъ, чтобы они понимали циркуляры не очень-то буквально и не такъ бы беззавѣтно устремлялись. Такъ, въ началѣ мая, при открытіи съѣзда земскихъ начальниковъ Московской губерніи московскій губернаторъ предупредилъ своихъ подчиненныхъ, чтобы они

> не держались того очень распространеннаго мнѣнія, что законъ 9 ноября направленъ къ уничтоженію сельскихъ общинъ... Выходъ изъ общины остается совершенно свободнымъ, и всякія попытки къ искусственному разложенію общины тамъ, гдѣ она вполнѣ жизненна, не только не соотвѣтствуетъ видамъ правительства, но совершенно противорѣчатъ основной идеѣ закона 9 ноября. Если вы замѣчаете стремленіе правительства къ усиленному распространенію въ населеніи свѣдѣній о законѣ 9 ноября, то стремленія эти вызваны желаніемъ не разрушать общину, а придти на помощь тѣмъ крестьянамъ, которые сами тяготятся условіями общиннаго землевладѣнія.. Только въ этихъ цѣляхъ пропаганда закона 9 ноября является желательной („Кіевская Мысль", 12 мая 1908 г.).

Черезъ 8 мѣсяцевъ на съѣздѣ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и землеустроительныхъ коммиссій (въ январѣ 1909 г.) г. Столыпинъ высказался лично. По его словамъ все совершенное—свыше 400 тысячъ документовъ—есть лишь «первая сталія» закона 9 ноября, или даже простая подготовка матеріала для законодательныхъ учрежденій. Газеты отмѣтили эту неожиданную точку зрѣнія и старательно объяснили, что по 87 ст. основныхъ законовъ временные законы могутъ быть издаваемы во время «бездумья» лишь въ томъ случаѣ «если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ». Издавать же на основаніи этой статьи законы, вносящіе рѣзкую ломку въ хозяйственную жизнь страны, и при томъ съ цѣлью подготовить матеріалъ для законодательныхъ учрежденій,—ни съ чѣмъ не сообразно. Это, разумѣется, правильно. Но если вспомнить, что землеустроители сумѣли натворить, то, право же, благоразумнѣе все совершенное объявить какъ бы черновымъ опытомъ, «пробой пера»... Воздавъ пышную хвалу черновому опыту, г. Столыпинъ намѣтилъ программу очередныхъ работъ:

> Вамъ предстоитъ теперь,—говорилъ онъ,—обезпечить успѣхъ второй стадіи этого района—отводъ участковъ къ однимъ мѣстамъ и внутринадѣльное устройство крестьянъ *).

*) Цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 12 января.

Еще больше, чѣмъ эти словесные и вкрапленные въ хвалебную риторику намеки, должно было значить поведеніе начальства на съѣздѣ. Вопреки недавнимъ и понынѣ сохраняющимъ силу циркулярамъ не стѣсняться мѣрами или, въ крайнемъ случаѣ, поручать измѣреніе сельскому старостѣ, теперь само начальство на съѣздѣ стало говорить, что необходимы землемѣры, необходимо намѣчать «сотрудниковъ, обсудить съ ними весь планъ предстоящихъ работъ»; затѣмъ необходимо предварительно «изучить весь плановой матеріалъ, всѣ юридическія стороны каждаго дѣла» *). Доселѣ признавалось возможнымъ—и даже требовалось—«дѣлать реформу» чисто по-кавалерійски, налегкѣ. Теперь на съѣздѣ вдругъ само начальство заговорило, что лучше реформировать, подумавши да сообразивши. Между прочимъ, съѣздъ высказался даже за «безусловную полезность и желательность... особыхъ совѣщаній по примѣненію мѣръ, способствующихъ развитію закона 9 ноября». И какъ оно удачно вышло: съѣздъ принялъ эту резолюцію 22 января **), и какъ разъ въ это время въ совѣтѣ министровъ уже было утвержденное постановленіе объ устройствѣ мѣстныхъ совѣщаній «для всесторонняго выясненія мѣръ къ улучшенію крестьянства». Совпаденіе даже въ мелочахъ: «съѣздъ находилъ, что въ подробной регламентаціи дѣятельности такихъ совѣщаній надобности не встрѣчается». И постановленіемъ совѣта министровъ задачи мѣстныхъ совѣщаній опредѣлены туманными, самыми общими чертами... Такъ блестяще подтвердилась правильность соображеній г. Столыпина опытомъ мѣстныхъ дѣятелей.

Послѣ съѣзда землеустроители стали совѣщаться по губерніямъ. Совѣщаться обо всемъ вообще. И въ особенности по поводу указанія г. Столыпина, что теперь надо заняться внутринадѣльнымъ устройствомъ, отводомъ земли къ одному мѣсту, разселеніемъ на «отруба», пропагандой и развитіемъ хуторского хозяйства. Мѣстами, какъ, напр., въ Орлѣ на эти губернскія совѣщанія землеустроителей приглашаются волостные старшины и писаря и передъ этой посторонней аудиторіей ведется пропаганда отрубовъ. Мѣстами (напр., въ Москвѣ, въ Симбирскѣ) землеустроители основательно разсуждаютъ, что для внутринадѣльнаго устройства нужны землемѣры, а ихъ нѣтъ. Кромѣ того, погубернскія совѣщанія подготовляютъ матеріалы для предстоящихъ «мѣстныхъ совѣщаній». Кое-гдѣ землеустроители озабочиваются вопросомъ, какъ насаждать «отруба», когда все болѣе и болѣе замѣтно крѣпнетъ стремленіе только что разсѣленныхъ хуторянъ назадъ въ общину.. ***). Къ этому новому курсу земельныхъ реформаторовъ

*) Рѣчь директора департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ Риттиха. См. „Нов. Вр.“, 27 февраля.

**) См. „Нов. Время“, 27 февраля.

***) Это явленіе, по газетнымъ свѣдѣніямъ, замѣтно крѣпнетъ въ губерніяхъ Казанской, Самарской и части Смоленской.

оставались до послѣдняго времени не привлеченными земскіе начальники, обязанные старыми, доселѣ не отмѣненными, циркулярами энергически укрѣплять. Но и для земскихъ начальниковъ нашлось дѣло:

Министерство внутреннихъ дѣлъ предписало губернскимъ присутствіямъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы земскіе начальники оказали дѣятельное участіе въ развитіи въ средѣ крестьянскаго населенія учрежденій мелкаго кредита. Въ предписаніи говорится, что всѣ начинанія правительства въ дѣлѣ поднятія крестьянскаго благосостоянія были бы безрезультатными, если бы у населенія не оказалось доступнаго кредита. *Тѣхъ земскихъ начальниковъ, которые проявятъ въ этомъ дѣлѣ индифферентизмъ, предложено представлять къ увольненію отъ службы* („Русскія Вѣдомости", 27 марта).

Не менѣе рѣшительно писались въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка знаменитые приказы: «предписывается немедленно прекратить въ Тверской губерніи нищенство...» Но когда передъ земскимъ начальникомъ два циркуляра, и оба подъ страхомъ увольненія отъ службы предписываютъ: старый—«укрѣплять», новый—насаждать мелкій кредитъ,—больше вниманія, разумѣется, надо удѣлять циркуляру позднѣйшему.

Вообще же положеніе провинціальнаго исполнителя нынѣ весьма невеселое. Ему прямо не говорятъ, что требуется «новый курсъ». Да, пожалуй, и нельзя этого сказать. Съ экстренными покупками земли черезъ крестьянскій банкъ мы изрядно-таки провалились. Переселенческая панацея оказалась простымъ легкомысліемъ. Если въ добавленіе къ этому теперь отказаться еще «отъ игры» въ насажденіе «частной собственности», когда «законъ 9 ноября» принятъ уже въ послушной Думѣ, то что же останется отъ престижа г. Столыпина? Обнаружить, что и въ этомъ, едва ли не центральномъ пунктѣ, обнаружено больше рѣшительности, чѣмъ пониманія весьма элементарныхъ, казалось бы, вещей,—конечно, нельзя. И вотъ передъ провинціальнымъ исполнителемъ печатныя рѣчи министра: въ нихъ прежняя риторика, прежній самоувѣренный тонъ,—всепрекрасно и все должно идти въ томъ же духѣ, даже «съ воодушевленіемъ», какъ подчеркнулъ въ своей рѣчи на землеустроительномъ съѣздѣ г. Столыпинъ. И циркуляры остаются прежніе. А съ другой стороны, практическія указанія министра, кажись, свидѣтельствуютъ, что у правительства новые виды. Станешь усердствовать въ прежнемъ направленіи, начальство скажетъ: не уменъ... Разнообразна стала административная Россія въ смыслѣ отношенія къ «закону 9 ноября». Въ однихъ мѣстахъ все еще укрѣпляютъ. Въ другихъ какъ бы охладѣли. Въ третьихъ, какъ, напр., въ Ярославской губерніи, власти чинятъ «закону 9 ноября» противодѣйствіе *). Но больше всего все-таки послѣ январскаго землеустроительнаго съѣзда дѣятельно совѣщаются, какъ размежевать землю

*) „Волжскій Листокъ", 22 марта.

на отруба, гдѣ и какимъ способомъ достать землемѣровъ. Въ разныхъ мѣстахъ открыты даже «землемѣрные курсы», установлены легчайшія испытанія на званіе межевщика. Рѣшено къ занятіямъ межевымъ дѣломъ допустить и женщинъ... Словомъ, идетъ заготовка «землемѣровъ». И кажется, лишь только съ этимъ будетъ покончено, завязнувшіе «укрѣпители земли» снова сдвинутся съ мѣста

Повидимому, сами землеустроители такъ именно и понимаютъ. И даже собрали кое-какой цифровой матеріалъ для предстоящихъ работъ. На московскомъ, напр., совѣщаніи непремѣнныхъ членовъ землеустроительныхъ коммиссій, по словамъ «Голоса Москвы», выяснилось,

что „изъ 1.600.000 десят. крестьянской надѣльной земли въ одноплановомъ пользованіи группъ селеній находится 827 тысячъ. Съ 1861 г. по 1908 г. въ судебно-межевомъ порядкѣ было размежевано 11.000 дес.

А въ 1908 г. сразу размежевано 50.000 десятинъ; въ 1909 г. землеустроители предполагаютъ размежевать крестьянской земли 142.000 *). Симбирскіе землеустроители тоже собираются въ нынѣшнемъ году размежевать «468 селеній на пространствѣ 41.133 десятинъ» **). Все это, правда, туманно: судебное межеваніе смѣшивается съ землеустроительнымъ, размежеваніе между селами и деревнями, владѣющими землею совмѣстно, разсматривается такъ, словно оно села и хутора обратитъ въ отруба. Но это, конечно, осторожнѣе отнести за счетъ неточной передачи газетъ. Видно, во всякомъ случаѣ, что люди намѣрены создать обособленное владѣніе селъ и деревень, а потомъ уже и выдѣлять; хоть этому практика научила. И все-таки землеустроители, какъ чины молодые и при томъ новаго рода службы, пожалуй, нѣсколько преувеличенно восприняли указанія на съѣздѣ и насчетъ землемѣровъ и насчетъ внутринадѣльнаго размежеванія. Старые провинціальные службисты хорошо понимаютъ, какая цѣна разговорамъ о размежеваніяхъ и землемѣрахъ. Должны бы понимать это и петербургскіе землеустроители. Не секретъ же, въ самомъ дѣлѣ, для нихъ, что генеральное межеваніе, начатое въ первые годы царствованія Екатерины II въ 1765 г., не окончено до сихъ поръ? Затрудняюсь, во всякомъ случаѣ, предположить, что имъ неизвѣстна хотя бы въ общихъ чертахъ исторія этого стараго скандала; планы генеральнаго межеванія оказались во многихъ случаяхъ неточными, измѣнять ихъ— дѣло щекотливое: по закону «генеральная межа» ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть нарушаема или измѣняема; и нарушеніе ея не покрывается давностью владѣнія. Такъ и стоитъ дѣло до сей поры — ни сызнова его начать, ни старое кончать. И до сей поры часть Россіи живетъ безъ государственныхъ—генеральныхъ—

*) „Голосъ Москвы", 1 февраля.
**) „Народ. Вѣсти", 21 февраля.

межъ, и не можетъ поставить надлежаще частно-правовое—«спеціальное»—межеваніе. Это—старая наша болѣзнь. И, быть можетъ, не по соображеніямъ одной только быстроты «землеустроителямъ» такъ хотѣлось обойтись безъ межеваній, землемѣровъ, плановъ и точнаго обозначенія границъ.

Не такъ давно «Смоленскій Вѣстникъ» передавалъ одно изъ типичныхъ въ Россіи межевыхъ недоразумѣній. 4 волости Порѣчскаго уѣзда, имѣя въ совмѣстномъ владѣніи около 75 тысячъ десятинъ, до сихъ поръ не размежеваны. Въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, идутъ безконечныя распри, не только по причинамъ хозяйственнымъ, но также изъ-за чисто «полицейскихъ происшествій». Порою каждое мертвое тѣло, оказавшееся вблизи предполагаемой границы, создастъ поводъ для недоразумѣній и споровъ, какому уряднику составлять протоколъ и чьимъ десятскимъ мертвеца стеречь. Наконецъ, крестьяне не вытерпѣли и рѣшили произвести судебное размежеваніе. Размежевываются они около 10 лѣтъ. Истратили на это дѣло 18.000 р. Ведется оно подъ руководствомъ адвоката и съ одобренія мѣстныхъ властей. Еще въ 1900 г. все лѣто до поздней осени на мѣстѣ работали 8 землемѣровъ. Свои планы и матеріалы они представили тогда же въ судъ. Но отъ суда до сихъ поръ ни звука*). Мудрено, разумѣется, угадывать, почему такая медлительность произошла въ смоленскомъ судѣ. Но вообще-то довольно извѣстно, что судебныя межеванія у насъ сплошь и рядомъ тянутся десятилѣтіями. И сколько ни вини медлительность судовъ, какъ ни жалуйся на устарѣлость межевыхъ законовъ, но наша межевая анархія обязываетъ принимать чрезвычайныя мѣры по охранѣ интересовъ смежныхъ владѣльцевъ. Требуется найти этихъ владѣльцевъ, указать суду, вызвать, привести къ соглашенію, обезпечить сроки обжалованія... На это и уходятъ десятки лѣтъ... Характерно, между прочимъ, для обычной у насъ путаницы въ понятіяхъ «Смоленскій Вѣстникъ» настойчиво предлагаетъ землеустроительной коммиссіи размежевать указанныя 4 волости Порѣчскаго уѣзда.... Секретъ, конечно, въ томъ, что землеустроительное межеваніе—особое, допустимое въ предѣлахъ безспорныхъ границъ, точно установленныхъ генеральными и спеціальными планами. Но это различіе между судебнымъ и землеустроительнымъ межеваніемъ, понятное и ясное на бумагѣ, фактически невозможно соблюсти. На практикѣ, по скольку у насъ нѣтъ точныхъ плановъ, по стольку землемѣрныя упражненія землеустроителей неминуемо окажутся вторженіемъ въ область суда и наруженіемъ гражданскихъ интересовъ третьихъ лицъ. Поставить это дѣло широко—значитъ открыть войну противъ межевыхъ законовъ, составляющихъ 2 часть X тома. А воевать съ X томомъ, постоянно памятуя, что каждый почти землеустроитель изъ отставныхъ ротмистровъ готовъ съ разбѣга и отъ усердія со-

*) „Смоленскій Вѣстникъ", 9 января 1909 г.

всѣмъ не разглядѣть, куда заѣхалъ,—штука эта опасная, того и гляди, шею сломишь...

Что жъ дѣлать?.. Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что неизвѣстно, какъ тутъ быть, и неизвѣстно, что дѣлать. Машина заведена. Пріостановить ее нельзя, — скандалъ. И смотрѣть на ея работу жутко, потому что продолжаетъ она готовить все тотъ же скандалъ... Совѣтуемся пока что...

...«И не уйдешь ты отъ суда людского, какъ не уйдешь отъ Божьяго суда»... Не уйдешь. Теперь ужъ оно прямо-таки физически чувствуется, что не уйдешь. Все легкомысліе, вся нелѣпица содѣяннаго начинаетъ выползать наружу. Жизнь, какъ заимодавецъ, долготерпѣніе котораго истощено, быстро подводитъ итоги и ломится въ дверь, требуя уплаты по счету. Судъ идетъ,—не скроешься.

IV.

Жить все-таки хочется, какъ принято въ хорошихъ, приличныхъ, благородныхъ домахъ. А въ хорошихъ, благородныхъ домахъ считается приличнымъ и даже необходимымъ, чтобы «люди власти и силы» со всѣми ихъ приспѣшниками не только не уклонялись, но и занимали виднѣйшія мѣста, когда требуется почтить память признанныхъ великихъ людей родной страны. Можетъ быть, Шиллеръ тамъ или Гейне для оффиціальной Германіи не лучше горькой рѣдьки. Но если дѣло касается внѣшнихъ знаковъ уваженія, оффиціальная Германія, конечно, не станетъ демонстрировать свой разладъ съ Германіей неоффиціальной. Ничего не подѣлаешь: кто хочетъ править, тотъ вынужденъ чтить національныхъ героевъ. «Правительство должно быть національнымъ». Это—азбука политическаго искусства. Кое-какія попытки дѣйствовать сообразно съ азбукой были замѣтны въ прошломъ году и у насъ передъ толстовскимъ юбилеемъ. Тогда разсчеты опрокинулъ въ значительной степени самъ Л. Н. Толстой; не задолго до юбилейныхъ чествованій онъ написалъ: «Не могу молчать»... И толстовскій юбилей лишь подчеркнулъ еще разъ, что «оффиціальная Россія» по отношенію къ Россіи подлинной, народной занимаетъ позицію отрицательную и непримиримую. Не удался въ этомъ смыслѣ и тургеневскій юбилей. Въ болѣе выгодномъ, казалось бы, положеніи была оффиціальная Россія по поводу исполнившагося 19 марта столѣтія со дня рожденія Гоголя.

Выгодно было уже то, что этотъ великій человѣкъ русской земли жилъ давно: со времени его смерти скоро истечетъ шесть земскихъ давностей. Облегчалось, далѣе, положеніе тѣмъ, что имя Гоголя не причастно ни къ «соціализму», ни къ «нигилизму», ни даже къ «либерализму». Правда, нѣкоторые «измы» со стихійной силой и непосредственностью запечатлѣлись въ «Ревизорѣ», въ «Мертвыхъ

душахъ», во всемъ томъ цѣнномъ и чтимомъ, что далъ и оставилъ по себѣ Гоголь. Онъ оказался во главѣ литературной школы, которая отвергла священнѣйшія цѣнности самодержавія, осмѣяла и развѣнчала ихъ. Но опять-таки Гоголь жилъ столь давно, что этихъ непріятныхъ сторонъ можно и не касаться. Можно поступить такъ, какъ уже нѣсколько десятилѣтій поступаетъ министерство народнаго просвѣщенія: вычеркнуть изъ русской литературы «Мертвыя души» и «Ревизора» оно не могло; пришлось внести ихъ въ школьныя программы, но разсматриваются они тамъ безотносительно къ общему укладу жизни и внѣ связи съ дальнѣйшими литературными и общественными событіями. «Мертвыя души»—это было до отмѣны крѣпостного права. «Ревизоръ»—это случалось во времена городничихъ. Плюшкинъ—типъ скупца. Подколесинъ—типъ нерѣшительнаго человѣка. Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ—типъ робкаго человѣка... Вмѣсто живого гоголевскаго наслѣдства, школа преподноситъ русскому юношеству сфабрикованный ею гербарій изъ Гоголя. Въ такомъ оторванномъ отъ дѣйствительности и гербаризированномъ видѣ можно было разсматривать писателя и въ столѣтнюю годовщину его рожденія. Въ такомъ видѣ онъ собственно и разсматривался, когда былъ отданъ по школамъ приказъ:

— Гоголя праздновать. Не учиться. Служить панихиды.

Въ первое время, по крайней мѣрѣ, мѣстами было даже такое тяготѣніе, что ужъ если праздновать, такъ праздновать. Между прочимъ, въ Екатеринославѣ гоголевскія празднества предполагались во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, однако въ послѣднюю минуту «всѣ празднества, кромѣ чтенія отрывковъ изъ произведеній Гоголя, были отмѣнены». Точно также, напр., въ Курскѣ предполагалось «устроить общій праздникъ для всѣхъ учащихся въ городскихъ школахъ»; но это намѣреніе было «отклонено дирекціей народныхъ училищъ», и, кромѣ того, «общедоступное гоголевское литературное утро, предполагавшееся (курскимъ) обществомъ содѣйствія начальному образованію, не могло состояться по независящимъ обстоятельствамъ»... Въ концѣ концовъ праздникъ свелся главнымъ образомъ къ тому, что «служили панихиды». Но даже на панихидахъ не всѣмъ духовнымъ лицамъ, выступавшимъ съ приличествующими случаю рѣчами, удалось избѣжать печальныхъ упоминаній. Такъ, напр., епископъ Серафимъ витебскій, расхваливъ въ соборѣ «Переписку съ друзьями», какъ «лучшее произведеніе», не могъ не вспомнить и о «прежнихъ произведеніяхъ» Гоголя, которыя «принесли обществу мало пользы»; правда, Гоголь, по словамъ витебскаго преосвященнаго, въ концѣ концовъ «понялъ», что эти его «прежнія произведенія» малоцѣнны, а когда «понялъ», то покаялся и исправился. Но вѣдь это — пріемъ церковнаго краснорѣчія, не больше. Въ дѣйствительности-то «прежнія произведенія» читаются всѣми отъ мала до велика, вошли въ школьныя хрестоматіи, а «Переписка съ друзьями» кому извѣстна? И есте

ственно, что передъ «правыми» политическими организаціями, которыя тоже собирались было чествовать Гоголя, всталъ вопросъ по существу:

— Достоинъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Гоголь чествованія? Кто онъ былъ: патріотъ или крамольникъ?

Особенной остроты, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, эти разногласія достигли въ Кіевѣ. Здѣсь назначенное было уже «чествованіе, въ виду раскола, отложено впредь до выясненія вопроса на соединенномъ собраніи всѣхъ правыхъ организацій». Въ свою очередь, «Новое Время» выступило съ двумя статьями г. Меньшикова и г. Розанова, блестяще доказавшими, что «правымъ организаціямъ» собственно не зачѣмъ собираться и нечего выяснять. Дѣло и безъ того видимое:

Гоголь,—по мнѣнію г. Меньшикова,—исказилъ Россію. Онъ оклеветалъ ее, ввелъ въ русское общество издѣвательство надъ собою, парализовалъ любовь къ отечеству *).

«Въ Гоголѣ все время шелъ пограничный рѣшительный бой стараго аристократизма съ демократіей духа величія и восторжествовавшей пошлости». И «демократія»—слово, имѣющее на языкѣ г. Меньшикова ругательный смыслъ,—побѣдила; Гоголь былъ русскимъ Терситомъ, первымъ изъ литераторовъ-разночинцевъ, литераторовъ-хамовъ. Въ немъ-то собственно и надо искать одинъ изъ корней революціи. «У Гоголя,—объясняетъ ту же точку зрѣнія г. Розановъ,—нѣтъ нигдѣ никакой мысли»:

Геній Гоголя былъ упоенъ, когда находилъ вонючую каплю... Все большое и крупное, все здоровое, хорошее, нормальное даже не воспринимается имъ. Увидѣвъ такое, онъ отходитъ въ сторону, совершенно объ этомъ не любопытствуя... Не чувствую запаха,—говорилъ онъ обо всемъ, если это не падаль... Онъ хотѣлъ, чтобъ непремѣнно черви ползали... (Цит. по „Одесскимъ Новостямъ", 24 марта).

Вотъ вѣдь о комъ синодъ велѣлъ панихиды служить! Вотъ чью память министерство народнаго просвѣщенія праздновало!.. И легко понять эту безудержную злобу гг. Меньшикова и Розанова. Сколько ни гербаризируй Гоголя въ школахъ, какъ ни пытайся «прежнія произведенія» оправдать «Перепиской», но смыслъ содѣяннаго авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» ясенъ и неустранимъ. Этого страшнаго обвинительнаго акта Меньшиковы и Манасевичи-Мануйловы такъ же не могутъ простить, какъ не могли простить Булгарины и Бенкендорфы. Слишкомъ живы порядки, по которымъ такъ больно и такъ глубоко ударилъ Гоголь. Гоголевское наслѣдство жжетъ нынѣшнихъ Собакевичей и Ноздревыхъ ничуть не меньше, чѣмъ жгло ихъ дѣдовъ и отцовъ. И оно естественно, что попытка чествовать превратилась въ озлобленныя

*) Цит. по „Одесскимъ Новостямъ", 24 марта.

ругательства, въ демонстративный наскокъ на память великаго человѣка. Наскокъ тѣмъ болѣе неприличный, что вѣдь одновременно съ нимъ не только священники, но и архіереи панихиды служили и похвальныя рѣчи говорили. Наскокъ тѣмъ болѣе неумный, что онъ ничего, кромѣ раздраженнаго безсилія, не доказываетъ. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что Гоголь—«терситъ», ничтожество, «хамъ», и нѣтъ ни одной въ немъ мысли, а есть сплошная клевета... Относительно такого негоднаго писателя, который при томъ же «парализуетъ любовь къ отечеству», «Новое Время» должно и можетъ сдѣлать только одно практическое предложеніе.

— Гоголя, разумѣется, надо запретить, сочиненія изъять и сжечь.

Это единственно возможный выводъ съ точки зрѣнія гг. Меньшикова и Розанова. Но, полагаю, даже у нихъ не хватитъ смѣлости настаивать на этой мысли, какъ даже у самого г. Шварца едва ли достанетъ рѣшимости изъять Гоголя изъ школьныхъ библіотекъ и вычеркнуть изъ школьныхъ программъ... Видите ли, хорошіе, благородные дома приспособились жить въ условіяхъ пространства, времени и реальныхъ возможностей. Тамъ люди знаютъ, что есть вещи неустранимыя, какъ законъ природы. Съ этими вещами тамъ, хотя бы и скрѣпя сердце, мирятся и безсильною яростью противъ нихъ себя не шокируютъ. Мы же все норовимъ жить по образу того глуповскаго градоправителя, который хотѣлъ теченіе рѣкъ прекратить. Чтобъ существовать сообразно нашему плану, намъ необходимо совершить чудо, упразднить условія пространства и времени, «препобѣдить» законы природы. Удивительно ли, что изъ попытокъ сообразоваться съ обычаями хорошихъ, приличныхъ домовъ выходитъ одно огорченіе?..

А. Петрищевъ.

Наброски современности.

XX.

Строительство «обновленной Россіи».

«Власть—говорилъ три года тому назадъ нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ, тогда еще только министръ внутреннихъ дѣлъ, въ первой Государственной Думѣ—это средство для охраненія жизни, спокойствія и порядка... Обязанность правительства—святая обязанность ограждать спокойствіе и законность, свободу

не только труда, но и свободу жизни, и всѣ мѣры, принимаемыя въ этомъ направленіи, знаменуютъ не реакцію, а порядокъ, необходимый для развитія самыхъ широкихъ реформъ» *). «Мы, правительство,—говорилъ г. Столыпинъ въ третьей Думѣ, давая ей разъясненія по дѣлу Азефа,—строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство, и вотъ противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить его въ основѣ. Эти лѣса неминуемо рухнутъ. Можетъ быть, задавятъ и насъ своими развалинами, но пусть это будетъ только тогда, когда изъ ихъ обломковъ уже, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ будетъ видно зданіе обновленной, свободной, но свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты и невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему государю—Россіи» **).

Широкія реформы, развитыя г. Столыпинымъ, «спокойствіе и законность», созданныя имъ, у всѣхъ передъ глазами. У всѣхъ передъ глазами и тѣ «лѣса», какіе воздвигаются г. Столыпинымъ и стоящими за нимъ общественными кругами для зданія «обновленной Россіи».

Не такъ давно въ газетахъ были опубликованы доставленныя въ Государственную Думу министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о количествѣ смертныхъ приговоровъ и смертныхъ казней въ Россіи за время съ 1905 г. по 1909 г. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, военно-окружными судами въ 1905 г. были приговорены къ смертной казни 72 лица гражданскаго вѣдомства и изъ нихъ казнены 10, въ 1906 г.—осуждены на смерть 450 и казнены 144, въ 1907 г.—осуждены 1056 и казнены 456, въ 1908 г.—осуждены 1741 и казнены 825. Кромѣ того, по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ, дѣйствовавшихъ съ 19 августа по 20 апрѣля 1907 г., было казнено 683 человѣка ***). Такимъ образомъ, за четыре года было вынесено 3993 смертныхъ приговора и казнено 2118 человѣкъ. Но къ этой цифрѣ надо еще прибавить приговоры и казни, состоявшіеся надъ военными чинами. Въ одномъ только 1907 г. было повѣшено 19 и разстрѣляно 65 военныхъ чиновъ ****). По подсчету, сдѣланному недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, за три года, съ 17 октября 1905 г. по 17 октября 1908 г., различнаго рода судами вынесено было въ Россіи болѣе 5000 смертныхъ приговоровъ *****). Не пріостановилась эта энергичная постройка висѣлицъ и въ 1909 году. Въ январѣ текущаго года были приговорены къ смертной казни 111 человѣкъ и казнены 107, въ февралѣ при-

---

*) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ. Сессія первая, т. II, стр. 1129.

**) Цитирую по „Рѣчи“, 13 февраля 1909 г.

***) „Рѣчь“, 6 марта 1909 г.

****) „Рѣчь“, 10 октября 1908 г.

*****) „Познаніе Россіи“, 1909, № 1.

говорены 122 и казнены 76, въ мартѣ приговорены 143 и казнены 52 человѣка *).

Смертная казнь перестала быть въ русской жизни чѣмъ-то экстраординарнымъ: она сдѣлалась однимъ изъ обычныхъ средствъ правительственнаго воздѣйствія на населеніе. Больше того, — въ сознаніи органовъ правительства она пріобрѣла характеръ неприкосновеннаго государственнаго установленія, и эти органы съ полною откровенностью выражаютъ уже готовность разсматривать всякій организованный протестъ противъ висѣлицы, какъ дѣяніе, противное законамъ. Не далѣе, какъ 17 марта текущаго года, петербургское особое городское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе отказало въ регистраціи «Лиги борьбы противъ смертной казни», мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что «смертная казнь является установленіемъ, основаннымъ на дѣйствующемъ законодательствѣ, организаціи же, избравшія цѣлью своей дѣятельности борьбу противъ существующихъ законныхъ установленій, какимъ бы путемъ она ни осуществлялась, не могутъ не быть признаны угрожающими общественному спокойствію и безопасности, а цѣль ихъ—противозаконною» **). И, возведенная на степень незыблемаго государственнаго установленія, борьба съ которымъ, какими бы средствами она ни велась, должна считаться противозаконной, смертная казнь находитъ себѣ все болѣе широкое примѣненіе и суды назначаютъ ее по самымъ мелкимъ, казалось бы, поводамъ. На-дняхъ еще газеты принесли извѣстіе, что московскій военно-окружной судъ приговорилъ двухъ крестьянъ Верейскаго уѣзда къ повѣшенію за поджогъ сѣна, стоимостью въ 350 р., въ имѣніи члена Государственнаго Совѣта Шлиппе ***). День за днемъ въ странѣ неустанно строятся висѣлицы, строятся съ неослабѣвающей ни на минуту энергіей, и эти-то висѣлицы выдаются за «лѣса», которые должны облегчить постройку зданія «обновленной, свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова Россіи».

Правда, роль такихъ «лѣсовъ» для правительства г. Столыпина играютъ не только висѣлицы. Въ своихъ заботахъ объ «обновленіи» Россіи оно наряду съ лишеніемъ жизни развило въ небывалыхъ ранѣе размѣрахъ и лишеніе свободы. Въ 1905 г. среднее ежедневное число тюремныхъ сидѣльцевъ въ Россіи опредѣлялось въ 85.000, въ 1906 г. оно равнялось 111.000, въ 1907 г.—138.000, въ 1908 г.—170.000. Въ текущемъ году главное тюремное управленіе разсчитывало на 200.000 заключенныхъ, но и этотъ разсчетъ оказался превзойденнымъ уже въ первые мѣсяцы года. Этотъ громадный ростъ тюремнаго населенія, за четыре года увеличившагося почти въ два съ половиною раза, не остался, конечно, безъ послѣдствій для всего тюремнаго быта. Какъ ни спѣшно строи-

*) „Рѣчь“, 21 марта и 1 апрѣля 1909 г.
**) „Рѣчь“, 2 апрѣля.
***) „Рѣчь“, 22 марта.

лись за эти годы новыя тюрьмы и ремонтировались старыя, все же ростъ тюремныхъ помѣщеній не могъ поспѣть за ростомъ числа заключенныхъ. Въ результатѣ тюрьмы оказались переполненными до предѣловъ послѣдней возможности или, говоря точнѣе, сверхъ всякой возможности. Въ тюрьмахъ, разсчитанныхъ при ихъ постройкѣ на 50 человѣкъ, въ настоящее время содержится по 200 и болѣе заключенныхъ, и арестанты набиваются въ камеры въ такомъ количествѣ, что на каждаго изъ нихъ нерѣдко приходится всего лишь 7—5 куб. аршина воздуха. Это неимовѣрное переполненіе тюремъ само по себѣ уже должно было имѣть роковыя послѣдствія, а въ связи съ другими неблагопріятными условіями современной тюремной обстановки оно обратило мѣста заключенія въ гнѣзда всевозможныхъ заразныхъ заболѣваній.

Уже въ прошломъ году наблюдателямъ русской жизни неоднократно приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что въ до-нельзя переполненныхъ тюрьмахъ то и дѣло развивались грозныя эпидеміи и что эти тюрьмы служили разсадниками заразы для окружавшаго ихъ населенія. Такъ, напримѣръ, екатеринославскіе земцы, осматривавшіе весною прошлаго года тюрьму въ г. Луганскѣ, пришли къ заключенію, что она «является гнѣздомъ и разсадникомъ тифа для населенія города и всего уѣзда» *). Такъ нѣчто подобное было констатировано по отношенію къ эпидеміи тифа и въ Кіевѣ. «Началось это—разсказывалъ кіевскій корреспондентъ «Голоса Москвы», описывая ходъ эпидеміи,—съ губернской тюрьмы. Болѣли въ старомъ зданіи сотнями, умирали десятками. Переполненіе тюрьмы содѣйствовало успѣху. Мало-по-малу болѣзнь переселилась и въ городъ. Тутъ она нашла себѣ обильную пищу. Эпидемія осѣла въ бѣдныхъ слояхъ населенія и тамъ исключительно жнетъ свою жатву. Въ 1908 году заболѣваній тифомъ въ городѣ было 9.150, изъ нихъ на тюрьму приходится 3.188» **). Подобные же случаи развитія въ тюрьмахъ тѣхъ или иныхъ заразныхъ заболѣваній, по преимуществу сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ, и затѣмъ переноса эпидеміи на окрестное населеніе наблюдались въ прошломъ году и въ рядѣ другихъ мѣстностей.

Первые мѣсяцы текущаго года принесли съ собою еще болѣе яркую вспышку тифозной эпидеміи въ тюрьмахъ. Эта эпидемія приняла положительно всероссійскій характеръ и, начиная съ января, газеты не перестаютъ сообщать все о новыхъ и новыхъ центрахъ ея, открывающихся то въ той, то въ другой изъ тюремъ, разсѣянныхъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. «Тифозныя заболѣванія начались въ пятигорской тюрьмѣ»,—сообщали газеты въ январѣ ***). «Въ губернской тюрьмѣ,—телеграфировали

---

*) См. мои „Наброски современности" въ „Р. Богатствѣ", 1908 г., №

**) Цитирую по „Рѣчи", 29 января.

***) „Рѣчь", 30 января.

немного позже изъ Перми,—свирѣпствуетъ сыпной тифъ. Второго февраля умеръ отъ тифа главный врачъ губернской земской больницы Виноградовъ, заразившись на пріемѣ восемнадцати тифозныхъ арестантовъ, доставленныхъ тюремной администраціей въ амбулаторію больницы» *). Въ февралѣ въ пермской тюрьмѣ насчитывалось уже болѣе 70 арестантовъ, умершихъ отъ брюшного и возвратнаго тифа, а между тѣмъ начальство тюрьмы, какъ писали родственники заключенныхъ члену Думы Полетаеву, не разрѣшало даже больнымъ арестантамъ улучшить пищу на ихъ собственныя деньги и въ свое оправданіе ссылалось на циркуляръ, разрѣшающій арестантамъ тратить на улучшеніе пищи не болѣе 4 руб. въ мѣсяцъ **). Около этого же времени въ екатеринбургской тюрьмѣ насчитывалось 36 больныхъ тифомъ арестантовъ, въ златоустовской—98, въ николаевскихъ исправительныхъ ротахъ въ верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи — около 150. Въ этой послѣдней тюрьмѣ тифъ перешелъ и на тюремную администрацію, и на конвойныхъ солдатъ; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ заболѣло, а двое надзирателей и врачъ Пилипинъ умерли въ самомъ началѣ эпидеміи ***).

Съ не меньшею силой разразилась тифозная эпидемія и въ тюрьмахъ южныхъ губерній. Изъ уѣздныхъ тюремъ Екатеринославской губерніи тифъ, кромѣ луганской, появился съ началомъ текущаго года и въ бахмутской. Тюрьма эта при постройкѣ была разсчитана на 50 человѣкъ, а теперь въ ней помѣщается 350 арестантовъ. Осматривавшіе ее членъ губернской земской управы и старшій санитарный врачъ застали въ ней «удручающую картину: тѣсное помѣщеніе, плохо освѣщенное, плохо вентилируемое; заключенные скучены голова на головѣ; санитарныя условія ужасныя». При первой же вспышкѣ тифа въ началѣ января въ тюрьмѣ оказалось 54 больныхъ. Черезъ короткое время число больныхъ арестантовъ повысилось до 100 человѣкъ. Въ началѣ февраля телеграммы столичныхъ газетъ сообщали, что «въ бахмутской тюрьмѣ эпидемія тифа чрезвычайно разрослась» и что «по просьбѣ городской управы тюрьма совершенно изолирована» ****). Не лучше, если только не хуже, положеніе тюрьмы и въ губернскомъ городѣ—Екатеринославѣ. «Въ екатеринославской тюрьмѣ—сообщалъ телеграфъ въ половинѣ января—появился тифъ, очень опасный въ виду скученности въ тюрьмѣ, разсчитанной на 300 человѣкъ и помѣщающей теперь 1317». Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ къ тифу въ екатеринославской тюрьмѣ присоединились еще массовыя желудочно-кишечныя заболѣванія, причиною которыхъ, какъ показало медицинское разслѣдованіе, были выданныя заключеннымъ несвѣжая

*) „Рѣчь“, 4 февраля.
**) „Наша Газета“, 24 февраля.
***) „Рѣчь“, 4, 15 и 17 января, 19 февраля.
****) „Рѣчь“, 17 января и 4 февраля.

рыба и нефильтрованная сырая вода. Тѣмъ временемъ и тифъ не стоялъ на мѣстѣ. «Коммиссія, осмотрѣвшая тюрьму, — извѣщала телеграмма, полученная изъ Екатеринослава въ концѣ февраля,— признала ея положеніе въ санитарномъ отношеніи крайне опаснымъ. Свирѣпствуетъ тифъ. Въ тюрьмѣ больныхъ тифомъ 130 человѣкъ. Наблюдается также массовое заболѣваніе чахоткой. Больные валяются на полу. Послѣ осмотра рѣшено вывезти часть арестантовъ въ другое помѣщеніе». Было ли выполнено это рѣшеніе, неизвѣстно, но въ началѣ марта телеграфъ сообщалъ, что въ губернской екатеринославской тюрьмѣ насчитывается уже 235 больныхъ арестантовъ и, кромѣ нихъ, заболѣли сыпнымъ тифомъ еще 4 надзирателя. А недѣлю спустя новая телеграмма изъ Екатеринослава извѣстила, что «въ тюрьмахъ вновь появился тифъ» [1]).

Въ Полтавѣ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ тифъ укрѣпился еще въ прошломъ году и въ концѣ его здѣсь насчитывалось до 50 больныхъ арестантовъ. Въ началѣ текущаго года эпидемія въ тюрьмѣ приняла такіе размѣры, что городъ счелъ нужнымъ созвать по ея поводу врачебно-санитарную коммиссію [2]). Въ курской губернской тюрьмѣ съ начала года также свирѣпствуетъ тифъ. Здѣсь заразился тифомъ и умеръ отъ него даже начальникъ тюрьмы Колмаковъ. «Эпидемія сыпного тифа— писалъ въ январѣ курскій корреспондентъ одной изъ петербургскихъ газетъ— разгорается: семь тюремъ, въ томъ числѣ, губернская, заражены. Переполненіе тюремъ страшное, тюремная больница ничтожна, до послѣдняго времени тифозныхъ арестантовъ въ кандалахъ отправляли въ городскую больницу на простыхъ извозчикахъ. Надзиратели, приставленные къ тифознымъ арестантамъ, живутъ вмѣстѣ съ надзирателями здоровыхъ камеръ. Въ результатѣ 16 надзирателей переболѣло тифомъ. Теперь, чтобы преградить распространеніе эпидеміи по городу, всѣ заключенные лишены свиданій» [3]). Въ симферопольской тюрьмѣ въ февралѣ было зарегистровано 86 случаевъ возвратнаго тифа и 3—сыпного. Къ началу марта, какъ сообщалъ телеграфъ, здѣсь переболѣло сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ около двухсотъ заключенныхъ и эпидемія все еще не прекращалась [4]). Въ кіевскихъ тюрьмахъ, гдѣ тифъ укрѣпился еще въ прошломъ году, онъ сохранилъ свою силу и въ первые мѣсяцы нынѣшняго года: въ январѣ въ кіевской Лукьяновской тюрьмѣ было зарегистровано 56 больныхъ сыпнымъ тифомъ и 166—возвратнымъ, въ февралѣ 191—сыпнымъ и

[1]) „Рѣчь“, 17 января, 22, 25 и 26 февраля, 7 и 13 марта.
[2]) „Рѣчь“, 13 ноября 1908 г. и 19 февраля 1909 г.
[3]) „Слово“, 30 января.
[4]) „Р. Вѣд.“, 19 февр. и „Рѣчь“, 8 марта.
[5]) Цитирую по „Рѣчи“, 29 января.

232—возвратнымъ [1]). За это время два тюремныхъ врача, г. Волошиновъ и г. Барановъ, одинъ за другимъ, заразились сыпнымъ тифомъ [2]). Въ херсонской тюрьмѣ въ началѣ текущаго года тифозныя заболѣванія приняли настолько угрожающій характеръ, что тюремное начальство сочло нужнымъ нанять частные дома подъ заразную арестантскую больницу и пересыльное отдѣленіе тюрьмы [3]).

Тифозная эпидемія охватила и уѣздныя тюрьмы многихъ южныхъ губерній. Въ тюрьмѣ г. Зѣнькова въ концѣ февраля насчитывалось 50 арестантовъ, больныхъ сыпнымъ тифомъ, и трое умершихъ отъ него [4]) Въ радомысльской тюрьмѣ сыпной тифъ не прекращался всю зиму и унесъ въ могилу 7 уголовныхъ арестантовъ и старшаго тюремнаго надзирателя [5]). Въ бердичевской тюрьмѣ, между прочимъ, умеръ отъ тифа бывшій депутатъ второй Думы Сановенко, отбывавшій годичное наказаніе за агитацію среди крестьянъ. Въ бердичевскомъ уѣздѣ тифъ распространился и на сельскія «холодныя». По крайней мѣрѣ, по сообщенію бердичевской земской управы, изъ заключенныхъ въ казатинскомъ волостномъ правленіи пять человѣкъ заболѣли сыпнымъ тифомъ [6]). Въ староконстантиновской тюрьмѣ мѣсяца два подрядъ свирѣпствовалъ тифъ, уложившій въ могилу нѣсколькихъ арестантовъ и двухъ надзирателей [7]). Подобныя же вѣсти приходили въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ и изъ многихъ другихъ уѣздовъ юго-западнаго края.

Не пощадилъ тюремный тифъ и польскихъ, и западно-русскихъ губерній. «Въ послѣднее время—сообщали газеты въ февралѣ — въ варшавскихъ тюрьмахъ увеличилось число больныхъ пятнистымъ тифомъ, при чемъ нѣсколько заболѣваній было среди медицинскаго персонала. Борьба съ инфекціонными болѣзнями въ нашихъ тюрьмахъ почти невозможна въ виду переполненія ихъ и совершеннаго отсутствія гигіеническихъ условій. Такъ, напримѣръ, пересыльная тюрьма на Прагѣ помѣщается въ неканализованномъ зданіи, заключенные за недостаткомъ тюфяковъ спятъ на голомъ полу, число ихъ достигаетъ 400, тогда какъ помѣщеніе разсчитано на 150 человѣкъ» [8]). Въ Минскѣ,—извѣщалъ телеграфъ въ мартѣ,— «въ тюрьмахъ свирѣпствуетъ эпидемія тифа» [9]). Въ вяземской тюрьмѣ Смоленской губерніи, какъ сообщилъ въ своемъ письмѣ въ «Рѣчь» начальникъ этой тюрьмы — въ минувшемъ мартѣ изъ 139 содержавшихся въ тюрьмѣ арестантовъ 37 человѣкъ, т. е.

[1]) „Кіев. Вѣсти“, 12 марта.
[2]) „Кіев. Вѣсти“, 9 марта.
[3]) „Р. Вѣдомости“, 20 февраля.
[4]) „Кіев. Вѣсти“, 3 марта.
[5]) „Рѣчь“, 7 марта и „Кіев. Вѣсти“, 4 марта.
[6]) „Кіев. Вѣсти“, 22 февраля.
[7]) „Кіев. Вѣсти“, 4 марта.
[8]) „Варш. Эхо“. Цитирую по „Рѣчи“, 19 февраля.
[9]) „Рѣчь“, 12 марта.

26 % были больны тифозной горячкой и сыпнымъ тифомъ, а изъ 10 тюремныхъ надзирателей трое заболѣли тифомъ и одинъ умеръ *). Не избѣжали тифозной эпидеміи и центральныя губерніи, и Поволжье, и сѣверъ Россіи. Въ орловской губернской тюрьмѣ въ мартѣ были обнаружены случаи заболѣванія тифомъ **). Зараженной тифомъ оказалась и тульская тюрьма ***). Около того же времени въ Нижнемъ Новгородѣ, помимо сильно уже развившейся эпидеміи сыпного и возвратнаго тифа, «вслѣдствіе переполненія тюрьмы среди заключенныхъ началась цынга». Цынга, кромѣ тифа, появилась и въ рыбинской тюрьмѣ ****). Въ Вологдѣ—извѣщалъ телеграфъ въ началѣ марта — «среди заключенныхъ свирѣпствуетъ сыпной тифъ». «Въ Тотьмѣ — сообщали одновременно газеты — эпидемія сыпного тифа, занесеннаго политическими ссыльными, пересылавшимися изъ Вятки и центральныхъ губерній». «Въ кадниковской тюрьмѣ—писалъ немного позднѣе вологодскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» — эпидемія возвратнаго тифа. Отмѣчено болѣе 20 заболѣваній, преимущественно среди пересыльныхъ. Эпидемія получила сильное развитіе вслѣдствіе переполненія тюрьмы, въ которой находится арестантовъ въ четыре раза больше нормальнаго числа» *****).

Изъ провинціальныхъ тюремъ тифъ перебрался и въ столичныя и нашелъ здѣсь для себя не менѣе благопріятную почву. Въ половинѣ февраля эпидемія вспыхнула въ московской Бутырской тюрьмѣ. За первую недѣлю, съ 15 по 21 февраля, въ тюрьмѣ было отмѣчено 15 больныхъ тифомъ арестантовъ, но уже во вторую недѣлю среди заключенныхъ было обнаружено 55 новыхъ больныхъ, въ томъ числѣ 49 заболѣвшихъ въ самой Бутырской тюрьмѣ и 6 привезенныхъ больными изъ провинціальныхъ тюремъ. Помимо того, въ эти же первыя двѣ недѣли заразились тифомъ два надзирателя и двѣ надзирательницы, жившіе на частныхъ квартирахъ, трое караульныхъ солдатъ изъ саперныхъ казармъ и семеро солдатъ конвойной команды. Черезъ нѣкоторое время заболѣлъ тифомъ и тюремный врачъ г. Орѣшниковъ. Коммиссія московскихъ городскихъ санитарныхъ врачей, обсуждавшая вопросъ объ эпидеміи въ Бутырской тюрьмѣ, нашла нужнымъ въ интересахъ не только заключенныхъ, но и всего городского населенія высказать пожеланіе, чтобы тюремная администрація не ограничилась примѣненіемъ только изоляціи больныхъ и дезинфекціи, но обратила самое серьезное вниманіе на проведеніе такихъ мѣръ, какъ улучшеніе питанія заключенныхъ и увеличеніе времени для прогулокъ, такъ какъ безъ улучшенія общихъ санитарныхъ условій тюрьмы и, въ осо-

*) „Рѣчь", 22 марта.
**) „Р. Вѣдомости", 22 марта.
***) „Рѣчь", 4 марта.
****) „Рѣчь", 27 марта; „Р. Вѣдомости", 8 апрѣля.
*****) „Рѣчь", 5 марта; „Р. Вѣдомости", 1 и 22 марта.

бенности, безъ улучшенія питанія заключенныхъ эпидемія не можетъ быть скоро прекращена. Наряду съ этимъ коммиссія указывала на желательность временнаго прекращенія доставки въ Москву арестантовъ изъ провинціальныхъ тюремъ и отправки арестантскихъ партій на мѣста высылки изъ Москвы. Эта послѣдняя мѣра была, дѣйствительно, принята тюремной администраціей. Что же касается остальныхъ пожеланій врачебно-санитарной коммиссіи, то судьбу ихъ можно видѣть изъ слѣдующаго факта: 3 марта лицамъ, явившимся на свиданія съ заключенными въ Бутырской тюрьмѣ, было объявлено, что впредь отъ нихъ не будутъ приниматься для передачи заключеннымъ не только бѣлье, но даже чай и сахаръ—единственные продукты, еще разрѣшавшіеся за послѣдній годъ къ передачѣ въ тюрьмы *).

Не миновалъ тифъ и петербургскихъ тюремъ. Здѣсь онъ, повидимому, частью зародился самостоятельно, частью былъ занесенъ изъ провинціальныхъ тюремъ. Еще въ февралѣ въ московской Бутырской тюрьмѣ были обнаружены тифозные больные, привезенные изъ Петербурга. Съ другой стороны, въ началѣ марта газеты сообщали, что по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ была доставлена большая партія арестованныхъ, въ которой находилось нѣсколько человѣкъ тифозныхъ больныхъ, и что за недостаткомъ мѣста вся эта партія была размѣщена на ночлегъ въ коридорахъ пересыльной тюрьмы **). Какъ бы то ни было, уже 6 марта всѣ смотрители полицейскихъ домовъ въ Петербургѣ получили извѣщеніе, что «въ виду массовыхъ заболѣваній тифомъ» пересыльная тюрьма временно прекращаетъ отправки всѣхъ этаповъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаетъ впредь до распоряженія остановить доставку въ нее арестованныхъ, содержащихся въ полицейскихъ домахъ и подлежащихъ высылкѣ ***).

Всѣ приведенные факты, конечно, не даютъ еще полной картины грозной эпидеміи, разразившейся въ нашихъ тюрьмахъ. Но они, по крайней мѣрѣ, позволяютъ составить нѣкоторое понятіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ этой эпидеміи.

На протяженіи всей Европейской Россіи трудно, кажется, указать одну какую-либо мѣстность, въ которой тюрьмы не были бы заражены тифомъ. «Свирѣпствуетъ тифъ»—таковъ вопль, несущійся изо всѣхъ почти тюремъ, таковъ припѣвъ, неизбѣжно начинающій и заканчивающій всѣ сообщенія о современной тюремной жизни. Двѣсти тысячъ человѣкъ сидитъ подъ стражей и среди этихъ двухсотъ тысячъ людей, биткомъ набитыхъ въ тѣсныхъ тюрьмахъ, на просторѣ гуляетъ страшная эпидемія, то затихая, то вновь раз-

*) «Р. Вѣдомости», 4, 6 и 7 марта; «Рѣчь», 6 марта.
**) «Рѣчь», 4 марта.
***) «Рѣчь», 7 марта.

горяясь яркимъ пламенемъ и съ каждой новой вспышкой пріобрѣтая все болѣе жестокій, все болѣе истребительный характеръ.

Само собою разумѣется, сила этой эпидеміи зависитъ не только отъ одного переполненія тюремъ. Даже въ тѣхъ краткихъ и сухихъ газетныхъ сообщеніяхъ, которыя были приведены выше, порою проскальзываютъ черточки, недвусмысленно указывающія на иного рода причины такой силы. Въ тюрьмахъ свирѣпствуетъ тифъ въ тюрьмахъ появляется цынга—и тѣмъ не менѣе тюремная администрація, строго исполняя преподанныя ей инструкціи, не считаетъ возможнымъ серьезно улучшить пищу заключенныхъ даже на ихъ собственныя деньги и плотно захлопываетъ двери тюремъ передъ всякой помощью со стороны, хотя бы эта помощь исходила непосредственно отъ близкихъ родныхъ заключенныхъ и выражалась лишь въ передачѣ больнымъ и истомленнымъ людямъ койкакихъ съѣстныхъ припасовъ. Врачи настаиваютъ на улучшеніи питанія заключенныхъ,—тюремная администрація порою отказывается передавать имъ съ воли даже чай и сахаръ, усматривая, должно быть, въ такой передачѣ ослабленіе тюремнаго режима. Въ тюрьмахъ уже свирѣпствуетъ тифъ,—а наряду съ этимъ заключеннымъ выдается несвѣжая пища, вызывающая массовыя заболѣванія, больные и здоровые арестанты содержатся вмѣстѣ, въ однѣхъ и тѣхъ же камерахъ, и валяются рядомъ на голомъ полу. Болѣзнь не освобождаетъ заключеннаго ни отъ одной изъ тягостныхъ частностей тюремнаго режима и на тифозныхъ больныхъ въ тюрьмѣ остаются даже кандалы.

И все это вовсе не какіе-либо исключительные эпизоды. Наоборотъ, во всѣхъ такихъ эпизодахъ проявляется лишь дѣйствіе общаго порядка, твердо установленнаго въ главныхъ своихъ чертахъ и допускающаго только кое-какія, сравнительно мелкія отступленія отъ нихъ въ ту или иную сторону въ отдѣльныхъ случаяхъ. И, если бы нужны были подтвержденія этого, то въ такихъ подтвержденіяхъ нѣтъ недостатка. Ихъ въ изобиліи доставляетъ каждое изъ тѣхъ сообщеній, которыя время отъ времени пріоткрываютъ завѣсу надъ жизнью нашихъ тюремъ.

Не такъ давно соціалъ-демократическая фракція Государственной Думы получила рядъ писемъ отъ политическихъ заключенныхъ изъ московской Бутырской тюрьмы. Въ этихъ письмахъ ихъ авторы, какъ разсказываютъ газеты, сообщаютъ о невыносимо тяжелыхъ условіяхъ тюремной жизни. Казенная одежда выдается заключеннымъ ветхая, изорванная; верхняя одежда, шапки и одѣяла помѣчены клеймомъ 1901—1902 гг. Нижнее бѣлье и постельныя принадлежности выдаются часто настолько ветхими, что заключеннымъ приходится ихъ чинить. Подушки набиваются соломой только разъ въ годъ и солома вскорѣ превращается въ труху. Ни матрацовъ, ни войлоковъ для подстилки не выдаютъ, и спать приходится на грязномъ брезентѣ койки. Въ цейхгаузѣ имѣются за-

пасы новаго бѣлья и платья, но все это выдается лишь на день, на два во время посѣщенія тюрьмы высшей администраціей. Грязь въ камерахъ невѣроятная. Параши отравляютъ воздухъ зловоніемъ; паразиты кишатъ миріадами. Обѣдъ и ужинъ выдаются въ грязныхъ деревянныхъ бачкахъ. Медицинская помощь недостаточна и мало доступна. Для характеристики же тѣхъ условій, въ какія она поставлена, достаточно указать, что сифилитики и чахоточные содержатся въ общихъ камерахъ со здоровыми *).

Казалось бы, обстановка, вырисовывающаяся изъ этого сообщенія, въ достаточной мѣрѣ неприглядна. И, однако же, порядки московской Бутырской тюрьмы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ, пожалуй, представляться въ извѣстной степени еще сносными по сравненію съ той обстановкой, какая окружаетъ въ настоящее время заключенныхъ во многихъ провинціальныхъ тюрьмахъ. Въ послѣднихъ тѣ же самыя по существу своему явленія выступаютъ еще болѣе рѣзко и рельефно, тотъ же самый порядокъ проводится еще болѣе прямолинейно и послѣдовательно. И благодаря этому извѣстія, приходящія изъ провинціальныхъ тюремъ, далеко превышаютъ своимъ ужасомъ вѣсти, передаваемыя московскими заключенными.

„Пересыльная тюрьма—пишетъ политическій заключенный изъ Вятки—переполнена. Не успѣетъ одинъ этапъ отправиться, какъ на его мѣсто приходитъ два другихъ. Вслѣдствіе переполненія въ камерахъ, разсчитанныхъ на 30—40 человѣкъ, сидитъ 60—70, на 10 человѣкъ—20—30. Ни коекъ, ни наръ ни въ одной камерѣ нѣтъ. Спятъ всѣ на голомъ полу. Ни одѣялъ, ничего прочаго не полагается. Политическіе всѣ перетасованы вмѣстѣ съ уголовными. Камеры кишатъ паразитами. Сырость невѣроятная. По полу бѣгаютъ мокрицы. Во время сна онѣ заползаютъ подъ бѣлье, въ уши. Пища такая, какой, пожалуй, ни въ одной другой тюрьмѣ не встрѣтить. На обѣдъ (въ мясоѣды) дается „супъ“ или „щи“ съ мясомъ. Мяса приблизительно фунта 2—3 на 25—30 человѣкъ. Мясо гнилое, чаще всего т. наз. „легкія“. Самый голодный человѣкъ, привыкшій къ наихудшей пищѣ, не можетъ безъ отвращенія проглотить нѣсколько ложекъ этихъ помоевъ. На ужинъ—„тѣхъ же щей, да пожиже влей“, т. е. даютъ обѣденное „блюдо“, но уже безъ мяса, втрое разбавленное водой. Въ посты даютъ какую-то побѣленую мукой жижицу, поверхъ которой плаваетъ картофельная шелуха, при полнѣйшемъ отсутствіи самыхъ отдаленныхъ намековъ на присутствіе рыбы. Это называется „рыбный супъ“. За то въ видѣ компенсаціи на второе даютъ „кашу“. Но каша эта изъ гнилого, затхлаго, плохо вычищеннаго овса и чуть не вся состоитъ изъ черныхъ обуглившихся корокъ. Кипятокъ, вѣрнѣе, недокипяченая теплая вода,—два раза въ день. Кормятъ и поятъ такъ: въ 11 ч. утра—кипятокъ; черезъ часъ—обѣдъ; черезъ полчаса—„квасъ“ (вода съ размоченными въ ней корками хлѣба); черезъ часъ—кипятокъ; черезъ полчаса—ужинъ; черезъ полчаса—квасъ (Хлѣбъ приносятъ рано утромъ; недовѣсъ въ хлѣбѣ бываетъ отъ пуда и больше на 30 человѣкъ). Такимъ образомъ, кормежка продолжается часа четыре. Въ остальные 20 часовъ ничего не даютъ, даже воды. И въ эти же 20 часовъ прекращается выпускъ изъ камеръ для оправки. Въ эти 20 часовъ приходится, при отсутствіи свѣжаго воздуха, въ затхлой, душной атмосферѣ переносить еще присутствіе знаменитаго россійскаго тюремнаго учрежденія,

*) „Рѣчь“, 24 января.

въ другихъ тюрьмахъ оставляемаго въ общихъ камерахъ только на ночь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ въ тюрьмѣ не переводится тифъ. Тифозные больные, уже въ бреду, валяются на полу вмѣстѣ со здоровыми и заражаютъ послѣднихъ. Когда на повѣркѣ заявляютъ помощнику, что въ камерѣ есть больные, которыхъ нужно отвезти въ больницу, помощникъ отвѣчаетъ: „начнетъ околѣвать,—отправлю“. Или, если кто нибудь изъ камеры въ волчекъ заявляетъ надзирателю, что ему надо къ фельдшеру (до доктора вообще почти невозможно добраться), то надзиратель кричитъ: „ты не боленъ: ты еще говорить можешь! я отпускаю къ фельдшеру только такихъ, которые уже валяются“...

Порядки, такъ ярко обрисованные въ этомъ письмѣ, практикуются не въ одной только Вяткѣ, хотя въ послѣдней, какъ разсказываетъ авторъ письма, и сложилась среди тюремщиковъ особая поговорка: «здѣсь Вятка, а въ Вяткѣ свои порядки». Подобные же порядки, съ небольшими лишь измѣненіями, дѣйствуютъ въ громадномъ большинствѣ нашихъ тюремъ и опредѣляютъ собою весь характеръ современной тюремной жизни.

„Дѣтство — разсказываетъ одинъ изъ заключенныхъ въ Енисейской тюрьмѣ—я провелъ почти что нищимъ самъ и настоящее, неприкрашенное нищенство видѣлъ вокругъ себя въ качествѣ постоянной среды до 13 лѣтъ, а съ этой поры, живя у родственника, бывшаго смотрителемъ одной изъ губернскихъ тюремъ въ Европейской Россіи, видѣлъ и зналъ хорошо прежнюю уголовную среду тюрьмы и твердо заявляю: большаго угнетенія людей бѣдностью и голодомъ я ни на волѣ, ни въ тюрьмѣ никогда не видалъ, какъ въ Енисейской тюрьмѣ на пересыльномъ отдѣленіи политическихъ въ 1908 и 1909 годахъ“.

Голодомъ, холодомъ и всевозможными матеріальными лишеніями, доведенными до крайней степени, не исчерпывается еще, однако, удручающая обстановка современной тюремной жизни, не исчерпываются даже тѣ ея особенности, которыя способствуютъ развитію въ стѣнахъ тюрьмы массовыхъ эпидемій. Ко всему этому присоединяется еще невѣроятная жестокость въ обращеніи съ заключенными, нисколько не уменьшающаяся даже передъ лицомъ болѣзни. Вятская тюрьма съ ея администраціей и въ этомъ отношеніи вовсе не составляетъ какого-либо рѣзкаго исключенія. Въ другихъ мѣстахъ практикуются тѣ же порядки и съ такою же откровенностью.

„Прошлымъ лѣтомъ,—пишетъ намъ обывательница одного изъ губернскихъ городовъ центральной Россіи—находясь случайно во дворѣ земской больницы, я обратила вниманіе, что ѣдутъ двѣ телѣги, конвоируемыя солдатами. Когда я подошла ближе, то увидала, что это привезли тифозныхъ арестантовъ въ больницу. Это былъ одинъ ужасъ, отъ котораго волосы становились дыбомъ. Не вѣрилось, что теперь двадцатый вѣкъ и что при существующей культурѣ можно такъ обращаться съ людьми, доводить ихъ до такого состоянія и держать въ такомъ положеніи. Люди, какъ бревна, лежали на телѣгахъ; бились головами о грядки телѣгъ, даже клочка соломы не было подъ головами у несчастныхъ,—лежали почти что одинъ на другомъ. Нѣкоторые были уже въ предсмертной агоніи, но все-таки закованные въ кандалахъ. Двое черезъ часъ или полтора умерли. Я видѣла, какъ этихъ покой-

никовъ несли въ кандалахъ въ часовню. Когда спросила администрацію земской больницы: „почему не расковали умирающихъ? вѣдь и съ собаки, когда она околѣваетъ, цѣпь снимаютъ",—то мнѣ отвѣтили, что это зависитъ отъ тюремнаго врача, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ состояніе здоровья заключенныхъ. Позже мнѣ передавали сами заключенные, что съ ними въ камерахъ находятся тифозные больные до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ сознаніе. Тогда ужъ ихъ отправляютъ въ больницу при такихъ условіяхъ, какъ выше описано. Послѣ того, какъ я видѣла привезенныхъ больныхъ, я уже не сомнѣвалась въ правдивости этихъ разсказовъ".

„Пришлось—разсказываетъ то же лицо—устроить при губернской земской больницѣ спеціальное помѣщеніе для тифозныхъ арестантовъ... Стража, привыкшая въ тюрьмѣ бить заключенныхъ, стала практиковать это и въ больницѣ. Больничная администрація запротестовала, но, кажется, это мало помогло. Стража осталась та же самая и съ такими же полномочіями. Публика, не знавшая порядковъ тюрьмы, ужасно возмущалась. Я же, будучи хорошо знакома съ этими порядками, удивлялась наивности публики. Въ больницѣ только повторялось въ миніатюрѣ то, что примѣнялось въ широкихъ размѣрахъ въ тюрьмѣ".

Таковы порядки современныхъ русскихъ тюремъ. И въ виду этихъ порядковъ не приходится, пожалуй, особенно удивляться, если у многихъ людей, имѣющихъ возможность болѣе или менѣе близко наблюдать ихъ, порою является мысль, что тифозная эпидемія въ тюрьмахъ сама по себѣ очень мало безпокоитъ и огорчаетъ администрацію и даже доставляетъ ей нѣкоторое своеобразное утѣшеніе: все же, молъ, «преступнаго народа» станетъ поменьше, и въ тюрьмахъ, въ которыя сейчасъ нѣтъ доступа многочисленнымъ кандидатамъ на камеры, сдѣлается хоть немного просторнѣе. Вѣрно во всякомъ случаѣ одно. Грандіозная эпидемія, охватившая громадное количество русскихъ тюремъ и во многихъ мѣстахъ успѣвшая уже перекинуться изъ-за тюремныхъ стѣнъ въ среду окрестнаго населенія, менѣе всего можетъ быть приписана въ своемъ происхожденіи и развитіи какимъ-либо случайнымъ причинамъ. Она является несомнѣннымъ порожденіемъ всѣхъ условій современнаго тюремнаго режима, зрѣлымъ плодомъ всей правительственной политики. Эта политика, предназначенная по высокопарному, хотя и не вполнѣ вразумительному, опредѣленію г. Столыпина «ограждать не только свободу труда, но и свободу жизни», создала груду гробовъ въ тюрьмахъ съ такою же неумолимою послѣдовательностью, съ какою она воздвигла лѣсъ висѣлицъ.

И, нужно еще прибавить, гробы въ тюрьмахъ благодаря этой политикѣ съ чрезвычайною легкостью открываются не только для больныхъ, но и для здоровыхъ, и быстро разростающееся тюремное населеніе разрѣжается не однѣми только эпидеміями. Истомленные и ослабленные до послѣдней степени всевозможными лишеніями, часто изнуренные болѣзнью, заключенные въ тюрьмахъ, вдобавокъ, непрерывно подвергаются еще различнымъ надругательствамъ и истязаніямъ, съ особенною силою обрушивающимся на политическихъ. Избіенія политическихъ въ тюрьмахъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ, входящимъ въ порядокъ жизни, созданный и охраняе-

мый усиліями администраціи. Тюремная стража «привыкла бить заключенныхъ», привыкла не останавливаться и передъ убійствомъ ихъ, и эта «привычка» даетъ себя знать политическимъ во всѣхъ почти безъ исключенія тюрьмахъ.

„Рѣдкая пріемка этаповъ—пишетъ политическій заключенный изъ Вятки, письмо котораго я уже цитировалъ выше,—проходитъ безъ избіеній и карцеровъ. Карцеры переполнены. Въ карцеръ можетъ угодить, когда угодно, даже человѣкъ, рѣшившій безпрекословно подчиняться чему угодно. Стоитъ не во-время попросить въ волчекъ воды, или оправиться, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ—карцеръ и избіеніе. Обращеніе, конечно, самое грубое—„ты“ и матерщина. Каждый надзиратель, подражая начальству, старается чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь оскорбить, обругать, досадить пересыльному. Надзирателямъ, обращающимся хоть сколько-нибудь по-человѣчески, дѣлаются внушенія. Если надзиратель и послѣ внушенія не превращается въ звѣря, его увольняютъ... Пересыльные терроризованы до такой степени, что, когда пріѣзжаетъ товарищъ прокурора, вице-губернаторъ или тюремный инспекторъ, никакихъ абсолютно заявленій не дѣлается. Стоитъ только заикнуться хотя бы на ту тему, что, молъ, „пища плоха“, не говоря уже о большемъ,—какъ за этимъ послѣдуетъ карцеръ со смертнымъ боемъ“.

Въ костромской тюрьмѣ, согласно правиламъ, изданнымъ прошлымъ лѣтомъ мѣстнымъ губернаторомъ Веретенниковымъ, заключенные, по усмотрѣнію начальника тюрьмы, могутъ быть лишаемы свиданій и переписки съ родными и права чтенія книгъ. Начальникъ тюрьмы можетъ подвергать заключенныхъ «уменьшенію пищи до оставленія на хлѣбѣ и водѣ на срокъ не свыше трехъ дней» и содержанію въ темномъ карцерѣ на недѣлю, онъ можетъ одѣвать на заключеннаго смирительную рубашку и кандалы, можетъ примѣнять къ заключеннымъ, взамѣнъ темнаго карцера, «наказаніе розгами не свыше 50 ударовъ для лицъ, которыя до осужденія ихъ не были изъяты по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, и лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и преимуществъ». И эти правила въ условіяхъ переживаемой нами дѣйствительности, конечно, не остаются мертвою буквой. «Карцеры—писалъ въ исходѣ прошлаго года костромской корреспондентъ «Рѣчи»—не только никогда не пустуютъ, но во многихъ случаяхъ устанавливается очередь карцера. Мало того, то и дѣло цѣлыя камеры въ 20—30 человѣкъ переводятся на карцерное положеніе, когда все до-чиста выносится изъ камеры, окна забиваются досками и солдатскимъ сукномъ, а людей полуголодныхъ (на хлѣбѣ и водѣ) и полуодѣтыхъ держатъ недѣлями на полу, безъ всякой постилки, хуже всякаго скота» *).

Въ екатеринославской тюрьмѣ послѣ жестокой бойни заключенныхъ, разыгравшейся здѣсь въ апрѣлѣ прошлаго года въ результатѣ неудачной попытки бѣгства нѣсколькихъ политическихъ, избіенія политическихъ обратились въ своего рода систему, сдѣлались повседневнымъ явленіемъ тюремной жизни. Тюрьма оказа-

*) „Рѣчь“, 25 ноября 1908 г.

лась отданной въ полную и безконтрольную власть пьяной орды надзирателей, которые безпощадно избивали политическихъ заключенныхъ по всякому поводу. Били, и били жестоко, часто до потери сознанія, за то, что поклонился приведеннымъ въ тюрьму женщинамъ, за то, что подошелъ къ дверямъ камеры послѣ провѣрки, за то, что поздоровался со знакомымъ, за одѣтую не по формѣ шапку, за широкій поясъ, за папироску, за просьбу вызвать врача, за жалобы высшему начальству. Били и мужчинъ, и женщинъ. Но послѣднимъ, кромѣ того, приходилось еще выносить спеціальныя издѣвательства, оскорбленія и гнусныя угрозы со стороны чиновъ тюремной администраціи. Издѣвательствамъ и побоямъ подвергались и тѣ изъ заключенныхъ, которыхъ ожидала въ близкомъ будущемъ смертная казнь. «Укажу—писалъ въ «Рѣчи» г. Антоновъ, самъ отбывшій заключеніе въ екатеринославской тюрьмѣ,—на истязанія приговореннаго къ смертной казни Гутмахера. Тюремная администрація подвергала его настоящимъ пыткамъ, гоняя въ теченіе трехъ недѣль почти ежедневно изъ темнаго карцера въ свѣтлый и изъ свѣтлаго обратно въ темный черезъ всю тюрьму; при этомъ его били палками, шашками, бросали на землю, топтали и т. д. Истязанія продолжались до послѣдняго дня, когда Гутмахеръ былъ повѣшенъ» *). Одно время, когда въ столичныхъ газетахъ появились извѣстія о томъ, что творится въ екатеринославской тюрьмѣ, мѣстная администрація какъ будто нѣсколько устыдилась, двое-трое тюремныхъ надзирателей было уволено за «плохое обращеніе съ заключенными», но затѣмъ тюремная жизнь вновь вошла въ свою прочно установившуюся колею **).

На-дняхъ въ газетахъ было напечатано письмо, полученное соціалъ-демократической фракціей Государственной Думы отъ содержащагося въ севастопольской тюрьмѣ бывшаго депутата второй Думы Ломтатидзе. Въ этомъ письмѣ г. Ломтатидзе, между прочимъ, разсказываетъ, что въ севастопольской тюрьмѣ прочно установился обычай избивать приговоренныхъ къ смерти передъ совершеніемъ казни во избѣжаніе какихъ-либо шумныхъ протестовъ съ ихъ стороны. «Такое обращеніе съ приговоренными—говоритъ авторъ письма—настолько вошло здѣсь въ обычай, что одинъ анархистъ-коммунистъ, нѣкто Синьковъ, будучи приговоренъ къ смерти, обратился къ предсѣдателю суда съ просьбой войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы его, Синькова, не избили передъ повѣшеніемъ, съ своей же стороны обѣщалъ пойти на смерть молча, ни съ кѣмъ не прощаясь и никому не сопротивляясь. Предсѣдатель обѣщалъ, и обѣщаніе было, кажется, исполнено»... ***).

Эти немногіе примѣры, вырванные мною изъ ряда другихъ,

*) „Рѣчь", 21 ноября 1908 г.

**) „Рѣчь", 6 ноября и 7 декабря 1908 г.

***) „Рѣчь", 7 апрѣля.

вполнѣ подобныхъ имъ эпизодовъ, могутъ дать приблизительное понятіе о тѣхъ ужасахъ, какіе творятся теперь въ тюрьмахъ. Не трудно представить себѣ душевное состояніе людей, вынужденныхъ переживать эти ужасы внутри тюремныхъ стѣнъ. Тюремное заключеніе, всегда бывшее у насъ чрезвычайно тяжелымъ, сейчасъ обратилось въ отвратительный кошмаръ, выносить который многимъ оказывается совершенно не подъ силу. Газеты давно уже пестрятъ извѣстіями о самоубійствахъ въ тюрьмахъ, а за послѣднее время къ этимъ извѣстіямъ все чаще стали присоединяться другія — о безпорядкахъ, волненіяхъ и покушеніяхъ, происходящихъ внутри тюремныхъ стѣнъ. За одну только недѣлю газеты принесли четыре такихъ извѣстія.

Въ концѣ марта произошли безпорядки въ ишимской тюрьмѣ Тобольской губерніи. Въ отвѣтъ на требованіе разойтись по камерамъ, арестанты начали бросать въ надзирателей и конвой досками и скамьями. При усмиреніи безпорядковъ было ранено пять арестантовъ. На другой день во время обхода тюрьмы одинъ изъ арестантовъ отточеннымъ осколкомъ тяжело ранилъ въ грудь и спину смотрителя *). Почти въ то же самое время разыгрался «бунтъ» въ люблинской тюрьмѣ: 13 каторжанъ и подслѣдственныхъ, напавъ на надзирателей, отняли у нихъ оружіе; во время перестрѣлки былъ убитъ надзиратель и легко раненъ одинъ арестантъ. «Въ тюрьму—продолжала газетная телеграмма—прибыли губернаторъ и войска; порядокъ возстановленъ» **). Въ московской Бутырской тюрьмѣ, въ отдѣленіи приговоренныхъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, 28 марта одинъ изъ каторжныхъ, политическій Базальчукъ, бросился съ ножомъ на помощника начальника тюрьмы Сердюка, но ударъ не причинилъ вреда послѣднему. Сопровождавшіе помощника начальника надзиратели стали стрѣлять и ранили троихъ каторжанъ. Базальчукъ, оказавшійся не раненымъ, былъ обезоруженъ и поведенъ къ допросу. Скоро, однако, съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ умеръ, по заключенію врача, отъ отравы стрихниномъ. «Свое нападеніе — сообщаютъ московскія газеты—Базальчукъ объяснилъ тѣмъ, что не могъ вынести введенныхъ недавно въ тюрьмѣ суровыхъ мѣръ наказанія для каторжныхъ» ***). Около того же времени въ Симферополѣ на квартиру тюремнаго врача Герцыка явился неизвѣстный, выстрѣломъ изъ револьвера убилъ его и скрылся. «Въ теченіе года—прибавляютъ газеты—уже было убито два тюремныхъ врача; Герцыкъ—третья жертва» ****).

Тюремные безпорядки и «бунты» въ условіяхъ современной жизни менѣе всего, конечно, могутъ вызываться какой-либо на-

*) „Правда Жизни“, 31 марта.
**) „Рѣчь“, 2 апрѣля.
***) „Рѣчь“, 3 апрѣля.
****) „Р. Вѣдомости“, 1 апрѣля.

деждой на непосредственный успѣхъ. Слишкомъ ясно въ данномъ случаѣ несоотвѣтствіе силъ безоружныхъ арестантовъ и вооруженной съ ногъ до головы тюремной стражи, не говоря уже о войскахъ, всегда готовыхъ немедленно прибыть ей на помощь для «возстановленія порядка» въ тюрьмѣ,—и это несоотвѣтствіе не можетъ не учитываться самими заключенными. Съ другой стороны, далеко не составляетъ тайны для послѣднихъ и характеръ той расправы, какая обыкновенно сопровождаетъ «возстановленіе порядка» въ тюрьмѣ и слѣдуетъ за нимъ. И если тѣмъ не менѣе въ тюрьмахъ всё чаще вспыхиваютъ волненія, то въ нихъ нельзя не видѣть актовъ, порожденныхъ безграничнымъ отчаяніемъ, въ свою очередь созданнымъ въ заключенныхъ всѣми условіями современнаго тюремнаго режима. Повинуясь голосу этого отчаянія, толкаемые всею окружающею ихъ обстановкой, одни изъ заключенныхъ слѣпо слѣдуютъ велѣніямъ возмущеннаго чувства и бросаются въ волненія, не задумываясь о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій, другіе сознательно обрекаютъ себя на гибель, лишь бы получить возможность въ активной формѣ выразить свой протестъ противъ созданной для нихъ невыносимой, нечеловѣческой жизни. Съ особенною силою выступаетъ этотъ послѣдній мотивъ въ трагедіи, разыгравшейся въ московской Бутырской тюрьмѣ. Политическій каторжанинъ, покушавшійся здѣсь на помощника начальника тюрьмы, самъ обрекъ себя смерти и, принявъ ядъ, ушелъ отъ ожидавшаго его суда. Трагедіи такого рода, очевидно, нельзя устранить, не устраняя самаго ихъ источника, не измѣняя въ корнѣ того положенія людей, которое ихъ вызываетъ, такъ какъ устрашить чѣмъ-либо людей, въ виду ужасовъ жизни поборовшихъ въ себѣ страхъ смерти и добровольно сходящихъ въ могилу, конечно, невозможно.

Одна изъ либеральныхъ петербургскихъ газетъ, подчеркивая неизбѣжность при существующихъ условіяхъ подобныхъ трагедій, увидѣла въ нихъ, между прочимъ, поводъ возбудить вопросъ о томъ, какими мѣрами разсчитываетъ правительство г. Столыпина оградить отъ покушеній чиновъ тюремной администраціи и обезпечить этимъ чинамъ безопасность. На такой вопросъ, надо полагать, г. Столыпинъ и другіе администраторы того же типа не затруднились бы найти отвѣтъ. Въ рамкахъ существующаго порядка на заключенныхъ въ тюрьмахъ могутъ быть наложены еще новыя стѣсненія и кары, чинамъ тюремной администраціи могутъ быть предоставлены еще новыя права и полномочія. По той дорогѣ, какою идетъ правительство г. Столыпина, можно идти еще и дальше. Другое дѣло только, поведетъ ли дальнѣйшее шествіе по этой дорогѣ къ уменьшенію вообще трагическаго элемента въ нашей жизни или, наоборотъ, еще усугубитъ такой элементъ и вызоветъ новыя человѣческія жертвоприношенія.

Но это послѣднее соображеніе, повидимому, мало озабочиваетъ правительство и, во всякомъ случаѣ, не останавливаетъ его работы.

Дѣятельно ведется эта работа, дѣятельно строятся тѣ «лѣса», при помощи которыхъ должно быть воздвигнуто зданіе «обновленной Россіи», обновленной по плану г. Столыпина и его вдохновителей. Тысячи висѣлицъ уже построены и ежедневно строятся новыя. Десятки тысячъ людей уже брошены въ тюрьмы, а число кандидатовъ на тюремныя камеры все возрастаетъ. Самыя тюрьмы обращены въ мѣста истребленія людей, въ очаги грозныхъ эпидемій, во вмѣстилища кошмарныхъ ужасовъ, спасаясь отъ которыхъ люди бросаются въ объятія смерти. Если ко всему этому прибавить еще десятки тысячъ сосланныхъ и высланныхъ людей, нерѣдко попадающихъ въ условія, въ значительной мѣрѣ аналогичныя съ тюремными, то получится довольно точная картина тѣхъ «лѣсовъ», какіе воздвигаются правительствомъ для зданія «обновленной, свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова Россіи». Массы разбитыхъ жизней, груды человѣческихъ труповъ — таковы эти лѣса. А постройка ихъ все продолжается и конца ей не предвидится.

Есть, впрочемъ, люди, убѣжденные, что такой конецъ можетъ наступить очень легко и скоро,—стоитъ только сказать надлежащее волшебное слово. Не такъ давно съ предложеніемъ сказать такое слово передъ русскимъ обществомъ выступилъ г. Мережковскій.

„Есть въ человѣкѣ—писалъ онъ въ „Рѣчи"—воля всемогущая, есть вѣра въ чудо, которая сама уже чудо. Пожелаемъ же такою волею, повѣримъ такою вѣрою въ чудо Воскресенія Христова, въ чудо Воскресенія Россіи.

„Не будемъ умолять: отмѣните, а со Христомъ, смертью смерть поправшимъ, казнью казнь отмѣнившимъ, отмѣнимъ сами смертную казнь.

„И тогда только воспразднуемъ Свѣтлый Праздникъ; тогда только заиграетъ солнце на небѣ, и гулы всезвонныхъ колоколовъ загудятъ: Христосъ воскресъ!

„И отвѣтитъ вся Россія:

„Воистину воскресъ!" *)

Г. Мережковскій вообще любитъ надѣвать на себя мантію религіознаго пророка и въ напыщенныхъ, театрально-торжественныхъ словахъ возвѣщать такія вещи, въ которыя обыкновеннымъ смертнымъ трудно повѣрить. Но въ данномъ случаѣ, думается мнѣ, онъ и самъ плохо вѣрилъ въ свои слова и подражалъ не столько пророкамъ, сколько тѣмъ газетнымъ писателямъ, которые считаютъ обязательнымъ въ день Пасхи сказать читателю возможно болѣе кроткихъ и сладкихъ словъ, не особенно заботясь объ ихъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, легко сказать: «отмѣнимъ сами смертную казнь», но какъ же мы съ г. Мережковскимъ ее отмѣнимъ? Въ той же самой статьѣ, въ которой г. Мережковскій дѣлаетъ это заманчивое предложеніе, онъ увѣряетъ, будто «праздникъ Гоголя совпалъ со Свѣтлымъ праздникомъ», и вспоминаетъ, какъ «въ дѣтствѣ казалось намъ, что солнце на небѣ играетъ

*) „Рѣчь", 29 марта.

въ этотъ день, какъ ни въ одинъ изъ другихъ дней года». Въ дѣйствительности, «праздникъ Гоголя» былъ 20 марта, а Пасха началась 29 марта. Въ дѣйствительности, многіе изъ насъ въ дѣтствѣ слышали, будто солнце на Пасху «играетъ», но никто, не исключая, конечно, и г. Мережковскаго, этого не видѣлъ. Всѣ эти увѣренія и воспоминанія—лишь одна риторика, лишь простая словесность, столь характерная вообще для г. Мережковскаго. И совершенно такою же словесностью является и его предложеніе: «не будемъ умолять: отмѣните, а со Христомъ отмѣнимъ сами смертную казнь». Но если словесность, обращенная на болѣе или менѣе безразличныя вещи, является сравнительно безобидной, то словесность, предлагаемая въ видѣ способа разрѣшенія больныхъ и жгучихъ вопросовъ, получаетъ совсѣмъ иное значеніе.

Во всякомъ случаѣ, у словесности г. Мережковскаго есть одно неотъемлемое достоинство: она чрезвычайно проста и примитивна и именно благодаря своей примитивности никого не можетъ ввести въ заблужденіе. Пришло г. Мережковскому въ голову сказать: давайте, безъ дальнихъ хлопотъ, отмѣнимъ со Христомъ сами смертную казнь,—онъ и сказалъ, но всякій, кто хоть на минуту остановится надъ этой фразой, сразу увидитъ, что это не болѣе, какъ словесность, не болѣе, какъ фраза, лишенная всякаго реальнаго содержанія. Но иногда по поводу того же самаго больного вопроса русскому обществу предлагается и болѣе сложная, болѣе ухищренная словесность.

Когда заходитъ рѣчь о той разрушительной работѣ, къ какой въ настоящее время сводится наиболѣе видная и наиболѣе важная сторона правительственной дѣятельности, часть публицистовъ либеральнаго лагеря неизмѣнно противополагаетъ этой работѣ надежды и разсчеты на «новый строй», на сдерживающее вліяніе «народнаго представительства» въ лицѣ третьей Думы, въ нѣдрахъ которой должно зародиться и вырости для русской жизни «новое общественное самосознаніе». На первый взглядъ эти надежды могутъ показаться и кое-кому, дѣйствительно, кажутся многимъ серьезнѣе невразумительныхъ предложеній г. Мережковскаго. Въ сущности, однако, дѣло обстоитъ такимъ образомъ только на первый взглядъ, а при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи и упомянутыя надежды мудрено не признать своего рода словесностью. Въ самомъ дѣлѣ, пресловутый «новый строй» существуетъ не столько даже на бумагѣ, сколько въ воображеніи благожелательныхъ публицистовъ, и лучшимъ доказательствомъ этому является наличность той громадной разрушительной работы, которую они надѣются прекратить при его посредствѣ. Народное представительство могло бы выработать новыя формы жизни и въ соотвѣтствіи съ ними создать новое общественное самосознаніе, но переносить задачи и функціи народнаго представительства на третью Думу не приходится, такъ какъ подобное перенесеніе возможно только въ ре-

зультатѣ отожествленія глубоко различныхъ понятій. Къ тому же въ вопросѣ о разрушительной работѣ правительства позиція третьей Думы вполнѣ ясна и какъ нельзя болѣе противоположна тѣмъ чаяніямъ, какія возлагаютъ на нее публицисты, готовые видѣть въ ней вѣрнѣйшій залогъ «новаго строя». Не даромъ г. Столыпинъ, говоря объ этой работѣ и оправдывая ее, заявлялъ: «вся наша полицейская система—средство дать возможность законодательствовать». Не даромъ онъ, обращаясь къ третьей Думѣ, восклицалъ: «мы, правительство, строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство». И не даромъ думское большинство покрыло эти заявленія и восклицанія шумными аплодисментами. Своими аплодисментами оно, быть можетъ, само не давая себѣ въ этомъ вполнѣ яснаго отчета, еще подчеркнуло ту долю жестокой правды, какая заключалась въ словахъ г. Столыпина по отношенію къ третьей Думѣ. Не все въ этихъ словахъ, конечно, было правдой. Третья Дума не законодательствуетъ и не строительствуетъ. Законодательствуетъ и строительствуетъ правительство, а большинство третьей Думы только дѣлаетъ то, что ему укажутъ, только играетъ роль чисто декоративныхъ законодателей и строителей. Но правда, и жестокая правда, словъ г. Столыпина заключается въ томъ, что и эту роль декораціи большинство третьей Думы можетъ исполнять, лишь опираясь на правительственную полицейскую систему, лишь стоя на тѣхъ «лѣсахъ», какіе воздвигаетъ правительство своей политикой, разрушающей страну. Убрать эти «лѣса»—значило бы убрать опору изъ-подъ ногъ третьей думы. И не удивительно, что ея большинство всѣми силами держится за эти «лѣса», горячо привѣтствуетъ ихъ постройку и не желаетъ черезчуръ часто допускать ихъ критику. Неудивительно, что думское большинство не считаетъ нужнымъ торопиться съ обсужденіемъ вопроса о смертныхъ казняхъ и тюремныхъ звѣрствахъ, неудивительно и то, что епископы, принадлежащіе къ этому большинству, также находятъ болѣе благовременнымъ помолчать и о смертныхъ казняхъ, и объ избіеніяхъ казнимыхъ. Все это вполнѣ естественно, до такой степени естественно, что даже не кажется страннымъ. Странно только ждать, что усиліями этой среды будетъ остановлена оргія человѣческихъ жертвоприношеній, странно вѣрить, что въ этой средѣ зародится для страны «новое общественное самосознаніе».

Въ концѣ концовъ тѣ публицисты, которые возвѣщаютъ совершившееся уже наступленіе въ нашей жизни новой эры, благопріятной для созданія «новаго общественнаго самосознанія» и принесшей съ собою возможность широкаго развитія новыхъ методовъ общественнаго дѣланія, вообще слишкомъ мало оглядываются вокругъ себя и слишкомъ низко оцѣниваютъ силу тѣхъ условій, какія создаются для общественной жизни дѣятельностью правительства. Эта послѣдняя носитъ вполнѣ опредѣленный, рѣзко выраженный характеръ. Правительство всецѣло поглощено одной

заботой,—оно строитъ лѣса для «обновленной» по его плану Россіи и не можетъ оторваться отъ этой постройки. Пусть оно само не вѣритъ въ то, что за этими «лѣсами» и при ихъ помощи будетъ когда-либо воздвигнуто зданіе «обновленной» въ его смыслѣ Россіи, Россіи успокоенной и вмѣстѣ съ тѣмъ свободной только «въ лучшемъ смыслѣ этого слова», свободной отъ «румянъ всевозможныхъ вольностей». Пусть даже оно не вѣритъ въ прочность воздвигаемыхъ имъ «лѣсовъ», пусть оно само предполагаетъ, какъ проговорился г. Столыпинъ, что «эти лѣса неминуемо рухнутъ». Оно, во всякомъ случаѣ, вѣритъ въ то, что въ своемъ возможномъ паденіи эти лѣса и его «раздавятъ своими развалинами», и этой вѣры, для которой имѣется немало основаній, вполнѣ достаточно для того, чтобы оно не могло оторваться отъ своего дѣла и съ неослабѣвающей энергіей безостановочно продолжало свое строительство на живомъ тѣлѣ народа. И, двигаемое такимъ мотивомъ, это строительство, дѣйствительно, не останавливается ни на минуту и даже, наоборотъ, все ускоряетъ свой темпъ по мѣрѣ того, какъ идетъ время.

Но, чѣмъ энергичнѣе развивается это строительство, тѣмъ неизбѣжнѣе налагаетъ оно свою роковую печать на всю народную жизнь, тѣмъ рѣшительнѣе предопредѣляетъ оно самыя формы общественной дѣятельности. И предопредѣляетъ, конечно, менѣе всего въ направленіи развитія «новаго общественнаго самосознанія», соотвѣтствующаго мирному теченію парламентской жизни. Будучи безсильно остановить народную жизнь, это строительство, однако же, до послѣдней степени стѣсняетъ ее и тѣмъ самымъ направляетъ ее въ одну сторону. Оно воспитываетъ опредѣленное настроеніе и оно же, наглухо закрывая передъ этимъ настроеніемъ цѣлый рядъ выходовъ, обезпечиваетъ для него возможность тѣмъ съ большею силою проявиться на другихъ путяхъ. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе эта возможность въ свою очередь приближается къ неизбѣжности. Сознаніе самыхъ широкихъ слоевъ народа, самыхъ различныхъ общественныхъ группъ насыщено кошмарными ужасами переживаемаго момента, и ни одна изъ такихъ группъ не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ этихъ ужасовъ, не отрѣшаясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ реальной почвы живой дѣйствительности, не уходя въ область оторванныхъ отъ подлинной жизни грезъ и фантазій. Въ такихъ условіяхъ государственной жизни мало мѣста для развитія того «новаго общественнаго самосознанія», въ существованіи котораго такъ увѣрены наивно-благодушные оптимисты, видящіе въ нашей дѣйствительности только Государственную Думу и умѣющіе закрывать глаза на тѣ «лѣса», какими окружаетъ ее правительство г. Столыпина. Въ дѣйствительности эти лѣса строятся, конечно, не даромъ. За ними тоже кипитъ неустанная работа,—за ними воздвигается соотвѣтствующее имъ зданіе народной психологіи.

В. Мякотинъ.

На очередныя темы.

Новый походъ противъ интеллигенціи *).

„*Вѣхи*“. Сборникъ статей о русской интеллигенціи. Москва. 1909 г.

I.

Передъ нами не альманахъ, не случайный сборникъ, какихъ теперь появляется много; это—книга, написанная по опредѣленному плану. Напередъ была поставлена задача, и заранѣе были распредѣлены роли.

Г. Бердяевъ взялся опорочить русскую интеллигенцію въ философскомъ отношеніи.

Г. Булгаковъ долженъ былъ обличить ее съ религіозной точки зрѣнія.

Г. Гершензонъ принялъ на себя трудъ изобразить ея психическое уродство.

Г. Кистяковскій взялся доказать ея правовую тупость и неразвитость.

Г. Струве—ея политическую преступность.

Г. Франкъ—моральную несостоятельность.

Г. Изгоевъ—педагогическую неспособность.

За интеллигенцію взялись, такимъ образомъ, сразу семь писателей. Число — вполнѣ достаточное; можно даже сказать: символическое... Они дружно поработали: каждый по своей спеціальности постарался, да и другимъ помогъ по силѣ возможности.

*) За пятнадцать лѣтъ, какъ я сдѣлался писателемъ, мнѣ уже не разъ приходилось касаться вопроса объ интеллигенціи,—вопроса, имѣющаго особое значеніе въ нашихъ русскихъ условіяхъ. Нѣсколько статей, посвященныхъ этому предмету, я выдѣлилъ даже какъ-то въ особую книжку („Къ вопросу объ интеллигенціи“, Спб., 1906 г.), предвидя, что намъ еще придется къ этому вопросу возвращаться. И послѣ того въ своихъ статьяхъ мнѣ не разъ приходилось касаться этой темы (См., напр., „Программные вопросы“, вып. I). Теперь онъ вновь всталъ передъ нами, всталъ во всемъ его объемѣ. Исчерпать его, сказать все, что нужно, я буду не въ состояніи, да и повторяться мнѣ не хотѣлось бы. Въ виду этого я просилъ бы читателей не забывать, что вопросъ объ интеллигенціи имѣетъ уже у насъ свою, очень большую, литературу. Въ частности, просилъ бы припомнить и мои статьи. Даже съ тою группой писателей, о которой въ настоящій разъ будетъ идти рѣчь, мнѣ уже приходилось имѣть дѣло. Въ той же почти комбинаціи (гг. Булгаковъ, Бердяевъ, Кистяковскій, Струве) нѣсколько лѣтъ тому назадъ они выступили со сборникомъ: „Проблемы идеализма“, пытаясь завлечь русскую интеллигенцію въ дебри метафизики и въ трясину мистики,—и мнѣ пришлось имъ посвятить тогда особую статью: „Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ“ („Къ вопросу объ интеллигенціи“, стр. 75—103).

Результатъ получился свыше всякихъ ожиданій. Грѣховъ, пороковъ, преступленій у русской интеллигенціи оказалось такое множество, что авторы сборника, повидимому, сами пришли въ смущеніе, когда опубликовали результаты своихъ изысканій.

Нѣкоторые изъ нихъ спѣшатъ теперь увѣрить, что они это «любя» сдѣлали. Интеллигенція—да это же вѣдь наша «мать», «наше духовное отечество», пишетъ г. Франкъ. Но вѣдь «упрекать мать еще не значитъ позорить ее». И при томъ: «если бы заповѣдь о почитаніи родителей имѣла безграничное значеніе, жизнь должна была бы застыть на мѣстѣ». Главное же: «борьба идей только и интересуетъ писателей, высказавшихся въ Вѣхахъ»... Ну, они написали, имъ отвѣтятъ («они ищутъ и просятъ критики»)... Глядишь, — и «изъ столкновенія мнѣній родилась истина» *).

Можно подумать, что книгу написалъ тотъ самый адвокатъ (нынѣ перешедшій, очевидно, въ прокуроры), для котораго «истина есть результатъ судоговоренія»...

Еще проще намѣренъ, повидимому, извернуться г. Изгоевъ,— благо онъ, какъ человѣкъ предусмотрительный, въ самомъ сборникѣ для этого щель оставилъ, «принципіальное» свое несогласіе съ какими-то «мотивами» оговорилъ. «Н. А. Бердяевъ и М. О. Гершензонъ,—пишетъ онъ теперь, отвѣчая одному изъ критиковъ,— оба могутъ быть неправы или одинъ изъ нихъ правъ, другой — неправъ... Брать на себя защиту взглядовъ гг. Бердяева и Гершензона я не призванъ» **).

Можно подумать, что книгу-то г. Суворинъ издалъ, что это онъ новый «парламентъ мнѣній» открылъ, и что не г. Изгоевъ статью помѣстилъ, а г. Меньшиковъ...

Вернемся, однако, къ самому сборнику. У меня была мысль составить систематическій списокъ всѣхъ обвиненій, предъявленныхъ въ немъ къ русской интеллигенціи, но я вынужденъ отказаться отъ этого намѣренія: слишкомъ длинный получился бы перечень, да и трудно эти обвиненія свести въ систему, очень ужъ плохо прилажены они другъ къ другу. Ограничусь поэтому лишь кое-какими выдержками.

Прежде всего, конечно, интеллигенція невѣжественна. Любовь къ истинѣ у нея парализована, интересъ къ истинѣ уничтоженъ (8) и интеллектуальная совѣсть у нея не развита (150)... «Интеллигенція почти такъ же мало, какъ о производствѣ матеріальномъ, заботится о производствѣ духовномъ, о накопленіи идеальныхъ цѣнностей» (169).

И это видимость только одна, будто интеллигенція желаетъ просвѣтить народъ, что «она хочетъ дать народу просвѣщеніе,

*) „Слово", 1 апрѣля.
**) „Рѣчь", 29 марта.

духовныя блага и духовныя силы». «Въ глубинѣ души она считаетъ духовное богатство роскошью»; въ дѣйствительности «Ивапушка-дурачекъ... герой русской интеллигенціи» (174).

Русскому интеллигенту, вообще, чужда и отчасти даже враждебна культура (157). «Борьба противъ культуры есть одна изъ характерныхъ чертъ типично-русскаго интеллигентскаго духа» (158). «Русскій интеллигентъ испытываетъ положительную любовь къ упрощенію, обѣдненію, суженію жизни» (173).

Далѣе: «русская интеллигенція никогда не уважала права, никогда не видѣла въ немъ цѣнности», и это находится въ связи съ тѣмъ, что сама она «состоитъ изъ людей, которые ни индивидуально, ни соціально не дисциплинированы». Она «мечтательна, недѣловита, легкомысленна» (138). Въ массѣ своей она «безлична», имѣетъ «всѣ свойства стада», отличается «тупой косностью и фанатической нетерпимостью» (184).

Говорятъ, что русская интеллигенція по-своему религіозна. Даже Вл. Соловьевъ, которымъ «могла бы гордиться философія любой европейской страны», и Достоевскій, котораго авторы сборника тоже всячески превозносятъ, впали въ эту ошибку. Въ дѣйствительности, однако, это «легковѣріе безъ вѣры, борьба безъ творчества, фанатизмъ безъ энтузіазма, нетерпимость безъ благоговѣнія—словомъ, тутъ была и есть на-лицо вся форма религіозности безъ ея содержанія» (138—139). «Вѣра была такова, что поощряла самый необузданный фатализмъ — настоящее магометанство... Личность признавалась безотвѣтственной. Это была очень удобная вѣра, вполнѣ отвѣчавшая одной изъ неискоренимыхъ чертъ человѣческой натуры — умственной и нравственной лѣни» (93).

Не лучше и этика интеллигенціи... «Нигилизмъ есть страшный бичъ, ужасная духовная язва, разъѣдающая наше общество. Героическое «все позволено» незамѣтно подмѣняется просто безпринципностью во всемъ, что касается личной жизни, личнаго поведенія, чѣмъ наполняются житейскія будни» (46). Въ концѣ концовъ «нигилизмъ классовый и партійный смѣнился нигилизмомъ личнымъ или по просту хулиганскимъ насильничествомъ» (176). «Картина своеволія, экспропріаторства, массоваго террора, все это явилось не случайно, но было раскрытіемъ тѣхъ духовныхъ потенцій, которыя необходимо таятся въ психологіи самообожанія» (45). Русская интеллигенція оказалась «не только въ партійномъ сосѣдствѣ, но и въ духовномъ родствѣ съ грабителями, корыстными убійцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата» (178)...

Не подумайте, что я выбралъ наиболѣе рѣзкія мѣста, наиболѣе тяжкія обвиненія... Я просто взялъ тѣ черты русской интеллигенціи, о которыхъ авторы сборника достаточно дружно и согласно свидѣтельствуютъ. Что касается рѣзкостей, то въ своей характеристикѣ

они не останавливаются и предъ такими выраженіями, какъ «авантюризмъ» (43), «ханжество» (45), «великій развратъ» (71), «умственный блудъ» (92), «разгулъ дѣлечества и карьеризма» («особенно въ верхнихъ слояхъ интеллигенціи»,—92), «бездонное легкомысліе» (137), «готентотская мораль» (171) и т. п. Ихъ обличительная проповѣдь нерѣдко переходитъ въ площадную почти ругань, а ихъ паѳосъ напоминаетъ подчасъ запальчивость, доходящую почти до безпамятства.

Что дѣлала—восклицаетъ одинъ изъ авторовъ—наша интеллигентская мысль послѣдніе полвѣка?.. Кучка революціонеровъ ходила изъ дома въ домъ и стучала въ каждую дверь: „Всѣ на улицу! Стыдно сидѣть дома!"—и всѣ сознанія высыпали на площадь, хромыя, слѣпыя, безрукія; ни одно не осталось дома. Полвѣка толкутся они на площади, голося и перебраниваясь...

Когда читаешь про эти «безрукія и хромыя сознанія», которыя «голосятъ и перебраниваются» на площади, то съ трудомъ вѣришь, что это писалъ человѣкъ въ твердой памяти,—человѣкъ, котораго семь писателей выдвинули изъ своей среды въ качествѣ своего представителя и чуть ли даже не редактора (имъ подписано предисловіе къ сборнику)... Но будемъ читать дальше.

Никто не жилъ,—всѣ дѣлали (или дѣлали видъ, что дѣлаютъ) общественное дѣло. Не жили даже эгоистически, не радовались жизни, не наслаждались свободно ея утѣхами, но урывками хватали куски и глотали, почти не разжевывая, стыдясь и вмѣстѣ вожделѣя, какъ проказливая собака (80)...

Какъ проказливая собака... Вотъ какую жизнь вела русская интеллигенція послѣдніе полвѣка. Въ цѣломъ

интеллигентскій бытъ ужасенъ, подлинная мерзость запустѣнія... Праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще въ половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣстность въ работѣ, въ общественныхъ дѣлахъ—необузданная склонность къ деспотизму и совершенное отсутствіе уваженія къ чужой личности, передъ властью—то гордый вызовъ, то покладливость... (81).

«Сонмище больныхъ, изолированное въ родной странѣ,—вотъ что такое русская интеллигенція» (81). Имѣются въ сборникѣ и другія для нея опредѣленія: орденъ самоубійцъ (203), кучка какихъ-то насильниковъ (176)... Своихъ отцовъ она презираетъ (55), своихъ дѣтей развращаетъ (47 и 186), свой народъ деморализуетъ (63 и 140). «Она... не служитъ ни міру, ни Богу» (132)... «Ведетъ паразитическое существованіе на народномъ тѣлѣ» (170)...

Если собрать воедино всѣ черты, какими характеризуется въ «Вѣхахъ» русская интеллигенція, то получается что-то ужасное. Это прямо какое-то чудовище...

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что «наши лучшіе люди съ отвращеніемъ смотрѣли на насъ и отказывались благословить наше дѣло».

Силу художественнаго генія - пишетъ г. Гершензонъ,—у насъ почти безошибочно можно было измѣрять степенью его ненависти къ интеллигенціи достаточно назвать геніальнѣйшихъ Л. Толстого и Достоевскаго, Тютчева и Фета (83)...

Къ числу «геніальнѣйшихъ», несомнѣнно, нужно отнести и самого г. Гершензона, давшаго намъ такіе яркіе художественные образы, какъ «безрукія сознанія» и «проказливая собака»: ненависть его къ интеллигенціи, судя по статьѣ, напечатанной въ «Вѣхахъ», безспорно превосходитъ ненависть Толстого, Достоевскаго, Тютчева и Фета, даже вмѣстѣ взятыхъ...

Съ другой стороны, понятно и то, что «народъ не чувствуетъ въ насъ людей, не понимаетъ и ненавидитъ насъ» (87).

Мы для него не грабители, какъ свой братъ деревенскій кулакъ; мы для него даже не просто чужіе, какъ турокъ или французъ: онъ видитъ наше человѣческое и именно русское обличье, но не чувствуетъ въ насъ человѣческой души, и потому ненавидитъ насъ страстно, вѣроятно, съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ, тѣмъ глубже ненавидитъ, что мы свои (88).

«Намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ,— бояться мы его должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной» (88)...

Стало быть, правъ былъ г. Дубровинъ, который все время твердилъ, что только висѣлицы и спасаютъ насъ, а то бы русскій народъ давно уже разорвалъ всѣхъ насъ въ клочья...

II.

Какъ видите, семь писателей потрудились не напрасно. Задачу свою они выполнили блестяще: много пороковъ и преступленій нашли они у русской интеллигенціи, — такъ много, что, кажется, нѣтъ грѣха, въ которомъ она не была бы виновата. Можно сказать, въ конецъ ее ошельмовали... Какъ они достигли такихъ результатовъ?

Да очень просто: особые пріемы употребили, ну и стараніе, конечно, приложили...

Секретъ ихъ отчасти уже вскрытъ г. Левинымъ.

Интеллигенція принадлежитъ къ человѣчеству; стало быть, ничто человѣческое ей не чуждо, не чужды ей и общеловѣческіе грѣхи, общечеловѣческія слабости. Интеллигенція принадлежитъ къ народу, къ обществу,—стало быть, ей не могутъ быть чужды грѣхи и слабости, характеризирующіе народъ и общество, ихъ бытъ, ту степень культуры, на которой они находятся *)..

Таковъ одинъ изъ пріемовъ, которымъ воспользовались авторы «Вѣхъ»: то, что свойственно вообще роду, они приписывали виду

*) „Рѣчь", 29 марта.

въ качествѣ характерной для него именно особенности. Подумайте: сколько на этомъ только основаніи можно приписать грѣховъ и пороковъ русской интеллигенціи... И всѣ они покажутся правдоподобными... Да, есть это, есть—скажетъ читатель, и ему трудно будетъ отдѣлаться отъ этой мысли, потому что это дѣйствительно есть, — есть въ русской интеллигенціи, въ русскомъ народѣ, во всемъ человѣчествѣ..

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы невѣжество. Что и говорить, грѣшна въ этомъ русская интеллигенція: многимъ и многимъ въ ея средѣ, да и всѣмъ вообще слѣдовало бы поучиться... Но есть ли это характерная особенность именно интеллигенціи? Если мы возьмемъ русскій народъ въ цѣломъ, то не окажется ли онъ еще невѣжественнѣе? Правда, г. Булгаковъ, «не обинуясь», пишетъ, что «народъ нашъ, при всей своей неграмотности, просвѣщеннѣе своей интеллигенціи». Но легко понять, что утверждать это можно только въ обличительномъ азартѣ или въ покаянномъ умиленіи... Да и «свѣтъ» г. Булгаковъ имѣетъ въ виду совершенно особый,— не научное знаніе, а «свѣтъ Христовъ», «подобный лампадамъ, теплившимся въ иноческихъ обителяхъ» (63).

Попробуйте повернуть вопросъ... Рѣшитесь ли вы сказать и даже про себя только подумать: вотъ этотъ человѣкъ невѣжественнѣе; стало быть, онъ интеллигентнѣе? Или этотъ человѣкъ интеллигентный, потому что онъ невѣжественъ? Невѣжественность, если и означаетъ что, то недостатокъ интеллигентности и ужъ ни въ коемъ случаѣ не является ея отличительнымъ признакомъ, характерною особенностью интеллигенціи. А, между тѣмъ, именно этотъ послѣдній тезисъ и ставятъ авторы «Вѣхъ». Для ихъ цѣли мало было сказать, что среди русской интеллигенціи имѣются невѣжественные люди, или что вообще образовательный уровень ея не высокъ (пусть бы это говорили!); имъ нужно доказать, что невѣжественность это—органическое свойство русской интеллигенціи, неразрывно связанное съ ея міросозерцаніемъ, являющееся непремѣнною чертою ея духовнаго облика...

Доказать это взялся г. Бердяевъ, которому, какъ я уже сказалъ, досталось опорочить русскую интеллигенцію въ философскомъ отношеніи. Надо отдать ему честь, большую находчивость онъ въ этомъ проявилъ и даже съ благородствомъ, можно сказать, поступилъ: онъ одну изъ добродѣтелей русской интеллигенціи возвеличилъ и такое мѣсто въ ея міросозерцаніи этой добродѣтели отвелъ, что нужный ему порокъ самъ собою, можно сказать, появился и до желательныхъ ему размѣровъ выросъ.

Съ русской интеллигенціей въ силу историческаго ея положенія,—пишетъ, а далѣе и подчеркиваетъ г. Бердяевъ,—случилось вотъ какого рода несчастье: *любовь къ уравнительной справедливости, къ общественному добру, къ народному благу парализовала любовь къ истинѣ, почти что уничтожила интересъ къ истинѣ...*

Интеллигенція, видите-ли, слишкомъ добродѣтельна, слишкомъ народъ любитъ, — поэтому невѣжество и является обязательнымъ ея свойствомъ.

Интеллигенція не могла безкорыстно отнестись къ философіи, потому что корыстно относилась къ самой истинѣ, требовала отъ истины, чтобы она стала орудіемъ общественнаго переворота, народнаго благополучія, людского счастья... Основное моральное сужденіе интеллигенціи укладывается въ формулу: да сгинетъ истина, если отъ гибели ея народу будетъ лучше житься, если люди будутъ счастливѣе, долой истину, если она стоитъ на пути завѣтнаго клича: „долой самодержавіе“ (8).

Имѣется ли такая истина, отъ гибели которой люди будутъ счастливѣе, которая мѣшала бы борьбѣ съ самодержавіемъ и которая была бы вообще непримирима съ справедливостью,—мы не знаемъ. Повидимому, и самъ г. Бердяевъ такой истины не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не привелъ ни одного примѣра, чтобы интеллигенція отказалась признать истину, зная, что это *истина*. Да и зачѣмъ? Свою задачу вѣдь онъ выполнилъ, умственный «параличъ» русской интеллигенціи доказалъ... Дальше можно уже оперировать такими словами, какъ «абсолютная цѣнность», «боголюбіе», «народопоклонство» и т. п... Дальше уже можно съ видомъ непогрѣшимости изрекать, что «наука Чичерина»—настоящая наука, а «наука Михайловскаго»—не настоящая (12), что Чернышевскій, какъ философъ, и въ подметки не годится Юркевичу (5), что вообще «свойства русскаго національнаго духа указуютъ на то, что мы призваны творить въ области религіозной философіи (19), что «П. Б. Струве — самый культурный и ученый изъ нашихъ марксистовъ» (14), что вообще онъ — «объективный и научный» (15) и т. д.

Не удивляйтесь тому, что г. Бердяевъ хотя одну добродѣтель за русской интеллигенціей при этомъ призналъ, а именно приписалъ ей народолюбіе въ преувеличенныхъ даже размѣрахъ. Просто—это не по его спеціальности. Нашлись другіе спеціалисты, которые потомъ и эту добродѣтель въ порокъ превратили. Г. Франкъ, напримѣръ, который взялся аргументировать моральную несостоятельность русской интеллигенціи, безъ труда доказалъ, что въ дѣйствительности соціалисты вовсе не альтруисты и что интеллигенція любитъ «не живыхъ людей, а лишь свою идею» (163). Въ результатѣ такой всесторонней обработки и оказалось, что русская интеллигенція и невѣжественна, и народа своего не любитъ...

Вообще разработка по спеціальностямъ много содѣйствовала успѣху изслѣдованія въ цѣломъ. Но такая постановка имѣла и свои неудобства. Въ частности, по вопросу о невѣжествѣ русской интеллигенціи между спеціалистами получилось такое противорѣчіе, что критика сразу обратила на него вниманіе.

Г. Бердяевъ, какъ мы видѣли, доказалъ, что любовь къ истинѣ у русской интеллигенціи парализована... А г. Гершензонъ, который

взялся изобразить психическое уродство интеллигенціи, надумалъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ ея душу искалѣчить. Изъ его статьи вытекаетъ, что интеллигенція не только не уклонялась отъ истины, но и не могла уклониться, если бы даже хотѣла. Въ самомъ дѣлѣ, истина вѣдь «съ неотразимою силою внѣдряется въ каждое отдѣльное сознаніе такъ, что, разъ представъ уму, она уже овладѣваетъ имъ, отъ нея некуда убѣжать» (73). И уродство, по мнѣнію г. Гершензона, заключается совершенно въ другомъ,—не въ томъ, что интеллигенція не любитъ истины, а въ томъ, что она «обжирается истиной» (79), обжирается ею «безъ разбора» и обжирается «праздно»...

При «нормальной дѣятельности сознанія», по мнѣнію этого изслѣдователя, наша мысль «истину принимаетъ въ себя не всю безъ разбора, а только ту, которая нужна ей для личной работы» (74). Такимъ образомъ, въ томъ самомъ, что г. Бердяевъ считаетъ уродствомъ, а именно, что интеллигенція ищетъ и воспринимаетъ ту истину, которая нужна ей, г. Гершензонъ видитъ нормальную дѣятельность сознанія. За то послѣдній и порокъ нашелъ въ интеллигенціи, какъ разъ обратный тому, какой приписалъ ей г. Бердяевъ. «Одной тысячной доли той истины, которую мы знаемъ,—пишетъ г. Гершензонъ,—было бы достаточно, чтобы сдѣлать каждаго изъ насъ святымъ» (73). Но въ томъ-то и дѣло, что русская интеллигенція, обжираясь истиной, не хочетъ воспользоваться ею. Она «не стыдится того, что жизнь темна и скудна правдою, когда въ сознаніи уже накоплены великія богатства истины» (79),—вотъ въ чемъ ея уродство, вотъ въ чемъ ея преступленіе. Этотъ разладъ и «сдѣлалъ интеллигента калѣкой». Будь въ Россіи другая интеллигенція, будь «хоть горсть цѣльныхъ людей», въ которыхъ не было бы этого разлада между мыслью и волей, — «деспотизмъ былъ бы немыслимъ» (79).

Вотъ что могутъ натворить спеціалисты, когда они плохо договорятся между собою. Одинъ вамъ доказалъ, что русская интеллигенція черезчуръ любитъ свой народъ и не любитъ истины, а другой, какъ разъ наоборотъ, — что она черезчуръ любитъ истину и не любитъ народа. Тотъ и другой доказываютъ наличность разлада между волей и мыслью, но одинъ видитъ этотъ разладъ въ томъ, что мысль находится въ рабствѣ у воли, а другой—въ томъ, что воля подавлена мыслью. Одинъ утверждаетъ, что руки и ноги мѣшаютъ сознанію, другой, — что это самое сознаніе совсѣмъ «безрукое» или, по крайней мѣрѣ, «хромое»...

И вы недоумѣваете, гдѣ же правда... Какъ будто и тутъ, и тамъ она есть... Какъ будто, дѣйствительно, русская интеллигенція «требовала отъ истины, чтобы она стала орудіемъ народнаго благополучія», а, съ другой стороны, и то вѣрно, что истина, какова бы она ни была, «съ неотразимою силою внѣдряется въ каждое отдѣльное сознаніе» и что у русской интеллигенціи, дѣйствительно,

имѣется много истинъ, не претворенныхъ еще въ дѣло, а она спѣшитъ нахватать ихъ какъ можно больше... Какъ будто разладъ между мыслью и волей, дѣйствительно, у нея имѣется...

Разладъ между волей и интеллектомъ... Конечно, онъ есть. Но

вѣдь это,—подсмѣивается въ цитированной уже мною статьѣ г. Левинъ,—такая широкая схема, что Шопенгауэръ вмѣстилъ въ нее всѣ грѣхи міра, даже самое бытіе міра, которое Шопенгауэръ, какъ истый буддистъ, признаетъ сплошнымъ грѣхопаденіемъ. Диво ли, что въ эту безконечную бездну проваливается и наша интеллигенція?

Имѣется разладъ между мыслью и волей и у русской интеллигенціи, имѣется и въ томъ смыслѣ, въ какомъ указываетъ его г. Бердяевъ, и въ томъ, какой придалъ ему г. Гершензонъ. Понаблюдайте за собой, покопайтесь въ своей душѣ,—и оба грѣха вы въ ней найдете. Иной разъ вамъ не хочется признать истину, которая идетъ въ разрѣзъ съ вашими идеалами, въ другомъ случаѣ вы хватаетесь за новую истину, хотя и безъ того въ вашемъ сознаніи много такихъ, которыхъ вы не реализировали еще въ жизни. Нужно ли, однако, доказывать, что это не уродства интеллигентской души, а общія свойства человѣческаго духа? Послѣднему одинаково свойственно и стремленіе къ истинѣ, и стремленіе къ справедливости. Не всегда эти стремленія совпадаютъ между собою, и не сразу удается истину слить со справедливостью.

Вотъ за эти-то общечеловѣческія свойства, за эти-то появляющіяся въ человѣческой душѣ противорѣчія и ухватились авторы «Вѣхъ». Приписавъ ихъ интеллигенціи, въ качествѣ характерныхъ, свойственныхъ ей только одной, особенностей, они старательно начали ихъ углублять и расширять,—и сразу вырыли двѣ могилы. И намъ теперь приходится недоумѣвать, въ какой-же изъ нихъ они намѣрены похоронить русскую интеллигенцію...

Между тѣмъ послѣднюю труднѣе, чѣмъ кого-либо, уложить въ любую изъ вырытыхъ авторами «Вѣхъ» яму. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы г. Бердяева. Какую это «радикальную реформу» считаетъ онъ нужнымъ произвести въ «интеллигентскомъ сознаніи»? А вотъ какую:

Всѣ историческія и психологическія данныя,—пишетъ онъ, заканчивая свою статью,—говорятъ за то, что русская интеллигенція можетъ перейти къ новому сознанію лишь на почвѣ синтеза знанія и вѣры, синтеза, удовлетворяющаго положительно цѣнную потребность интеллигенціи въ органическомъ соединеніи теоріи и практики, «правды-истины» и «правды-справедливости» (21).

Но позвольте, милостивый государь! Откуда вы этотъ синтезъ-то взяли? Не у Михайловскаго-ли вы это заимствовали? Вотъ вѣдь, что 20 лѣтъ тому назадъ писалъ этотъ «типичный интеллигентъ» (135), какъ его называютъ «Вѣхи»:

Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскор-

бляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было-бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и, въ тоже время охранять и правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача всей моей жизни *)...

Такова задача всей русской интеллигенціи... Что же, милостивый государь, вы новаго-то предлагаете?... Или вы хотите сказать, что «сейчасъ мы духовно нуждаемся въ признаніи самоцѣнности истины, въ смиреніи передъ истиной и готовности на отреченіе во имя ея»? Вы это и сказали, «отреченіе» вы и предложили, въ качествѣ потребности текущаго-де момента. Отреченіе—отъ чего? отъ справедливости? «Это, по вашимъ словамъ, внесло бы освѣжающую струю въ наше культурное творчество». Но вы тотчасъ же спохватились (замѣтьте!), или товарищи васъ одернули (въ сборникѣ много такихъ, повидимому, одергиваній имѣется), и къ только что приведеннымъ словамъ сами сдѣлали такое подстрочное примѣчаніе:

Смиреніе передъ истиной имѣетъ большое моральное значеніе, но не должно вести къ культу мертвой, отвлеченной истины (21).

Что же въ концѣ-концовъ получилось? Русскую интеллигенцію вы опорочили, науку ея признали не-настоящей, философію ея объявили «кружковой отсебятиной» (19)... А когда пришлось на вопросъ дать прямой отвѣтъ, то смѣлости въ васъ и не хватило. За не-настоящую науку вы ухватились и ни на шагъ отъ того, что сказано въ предисловіи къ сочиненіямъ Михайловскаго, отойти не рѣшились...

Если имѣть въ виду всѣхъ авторовъ сборника, то придется сказать, что не столько, быть можетъ, смѣлости, сколько единодушія въ нихъ не хватило. «Вѣхи»-то они сообща поставили, а куда вести русскую интеллигенцію, не договорились: въ сторону ли отъ правды-истины или въ сторону отъ правды-справедливости? И куда ее привести? Г. Булгаковъ, напримѣръ, желаетъ возсоединить ее съ православной церковью, а г.г. Струве и Изгоевъ—съ буржуазіей...

Вотъ они и кружатъ... Имъ бы вѣдь лишь похоронить интеллигенцію,—на томъ весь сборникъ построенъ. Авось, она упадетъ въ ту или другую яму...

---

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Томъ I. Предисловіе.

III.

Характеризуя пріемъ, какимъ воспользовались авторы «Вѣхъ», я подробно разобралъ наиболѣе правдоподобныя ихъ обвиненія. Въ «борьбѣ идей», если вы желаете одержать побѣду, нужно бить по самымъ сильнымъ мѣстамъ противника. Я такъ и поступилъ. Останавливаться на другихъ обвиненіяхъ, предъявленныхъ на томъ же основаніи къ русской интеллигенціи, въ сущности нѣтъ даже надобности. Очень ужъ бѣлыми нитками они пришиты—и эти нитки видны съ перваго взгляда.

Стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, останавливаться хотя бы на «фанатической нетерпимости» русской интеллигенціи,—тоже, если хотите, на правдоподобномъ обвиненіи? «Нетерпимость и взаимныя распри,—пишетъ, напримѣръ, г. Булгаковъ—суть настолько извѣстныя черты нашей партійной интеллигенціи, что объ этомъ достаточно лишь упомянуть...» Очень тонко онъ это подмѣтилъ. Но вотъ что любопытно. Г. Булгаковъ объясняетъ эту нетерпимость атеизмомъ русской интеллигенціи, ея героизмомъ, основаннымъ-де на самообожаніи, тѣмъ, что она воображаетъ себя Провидѣніемъ... И очень это ловко у него выходитъ: съ полною очевидностью вытекаетъ, что нетерпимость это—органическое свойство интеллигенціи, неотдѣлимая черта ея духовнаго облика. Все дѣло въ ея міросозерцаніи, въ ея атеизмѣ... Но только что это доказалъ г. Булгаковъ, какъ его одернуть пришлось,—подстрочное примѣчаніе помѣстить:

> Рознь наблюдается, конечно, и въ исторіи христіанскихъ и иныхъ религіозныхъ сектъ и исповѣданій... (40).

И, дѣйствительно, зарапортовался вѣдь г. Булгаковъ,—нельзя было его не одернуть. Пришлось даже слѣды заметать: «до извѣстной степени и здѣсь (т. е. въ исторіи религіозныхъ исповѣданій) наблюдается,—читаемъ мы дальше,—психологія героизма, но эти распри имѣютъ, однако, и свои спеціальныя причины, съ нею несвязанныя». Что это за спеціальныя причины—неизвѣстно... Но вѣдь это и не важно. Фактъ тотъ, что распри и тамъ были. Дѣло, стало быть, не въ специфической какой-то особенности русской интеллигенціи, а въ нѣкоторой общечеловѣческой слабости. И если русская интеллигенція повинна въ ней, то, конечно, ни въ коемъ случаѣ не больше, а несравненно меньше, чѣмъ религіозныя секты и исповѣданія, не исключая христіанскихъ...

Стоитъ ли, далѣе, останавливаться на правовой тупости и неразвитости русской интеллигенціи, которую такъ старательно аргументируетъ г. Кистяковскій. Но онъ вѣдь самъ приводитъ слова Герцена:

Правовая необезпеченность, искони тяготѣвшая надъ народомъ, была для него своего рода школой. Вопіющая несправедливость одной половины его законовъ научила его ненавидѣть и другую; онъ подчиняется имъ, какъ силѣ. Полное неравенство передъ судомъ убило въ немъ всякое уваженіе къ законности. Русскій, какого-бы званія онъ ни былъ, обходитъ или нарушаетъ законъ всюду, гдѣ это можно сдѣлать безнаказанно; и совершенно такъ же поступаетъ правительство...

Почему же г. Кистяковскій обвиняетъ во всемъ русскую интеллигенцію? А обвиненій ей онъ много предъявляетъ... И въ томъ ея вина, что судъ у насъ плохъ (121—124), и въ томъ, что «Россія до сихъ поръ еще управляется при помощи чрезвычайной охраны и военнаго положенія» (118), и въ томъ, что у насъ не могла установиться свобода слова и собраній (112—114)...

Теперь мы дожили до того,—пишетъ г. Кистяковскій,—что даже въ Государственной Думѣ третьяго созыва не существуетъ полной и равной для всѣхъ свободы слова, такъ какъ свобода при обсужденіи однихъ и тѣхъ же вопросовъ не одинакова для господствующей партіи и оппозиціи (114). . . .

Даже за нравы третьей Думы должна отвѣчать русская интеллигенція, даже за поведеніе октябристовъ приходится нести ей отвѣтственность... Впрочемъ, къ слову сказать, г. Струве обвиняетъ ее даже въ томъ, что «явились военно-полевые суды и безконечныя смертныя казни» (142)... Но помилосердствуйте же, господа! Положимъ, принято говорить: каковъ народъ, таково и правительство. Но вѣдь, если въ эту формулу вмѣсто «народа» мы начнемъ подставлять какую намъ только захочется группу, то въ концѣ концовъ можно будетъ сказать, что во всемъ, вплоть до висѣлицъ, виноваты писатели, высказавшіеся въ «Вѣхахъ»...

Стоитъ-ли, далѣе, останавливаться на обвиненіи, какое предъявилъ къ русской интеллигенціи и даже статистически обосновалъ г. Изгоевъ? Заглянулъ онъ, видите-ли, въ брошюру доктора Членова: Боже, сколько студентовъ занималось въ дѣтствѣ онанизмомъ! Какъ много среди нихъ такихъ, которые свою половую жизнь начали съ горничными! Вотъ и готово обвиненіе русской интеллигенціи въ педагогической неспособности. Чего ужъ больше! «Она не способна сохранить даже просто физическія силы дѣтей, предохранить ихъ отъ ранняго растлѣнія». Не то на Западѣ.

Не говорю—пишетъ г. Изгоевъ—объ Англіи и Германіи, гдѣ, по общимъ признаніямъ, половая жизнь дѣтей культурныхъ классовъ течетъ нормально и гдѣ развращеніе прислугой дѣтей представляетъ не обычное, какъ у насъ, но исключительное явленіе. Даже во Франціи, съ именемъ которой у насъ соединилось представленіе о всякихъ половыхъ излишествахъ, даже тамъ, въ этой странѣ южнаго солнца и фривольной литературы, въ культурныхъ семьяхъ нѣтъ такого огромнаго количества половыхъ скороспѣлокъ, какъ въ сѣверной, холодной Россіи... (186).

Къ сожалѣнію, г. Изгоевъ не объяснилъ, будетъ ли меньше въ Россіи дѣтей-онанистовъ и развращенныхъ горничныхъ послѣ

того, какъ русская интеллигенція послѣдуетъ его совѣту и признаетъ себя однимъ изъ «среднихъ слоевъ», послѣ того, какъ она растворится въ буржуазіи. Повидимому, онъ и самъ въ этомъ не увѣренъ. Не напрасно вѣдь въ приведенной мною выдержкѣ онъ пишетъ о «культурныхъ семьяхъ»,—и лишь при помощи коекакихъ словесныхъ оборотовъ всѣхъ онанистовъ и половыхъ скороспѣлокъ взваливаетъ на плечи «интеллигенціи». Что касается Запада, то и тутъ, повидимому, не случайно статистикѣ д-ра Членова г. Изгоевъ противопоставилъ всего лишь «общія признанія». Очевидно, никакой справки онъ не навелъ и даже въ памяти своей не покопался... А то бы онъ, вѣроятно, кое-что припомнилъ,—ну хотя бы «Физіологію обыденной жизни» Льюиса, очень ходкую въ дни нашего юношества книгу, которую и онъ, вѣроятно, читалъ,—припомнилъ бы, что онанисты среди западно-европейскихъ дѣтей трактуются въ ней, какъ общее правило... Только при помощи запамятованія и подстановки г. Изгоевъ и могъ широкораспространенныя, къ несчастью, аномаліи въ дѣтской половой жизни поставить на счетъ русской интеллигенціи въ качествѣ характерной для нея особенности...

Стоитъ ли, наконецъ, останавливаться на такихъ порокахъ русской интеллигенціи, какъ «праздность», «неряшливость», «грязь въ половыхъ отношеніяхъ», «недобросовѣстность въ работѣ», «покладливость передъ властью» и т. п. Не спорю,—можетъ быть, г. Гершензонъ и наблюдалъ все это въ «интеллигентскомъ быту», въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ онъ вращался и вращается. Всякіе пороки свойственны людямъ, но выдавать ихъ за органическія свойства русской интеллигенціи, за характерныя черты ея духовнаго облика... Противно даже говорить объ этомъ. Достаточно сказать, что завидные результаты, которыхъ удалось достигнуть г. Гершензону, объясняются, очевидно, тѣмъ, что имъ примѣнены въ данномъ случаѣ оба пріема, которыми воспользовались авторы «Вѣхъ»,—и тѣмъ, о которомъ я говорилъ до сихъ поръ, и тѣмъ, о которомъ мнѣ придется говорить дальше.

IV.

Критика уже отмѣтила, что, написавъ цѣлую книгу о русской интеллигенціи, авторы «Вѣхъ» не дали ей общаго опредѣленія.

> Первое, что бросается въ глаза—пишетъ г. Игнатовъ—это неряшливость предварительнаго слѣдствія. Не опредѣливъ съ точностью, кто участвовалъ въ преступномъ сообществѣ, именуемомъ „русская интеллигенція“, уже начали процессъ *)...

Отсюда «неустойчивость самаго термина: интеллигенція». Это

*) „Русскія Вѣдомости“, 25 марта.

не помѣшало, конечно, авторамъ «Вѣхъ» направить ударъ въ опредѣленную сторону и даже сосредоточить силу его на опредѣленной части русскаго общества. Читая книгу, вы ясно видите, противъ кого она направлена, какая это интеллигенція должна «перестать существовать, какъ особая культурная категорія» (144) и какая это новая категорія должна занять ея мѣсто въ русской жизни.

«Атеистическая» интеллигенція должна уступить мѣсто «церковной», космополитическая—націоналистической, соціалистическая—буржуазной... Признаки, какъ видите, можно найти достаточно опредѣленные. Авторы «Вѣхъ» неоднократно называютъ и по имени главный объектъ своей ненависти. Это—«народничество»; съ «побѣдоноснымъ и всепожирающимъ народническимъ духомъ» они и ведутъ, главнымъ образомъ, борьбу. Правда, «народничество» они понимаютъ шире, чѣмъ это всѣми принято. Они включаютъ въ него и марксизмъ, который, по ихъ мнѣнію, это только «перелицованное народничество». «Марксистскія побѣды надъ народничествомъ — пишетъ г. Бердяевъ, — не привели къ глубокому кризису природы русской интеллигенціи, она осталась старовѣрческой и народнической и въ европейскомъ одѣяніи марксизма» (6).

Побѣдоносный и всепожирающій народническій духъ — говоритъ г. Франкъ—поглотилъ и ассимилировалъ марксистскую теорію... По своему этическому существу русскій интеллигентъ приблизительно съ 70-хъ годовъ и до нашихъ дней остается упорнымъ и закоренѣлымъ *народникомъ* (159).

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ авторы «Вѣхъ», повидимому, считаютъ марксизмъ даже зловреднѣе народничества. Такъ, г. Струве, говоря, что народническая проповѣдь превращалась «въ разнузданіе и деморализацію», вставляетъ: «не говоря уже о марксистской» (140)... Какъ бы то ни было, противъ кого направлена книга въ ея цѣломъ, это—повторяю—достаточно ясно.

Но всѣ поименованные мною признаки указаны въ отдѣльныхъ статьяхъ, и ни одинъ, повидимому, изъ нихъ не считался обязательнымъ для всѣхъ семи писателей. Каждый авторъ оперируетъ на облюбованной имъ территоріи; если результаты его не удовлетворяютъ, то онъ перебирается на другую, не стѣсняясь при этомъ выходить далеко за указанные общіе предѣлы,—за предѣлы атеизма, космополитизма и соціализма. Лишь бы найти побольше грѣховъ, пороковъ, преступленій...

Такъ же неопредѣленны предѣлы изысканій семи писателей и во времени. Г. Франкъ, какъ мы только что видѣли, начинаетъ родословную русской интеллигенціи «приблизительно съ 70-хъ годовъ». И, заканчивая свое изслѣдованіе, онъ изъявляетъ готовность «черезъ семидесятые годы подать руку тридцатымъ и сороковымъ годамъ, возродивъ въ новой формѣ, что «было вѣчнаго и абсолютно-цѣннаго въ исканіяхъ духовныхъ піонеровъ той эпохи».

Нѣсколько дальше вглубь забираетъ г. Струве: по его мнѣнію, уже «въ 60-хъ годахъ, съ ихъ развитіемъ журналистики и публицистики, интеллигенція явственно отдѣляется отъ образованнаго класса, какъ нѣчто духовно особое», а «первымъ русскимъ интеллигентомъ» онъ считаетъ Бакунина,—какъ разъ одного изъ «людей 40-хъ годовъ». И себя связать онъ хочетъ уже не съ ними, а съ Новиковымъ, Радищевымъ,—не дальше Чаадаева,—съ этими «воистину упоенными Богомъ людьми». «Это не звенья одного и того же ряда, — говоритъ г. Струве, противопоставляя ихъ Бакунину и всей позднѣйшей интеллигенціи,—это два по существу непримиримыхъ духовныхъ теченія, которыя на всякой стадіи развитія должны вести борьбу» (134). Г. Гершензонъ, которому не чужды, повидимому, нѣкоторыя славянофильскія тенденціи, сразу хватаетъ много дальше. «Наша интеллигенція, — говоритъ онъ— справедливо ведетъ свою родословную отъ петровской реформы»; послѣдняя и искалѣчила интеллигентскую душу (78—79). Г. Булгаковъ то Бѣлинскаго считаетъ «отцомъ русской интеллингенціи» (56), то разсматриваетъ ее, какъ «созданіе Петрово» (25), то забирается совсѣмъ вглубь вѣковъ—въ эпоху реформаціи — и тамъ начинаетъ разыскивать корни и нити всѣхъ ея грѣховъ и преступленій (34). Г. Кистяковскій болѣе тѣсными предѣлами себя ограничилъ,—съ Герцена и славянофиловъ началъ,—но въ этихъ предѣлахъ онъ тоже держитъ себя совершенно свободно: одну полосу тщательно обшаритъ, другую, разъ въ ней не то попадается, что ему нужно, совсѣмъ обойдетъ; въ одномъ десятилѣтіи за однимъ направленіемъ общественной мысли слѣдитъ, въ другомъ за другимъ,—опять-таки гдѣ больше нужнаго ему «непониманія» найти можно.

Обширную, хотя и неопредѣленную, территорію охватили семь писателей своими розысками; большой, хотя и неопредѣленный, періодъ времени они изслѣдовали... Каждый тщательно собиралъ матеріалы для обвиненія и не менѣе тщательно обходилъ и выдѣлялъ все, что могло, по его мнѣнію, смягчить ихъ или опровергнуть. А потомъ все собранное такимъ образомъ стащили въ одну кучу,— и поставили на счетъ русской интеллигенціи.

Одинъ ихъ пріемъ, какъ мы видѣли, состоялъ въ томъ, что свойственное цѣлому роду они приписывали въ качествѣ характерной особенности виду; другой ихъ пріемъ заключался въ томъ, что они приписывали цѣлому виду то, что имъ удалось подмѣтить у той или иной изъ его разновидностей и даже хотя бы у отдѣльнаго индивидуума,—подмѣтить въ настоящемъ или въ прошломъ, если не въ одну эпоху, то въ другую.

Куча получилась не малая—подъ нею, казалось бы, можно было похоронить русскую интеллигенцію. Одно бѣда: эта куча сама собой разсыпается. Легко понять, что при указанномъ методѣ въ книгѣ неизбѣжно должна была получиться масса противорѣчій,—

больше того: взаимно исключающихъ другъ друга положеній. У одной разновидности оказался одинъ порокъ, у другой — прямо ему противоположный; для одной эпохи характерно было одно прегрѣшеніе, а другая — впала въ грѣхъ какъ разъ обратный; много и то значитъ, съ какой кто точки зрѣнія смотрѣлъ: въ одномъ и томъ же объектѣ одинъ порокъ открылъ, другой добродѣтель замѣтилъ... Соединивъ собранные ими матеріалы въ одну кучу, авторы «Вѣхъ», очевидно, и сами обратили вниманіе, что они плохо укладываются вмѣстѣ: торчатъ въ разныя стороны,— того и гляди, вся куча разсыплется. Въ предисловіи они спѣшатъ предупредить объ этомъ и успокоить своихъ читателей, что это только «кажущееся противорѣчіе» и что происходитъ-де оно отъ того, что «вопросъ изслѣдуется участниками въ разныхъ плоскостяхъ»...

Для нашихъ читателей я считаю все-таки нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ. Начну съ самаго безобиднаго.

Славянофилы, казалось бы, должны были остаться за указанными выше общими предѣлами,—за предѣлами атеизма, космополитизма и соціализма. И дѣйствительно, если взять сборникъ въ цѣломъ, то славянофилы въ немъ противополагаются «русской интеллигенціи», которая предназначена къ ошельмованію. Это—«лучшіе умы» и при томъ «наши». Вотъ бы у кого слѣдовало учиться,—укоряетъ г. Гершензонъ (81). Но вотъ г. Кистяковскому, чтобы доказать «непониманіе значенія правовыхъ нормъ» русской интеллигенціей, и славянофильскій грѣхъ понадобился. «Не обинуясь», какъ выражается въ такихъ случаяхъ г. Булгаковъ, онъ и пользуется имъ въ качествѣ аргумента. «Въ слабости внѣшнихъ правовыхъ нормъ и даже въ полномъ отсутствіи внѣшняго правопорядка,—пишетъ г. Кистяковскій,—они (славянофилы сороковыхъ годовъ) усматривали положительную, а не отрицательную сторону» (103). Правда, и тогда въ средѣ русской интеллигенціи были люди, которые высмѣивали эти взгляды, — г. Кистяковскій самъ приводитъ стихотвореніе Алмазова, въ которомъ тотъ вышутилъ по этому поводу К. С. Аксакова. Но это въ счетъ не идетъ и нисколько не мѣшаетъ тому же г. Кистяковскому указанное «непониманіе» признать «*общимъ* свойствомъ *всей* нашей интеллигенціи» (104; курсивъ мой).

Правда, кромѣ славянофиловъ, онъ ссылается еще на Герцена, на Михайловскаго, на Плеханова... Видите ли: на протяженіи 60 лѣтъ, отъ сороковыхъ годовъ и до самаго послѣдняго времени, никто не понималъ, да такъ и не понялъ значенія правовыхъ нормъ. Былъ моментъ, когда интеллигентское сознаніе какъ будто прояснилось на этотъ счетъ.

Новая волна западничества, хлынувшая въ началѣ девяностыхъ годовъ вмѣстѣ съ марксизмомъ, начала немного прояснять правовое сознаніе русской интеллигенціи... Наша интеллигенція, наконецъ, поняла, что всякая соціальная борьба есть борьба политическая... что борьба за политическую

свободу есть первая и насущнѣйшая задача всякой соціалистической партіи и т. д., и т. д. Можно было ожидать, что наша интеллигенція, наконецъ, признаетъ и безотносительную цѣнность личности и потребуетъ осуществленія ея правъ и неприкосновенности (109—110)...

«Но дефекты правосознанія нашей интеллигенціи, — продолжаетъ г. Кистяковскій,—не такъ легко устранимы. Несмотря на школу марксизма, пройденную ею, отношеніе ея къ праву осталось прежнимъ». Просвѣтлѣніе, повидимому, продолжалось до тѣхъ лишь поръ, пока въ рядахъ марксистовъ оставался г. Струве, написавшій, какъ сообщаетъ г. Кистяковскій, манифестъ о первомъ съѣздѣ с.-д. партіи (1898 г.). Ко второму съѣзду послѣдней (1903 г.) пониманіе значенія правовыхъ нормъ опять исчезло (110 и слѣд.)...

Такова, вкратцѣ, исторія отношенія русской интеллигенціи къ праву и политикѣ въ изложеніи г. Кистяковскаго. Жалѣя мѣсто, я не стану говорить о томъ, какъ онъ пользуется Герценомъ, Михайловскимъ, Плехановымъ, хотя и любопытно было бы остановиться на этомъ. Характерно уже то, что за отношеніемъ русской интеллигенціи къ праву и политикѣ онъ слѣдитъ: въ 40-хъ годахъ—по ученію славянофиловъ, въ 70-хъ—по воспоминаніямъ о народникахъ, въ 90-хъ и дальнѣйшихъ—по первымъ выступленіямъ соціалъ-демократовъ. Почему онъ такъ перескакиваетъ,—не трудно понять изъ слѣдующаго.

Г. Кистяковскому извѣстно, конечно, о томъ переломѣ, который произошелъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ въ отношеніяхъ народнической интеллигенціи къ политикѣ (109). Она не только поняла, что «борьба за политическую свободу есть первая и насущнѣйшая задача всякой политической партіи», но и предприняла за эту самую свободу отчаянную борьбу... Но мало ли что... Это въ счетъ не идетъ. И народники, у которыхъ уже нельзя найти нужныхъ г. Кистяковскому аргументовъ, съ этого момента его нисколько не интересуютъ. Настолько не интересуютъ, что онъ забываетъ даже то, что происходило на его памяти и, быть можетъ, при его даже участіи. Правовое просвѣтлѣніе русской интеллигенціи онъ связываетъ, какъ мы видѣли, съ появленіемъ у насъ марксизма. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, марксизмъ на первыхъ порахъ скорѣе затемнилъ, чѣмъ прояснилъ въ этомъ отношеніи сознаніе интеллигенціи. Г. Кистяковскій, очевидно, забылъ знаменитые споры объ экономическомъ базисѣ и правовой надстройкѣ,—споры, въ которыхъ марксисты все сводили къ экономикѣ, а народники доказывали самостоятельное значеніе политики...

Представимъ, однако, себѣ, что г. Кистяковскій убѣдилъ насъ. Согласимся съ нимъ, что русская интеллигенція все время «стремилась къ болѣе высокимъ и безотносительнымъ идеаламъ», пренебрегала правомъ, какъ «второстепенною цѣнностью», и не понимала значенія политической борьбы... Но какъ же намъ быть, если г. Франкъ ту же самую интеллигенцію обвиняетъ въ «отри-

цанiи или непризнанiи абсолютныхъ (объективныхъ) цѣнностей» (153), а г. Гершензонъ въ томъ, что она все время находилась подъ «тиранiей политики» (92)? Какъ намъ быть, если одинъ авторъ «Вѣхъ» обвиняетъ интеллигенцiю въ томъ, что она стремилась право замѣнить этикой, а другiе—въ томъ, что у нея этика была вытѣснена политикой? Кому же намъ вѣрить? Какъ примирить эти взаимно-исключающiя другъ друга обвиненiя?

Возьму другой примѣръ. Л. Толстой, казалось бы, какъ и славянофилы, долженъ былъ остаться за общими предѣлами «русской интеллигенцiи», которую имѣютъ въ виду авторы «Вѣхъ». И, дѣйствительно, въ сборникѣ онъ многократно противополагается послѣдней. Даже сила художественнаго генiя Толстого, какъ мы видѣли, измѣряется степенью его ненависти къ интеллигенцiи. Больше того: въ предисловiи авторы «Вѣхъ» называютъ Толстого въ качествѣ своего предтечи... При такихъ условiяхъ, казалось бы, хоть толстовство-то они не поставятъ на счетъ русской интеллигенцiи... Но вотъ г. Франку понадобилось доказать враждебное отношенiе русской интеллигенцiи къ культурѣ, и онъ, не обинуясь, пишетъ:

> Борьба противъ культуры есть одна изъ характерныхъ чертъ типично-русскаго интеллигентскаго духа; культъ *опрощенiя* есть не специфически-толстовская идея, а нѣкоторое общее свойство интеллигентскаго умонастроенiя (158).

Но позвольте, господа! какъ же это выходитъ: Толстого вы къ себѣ берете, а «опрощенiе» намъ подбрасываете? Или вы только «десницу» Толстого, его художественный талантъ себѣ присвоиваете, а намъ его «шуйцу», враждебное отношенiе къ культурѣ оставляете, — шуйцу, съ которой такъ энергично боролся никто иной, какъ «типичный интеллигентъ» Михайловскiй?..

«Достоевскiй и Толстой—пишетъ г. Струве — каждый по различному срываютъ съ себя и далеко отбрасываютъ мундиръ интеллигента» (135). Но скажите, пожалуйста, когда именно Толстой это сдѣлалъ? Повидимому, г. Струве имѣетъ въ виду тотъ переломъ въ Толстомъ, послѣ котораго онъ въ мужицкую сермягу облачился. Но вѣдь, если послушать г. Франка, то въ этомъ какъ разъ «общее свойство интеллигентскаго умонастроенiя» сказалось, и выходитъ, стало быть, что Толстой не снялъ тогда, а надѣлъ мундиръ интеллигента... Снялъ или надѣлъ? чему мы должны вѣрить?

Не удивляйтесь, что «культъ опрощенiя», хотя онъ, какъ извѣстно, очень мало нашелъ себѣ поклонниковъ среди интеллигенцiи и въ самомъ сборникѣ толстовство называется «краткимъ эпизодомъ» (173) въ ея жизни, оказался возведеннымъ на степень ея «общаго свойства». Какъ я уже сказалъ, таковъ прiемъ, которымъ все время пользуются авторы «Вѣхъ». Кромѣ «толстовства» была «писаревщина»,—и это «общее свойство»...

Вся писаревщина, это буйное возстаніе противъ эстетики, — пишетъ г. Франкъ,—была не просто единичнымъ эпизодомъ нашего духовнаго развитія, а скорѣе лишь выпуклымъ стекломъ, которое собрало въ одну яркую точку лучи варварскаго иконоборства, неизмѣнно горящіе въ интеллигентскомъ сознаніи (150)...

И вмѣстѣ съ тѣмъ доказало, что «эстетическая совѣсть» интеллигенціи заглушена...

Былъ максимализмъ, къ экспропріаціямъ русскіе интеллигенты имѣли касательство... И вотъ: «максимализмъ есть неотъемлемая черта интеллигентскаго героизма»—пишетъ г. Булгаковъ, который, къ слову сказать, въ героизмѣ видитъ характерную особенность русской интеллигенціи и который взялся именно эту черту ея духовнаго облика опорочить, сведя героизмъ къ самообожанію. — «Это (т. е. максимализмъ)—продолжаетъ онъ дальше,—не принадлежность какой либо одной партіи, нѣтъ—это самая душа героизма, ибо герой вообще не мирится на маломъ» (39). А своеволіе, экспропріаторство, массовый терроръ это—только «раскрытіе тѣхъ духовныхъ потенцій, которыя необходимо таятся въ психологіи самообожанія» (45).

Было «санинство», «декадентство» имѣется... Тоже—общія свойства (173). Азефъ былъ, провокація была... Тоже—черты интеллигентскаго облика. Трижды возвращаются къ ней авторы сборника (45, 141, 199).

Разоблаченія, связанныя съ именемъ Азефа — пишетъ г. Булгаковъ — раскрыли, какъ далеко можетъ идти при героическомъ максимализмѣ неразборчивость въ средствахъ, при которой перестаешь уже различать, гдѣ кончается революціонеръ и начинается охранникъ или провокаторъ (45).

Подъ красивымъ флагомъ, — подтверждаетъ г. Изгоевъ—легко провезти какой угодно грузъ... Что Гуровичъ по своей личной нравственности человѣкъ достаточно опороченный, объ этомъ знали всѣ, но пока г. Гуровичъ объявлялъ себя революціонеромъ и громко говорилъ революціонныя рѣчи, ему все прощали и на его „грѣшки“ смотрѣли сквозь пальцы (199).

Видите: и тутъ—*всѣ* знали. Общее это свойство...

Всюду ищутъ семь писателей, ничего не забываютъ. Временами ихъ усердіе прямо до смѣшного доходитъ.

Г. Изгоевъ знакомъ былъ въ Парижѣ съ соціалистомъ-революціонеромъ, сынъ котораго — мальчикъ 10 лѣтъ—неожиданно для родителей увлекся католицизмомъ. Вотъ вамъ и готово «яркое, хотя и парадоксальное, свидѣтельство, устанавливающее одинъ, почти всеобщій для русской интеллигенціи фактъ: родители не имѣютъ вліянія на своихъ дѣтей» (183). Уцѣпившись за это «свидѣтельство» и подбирая къ нему другія такія же, не трудно написать не только статью, но и цѣлую книгу о недостаткахъ, порокахъ, преступленіяхъ русской интеллигенціи. А таковъ именно методъ, при помощи котораго составлены «Вѣхи» *).

---

*) Не лишне, можетъ быть, будетъ напомнить, что этотъ пріемъ уже

Разныя бывали теченія въ средѣ русской интеллигенціи, — очень широкія и совсѣмъ узенькія, то сливавшіяся между собою, то рѣзко сталкивавшіяся... Много въ ея исторіи можно найти увлеченій и ошибокъ, много ею было пережито страданій и несчастій... Въ результатѣ, ея міросозерцаніе чрезвычайно обогатилось, ея міроотношеніе очень усложнилось, и ея духовный обликъ достаточно уже прояснился, черты его пріобрѣли большую выразительность... Но не это интересуетъ писателей, собравшихся въ «Вѣхахъ». Они старательно выискиваютъ, нѣтъ ли съ той или другой стороны—въ прошломъ или настоящемъ —какого-либо пятнышка и, найдя таковое, усердно его размазываютъ, стараясь всячески очернить ненавистную имъ русскую интеллигенцію—народничество съ «поглощеннымъ» имъ марксизмомъ,—и не замѣчая нерѣдко при этомъ, что одинъ стираетъ краску, только-что другимъ наложенную,—стираетъ, впрочемъ, для того только, чтобы немедленно замѣнить ее другою, не менѣе черною.

Усердіе они проявили большое... Если нужной имъ краски въ средѣ самой интеллигенціи, которую они задумали очернить, казалось имъ мало, то и на сторонѣ они брать ее не стѣснялись. Я уже упомянулъ, какъ они воспользовались для этого славянофильствомъ и толстовствомъ, которыя сами же выдѣлили. Какъ они далеко зашли въ этомъ отношеніи, ясно будетъ изъ того, что на счетъ «русской интеллигенціи» они поставили даже взгляды К. Н. Леонтьева (103), совѣтовавшаго, какъ извѣстно, «подморозить Россію»... Но и этого имъ было мало. Въ своемъ усердіи они перебрались за границу, за обвинительными матеріалами не полѣнились обратиться даже въ Турцію, хотя это и рискованно было при неустойчивости тамошняго политическаго положенія.

Быть можетъ,—пишетъ г. Изгоевъ, заканчивая свою статью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю книгу,—самый тяжелый ударъ русской интеллигенціи нанесло не пораженіе освободительнаго движенія, а побѣда младотурокъ, которые

получилъ однажды себѣ оцѣнку въ „Русскомъ Богатствѣ". Характеризуя этотъ именно пріемъ, которымъ широко пользовался и пользуется г. Меньшиковъ, Н. К. Михайловскій сравнилъ послѣдняго съ Іудушкой Головлевымъ (см. „Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго", т. II стр. 454—455 или „Русское Богатство", ноябрь 1903 г.) Это имя, какъ извѣстно, такъ и осталось за г. Меньшиковымъ. Къ слову сказать, и тогда рѣчь шла, между прочимъ, объ интеллигенціи, которую г. Меньшиковъ желалъ опорочить, уцѣпившись за то, что Накрохинъ (былъ такой писатель) бѣдно жилъ и бѣдно былъ похороненъ. „Не достаетъ только—писалъ Михайловскій,—чтобы онъ притянулъ къ отвѣту за Накрохина евреевъ, армянъ, финновъ, которые дѣйствительно ровно столько же виноваты въ печальной судьбѣ покойнаго, какъ и всѣ обвиняемые г. Меньшиковымъ". И въ данномъ случаѣ мы вправѣ спросить: почему семь писателей за пороки и преступленія, которыя ими найдены, притягиваютъ къ отвѣту русскую интеллигенцію? Почему они не притянули заодно весь русскій народъ, даже все человѣчество? Или, напримѣръ, всѣхъ парижанъ за этого соціалиста-революціонера, проживающаго въ Парижѣ? Доказательствъ, право, можно было бы подобрать не меньше...

смогли организовать національную революцію и побѣдить почти безъ пролитія крови (209).

Когда я пишу эти строки, въ Константинополѣ уже льется кровь, и неизвѣстно еще, сколько ея будетъ пролито, прежде чѣмъ новый порядокъ въ Турціи установится. Неизвѣстно еще и то, каковъ будетъ этотъ порядокъ. А авторы «Вѣхъ» и имъ по русской интеллигенціи уже ударили...

V.

Искренность нѣкоторыхъ писателей, принявшихъ участіе въ «Вѣхахъ», уже вошла въ пословицу. Кто, въ самомъ дѣлѣ, усомнится въ искренности хотя бы г. Струве или г. Булгакова? Патентованные, можно сказать, въ этомъ отношеніи писатели. Нѣтъ у насъ основанія сомнѣваться въ искренности и другихъ авторовъ.

Взять хотя-бы г. Гершензона... Съ какимъ чувствомъ написалъ онъ свою статью! И замѣтьте: вся почти она написана въ первомъ лицѣ, о «насъ» въ ней говорится... Видно, что человѣкъ о себѣ пишетъ, въ своихъ грѣхахъ кается... Что можно сказать противъ этого? Стало быть, явилась у человѣка такая потребность,— потребность всенародно покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ,— въ неряшливости, въ покладливости, въ недобросовѣстности, въ половой грязи, въ умственной и нравственной лѣни, въ томъ, что онъ цѣлые полвѣка жилъ, какъ проказливая собака...

Бываетъ это... Если повѣрить г. Изгоеву, то у русской интеллигенціи такая потребность является даже постоянною.

„Раскаяніе", „самообличеніе" и проч.,—пишетъ онъ,—составляютъ постоянную принадлежность русскаго интеллигента, особенно въ періоды специфическаго возбужденія (203).

Правда, г. Булгаковъ утверждаетъ какъ разъ обратное. «Отсутствіемъ чувства грѣха и хотя бы нѣкоторой робости передъ нимъ,— пишетъ онъ,—объясняются многія черты душевнаго и жизненнаго уклада интеллигенціи» (51). Но мы уже знаемъ, что писателямъ «Вѣхъ» нельзя вѣрить въ полной мѣрѣ...

Въ дѣйствительности, «самообличеніе» вовсе не является, конечно, «постоянною принадлежностью» русскаго интеллигента, но нельзя сказать и того, что «чувство грѣха» въ немъ вовсе «отсутствуетъ». Достаточно, мнѣ кажется, напомнить «Рыцаря на часъ» Некрасова. Изъ воспоминаній извѣстно, что Г. И. Успенскій, напримѣръ, не могъ прочитать этого стихотворенія безъ того, чтобы не разрыдаться. Да и среди рядовыхъ русскихъ интеллигентовъ, я думаю, не много найдется такихъ, которые могли прочитать эту, не превзойденную до сихъ поръ вещь по силѣ вложеннаго въ нее покаяннаго чувства, чтобы не взволноваться и не почувство-

вать, что что-то подступаетъ къ горлу. Есть въ интеллигентской душѣ эта струна, и бываетъ, что она звучитъ очень и очень громко.

«Интеллигентскаго поэта Некрасова» знаетъ и г. Булгаковъ, знаетъ его даже, какъ автора «Рыцаря на часъ» (46). И если онъ покаянной струны въ душѣ русскаго интеллигента не замѣтилъ, то, несомнѣнно, потому только, что черезчуръ ужъ увлекся своими розысками. Достаточно сказать, что «интеллигентскаго поэта» онъ приплелъ для того лишь, чтобы обличить русскую интеллигенцію въ «пэдократіи» и неустойчивости... Впрочемъ, и съ точки зрѣнія г. Булгакова, писателямъ, собравшимся въ «Вѣхахъ», чувство грѣха свойственно,—повидимому, онъ даже находитъ въ этомъ одно изъ главныхъ отличій ихъ отъ «русской интеллигенціи».

Нѣтъ, стало быть, ничего мудренаго, что «Вѣхи» это—актъ всенароднаго покаянія семи писателей. Въ упомянутомъ уже мною фельетонѣ, помѣщенномъ въ «Словѣ», г. Франкъ такъ все дѣло и объясняетъ:

Непроизводительному обличенію противника,—пишетъ онъ,—они (т. е. участники „Вѣхъ") противопоставляютъ самообличеніе и покаяніе, которое они пережили сами и къ которому призываютъ другихъ *)...

Итакъ, «Вѣхи» это—«покаяніе» и «самообличеніе **). Каются семь писателей—и насъ покаяться призываютъ, насъ—язычниковъ. Для г. Булгакова, напримѣръ, мы вѣдь подлинные язычники.

Уже въ эпоху реформаціи,—пишетъ онъ,—обозначается то духовное русло, которое оказалось опредѣляющимъ для русской интеллигенціи. На ряду съ реформаціей, въ гуманистическомъ ренессансѣ, возрожденіи классической древности, возрождались и нѣкоторыя черты язычества.

Вотъ отъ этого-то возрожденнаго язычества онъ и ведетъ происхожденіе русской интеллигенціи... И онъ обличаетъ нашъ «гуманистическій прогрессъ».

Гуманистическій прогрессъ—поучаетъ онъ насъ,—есть презрѣніе къ отцамъ, отвращеніе къ своему прошлому и его полное осужденіе, историче-

*) „Слово", 1 апрѣля.

**) Если у васъ остается еще какое сомнѣніе въ этомъ, то почитайте, съ какимъ сокрушеніемъ г. Булгаковъ говоритъ о своей грѣховности. „Выставляя свой идеалъ, въ истинности котораго я убѣжденъ,—пишетъ онъ въ post-scriptum'ѣ pro domo sua,—я отнюдь не подразумѣваю при этомъ, чтобы самъ я къ нему больше другихъ приблизился. Да и можно ли чувствовать себя приблизившимся къ абсолютному идеалу?" И на свою обличительную проповѣдь онъ смотритъ, какъ на трудный подвигъ, выпавшій на его долю. „Сколь-бы низко ни думалъ я о себѣ самомъ,—пишетъ онъ въ томъ же post-scriptum'ѣ,—я чувствую обязанность (хотя-бы въ качествѣ общественнаго „послушанія") сказать все, что я вижу, что лежитъ у меня на сердцѣ, какъ итогъ всего пережитаго, перечувствованнаго, передуманнаго относительно интеллигенціи, это повелѣваетъ мнѣ чувство отвѣтственности и мучительная тревога и за интеллигенцію. и за Россію" (59). Смиренный инокъ—да и только. Обличаетъ онъ насъ, геенной грозитъ, грѣшниками считаетъ, но при этомъ немедленно прибавляетъ: отъ нихъ же первый есмь азъ...

ская и нерѣдко даже просто личная неблагодарность, узаконеніе духовной распри отцовъ и дѣтей (55).

Не то новая вѣра, съ которой пришелъ онъ къ намъ. Дисциплина «послушанія»—разъясняетъ проповѣдникъ—«воспитываетъ чувство связи съ прошлымъ и признательность къ этому прошлому, возстановляетъ нравственную связь дѣтей съ отцами»... И вотъ онъ взываетъ къ намъ:

Не пора ли вспомнить о простой, грубой, но безусловно здоровой и питательной пищѣ, о старомъ Моисеевомъ десятословіи, чтобы потомъ дойти и до Новаго Завѣта (51)!..

Мы слушали васъ, г. Булгаковъ, внимательно, слушали съ открытымъ сердцемъ... Но не въ правѣ ли мы сказать вамъ: врачу! исцѣлися самъ... Вотъ вы говорите: чти отца твоего и мать твою... А сами какъ поступаете? какъ къ отцамъ своимъ и къ прошлому относитесь? развѣ не съ полнымъ осужденіемъ? развѣ не съ исторической, а, можетъ быть, и личною неблагодарностью? Въ грѣхахъ вы каетесь,—а сами только и дѣлаете, что «мать» свою разносите. Обличаете вы насъ, спицу въ нашемъ глазу разсмотрѣли, а бревна въ своемъ глазу такъ и не почувствовали. Если вы дѣйствительно вѣрующій человѣкъ, если ваше смиреніе не показное, если ваше покаяніе изъ глубины души идетъ, то какъ же этого разлада между вашимъ словомъ и дѣломъ вы не замѣтили?—разлада, къ слову сказать, который вы обнаружили на чредѣ «послушанія» вашего, «дисциплину» котораго вы только что намъ разъяснили...

И г. Булгаковъ—не одинъ вѣдь такой. Вотъ и г. Изгоевъ упрекаетъ интеллигенцію въ отсутствіи «крѣпкихъ прогрессивныхъ традицій семьи» и въ то же время самъ стремится во что бы то ни стало прогрессивную традицію въ интеллигентской средѣ разрушить...

А потомъ выступилъ г. Франкъ и пишетъ: «если бы заповѣдь о почитаніи родителей имѣла безграничное значеніе, жизнь должна была бы застыть на мѣстѣ» *)...

Или у васъ двѣ мѣрки: одна для русской интеллигенціи была заготовлена, а другая для себя была припасена?..

Мѣрки же у васъ, дѣйствительно, разныя. Любопытнѣе всего, что вы это хорошо знали, когда выпускали свою книгу.

Приведу такой примѣръ. Русскую интеллигенцію авторы «Вѣхъ», какъ мы видѣли, съ «корыстными убійцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата» породнили, «картину своеволія, экспропріаторства, массоваго террора» изъ «духовныхъ потенцій» ея вывели. Большую суровость они проявили: всю накипь освободительнаго движенія на счетъ интеллигенціи поставили. Между прочимъ, г. Булгаковъ на 45-й страницѣ это сдѣлалъ. А на

*) „Слово“ 1 апрѣля.

53-й страницѣ, расхваливая свою «учащую церковь» съ ея «смиреніемъ», онъ задумалъ отъ упрековъ ее въ «низкопоклонничествѣ» обѣлить. Но, должно быть, самъ сообразилъ (или товарищи напомнили), что слишкомъ много этого самаго низкопоклонничества наблюдается въ жизни и нельзя поэтому просто сказать: нѣтъ его, да и все тутъ. И вотъ г. Булгаковъ дѣлаетъ такое подстрочное примѣчаніе:

Конечно, все допускаетъ поддѣлку и искаженіе, и именемъ смиренія прикрываются и прикрывались черты, на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ нимъ не имѣющія, въ частности—трусливое и лицемѣрное низкопоклонство. Чѣмъ выше добродѣтель, тѣтъ злѣе ея каррикатуры и искаженіе. Но не по нимъ же слѣдуетъ судить о существѣ ея...

Видите, какую снисходительность проявилъ г. Булгаковъ къ своей «церкви». А объ интеллигенціи авторы «Вѣхъ» судятъ по хулиганству и разнузданному разврату. Несомнѣнно, они и сами замѣтили это, слишкомъ ужъ очевидное, пристрастіе, и въ только что приведенномъ мною примѣчаніи оказалась такая вставка: «также точно интеллигентскимъ героизмомъ и революціонностью прикрывается нерѣдко распущенность и хулиганство». Другою мѣрою, стало быть, хулиганство и распущенность перемѣрили. Но вѣдь въ остальныхъ-то мѣстахъ сборника прежняя мѣра—не снисходительная, а суровая—осталась, и мы имѣемъ теперь возможность воочію видѣть всю разницу между ними.

Да, мѣрки у нихъ разныя... Приведу еще примѣръ. Трижды, какъ я уже сказалъ, авторы «Вѣхъ» попрекаютъ русскую интеллигенцію провокаціей. Не удержался отъ такого попрека даже г. Струве.

Революцію—пишетъ онъ—дѣлали плохо. Въ настоящее время съ полною ясностью раскрывается, что въ этомъ дѣланіи революціи играла роль ловко инсценированная провокація (141).

Я приводилъ уже и теперь вновь приведу то, что г. Изгоевъ, въ связи съ попреками въ провокаціи, пишетъ о Гуровичѣ. «Что Гуровичъ по своей личной нравственности человѣкъ достаточно опороченный,—говоритъ онъ—объ этомъ знали всѣ». «Всѣ»—это, конечно, г. Изгоевъ въ увлеченіи написалъ: громаднѣйшая часть русской интеллигенціи никакого понятія о Гуровичѣ, конечно, не имѣла. Если же «знали», то, стало быть, зналъ объ этомъ прежде всего г. Струве,—онъ вѣдь редактировалъ «Начало», при помощи котораго Гуровичъ втерся въ среду петербургской интеллигенціи. Казалось бы, кающійся г. Струве и долженъ былъ написать: *я* дѣлалъ или, по крайней мѣрѣ, *мы* дѣлали революцію при помощи провокаціи. Вотъ гдѣ было бы вполнѣ умѣстно первое лицо... Но онъ предпочелъ бросить свое обвиненіе въ пространство. Выходитъ, что это *они* такъ дѣлали, — дѣлала «русская интеллигенція». Но все-таки г. Струве прибавилъ: не въ этомъ суть... И

мѣрка для провокаціи у него оказалась совершенно иная, чѣмъ у г. Булгакова или у г. Изгоева: послѣдніе на счетъ нравственной неразборчивости русской интеллигенціи ее поставили, а г. Струве, памятуя, повидимому, что и самъ онъ имѣлъ несчастіе попасться въ ея сѣти, только «недѣловитость революціонеровъ и практическую безпомощность» въ ней усмотрѣлъ...

Искренніе все это писатели... Всею душою, конечно, они вѣруютъ въ то, что проповѣдуютъ. И вѣрятъ, что до гроба этой вѣрѣ не измѣнятъ. Это и придаетъ, конечно, силу и страстность ихъ обличеніямъ и раскаянію...

Вѣрятъ ли, однако? Всѣ вѣдь они не въ первый уже разъ мѣняютъ вѣру. Неужели у нихъ нѣтъ никакихъ сомнѣній насчетъ будущаго? Взять хотя бы г. Струве. И въ марксизмъ онъ русскую интеллигенцію велъ, и въ к.-д. партію вовлекалъ, и вотъ теперь опять куда-то зоветъ. Неужели послѣ всѣхъ ошибокъ, которыя онъ надѣлалъ, ему и въ голову не приходитъ, что онъ, можетъ быть, опять не туда ведетъ, что опять «соблазняетъ малыхъ сихъ», что потомъ вновь придется каяться? Неужели онъ дѣйствительно вѣритъ, что теперешній, вновь открытый имъ, путь единственно правильный, а всѣ остальные—пути погибели? Пора бы, казалось, въ своихъ способностяхъ вести и учить людей ему усомниться.

Но онъ, очевидно, вѣритъ. Во что вѣруетъ, то и проповѣдуетъ. И, конечно, чему учитъ, то и самъ дѣлаетъ.

Въ январской книгѣ «Русской Мысли» имъ написаны (и подчеркнуты) такія слова:

> *Сажать капусту важнѣе, чѣмъ писать книги.* И важнѣе не въ утилитарно-житейскомъ, а именно въ *религіозномъ* смыслѣ. Эта мысль заключаетъ одну изъ правдъ, содержащихся въ ученіи Льва Толстого. Ученіе объ опрощеніи лишь довольно убогій и практически безплодный выводъ изъ этой мысли, которую можно менѣе конкретно выразить такъ: жить и дѣйствовать важнѣе, чѣмъ разсуждать о жизни и дѣйствіяхъ (207).

Признаюсь, что, прочитавъ эти строки и зная искренность г. Струве, я готовъ былъ думать, что отнынѣ онъ возьмется за болѣе важное дѣло и займется—не буквально, конечно, «сажаніемъ капусты»,—а производствомъ матеріальныхъ цѣнностей, къ чему онъ такъ усердно склоняетъ въ послѣднее время русскую интеллигенцію. Тѣмъ естественнѣе это было думать, что г. Струве помянулъ Толстого, который, додумавшись до своей, хотя и «убогой», правды, какъ извѣстно, надѣлъ лапти и взялся за соху. Наконецъ, и та мысль была: разсужденія г. Струве о жизни и дѣйствіяхъ были не особенно задачливы, нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что онъ предпочтетъ имъ отнынѣ самыя дѣйствія...

Не лишне будетъ отмѣтить, что *одновременно* *) съ г. Струве

*) Я подчеркнулъ слово „одновременно“, имѣя въ виду, что въ той же книгѣ „Русской Мысли“ на сдѣланное мною какъ-то указаніе, что лозунгъ

мысль о преимуществахъ капусты сравнительно съ книгами высказалъ и г. Меньшиковъ. Правда, первый сдѣлалъ это со свойственнымъ ему лаконизмомъ, а послѣднiй — со свойственнымъ Iудушкѣ Головлеву многословiемъ. Но по существу мысль, несомнѣнно, та же, въ чемъ не трудно будетъ убѣдиться читателямъ изъ слѣдующей, по необходимости довольно длинной, выдержки которую я сдѣлаю изъ «Новаго Времени» (отъ 25 января).

Стоитъ ли мнѣ,—писалъ г. Меньшиковъ,—весь вѣкъ свой писать, писать и писать? Не будутъ ли это одни гамлетовскiя „слова, слова, слова"! Нигдѣ въ свѣтѣ не пишутъ, какъ въ Россiи,—но не въ чернилахъ ли утонула душа правительсгва? Какъ бы въ чернилахъ не утонула и душа интеллигенцiи, т. е. въ безплодномъ размышленiи, безконечномъ учительствѣ, въ „словахъ, словахъ!" Если бы я снова начиналъ жизнь, я предпочелъ бы хоть немножко *дѣла*. Небольшiя свои умственныя и физическiя силы я пристроилъ бы къ реальному труду, къ какому нибудь живому промыслу, напримѣръ, къ земледѣльческому. У меня нашелся бы клочекъ наслѣдственной земли,—наконецъ, я могъ бы отыскать кусокъ совсѣмъ дикой пустынной мѣстности. Въ Россiи, я думаю, не трудно найти десятинъ пятьдесятъ болота, не правда-ли? Даже подъ самымъ Петербургомъ. Представьте же, что я съ достаточной энергiей взялся бы за „пустошь". Работалъ бы изо дня въ день, какъ стальная машина, какъ латышъ на псковскихъ болотахъ. Вырубалъ бы заросли, корчевалъ бы пни, расчищалъ бы луга, копалъ канавы, пахалъ бы, рылся бы въ землѣ, какъ кротъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя, что при трезвости и упорствѣ, черезъ тридцать лѣтъ работы у меня не было бы, конечно тридцати томовъ статей, которыхъ даже самъ я не въ силахъ прочесть, но было бы тридцать десятинъ высококультурной земли. Это былъ бы прекрасный подарокъ отечеству, очень цѣнный вкладъ въ народное благо. Тридцать десятинъ культурной земли, гдѣ изъ каждаго квадратнаго фута растетъ питанiе человѣка, вещь великая. Это библейское чудо, вродѣ того, какъ Моисей ударилъ жезломъ по камню и потекла вода. Ударяйте или просто двигайте извѣстнаго устройства жезломъ по землѣ, дѣлайте это методически, не уставая, и черезъ нѣкоторое время изъ каждаго дюйма земли польется нѣчто питательное и вкусное — пшеница, горохъ, гречиха, яблоки, капуста...

Разница, если и есть, только та, что г. Струве придалъ своей мысли религiозный оттѣнокъ, а г. Меньшиковъ—утилитарно-житейскiй (хотя и онъ сажанiе капусты въ видѣ чуда изобразилъ и

„Великая Россiя" г. Струве заимствовалъ у г. Столыпина не случайно, г. Струве отвѣтилъ, что онъ сдѣлалъ это „въ разсужденiи г.г. Пѣшехоновыхъ". Я и хочу отмѣтить, что въ этотъ разъ никакого уловленiя ни гг. Пѣшехоновыхъ, ни кого-либо другого со стороны г. Струве не было. Онъ и г. Меньшиковъ додумались до капусты самостоятельно и одновременно: когда г. Меньшиковъ писалъ свою статью, январская книга „Русской Мысли" уже вышла, но въ Петербургѣ не была еще получена. Кстати, отмѣчу и еще одно совпаденiе. Въ „написанныхъ два года тому назадъ набросках", которые помѣщены въ „Вѣхахъ", вышедшихъ въ мартѣ, г. Струве обвиняетъ русскую интеллигенцiю въ „государственномъ воровствѣ". Въ томъ же „государственномъ воровствѣ" обвиняютъ ее и октябристы въ своемъ адресѣ г. Суворину, поднесенномъ ему въ день юбилея, въ февралѣ мѣсяцѣ. Кто кого уловилъ,—я совершенно недоумѣваю. Очевидно, не только мысли, но и выраженiя „съ вѣтромъ носятся"...

съ личнымъ раскаяніемъ мысль о ней связалъ). Да развѣ въ томъ еще разница, что г. Меньшиковъ на свою старость сослался, а г. Струве, повидимому, не такъ старъ, какъ г. Меньшиковъ...

Послѣ того прошло нѣсколько мѣсяцевъ: г. Струве и г. Меньшиковъ продолжаютъ писать статьи и книги... И вотъ я недоумѣваю: чѣмъ же искренность г. Струве отличается отъ искренности г. Меньшикова? Неужели тѣмъ только, что г. Меньшиковъ пишетъ прямо: «стройте замки», вводите крѣпостное право, а г. Струве прозрачно намекаетъ: служите помѣщикамъ и фабрикантамъ?

Когда же послѣ этихъ размышленій объ искренности я вспоминаю о «Вѣхахъ», то невольно приходитъ въ голову такая мысль:

Искренніе это писатели... Но искренность, очевидно, имѣетъ границы, за которыми она переходитъ.... Мнѣ не хочется рѣшать, во что она переходитъ и какую именно границу перешли авторы сборника, какъ будто нарочно разсчитаннаго на то, чтобы произвести скандалъ...

Заканчивая свою статью, скажу одно только. Въ предисловіи, какъ я уже упомянулъ, авторы «Вѣхъ» называютъ своихъ предшественниковъ: Чаадаева, Соловьева, Толстого, «всѣхъ нашихъ глубочайшихъ мыслителей»... Мнѣ кажется, это слишкомъ великіе для нихъ предтечи.

А предтечи у нихъ были. Были: Крестовскіе, Стебницкіе, Маркевичи, Дьяковы-Незлобины... Много ихъ было.

А. Пѣшехоновъ.

Политика.

Раздѣлъ русской имперіи, проектируемый на страницахъ русскаго оффиціоза.—Турецкія дѣла.—Въ Персіи.—О предстоящихъ литературныхъ конвенціяхъ.

I.

Въ оффиціозной газетѣ «Россія» появилась статья г. Александра Витмера подъ заглавіемъ «Наши крѣпости». Въ ней обсуждается современное военное положеніе русской имперіи и предсказываются разныя событія, которыя нельзя назвать иначе, какъ проектомъ раздѣла Россіи: нѣмцамъ—Царство Польское, кому-то (быть можетъ, тѣмъ же нѣмцамъ) Крымъ, японцамъ—Дальній Во-

стокъ. Не столь опредѣленно говорится и о Финляндіи, и о Балтійскомъ краѣ, о Кавказѣ... Авторъ желаетъ, чтобы Россія потеряла Польшу и сожалѣетъ о предстоящей потерѣ Крыма, о другихъ вѣроятностяхъ—ни радости, ни печали. Я назвалъ статью проектомъ раздѣла Россіи отнюдь не съ цѣлью патріотическаго отрицанія предсказываемыхъ вѣроятностей. Такое патріотическое отрицаніе, послѣ всѣхъ перенесенныхъ испытаній и, безъ самаго тщательнаго обсужденія вопроса, было бы прямо непростительнымъ легкомысліемъ и, по существу дѣла, было бы глубоко антипатріотично. Не надо закрывать глаза на опасности, а надо готовиться къ ихъ отраженію. Надобно для этого предварительное изслѣдованіе, открытый обмѣнъ мнѣній и выработанный планъ обороны. Въ этомъ смыслѣ статья г. Витмера любопытна тѣмъ болѣе, что появилась въ оффиціозномъ изданіи и, слѣдовательно, вопросъ о совершенной слабости русскаго царства поставленъ, наконецъ, на очередь и въ правительственныхъ кругахъ. Въ статьѣ чувствуется порою спеціальный букетъ истинно-русскаго пошиба, но опять-таки и это обстоятельство увеличиваетъ интересъ этого выступленія; значитъ, и среди нашихъ шовинистовъ воцарилось сознаніе «истинно-русской» слабости!

Вотъ какъ разсуждаетъ г. Витмеръ о Царствѣ Польскомъ:

«Какъ бы то ни было, однако, живя въ мирѣ, надо быть готовымъ къ войнѣ. Обратимся поэтому къ разсмотрѣнію значенія нашего западнаго района съ точки зрѣнія стратегической.

«Это, безъ всякаго сомнѣнія, великолѣпный плацдармъ для наступательной войны противъ сосѣда. Пользуясь выдающимся положеніемъ нашего Привислинскаго края, можно черезъ три недѣли появиться подъ стѣнами Берлина, и нѣмцы недаромъ настроили крѣпости, чтобы задержать насъ по этому пути.

«Но, если мы предполагаемъ использовать выдающееся положеніе «конгресувки» съ цѣлью наступленія, для чего строить въ ней крѣпости? Не лучше ли пользоваться въ полѣ гарнизонами, необходимыми для занятія ихъ? Онѣ построены, очевидно, не въ интересахъ наступленія, а для обороны.

«Что касается послѣдней, то тотъ же самый плацдармъ, представляющій такія выгоды для наступленія, является крайне опаснымъ для войны оборонительной. А такъ какъ Германія, вслѣдствіе большей густоты населенія, обилія и планомѣрности желѣзныхъ дорогъ, можетъ мобилизовать свою армію несравненно быстрѣе, чѣмъ мы, то въ началѣ кампаніи иниціатива дѣйствій будетъ, несомнѣнно, принадлежать ей, тѣмъ болѣе, что послѣднія войны наглядно показали, какое огромное превосходство надъ нами имѣютъ нѣмцы въ смыслѣ маневрированія.

«И вотъ, въ цѣляхъ обороны, мы настроили по Вислѣ и по сосѣдству съ ней крѣпости и укрѣпленные лагери, не смущаясь даже тѣмъ, что одна изъ крѣпостей въ 50 слишкомъ верстъ

окружности заключаетъ въ себѣ 800-тысячное населеніе. Въ интересахъ той же обороны, мы держимъ въ Привисляньѣ шесть, если не болѣе корпусовъ, обогащаемъ этимъ окраину въ ущербъ центра, тратимъ значительныя суммы на перевозку туда снаряженія, новобранцевъ и обратно—выслужившихъ срокъ и... въ результатѣ ставимъ себя въ крайне опасное положеніе...

«Дѣйствительно, не прибѣгая даже къ способамъ á la Дрейфусъ, можно съ увѣренностью сказать, что пруссаками выработанъ планъ, въ случаѣ войны съ нами, сосредоточенія силъ въ Восточной Пруссіи и, пользуясь быстротой мобилизаціи, вторженія съ сѣвера, чтобы такимъ маневромъ отрѣзать наши силы въ Привисляньѣ отъ остальныхъ мобилизующихся войскъ имперіи. Одновременно съ этимъ вторженіемъ, вѣроятные союзники германцевъ, австрійцы, оставивъ наблюдательный корпусъ у Замостья, поведутъ наступленіе съ юга на Люблинъ и Сѣдлецъ и, чтобы избѣгнуть катастрофы, намъ съ самаго же начала кампаніи придется съ возможною быстротою притянуть къ центру всѣ силы, расположенныя къ западу отъ Брестъ-Литовска.

«Для чего же, спрашивается, сосредоточивать эти силы въ мирное время въ Привисляньѣ, обогащать этимъ чуждое намъ населеніе, нести большіе расходы по перевозкѣ войскъ и ихъ снабженію въ ущербъ нормальной правильной дислокаціи? Да еще большой вопросъ—удастся ли во время оттянуть эти войска за линію Брестъ-Сувалки и не будутъ ли они съ самаго же начала кампаніи захвачены въ мышеловку, нами для себя же устроенную? По крайней мѣрѣ, не трудно представить себѣ ту страшную путаницу, которая произойдетъ при спѣшномъ отступленіи навстрѣчу запаснымъ, направленнымъ къ западной границѣ, согласно плану мобилизаціи.

«Но допустимъ, что съ большими жертвами, бросивъ запасы и склады, намъ удастся притянуть полевыя войска изъ-за Вислы. Какую роль придется играть нашимъ крѣпостямъ и укрѣпленнымъ лагерямъ?

«Послѣдніе, несомнѣнно, притянутъ къ себѣ значительныя силы нашихъ войскъ, и не нужно обладать большой прозорливостью, чтобы предсказать имъ участь Меца или Седана.

«Не лучше ли, поэтому, упразднить всѣ наши крѣпости на западѣ, не исключая даже Брестъ-Литовска и, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ укрѣпленному лагерю въ томъ пунктѣ, который будетъ указанъ многообразными перипетіями войны? Плевна и Лаоянъ (Лаоянъ, несмотря на неумѣло расположенныя укрѣпленія и еще менѣе умѣлый планъ обороны, съ расходованіемъ силъ на передовыхъ позиціяхъ, несомнѣнно, сыгралъ бы огромную роль, если бы мы не отступили передъ разбитымъ нами непріятелемъ) убѣдительно доказываютъ, какую роль могутъ играть такіе пункты на исходъ кампаніи, тѣмъ болѣе, что обширность нашего отече-

ства и этнографическія данныя позволяютъ намъ отступать до того предѣла, когда мы увидимъ себя достаточно сильными для перехода въ наступленіе.

«Дѣйствительно, что мы теряемъ, если непріятель, захвативъ бывшее Царство Польское, до самой линіи Сувалки-Брестъ, даже укрѣпится въ немъ настолько, что намъ трудно будетъ возвратить потерянное?

«Смѣло можно сказать, что мы только выиграемъ отъ подобнаго захвата. Тѣ же самые поляки, которые такъ враждебно относятся къ своимъ братьямъ по славянству—русскимъ, попавъ подъ тяжелый гнетъ нѣмцевъ, несомнѣнно, перемѣнятъ свою ненависть къ намъ на чувство, совершенно противоположное.

«Они поймутъ тогда разницу между братскимъ (?) отношеніемъ русскихъ къ полякамъ и тяжелымъ, послѣдовательнымъ порабощеніемъ славянства нѣмецкой культурой, нѣмецкими людьми. Они сознаютъ тогда всю огромную выгоду, которою пользуется промышленная Польша, имѣя громадный безпошлинный рынокъ стомилліоннаго населенія и рынокъ не только для сбыта матеріальнаго производства, но и для помѣщенія своей интеллигенціи, которую, съ такимъ рѣдкимъ добродушіемъ, мы принимаемъ къ себѣ, наполняя ею подчасъ цѣлые департаменты, цѣлыя вѣдомства».

Прежде всего, позволительно спросить: если намъ выгодно отдать Царство Польское нѣмцамъ, почему намъ будетъ невыгодно отдать его самимъ полякамъ? Десятимилліонное независимое государство съ культурнымъ и патріотическимъ населеніемъ было бы не лишнимъ членомъ въ европейскомъ концертѣ и, добровольно русскими освобожденное, оказалось бы, навѣрное, добрымъ сосѣдомъ, можетъ быть, даже союзникомъ. Быть можетъ, однако, было бы даже выгоднѣе предложить Европѣ освобожденіе Царства Польскаго подъ условіемъ ея территоріальной неприкосновенности, независимости и нейтральности, гарантированныхъ великими державами. По этому поводу можно бы многое сказать, но я вполнѣ сознаю, что это неосуществимая утопія. «Истинно-русскіе» господа, а за ними и вмѣстѣ съ ними и оффиціозъ готовы отдать польскую землю на съѣденіе нѣмцамъ, но не на потребу самихъ поляковъ Нѣмцы, видите ли, чему-то научатъ поляковъ, которые тогда оцѣнятъ «братское отношеніе» русскихъ! Объ этомъ «братскомъ» отношеніи Скалоновъ и, какъ ихъ еще тамъ называютъ, ежедневно несутся вѣсти изъ несчастной Польши... Исключительныя положенія, карательныя экспедиціи, смертныя казни, массовыя ссылки—это братство «по закону», а бываетъ и не по закону.

Объ этомъ разсказываетъ въ своей лекціи, прочитанной въ женскомъ клубѣ, и проф. Погодинъ. Заимствуемъ изъ «Руси» (отъ 10 апр. 1909) нѣсколько мѣстъ изъ реферата г. Погодина. «По его мнѣнію, въ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ произошла рѣзкая перемѣна къ худшему и эта перемѣна вызвана исключительно

тѣми странными, тѣми неоправдываемыми репрессіями, которыми русское правительство за послѣднее время старается подавить всю культурную жизнь Польши». Новый пароксизмъ этихъ репрессій лекторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Причиной обрушившихся на поляковъ репрессій нужно считать усиленно распространявшіеся слухи о якобы готовящемся въ Польшѣ возстаніи. Передъ событіями на Ближнемъ Востокѣ—анексіей Босніи и Герцеговины—въ Польшѣ ждали открытія военныхъ дѣйствій. Въ это время среди польскаго населенія стали обращаться прокламаціи, какъ потомъ оказалось, выпущенныя прусскимъ правительствомъ, въ которыхъ говорилось, что въ случаѣ войны Пруссія займетъ Польшу, при чемъ обѣщана была широкая автономія. Всѣ партіи, за исключеніемъ соціалистической партіи (p. p. s.), отозвались на эту прокламацію съ негодованіемъ, приглашая въ печати «не вѣрить вздору». Тѣмъ не менѣе, слухъ о готовящемся возстаніи прошелъ и докатился до Петербурга, который сильнѣе нажалъ пружину всевозможныхъ репрессій. Посыпались приказы и циркуляры вродѣ того, что два ксендза, имѣющіе по сосѣдству свои приходы, имѣютъ право «собраться» лишь съ разрѣшенія министра вн. дѣлъ. Если потокъ репрессій не остановится, если не будетъ довѣрія къ полякамъ—они потеряютъ всякую надежду на сближеніе съ Россіей...»

Если существуетъ склонность передать ихъ нѣмцамъ, то это хорошая подготовка такого событія. Подготовляется оно не менѣе рѣшительно и успѣшно и другимъ способомъ, о которомъ разсказываетъ тотъ же лекторъ. По словамъ референта «Руси», профессоръ Погодинъ сообщилъ слѣдующее:

«Яркимъ примѣромъ недовѣрія къ Польшѣ служитъ колонизація нѣмцевъ. Къ послѣднимъ мѣстная администрація благоволитъ и часто легко разрѣшаетъ нѣмцамъ то, что строжайше запрещено полякамъ, живущимъ въ одномъ и томъ же селѣ съ нѣмцами. Разница въ отношеніяхъ поразительная, такъ сказать, демонстративно подчеркивающая положеніе поляковъ въ краѣ. О системѣ нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ говорятъ очень многое. Извѣстный статистикъ Верценскій, съ положительными данными въ рукахъ, въ началѣ текущаго года доказывалъ одному изъ губернаторовъ, что вся система колонизаціи основана на стратегическомъ планѣ. Колоніи сосредоточены при впаденіи одной большой рѣки въ другую съ такимъ разсчетомъ, чтобы между ними можно было помѣстить три нѣмецкихъ корпуса...»

Оставимъ статистиковъ доказывать, а русскихъ администраторовъ не понимать и не разумѣть даже очевиднаго... Русскіе администраторы пріобрѣли всемірную славу. И этою славою мы и объясняемъ ихъ стратегическую въ Польшѣ дѣятельность. Полагаемъ поэтому, что прямого намѣренія передать Царство Польское пруссакамъ у русскихъ администраторовъ нѣтъ, но есть ни съ чѣмъ не

считающееся полонофобство и человѣконенавистничество, да отсутствуетъ хотя бы элементарное историческое и политическое пониманіе.

II.

Возвратимся, однако, къ г. Витмеру и его любопытной статьѣ.

Прежде всего, немного статистики. Г. Витмеръ, повидимому, предполагаетъ, что Россіи безъ союзниковъ придется воевать съ Германіей и Австро-Венгріей и отсюда паника, уничтоженіе крѣпостей, отдача Царства Польскаго и другіе ужасы. Если вѣрить нашей военной статистикѣ, то соотношеніе силъ предполагаемыхъ противниковъ вырисовывается такъ:

	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Полевыхъ батарей.
Австрія и Германія . .	1775	998	996
Россія	1600	1250	689

При такомъ соотношеніи вооруженныхъ силъ седанская катастрофа, которую предвидятъ г. Витмеръ и редакція оффиціоза, не должна бы имѣть мѣста, и крѣпости только уравновѣшивали бы нѣкоторый перевѣсъ австронѣмцевъ. Не забудемъ, что нѣмцы должны оставить часть войскъ у своей западной границы. И, однако, и несомнѣнный патріотъ г. Витмеръ, и оффиціозная редакція, и сама русская дипломатія, капитулировавшая передъ Вѣной, со страхомъ и трепетомъ ожидаютъ столкновенія... Откуда эта паника?

Въ кулуарахъ Государственной Думы даже разнесся слухъ, что уже приступлено къ разоруженію крѣпостей Царства. Кажется, слухъ этотъ изъ преждевременныхъ. За то въ связи съ этимъ слухомъ статья оффиціозной газеты можетъ показаться подготовкою русскаго общественнаго мнѣнія.

Выше мы привели изъ статьи г. Витмера краткую исторію предстоящей утраты Царства. Г. Витмеръ такъ же хорошо знаетъ будущую исторію потери Крыма. Излагаетъ эту исторію онъ слѣдующимъ образомъ:

«Переходя къ югу, нельзя не обратить особеннаго вниманія на Крымъ, какъ по богатству его природы, такъ и по выдающемуся опасному положенію.

«Эта опасность искусственно увеличена сосредоточеніемъ нашего флота въ Севастополѣ и устройствомъ, въ то же время, Крымскаго Дальняго—въ Ѳеодосіи.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ случаѣ серьезной войны—не съ турками, конечно, съ которыми намъ надлежитъ, во имя нашихъ насущныхъ интересовъ, быть отнынѣ въ наилучшихъ сосѣд-

скихъ отношеніяхъ, а съ однимъ или нѣсколькими изъ западно-европейскихъ государствъ, если они, тѣмъ или инымъ путемъ, получатъ доступъ въ Черное море—намъ придется спрятать наши броненосцы отъ противника, который явится, конечно, съ силами превосходными. Но нѣтъ также сомнѣнія, что севастопольская бухта, не только «Южная», но даже «Большой рейдъ», представляютъ ненадежное убѣжище при дальнобойности современныхъ орудій.

«Для чего же держать флотъ въ Севастополѣ? Зачѣмъ выводить броненосцы изъ Николаева, гдѣ они могутъ быть, дѣйствительно, въ безопасности?

«Вся наша надежда на успѣхъ морской войны должна опираться на миноносцы, подводныя лодки, минные транспорты, и сосредоточить всѣ эти суда несравненно удобнѣе въ Николаевѣ, тѣмъ болѣе, что ледоколы даютъ возможность выхода изъ него и зимой. Дѣлая же главнымъ военно-морскимъ портомъ Севастополь, мы даемъ непріятелю объектъ для его враждебныхъ предпріятій, объектъ, дающій большіе шансы на успѣхъ, потому что мы устроили для врага готовую прекрасную базу—Ѳеодосію.

«Захвативъ послѣднюю и поставивъ укрѣпленія на окружающихъ Ѳеодосію высотахъ, непріятель дѣлается господиномъ положенія, а принимая во вниманіе, что Ѳеодосія ближе къ Джанкою (станція Севастопольской дороги, отъ которой идетъ вѣтвь на Ѳеодосію), чѣмъ Севастополь, нельзя не признать, что линія сообщенія Севастополя съ остальной Россіей можетъ быть прервана очень легко и Севастополю грозитъ участь Портъ-Артура.

«А такъ какъ война, по всей вѣроятности, не можетъ ограничиться однимъ Севастополемъ, и мы поэтому не будемъ въ состояніи выбросить въ Крымъ своевременно достаточныхъ силъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, захвативъ Перекопъ, Чонгарскій мостъ и Арбатскую стрѣлку и устроивъ на нихъ сильныя укрѣпленія, непріятель можетъ завладѣть Крымомъ навсегда. А потеря Крыма не то, что потеря Привислянья.

«Если будетъ признано, однако, необходимымъ держать нашъ флотъ въ Севастополѣ, то надо подумать объ укрѣпленіи его съ сухого пути, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, но, конечно, не такими странными, чтобы не сказать болѣе, укрѣпленіями, которыя были проектированы и трассированы лѣтъ пятнадцать тому назадъ для обороны Севастополя съ юга. Здѣсь оборона должна быть выдвинута на Сапунъ-гору и состоять изъ трехъ самостоятельныхъ фортовъ, которые, въ случаѣ высадки непріятеля, можно всегда соединить укрѣпленіями».

Привожу эту изумительную цитату, какъ проявленіе безпримѣрной паники, охватившей нѣкоторыя сферы. Въ самомъ дѣлѣ, если съ Турціей будемъ въ мирѣ и дружбѣ, кто проникнетъ въ Черное море? И кто пожелаетъ завоевать («навсегда» даже) Крымъ, если

Понто-Эгейскіе проливы будутъ въ чужихъ рукахъ? Выходитъ, что хотя мы и желаемъ жить съ Турціей въ мирѣ и дружбѣ, но боимся именно Турціи... Только она или ея союзники могутъ проникнуть въ Черное море. Только ей, обладательницѣ Босфора и Дарданеллъ, пригодился бы Крымъ. Но ей пригодились бы еще больше Кавказъ и Туркестанъ.

Не надо забывать и объ Австріи. Вѣдь Царство Польское гг. перепуганные патріоты назначили Германіи. Что же Австріи? Волынь, Подолія, быть можетъ, все Побужье до Одессы и лимановъ включительно? Бессарабія союзной Румыніи?

Въ такомъ случаѣ, и завоеваніе Крыма можетъ имѣть мѣсто и безъ Турціи, а можно и съ Турціей, для которой найдутся прекрасныя «компенсаціи», вышеназванныя и другія.

Возможно ли, однако, такое растерзаніе государства, которое въ мирное время держитъ подъ ружьемъ милліонъ солдатъ, а въ военное время можетъ развернуть и $3^1/_2$ милліона? Почитаютъ, однако, возможнымъ... Неблагоустройство арміи, плохо снабженной, плохо вооруженной и плохо командуемой, хорошая освѣдомленность объ этомъ нашихъ сосѣдей, ихъ желаніе использовать нашу слабость, недавній тяжелый урокъ униженія нашей дипломатіи заносчивой и презрительной политикой Вѣны и Берлина,—вотъ рядъ новыхъ данныхъ, породившихъ паническій страхъ передъ надвигающеюся грозой съ Запада. Все было готово для разгрома русской имперіи и для ея раздѣла. Могущественная рука была уже поднята для рокового удара, но пришлось отложить ударъ до болѣе благопріятнаго случая. Россія оказалась не одинокою. Энергическое вмѣшательство Англіи и французскій союзъ остановили австро-германское наступленіе и для завоеванія и раздѣла Западной Россіи, и для покоренія Сербіи. Могущество англо-французскаго заступничества оцѣнили въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ по достоинству. Франція и Англія могутъ выставить:

	Баталіоновъ.	Эскадроновъ	Полевыхъ батарей.
Франція.	1430	659	1038
Англія	265	273	172
Итого . . .	1695	932	1210

Эта сила сама по себѣ способна бороться съ Австро-Германіей, но вѣдь что-нибудь стоитъ и русская армія, и сербская, и черногорская. Къ тому же перевѣсъ на морѣ австро-нѣмцы немедленно бы утратили, не могли бы поэтому привлечь Швецію, ни Турцію, могли бы столкнуться съ японцами... Этого серьезнаго испытанія, гдѣ было бы все поставлено на карту, не захотѣли нѣмцы. Дѣло кончилось *только* униженіемъ Россіи и Сербіи. Это «только» и вызвало панику, и скоропалительные проекты упраздненія крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ, и выведеніе оттуда большей части полевой арміи для сосредоточенія ея силъ значительно восточнѣе.

Однако, неблагоустроенная армія представляетъ собою такую же неудовлетворительную оборону подъ Смоленскомъ, какъ и подъ Брестомъ. Задача не въ дислокаціи, а въ возрожденіи войска. Объ этомъ всѣ говорятъ: депутаты, сановники, генералы, журналисты правые и лѣвые, но забываютъ при этомъ, что благоустроенная и одушевленная любовью къ отечеству армія можетъ быть только въ благоустроенномъ отечествѣ. Благоустроенной, т. е., прежде всего, политически свободной и самоуправляющейся Россіи не страшны никакіе нѣмцы, не опасны никакіе проекты раздѣла и отторженія. Свободная и самоуправляющаяся Россія соединитъ всѣ входящія въ ея составъ народности и племена въ солидарной готовности защищать общее отечество. Свободная и самоуправляющаяся, она будетъ имѣть всегда и надежныхъ друзей за границей, тѣхъ самыхъ, которые и въ 1909 году спасли Россію отъ разгрома... Спасутъ ли ее и въ другой разъ, если она останется несвободною, подавленною знаменитыми администраторами, неблагоустроенною? Не отступятся ли отъ несчастной страны, завоеванной господами Толмачевыми, Думбадзе и т. д., безнадежно слабой и вырождающейся, нынѣшніе друзья Россіи? А тогда?

Это сознаніе, это предчувствіе надвигающагося одиночества являются, послѣ признанія неблагоустройства арміи, второю причиною паническаго страха, овладѣвшаго нѣкоторыми сферами. Однако, никто изъ перепуганныхъ патріотовъ не поднимаетъ голоса за освобожденіе страны, этого единственнаго средства и возродить войско, и сохранить могущественныхъ друзей. Всѣ они, и правые журналисты, и правые депутаты, и сановники, и генералы, всѣ они за Толмачевыхъ и Думбадзе, за систему, создавшую этихъ героевъ нашего историческаго дня! Такова цѣна ихъ патріотизма... Властный произволъ имъ дороже Россіи. За его сохраненіе сами готовы отдать Царство Польское. Согласятся и на большее, лишь бы произволъ не отмѣнять и не ограничивать.

Это цѣпкое стремленіе къ произволу представляетъ собою одну сторону современной бюрократической медали, а о другой прочтемъ, хотя бы, слѣдующее извѣстіе:

«ПАРИЖЪ, 9 (22) апрѣля. Россія не хочетъ отставать отъ Европы. Полученъ заказъ изъ Россіи на постройку новаго дирижабля типа «République» за 300.000 франковъ, т. е. немного болѣе ста тысячъ рублей (112.000 р.).

Авторитетныя лица утверждаютъ, что эта цѣна слишкомъ велика. Французскій дирижабль этого же типа стоитъ военному министерству горадо дешевле. Для приблизительнаго соображенія не лишнее указать, что, напримѣръ, дирижабль типа «Zodiak» стоитъ всего 25.000 франковъ, т. е. 10.000 р., имѣетъ ходъ отъ 30—60 километровъ въ часъ и поднимаетъ отъ 2 до 10 пассажировъ, обладая портативностью, какой нѣтъ у типа «République».

Воздухоплавательная печать выразила изумленіе цѣнѣ «République».

Парижская печать удивляется. Въ Россіи немного найдется наивныхъ людей, которые удивятся. Можно будетъ удивиться, если за эту удесятеренную цѣну получится, по крайней мѣрѣ, годный дирижабль. И это не всегда бываетъ... Конечно, въ самомъ дѣлѣ, *новаго* въ этомъ мелкомъ эпизодѣ нѣтъ ничего, но въ томъ-то и ужасъ положенія, что *это не ново*. Мѣняются люди, система остается, казна-матушка за все отвѣтитъ. И будетъ стоять твердо «система». И будетъ казна, уже опустошенная, снова и снова за все отвѣчать. И будетъ послѣдняя народная копѣйка, съ такимъ трудомъ нынѣ добываемая, по прежнему теряться совершенно непроизводительно. И будетъ слабость имперіи все расти, а раздѣлъ ея все ближе...

Только политическая свобода и широкое самоуправленіе (центральное и мѣстное) могутъ еще спасти Россію отъ разгрома и раздѣла. Если правительство явно и твердо вступитъ на этотъ путь свободы и народнаго правленія, то и опасаться отступничества нашихъ заграничныхъ друзей не придется. Они обезпечатъ намъ время преобразованіи и перехода къ новому свободному строю, избавленному отъ произвола и потому избавленному и отъ хищеній.

III.

На Ближнемъ Востокѣ развертываются событія, прямо умопомрачительныя. Султанъ Абдулъ-Гамидъ, жестокій и вѣроломный старикъ, сумѣлъ инсценировать контръ-революцію въ столицѣ, но буйная солдатчина, которой было поручено это дѣло, сумѣла убить нѣсколькихъ почтенныхъ человѣкъ, но утвердить реакцію была не въ состояніи. Пришли съ запада II и III корпуса, разбили взбунтовавшіяся войска (гвардію и I корпусъ) и снова передали столицу и власть младотуркамъ. Бунтовщики будутъ наказаны, а свобода и народное правленіе возстановлены, но фанатическое мусульманское движеніе въ Малой Азіи даетъ основанія къ нѣкоторой тревогѣ за будущность. Тревожные слухи циркулируютъ о Мессепотаміи, Сиріи и Албаніи. Событія еще не выяснились, и мы подождемъ болѣе достовѣрныхъ вѣстей. Одно можно сказать и теперь, именно, что путь къ свободѣ и въ Турціи орошается кровью и сушится пожарами.

Въ Персіи дѣла еще хуже. Въ странѣ полная анархія. Упрямый Али-Могамедъ не поддается совѣтамъ державъ и упорно продолжаетъ истреблять подданныхъ и раззорять страну. Обѣщать посланникамъ онъ обѣщаетъ не мало, но обѣщаній никогда не исполняетъ. Даже такое обѣщаніе, какъ пропускъ хлѣба иностранцамъ въ Тавризъ, персидскій шахъ не выполнилъ. Двинутъ отрядъ

русскихъ кавказскихъ войскъ, чтобы доставить провизію въ Тавризъ. Два баталіона, два эскадрона, нѣсколько орудій и пулеметовъ составляютъ этотъ отрядъ, недостаточно сильный, чтобы принудить шахскаго полководца къ пропуску... А дальше что?

Вступили русскіе казаки и въ Хорасанъ, англичане высадились въ Бендеръ-Буширѣ, турки продолжаютъ занимать западную часть урмійской области... Здѣсь раздѣлъ какъ будто уже начался. И единственно изъ-за нежеланія шаха жить въ мирѣ съ своими подданными, изъ-за стремленія его правительства къ произволу и хищеніямъ. Поживемъ, увидимъ. Надо полагать, что къ будущей нашей бесѣдѣ положеніе дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ совершенно выяснится.

Изъ другихъ международныхъ вопросовъ ближе всего насъ касается вновь выплывшій на сцену вопросъ о литературныхъ конвенціяхъ.

Государственная Дума вотировала новый законъ объ авторскомъ правѣ (о собственности литературной и художественной, по старой терминологіи), внесла нѣсколько улучшеній въ министерскій законопроектъ (самое существенное заключается въ сокращеніи монопольнаго права правопреемниковъ умершаго автора съ пятидесяти лѣтъ до тридцати) и принципіально высказалась противъ стѣсненія права переводовъ, иначе говоря, противъ присоединенія Россіи къ бернской международной конвенціи 1886 года, дополненной на международныхъ конференціяхъ въ Парижѣ въ 1896 году и въ Берлинѣ въ 1908 году. На берлинской конференціи присутствовали и русскіе делегаты, отсутствовавшіе на совѣщаніяхъ въ Бернѣ и Парижѣ. Это давало надежду иностраннымъ авторамъ, что и Россія вскорѣ примкнетъ къ международному союзу для охраны авторскаго права. Кромѣ того, въ торговыхъ договорахъ съ Австріей и Германіей русская дипломатія согласилась включить статью, обѣщающую приступить къ переговорамъ о заключеніи литературныхъ конвенцій въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ. Французамъ давно обѣщаны такіе переговоры. Въ виду этого министерскій законопроектъ предполагалъ установить запрещеніе переводовъ книгъ, изданныхъ въ Россіи на иностранныхъ языкахъ, безъ согласія авторовъ. Дума измѣнила эту статью, давъ лишь десятилѣтнюю охрану и подъ условіемъ, чтобы самъ авторъ издалъ переводъ (въ теченіе 5 лѣтъ). Этотъ вотумъ Думы предрѣшилъ и содержаніе литературной конвенціи по отношенію къ переводамъ. Совершенно понятно, что вотумъ Думы вызвалъ огромное неудовольствіе среди заграничныхъ авторовъ. Зная, какъ много иностранныхъ книгъ издается въ русскихъ переводахъ, они разсчитывали на обильные доходы и почувствовали себя какъ бы обобранными и одураченными.

Вотъ, напр., что пишетъ такая руссофильская газета, какъ

«Temps»: «Agevae Hados сообщаетъ слѣдующую телеграмму изъ С.-Петербурга отъ 21 (8) апрѣля: Дума одобрила министерскій законопроектъ объ авторскомъ правѣ, но отказала признать права иностранныхъ авторовъ, произведенія которыхъ появляются въ русскихъ переводахъ, ссылаясь на бѣдность страны. Газеты порицаютъ этотъ вотумъ. «Новое Время» замѣчаетъ, что этотъ вотумъ не возвыситъ моральнаго состоянія Россіи, которая съ одобренія народнаго представительства, будетъ обкрадывать иностранцевъ.

«Изъ этого слѣдуетъ, что по прежнему будутъ переводить на русскій языкъ произведенія французской литературы и ставить на русскихъ сценахъ французскія пьесы, не удѣляя французскимъ авторамъ никакой доли въ получаемыхъ доходахъ. Мы видѣлись по этому поводу съ Жоржемъ Леконтомъ, предсѣдателемъ общества писателей, который вмѣстѣ съ Полемъ Эрвьё на берлинскомъ конгрессѣ о литературной собственности былъ представителемъ французскихъ авторовъ. По справедливости удивленный постановленіемъ Думы, Жоржъ Леконтъ далъ намъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ Берлинѣ представители Россіи оффиціозно сообщили намъ, что русское правительство готово одобрить присоединеніе къ бернской конвенціи 1886 года. Это сообщеніе и было причиною, побудившею насъ защищать на конгрессѣ систему поступенную (le systeme des paliers). Вамъ извѣстно, что права литературной собственности иностранцевъ были постепенно установлены и усовершенствованы въ Бернѣ въ 1886 году, въ Парижѣ въ 1896 году и въ Берлинѣ въ 1908 году. Вмѣсто того, чтобы требовать отъ государствъ, еще не признавшихъ авторскія права иностранцевъ, присоединенія къ режиму, послѣдовательно созданному до 1908 года включительно, была создана поступенная система, которая заключается въ распространеніи на упомянутыя государства сначала режима, установленнаго въ Бернѣ, затѣмъ черезъ нѣкоторое время режима, одобреннаго въ Парижѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ. Повидимому, русское правительство дало подобныя же обѣщанія французскому правительству. Французское правительство, уже приготовлявшееся назначить коммиссію для выработки соглашенія, ничего не предприняло. Надо думать, что и оно имѣло основанія надѣяться на присоединеніе Россіи къ бернской конвенціи. То, что теперь вотировали въ Россіи, находится въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, на что мы имѣли право надѣяться. Дума въ этомъ случаѣ ставитъ себя въ смѣшное и унизительное положеніе по отношенію къ европейскому общественному мнѣнію. Она ссылается на бѣдность страны. Это негодный аргументъ. Небольшіе, болѣе бѣдные народы присоединились къ конвенціи... Правда, однако, въ томъ, что изъ 100 русскихъ писателей 95 живутъ переводами (!). Это обстоятельство объяснитъ вамъ, почему русскіе писатели всегда протестуютъ противъ огражденія правъ иностранныхъ авторовъ. Что касается русскихъ оригинальныхъ

авторовъ, то они охраняютъ свои права, печатая свои произведенія одновременно въ Россіи по-русски и въ переводѣ за границей, преимущественно въ Германіи, связанной съ другими націями конвенціей, такъ что русскіе авторы ограждены все равно, какъ бы они были нѣмецкими. Должно, однако, отдать честь г. Семенову, который старался убѣдить русскихъ писателей въ необходимости примкнуть къ бернской конвенціи,

«Въ прошломъ году я умолчалъ о мѣрахъ, принимаемыхъ въ Россіи противъ французской литературы. Я надѣялся, что Россія сама сознаетъ свой долгъ справедливости и честности (de justice et de probité). Но если Россія ничего не дѣлаетъ, то дольше молчать становится невозможно. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ литературныхъ произведеній, запрещенныхъ русскою цензурою за многіе годы. Я съ сожалѣніемъ, если не съ удивленіемъ, увидѣлъ тамъ имена нашихъ знаменитыхъ писателей, въ томъ числѣ и такихъ, которыхъ никто не назоветъ субверсивными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня имѣются доказательства, что многія изъ этихъ книгъ, не допущенныхъ по французски, свободно обращаются въ русскихъ переводахъ.

«И г. Леконтъ намъ показалъ въ русскомъ переводѣ книжки Les memoires d'une femme de chambre, Мирбо и La Femme et le Pantin, Пьера Луи, которыя обѣ запрещены по французски.

«Затѣмъ г. Леконтъ продолжалъ: Я выразилъ по этому поводу свое удивленіе одному изъ русскихъ делегатовъ на берлинскомъ конгрессѣ. Онъ ограничился въ своемъ отвѣтѣ вопросомъ: Не знаете-ли вы, не были-ли по-русски двѣ-три страницы исключены? Такимъ образомъ, было достаточно уничтожить нѣсколько фразъ, чтобы лишить французскаго автора его правъ! Совершенно наоборотъ предоставляютъ свободное обращеніе всей этой порнографической литературы, обыкновенно безыменной и дающей такое низменное представленіе о французскомъ искусствѣ.

«Въ заключеніе Жоржъ г. Леконтъ высказалъ увѣренность, что французское правительство энергически вступится передъ русскимъ правительствомъ за права французскихъ авторовъ».

По французскому обычаю, г. Леконтъ просто плохо освѣдомленъ. Въ Россіи переводами писатели занимаются мало и живутъ во всякомъ случаѣ не переводами. Есть почтенный классъ спеціально переводчиковъ и его интересы не должны быть забыты при обсужденіи вопроса. Собственно писателямъ конвенція выгодна была бы не только потому, что она охраняла бы ихъ права за границей: она, уменьшивъ конкуренцію переводовъ, подняла бы гонораръ. Вообще никакъ не интересы своего кармана отстаиваютъ русскіе писатели, сопротивляясь стѣсненію переводовъ, но только защищаютъ интересы культуры и просвѣщенія. И въ Думѣ ссылались на бѣдность культуры, а не страны...

Очень любопытно также выступленіе г. Леконта противъ якобы

существующаго желанія стѣснить французскую литературу запрещеніемъ французской книги при свободномъ обращеніи ея переводовъ... Дѣло въ томъ, что русская внутренняя цензура упразднена, а иностранная осталась неприкосновенною (вѣроятно, въ 1905 году объ ней просто забыли) и продолжаетъ дѣйствовать. Хорошо, что объ этой аномаліи, хотя и очень наивно, напомнилъ г. Леконтъ, но очень нехорошо, что онъ усвоилъ тонъ ментора, указующаго Россіи ея долгъ и добивающагося дипломатическаго вмѣшательства для понужденія Россіи исполнить этотъ долгъ, отвергаемый и русскимъ образованнымъ обществомъ, и Государственной Думой. Конечно, и этотъ тонъ, и это вѣроятное вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла являются также результатами нашей слабости!

Не они въ насъ нуждаются, а мы въ нихъ. На этой почвѣ можно еще всяческихъ сюрпризовъ дождаться.

С. Южаковъ.

Константинопольская контръ-революція.

Помню пріятныя и доброжелательныя по отношенію къ Турціи рѣчи русскихъ пассажировъ на пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ изъ Александріи въ Константинополь. Говорили, конечно, о безкровной революціи, о порядкѣ, такъ быстро наладившемся въ государствѣ. Кое-кто изъ пассажировъ думалъ прожить на Принцевыхъ островахъ мѣсяцъ или два, высказывали предположенія, что Принцевы о-ва и вообще Турція въ ближайщемъ будущемъ сдѣлаются излюбленнымъ мѣстомъ для путешествія русскихъ, именно русскихъ, такъ какъ Турція очень доступна,—сутки съ небольшимъ отъ Севастополя, и тамъ нѣтъ и не можетъ быть ни бунтовъ, ни экспропріацій, ни исключительныхъ законовъ... Лично для меня оставался одинъ темный вопросъ въ настоящемъ и будущемъ Турціи—національный, и я не могъ себѣ выяснить позицію младотурокъ въ этомъ вопросѣ, и въ особенности характеръ и роль другого интеллигентнаго и конституціоннаго теченія, такъ называемаго либеральнаго союза ахраровъ. Въ Египтѣ жадно, немигающими глазами слѣдятъ за малѣйшими изгибами турецкой конституціонной жизни, и тѣмъ не менѣе мои каирскіе знакомые не могли разрѣшить мои сомнѣнія.

— Возьмите l'Indépendant!—убѣждалъ меня разносчикъ газетъ въ Смирнѣ.—Недавно вышелъ органъ либераловъ, вліятельная газета!

Я купилъ всѣ константинопольскія газеты на французскомъ языкѣ, какія оказались у разносчика, но l'Indépendant особенно заинтересовалъ меня. И потомъ въ Константинополѣ я просматривалъ ежедневно четыре-пять константинопольскихъ газетъ, и l'Indépendant все время рѣзко выдѣлялся между ними. Тамъ велась страстная, напряженная борьба съ младотурками, борьба изо дня въ день, все повышавшаяся въ своей страстности и напряженности,—война, не считавшаяся съ тѣмъ, что дозволено и что не дозволено, что правда и что ложь. Помимо обвиненій младотурокъ въ диктатурѣ и противозаконномъ захватѣ власти, двѣ ноты особенно ярко и неустанно звучали въ газетѣ: обвиненіе младотурокъ, во первыхъ, въ неуваженіи къ мусульманской національности и къ шаріату и, во вторыхъ,—въ предательствѣ, въ измѣнѣ конституціи.

Я раньше и изъ газетъ, и изъ отзывовъ каирскихъ людей зналъ въ общихъ чертахъ о такъ называемомъ либеральномъ союзѣ, объ оппозиціи младотуркамъ, существовавшей въ парламентѣ и въ культурныхъ слояхъ турецкаго общества,—и именно то обстоятельство, что этотъ либеральный союзъ, состоявшій изъ сравнительно не очень большого числа собственно турокъ и включавшій въ себя большое количество не мусульманскихъ элементовъ, преимущественно грековъ, заставляло меня недоумѣвать по поводу усиленно мусульманской ноты, проводившейся въ l'Indépendant.

Подозрительно было и то, что въ газетѣ отсутствовала положительная часть программы либеральнаго союза, не развертывалось никакой опредѣленной программы и тщательно, подозрительно-тщательно, обходились самые важные, самые трудные и, казалось бы, самые дорогіе вопросы тому конгломерату, изъ котораго состоялъ либеральный союзъ — вопросы національнаго самоопредѣленія. Только борьба съ младотурками, только разслѣдованіе и выискиваніе ихъ минусовъ, ихъ вредныхъ и опасныхъ шаговъ... И главной мишенью для обстрѣла служилъ Ахметъ-Риза, бывшій президентъ парламента, такъ много сдѣлавшій для водворенія свободы и конституціи въ Турціи. Не было его шаговъ, его словъ, которые не были бы истолкованы въ указанномъ выше направленіи. Ему ставилось въ вину, что онъ когда-то и кому-то бросилъ фразу: «конституція есть только средство», что когда-то онъ сказалъ: «я войду въ парламентъ только въ европейской шляпѣ, а не въ фескѣ»; ему приписывалась фраза: «султанъ, великій визирь и совѣтъ министровъ—бо̀льшая гарантія къ упорядоченію дѣлъ, чѣмъ парламентъ». И, конечно, тотъ фактъ, что султанъ подарилъ Ахметъ-Ризѣ дворецъ, былъ использованъ въ превосходной мѣрѣ.

Тонъ все повышался, и начали раздаваться на страницахъ l'Indépendant такія фразы: «неужели не ясно всѣмъ, что Ахметъ-Риза предатель, что онъ губитъ конституцію?»

И, не смотря на высокій тонъ и гражданскіе конституціонные

возгласы l'Indépendant, все тамъ было странно и подозрительно для меня. И первое, чѣмъ я занялся въ Константинополѣ, какъ только успѣлъ оріентироваться въ немъ и разыскалъ свѣдущихъ людей, я началъ распрашивать, что такое либеральный союзъ и ихъ лейбъ-органъ l'Indépendant. Они не сообщили мнѣ больше того, что я зналъ раньше, что это есть оппозиція младотуркамъ, что въ составѣ либеральнаго союза количественно и качественно играютъ большую роль не мусульмане, а люди другихъ національностей и религій. Но когда я высказывалъ предположеніе, которое невольно складывалось у меня, что если не въ самомъ либеральномъ союзѣ, то въ тактикѣ и манерѣ l'Indépendant чувствуется указующій перстъ, не имѣющій ничего общаго съ конституціей, и что отъ всего этого дурно пахнетъ, мнѣ энергично возражали и категорически увѣряли, что это искренніе конституціоналисты и что никакихъ связей съ вожделѣніями людей стараго режима у нихъ нѣтъ.

Событія наростали—наростали и мои недоразумѣнія. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда (19 русскаго марта) состоялся въ Ай-Софіи громадный митингъ по случаю празднованія дня рожденія пророка: газеты насчитывали на немъ отъ 40 до 80 тыс. человѣкъ. На этомъ митингѣ принята была резолюція въ смыслѣ возстановленія шаріата, какъ опредѣлителя всякой законодательной и иной жизни страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ вознесены были молитвы за конституцію. L'Indépendant былъ въ восторгѣ. Онъ обошелъ полнымъ молчаніемъ первую половину резолюціи, достаточно ясную и демонстративную, все восхищался молитвой за конституцію и даже указалъ на этомъ примѣрѣ, какъ свобода и конституція крѣпки въ Турціи.

Черезъ нѣсколько дней былъ убитъ на мосту черезъ Золотой Рогъ редакторъ оппозиціонной турецкой газеты, тоже страстно нападавшій на младотурокъ, Hassan Fehmi (Гассанъ-Фехми) и раненъ спутникъ его, Шакиръ-бей, съ которымъ они вмѣстѣ возвращались ночью. Впечатлѣніе было потрясающее. Собственно это убійство и нужно считать началомъ контръ-революціи, если не сигналомъ къ ней.

Если другія газеты недоумѣвали и высказывали разныя предположенія, невыгодныя для младотурокъ, то l'Indépendant сразу началъ опредѣленно обвинять въ убійствѣ комитетъ «Единеніе и Прогрессъ». На другой же день послѣ убійства въ газетѣ была напечатана редакціонная статья подъ заглавіемъ «Начало диктатуры», гдѣ по поводу недостаточно горячаго отношенія Ахметъ-Ризы къ убитому редактору, говорилось, что такъ чувствовать могутъ только иностранцы, и прямо указывалось на него, какъ на диктатора, пользующагося револьверными аргументами. За время моего пребыванія въ Константинополѣ не успѣли найти убійцу несчастнаго журналиста, но убійство это и тонъ, сразу принятый l'Indépen-

dant и другими турецкими газетами, оппозиціонными младотуркамъ, только увеличивали мои недоумѣнія. Для меня было несомнѣнно, что это убійство убыточно было для младотурокъ, и я не могъ допустить мысль, чтобы младотурецкій комитетъ организовалъ это убійство. И указующій перстъ невольно вставалъ предо мной, такъ какъ совершенно ясно было видно, кому выгодно было въ этотъ моментъ бросить трупъ редактора между двумя партіями. Съ другой стороны, въ турецкой газетѣ «Ieni gazetta» проскользнуло глухое извѣстіе, что 7 лѣтъ назадъ былъ студентъ школы Mulkie Шакиръ-бей—шпіонъ, который за одинъ неудачный доносъ просидѣлъ даже два мѣсяца въ тюрьмѣ и что по свѣдѣніямъ полиціи тотъ студентъ доносчикъ и спутникъ убитаго Гассанъ Фехми—одно и то же лицо. И другое обнаружилось подозрительное обстоятельство: Шакиръ-бей показалъ, что напавшій на нихъ—«человѣкъ въ военной формѣ»—стрѣлялъ въ нихъ сзади, а входное отверстіе раны Шакиръ-бея оказалось спереди, какъ было установлено огромной коммиссіей изъ турецкихъ и иностранныхъ врачей,—т. е. возможно было предположеніе, что Шакиръ-бей самъ ранилъ себя послѣ убійства спутника. Я не дождался заключенія второй коммиссіи врачей, которой потребовалъ Шакиръ-бей, но все это было очень подозрительно. Было подозрительно и то, что l'Independant упорно молчалъ о Шакиръ-беѣ и ни слова не говорилъ ни объ его прошломъ, ни о заключеніи коммиссіи, и продолжалъ обрушивать громы негодованія на правительство и администрацію за то, что они не успѣли найти убійцу, оставляя на долю читателя и турецкой публики предположеніе, что это можно бы сдѣлать, но кто то не хочетъ этого.

Я былъ на похоронахъ Гассанъ Фехми и меня поразило огромное количество улемовъ и софтъ въ толпѣ: и снова l'Independant иллюстрировалъ этимъ фактомъ прочность конституціи въ Турціи... Передовая статья газеты по поводу похоронъ Гассана Фехми въ высокой степени интересна и поучительна. Напечатана она въ 16-мъ номерѣ отъ 9 апрѣля н. с., т. е. за три дня до переворота, и когда я перечитывалъ ее послѣ контръ-революціи, у меня невольно складывалось убѣжденіе, что или газета слѣдовала указанію какого то перста, или она была гораздо менѣе освѣдомлена въ событіяхъ, чѣмъ любой житель Галаты... Нападая на французсконѣмецкую газету Перы, очевидно, заподозривавшую дѣятельность либеральнаго союза и указывавшую на возможность реакціи,—передовая статья говоритъ: «Если-бы онъ (авторъ) пожелалъ вспомнить, что только четыре дня назадъ улемы въ мечети Гамидіэ и въ Ай-Софіи возносили молитвы за сохраненіе конституціи,—онъ понялъ бы, что реакція не имѣетъ больше шансовъ возврата въ страну, гдѣ всѣ граждане—и свѣтскіе и духовные—единодушно рѣшили сохранить свободу, такъ дорого купленную. Мы здѣсь на землѣ свободы. Если французско-нѣмецкій журналъ

хочетъ дѣлать реакцію,—пусть онъ идетъ во Францію! Мы не позволимъ какому-то французу...»

А между тѣмъ въ то самое время, когда l'Independant писалъ свою непоколебимо увѣренную статью,—Галата, эта удивительная часть Константинополя, между Перой и Стамбуломъ, населенная греками и промежуточными людьми между Европой и Азіей,—смѣшавшимися потомками итальянцевъ, грековъ, армянъ, сирійцевъ и балканскихъ славянъ,—Галата, всегда знающая, что дѣлается въ Перу и Стамбулѣ, во всей Турціи и въ Европѣ,—открыто говорила, что скоро будетъ рѣзня, что султанъ раздаетъ направо и налѣво огромныя деньги... Знали объ этомъ и иностранцы Перы, и одинъ оффиціальный человѣкъ, прикосновенный къ посольству одной изъ державъ, мнѣ лично сообщилъ сейчасъ-же послѣ переворота даже точную сумму розданныхъ султаномъ денегъ—200,000 турецкихъ лиръ,—т. е. около 2-хъ милліоновъ рублей. Мало этого, въ томъ-же номерѣ и на той-же страницѣ была напечатана прокламація армянскаго комитета Дашнакцутюнъ, перваго почуявшаго опасность и взывавшаго въ прокламаціи къ прекращенію партійныхъ междоусобицъ и къ единенію всѣхъ конституціонныхъ партій, въ виду *огромной опасности, которая угрожаетъ отечеству.* Призывъ армянской революціонной партіи нашелъ откликъ въ нѣсколькихъ газетахъ, но l'Independant шелъ неуклонно, и на другой-же день озаглавилъ весь номеръ: «Ахмедъ Риза противъ конституціи».

Событія шли. Утромъ 13 апрѣля н. с., въ нашъ пасхальный вторникъ, моя знакомая русская дама, жившая въ сосѣднемъ со мной отелѣ на Petits Champs, отправилась на главную улицу Перы за покупками. Ее поразило, что на улицахъ собираются группы и о чемъ-то горячо бесѣдуютъ, что начинаютъ закрываться только что открывшіеся магазины, что улица имѣетъ какой-то необычный видъ. Возвратившись, она спросила у директора своего отеля, что это значитъ? Директоръ былъ галантный человѣкъ и любезно и почтительно отвѣтилъ:

— Je pense, qu' il y a une petite revolution... Никакихъ фактическихъ свѣдѣній онъ сообщить не могъ или не хотѣлъ, чтобы не огорчить даму.

Я вернулся въ свой отель, чтобы провѣрить извѣстіе о petite revolution. Мой отель былъ безъ пансіона, и останавливались тамъ—я, повидимому, былъ единственный иностранецъ, —турки, греки, армяне, македонцы, пріѣзжавшіе по дѣламъ изъ провинціи; поэтому отель съ утра до ночи былъ обыкновенно пустъ. Въ этотъ разъ и на лѣстницѣ, и въ салонѣ стояли группы жильцовъ отеля и разговаривали странными, пониженными голосами. Портье на мой вопросъ, что дѣлается въ Константинополѣ, безъ всякой галантности отвѣтилъ:

— Не хорошо. Это серьезно.

Я спросилъ, правда-ли, что Стамбулъ отрѣзанъ,—онъ отвѣтилъ, что не знаетъ и никому не извѣстно, что тамъ происходитъ,—повидимому, тамъ дерутся, но во всякомъ случаѣ иностранцу нельзя идти въ Стамбулъ.

Странно было на улицахъ, какой-то жуткій шепотъ-шорохъ стоялъ на нихъ. Ходили трамваи, но были пусты вагоны, идущіе въ Галату, къ мосту черезъ Золотой Рогъ, и были полны шедшіе снизу, отъ моста. Галата была мертвая, закрыты были всѣ магазины, и такъ странна была тишина въ этихъ узкихъ и тѣсныхъ, всегда переполненныхъ народомъ, улицахъ. Замолчали даже неистовые револьверные выстрѣлы, которыми греки празднуютъ Пасху, какъ у насъ колокольнымъ звономъ, и которые именно въ Галатѣ, какъ нигдѣ, гремѣли въ послѣдніе дни страстной недѣли и въ первые два дня пасхи (въ одинъ первый день было 9 случайно убитыхъ и раненыхъ этими выстрѣлами). И эта необычная тишина и безлюдье невольно тревожили и настораживали.

Но въ Стамбулѣ казалось все спокойно, не неслись оттуда ни выстрѣлы, ни крики, и я усомнился даже и въ petite revolution. Я пошелъ къ мосту. Онъ выглядѣлъ необычно. Не было того движенія, которое съ утра до ночи происходитъ на немъ. Двѣ стѣны народа стояли по сторонамъ его, а въ образовавшемся широкомъ промежуткѣ торопливымъ шагомъ проходили солдаты. Они шли и отрядами, въ ногу, какъ идутъ на ученьи; шли и маленькими группами, въ 5—10 человѣкъ, безпорядочно и недисциплинированно, и всѣ они шли безъ офицеровъ. Это поразило меня и заставило думать, что происходитъ что-то серьезное.

Въ нѣкоторыхъ отрядахъ командовали фельдфебели, были отряды и безъ нихъ. И не чувствовалось связи между тѣми, что стояли шпалерами по обѣимъ сторонамъ моста, не-военными людьми, несомнѣнно турками, и тѣми людьми съ ружьями, которые торопливо съ напряженными лицами шли между ними. Молча смотрѣли люди на проходившихъ мимо солдатъ, молча шли солдаты между двумя стѣнами своихъ согражданъ. Не видно было экипажей, не было толпы пѣшеходовъ, постоянно наполняющихъ мостъ, но никто не останавливалъ меня, и я пошелъ вслѣдъ за солдатами. Чѣмъ дальше я шелъ по мосту, тѣмъ болѣе рѣдѣла толпа зрителей. На Стамбульскомъ концѣ моста было безлюдно, и только рѣдкіе пѣшеходы шли за солдатами и на встрѣчу имъ. У самаго конца моста въ сторонѣ лежало что-то, прикрытое рогожей, и только по сапогу, выглядывавшему изъ подъ рогожи и лежавшему рядомъ оружію, я понялъ, что это трупъ. Солдатъ съ ружьемъ сердито окрикнулъ меня и прекратилъ мои дальнѣйшія разслѣдованія.

Прямо противъ моста на ступеняхъ огромной мечети сидѣли плечо къ плечу стамбульскіе духовные и не духовные люди и

молча наблюдали, какъ шли мимо нихъ, тоже молча, солдаты; такая же огромная толпа заполнила фасадъ новаго зданія почты и телеграфа.

И на улицѣ Стамбула, по которой направлялись солдаты къ Ай-Софіи, было то же, что на Галатскомъ концѣ моста,—тѣ же двѣ стѣны народа, молча наблюдавшаго, какъ между ними двигались молчаливые солдаты съ возбужденными лицами, безъ офицеровъ.

И ни разу во время моихъ скитаній по Стамбулу въ самое тревожное, какъ потомъ оказалось, время—между 12 и 2 часами—я не видѣлъ въ тотъ день толпы, группы не-военныхъ и не-духовныхъ людей, которая бѣжала бы, кричала бы, вступала бы въ общеніе съ солдатами и вообще принимала бы какое либо активное участіе въ событіяхъ...

Вслѣдъ за солдатами я почти подошелъ къ площади Ай-Софіи, но на улицѣ совсѣмъ не было публики и уже издали было видно, что тамъ есть застава, пропускающая только солдатъ и духовныхъ, — поэтому я вернулся и рѣшилъ обойти кругомъ, чтобы выйти на площадь съ другой стороны.

Стамбулъ былъ, какъ мертвый; магазины и кофейни были закрыты. Мнѣ пришлось пройти много улицъ и переулковъ, и были такіе, гдѣ я не встрѣчалъ ни одного человѣка: люди, очевидно, были у себя и не хотѣли выходить на улицу. Я благополучно спустился узенькимъ крутымъ переулочкомъ къ площади Ай-Софіи, но въ ту же минуту солдатъ приставилъ къ моей груди ружье и на непонятномъ языкѣ очень понятно объяснилъ, что идти дальше нельзя. Я только одинъ моментъ успѣлъ взглянуть на огромное море головъ, наполнявшихъ площадь Ай-Софіи, и услышать громовой возгласъ толпы, за которымъ слѣдовали звуки военной музыки. Я не знаю, сколько было народу, но мнѣ казалось, что тамъ не было пустого мѣста между людьми, что толпа стояла плечомъ къ плечу. И когда я возвращался по той улицѣ, по которой солдатъ повелительно указалъ мнѣ дорогу, за мной неслись громовые раскаты криковъ многотысячной толпы и тревожные звуки военной музыки. На встрѣчу мнѣ все шли солдаты, и мнѣ казалось, чѣмъ ближе подвигались они къ Ай-Софіи, тѣмъ быстрѣе былъ ихъ шагъ, тѣмъ возбужденнѣе были красныя лица, съ которыхъ струился потъ.

Трупъ все былъ не убранъ, и сердитый солдатъ отталкивалъ рѣдкихъ прохожихъ, пытавшихся взглянуть поближе. Прежняя странная пустота была на мосту, и къ Галатскому концу опять начались двѣ стѣны молчаливыхъ зрителей. Все шли солдаты группами и отрядами, все такъ же молча, какъ молча стояли зрители. Я сѣлъ въ трамвай, чтобы подняться въ Перу, и помню, какъ вдругъ трамвай остановился на неуказанномъ мѣстѣ и всѣ встали въ этой скверной кукушкѣ, которая называется константинопольскимъ трамваемъ, и жадно и тревожно стали вглядываться сквозь

мутныя окна впередъ на подинмавшуюся вверхъ улицу. Двое-трое изъ насъ вышли изъ трамвая, чтобы посмотрѣть, что дѣлается впереди. Занимая всю ширину улицы, спускался изъ Перу большой отрядъ солдатъ, человѣкъ въ 300 — 400. Огромное, золотомъ расшитое, знамя колыхалось въ срединѣ. Офицеровъ также не было, и впереди отряда шелъ подозрительный человѣкъ галатскаго международнаго типа, маленькій, щупленькій, въ котелкѣ и пиджакѣ, совершенно пьяный, шатавшійся на ногахъ (потъ катился съ краснаго лица и слюни текли изъ открытаго рта), несомнѣнно, командовавшій отрядомъ. Временами онъ останавливался, оборачивался къ солдатамъ и что-то кричалъ, и тогда весь отрядъ неистово повторялъ его крикъ, — мнѣ перевелъ мой компаньонъ турокъ: «да здравствуетъ падишахъ».

Было три-четыре пьяныхъ солдата въ первыхъ рядахъ—единственный случай по моимъ наблюденіямъ за цѣлый день; но самая главная особенность этого отряда была—участіе народа. Не помню, третій или четвертый рядъ стройно маршировавшихъ солдатъ состоялъ изъ молодыхъ людей того же неопредѣленнаго галатскаго типа съ ружьями въ рукахъ, а за послѣднимъ рядомъ солдатъ шли пять-шесть рядовъ, приблизительно 40—50 человѣкъ огромнаго роста оборванныхъ турокъ, безъ ружей, по виду хемановъ (носильщиковъ), шедшихъ такими же правильными рядами и тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, какъ и солдаты. Я видѣлъ, какъ именно этотъ отрядъ заставлялъ блѣднѣть и настораживаться людей, которые попадались ему. И когда нашъ трамвай отправился дальше, лица у всѣхъ стали строгія и настороженныя,—и короткія, строгія, настороженныя фразы перелетали отъ пассажира къ пассажиру.

Наверху въ Перу день былъ странный, какъ-то перевернутый, какой-то пустой. Словно люди потеряли нить жизни и не знали, что дѣлать, стоять ли или идти и куда идти...

Экипажей или совсѣмъ не было, или мчались они съ стремительной быстротой, иногда со спущенными занавѣсками въ каретахъ. Закрывшаяся утромъ лавка была открыта, и я купилъ тамъ сахару, а когда черезъ полчаса нужно было мнѣ купить яицъ — она была уже опять закрыта. Тамъ, гдѣ всегда было полно,—въ ресторанахъ на Перу,—было пусто, а въ маленькомъ итальянскомъ ресторанчикѣ, гдѣ я обѣдалъ, было полно въ неурочный часъ, когда въ этомъ ресторанѣ бывало пусто. И останавливались люди и какъ-то быстро кучились на самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, на перекресткахъ улицъ, на скользкомъ подъемѣ. И голоса у нихъ были другіе, пониженные, торопливые, сдавленные. И манеры другія. Заговаривали въ ресторанчикѣ со мной люди, съ которыми я ежедневно обѣдалъ и никогда не разговаривалъ. Подходили на улицахъ совсѣмъ незнакомые люди и сообщали свѣдѣнія, о которыхъ я не спрашивалъ. Узнавши же, что я былъ въ Стамбулѣ, окружили меня и жадно разспрашивали, что я видѣлъ.

Я вернулся къ себѣ въ отель около 8 часовъ вечера, и послѣднее извѣстіе, подобранное мною на улицѣ, было—глухой слухъ, что вечеромъ прибудетъ въ Санъ-Стефано нѣсколько поѣздовъ съ младотурецкими войсками, вызванными комитетомъ по телеграфу, и что начнется наступленіе на Константинополь. Въ отелѣ такъ же, какъ утромъ, безтолково и пустопорожне толпились люди въ вестибюлѣ и въ салонѣ, и всѣ говорили объ одномъ и томъ же, объ этомъ послѣднемъ глухомъ слухѣ. Я страшно усталъ отъ моихъ скитаній и былъ перегруженъ дневными впечатлѣніями: такъ пріятно было надѣть туфли и заняться любезнымъ чаепитіемъ.

Я перечитывалъ газеты,—всѣ газеты на французскомъ языкѣ, какія вышли въ тотъ день въ Константинополѣ, и вечернія добавленія, выпущенныя двумя-тремя газетами, суммировалъ личныя впечатлѣнія и подобранные на улицѣ слова и отзывы. Все укладывалось стройными рядами въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми недоумѣніями и подозрѣніями, которыя возникли и постепенно наростали у меня съ перваго дня моего пріѣзда въ Турцію.

Два факта встали предо мною внѣ сомнѣнія: первый, что движеніе было организовано. Еще наканунѣ все было абсолютно спокойно. Какъ всегда, маршировали по улицамъ отряды превосходныхъ солдатъ съ превосходными офицерами во главѣ, медлительно и спокойно курили кальянъ турки въ кофейняхъ, двигалась по улицамъ праздничная толпа, и только нелѣпые и опасные выстрѣлы греческихъ револьверовъ портили праздничное настроеніе города. Получилось впечатлѣніе, что кто-то взмахнулъ дирижерской палочкой, и оркестръ сталъ разыгрывать заранѣе предусмотрѣнную симфонію...

Еще глубокой ночью безшумно и молчаливо перешелъ мостъ и направился на площадь Ай-Софіи одинъ изъ баталіоновъ салоникскихъ стрѣлковъ,—тѣхъ стрѣлковъ, которые первыми провозгласили революцію восемь мѣсяцевъ назадъ. Молча занялъ онъ площадь Ай-Софіи и заперъ всѣ вливающіяся въ нее улицы заставами, которыя никого, кромѣ подходившихъ солдатъ, не пропускали. Тогда раздались выстрѣлы, какъ условленный сигналъ, запѣлъ рожокъ, и группами и цѣлыми отрядами начали отовсюду стекаться солдаты, предварительно убившіе или связавшіе по рукамъ и по ногамъ своихъ офицеровъ. Потомъ пришли софты, улемы и всѣ, кому полагалось быть въ инсценированной картинѣ. Въ свое время пришелъ Шейхъ-уль-исламъ,—у солдатъ оказалась уже готовая резолюція съ тремя точно формулированными требованіями и даже списокъ ста съ чѣмъ-то офицеровъ, которыхъ слѣдовало удалить... Въ свое время убили министра юстиціи и ранили морского министра; нѣсколько ошиблись, убивши одного депутата вмѣсто редактора младотурецкой газеты; тоже ошиблись, выпустивши изъ рукъ Ахметъ-Ризу, котораго поджидали у подъѣзда и вездѣ искали, но все остальное было продѣлано въ строгомъ соотвѣтствіи съ

указаніемъ дирижерской палочки. Дѣйствія солдатъ, которыхъ я видѣлъ и о которыхъ слышалъ, были строго организованы. Они не трогали магазиновъ, никого рѣшительно не задѣвали, ни иностранцевъ, ни своихъ, за исключеніемъ младотурокъ. Таковъ второй фактъ: движеніе было направлено исключительно противъ младотурокъ.

Въ это время стало уже извѣстнымъ, что убивали только младотурокъ, что разрушили и разгромили только двѣ младотурецкія редакціи и типографіи, только младотурецкій клубъ. Быть можетъ, мои логическія построенія были не вполнѣ логичны, но для меня они были убѣдительны, и я совершенно спокойно и объективно расцѣнивалъ событія въ полной увѣренности, что къ иностранцамъ въ Перу и ко мнѣ лично они касательства не имѣютъ и не будутъ имѣть.

Былъ теплый вечеръ, смутно розовѣлъ Золотой-Рогъ и поднимавшійся за нимъ противъ моего балкона Стамбулъ. Балконъ былъ общій съ салономъ. Ко мнѣ подошелъ «черкесъ», какъ отрекомендовался онъ мнѣ наканунѣ, не забывшій русскаго языка, хотя десятилѣтнимъ мальчикомъ вывезенъ былъ съ Кавказа. Теперь онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ уѣзднаго начальника въ одномъ изъ округовъ Малой Азіи. Мы долго бесѣдовали наканунѣ о конституціи, о старомъ режимѣ,—она былъ младотурецкаго образа мыслей и разсказывалъ мнѣ, что населеніе въ массѣ за младотурокъ, увѣрялъ моня, что возвратъ къ старому режиму не возможенъ. Я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну что же вы и теперь вѣрите въ прочность конституціоннаго строя?

— Увидимъ... Это еще не конецъ... Опасно одно, что солдаты безъ офицеровъ... Слышите?

Изъ-за Золотого Рога, со стороны Стамбула, несся непрерывный трескъ ружейнныхъ выстрѣловъ. Я такъ привыкъ за предшествовавшіе дни къ неистовой стрѣльбѣ грековъ и такъ занятъ былъ своими размышленіями по поводу переворота, что и не замѣтилъ этихъ выстрѣловъ...

Между тѣмъ весь Стамбулъ гремѣлъ отъ нихъ.

— Вотъ пушка!..—замѣтилъ черкесъ, когда пронесся глухой, сдавленный, тяжелый ударъ.

И еще разъ. А потомъ снова трещали и щелкали ружейные выстрѣлы... Мы оба смотрѣли въ ту сторону, откуда неслись выстрѣлы и, должно быть, думали одно и то же: неужели пришли салоникскія войска? Къ намъ присоединились изъ салона еще двое: безукоризненно одѣтые греки съ интеллигентными лицами, оба были встревожены и насторожены. Мы не кланялись раньше, теперь они первые обратились ко мнѣ полувопросительно по поводу событій дня. У меня какъ-то невольно вырвалась фраза:

— Для меня одно несомнѣнно—третій радуется...

Старшій рѣзко повернулся, долго смотрѣлъ на меня, а потомъ заговорилъ:

— О, нѣтъ, вы напрасно думаете, что это—дѣло рукъ султана. Это естественная реакція противъ совершенно неконституціонной позиціи младотурокъ, которую они занимали послѣднее время. Это противъ диктатуры и за конституцію...

Болѣе молодой его товарищъ какъ-то особенно страстно ворвался въ разговоръ:

— *Мы* хотимъ именно настоящей конституціи, истинно демократической конституціи, гдѣ уважались бы не только права личности, но и права націи, гдѣ государственный строй могъ бы складываться соотвѣтственно съ интересами всѣхъ входящихъ въ составъ государства группъ...

— А это что?—вырвалось у черкеса.

Выстрѣлы загремѣли справа, съ противоположной стороны, изъ Перу, со стороны Тассима, гдѣ помѣщались огромныя казармы и плацъ для ученія. Выстрѣлы росли и приближались. Росли и приближались выстрѣлы и слѣва—со стороны Стамбула; звучали уже въ Галатѣ и поднимались къ намъ. И сразу всѣ ушли съ балкона въ салонъ, и тутъ я только понялъ настроеніе отеля. Салонъ былъ полонъ, я нашелъ только одно свободное мѣсто для себя. Люди сидѣли и молчали, и напряженно слушали, блѣдные, подавленные. А выстрѣлы приближались справа и слѣва и вдругъ загремѣли изъ городского сада, помѣщавшагося vis-a-vis съ отелемъ.

Кто-то пришелъ и потушилъ люстру, стало совершенно темно въ салонѣ, всѣ сидѣли неподвижно и молчаливо, и было слышно, какъ визжали стремительно спускавшіяся желѣзныя занавѣски въ кофейняхъ и пивныхъ подъ нашимъ отелемъ, какъ тамъ поспѣшно убирали столики и стулья, которые по вечерамъ занимали половину улицы. Звонко прозвучали чьи-то одинокіе шаги по улицѣ и стало тихо. Только изрѣдка, какъ крикъ птицы, несся по улицѣ пронзительный возгласъ бѣжавшаго и задыхавшагося человѣка: —Иллявэ!

Всѣмъ было жутко и страшно. Кто-то пошелъ и принесъ маленькую лампочку, самую маленькую, самую простенькую, жестяную лампочку съ тусклымъ стекольцемъ, поставилъ ее на столъ и тускло освѣтилъ молчаливыхъ людей въ разныхъ позахъ, съ испуганными, застывшими лицами, съ сжатыми руками и такъ вытянутыми шеями, какъ нужно, чтобы человѣкъ хорошо слышалъ. И въ этотъ моментъ мы увидѣли, при свѣтѣ лампочки, какъ сползъ съ дивана и усѣлся на полу подъ роялемъ человѣкъ въ смокингѣ, съ корректнымъ проборомъ, съ заячьей улыбкой и дрожащимъ смѣхомъ. Обращаясь къ намъ, онъ сказалъ по-французски:

— Знаете, турецкая манера садиться имѣетъ свои удобства...

Всѣ нашли шутку остроумной, улыбались заячьими улыбками и смѣялись короткимъ, дрожащимъ смѣшкомъ. Но, должно быть, че-

ловѣку въ смокингѣ шутка показалась самому не очень смѣшной, и онъ скоро вылѣзъ, снова сѣлъ на диванъ и вытянулъ шею, чтобы слушать, что дѣлается тамъ, за балкономъ. А выстрѣлы гремѣли и охватили насъ тѣснымъ кольцомъ, и только изрѣдка зловѣщее «иллявэ!» торопливо проносилось по улицѣ. Одинъ листокъ попалъ къ намъ, переходилъ изъ рукъ въ руки и жадно пробѣгался глазами. Было что-то зловѣщее въ этомъ сѣромъ и грязномъ, оборванномъ лоскуткѣ бумажки, на которомъ написано было пять-шесть строкъ турецкихъ буквъ короткаго газетнаго сообщенія. Казалось, кто-то въ смертельной опасности карандашемъ на клочкѣ бумажки пишетъ послѣднія страшныя слова... Мнѣ перевели — это было подтвержденіе извѣстія, что ожидается прибытіе изъ Салоникъ нѣсколькихъ вагоновъ младотурецкихъ войскъ, которыя немедленно вступятъ въ городъ.

Тяжело было сидѣть между этими людьми, съ вытянутыми шеями и напряженно слушающими лицами, съ этой тускло-мерцавшей лампочкой. Быть можетъ, мои логическіе выводы были неправильны и моя увѣренность въ отсутствіи опасности была не вполнѣ обоснована, но какъ-то не приходила въ голову мысль о томъ, что на насъ нападутъ и насъ будутъ бить... Мы съ черкесомъ вышли на балконъ, и я видѣлъ враждебные угрюмые взгляды, которыми провожали насъ. На балконѣ можно было дышать свободно. Было около двѣнадцати часовъ ночи, весь Константинополь, буквально весь Константинополь, гремѣлъ выстрѣлами, но уже то, что два часа гремѣли выстрѣлы и давно уже окружили насъ тѣснымъ кольцомъ, а ни одна пуля не влетѣла въ наши окна и не было слышно на улицѣ ни криковъ, ни стоновъ,—показывало, что стрѣляли не въ отели. Мы долго сидѣли на балконѣ. Постепенно къ намъ приходили отдѣльныя лица изъ салона. Люстру тамъ не зажигали, но принесли свѣчку, и стало свѣтлѣе... Около двухъ часовъ я ушелъ къ себѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Тревога оказалась напрасной. Салоникскія войска не пріѣхали и никакого сраженія ночью не было. Все произошло оттого, что назначенный наканунѣ военный министръ Эдхемъ-паша обходилъ вечеромъ площадь Ай-Софіи, уговаривалъ солдатъ разойтись по казармамъ и въ заключеніе сказалъ:

— Дѣти мои! Стрѣляйте въ воздухъ! Празднуйте!..

И солдаты стали расходиться и праздновать. И именно потому, что расходились они разными путями и усиленно праздновали на всѣхъ улицахъ всю ночь, получалось впечатлѣніе, что идетъ битва во всѣхъ частяхъ города. Утромъ въ среду стрѣльба была еще яростнѣе, но уже не волновала публику. Мнѣ пришлось около двухъ часовъ простоять на набережной Галаты въ ожиданіи севастопольскаго парохода «Олега», съ которымъ могли пріѣхать мои

родные. Рядомъ со мной былъ полицейскій постъ, солдаты «праздновали» по прежнему безъ офицеровъ, и всѣ два часа шла непрерывная стрѣльба изъ ружей. Временами подходили безпорядочныя группы солдатъ, и тогда стрѣльба становилась особенно ожесточенной. Они не могли стрѣлять прямо вверхъ, потому что тогда сыпался бы на нихъ самихъ дождь пуль, и они стрѣляли немножко наклонно, и шальныя пули летали по Галатѣ, по Стамбулу и Перу и залетали въ частные дома, въ столовыя отелей во время завтрака отскакивали рикошетомъ отъ стѣнъ, случайно убивали людей. Спускаясь въ Галату, я встрѣтилъ огромную вереницу экипажей, провожавшихъ на кладбище убитаго наканунѣ солдатами грека-офицера за то, что онъ попытался уговаривать солдатъ не бунтовать,—того самаго, котораго я видѣлъ подъ рогожей на мосту. Я обратилъ вниманіе на сопровождавшаго катафалкъ греческаго священника,—черезъ минуту, шагахъ въ десяти отъ меня, онъ былъ убитъ шальной пулей. Около пятидесяти пуль попало въ русскій пароходъ «Николай II», двѣ пули успѣли попасть въ мачту «Олега», какъ только онъ пришелъ.

Стали получаться газеты. Онѣ подтверждали то, что сообщалось наканунѣ, и только лишними черточками дополняли картину разыгранной симфоніи, истинно-мусульманскій характеръ ея. Солдаты разнесли женскій клубъ, основанный младотурками, при чемъ разрубили въ щепки около двадцати музыкальныхъ инструментовъ, разорвали картины, висѣвшія на стѣнахъ. Приводились и объясненія произошедшаго мятежа: будто бы офицеры нѣсколько дней назадъ приказали солдатамъ прекратить знакомство съ ходжами и софтами, заявивъ имъ, что не дѣло солдатъ обсуждать религіозные вопросы. Фигурировала и европейская шляпа Ахметъ-Ризы: солдатъ увѣрили, что фески съ нихъ снимутъ и надѣнутъ на нихъ европейскія фуражки и шляпы. Все по системѣ... Только l'Independant удивилъ меня, — никакого торжества въ немъ не было: въ этотъ день, на другой день и въ пятницу, когда я уѣхалъ, онъ вышелъ безъ передовыхъ статей и безъ всякой оцѣнки событій. Чувствовалось, что онъ смущенъ, что онъ не знаетъ, что сказать и, думаю, это было лучшимъ доказательствомъ, что онъ не ожидалъ того, что случилось, и во всякомъ случаѣ не зналъ и колебался, какъ отнестись къ тому, что случилось. Онъ попробовалъ было опровергнуть сообщенія дружественной младотуркамъ «La Turquie» о разгромѣ солдатами младотурецкаго и женскаго клубовъ, но фактъ подтвердился. Послѣ того онъ ограничивался перечнемъ событій и тѣмъ, чѣмъ занимались рѣшительно всѣ газеты, — льстивымъ восхваленіемъ солдатъ за ихъ безукоризненно корректное отношеніе къ обывателямъ и ихъ имуществу. Собратъ l'Indépendant газета на турецкомъ языкѣ Serbesti (гдѣ работалъ убитый Гассанъ Фехми), выражалась болѣе опредѣленно. Послѣ осужденія младотурокъ, въ ней говорилось: «эти сердца, преданныя

отечеству, эта героическая армія дала имъ вчера и третьяго дня урокъ, котораго они заслуживали. Армія торжественно доказала, что національное оттоманское господство будетъ спасено отъ всякой опасности». Но и эта газета сбавила тонъ въ послѣдующіе дни.

За то греческія газеты были въ полномъ восторгѣ и не скрывали его. «Neologos» писалъ: «День 31-го марта 1909 г. долженъ быть отмѣченъ не менѣе торжественно, чѣмъ день 11 іюля 1908... Армія, воодушевленная любовью къ отечеству, съ оружіемъ въ рукахъ потребовала уничтоженія подлаго режима, подъ которымъ находилась страна, и возстановленія истинной конституціи и свободы». Другія греческія газеты писали, что армія геройски исполнила свой долгъ предъ страной и освободила отечество отъ ужасающаго «кошмара», въ который повергли отечество младотурки.

Опять, какъ и наканунѣ, пошли слухи. Наканунѣ говорили объ Англіи (подразумѣвалась и Россія), какъ вдохновительницѣ переворота,—говорилось, повидимому, на томъ основаніи, что въ свое время Англія была недовольна смѣщеніемъ Кіамиль - паши; опредѣленно говорили о Германіи на томъ основаніи, что великимъ визиремъ назначенъ былъ Тевфикъ-паша, долго бывшій посломъ въ Берлинѣ, — говорятъ, личный другъ Вильгельма, состоящій въ постоянной перепискѣ съ нимъ. Назначеніе его представляетъ безспорно огромный интересъ въ смыслѣ уясненія событій. Дѣло въ томъ, что солдаты принесли на площадь Ай-Софіи, кромѣ требованія удаленія ста офицеровъ, опредѣленныя министерскія имена,—они требовали назначенія Кіамиль-паши великимъ визиремъ и военнымъ министромъ не Эдхемъ-пашу. То же пожеланіе выразила султану явившаяся къ нему тотчасъ послѣ переворота депутація отъ либеральнаго союза, въ количествѣ пяти человѣкъ съ лидеромъ союза Измаиломъ-Кемаль-беемъ во главѣ. И, тѣмъ не менѣе, великимъ визиремъ назначенъ былъ Тевфикъ-паша и военнымъ Эдхемъ-паша. Солдаты по этому случаю даже снова начали бунтовать и собираться около Ай-Софіи; только вновь розданные султанскіе меджиціе (серебряная монета въ 1 р. 60 к.), какъ говорятъ, устроили дѣло и успокоили солдатъ. И это назначеніе лучше всего демонстрируетъ указующій перстъ, дирижерскую палочку въ совершившихся событіяхъ, и, быть можетъ, оно показало людямъ либеральнаго союза мѣсто, въ которое они пришли.

И все—какъ въ хорошихъ домахъ... Одновременно съ переворотомъ начались истинно-турецкіе погромы,—въ Аданѣ, въ Александретѣ, около Бейрута, началось массовое избіеніе и разгромъ жилищъ армянъ и другихъ христіанъ... А обманутые и купленные солдаты ходили весь день по улицамъ съ разными знаменами, и кричали. Большинство отрядовъ кричало: «Да здравствуетъ падишахъ»; было много кричавшихъ: «Да здравствуетъ падишахъ, да здравствуетъ конституція»; были отдѣльные отряды, которые кричали только: «Да здравствуетъ свобода!»

Къ сожалѣнію, я прожилъ въ Константинополѣ только двѣ недѣли и не успѣлъ вглядѣться въ Турцію, не успѣлъ познакомиться съ турками, которые дали бы мнѣ ключъ къ ихъ сердцамъ и умамъ. Были случайныя встрѣчи, короткія, мимолетныя.

Случайно встрѣтился я съ младотурецкимъ офицеромъ и, прежде всего, спросилъ его:

— Увѣрены ли вы въ прочности завоеванной вами свободы, въ прочности вашей конституціи?

Это было за недѣлю до переворота, и я сообщилъ ему свои тревоги и опасенія.

— О, нѣтъ,—спокойно и совершенно увѣренно отвѣтилъ онъ мнѣ.—Старый режимъ не воротится, онъ похороненъ навѣки. Только отбросы общества на сторонѣ стараго режима: взяточники, чиновники, удаленные нами, офицеры-шпіоны и все, прикосновенное къ султану, обезоруженному въ настоящее время... Да, агитація идетъ противъ насъ, но въ ней меньше турокъ, чѣмъ другихъ національностей. Прежде всего греки... И это понятно. Вѣдь они не только ничего не выиграли отъ конституціи, а очень много потеряли. У нихъ давно были особыя привилегіи, благодаря которымъ они составляли государство въ государствѣ. При старомъ режимѣ имъ было удобнѣе торговать. Товары они провозили безпошлинно, за бакшишъ. И имъ было выгодно наше невѣжество, которое они широко использовали...

— Вѣдь они смотрѣли на насъ сверху внизъ, какъ на низшую расу,—добродушно улыбаясь, говорилъ онъ и уже совсѣмъ не добродушно закончилъ:—Если они зайдутъ далеко, тѣмъ хуже будетъ для нихъ!..

Разговоръ перешелъ на другія темы, но, должно быть, затронутый мною вопросъ волновалъ его, и, словно отбиваясь отъ чьихъ-то нападеній, онъ снова обратился ко мнѣ:

— Ну, допустимъ были бы сохранены неприкосновенными всѣ старыя греческія привилегіи... Вѣдь это значитъ сохранить то насиліе, которое испоконъ вѣковъ творятъ они надъ православными другихъ національностей. Вамъ извѣстно, что они всегда яростно боролись съ балканскими славянами за свою гегемонію и всегда были противъ ихъ національнаго возрожденія. Вотъ и теперь у нихъ идетъ кровавая борьба за то же съ арабами въ Палестинѣ и Сиріи... Можемъ ли мы узаконить это? Гдѣ же тогда будетъ свобода, равенство? И развѣ можно допускать, чтобы было нѣсколько государствъ въ государствѣ? Возьмите дѣло народнаго образованія, судебную реформу,—все, все... Мы не противъ самодѣятельности отдѣльныхъ національностей, но должна быть одна государственная школа, одинъ законъ въ Турціи; должна быть дѣйствительная свобода, дѣйствительное равенство и братство.

Я поинтересовался, почему онъ такъ прекрасно говоритъ порусски. И онъ разсказалъ мнѣ трогательную исторію.

Молоденькимъ офицеромъ онъ былъ арестованъ въ Константинополѣ съ прокламаціями. Долго сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Ильдизѣ, а потомъ былъ отправленъ въ какой-то городокъ на Кавказской границѣ. Тамъ бросили его въ глубокую яму, на днѣ которой сочилась вода,—онъ открылъ ротъ и показалъ: тамъ выпали у него зубы; онъ прожилъ въ ямѣ 16 мѣсяцевъ. И вотъ въ это время у него зародилась мысль бѣжать въ Россію, которая была тутъ же рядомъ, а чтобы его не приняли за турка и не выдали, онъ рѣшилъ изучить русскій языкъ. На днѣ своей ямы, около году, все время, когда проникалъ къ нему свѣтъ, онъ неустанно училъ русскій языкъ. Друзья тайно доставляли ему книги, онъ успѣлъ не только выучиться русскому языку, но познакомиться и съ русской литературой. И какъ разъ наканунѣ дня, условленнаго для бѣгства, полученъ былъ приказъ освободить его и назначить офицеромъ въ гарнизонъ той самой крѣпости, гдѣ онъ сидѣлъ въ ямѣ. Онъ разсказывалъ довѣрчиво, какъ-то удивительно просто, и немножко наивно мнѣ, случайно встрѣтившемуся человѣку, о которомъ онъ могъ знать только одно, что я прикосновененъ къ русской литературѣ.

Ему незачѣмъ было бѣжать въ Россію, но онъ уже не могъ и уйти отъ нея: русская литература очаровала его, взяла его въ плѣнъ.

— Вы знаете,—говорилъ онъ мнѣ,—когда я читаю русскіе разсказы, я плачу...

Ему нравятся Толстой и Тургеневъ, хорошо пишетъ Горькій и Чеховъ; но больше всего любитъ онъ Гоголя, Пушкина и Лермонтова,—они больше ему нравятся, онъ ихъ больше понимаетъ. Молодой еще, бѣлокурый, съ кроткими свѣтлыми глазами и мягкими манерами, онъ говоритъ мнѣ, что мечтаетъ возвратиться опять на кавказскую границу, чтобы чаще видѣться съ русскими, что сына онъ непремѣнно станетъ учить русскому языку, чтобы сынъ его еще лучше зналъ русскую литературу и жизнь, и въ заключеніе вынулъ мнѣ изъ кармана маленькую брошюру, разсказъ «Молодая жизнь», который онъ перевелъ на турецкій языкъ и недавно напечаталъ.

Случайно разговорились мы на улицѣ съ молодымъ человѣкомъ въ какой-то военной формѣ, оказавшимся студентомъ медицинскаго факультета. Когда онъ узналъ, что я русскій докторъ, онъ чрезвычайно заинтересовался и вызвался проводить меня въ Ай-Софію, куда я направлялся. По дорогѣ онъ все разспрашивалъ меня, какъ мы учимся медицинѣ, можемъ ли мы окончить медицинскій факультетъ безъ знанія иностранныхъ языковъ, и съ огорченнымъ видомъ разсказывалъ, что ихъ заставляли учиться французскому и нѣмецкому языку, что только недавно освободили ихъ отъ этого «нехорошаго и труднаго» нѣмецкаго языка, и что приходится много тратить времени на чужой языкъ, а безъ французскаго обойтись

нельзя: на ихъ турецкомъ нѣтъ достаточно руководствъ. Мы болтали вплоть до Ай-Софіи, и вдругъ онъ предложилъ мнѣ вопросъ:

— А вы еще не видѣли моего дядю?—Онъ назвалъ фамилію. И на мое явное недоумѣніе пояснилъ:

— Его всѣ знаютъ. У него вотъ какая шапка сѣдыхъ волосъ,—онъ показалъ руками.—Онъ предсѣдатель албанскаго комитета,—мы албанцы. Онъ семь лѣтъ боролся за конституцію...

Къ сожалѣнію, я не видѣлъ его дяди, только потомъ въ газетахъ встрѣчалъ его, очевидно, громкую фамилію, но мнѣ было очень мило слушать наивные вопросы моего спутника и видѣть ту гордость своимъ дядей, которая горѣла на его лицѣ. Студентъ показалъ мнѣ Ай-Софію и довелъ до воротъ парламента,—у меня былъ билетъ на этотъ день—и, разставаясь, долго жалъ мнѣ руки, все просилъ меня пріѣхать въ медицинскую школу и обѣщалъ встрѣтить меня, показать мнѣ все и познакомить съ товарищами.

У нихъ другія, не наши манеры думать, чувствовать, говорить... Не одинъ Эдхемъ-паша говоритъ: «дѣти мои!» Бывшій великій визирь Хильми-паша, отвѣчая студентамъ демонстрантамъ, явившимся къ нему съ требованіемъ немедленно отыскать убійцу Гассана-Фехми, началъ свою рѣчь также:

— Дѣти мои!

И у нихъ другіе вкусы. Мнѣ вспоминается арабъ, основательно изучившій русскую литературу вплоть до Горькаго, который призналсл, что все-таки больше всего ему нравится въ русской литературѣ «Бѣдная Лиза».

Я читалъ повѣсть, печатавшуюся въ газетахъ какъ разъ передъ переворотомъ. Она—изъ высшаго общества—любила Джелаля, Джелаль любилъ ее... У нихъ, конечно, не было свиданій, но старая вѣрная служанка аккуратно переносила письма отъ него и отъ нея. Однажды утромъ она просыпается, счастливая, цѣлуетъ послѣднее письмо своего возлюбленнаго, гдѣ онъ обѣщаетъ черезъ два дня сдѣлать предложеніе ея родителямъ, въ это время является мать и велитъ дочери надѣвать ея лучшія одежды, такъ какъ ей сдѣлалъ предложеніе великолѣпный офицеръ, адъютантъ султана. И на всѣ мольбы дочери, не выдавать ее замужъ, такъ какъ она не хочетъ еще выходить замужъ, на мольбы отложить сегодняшній визитъ представителей жениха, мать упорно отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты знаешь, я тебя всегда баловала, а въ этомъ не уступлю. Это глупости, мы съ отцомъ лучше знаемъ.

Дѣло, конечно, окончилось трагически. Она умирала въ горячкѣ, въ саду пѣлъ соловей и — прелестная подробность константинопольскаго быта—«глухо ворчала подъ окномъ сонная собака». Молился надъ ней старый, почтенный ходжа: онъ выгонялъ злого духа изъ кровати, откуда онъ, очевидно, перешелъ въ тѣло и душу дѣвушки, и все-таки она умерла. И когда она умерла, мать предъ тѣмъ, какъ упасть въ обморокъ, долго кричала:

— Я ее убила! Я ее убила!..

Ставилась въ нынѣшній сезонъ первая пьеса новаго драматурга, молодого бея изъ общества. Передъ открытіемъ занавѣса авторъ вышелъ къ публикѣ и заявилъ, что это его первое произведеніе и что онъ ждетъ сочувствія общества, а въ концѣ прибавилъ, что онъ все-таки будетъ писать, если и не встрѣтитъ сочувствія.

На сценѣ—турокъ изъ хорошаго общества, жена—его превосходная турчанка. Соблазнительная европейская женщина увлекла въ свои сѣти пошатнувшагося въ добродѣтели турка и готовится разрушить семейный очагъ. Происходитъ въ послѣднемъ актѣ высокодраматичная сцена, гдѣ турчанка возвышенно и великолѣпно заявляетъ: «Я не хочу, не согласна ни на какіе компромиссы—она или я, выбирай!» Хотя и пошатнувшійся, но турокъ былъ добродѣтеленъ—оттолкнулъ отъ себя соблазнительницу и вернулся къ своей турчанкѣ. Авторъ напрасно предупреждалъ—сочувствіе было полное.

Я давно зналъ турокъ. Встрѣчался съ ними на войнѣ въ 77-мъ г., больше десяти лѣтъ наблюдалъ ихъ и имѣлъ съ ними дѣла въ Ялтѣ и, несмотря на старыя преданія о «вѣроломствѣ турокъ», «о турецкихъ звѣрствахъ», они всегда казались мнѣ внутренно честными и... кроткими.

И теперь, за время моей жизни въ Константинополѣ, всѣ тѣ, съ которыми я случайно познакомился, рядомъ съ которыми я пилъ кофе въ кофейняхъ Стамбула,—эти люди съ медлительными движеніями, съ тихой рѣчью, съ ясными, задумчиво смотрящими вдаль глазами,—всѣ они казались мнѣ важными и кроткими, медлительно и глубоко думающими, наивными и глубоко вѣрующими. И кажется мнѣ, что они медленно и задумчиво уходятъ отъ прошлаго и съ вѣрой и ожиданіемъ идутъ къ новому будущему. Слабые и нѣжные ростки новой жизни пробиваются черезъ толщу старой жизни, являются новыя манеры думать и чувствовать, медленно, но измѣняются нравы и обычаи, и новыя идеи и чувства загораются въ юныхъ сердцахъ, въ женскихъ душахъ. Да, у нихъ другіе, не наши манеры и вкусы... Быть можетъ, даже и наши тѣхъ давнихъ, пережитыхъ нами, давно забытыхъ нашихъ временъ, временъ Пушкина и Лермонтова, Бѣдной Лизы и болѣе раннихъ временъ, когда русскіе могли изучать науки только по нѣмецкимъ и французскимъ книгамъ... Мнѣ думается, что старый патріархальный строй, что тотъ турецкій классическій періодъ, которымъ Турція жила вѣка, завершилъ свою эволюцію, кончился, и теперь начинается періодъ мусульманскаго романтизма...

Но «голубому цвѣтку» турецкаго романтизма трудно расти изъ толщи и гущи стараго мусульманскаго классическаго уклада. Вышеупомянутый младотурецкій офицеръ говорилъ мнѣ, что онъ много разъ убѣждалъ свою жену выходить на улицу съ открытымъ лицомъ, какъ ходятъ европейскія женщины, что она желала этого и

радовалась этой возможности, но не рѣшалась и не рѣшилась, потому что странно, необычно, потому что боялась оскорбленій... Трудно прокладывать дорогу и новому политическому строю въ Турціи.

Старый режимъ. Еще недавно, меньше года, улицы Константинополя были полны шпіонами, быть можетъ, въ не меньшемъ количествѣ, чѣмъ собаками, и это были все мѣстные люди, тутошніе. Сотни лѣтъ чиновники-взяточники и всѣ, кто жилъ Ильдизкіоскомъ, вносили развратъ въ гражданскую, духовную и умственную жизнь страны,—и въ особенности въ жизнь Константинополя...

И они всѣ живы,—всѣ эти шпіоны и носители власти, старая опора султанскаго трона. Они живы, жадные, голодные и озлобленные на новый режимъ, лишившій ихъ шпіонскаго жалованья, кейфа оплачиваемыхъ и не требовавшихъ никакой работы должностей. Это—первые враги новаго строя и въ особенности младотурокъ. И какъ характерно то, что революція пришла въ Константинополь и принудила его подчиниться, такъ характерно и то, что контръ-революція вышла изъ Константинополя... И думается мнѣ, что даже подавленная она надолго еще останется здѣсь, гдѣ больше всего пахнетъ старымъ режимомъ, да, быть можетъ, еще отрыгнется въ дикихъ и темныхъ курдскихъ и иныхъ мѣстахъ...

И многое, многое, что осталось отъ стараго режима, чѣмъ былъ полонъ классическій періодъ турецкой исторіи, долго еще будетъ стоять на дорогѣ возрожденія Турціи, препятствовать ходу и росту новой исторіи, новому порядку жизни. Прежде всего глубокая тьма страны... Не въ курдскихъ ущельяхъ, въ самомъ Константинополѣ многіе изъ офицеровъ, выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ (такихъ, говорятъ, до 40%), не умѣютъ ни читать, ни писать и, какъ курьезъ, газеты сообщали, что назначенный послѣ переворота новый командующій гвардейскимъ корпусомъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Не менѣе невѣжественно... духовенство, пользующееся совершенно особеннымъ вліяніемъ въ Турціи,... А тутъ еще національный вопросъ, сложный и запутанный, около котораго сложились давнія традиціи, наросъ и окристаллизировался тяжкій слой давнихъ чувствъ, старинныхъ привычекъ мысли...

Да, не легко будетъ пробиться, укорениться и развиться росткамъ новой жизни...

«Ночь ужаса», какъ назвали ее газеты, прошла, и, повидимому, бѣлый день встаетъ надъ турецкой землей. Теперь, когда уже достаточно выяснился исходъ переворота, можно подвести итоги случившемуся.

Я не думалъ и не хотѣлъ сказать, что ахрары (либеральный союзъ) были враги конституціоннаго строя, что это—авторы и иниціаторы константинопольской контръ-революціи: они просто пришли

не въ то мѣсто, куда шли. «Совѣтъ нечестивыхъ», съ которыми они соединились, привелъ ихъ въ постыдное и грязное мѣсто, котораго они не желали.

Разные, повидимому, люди вошли въ либеральный союзъ. Были, повидимому, честолюбцы, которымъ лавры младотурокъ не давали спать; были греки, которые вели свою исключительную греческую линію; были волки въ овечьей шкурѣ, упрекавшіе Ахмета-Ризу въ предательствѣ и сознательно ведшіе либеральный союзъ именно къ предательству; но были, несомнѣнно, и искренніе люди, думавшіе, что они защищаютъ конституціонный строй отъ диктаторскихъ замашекъ младотурокъ и стремившіеся углубить и расширить идею будущаго турецкаго государства широкой постановкой національнаго вопроса. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по прошлому людей, принимавшихъ участіе... Напримѣръ, убитый редакторъ Гассанъ-Фехми былъ испытанный дѣятель революціи, вмѣстѣ съ Ахметъ-Ризой и Муратъ-беемъ долго боровшійся въ Парижѣ за дѣло освобожденія родины. Даже лидеръ либеральнаго союза, Измаилъ-Кемаль-бей, котораго обвиняли въ активной подготовкѣ переворота, являвшійся послѣ переворота къ султану со спискомъ желательнаго союзу кабинета министровъ, въ свое время былъ въ изгнаніи и едва ли можетъ считаться сторонникомъ стараго режима. Какъ разъ въ то засѣданіе, когда я былъ въ парламентѣ, за два дня до контръ-революціи, именно Измаилъ-Кемаль-бей произнесъ горячую рѣчь противъ обсуждавшагося въ тотъ день законопроекта о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній къ бродягамъ,—горячую рѣчь во имя цивилизаціи и справедливости, во имя достоинства турецкой націи, при чемъ рѣзко разошелся съ улемами и при голосованіи остался въ меньшинствѣ противъ большинства, поддержаннаго улемами. Въ томъ же засѣданіи проведено было сокращеніе *) цивильнаго листа султану и принцамъ крови, повидимому, при активномъ участіи Измаила-Кемаль-бея.

Ахрары, какъ я уже сказалъ, пришли не туда, куда хотѣли. Теперь они спохватились, но они уже покрыли себя неувядаемымъ позоромъ, и имъ долго не отмыться отъ той грязи, которой вымазались они въ союзѣ съ поборниками стараго режима и врагами конституціоннаго строя, и, вѣроятно, долго прогрессивному турку будетъ зазорно вступать въ какую бы то ни было партію, напоминающую либеральный союзъ, хотя бы она и преслѣдовала совершенно чистыя цѣли. Но этого мало, — они скомпрометировали не только себя, но и самую идею широкой постановки національнаго вопроса, что безконечно опаснѣе, и, быть можетъ, въ этомъ смыслѣ предустановили ближайшіе шаги побѣдителей-младотурокъ...

*) Послѣ переворота въ газетахъ приводилось глухое извѣстіе, что переворотъ произошелъ нѣсколько ранѣе назначеннаго срока... Не послужило ли именно это „дерзкое“ сокращеніе султанскаго бюджета причиной нѣкотораго ускоренія coup d'état?

Положеніе младотурокъ отъ этого не станетъ легче.

Изъ теократической, въ значительной мѣрѣ, общины Турція становится свѣтскимъ государствомъ. Это продиктовано не волей отдѣльныхъ людей, а государственной необходимостью, условіями историческаго момента, тѣмъ раззореніемъ и раздѣленіемъ государства, которое непрерывно совершалось и все прогрессировало въ продолженіе долгаго царствованія Абдулъ-Гамида. Нужно помнить, что, помимо идеалистическихъ стремленій, именно изъ этого—изъ повелительной необходимости уберечь государство отъ распада и создать государственный строй, который гарантировалъ бы цѣлость отечества,—и возникло революціонное младотурецкое движеніе, и что въ этомъ сила младотурокъ, что это стянуло къ нимъ всѣхъ искреннихъ и честныхъ патріотовъ, и даже тѣхъ людей, которымъ чужды идеалистическія стремленія, которымъ не дороги слова: свобода, равенство, братство.

И младотурки, эти турецкіе декабристы, прежде всего государственники, ихъ первая задача продиктована имъ жизнью—сковать крѣпкое государство. Но на этомъ пути они неизбѣжно и много разъ будутъ сталкиваться съ шаріатомъ, который просто не можетъ уложить въ себя и примирить съ собой идею новаго свѣтскаго государства, и на этомъ пути грядущій строй будетъ еще долго сталкиваться съ традиціями и переживаніями стараго классическаго періода. Только глубокое измѣненіе въ нравахъ и обычаяхъ,—то, что я назвалъ турецкимъ романтизмомъ — смоетъ преграды отъ стараго къ новому...

Младотурки не имѣли опыта въ прошломъ, у нихъ не было традицій, они взяли западно европейскую идею государства и, какъ Петръ Великій перенесъ цѣликомъ въ Россію идеи и формы нѣмецкаго государства, такъ, быть можетъ, они, такъ долго прожившіе въ Парижѣ *), такъ долго дышавшіе воздухомъ Франціи, принесли съ собой въ Турцію не просто европейскую государственную идею, а именно идею французскаго государства, наиболѣе централизованнаго государства, идею, не вполнѣ соотвѣтствующую бытовымъ и историческимъ условіямъ Турціи,—быть можетъ, они слишкомъ подстрочно перевели французскія слова на турецкій языкъ.

Между тѣмъ, имъ не уйти отъ національнаго вопроса, и не только отъ вопроса христіанскихъ національностей,—и албанцы, и арабы потребуютъ себѣ въ будущемъ государствѣ отгороженнаго мѣста для себя. Помимо мусульманскаго турецкаго,—у нихъ есть свой національный, я бы сказалъ, областной патріотизмъ. Тѣ же арабы, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, относятся нѣсколько сверху

---

*) Трудно представить себѣ размѣры распространенія французскаго языка и степень вліянія французской культуры на Востокѣ вообще и въ Турціи въ частности.

внизъ къ туркамъ, не такому чистому племени, какъ они, арабы; къ турецкому языку, сложившемуся изъ арабскаго, персидскаго и татарскаго; къ ихъ литературѣ, бѣдной и скудной въ сравненіи съ древней культурой арабовъ и ихъ богатой литературой. Жизнь потребуетъ отъ младотурокъ не только огромнаго такта, которымъ такъ богаты они, но и огромнаго творчества за свой страхъ, на свой манеръ,—новаго государство-строительства, гдѣ они не найдутъ указаній въ Европѣ, хотя бы въ той же Австріи, по сіе время не сумѣвшей справиться съ своимъ національнымъ вопросомъ.

Но они внутренно честны, они люди съ далекимъ взглядомъ глубоко думающіе и крѣпко вѣрящіе...

С. Елпатьевскій.

Трагедія писателя.

(Нѣсколько мыслей о Гоголѣ).

I.

24 іюля 1829 г., черезъ полгода съ небольшимъ послѣ пріѣзда въ Петербургъ изъ Полтавской губерніи, Гоголь писалъ своей матери:

«Маменька. Не знаю, какія чувства будутъ волновать васъ при чтеніи этого письма, но знаю только то, что Вы будете неспокойны... Перо дрожитъ въ рукѣ моей... непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ высказать всю глубину истерзанной души».

За этимъ слѣдуетъ цѣлая страница туманныхъ изліяній, послѣ которыхъ Гоголь сообщаетъ матери, что онъ влюбленъ.

«Я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня... Это божество, но облеченное слегка въ человѣческія страсти. Лицо, котораго поразительное блистаніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза, быстро пронзающіе душу, но ихъ сіянія жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ... Нѣтъ, это не любовь была... Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшей тоски, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ... Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужаснѣйшее состояніе... Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хоть тѣнь покоя въ мою истерзанную душу».

Впрочемъ, вслѣдъ за этими риторическими изліяніями юный Гоголь высказываетъ мнѣніе, что необыкновенная женщина послана ему Провидѣніемъ не напрасно: онъ не долженъ пресмы-

каться по канцеляріямъ; настоящій его путь—путь новыхъ наблюденій, новыхъ знаній и опыта. Какъ указаніе свыше, Провидѣніе и поставило передъ нимъ эту женщину, или даже не женщину, а «божество, Имъ созданное, часть Его самого». Ему необходимо было бѣжать. Куда же? За-границу. По этой причинѣ, получивъ деньги для внесенія въ опекунскій совѣтъ и узнавъ, что возможна отсрочка, онъ денегъ не внесъ, а купилъ пароходный билетъ и очутился въ Любекѣ.

Письмо это впослѣдствіи вводило въ заблужденіе біографовъ... У Петрарка была Лаура, у Данте—Беатриче, у Гете—Фредерика Бріонъ и г-жа фонъ-Штейнъ, у Гейне, Пушкина, Лермонтова—цѣлый рядъ поэтическихъ женскихъ образовъ, вдохновлявшихъ воображенія и заставлявшихъ сильнѣе биться сердца... Въ таинственномъ божествѣ, «облеченномъ слегка въ человѣческія страсти», взгляда котораго «не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ», біографы Гоголя хотѣли видѣть Александру Осиповну Смирнову...

Но Марья Ивановна Гоголь была проницательнѣе біографовъ. Она была женщина умная, знала сына и сама любила когда-то своего Василія Афанасьевича. Она помнила, какъ онъ игралъ ей за рѣчкой нѣжныя мелодіи и писалъ любовныя письма. Напыщенный, неискренній и холодный стиль въ письмѣ сына не могъ обмануть ее: это, очевидно, не любовь къ живой женщинѣ, а что-то другое. Что же именно? Просто попытка объясненія того обстоятельства, что оренбургскія деньги самовольно употреблены на поѣздку за-границу. Зачѣмъ? Марья Ивановна знала, что за-границу ѣздятъ лѣчиться. Петербургъ—городъ соблазнительный. Итакъ, ея сынъ поѣхалъ лѣчиться отъ... дурной болѣзни.

Отвѣтное письмо матери поразило сына, какъ громомъ. «Въ первый разъ въ жизни,—писалъ онъ 24 сент. 1829 года,—и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, я получилъ такое страшное письмо». Упрекая мать за ея предположенія, онъ прибавляетъ: «Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе изъ пламеннаго желанія быть полезнымъ, завлекли меня слишкомъ далеко»... Въ своемъ слишкомъ простомъ объясненіи Марья Ивановна, дѣйствительно, ошиблась: за-границу увлекала Гоголя не любовь и не болѣзнь, а писательскій инстинктъ.

Въ 1829 году Гоголь былъ двадцатилѣтнимъ юношей. Черезъ 3 года въ письмѣ къ школьному товарищу А. С. Данилевскому Гоголь прямо признается, что чувства сильной любви онъ не испытывалъ, и радуется этому: сильное чувство «превратило бы въ прахъ» его слабый организмъ. А еще лѣтъ десять позже, почти уже передъ смертью, больной, огорченный, усталый, онъ попытался, повидимому, сдѣлать предложеніе А. М. Віельгорской, съ которой велъ знакомство и дружескую переписку безъ всякихъ намековъ на какое-нибудь болѣе нѣжное чувство. На предложеніе послѣдовалъ отказъ, не вызвавшій, повидимому, особаго огорченія.

И это все: ни Лауры, ни Беатриче, ни Натальи Гончаровой. Ни семьи, ни профессіи, ни даже службы въ тѣ времена, когда все на Руси служило, не исключая писателей: Державинъ былъ губернаторомъ, И. И. Дмитріевъ—министромъ, Карамзинъ и Жуковскій—царедворцы. Даже Пушкинъ съ горечью и нетерпѣніемъ, но напрасно стремился скинуть придворный мундиръ и сошелъ въ могилу камеръ-юнкеромъ. Николай I не хотѣлъ понять, что можно быть только Пушкинымъ и ничѣмъ болѣе. Гоголь все-таки остался только Гоголемъ. «Могу сказать, — писалъ онъ въ 1836 году В. А. Жуковскому,—что никогда не жертвовалъ свѣту своимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не могли овладѣть моей душою и отвлечь меня отъ моей обязанности»... «Не писать для меня значило-бы не жить», — говорилъ онъ позже въ «Авторской исповѣди».

Гоголь былъ только писателемъ и не зналъ ничего другого въ жизни. Вся трагедія его короткаго, блестящаго и многострадальнаго существованія была цѣликомъ и исключительно трагедіей творчества: въ немъ были его радости, его страданія, съ нимъ связана ранняя гибель...

Тяжелая запутанная и удручающая трагедія... Перечитать четыре тома его переписки, тщательно собранной В. И. Шенрокомъ,—переписки темной, часто неискренней, какъ приведенное выше письмо къ матери,—значитъ, пережить отраженно настоящую душевную пытку. Задавшись нѣсколько лѣтъ назадъ этой трудной задачей, я помогалъ себѣ особымъ пріемомъ: прочитавъ рядъ писемъ за извѣстный періодъ, я бралъ затѣмъ книгу Гоголя-художника и прочитывалъ то, что онъ написалъ въ это-же время. Точно свѣтлый лучъ пронизывалъ мутную мглу, точно струя свѣжаго воздуха врывалась въ больничную палату, и можно было идти дальше темными закулисными путями этой страдальческой души: они получали объясненіе, освѣщеніе и оправданіе.

II.

Кто не помнитъ конца веселой Сорочинской ярмарки. Свадьба... «Отъ удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ съ длинными закрученными усами все обратилось къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами... Все неслось, все танцовало»... Но вотъ:

«Громъ, хохотъ, пѣсни слышатся все тише и тише, смычекъ умираетъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо... Не такъ-ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и

напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье. Въ собственномъ эхѣ слышитъ онъ уже грусть и пустынно и дико внемлетъ ему. Не такъ-ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ... Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему»...

Это написано въ 1829 году. Значитъ, этотъ крикъ щемящей тоски вырвался изъ груди двадцатилѣтняго юноши!..

Такихъ смѣнъ настроенія въ произведеніяхъ Гоголя очень много, и онѣ указываютъ на глубокую, прирожденную черту темперамента. Это было наслѣдство, полученное сыномъ отъ отца.

Василій Афанасьевичъ Гоголь представлялъ натуру парадоксальную и странную. «Васюта, слава Богу, по силѣ своихъ силъ и дарованій, успѣваетъ,—писалъ о немъ, малолѣткѣ, его учитель. — Я его понуждаю къ ученію, соображаяся всегда силамъ его тѣлеснымъ, которыя усматриваются невелики» *). Въ одномъ письмѣ къ Д. П. Трощинскому самъ Василій Афанасьевичъ объясняетъ свое отсутствіе на службѣ въ почтамтѣ, гдѣ онъ числился, тягостными и продолжительными припадками. Отголоски этихъ жалобъ звучали даже въ письмахъ къ невѣстѣ: «Милая Машенька, — слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце».

Судьба какъ будто щадила хрупкое созданіе. Существованіе Василія Афанасьевича складывалось тихо и спокойно. Полюбивъ дѣвушку, выросшую по сосѣдству, онъ сталъ ухаживать за нею поэтично и робко. «Когда я, бывало, гуляю съ дѣвушками по рѣкѣ Пслу,—разсказываетъ Марья Ивановна въ своихъ воспоминаніяхъ,—то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Нетрудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома»... Безхитростное ухаживаніе увѣнчалось успѣхомъ. Василій Афанасьевичъ женился, имѣлъ дѣтей и жилъ мирною жизнью, окруженный заботливой любовью жены и благорасположеніемъ сосѣдей. Вопросы высшаго порядка, повидимому, не тревожили простую душу. Онъ былъ прекрасный разсказчикъ, гостей умѣлъ смѣшить анекдотами, легко подмѣчалъ смѣшныя черты у людей, но смѣялся безобидно и благодушно. Легко сочинялъ стихи, но никогда не брался за это серьезно. Писалъ на малорусскомъ языкѣ комедіи, въ которыхъ являлся смѣшной украинскій чортъ, дьячокъ въ долгополомъ хитонѣ, неповоротливый дядько, лукавая молодица и т. д. Это былъ наивный репертуаръ первоначальнаго украинскаго театра. «Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени — говоритъ біографъ—вотъ все, что могъ искать тогдашній писатель въ родномъ быту, а Гоголь-отецъ очень умѣло и искусно почерпалъ изъ

*) П. Е. Щеголевъ. „Отецъ Гоголя. Историч. В-къ". Февр. 1902.

него элементы для своей комедіи». Въ мозгу отца, очевидно, роились тѣ-же образы, съ которыхъ сынъ впослѣдствіи началъ свою писательскую карьеру.

Въ характерѣ отца было какое-то раздвоеніе. Жизнь его текла спокойно. Въ тихой усадьбѣ, гдѣ началась его любовь, «амуры вѣнчали» его семейное счастіе. Простодушные сосѣди считали его анекдотистомъ, разсказчикомъ, весельчакомъ. Ни служебное, ни писательское честолюбіе не смущали его настроенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ мнителенъ, часто впадалъ въ меланхолію. Умеръ онъ на 45-мъ году жизни, повидимому, безъ опредѣленной болѣзни. Гоголь писалъ впослѣдствіи, что отецъ его умеръ не отъ болѣзни, а «отъ страха смерти».

Въ организаціи и въ темпераментѣ сына отецъ повторился въ увеличенномъ и болѣе яркомъ видѣ, маленькая картинка, запертая въ темномъ ящикѣ волшебнаго фонаря, свѣтится увеличенная на огромномъ экранѣ...

Съ дѣтства у Гоголя сказались тѣ же противорѣчія: онъ бывалъ то заразительно веселъ, остроуменъ, отлично игралъ на сценѣ, то впадалъ въ ипохондрію и отчаяніе. «Я почитаюсь загадкою для всѣхъ,—писалъ онъ матери,—никто не разгадалъ меня совершенно»... «Подъ видомъ иногда для другихъ холоднымъ таилось у меня желаніе кипучей веселости» и часто «въ часы задумчивости разгадывалъ я науку веселой счастливой жизни»...

Маленькій талантъ Гоголя-отца былъ безсознателенъ. Онъ употреблялъ его на увеселеніе сосѣдей и на украшеніе праздниковъ вельможнаго родственника Трощинскаго. Сынъ уже съ дѣтства ощущаетъ въ душѣ присутствіе чего-то важнаго, что должно сдѣлать его жизнь незаурядной жизнью простыхъ «существователей». И на-ряду съ этимъ стоитъ отцовскій страхъ смерти, которая можетъ помѣшать ему выполнить свое «предназначеніе». «Съ самыхъ лѣтъ почти непониманія,—пишетъ Гоголь своему дядѣ Косяровскому,—я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хоть малѣйшую пользу. Холодный потъ проскальзывалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ... Быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было бы ужасно»...

Это инстинктивное сознаніе дремлющей въ душѣ геніальности не сразу нашло форму для своего обнаруженія. Онъ знаетъ одно: онъ не будетъ простымъ «существователемъ». Онъ означитъ свою жизнь въ сферѣ общественной. Единственную возможность признанной общественной дѣятельности въ тѣ времена давала служба. «Перебравъ въ умѣ всѣ должности», Гоголь останавливаетъ выборъ на юстиціи. «Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрываетъ мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни (своей) не утерять, не сдѣлавъ блага. Испол-

нятся-ли высокія мои предначертанія? Или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей?» *).

Интересно, что въ фразѣ о краткости жизни слово *своей* вставлено сверху: восемнадцатилѣтній юноша отмѣтилъ, что это не общая сентенція, а личное предчувствіе. И это много разъ повторялось впослѣдствіи. «Я дорожу минутами своей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговѣчна» — пишетъ онъ, напр., В. А. Жуковскому въ 1837 году... «Увы! здоровье мое плохо, а гордые замыслы... О, другъ, если бы мнѣ на 5 лѣтъ еще здоровье»... Это писано въ 1838 году. Чрезъ пять лѣтъ онъ умеръ,— и въ обстоятельствахъ его угасанія, въ его неразгаданной до сихъ поръ болѣзни нельзя не увидѣть признаковъ того самаго «страха смерти», который свелъ въ могилу его отца.

III.

Въ августѣ 1831 года Пушкинъ писалъ Воейкову:

«Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность! Мнѣ сказывали, что когда издатель **) вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были-бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою».

Мы видѣли выше, какъ въ этой «истинно-веселой» книгѣ настроеніе способно внезапно перейти въ щемящую печаль. По свидѣтельству Гоголя, его веселье часто такъ же и рождалось изъ печали: взрывы хохота истекали фонтаномъ изъ меланхолическаго источника. «Причина той веселости,—которую замѣтили въ первыхъ моихъ сочиненіахъ,—пишетъ онъ въ «Авторской исповѣди»,— заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать самого себя, я... выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставляли

*) Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока, I, 89.

**) Въ то время часто автора книги называли „издателемъ".

смѣяться какъ-то беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости».

Въ другой разъ, касаясь своего творчества, Гоголь утверждаетъ, что онъ никогда не выдумывалъ. «У меня только то и выходило хорошо, что взято непосредственно изъ жизни, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ». Всѣ свои образы онъ писалъ не по непосредственному вдохновенію, а «по всестороннему соображенію». Это, повидимому, противорѣчіе... Гоголю вообще не всегда можно вѣрить въ его личныхъ показаніяхъ и объясненіяхъ: до такой степени они непроизвольно спутаны, не ясны и противорѣчивы. На этотъ разъ, однако, противорѣчіе только видимое, и объясняется оно во времени. Трудно, напримѣръ, объяснить происхожденіе разсказа «Носъ» иначе, чѣмъ непроизвольнымъ, почти инстинктивнымъ стремленіемъ къ простому созерцанію смѣшныхъ положеній: весело, спасаясь отъ хандры, слѣдить за возможными комбинаціями, истекающими изъ невозможнаго предположенія, что носъ титулярнаго совѣтника или,—какъ онъ себя именуетъ,—майора Ковалева сбѣжалъ съ его лица и сталъ совѣтникомъ статскимъ. И вотъ невозможное положеніе обростаетъ въ фантазіи необыкновенно яркими, жизненными подробностями. Эта безцѣльность, непроизвольность, стихійность творчества бьетъ ключемъ въ первыхъ молодыхъ произведеніяхъ Гоголя. Въ послѣдующихъ все больше и больше обдуманности. Взаимодѣйствіе обоихъ элементовъ достигаетъ гармоніи уже въ «Ревизорѣ». Въ первой части «Мертвыхъ Душъ» Бѣлинскій считаетъ это самымъ яркимъ признакомъ геніальности. Во второй части «замыселъ», и притомъ фальшивый, получаетъ рѣшительное преобладаніе надъ стихійнымъ творчествомъ. Въ концѣ—остается одинъ замыселъ, уже не находящій образа...

Пушкинъ, обладавшій, дѣйствительно, орлинымъ критическимъ взглядомъ, скоро замѣтилъ всю сложность гоголевскаго смѣха. «Гоголь—великій меланхоликъ»,—опредѣлилъ онъ темпераментъ своего младшаго товарища, а Бѣлинскій первый примѣнилъ къ нему въ литературѣ терминъ «смѣхъ сквозь слезы». Гоголь довольно долго еще не понималъ всего значенія своего смѣха. Видя, что онъ нравится, заражаетъ, доставляетъ успѣхъ, онъ порой давалъ волю стихійной способности. Даже о самомъ глубокомъ изъ своихъ произведеній онъ вначалѣ писалъ Пушкину: «Началъ «Мертвыхъ душъ». Сюжетъ... кажется, будетъ сильно смѣшенъ». И его, повидимому, удивило, что на Пушкина смѣшной сюжетъ подѣйствовалъ иначе.

«Когда я началъ читать Пушкину первыя главы «Мертвыхъ Душъ»,—пишетъ Гоголь въ «Авторской исповѣди»,—то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи..., началъ понемногу становиться все сумрачнѣе... Когда чтеніе кончилось, онъ произ-

несъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Вообще, Пушкинъ первый заставилъ его, по собственному признанію Гоголя, «взглянуть на дѣло серьезно», указалъ глубокое значеніе его смѣха, и черезъ нѣкоторое время ученикъ даже преувеличилъ значеніе сознательнаго элемента въ своемъ творчествѣ,—о стихійныхъ произведеніяхъ своей юности онъ сталъ отзываться съ пренебреженіемъ. «Я не издамъ ихъ («Вечеровъ на хуторѣ»),—писалъ онъ Погодину въ 1883 году.—Я даже позабылъ, что я—творецъ этихъ вечеровъ. Да обрекутся они неизвѣстности, пока что-нибудь великое, художническое не изыдетъ отъ меня». И не только о «Вечерахъ», но и о такихъ произведеніяхъ, какъ «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», онъ отзывался впослѣдствіи, какъ о произведеніяхъ незрѣлыхъ, нравящихся только широкому кругу; но истинные цѣнители (самъ авторъ, Пушкинъ, Жуковскій) не могутъ не видѣть ихъ недостатковъ. Это, конечно, потому, что Гоголь чувствовалъ въ нихъ присутствіе одного стихійнаго таланта, безъ яснаго представленія важности писательства, какъ «служенія».

Уже «Ревизоръ» писался иначе, съ значительной примѣсью сознательной цѣли и «всесторонних соображеній». Въ «Ревизорѣ»—пишетъ онъ въ «Авт. исповѣди»,—я рѣшился собрать все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаютъ въ тѣхъ мѣстахъ и тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости—и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ».

Съ этого произведенія и раскрывается глубокая трагедія въ душѣ Гоголя.

IV.

О первомъ представленіи «Ревизора» мы имѣемъ противорѣчивыя свидѣтельства современниковъ. Одни говорятъ о колоссальномъ успѣхѣ: театръ дрожалъ отъ хохота. Другіе считаютъ успѣхъ далеко неполнымъ и сомнительнымъ. По свидѣтельству П. В. Анненкова, высоко-чиновная и аристократическая публика перваго представленія недоумѣвала. «Какъ будто находя успокоеніе въ томъ, что дается фарсъ, большинство зрителей остановилось на этомъ предположеніи. Раза два или три раздавался общій смѣхъ. Но уже къ четвертому акту смѣхъ становился робкимъ, пропадалъ. Аплодисментовъ почти не было. Напряженное вниманіе къ концу четвертаго акта переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Автора, правда, вызывали. Нѣкоторые за то, что «все таки виденъ талантъ». Простая публика за то, что авторъ ее насмѣшилъ. Но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: это невозможность, клевета, фарсъ»... Въ огромномъ большинствѣ печатныхъ

отзывовъ автора упрекали за то, что въ его комедіи одни отрицательные типы: нѣтъ добродѣтельнаго человѣка, на которомъ могло бы «успокоиться нравственное чувство». За смѣхомъ Гоголя самодовольные представители тогдашняго общества почувствовали нѣчто болѣе простого фарса и не могли простить генію, потревожившему ихъ филистерское спокойствіе.

Во время перваго представленія комедіи Бомарше происходило то-же. «Французы, какъ дѣти,—сказалъ одинъ изъ зрителей, глядя на бѣснующійся противъ автора театръ:—брыкаются, когда ихъ умываютъ». И, однако, это не помѣшало «Фигаро» стать безсмертной сатирой, до сихъ горъ не утратившей своего значенія. Такое-же вѣяніе безсмертія можно было угадать и въ этомъ все стихающемъ смѣхѣ, и въ напряженномъ вниманіи, и въ недовольствѣ «избранной публики». Былъ, однако, человѣкъ, который понялъ и предсказалъ это безсмертіе: Бѣлинскій, тогда мало извѣстный критикъ не особенно распространенной «Молвы», написалъ восторженный отзывъ, въ которомъ съ изумительной глубиной оцѣнилъ значеніе комедіи. «Удивительно, говорилъ онъ, какъ это никто не замѣчаетъ того благороднаго лица, котораго требуютъ и не находятъ въ пьесѣ. Оно въ ней есть. Это Смѣхъ, очищающій и возвышающій Душу».

Итакъ, противъ Гоголя было «большинство» печати и «избраннаго общества». Общество неизбранное просто смѣялось, инстинктивно радуясь осмѣянію представителей всѣхъ угнетавшаго строя. Наконецъ, меньшинство съ сознательнымъ восторгомъ привѣтствовало геніальнаго сатирика и протягивало ему руку... Вокругъ комедіи кипѣли страстные споры, она давалась при переполненномъ театрѣ, актеры вырабатывали все яснѣе безсмертныя гоголевскія фигуры, ихъ изреченія становились стереотипными, какъ нѣкоторые стихи Грибоѣдова, и созданные Гоголемъ образы вростали въ понятія...

А въ это время самъ авторъ чувствовалъ себя угнетеннымъ и подавленнымъ... неудачей «Ревизора»... Правда, онъ замѣтилъ статью Бѣлинскаго и въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ», защищаясь противъ нападокъ, онъ приводитъ въ числѣ другихъ и мысль Бѣлинскаго о благородномъ смѣхѣ. Но въ глубинѣ его души были недовольство и тоска. Интересно, что въ письмѣ къ Пушкину Гоголь винитъ въ своемъ настроеніи «соотечественниковъ»: «Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не видитъ моихъ страданій». И въ другомъ: «Ѣду за границу, тамъ размыкать тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ быть подальше отъ своей родины». Но въ матеріалахъ Шенрока приведено письмо къ «одному литератору», написанное по поводу перваго представленія. Въ немъ Гоголь такъ изображалъ свое нравственное состояніе: «съ самаго начала... я

уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ бывшихъ въ театрѣ я боялся, и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я *слышалъ упреки и ропотъ* противъ своей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе»...

Итакъ, «единственный судья» осудилъ пьесу, вокругъ которой закипѣла борьба старой и новой Руси. Въ спорѣ друзей и враговъ своего геніальнаго произведенія Гоголь, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, склонился по внутреннему рефлексу на сторону враговъ *).

Чтобы понять эту новую странность въ парадоксальномъ характерѣ величайшаго изъ русскихъ сатириковъ, надо проанализировать нѣкоторые его взгляды. Онъ былъ великій художникъ, до конца жизни питавшій благоговѣйное преклоненіе передъ искусствомъ. На свою работу онъ смотрѣлъ, какъ на общественную службу.

Какъ-же понималъ онъ задачи искусства? И что разумѣлъ подъ общественной службой?

V.

Есть одно произведеніе Гоголя, далеко не лучшее въ художественномъ отношеніи, но, быть можетъ, самое душевное въ смыслѣ уясненія тогдашнихъ взглядовъ. Это «Портретъ». Написанъ онъ въ 30-хъ годахъ, а въ началѣ 40-хъ появился въ значительно исправленной и дополненной редакціи. Эти дополненія развиваютъ и поясняютъ то, что только намѣчено въ первомъ изданіи, и такимъ образомъ на все произведеніе можно смотрѣть, какъ на обнаруженіе взглядовъ, долго залегавшихъ въ душѣ поэта и развивавшихся въ ней годами.

Содержаніе повѣсти, конечно, читателямъ извѣстно, и я коснусь его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Талантливый молодой художникъ получаетъ заказъ: написать портретъ злого ростовщика, котораго все населеніе Коломны считаетъ колдуномъ, чѣмъ-то даже въ родѣ антихриста. Художникъ соглашается, но по мѣрѣ работы чувствуетъ непонятную тяжесть, которая мѣшаетъ ему воспроизводить интересную натуру. Въ концѣ концовъ онъ бросаетъ работу успѣвъ вполнѣ закончить одни глаза; зато эти глаза написаны такъ правдиво, что глядятъ съ полотна, тревожатъ и не даютъ покоя. Ростовщикъ умоляетъ художника окончить портретъ, увѣряя, что отъ этого зависитъ его жизнь: въ портретѣ онъ останется жить вѣчно. Теперь онъ будетъ жить только на половину. Художникъ рѣшительно отказывается, коломенскій колдунъ умираетъ, но не весь. На половину онъ живетъ въ страшномъ портретѣ, который

---

*) Въ статьѣ о «Перепискѣ съ друзьями» это отмѣчено еще Бѣлинскимъ.

переходитъ изъ рукъ въ руки, принося съ собой владѣльцамъ несчастія и порождая въ нихъ дурныя стремленія...

Сознавая, что своей гибельно-правдивой картиной онъ совершилъ тяжкій грѣхъ, художникъ удаляется въ далекую пустыню и дѣлается монахомъ. Узнавъ, что въ мірѣ онъ былъ живописцемъ, настоятель предлагаетъ ему написать запрестольный образъ Богоматери. Художникъ отказывается. Не потому, что онъ отрицаетъ искусство. Нѣтъ, по прежнему онъ считаетъ, что талантъ высокій даръ Бога. Но онъ осквернилъ свой талантъ *слишкомъ правдивымъ изображеніемъ зла* и теперь долженъ очиститься. Только послѣ трудныхъ духовныхъ подвиговъ онъ приступаетъ къ работѣ и создаетъ чудное святое произведеніе. Самъ онъ тоже являетъ всѣ признаки святости... Сыну, который посѣтилъ его передъ смертью (онъ художникъ, какъ и отецъ), святой старецъ преподаетъ свои взгляды на искусство: для искусства нѣтъ ничего низкаго. «Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все своей кисти. Но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія». Все значеніе искусства—въ примиреніи... «Для успокоенія и *успокоенія всѣхъ* нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства. Оно не можетъ *поселить ропота* въ душу, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу... Но— есть минуты... темныя минуты...» И онъ разсказываетъ сыну о великомъ преступленіи своей кисти, когда онъ «насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, *быть вѣрнымъ природѣ*. Это не было созданіе искусства и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ, при взглядѣ на него, суть уже *мятежныя чувства*, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышетъ покоемъ»... Инокъ заключаетъ свой разсказъ просьбой: если сыну случится увидѣть гдѣ-нибудь этотъ роковой портретъ, при созданіи котораго онъ старался быть вѣрнымъ природѣ безъ мысли о «примиреніи»,—онъ *долженъ его уничтожить.*

Въ этомъ разсказѣ,—который былъ изданъ въ окончательной редакціи почти одновременно съ первымъ томомъ «Мертвыхъ душъ»—Гоголь говоритъ не прямо отъ себя. Поэтому и взгляды его за это время внутренняго перелома высказаны и цѣльнѣе, и искреннѣе, чѣмъ въ многочисленныхъ личныхъ изліяніяхъ. Въ «Ревизорѣ» и въ «Мертвыхъ душахъ» онъ изобразилъ тогдашнюю Русь, и она взглянула на всѣхъ тѣмъ же страшнымъ взглядомъ, едва прикрытымъ покровомъ смѣха, какимъ портретъ даже сквозь занавѣсъ глядѣлъ на бѣднаго Чарткова. И эта страшная правда не несла примиренія. Наоборотъ—будила смятеніе и мятежъ... Онъ, какъ его художникъ-инокъ, считаетъ это грѣхомъ противъ искусства. Искупить этотъ грѣхъ можно только высокимъ подвигомъ примиренія. А если не удастся... Онъ попытается уничтожить свое произведеніе...

Къ этому разладу между взглядами на цѣли искусства и сати-

рическимъ геніемъ присоединился другой. Гоголь съ юности, какъ мы уже видѣли, стремился приносить пользу «на службѣ». «Мысль о службѣ,—писалъ онъ въ «Исповѣди»—никогда у меня не пропадала».—Одно время онъ мечталъ, что ему дадутъ какую-то особую, еще небывалую должность примирителя. Такой должности, конечно, по штатамъ не полагалось, но Гоголь понялъ, что въ его рукахъ великій даръ, при помощи котораго онъ можетъ «сослужить также службу». И онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на состоящаго уже на службѣ. Кому?..

Конечно,—государству. Въ такую именно ограниченную формулу онъ заключилъ въ раннемъ письмѣ къ дядѣ свои стремленія, и она осталась у него до конца жизни. И это понятно. Общество, какъ самостоятельная часть народа, въ сущности, еще и въ наши дни не получило окончательнаго оффиціальнаго признанія, а въ началѣ того столѣтія Павелъ Петровичъ считалъ, что это крамольное понятіе можетъ быть устранено изъ дальнѣйшей русской исторіи,—стоитъ только запретить употребленіе самаго слова «общество». Были чиновники, военные, были помѣщики, которые разсматривались какъ 40 тысячъ деревенскихъ полицеймейстеровъ; былъ, наконецъ, простой народъ, безгласный, безличный и порабощенный. Начиная снизу, гдѣ помѣщикъ являлся патріархальнымъ владыкой съ неограниченнымъ фактически правомъ надъ судьбой крестьянъ, и доверху—Россія представляла огромное помѣстье, съ верховнымъ патріархомъ-государемъ на вершинѣ. Служить этому государству, значило, въ сущности состоять «на царской службѣ». Гоголь и считалъ поэтому, что со своимъ художественнымъ геніемъ онъ долженъ стать чѣмъ-то вродѣ «писателя Его Императорскаго Величества»

Служба предполагаетъ, конечно, жалованіе. И, дѣйствительно, въ 1837 году Гоголь, работавшій въ Римѣ надъ «Мертвыми Душами», пишетъ Жуковскому: «Если бы мнѣ такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ Академіи художествъ, живущимъ («командированнымъ» В. К.) въ Италіи или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся при нашей церкви... Найдите случай указать какъ нибудь Государю на мои повѣсти: «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Тарасъ Бульба»... Всѣ недостатки, какими они изобилуютъ, вовсе не примѣтны для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина... Если-бы ихъ прочелъ Государь. Онъ-же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплыя чувства»...

Уже въ самомъ выборѣ повѣстей, которыя Гоголь предлагаетъ вниманію государя,—замѣтна, кромѣ нѣкотораго пренебреженія къ нему, какъ къ цѣнителю, также и система: Царь уже зналъ «Ревизора», но служебныя права свои Гоголь видитъ не въ немъ и даже не въ «Мертвыхъ Душахъ», надъ которыми работалъ, а въ теплыхъ, то есть «примиряющихъ чувствахъ». Это условіе писательской службы совершенно совпадало съ взглядами самого

Гоголя на искусство, и съ тѣми идеальными отношеніями между искусствомъ и властью, которыя высказаны въ «Портретѣ».

«Шекспиры и Мольеры—говоритъ его инокъ-художникъ,—процвѣтали подъ великодушнымъ покровительствомъ, между тѣмъ какъ Дантъ не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; истинные геніи возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ»... «Государямъ *нужно* отличать поэтовъ, ибо одинъ только *миръ и благодатную тишину* низводятъ они въ душу, а не волненіе и ропотъ». Поэтому «ученые, поэты и всѣ производители искусствъ суть перлы и брилліанты въ императорской коронѣ. Ими красуется и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя».

Въ ноябрѣ того-же года Гоголь радостно сообщаетъ, что его обращеніе услышано, и 5 тыс. рублей, пожалованные великодушнымъ государемъ, дадутъ ему возможность работать 1½ года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ серьезное обязательство выполнить служебнымъ образомъ свое писательское предназначеніе. Николай I былъ человѣкъ цѣльный. Онъ готовъ былъ признать, что геніальные писатели дѣйствительно полагаются по штату въ благоустроенномъ государствѣ, какъ одна изъ изящныхъ принадлежностей короны. Въ виду этого онъ приковалъ Пушкина къ придворному этикету и дѣлалъ подарки Гоголю. Но писатели—народъ недисциплинированный. Когда умеръ Карамзинъ, царь осыпалъ щедротами его семью. Жуковскій попросилъ того же для семьи убитаго на дуэли Пушкина. Николай отвѣтилъ, что тутъ есть разница: «Карамзинъ умеръ, какъ ангелъ», а Пушкинъ и жилъ, и умеръ строптивцемъ. Гоголь тоже не совсѣмъ годился въ брилліанты. Онъ все только обѣщалъ прославить Россійскую державу, а пока съ его произведеній глядѣли только страшно правдивые и мрачные глаза рабской и темной страны... И потому, когда Гоголь умеръ, а Тургеневъ позволилъ себѣ въ печатномъ некрологѣ назвать его великимъ писателемъ, то онъ былъ сначала арестованъ, а затѣмъ высланъ съ фельдъ-егеремъ въ свое имѣніе.

Но это было впослѣдствіи, а пока Гоголь искренно намѣревался покрыть рядъ отрицательныхъ образовъ апоѳеозомъ и идеализаціей. Геніальный сатирикъ,—впрочемъ, по собственному вызову и согласно своему теоретическому пониманію искусства, — принималъ своеобразную командировку въ страну примиряющаго идеализма, съ цѣлью принести оттуда новыя украшенія россійскому «государству»...

В. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Элегія Леонида Андреева.

(„Черныя маски").

Сколько затрачено таланта и изобрѣтательности на эти сложные образы, на эти грузныя сложныя аллегоріи! Чуть не столько же труда затратить долженъ и читатель, чтобы за всей этой громоздкостью увидѣть, а тогда, конечно, и почувствовать живую страдающую мысль и понять ея право одѣться въ маски-формулы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это не аллегорическое поученіе, не дидактика, а горькая элегія въ драматизированныхъ формахъ. Герцогъ Лоренцо ди Спадаро освѣтилъ свой замокъ—свою душу, и вмѣстѣ съ враждебными черными масками вы имѣете полную возможность проникнуть въ этотъ замокъ, гдѣ отъ непрошенныхъ и незванныхъ масокъ стало вдругъ и холодно и темно. Если вы захотите этого, для васъ станетъ яснымъ, что «Черныя маски»—элегія о человѣческой душѣ.

Передъ вами произведеніе сверхъ-зашифрованное и въ то же время—обнаженное. Зашифрованное—по формѣ; обнаженное—по существу. Авторъ «Черныхъ масокъ», прикрывшись маской, вводитъ насъ въ интимнѣйшую область своихъ переживаній. Онъ какъ-бы боится стать слишкомъ открытымъ для нашего глаза и въ то же время *хочетъ* подѣлиться чѣмъ-то интимно пережитымъ, переболѣвшимъ въ сознаніи.

Вы не можете не чувствовать этого, читая «Черныя маски».

Сцена за сценой онѣ переносятъ въ область несомнѣнно интимнаго.

Передъ вами *выводы* о человѣкѣ, которыхъ авторъ не захотѣлъ скрыть ни отъ себя, ни отъ васъ... И становится жаль, что написано такими тяжелыми символами, похожими на шифръ... Кто захочетъ и у кого хватитъ желанія расшифровывать эту элегію о всеобщемъ «я» — съ черными масками? Нужно, конечно, быть не просто читателемъ, а ищущимъ отвѣта, чтобы хотѣть это разгадать. Нужно интересоваться этой сложной загадкой, носящей прославленное имя Леонида Андреева, чтобы остановиться и найти ключъ къ этому сложному живому литературному образу. Но кто этого потребуетъ отъ читателя массоваго? И читатель будетъ по своему правъ, когда не сдѣлаетъ такихъ попытокъ, а просто закроетъ книгу, такъ загадочно написанную...

Раньше, чѣмъ мы прочли драму, намъ пришлось слышать ее въ чтеніи, въ выдержкѣ, изъ устъ самого автора... Вышелъ Леонидъ Андреевъ. Раздался громъ—именно громъ—аплодисментовъ.

Горячо привѣтствовали, быть можетъ, тѣ же самые слушатели, которые такъ недавно были горячи по отношенiи къ Максиму Горькому, а теперь—такъ безпощадно холодны... А онъ—властитель теперешнихъ симпатiй—точно обезпокоенный этими горячими выраженiями «связи» между нимъ и залой, торопливо поспѣшилъ сѣсть за столъ и невнятно сталъ читать, какъ герцогъ ди Спадаро убилъ половину самого себя; убилъ, положилъ въ гробъ и упрашивалъ лежать спокойно. Одна половина убила другую.

Мы слышали, но не поняли.

Тогда это не было ясно. Не было извѣстно даже, что придетъ синтезъ и примиритъ обѣ половины въ безумiи герцога Лоренцо, и безумный герцогъ будетъ трогательно увѣрять всѣхъ, что въ его душѣ нѣтъ никакихъ змѣй, и что онъ—рыцарь Святого Духа. Какъ же могутъ думать, что онъ способенъ славить Сатану... Тогда это было еще не ясно... Ясно было только что-то подкупавшее въ неискусномъ чтенiи автора. Было—или казалось—чувство какой-то неопредѣленной, но грустной симпатiи къ читавшему о Лоренцо.

Впрочемъ, и «казалось», быть можетъ, только для насъ лично, сроднившихся съ *фактомъ* его душевной смятенности.

Пусть будетъ такъ. Будемъ говорить только за себя.

И говоря только за себя, мы должны сказать, что первое чувство при первомъ знакомствѣ съ Л. Андреевымъ, съ его первыми вещами было во многомъ не въ пользу. Слишкомъ много эффекта—въ его позахъ. Поза отпугивала. Но чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе было, что поза—позой, что за этой расхолаживающей позой—подлинное человѣческое страданiе. И мимо него нельзя уже было пройти.

Ясно стало, что авторъ субъективно правъ, утверждая, что на свѣтѣ нѣтъ ничего лживѣе логики, когда ею *мѣряютъ человѣческую душу*.

Это сполна должно быть приложено къ нему такъ же, какъ къ герцогу ди Спадара, открывшему радостно свою душу всѣмъ впечатлѣнiямъ жизни и увидѣвшему, что на зовущiй свѣтлый огонь прилетѣли незванные и нежеланные гости хаоса, заполнили постепенно весь замокъ, затушили массой своей огонь радости, остудили душевное тепло и гимны Богу подмѣнили гимномъ Сатанѣ.

Бѣдный герцогъ пытается протестовать, когда ему представляются одинъ за другимъ всѣ эти пришельцы, повидимому, столь чужiе и чуждые, но аттестующiе себя то «сердцемъ» Лоренцо, то его «мыслями», то «ложью», живущей въ немъ...

Мы тайна для самихъ себя. Были тайной для мудрецовъ, жившихъ тысячи лѣтъ назадъ, и остаемся тайной и сейчасъ. Мы способны одинаково на паденiе и на подвигъ самопожертвованiя

на гнусное и величаво-прекрасное, передъ чѣмъ можно «преклонить колѣни»... Мы окружены «тьмой» Леонида Андреева. Но тьма побѣдима, все-таки побѣдима. Для единицъ. Изъ нея все-таки *можно* уйти. Это могутъ—«рыцари *Святого Духа*».

Какъ это возможно, *узналъ* Лоренцо Леонида Андреева, фантастическій герцогъ Спадары. Узналъ по печальному опыту своей жизни.

Юный герцогъ, радостный поэтъ и благочестивый «рыцарь Святого Духа», не хотѣлъ стѣснять доступа въ свой веселый замокъ-душу. Замокъ былъ освѣщенъ и всякій, кто хотѣлъ, могъ явиться на призывные огни замковой башни, не доказывая своего права быть гостемъ «замка».

Хозяинъ «горитъ восторгомъ предвкушенія». Онъ приметъ въ своемъ «замкѣ» весь міръ и извѣдаетъ сполна радость общенія съ вольными пришельцами отвсюду. Ни одна сторона души, ни одно чувство не будутъ оставлены втунѣ. Всѣ принесутъ свою радость бытія: каждое новое переживаніе—свою особенную радость.

Но результаты раскрытости замка оказываются далекими отъ восторговъ предвкушенія.

Сначала, когда являются гости, замаскированные такъ безобразно и отталкивающе, хозяинъ только шутитъ, спрашивая у масокъ:

«Скажите мнѣ, мои красавицы, гдѣ же вашъ женихъ Дьяволъ?» Маски въ тонъ, но серьезно отвѣчаютъ:

«Идетъ за нами».

Лоренцо продолжаетъ шутить, бесѣдуя съ замаскированными гостями. Онъ и раньше зналъ, что въ числѣ гостей будутъ разные непріятные видомъ персонажи, и самъ предупреждалъ жену объ этомъ, уговаривая не пугаться масокъ: «... все это только шутка, все это только *наши друзья!* И мы такъ славно посмѣемся».

Въ этой увѣренности Лоренцо и шутитъ съ масками, несмотря на вызывающій и почти оскорбительный тонъ, принятый гостями по отношенію къ «хозяину» замка.

Къ нему подходитъ очаровательная — одна изъ немногихъ— маска:

Лоренцо. Кто вы, синьора, я васъ не знаю?

Маска. Я твоя ложь, Лоренцо.

Лоренцо (смѣясь). Развѣ можетъ быть ложь такъ прекрасна, какъ вы, дорогая синьора? И вы ошибаетесь: *во мнѣ нѣтъ лжи, я ненавижу ложь*, синьора. Если бы вы знали мысли Лоренцо, его чистыя и свѣтлыя мечты, его душу, поющую въ небесахъ, какъ весенній жаворонокъ надъ разлившимся Арно...

Но едва Лоренцо сослался на свои мысли, на свои «чистыя и свѣтлыя мечты»,—къ нему

...подползаетъ Нѣчто многорукое, многотонное, лишенное образа и формы. И говоритъ многими голосами.

Нѣчто.— *Мы* твои *мысли*, Лоренцо.

Лоренцо.—Какая дерзкая шутка, синьоры. Но вы мои гости, я пригласилъ васъ...

Многорукое, многоголосое Нѣчто немедленно парируетъ любезный отвѣтъ хозяина, заявляя, что теперь онъ не хозяинъ.

Нѣчто. Мы твои *хозяева*, Лоренцо. Этотъ замокъ нашъ.

Лоренцо почти ошеломленъ дерзостью гостей и спѣшитъ уйти отъ многорукаго, именующаго себя «хозяиномъ» самого герцога Спадары.

Онъ не вѣритъ злымъ замѣчаніямъ гостей, но онъ уже встревоженъ... Это чудовище—*его* мысли! Эта красавица—его *ложь!*

Но вотъ еще двѣ маски.

Одна явилась въ красномъ съ обвившейся черной змѣей; другая изображала паука съ «тупыми жадно свирѣпыми глазами».

Обѣ маски представились Лоренцо въ качествѣ его «сердца»: и маска со змѣей соблазна, и мучитель-паукъ съ жадно свирѣпыми глазами...

«...Вы ошиблись, синьора, это не мое сердце. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ змѣй»,—отвѣчаетъ Лоренцо маскѣ со змѣей.

«Этотъ черный, мохнатый паукъ, это отвратительное чудовище, на зыбкихъ колеблющихся ногахъ, эти тупые жадно-свирѣпые глаза,—это мое сердце? О нѣтъ, синьоръ,—возражаетъ символическій герцогъ и маскѣ „пауку". Мое сердце полно любви и привѣта. Въ моемъ сердцѣ такъ же свѣтло, какъ въ этомъ замкѣ, который такъ радушно встрѣчаетъ васъ, мои странные гости».

Онъ, Лоренцо, ни для кого «не паукъ». Ни отъ кого онъ не беретъ любви и преданности, не платя взамѣнъ тѣмъ же. Онъ вѣренъ и неизмѣненъ въ своей любви, какъ вѣренъ и постояненъ—по отношенію къ своей «Францескѣ», живому символу любви въ *высшемъ*, морально-сложномъ значеніи...

Но вотъ хозяину замка представляются послѣдовательно нѣсколько женщинъ, и всѣ называютъ себя именемъ его жены, Францески. Пока онъ говорилъ съ одной, съ первой, онъ былъ увѣренъ, что для него можетъ быть на свѣтѣ только одна Францеска, его Францеска... «Изъ тысячи женщинъ я узнаю мою возлюбленную по глазамъ»... И бѣдный герцогъ Спадары призналъ свою Францеску въ первой замаскированной, назвавшейся именемъ Францески. И ей пожаловался, какъ жестоко клевещутъ на его сердце, на его мечты, на его мысли—всевозможные уроды—маски... Но вотъ подошла другая Францеска, такъ же точно себя именующая. Подошла третья. И у всѣхъ тѣ самые глаза, по которымъ онъ собирался узнавать «изъ тысячи женщинъ»...

Казалось, «Францеска» можетъ быть только одна единственная,

съ единственными въ мірѣ глазами—зеркаломъ единственной въ мірѣ души. Но вотъ доказательство: герцогъ Спадары можетъ принять за Франческу любую подошедшую къ нему женщину. Каждая изъ женщинъ, назвавшихся именемъ Франчески, представляется ему «единственною изъ тысячи» Франческой. Онъ *потерялъ* свою Франческу.

Той единственной Франчески, которая жила въ его душѣ: казалось, что жила; той Франчески, которой герцогъ Спадары посвящалъ свои пѣсни: «Моей сестрѣ, моей невѣстѣ...»; той Франчески, самое имя которой казалось осіяннымъ, имѣло исключительный смыслъ и внутреннее значеніе, больше нѣтъ для Лоренцо. Единственная Франческа! Онъ знаетъ, что это была лишь очаровательная ложь. У всѣхъ одни и тѣ же «глаза»; всѣ въ равной мѣрѣ «Франчески...» Но что же значитъ въ такомъ случаѣ то *исключительное* у человѣка, что разумѣется подъ словомъ «Франческа»?.. Со смѣхомъ, въ которомъ уже «звучитъ безуміе», Лоренцо объявляетъ гостямъ: «Посмѣйтесь, дорогіе гости: у меня была жена, ее звали донна Франческа, и я потерялъ ее...»

Оказываются правы двѣ маски, называвшія себя сердцемъ Лоренцо—маска со змѣей и паукъ.

«*Теперь* ты узнаешь свое сердце, Лоренцо?»—говорятъ онѣ, и Лоренцо бѣжитъ съ символическимъ крикомъ: «Прочь, исчадія тьмы!» Ибо *возразить* онъ ничего не можетъ.

Правы маски!

Здѣсь снова приходится повторить: жаль, что «Черныя маски» написаны такъ, какъ написаны... Изъ того, что мы прочли, нетрудно было вынести впечатлѣніе, что авторъ касается того мучительнаго вопроса, который былъ задѣтъ имъ въ «Безднѣ» и «Въ туманѣ», вопроса объ отношеніи половъ. Но все, что сказано въ «Маскахъ», зарыто въ такой грудѣ символовъ, что по существу остается несказаннымъ... Говоритъ авторъ, утверждаетъ съ тяжелымъ, больнымъ чувствомъ. Но что именно?—это вы должны расшифровывать: на свои тяжелыя переживанія авторъ надѣлъ маски символовъ...

Но возвратимся къ символическому маскараду, когда Лоренцо принялъ въ свой замокъ-душу всѣ впечатлѣнья бытія, считая ихъ равно желанными и цѣнными.

Лоренцо старается успокоить себя. Въ концѣ концовъ все это только «кажется»; все это маскарадъ, который онъ принялъ слишкомъ серьезно... У него есть область, куда онъ можетъ уйти за доказательствами, что его мысли и сердце—мысли и сердце «рыцаря Святого Духа». Онъ—поэтъ и музыкантъ: у него готовы стихи и музыка къ нимъ, только что написанные, какъ разъ для задуманнаго сегодняшняго праздника. Съ «печальною» улыбкой, «трогательный» и «довѣрчивый»—по ремаркамъ автора—Лоренцо

просить гостей прослушать то, что онъ написалъ, изливъ свое подлинное, настоящее «я».

Музыканты — тоже оказывающіеся въ маскахъ — начинаютъ играть «гимнъ Богу», т. е. то, что хотѣлъ написать Лоренцо.

Красивыми, нѣжными, безоблачно-ясными, какъ глаза ребенка, мягкими аккордами начинается аккомпаниментъ. Но съ каждой послѣдующей фразой, которую поетъ замаскированный, музыка становится отрывистѣе, безпокойнѣе, переходитъ въ крики и хохогъ, *въ трагическую безсвязность чувствъ.* Заканчивается она торжественнымъ и мрачнымъ гимномъ.

Это—прошлое и настоящее Лоренцо. Въ прошломъ—по дѣтски безоблачная самооцѣнка; въ настоящемъ—постепенное открытіе въ «замкѣ» всевозможныхъ «масокъ», живущихъ въ душѣ. Все на лицо въ «замкѣ»: красивая «ложь»; «сердце», способное забывать то, что—казалось—запечатлѣно въ немъ навѣки; «мысли», способныя говорить разными голосами, оправдывая все, что угодно; «паукъ», готовый использовать чужую жизнь для надобностей паука...

Замаскированный (поетъ): «Моя душа—заколдованный замокъ. Свѣтитъ солнце въ высокія окна—изъ лучей золотыхъ оно ткетъ золотистые сны.— Глядитъ-ли печально луна въ туманныя окна—въ серебристыхъ лучахъ—серебристые сны.

Пока все идетъ такъ, какъ хочетъ поэтъ и музыкантъ Лоренцо. Но скоро оказывается, что пѣвецъ—тоже въ маскѣ—отъ себя прибавилъ что-то къ пѣснѣ Лоренцо, обращаясь отъ его имени къ Сатанѣ, какъ къ «властителю міра»! *Этого* рыцарь Святого Духа не въ состояніи перенести. Ему, славившему Духа Святого, приписывается такая вещь, какъ гимнъ Дьяволу! И это встрѣчается насмѣшливымъ согласіемъ со стороны слушателей, которые, казалось бы, должны знать, кто онъ, Лоренцо: вѣдь онъ-то безъ маски, вѣдь онъ-то никогда не скрывалъ того, что думалъ и чѣмъ жилъ въ творческихъ возсозданіяхъ своихъ...

Нельзя освободиться отъ впечатлѣнія, что въ этихъ «печальныхъ» и «довѣрчивыхъ» словахъ Лоренцо многое относится къ намъ, читателямъ «Черныхъ масокъ», не всегда умѣвшимъ разобраться, къ чему зоветъ онъ, Леонидъ Андреевъ, въ своемъ творчествѣ; между тѣмъ онъ самъ всегда считалъ себя *только* «рыцаремъ Святого Духа».

Ты лжешь, пѣвецъ. Я, Лоренцо, герцогъ ди-Спадаро, *рыцарь Св. Духа*, никогда не могъ назвать владыкой міра Сатану. Дай сюда ноты. Я моей шпагой научу тебя читать.

Герцогъ выхватываетъ у пѣвца ноты, но съ ужасомъ читаетъ. Пѣвецъ правъ. Все это, на самомъ дѣлѣ, написано въ нотахъ и написано его собственной рукой.

Лоренцо. Это ложь. Кто-то поддѣлалъ мой почеркъ, синьоры. Я этого не писалъ никогда. Клянусь всемогущимъ небомъ, синьоры,—клянусь святой

памятью матери моей,—клянусь моимъ рыцарскимъ словомъ: здѣсь таится какой-то гнусный обманъ. Слова подмѣнили, сеньоры.

. . . .

Замаскированный (поетъ): «*Въ черной глубинѣ моего сердца* я воздвигну тебѣ престолъ, о Сатана. Въ черной глубинѣ *моей мысли* я воздвигну тебѣ престолъ, о Сатана.

. . . .

Лоренцо (кричитъ). Во имя Божіе, синьоры! Насъ всѣхъ обманули. Это не мой пѣвецъ, это не Ромуальдо, это кто-то невѣдомый—его послалъ сюда Сатана. Что-то страшное случилось, синьоры!

Голосъ. Онъ пѣлъ твою пѣсню, Лоренцо.

Второй голосъ. Твоими устами онъ исповѣдывалъ Сатану, герцогъ ди-Спадаро.

Въ пѣснѣ—почти все содержаніе «Черныхъ масокъ»... Грустный тонъ ея—какъ разъ настоящій тонъ всей пьесы: «трогательный», «довѣрчивый» и «печальный...» Вотъ передъ вами и Лоренцо, герцогъ Спадары, и его пѣсня, его творческое «я», которое онъ искалъ выразить въ наиболѣе яркой, ясной и красочной формѣ. Онъ говорилъ о томъ, что для него свято; говорилъ убѣжденно и искренно. Но въ пѣсню вмѣшалась какая-то лишняя часть, незнакомая самому автору... На-лицо призывъ къ Дьяволу. Откуда онъ? Лоренцо не знаетъ. Онъ только проситъ вѣрить, что онъ этого не писалъ, не говорилъ, *не могъ* написать. Онъ можетъ только просить объ этомъ вопреки очевиднаго—вопреки текста.

Лоренцо (*прижимая руки къ груди*). Это ужасная неправда, синьоры. Вы только подумайте, мои дорогіе гости, какъ могъ я, герцогъ Лоренцо, рыцарь Святого Духа, сынъ крестоносца.

И мы вѣримъ, хотя такъ же, какъ и самъ Лоренцо, не знаемъ еще, откуда взялась эта вставка въ честь Дьявола въ пѣснѣ рыцаря Божьяго.

.... Герцогъ Спадары искренно вѣрилъ въ божественность своихъ непосредственныхъ побужденій. Но пришли черныя тѣни, созданныя жаждой жить, и произвели—вѣрнѣе, открыли ему—тотъ хаосъ, который живетъ нъ душѣ человѣка, такъ чудовищно сближая *потребность* въ Добрѣ съ *способностью* ко Злу. И нѣтъ ужъ ни радости, ни увѣренности, *твердой* увѣренности: «Кто же—на самомъ дѣлѣ—властитель міра: Сатана или Богъ?»

«И кто же я, тотъ, что называлъ себя Лоренцо?»

Впрочемъ, это традиціонное раздѣленіе на два начала—божеское и дьявольское—Андреевъ употребляетъ только по привычкѣ къ этимъ обозначеніямъ. Страшное для него въ душѣ человѣческой—отсутствіе ясныхъ началъ и того, и другого. Сталкиваясь съ «масками», герой Андреева убѣждается, что божеское и дьявольское далеко не исчерпываютъ міра. Кромѣ «масокъ» опредѣленныхъ, символизирующихъ какъ «сердце», «ложь», «мысли», на призывные огни замка явились еще и «черныя маски». Маски, имѣющія опредѣленный видъ, обращаются къ этимъ пришельцамъ

съ вопросомъ: «Вы отъ Сатаны?» и получаютъ въ отвѣтъ: «Кто такой Сатана?», Пришельцы не знаютъ никакого хозяина и никакого Сатаны. Они утверждаютъ, что ихъ никто не посылалъ: они сами пришли «изъ ночи». Этихъ пришельцевъ, многочисленныхъ и мрачныхъ, *боятся* опредѣленныя видомъ маски. И не напрасно боятся. *Именно онѣ*, черныя маски, тушатъ веселый огонь въ замкѣ Лоренцо.

Въ душѣ человѣческой, по Андрееву, живетъ нѣчто болѣе страшное, чѣмъ «дьявольское»—по вульгарной терминологіи. Живетъ нѣчто *невѣдомое,* не поддающееся никакой моральной классификаціи, но доводящее Лоренцо до отчаянія своей неисчислимой мощностью.

Не удалось спасти отъ черныхъ масокъ *ни одного* огня; все затушили онѣ, и въ «замкѣ» перваго дѣйствія наступаетъ абсолютная «тьма».

Праздникъ самосознанія кончился. Кончилась иллюзія относительно внутренняго *единства* души.

Дальше—второе дѣйствіе символической пьесы.

Теперь Лоренцо воочію видитъ, что существуетъ и *другой* Лоренцо.

Кромѣ «Лоренцо бывшаго» на сценѣ оказывается еще и «Лоренцо вошедшій»—теперешній, вооруженный анализомъ.

Происходитъ борьба двухъ Лоренцо.

Сцена этой борьбы, вплоть до убійства одной половины «я» другой половиной того же «я», написана тяжело и неясно, даже по сравненію со всѣмъ остальнымъ текстомъ «Черныхъ масокъ».

Ясно только, что въ происшедшей борьбѣ падаетъ Лоренцо, который радостно позвалъ въ свою душу *всѣ* человѣческія переживанія, разсчитывая извлечь изъ нихъ одну только радость. Все еще съ именемъ Бога на устахъ «Лоренцо бывшій» падаетъ подъ ударами «Лоренцо вошедшаго», пораженный въ самое сердце...

Л. Андреевъ хочетъ еще показать «Лоренцо бывшему», чего онъ, рыцарь Святого Духа, стоитъ въ *дѣлахъ* своихъ, свершавшихся «во имя Божіе». Для этого авторъ «Черныхъ масокъ» заставляетъ побѣжденнаго лечь въ гробъ и терпѣливо выслушать, что будутъ говорить о лежащемъ тѣ, что будутъ думать о немъ, какъ безвозвратно умершемъ.

У всѣхъ, оказывается, есть тысяча упрековъ и, быть можетъ, это не только результатъ злословія. «Ужасна правда дѣлъ человѣческихъ». Это справедливо и относительно него, Лоренцо, владѣтельнаго герцога Спадары. Онъ когда-то шелъ освобождать Гробъ Господень и набиралъ для этого воиновъ. А этихъ воиновъ забивали на смерть во время выучки, когда онъ, Лоренцо, еще только «собирался» освобождать святое мѣсто. И много такихъ горькихъ признаній слышитъ погибшій Лоренцо отъ пришедшихъ ему поклониться.

Намъ уже приходилось говорить—до появленія «Черныхъ масокъ»—о своеобразномъ пессимизмѣ Леонида Андреева *). Его пессимизмъ познавательнаго характера: онъ безсиленъ понять жизнь. Для него жизнь и міръ—хаосъ. Но онъ враждебенъ этому хаосу, и борьба съ хаосомъ привлекаетъ его внутренней красотой своей. Какъ художникъ, онъ не можетъ подвести логическія или соціологическія основанія подъ это чувство владѣющей имъ красоты; въ этомъ отношеніи онъ, повидимому, безнадежный пессимистъ- Но Sehnsucht этой красоты все-таки живетъ въ немъ, окрашивая его отношеніе къ міру.

Вспомните хоть Человѣка: какъ онъ *красивъ* у Л. Андреева въ тотъ моментъ, когда посылаетъ вызовъ Нѣкому въ сѣромъ, полный вѣры въ себя.

Вспомните «Разсказъ о семи повѣшенныхъ». Развѣ этотъ разсказъ, на первый взглядъ, не чудо въ настроеніи *Леонида Андреева*? Что дѣлалъ онъ въ качествѣ художника на протяженіи десяти лѣтъ? Всматривался въ людей и по-одиночкѣ, и въ массѣ и всегда приходилъ къ одному и тому же безотрадному выводу: тому же, что и Лоренцо: «Ужасна правда дѣлъ человѣческихъ». Человѣкъ—рабъ; человѣкъ—звѣрь; человѣкъ—безсильная жертва хаоса. Хаотиченъ міръ. Хаотиченъ и самъ человѣкъ. Все въ немъ такой же хаосъ, какъ и внѣ его, и попытка приглядѣться къ себѣ, къ своему «замку» душевному, обнаружитъ великое множество всяческихъ масокъ и трагикомическихъ недоразумѣній. Очень возможно, что окажутся полностью два «я», совершенно независимыя и совершенно противоположныя. Одно будетъ «во имя Божіе»; другое—во имя дьявола. И если между ними окажется споръ, то сильнѣе вооруженнымъ окажется второе «я»... Очень везможно, что во всякомъ данномъ человѣкѣ живутъ «черныя маски», которыя страшнѣе всякихъ традиціонныхъ дьяволовъ, живутъ и сторожатъ подходящій моментъ, чтобы хлынуть въ «замокъ», потушить огонь и превратить «безупречнаго» юношу—въ героя «Бездны»: совершится нѣчто такое, возможность чего юноша, съ искреннимъ негодованіемъ, отвергъ бы за полчаса передъ тѣмъ; и нѣтъ просвѣта, повидимому, для автора «Стѣны». Вездѣ хаосъ и все хаосъ. И вдругъ этотъ хаосъ разрѣзанъ «Разсказомъ о семи», какъ библейскими словами: да будетъ свѣтъ! Все вѣрно: хаосъ есть, грязь есть, мерзость человѣческая есть. Но есть и люди, изображенные святыми! Почти противорѣчіе въ жизнеотношеніи Андреева. Но въ дѣйствительности нѣтъ его, нѣтъ никакого противорѣчія. Хаосъ есть, грязь есть и мерзость есть, но есть и побѣдитель хаоса: огонь энтузіазма, который примиряетъ автора «Раз-

*) Въ рефератѣ, прочитанномъ на Андреевскомъ вечерѣ: „Ненависть и любовь къ людямъ у Л. Андреева" (напечатанъ въ „Бодромъ Словѣ"—1909, 3—4 кн).

сказа о семи» съ непреложнымъ фактомъ хаоса и заставляетъ говоритъ о внутреннемъ Огнѣ въ людяхъ почти съ молитвеннымъ настроеніемъ. Да «Разсказъ о семи» и есть почти «житіе» о побѣдителяхъ хаоса въ душахъ человѣческихъ?

Эта побѣда—чудо, но это чудо *есть*, и его *жаждетъ* авторъ «Бездны».

Героямъ «Разсказа о семи», какъ и всѣмъ, конечно, угрожали «маски». Тоже летѣли невѣдомыя и непрошенныя въ раскрытый «замокъ» юношеской души, но онѣ оказались побѣжденными. Какъ это случилось съ героями «Разсказа», мы не знаемъ. Но мы знаемъ это, въ символическихъ намекахъ, какъ это произошло у Лоренцо: произошло—уже послѣ того, какъ «Лоренцо бывшій» оказался разбитымъ—«Лоренцо вошедшимъ».

Спасаетъ его та часть «я»,—то дѣятельное начало въ человѣческой душѣ, которое отзывается на впечатлѣнія жизни то смѣхомъ, то слезами, то энтузіазмомъ. Для Лоренцо это шутъ Экко. Именно Экко призываетъ къ жизни *убитаго* Лоренцо.

Въ своихъ глазахъ Экко давно не шутъ (Это—прекрасная аллегорія въ честь человѣческаго смѣха, такъ близко соединеннаго со слезами и энтузіазмомъ). Онъ напоминаетъ герцогу Спадары, что тотъ когда-то въ шутку посвятилъ его въ рыцари, коснувшись мечомъ. Но прикосновеніе меча не можетъ быть шуточнымъ, и Экко настаиваетъ на своемъ правѣ быть рыцаремъ Святого Духа. Пусть онъ горбатъ и смѣшонъ, но онъ все-таки такой же рыцарь Святого Духа, какъ и самъ владѣтельный герцогъ Спадары... Когда пораженнаго въ сердце Лоренцо «Божьяго» уложили уже въ гробъ, вмѣстѣ со всѣми онъ пришелъ къ гробу, но не за тѣмъ, чтобы укорять, а лишь позвать Лоренцо къ жизни.

«Перестань быть мертвымъ, возьми мечъ, и мы вдвоемъ пойдемъ съ тобою, какъ два рыцаря».

И Экко, именующій себя «смѣхомъ и слезами Лоренцо», оказывается самымъ вѣрнымъ товарищемъ. Онъ всюду будетъ съ Лоренцо, «переставшимъ лежать въ гробу».

О пережитой борьбѣ «двухъ» Лоренцо свидѣтельствуетъ только кровавая рана на груди: «мое сердце пробито насквозь».

...Теперь передъ нами опять «одинъ» Лоренцо, но Лоренцо «безумный»—по общему признанію окружающихъ.

Для всѣхъ признакомъ этого безумія служитъ фактъ, что Лоренцо не узнаетъ никого изъ окружающихъ.

Нужно ли подчеркивать прозрачный символъ «безумія» Лоренцо? Развѣ этотъ эпитетъ не имѣетъ широкой распространенности? Развѣ не прилагается ко всѣмъ, кто не знаетъ жизни, кто способенъ видѣть одного только символическаго Бога, не умѣя «трезвымъ умомъ» расцѣнивать и взвѣшивать? Развѣ не настоящіе безумцы тѣ, кому посвященъ «Разсказъ о семи»?

Безумный Лоренцо знаетъ, въ чемъ была ошибка прежняго Лоренцо.

Онъ снова освѣщаетъ свой «замокъ»; снова велитъ спустить всѣ мосты, ведущіе въ замокъ, чтобы всѣ имѣли возможность придти; онъ снова созываетъ гостей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ шлетъ *вызовъ ночи*, окружающей замокъ. Теперь пришельцы ночи-хаоса встрѣтятъ нѣчто страшное для нихъ: «настоящій *живой* огонь» энтузіазма (подвига, самопожертвованія):

...вся ночь смотритъ на насъ. И мы покажемъ ей, синьоры, *что значитъ яркій и живой огонь*!

Огонь зажженъ Экко.

Черныя маски, какъ и раньше, хлынули въ замокъ и попытались потушить огонь. Но теперь они встрѣчаютъ не огонь радостей бытія, а страшный для нихъ Огонь энтузіазма. «Видны ихъ безуспѣшныя старанія проникнуть внутрь, ихъ молчаливая глухая борьба съ огнемъ, легко и свободно отбрасывающая ихъ. Вновь и вновь наступаютъ онѣ и, корчась отъ боли, прядаютъ назадъ».

Безумный Лоренцо побѣдилъ черныя маски.

Но огонь разгорается въ пожаръ, обнимающій весь замокъ. Лоренцо гибнетъ въ этомъ пожарѣ вмѣстѣ съ Экко.

Лоренцо умираетъ «безумнымъ» по общему признанію. И тѣмъ не менѣе его безуміе — осіянное безуміе, внушающее «почти всѣмъ»—по ремаркѣ—готовность «преклонить колѣни» передъ Богомъ Лоренцо.

Его жена, его Франческа, лишь потому отказывается раздѣлить гибель Лоренцо, что она будетъ матерью.

Во имя вашего сына, котораго я ношу въ чревѣ моемъ, — я покидаю васъ, Лоренцо, и отказываюсь отъ счастія умереть съ вами. Но я разскажу вашему сыну, Лоренцо, какъ призвалъ васъ къ себѣ Всевышній и Онъ благословитъ ваше имя.

Такъ кончается торжественный гимнъ въ честь «живого огня», написанный пессимистомъ Л. Андреевымъ.

И снова приходится пожалѣть, что такая искренняя, такая горячая, такая задушевная вещь написана такъ зашифрованно, что остается для многихъ закрытою книгой.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. ***Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ Спб.*** Всеобщая библіотека. Каждый вып. 10 к. Вып. № 19. ***А. Марлинскій*** (А. А. Бестужевъ). Наѣзды. Повѣсть 1613 г.—Вып. 20, 21. ***Евг. Марлиттъ.*** Вторая жена. Романъ.—Вып. 22, 23. ***А. Чирецкій.*** Патріархъ Никонъ. Его жизнь и дѣятельность.—Вып. 24, 25, 26. ***К. Байэ.*** Исторія искусствъ. — Вып. 27. ***Артуръ Шницлеръ.*** Зеленый попугай. Подруга жизни. Двѣ пьесы.—Вып. 28, 29. ***Г. Бичеръ Стоу.*** Хижина дяди Тома.—Вып. 30. ***Густавъ Флоберъ.*** Иродіада. Легенда о Юліанѣ Милостивомъ.—Вып. 34. ***Э. Мюнцъ.*** Рафаэль. Его жизнь и произведенія.—Вып. 35. ***Фр. Шиллеръ.*** Избранныя стихотворенія.—Вып. 36. ***Н. А. Римскій-Корсаковъ.*** Біографическій очеркъ.—Вып. 37. Слово о полку Игоревѣ. Классное изд.—Вып. 38. Народныя движенія въ Россіи· II. ***В. А. Никольскій.*** Разиновщина.—Вып. 39, 40. ***Ренэ Базенъ.*** Возрождающаяся земля. Романъ.—Вып. 42. ***В. Шекспиръ.*** Макбетъ. Трагедія. — Вып. 43. Проф. ***П. Н. Кудрявцевъ.*** Римскія женщины.—Вып. 44. ***Мишель Реймонъ.*** Микель Анджело.—Вып. 46. Проф. ***Габріэль Сайэль.*** Ліонардо да Винчи.—Вып. 47. Кн. ***Н. Б. Долгорукая.*** Ея записки. Поэмы ***И. И. Козлова*** и ***К. Ѳ. Рылѣева.***

Изд. ***О. Богдановой.*** Спб. 1909 г. Проф. ***Т. Цигенъ.*** Физіологическая психологія въ 15 лекціяхъ. 3-ье русское изд. Пер. Вл. Динзе. Ц. 1 р. 50 к.

Книгоизд. ***„Всемірная библіотека“.*** Одесса. 1909 г.

П. Гиршбейнъ. Земля. Пьеса въ 3-хъ актахъ. Ц. 10 к.—***Іенсъ Петеръ. Якобсенъ.*** I. Могенсъ. II. Выстрѣлъ въ туманѣ. Ц. 10 к.—***Габріэле д'Аннунціо.*** Сонъ въ весеннее утро. Ц. 10 к.

Библіотека ***И. Горбунова-Посадова.*** Мск. 1909. ***В. Лонгъ.*** Охота безъ ружья. Разсказъ. Ц. 15 к.—***Л. Н. Толстой.*** Разсказы и сказки. Ц. 75 к.—***С. Т. Семеновъ.*** Изъ жизни Макарки. Ц. 35 к.—***И. Горбуновъ-Посадовъ*** и ***В. Лукьянская.*** Другъ животныхъ. Гуманитарно-зоологическая хрестоматія. Ц. 85 к.—Золотая царевна. Сборникъ сказокъ. Ц. 35 к.—***Е. Горбуновой*** и ***В. Лукьяновой.*** Для крошечныхъ людей. Изд. 2-е. Ц. 80 к.—Поѣхали. Ц. 15 к.—Наши лошадки. Ц. 15 к.—Жизнь и приключенія лягушки-квакушки. Ц. 25 к.—Гадкій утенокъ. Ц. 25 к.

Кн-во ***„Звѣзда“.*** Мск. 1909 г. ***Іонасъ Ли.*** Собр. соч. Т. I. Бракъ. Романъ. Ц. 1 р.—***Гансъ Вегенеръ.*** Грядущее поколѣніе. Половая проблема въ воспитаніи дѣтей. Ц. 75 к.

Изд. ***Т-ва „Знаніе“.*** Спб. 1909 г. ***В. Чарнолускій.*** Основные вопросы внѣшкольнаго образованія въ Россіи. Ц. 60 к.

Книгоизд. ***„Космосъ“.*** Мск. 1909. Образовательная библіотека. ***Г. фонъ-Соденъ.*** Палестина и ея исторія. Ц. 60 к.—Проф. ***Мейманъ.*** Введеніе въ современную эстетику. Пер. подъ ред. и съ пред. Ю. И. Айхенвальда. Ц. 60 к.

Изд. ***Н. Н. Михайловскаго.*** Спб. 1909. Изд. 4-е. Полн. собр. соч. ***Н. К. Михайловскаго.*** Т. III, IV, V. По 2 р. за томъ.

Изд. Т-ва ***„Міръ“.*** Мск. 1909. ***Карусъ Штерне.*** Эволюція Міра. Вып. I. Подъ ред. В. К. Агафонова. Съ дополнительными статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова.

Книгоизд. ***„Матезисъ“.*** Одесса. 1909. Проф. ***В. Циммерманъ.*** Объемъ шара, шарового сегмента, шарового слоя. Ц. 25 к.—Проф. ***Г. Ковалевскій.*** Введеніе въ исчисленіе безконечно-малыхъ. Ц. 1 р.—Проф. ***О. Леманъ.*** Жидкіе кристаллы и теоріи жизни. Ц. 40 к.—***С. Томсонъ.*** Добываніе свѣта. Ц. 50 к.—Прив.-доц. Б. П. Вейнбергъ. Снѣгъ, иней, градъ, ледъ и ледники. Ц. 1 р.—Проф. ***I. Гейбергъ.*** Новое сочиненіе Архимеда. Ц. 40 к.—Проф. А. Риги. Электрическая природа матеріи. Ц. 30 к.—***П. Лакуръ*** и ***Я. Аппель.*** Историческая физика. Пер. съ нѣм. Вып. V и VI.

Изд. *„Новости Всемірной Литературы"*. Мск. *Е. Шойенъ*. Бѣлая рабыня. Романъ. Ц. 1 р.

Книгоизд. *„Освобожденіе"*. Спб. 1909. *Эрнстъ Геккель*. Происхожденіе человѣка. Перев. съ 10 изд. Ц. 50 к.

А. Свирскій. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва *„Общественная Польза"*. Спб. 1909 г. *А. М. Өедоровъ*. Разсказы. Ц. 1 р.

Книгоизд. *„Пантеонъ"*. Спб. 1909. XIX в. Полн. собр. соч. *Гюи де-Мопассана*. Т. III. Исторія одной жизни. Ц. 30 к.—*В. И. Засуличъ*. Вольтеръ. Ц. 80 к.—*Сергѣй Маковскій*. Страница художественной критики. Кн. 2-я. Современные русскіе художники. Ц. 1 р. 75 к.

А. Клоссовскій, проф. Импер. Новоросс. ун-та. Метеорологія. (Общій курсъ). Ч. I. Статическая метеорологія.—*Его-же*. Послѣдняя страница журналовъ. Метеорологическое Обозрѣніе. Одесса. 1908 г.

С. Н. Ковалевскій. Проблема половъ на основаніи опытовъ произвольнаго вліянія на полъ зародыша млекопитающихъ. Харьковъ. 1908 г.

Н. К. Мельникова. (Сибиряка) Разсказъ въ афоризмахъ и афоризмы въ разсказѣ Спб. 1908 г. Ц. 90 к.

Д. Мережковскій. Въ тихомъ омутѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Б. Николаевъ. Философская бесѣда медика, математика и юриста. Спб. 1908 г. Ц. 10 к.

Сергѣй Орловскій. Сказаніе объ аломъ цвѣткѣ. Драма. 1909 г. Ц. 80 к.

Л. В. Современное воздухоплаваніе, его культурное, экономическое и политическое значеніе. Кіевъ. 1909 г. Ц. 40 к.

Пережитое. Сборникъ, посвященный общественной исторіи евреевъ Россіи. Т. I. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Ю. В. Португаловъ. Къ психологіи русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 годовъ. Оренб. 1908 г. Ц. 1 р.

Проф. *М. М. Тарѣевъ*. Евангеліе. Основы христіанства. Т. II. Изд. 2-ое. Сергіевъ Посадъ. 1908 г. Ц. 2 р.

Евгенія Турже-Туржанская. Родная Русь. Сказки, разсказы и пьесы. Въ пользу брошенныхъ дѣтей г. Москвы. Смоленскъ. 1908 г. Ц. 60 к.

К. Ө. Тіандеръ. Культурное пьянство и древнѣйшій алкогольный напитокъ человѣчества. Спб. 1908 г.

А. Чер—нъ. У великаго писателя. Яросл. 1908 г. Ц. 20 к.

Е. Чебышева-Дмитріева. Отзвуки, страсти и муки. Спб.

В. Шарновъ. Золотыя Двери. Книга лирики. Мск. 1909 г. Ц. 75 к.

Проф. А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ. Юрьевъ. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. С. Юрьевичъ. Университетъ неизвѣстнаго города.

Книгоизд. *„Утро"*. Мск. 1909 г. *Н. Н. Златовратскій*. Избр. разсказы для юныхъ читателей. Ц. 80 к.

Книгоизд. *„Цѣнность Жизни"*. *Е. Дюрингъ*. Любовь въ изображеніи великихъ поэтовъ. Пер. Ю. М. Антоновскаго. Ц. 40 к.

Изд. *„Шиповникъ"*. Спб. 1909 г. Сѣверные сборники. Кн. 6-ая Ц. 1 р. 60 к.—*Гербертъ Джорджъ Уэллсъ*. Собр. соч. Т. 2. Ц. 1 р. 25 к.—*Кнутъ Гамсунъ*. Т. IX. Ц. 1 р.

Книгоизд. *„Эсперанто"*. Мск. 1908 г. *В. Оствальдъ*, проф. Лейпц. ун-та. Международный языкъ. Ц. 10 к.

Библіотека. *„На Очереди"*. Спб. 1908 г. № 1. *М. Л. Хейсинъ*. Общество самообразованія среди рабочихъ. Ц. 10 к.

Вопросы обществовѣдѣнія. Редакторы: *М. И. Туганъ-Барановскій* и *П. И. Люблинскій*. Спб. 1909 г. Ц. 1 р.

Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Рисунокъ *И. Е. Рѣпина*. Мск. 1909 г. Ц. 50 к.

Изд. *Д. А. Пафомова*. Сб. 1909. *В. С. Терновскій*. Что говорятъ будни. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва *„Прогрессъ Нашей Жизни"*. Спб. Иностранная Критика о Тургеневѣ. Изд. 2-ое. Ц. 75 к.

Изд. журн. *„Русская Школа"*. Спб. 1908 г. *П. Мижуевъ*. Вечерніе дополнительные школы и курсы въ Англіи. Ц. 50 к.—*И. Алешинцевъ*. Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX в. Ц. 50 к.

Книгоизд. *„Серпъ"*. Спб. 1909. *Отто Бауэръ*. Національный вопросъ и соціалдемократія. Пер съ нѣм. М. С. Панина. Съ пред. Х. Житловскаго. Ц. 3 р.

Изд. *М. и С. Сабашниковыхъ*. Мск. 1909. *В. П. Дроздовъ*. Около земли. Ц. 40 к.

Книгоизд. *„Свѣтъ и Разумъ"*. Спб. *К. Сидоровичъ*. Дѣти и Половой Вопросъ. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва *И. Д. Сытина*. Мск. 1909 г. *Аполлонъ. Коринфскій*. Пѣсни о хлѣбѣ. Ц. 75 к.—*Саардамскій Плотникъ*. Ист. повѣсть Ни-

рица въ обраб. ***А. А. Өедорова-Давыдова.*** Изд. 2-ое. Ц. 20 к.—***Өедоровъ-Давыдовъ.*** Черное Сердце. Повѣсть изъ эпохи освоб. войны С. Амер. Штатовъ. Ц. 80 к.—***И. И. Трояновскій.*** Педагогическіе этюды Ц. 50 к. Проф. ***Д. Пэрри.*** Практическая математика. Пер. подъ ред. прив.-доц. В. В. Лермонтова. Ц. 90 к. ***П. Л. Маштановъ.*** Грамматика русскаго языка для самообразованія. Ц. 60 к.—***Ив. Өеоктистовъ.*** Русскія народныя басни и сказки. о звѣряхъ. Ц. 40 к. —***Его же.*** Русскія народныя дѣтскія сказки. Ц. 40 к.—***Т. Хитрово.*** Европейская Турція. Ц. 40 к.—***А. И. Лебедевъ.*** Школьное дѣло. Вып. I. Школа. Ц. 90 к.

Книгоизд. ***В. М. Саблина.*** Мск. 1909 г. ***Андрэ Барръ.*** Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. Ц. 1 р. — ***А. Стриндбергъ.*** Соч. Супружескія идилліи. Пасха. Соната призраковъ. Ц. 1 р.—***Анатоль Франсъ.*** Театральная исторія.—***Октавъ Мирбо.*** Аббатъ Жюль. Ц. 1 р.—Библіотека сенсаціонныхъ романовъ. ***Нотари.*** Три вора. Ц. 50 к.—Современная библіотека. № 13. ***Жоржъ Роденбахъ.*** Мистическія лиліи. Ц. 50 к.—№ 14. ***Сельма Лагерлёфъ.*** Герои Кунгахеллы. Ц. 50 к. № 15. ***Сигбъернъ Обстфельдеръ.*** Крестъ. Ц. 50 к.

Книгоизд. ***„Современныя Проблемы“.*** Мск. 1909. ***Эрнстъ Махъ.*** Принципъ сохраненія энергіи. Ц. 30 к.—***В. М. Фриче.*** Торжество пола и гибель цивилизаціи. Ц. 55 к.

Книгоизд. ***„Посѣвъ“.*** Спб. 1909 г. Императоръ Вильгельмъ, проф. Деличъ и Вавилонское столпотвореніе. Пер. съ нѣм. А. Б. Благовѣщенскаго. Ц. 50 к.—***М. Либерсонъ.*** Страданія одиночества. Ц. 35 к.

Изд. ***К. Тихомирова.*** Мск. 1909. ***Ролленъ.*** Трактатъ объ образованіи. Пер. П. Д. Первова. Ц. 2 р.—***Отто Вильманъ.*** Дидактика какъ теорія образованія. Пер. проф. Казанской духовной Академіи. Ц. 3 р. 50 к.—***Л.*** и ***О. Рудевичъ.*** Дѣтская Душа. Кн. 2-я.

Книгоизд. ***„Цѣнность Жизни“.*** Спб. 1909. ***Е. Дюрингъ.*** Соціальное спасеніе — въ дѣйствительномъ правѣ. Перев. съ нѣм. Дм. Ройтмана. Ц. 1 р. 30 к.—Серія „Смерть“. № 1-й. ***Юмъ.*** О самоубійствѣ. Пер. съ англ. В. Б. Псковъ. 1908. Ц. 5 к. ***П. Н. Аріянъ.*** Первый Женскій Календарь на 1909 г. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Андреевъ. Любов до ближнього. Пер. О. Коволенко. Ц. 10 к.

В. Бузескулъ, проф. Харьк. Ун-та. Исторія Аөинской демократіи. Спб. 1909.

Евгеній Бэмъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль. Пер. съ нѣм. Л. I. Форберта. Подъ ред. и съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Г. Вяткинъ. Грезы Сѣвера. Томскъ. 1909. Ц. 50 к.

Раманъ Джовскій. Германія, Россія и Польскій вопросъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. III. Ч. I. Мск. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Карлъ Каутскій. Обнищаніе и крушеніе. Пер. съ нѣм. Дм. Лещенко. Спб. 1908. Ц. 20 к.

О. Коволенко. Українська. Муза. Поетична антологія історична хрестоматія од початку до наших днів. Кіевъ. 1909. Ц. 2 карб.

А. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 гг.). Спб. 1909. Ц. 2 р. 75 к.

Анатолій Каменскій. Разсказы. Т. II. Спб. 1909. Ц. 1 р.

В. Ловцовъ. „Люди Прошлаго Столѣтія“. Ирбитъ. 1909 г. Ц. 1 р.

Марія Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. Мск. 1909 г. Ц. 30 к.

Рихардъ Ленингъ. Объ основѣ и природѣ права. Пер. съ нѣм. Ө. Лембергъ. Мск. 1909. Ц. 30 к.

Ант. Моревъ. „Философская самокритика марксизма“. Спб. 1909. Ц. 35 к.

Л. В Македоновъ. Въ Горахъ Кубанскаго края. Воронежъ. 1908 г.

А. Насимовичъ. Силуэты. Сборникъ стихотвореній Мск. 1909. Ц. 60 к.

Проф. ***И. Х. Озеровъ.*** Основы финансовой науки. Вып. I-й. Ученіе объ обыкновенныхъ доходахъ. 3-ье изд. Мск. 1909. Ц. 3 р.

Аркадій Н. Петровъ. Женское движеніе въ Японіи. Спб. 1909.

П. А. Риттихъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. 1909. Спб. Ц. 1 р.

М. В. Ркличкій. Землевладѣніе въ Полтавской губерніи. Оттискъ изъ Статист. ежегодн. Полтав. губ. земства на 1908.

П. Соловьевъ. Плакунъ-трава. Стихи. Спб. 1909. Ц. 50 к.

С. Тормазовъ. Счастье и прогрессъ. Съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Г. Тумановъ. Кавказскій университетъ. Спб. 1909.

А. Н. Филиппов. Прив.-доцентъ дѣтскихъ болѣзней въ Моск. ун-тѣ.

Гигіена дѣтей. IV-ое изд. Мск. 1909. Ц. 2 р.

К. И. Фоломѣевъ. Счастье. Драматическая поэма. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Г. И. Чудановъ. Отношеніе творчества Н. В. Гоголя къ западно-европейскимъ литературамъ. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р.

М. И. Шоринъ. Чтенія по русской исторіи въ связи съ исторіей культуры.

Полтавскій земскій календарь на 1909. Ц. 40 к.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ. Подъ ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова, № 4. Спб. Ц. 2 р.

Критическая библіотека. № 2. С. Судіенко. О трагедіи Шекспира «Гамлетъ». Тверь. 1909. Ц. 15 к.

Высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ. Краткая историческая записка 1878—1908. гг. 4-е дополн. изданіе. 1908. Ц. 30 к.

Отчетъ о дѣятельности Родительскаго комитета 2-ой Нижегородской женской гимназіи за 1907—1908 г. Н.-Новг. 1908.

Матеріалы объ экономическомъ положеніи и профессіональной организаціи Петерб. рабочихъ по металлу. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Изд. Херсонской Губернской Земской Управы. Краткій обзоръ нар. образованія въ Херс. губ. за 1906 г.

Статистическое отдѣленіе Псковской губ. Земской Управы. Сельскохозяйственный обзоръ Псковской губ. за 1908 г. Пск. 1908.

Изд. Саратовскаго Губернскаго земства. 1908 г. Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губ. Вып. VI.—Матеріалы для оцѣнки неземельныхъ имуществъ Сар. губ. Вып. I.—Основанія оцѣнки и нормы доходности земельныхъ угодій.—Урожай хлѣбовъ въ Сар. губ. въ 1908 г.

Издан. У. Б. Баскина. Спб. 1909 г. Новая библіотека № 1. Октавъ Мирбо. Очагъ. (Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ франц. Зин. Львовскаго. Ц. 15 к.

Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова. №№ 113—122. ***Альберъ Ревиль.*** Іисусъ Назарянинъ. Пер. съ 2-го франц. изд. съ предисл. проф. О. Ф. Зѣлинскаго. Т. I. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Библіотека Юнаго Читателя.—***Э. Пименова.*** Сербія. Съ рисунками. Спб. 1908 г. Ц. 20 к.—***Н. В. Гоголь.*** Біографическій очеркъ С. Русовой. Спб. 1909 г. Ц. 10 к.—Въ тискахъ. Изъ жизни американскихъ рабочихъ. Спб. 1907 г. Ц. 30 к. Изд. Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Спб. 1909 г. ***Н. Борецкій-Бергфельдъ.*** Исторія Румыніи. Ц. 1 р. 50 к.—***Н. В. Боркусъ.*** Конспектъ новой исторіи. Спб. 1909 г. Ц. 40 к.—***А. А. Берсъ.*** Борьба за существованіе на небѣ. Къ 100-лѣтію рожденія Дарвина. 1809—1909. Спб. 1909 г. Ц. 20 к.

Д-ръ ***Б. Бентовенъ.*** Торгующія тѣломъ. Изд. 2-е. Спб. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ М. Чеботарева, изъ Орла—10 р; отъ рабочихъ шлиссельб. ситценабив. мануфактуры—30 р.; отъ г. Хораля—6 р.; отъ Г. Зинина—25 р.; отъ разныхъ лицъ изъ Шлиссельбурга—36 р.; отъ Н. М. Г. 18-ый взносъ—10 р.; Z.—10 р.; отъ Д. С. и М. Б.—12 р.; отъ А. Юргелевича—10 р., изъ м. Опошни—5 р.; черезъ М. П.—61 р.; отъ П. Самсонова изъ Смоленска—2 р.; отъ Виленцевъ—14 р.; отъ благожелателей—6 р.; отъ Сибирячки—2 р.; отъ В. Н. А.—10 р.; отъ Павловскаго, изъ Николаевска—26 р.; отъ служащ. К. В. ж. д.—2 р. 50 к.

Итого . . . . 267 р. 50 к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ имени Л. А. Кроль, черезъ Гадлевскаго, изъ Екатеринбурга—32 р.; отъ В. изъ В.—10 р.; отъ Анюты и Гриши III взносъ—50 р.

Итого . . . . 92 р. — к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ 1 и 2 Госуд. Думы: отъ В. Ш.—5 р.; отъ Б.—10 р., отъ разныхъ лицъ -7 р.

Итого . . . . 22 р. — к.

На музей имени Л. Н. Толстого: изъ Нохтуйска, Якутской обл., отъ П. Незнамова—25 к., А. Зырянова—30 к., С. Мельникова—30 к., М. Мельниковой—30 к., В. Д. Жилина—35 к., И. В. Степанова—20 к. и Вишневскаго—35 коп.

Итого . . . . 2 р. 05 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ Сибирячки—2 р.

Въ пользу голодающихъ: отъ Сибирячки—2 р.

А всего съ прежде поступившими . . . . 75 р. 25 к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Короленко.***

НАСОСЫ
ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.
ВСЕГДА НА СКЛАДѢ
ВЪ ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНТОРѢ
И. Ф. ШАРФЪ
ПРЕЕМН. Ф. Ѳ. УРЛАУБА.
С.П.Б. Вас. Остр. 1 Линія, № 2
Требуйте каталоги на гидравлическіе тараны, колодезные насосы и пожарныя трубы.

